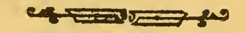
В. Марковъ.

РАЗСВѢТЪ.

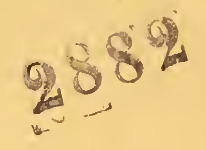
(Предки въ трудное время).

„Первыя побѣды".



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Товарищества „СВѢТЪ", Невскій, 136.
1906.

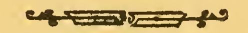
В. Марковъ.



РАЗСВѢТЪ.

(Предки въ трудное время).

„Первыя побѣды“.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Товарищества „СВѢТЪ“, Невскій, 136.
1906.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Тебѣ, пречестной царь, выпалъ жребій промышлять обо всемъ народѣ славянскомъ; ты, какъ отецъ, долженъ заботиться о собраніи разсыпанныхъ дѣтей. Ты одинъ, о царь, данъ намъ отъ Бога, да пособишь задунайцамъ, ляхамъ и чехамъ: да познаютъ свое притѣсненіе отъ чужихъ, свой позоръ, и начнутъ промышлять о просвѣщеніи народа и сбрасывать съ шеи нѣмецкое ярмо...

Главный вредъ для общаго блага проистекаетъ отъ незнанія самого себя, когда люди сами себя, свои обычаи излишне любятъ; когда считаютъ себя сильными, богатыми, мудрыми, не будучи на самомъ дѣлѣ таковыми...

У насъ нѣтъ природной бодрости, благородной гордости, одушевленія, не умѣемъ держать себя съ достоинствомъ. Турки и татары, хотя и побѣгутъ, не дадутъ себя даромъ убить, но обороняются до послѣдняго издыханія. А наши ратные люди, когда побѣгутъ, то ужъ не оборотятся, но даютъ себя сѣчь, какъ мертвые...

Велико наше несчастье народное—это неумѣренность во власти.

Расплодились въ русскомъ народѣ премерзкіе нравы, такъ что предъ другими народами русскіе являются обманчивыми, невѣрными, склонными къ воровству, убійству, неучтивыми въ бесѣдѣ, нечистоплотными...

(*„Политичныя думы“, серба Юрія Крижановича, современника царя Алексѣя Михайловича*).

ВЪ МОСКВѢ дѣла шли своимъ чередомъ. Двоюродные братья, Василій и Борисъ Голицыны, во главѣ своихъ партій, готовились оспаривать интересы, одинъ—царевны Софіи, другой—царевича Петра, ожидая со дня на день кончины государя Ѳеодора Алексѣевича. Насталъ и этотъ день, когда басистый мѣдный звукъ реута, съ Ивановской колокольни, оповѣстилъ бѣлокаменную столицу о кончинѣ кроткаго и разумнаго государя и повергнулъ ее въ не лживую о немъ скорбь, исполненную тревожнаго ожиданія при вопросѣ, кто будетъ признанъ царемъ? Царевна Софья, не обращая вниманія на предковскій обычай, державшій благородныхъ дѣвицъ, особенно же царевенъ, въ теремномъ затворѣ, смѣло его нарушила, появившись съ открытымъ лицомъ и всенародно на похоронахъ любимаго брата. Не слушая опасеній за себя и пере-

судовъ даже родныхъ сестеръ и тетокъ, она провожала тѣло почившаго государя къ мѣсту его вѣчнаго успокоенія. Напрасно ей указывали на правило, по которому царскій гробъ могутъ провожать лишь царица-вдова, да наслѣдникъ. Такая невиданная еще на верху дерзость царскаго терема, въ лицѣ Софіи, позорила благочестіе царской старины. Самостоятельный характеръ царевны сказался въ рѣшительную минуту, когда обстоятельства позволяли ей разсчитывать на первенствующее положеніе въ государствѣ. Если боярское большинство и народный голосъ сложились въ пользу избранія меньшого царевича Петра, въ которомъ полагаютъ свою надежду не одни люди Нарышкинской партіи, но и многіе изъ ея партіи Милославскихъ, то, еще мальчикъ Петръ ей не опасенъ. О, она не уступитъ ему добровольно власти, у нея тоже найдутся приверженцы. Одинъ князь Василій Васильичъ чего стоитъ? Власть,—она сознаетъ это,—для нея теперь кумиръ, цѣль ея жизни. Бороться за власть она готова, чтобы ее ни ожидало въ будущемъ. Власть правительственная—ея назначеніе. Она создана не для заключенія теремного, не для монастырскаго затвора. Она такая же царская дочь, какъ Петръ—сынъ царскій. Она сознаетъ въ себѣ силы и способности правительницы и свои права на это достоинство. Какъ всегда, мысль о царевичѣ Петрѣ раздражала честолюбивую царевну и даже наводила ее на рѣшимость отъ него отдѣлаться. Но какъ? Ужели придется ей прибѣгнуть къ способамъ сколько незаконнымъ и рискованнымъ, столько и жестокимъ? Вѣдь, овладѣть правительствомъ она можетъ, но надолго ли? Преображенскій орленокъ, въ свое время, орломъ вылетитъ... Сознаніе кратковременности своей власти, еслибы она ее получила, разстраивало царевну. Но, твердо направляясь по пути, ею намѣченному, она постепенно пріучала „верховыхъ“ бояръ видѣть въ себѣ правительницу государства, которой голосъ и совѣтъ имъ необходимъ для вершенія дѣлъ. Всѣхъ ближе къ ней стоялъ князь Василій Васильевичъ, вызвавшій въ ней къ себѣ первое, запоздавшее чувство, но на него ей не отвѣчавшій, по крайней мѣрѣ такъ какъ бы ей того хотѣлось.

Въ то же время нелюбимая въ царской семьѣ вдовствующая царица съ понятнымъ въ ея положеніи душевнымъ трепетомъ ожидала дня, разрѣшающаго серьезный для нея вопросъ: быть ли ея царевичу государемъ всероссійскимъ, а ей—царицей-матерью, или ихъ противники „выкрикнутъ царемъ“ царевича Ивана? Въ послѣднемъ случаѣ ее съ сыномъ, пожалуй, сошлютъ въ какой-нибудь холодный и дикій Пустозерскъ? Царевна Софья не спроста, молъ, разславляетъ ее, царицу-вдову, что она съ сыномъ подыскиваются подъ старшаго царевича Ивана.

Мучительную ночь, наканунѣ похоронъ покойнаго государя и избранія новаго, провела Наталья Кирилловна. Хотя бы глазъ сомкнула. То, колѣнопреклоненная, передъ божницей, озаренной свѣтомъ лампады, молилась горячо, прося Божьяго заступничества себѣ и сиротѣ-сыну; то подходила къ кровати сладко спав-

шаго сына и, любуясь его мужественной красотой, удивительною въ его дѣтскомъ возрастѣ, благословляла своею полною, выхоленною рукою. Каждый часъ, сближавшій ее съ страшной для нея своею неизвѣстностью минутой, усиливалъ ея душевную тревогу. И друзья ея также нервно переживали эти мучительные для нихъ часы неизвѣстности. Въ особенности безпокоился князь Борисъ Алексѣевичъ, сознавая въ лицѣ двоюроднаго брата, князя Василія, достойнаго себѣ и опаснаго противника. По его совѣту, по просьбѣ царицы, ея сторонники—князь Борисъ съ княземъ Иваномъ, братомъ своимъ, четверо Долгорукихъ, надѣли подъ платье стальные панцыри, передъ тѣмъ какъ ѣхать имъ на площадь передъ церковью Спаса. Тамъ послѣ обрядоваго прощанія съ покойникомъ, послѣ цѣлованія руки у царевичей Ивана и Петра, патріархъ съ архіереями и вельможами, съ крыльца, спросилъ собравшійся народъ: „Кому изъ двухъ царевичей быть на царствѣ?“—„Петру Алексѣевичу!“—раздались крики множества голосовъ, заглушавшіе слабые возгласы: „Ивану Алексѣевичу!“

Всѣхъ чиновъ люди подтвердили избраніе Петра. Патріархъ во дворцѣ, благословилъ Петра на царство.

Наталья Кирилловна вздохнула свободно; но царскій теремъ поспѣшилъ омрачить ея радость. Тетки почившаго, царевны Анна и Татьяна Михайловны, прислали къ ней монахинь съ выговоромъ: зачѣмъ она съ сыномъ возвратилась во дворецъ задолго до конца службы? Хорошъ, молъ, братъ, не могъ дождаться окончанія погребенія. Царицѣ-вдовѣ передали, будто Софья, возвращаясь изъ собора, съ горькими слезами жаловалась народу, что ея брата царя отравили ихъ лютые враги, что безъ него они сиротами остались, старшій ихъ братъ на царство не выбранъ; осталось-де имъ къ королямъ христіанскимъ, въ чужія земли отойти.

Когда патріархъ съ освященнымъ соборомъ и вельможами принесли свои нижайшія вѣрноподданническія поздравленія своему государю и великому князю Петру Алексѣевичу и матери его, государынѣ-вдовѣ, вѣроятной правительницѣ государства по малолѣтству сына, Наталья Кирилловна, казалось, расцвѣла своею прежней красотой и съ отличающею ее скромностью, со слезами въ прекрасныхъ черныхъ глазахъ, благодарила за великую честь избранія. Царевичъ, котораго она держала за руку, удивлялъ всѣхъ самообладаніемъ и спокойствіемъ, полнымъ достоинства, съ какимъ принималъ поздравленія. Словно увѣренность въ своей свѣтлой звѣздѣ, въ своемъ высокомъ жребіи, руководила одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ и внушала ему спокойствіе тогда, когда другіе за него боялись.

— Не выгорѣло дѣло Милославскихъ, правда народная—Божья правда!—пояснилъ, не утерпѣлъ, всегда прямодушный князь Долгорукій.—Единогласно избраніе царевича Петра.

Не смотря на поздній часъ лѣтней ночи, „красныя“ окна наверху кремлевскаго дворца, въ теремѣ царевны Софіи Алексѣевны, еще свѣтились. Одинешенька, среди глубокой тишины уже спавшихъ и темныхъ дворцовыхъ палатъ, царевна перечитывала письмо цареградскаго патріарха Діонисія, утромъ врученное ей княземъ Василіемъ, ея „правою рукою“ въ управленіи государствомъ, ея милъ-сердечнымъ другомъ.

Вселенскій патріархъ благодарилъ государыню за ея щедрыя поминки, просилъ и впредь не забывать его, ея богомольца. Но честолюбивую царевну особенно занимала льстивая похвала восточнаго человѣка, удовлетворявшая ея женской гордости и вызывавшая въ ней самыя широкія и блестящія надежды въ ея будущемъ, быть можетъ, близкомъ. Ея замѣчательный, какъ бы даже не женскій, умъ не избавлялъ ее отъ женскихъ слабостей. Неумѣренныя похвалы себѣ людей, разсчитывающихъ путемъ лести пріобрѣсти ея милость, она бывала расположена принимать, не сомнѣваясь въ ихъ искренности, не подозрѣвая ихъ корысти. Она остановилась на слѣдующихъ, нравившихся ей, строкахъ: „Тишайшая, православнѣйшая, Богомъ вѣнчанная защитительница христіанскаго народа, милостью Божьею царевна, великая княжна московская, госпожа Софія Алексѣевна, самодержица всея Россіи, многихъ государствъ восточныхъ, западныхъ, сѣверныхъ отчина, дѣдина, наслѣдница и обладательница, дщерь о Христѣ Іисусѣ возлюбленная, отъ глубины сердца возжелаемая. Рѣдко самаго благого мужа украшаютъ четыре добродѣтели: теплая вѣра, разумъ, мудрость, цѣломудріе. Ты обладаешь ими всѣми. Теплую вѣру дѣлами показуешь, разумъ явила въ истязаніи приснопамятномъ (съ раскольниками), мудростью ты предсѣдательствуешь и именемъ, и самымъ дѣломъ, какъ вторая Мареа, а дѣвство сохраняешь, по примѣру пяти цѣломудренныхъ дѣвъ, съ ними же вгрядешь въ радость жениха“.

Пріятно щекотало это лестное посланіе женское тщеславіе и женское честолюбіе царевны. Она задумалась: неизвѣстность будущаго ее тревожила. Достигнетъ ли она того, къ чему стремятся ея помыслы и дѣйствія? Станетъ ли она тою самодержицею и обладательницею, какою именуетъ ее восточный патріархъ. Развѣ она не достойна повторить собою примѣръ греческой царевны Пульхеріи и иныхъ западныхъ принцессъ, царствовавшихъ подобно мужчинамъ. Ея дѣла и заслуги—видны. Съ Божьей помощью и стараніемъ князя Василія будетъ заключенъ въ Москвѣ съ сенаторами крулевства польскаго, какъ они ни торгуются съ нами, мирное соглашеніе: намъ отойдутъ на вѣчныя времена наши старыя области сѣверская и смоленская, захваченныя поляками въ наше смутное время. Кіевъ, со своею святынею православной, опять будетъ нашъ. Король Янъ Собѣскій, слышно, даже заплакалъ, сознавая необходимость въ скоромъ времени подписать уступочный договоръ, ибо Польшѣ съ нами альянсъ нуженъ, по коему мы вмѣстѣ съ нею обязуемся воевать съ турками и на Крымъ идти. Крулю Яну, безъ нашей

помощи, пропасть отъ побѣдительныхъ магометовъ. Вотъ этимъ самымъ опаснымъ Польши положеніемъ и думаетъ воспользоваться мой князь Василій. Слава ему! А мнѣ, его любѣ, радость сердечная. И враги его будутъ посрамлены, и онъ во мнѣніи народномъ превознесется превыше всѣхъ вельможъ! И безъ того, развѣ княжій родъ Голицыныхъ не изъ числа шестнадцати первыхъ родовъ русскаго дворянства? Князю Василью недостаетъ только славы полководца, но онъ ее пріобрѣтетъ, какъ „большаго полка дворовый воевода". Повоевавъ Крымъ, онъ вернется въ Москву побѣдителемъ славнымъ. Тогда правительница государства, я съумѣю достойно наградить побѣдителя... И стихнетъ передъ заслугою зависть, злоба. Правительница государства? Но какими способами я достигла этого важнаго званія, столь мною желаннаго?

Царевна нервно вздрогнула при воспоминаніи страшныхъ сценъ, вызванныхъ ея честолюбіемъ и ненавистью къ мачихѣ-царицѣ и ея сыну, царевичу Петру. Но ея лицо не замедлило омрачиться выраженіемъ жестокости и мстительнаго торжества, исключавшимъ всякую мысль о женственности и христіанскомъ чувствѣ.

„Нарышкинскіе взяли было верхъ надъ нами, Милославскими. Патріархъ благословилъ уже Петра, выкрикнутаго народомъ и вельможами, государемъ, отстранили было отъ царства нашего царевича Ивана,—продолжала свои воспоминанія Софья Алексѣевна,—только я, грѣшная, поправила дѣло: царствуютъ оба царя, а ихъ именемъ я же правительствую. Не безъ грѣха прошло, да проститъ мнѣ Господь Бога мои вины кровныя! Выбирать-то не изъ чего было: либо они, либо мы! Своя рубашка къ тѣлу ближе".

Софья Алексѣевна, полнокровная, не по росту толстенькая, задыхалась отъ охватившаго ее волненія. Кровь била ей въ голову и пылала на смуглыхъ щекахъ яркимъ румянцемъ. Каріе глаза блестѣли сильнымъ чувствомъ удовлетворенной мести и недоброй угрозы. Тонкія ноздри расширялись, высокая грудь часто подымалась и опускалась. Волненіе страстей, въ ней заговорившихъ, искажало ея лицо и, въ эту минуту, дѣлало его страшнымъ...

„Матвѣевъ покойнаго родителя нашего на Натальѣ хитростью своею оженилъ, —разсуждала сама съ собою царевна.—Умыслилъ было ея сына, еще трехлѣтняго, царемъ поставить, дабы самому правительствовать. Спасибо, бояре братца Ѳедора на престолъ посадили, Матвѣева сослали. А вернули Матвѣева, онъ съ Языковымъ умыслили опять царемъ Петра назвать, зане братецъ Иванъ будто главою скорбенъ. Той же лести и патріархъ Іоакимъ послѣдовалъ, яко волкъ въ пастырскомъ видѣ; вопрошалъ съ крыльца Краснаго: кому изъ друхъ царевичей на царствѣ быть? И народъ въ согласіи съ боярами выкрикнулъ Петра. Да недолго Нарышкины надъ Милославскими возвышались. Пустили мы съ верху слушокъ въ народѣ, что Нарышкины съ

Матвѣевымъ царя Ѳедора извели, да и царевича Ивана извести хотятъ. Не доискались того, что Матвѣевъ въ Лухѣ, а на Москвѣ его нѣтъ. Я ловко дѣломъ заправляла, а съ пособниками своими я черезъ постельницу свою Родимицу сносилась. Подготовили знатный гиль (мятежъ), вспомнить даже жутко! Тотъ-то день въ кровяхъ омылся и часто мнѣ мерещатся убитые и спать мнѣ не даютъ... А та-то ночка, передъ другимъ днемъ! Охъ, Господи! Прости и помилуй!“

Царевна вздрогнула и зажмурилась, какъ бы избѣгая глядѣть на страшное зрѣлище всего того, что тогда возлѣ дворца и во дворцѣ произошло. И въ эту минуту, какъ тогда, ее лихорадка бьетъ. Она словно опять заслышала отдаленный барабанный бой, приближается вмѣстѣ съ шумомъ и голосами множество людей. Вотъ стрѣлецкіе полки съ сверкающими на солнцѣ мушкетами, пиками и саблями, густыми рядами, подъ развернутыми знаменами, заполнили Красную площадь и всѣ подступы ко дворцу. Крики: „Зачѣмъ царевича Ивана Нарышкины задушили! Выведемъ измѣнниковъ и губителей рода царскаго!“ проникаютъ во дворецъ. Наталья мачиха нашлась: вывела на крыльцо обоихъ царевичей. Стрѣльцы было назадъ, въ свои слободы, да Софья не дремала: ея подлокотники тѣмъ временемъ стрѣльцовъ водочкой подпаивали,—и пошла потѣха кровавая...

И живо такъ вспоминалась ей позорная трусость начальныхъ бояръ, выдавшая головою стрѣльцамъ ихъ полковниковъ, изрубленныхъ тутъ же. Съ крыльца стрѣльцы сбрасываютъ своего начальника, князя Михайлу Долгорукова, при неистовыхъ крикахъ: „любо-ли?“ а внизу стоящіе подхватываютъ его на копья и тоже кричатъ: „любо!“ И Черкасскій не оборонилъ Матвѣева. Владыко патріархъ сунулся было съ увѣщаньемъ, да отошелъ ни съ чѣмъ. Нарышкинъ Афоня спрятался было въ церкви Воскресенія на сѣняхъ, подъ престоломъ, да мачихинъ карла Хомякъ его выдалъ. Убили его съ братомъ Иваномъ. Покончили тогда и съ Салтыковыми, и съ Долгорукими, и съ Ромодановскимъ... Но что за страшная ночь настала: мертвыя тѣла на площади, у всѣхъ проѣздовъ стрѣлецкіе караулы. Только что пролитая кровь мучила царевну сознаніемъ своего великаго преступленія; тѣмъ болѣе она страдала, что и невинные передъ нею отвѣтили вмѣстѣ съ тѣми, кого она считала своими врагами. Верхъ ограбленъ мятежниками, церковные жертвенники и престолы копьями истыканы, кладовыя дворцовыя очищены. На утро опять буйныя стрѣлецкія толпы, вооруженныя, съ знаменами и барабаннымъ боемъ, окружаютъ царскія палаты. Требуютъ Ивана Нарышкина,— не то, молъ, бояръ перебьемъ. Про Ивана съ Верху пущена была молва: онъ-де на себѣ царскій вѣнецъ и одѣяніе царское примѣрялъ. Вдова Ѳедорова, царица Марья, у себя его скрыла. Она же, Софья, знала, что стрѣльцы безъ Ивана не уйдутъ. Подстроила такъ она: на третій день опять за нимъ пришли. Учала Софья съ боярами уговаривать царицу-мачиху, чтобы брата выдала. И наглядѣлась она вволюшку, нарадовалась ея душенька

въ тотъ-то часъ, когда царица-мачиха слезно съ братомъ прощались въ церкви Спаса за золотою рѣшеткой. Князь Одоевскій, почитай, насильно его вывелъ... Ужасная минута! Словно видитъ Софья Ивана Нарышкина, съ образомъ идущаго... Вотъ, съ неистовымъ воплемъ, стрѣльцы тащатъ его въ застѣнокъ пытать... Донесли Софьѣ, что Ивана саблями посѣкли; но взглянуть на него, мертваго, она не могла: совѣсть не позволяла... Все сталось точно такъ, какъ задумала Софья: стрѣльцы потребовали на царство также и царевича Ивана, а правительницей, по малолѣтству царей, быть-де ей, царевнѣ Софьѣ. Начальникомъ стрѣлецкаго приказа князь Хованскій поставленъ, верховодитъ же Хованскимъ выборный отъ Воробина полка—Юдинъ. Стрѣльцовъ нарекли „надворной пѣхотой“, деньгами наградили, столпъ на Красной площади воздвигнули, на немъ вины побитыхъ бояръ написали. Въ похвальбу стрѣльцамъ, яко-бы за законное право вступившимся, воздвигнутъ тотъ столпъ каменный.

И вотъ снова толпы вооруженныхъ стрѣльцовъ и чернослободцы нахлынули въ Кремль. Девять стрѣлецкихъ приказовъ да пушкари подписались подъ челобитной о томъ, какъ бы старую вѣру изыскать, чтобы патріархъ и власти дали отвѣтъ отъ божественнаго писанія, за что они старыя книги возненавидѣли и возлюбили новую латино-римскую вѣру?

Трухнула такъ царевна, да и не одна она на Верху. Мрачное изувѣрство невѣжественныхъ расколоучителей, поддержанное вооруженною силою мятежныхъ стрѣльцовъ, могло испугать правительницу, выдвинутую этою же самою мятежною силою. Власть правительницы поддерживалась не законнымъ правомъ, а тайными кознями ея, ежечасно боявшейся потерять эту, такъ ей дорого доставшуюся, власть. Она забыть не можетъ этихъ растрепанныхъ, бородатыхъ изувѣровъ, молебствовавшихъ у Архангельскаго собора, на площади куда они двигались съ громкимъ, какъ бы дикимъ пѣніемъ, съ зажженными свѣчами. Ужаснаго вида попъ Никита Пустосвятъ, разстрига, съ крестомъ въ рукахъ, впереди, представлялся Софьѣ разбойникомъ; старецъ Сергій несъ евангеліе; монахи въ старинныхъ, по самые глаза надвинутыхъ клобукахъ шли съ иконой страшнаго суда, съ аналоями подъ пеленами, съ старыми книгами. Густые ряды вооруженныхъ стрѣльцовъ съ знаменами окружали раскольниковъ, словно ихъ почетная охрана. Софья поневолѣ растерялась. Патріархъ выслалъ протопопа Василія прочитать обличеніе на Никиту, какъ тотъ передъ освященнымъ соборомъ раскаялся въ своемъ раскольничествѣ; но шумъ и крикъ толпы мѣшалъ чтенію, раскольники проводили протопопа камнями и насмѣшками, а старцу Сергію кричали: „Наставь, како избѣжать прелести никоніанскія!“ И старецъ Сергій, вставъ на скамью, гнусливо читалъ тетради Соловецкаго монастыря о крестномъ знаменіи, о крыжы, просфорахъ и прочихъ новшествахъ... И эту дикую толпу принуждены были впустить въ Грановитую палату, якобы для преній соборныхъ! И страховито же показалось Софьѣ это соборное преніе. Особенно,

когда растрепанный и дикій образомъ Никита кулакомъ замахнулся на епископа Афанасія съ крикомъ: „Что ты, нога, выше головы становишься? Я не съ тобою говорю, а съ патріархомъ!“

Софья съ негодованіевъ, едва себя сдерживая, слушаетъ челобитную объ исправленіи православной вѣры, гдѣ утверждалось, будто бы чернецъ Арсеній еретикъ съ Никономъ поколебали душу царя Алексѣя Михайловича. Внѣ себя отъ такого оскорбленія памяти отца, царевна правительница поднялась съ своего мѣста и гордымъ движеніемъ руки отерла слезы оскорбленнаго царскаго достоинства.

— Если Арсеній и патріархъ Никонъ еретики, то и отецъ нашъ и братія—еретики!—воскликнула она.—Мы такой хулы не позволилъ! Мы пойдемъ изъ царства вонъ!..

Она помнитъ, какою серьезной угрозой звучалъ ея властный голосъ, заставившій крамольныхъ стрѣльцовъ понять опасность своего положенія; эту опасность она пояснила, упрекая ихъ въ поддержкѣ раскольниковъ и объявивъ имъ, что они, цари, пойдутъ въ другіе города сказывать своему народу о такомъ бунтовствѣ стрѣльцовъ и о разореніи отъ нихъ вѣры и государства; она помнитъ свое торжество при видѣ стрѣльцовъ, на колѣняхъ упрашивающихъ ее остаться на правительствѣ, клянущихся ей въ своей вѣрности. Вельможи поддержали ихъ просьбу. Съ ихъ содѣйствіемъ Никиту казнили, раскольниковъ разослали по монастырямъ. Но царевна часто вспоминала укоризненные себѣ голоса расколоучителей, отвѣтившихъ ей тогда, въ Грановитой палатѣ, на ея угрозу „пойти изъ царства“.

— Давно тебѣ пора въ монастырь, полно царствомъ мутить!—кричали дерзкіе голоса.—Намъ бы здоровы были цари-государи, а безъ васъ пусто не будетъ!

И такъ, вотъ народное мнѣніе о ея правительствѣ? Гласъ народа—гласъ Божій. Ужели власть, ради которой она не пощадила даже близкихъ, которой достигла невинными человѣческими жертвами,—только до возраста меньшого царевича? Ужели этотъ орленокъ—препятствіе, неустранимое съ ея пути?..

Власть! но не слишкомъ ли дорогою цѣною она куплена? Возвышенная на степень высочайшую въ государствѣ, Софья счастлива ли? Съ того дня, когда она въ свои руки взяла правительство, спала ли она хотя бы одну ночь спокойно, крѣпкимъ, здоровымъ сномъ? Не тревожатъ ли ее страшныя видѣнія не только во снѣ, но и наяву? Вотъ и сію минуту она видитъ Ивана Нарышкина, прощающагося съ сестрою уводимаго на казнь... Господи! Покойникъ укоризненно покачиваетъ ей головою! Онъ, синій мертвецъ, изрубленный и исколотый, обливаясь кровью своею, подымаетъ руку и указываетъ ей на небо! Онъ зоветъ ее, свою убійцу, на судъ Небеснаго Судіи, отъ коего нѣтъ земной тайны, святое правосудіе котораго читаетъ въ людскихъ сердцахъ и праваго не смѣшаетъ съ виновнымъ! „Уподобилась ты Каину-братоубійцѣ!“—нашептываетъ ей голосъ собственной, проснувшейся совѣсти, и бѣдная царевна, въ ужасѣ, закрываетъ глаза.

руками и вскрикиваетъ какъ бы не своимъ голосомъ: „Кровь! кровь, куда ни гляну, всюду кровь побитыхъ бояръ! Они сами, мертвые и въ крови, подымаютъ руки и показываютъ мнѣ на небо, зовутъ меня на страшный судъ Божій! Господи, сама я въ крови, то ихъ невинная кровь на мнѣ! кровь! кровь! мертвецы! мои жертвы!“

Царевна съ распростертыми руками, какъ бы отталкивающими отъ себя подступившихъ къ ней мертвецовъ, упала безъ чувствъ на полъ, какъ стояла. Шумъ ея паденія привлекъ къ ней старую постельничью Родимицу, поспѣшившую ее взбрызнуть святой водицей, благодаря чему она пришла въ себя и съ тяжелымъ вздохомъ открыла глаза.

— Князь Василій пожаловалъ, Софья Алексѣевна,—шепнула постельница царевнѣ, въ эту минуту не расположенной видѣть даже своего князя милаго.—Говоритъ, по дѣлу важному...

— По дѣлу? Важному?—повторила царевна, содрогнувшись вся, словно отъ лихорадочнаго спазма.—Я жду князя, Родимица!..

———

II.

Благородная Софія царевна,
Госпожа княжна Алексѣевна!
Пречестна дѣва и добросіянна,
Въ небесну жизнь Богомъ произбрана!
Мирно и здраво отъ Господа свѣта
Буди хранима въ премнога лѣта.
Мудрость есть, россіи толкована,
Еллински отъ вѣка Софіею звана.

———

Умоли убо самодержцевъ сущихъ,
Россійскій скипетръ въ рукахъ си имущихъ,
Великихъ князей, государей—царей,
Благочестивыхъ, пресвѣтлыхъ зарей:
Іоанна, Петра Алексіевичевъ,
Всего же царства московскаго дѣдичевъ;
Да господари они то изволятъ,
Обще Господа о томъ помолятъ,
Наукамъ велятъ быти совершеннымъ
И учителямъ людямъ извѣщеннымъ...

(Посланіе Каріона Истомина царевнѣ Софьѣ, съ просьбою о введеніи наукъ въ Россіи).

Понадобилась Софьѣ Алексѣевнѣ вся ея сила воли, чтобъ принять въ эти минуты человѣка, ей милаго и дорогого, но обманувшаго своими холодными къ ней отношеніями ея дѣвичьи мечты, оскорбившаго порывы ея заговорившаго еще впервые дѣвичьяго сердца. Съ той ночи, въ которую онъ показался ей не любящимъ мужчиной, а благоразумнымъ наставникомъ умная дѣва поняла свое положеніе и держала себя съ княземъ съ достоинствомъ, не только имъ одобряемымъ, но и облегчав-

шимъ ему его съ нею дѣловыя отношенія. Если ея сладкія мечты, если надежда, которою жило нѣкоторое время ея сердце, несбыточны, виноватъ ли въ томъ онъ? Только честный человѣкъ могъ высказаться такъ искренно, какъ тогда высказался князь. И безъ его объясненій ихъ взаимнаго положенія развѣ не знала его она? Не легкомысліе ли съ ея стороны увлеченіе женатымъ, семейнымъ старикомъ? Вѣдь онъ не выдумалъ непреодолимыхъ препятствій къ ихъ соединенію, на что онъ указывалъ и что сама она знаетъ. Ужели любовный хмель затмилъ ея разсудокъ? Да, онъ—старикъ, но она не встрѣчала еще молодого, съ кѣмъ могла бы его сравнить. Онъ для нея навсегда останется милъ-сердечнымъ другомъ и ея правою рукою, пока она правительница. Преданность его безгранична и безъ него ей не обойтись; онъ истинный государственный мужъ... Вѣрная своему женскому инстинкту, она мелькомъ взглянула на себя въ венецейское зеркало, оправилась и встрѣтила князя съ спокойствіемъ, его обманувшимъ.

Не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, Василій Васильевичъ глядѣлъ моложаво. Сановитость его бросалась въ глаза и отличала его среди вельможъ. Благородная простота и обходительность съ людьми даже самаго низкаго состоянія располагала къ нему даже его враговъ. Съ женщинами, особенно высокопоставлеными, онъ обращался съ мягкою вкрадчивостью образованнаго по-европейски кавалера, находчиваго и пріятнаго въ женскомъ обществѣ, а потому пользовался у нихъ полнымъ успѣхомъ,—хотя оцѣнить его, какъ кавалера, могли только дамы нѣмецкой слободы, сами воспитанныя по-европейски. Несомнѣнно, образованіемъ своимъ, полученнымъ имъ въ домѣ своего отца, Василія Андреевича, и законченнымъ за границей, онъ превосходилъ всѣхъ своихъ русскихъ современниковъ. Онъ зналъ языки нѣмецкій, латинскій и греческій. Стольникъ и чашникъ въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, онъ, въ 1676 году, уже первый воевода войскъ, расположенныхъ по бѣлгородской чертѣ, для береженія московской украйны отъ татаръ и турокъ. Здѣсь онъ содѣйствовалъ князю Ромодановскому при осадѣ Чигирина и въ сокрушеніи заднѣпровскаго гетмана Дорошенко. Въ этихъ воинскихъ обстоятельствахъ Голицынъ встрѣчался съ окольничьимъ Телепневымъ, начальствовавшимъ эртоуломъ арміи Ромодановскаго. На самыхъ ратныхъ дѣлахъ русскаго войска Голицынъ убѣдился въ причинахъ ихъ обычной неудачи, а потому и способствовалъ уничтоженію счетовъ служебными мѣстами. Лапотное земское ополченіе, собиравшееся подъ московскимъ стягомъ, ведомое хмельными или не воинственными дворянами, враждовавшими другъ съ другомъ за мѣста въ рати, согласно старшинства своего рода, неспособно было бороться не только съ регулярными полками образованныхъ націй, но даже съ полудикими-степняками, населявшими обширныя степи московской украйны. Козаки, утеклецы, севрюки изъ черкасъ воспитываются ежедневными стычками съ татарами и ногайцами, ко-

торыхъ они оттѣснили чуть не къ самому Перекопу. Свободолюбивый конникъ словно родится и умираетъ въ сѣдлѣ, съ саблею въ рукѣ; стрѣлою, или пулей, не цѣлясь съ верха въ летъ птицу бьетъ. Отважный характеръ украинскаго населенія и обширная прекрасная страна, имъ занимаемая, наводила Голицына, въ бытность его въ Бѣлгородѣ, на серьезныя предположенія: вспоминая нашествіе на Москву Сагайдачнаго съ низовыми козаками, а также козачьи таборы обоихъ самозванныхъ Дмитріевъ, Голицынъ убѣждался въ опасности, какою это отважное населеніе поля дикаго можетъ грозить московскому государству, предоставленное самому себѣ. Проявись только войнолюбивый атаманъ, да кличъ кликни,—и за нимъ пойдутъ цѣлые полки, веди, куда и на кого хочешь, лишь бы имъ добыча. Чтобъ обезопасить московскіе предѣлы со стороны степей, слѣдуетъ укрѣпить ихъ за русскимъ населеніемъ, причемъ ввести крупное землевладѣніе, съ обязательствомъ помѣщикамъ населять свои слободы или пришлыми черкасами съ польской украйны, или выведенными изъ Россіи своими вотчинниками. Честолюбіе личное, мѣшаясь съ государственными соображеніями и политическими мечтами, подымало умнаго вельможу на головокружительную высоту. Властною рукою онъ испомѣщалъ на украйнѣ служилыхъ дворянъ, драгунскіе и солдатскіе полки, водворялъ въ слободы бѣглыхъ холоповъ или черкасъ съ польскаго берега Днѣпра. Устраивая осѣдлое населеніе, упорядочивая богатый природою, привольный степной край, Голицынъ создавалъ не только вооруженную границу государства съ юга, но и воинственное населеніе, благодарное ему за благоденствіе своего быта, обезпеченнаго въ его житейскихъ условіяхъ. На преданность къ себѣ этого множества людей, ему обязанныхъ, онъ могъ разсчитывать при случаѣ. Задумываясь часто надъ самовластіемъ, чисто азіатскимъ, московскаго правительства, иногда награждающаго своихъ героевъ топоромъ палача на лобномъ мѣстѣ, вспоминая примъры подобной неблагодарности правительственной, Голицынъ не довѣрялъ знакамъ царскаго благоволенія или лести сильныхъ временщиковъ. Въ крайности, если бы таковая представилась, онъ разсчитывалъ скрыться на украйнѣ, куда не всегда доставала длинная рука московскаго самодержавія. Случалось даже, князь уносился мечтами дальше, чѣмъ слѣдовало бы. Въ примѣрахъ Годунова и Шуйскаго, изъ бояръ провозглашенныхъ царями, онъ усматривалъ возможность, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, самому надѣть древнюю шапку Мономаха. Вѣдь, по разрядамъ, изъ числа шестнадцати первыхъ дворянскихъ родовъ только Черкасскіе, Воротынскіе да Трубецкіе выше князей Голицыныхъ. Конечно, осторожный князь никогда ничѣмъ не обнаружилъ своихъ честолюбивыхъ вожделѣній, являвшихся вслѣдствіе сознанія своего достоинства и своихъ государственныхъ способностей. Но въ то же время онъ также сознавалъ, что для полноты своего авторитета ему недостаетъ славы воинской. Лавры полководца, побѣдителя безпокоили его

честолюбіе. Нужна была война, нужны были побѣды надъ врагами, побѣдителемъ, конечно, долженъ быть онъ, Голицынъ. Для этого онъ, въ тиши своего кабинета, всесторонне обдумывалъ походъ воинскій на крымскій улусъ. Онъ изучалъ пути, къ нему ведущіе, внимательно выслушивалъ донесенія своихъ лазутчиковъ, а также людей мѣстныхъ, хорошо знакомыхъ съ состояніемъ татарскаго юрта и степями. Только что заключенный съ поляками миръ обязываетъ правительницу Россіи воевать Крымъ. И правительница на эту войну согласна тѣмъ болѣе, что войско поведетъ онъ, ея милъ-сердечный другъ, князь Василій, какъ „большаго полка дворовый воевода“, что война эта украситъ его лаврами побѣдителя, въ чемъ она не сомнѣвается, конечно. Въ послѣдніе дни царевнѣ приходилось много толковать съ княземъ о необходимости похода на Крымъ; а потому этотъ поздній приходъ его она могла себѣ объяснить желаніемъ его наединѣ съ нею порѣшить съ этимъ серьезнымъ для государства вопросомъ, равно занимавшимъ обоихъ.

Но, при взглядѣ на вошедшаго князя, царевна не удержалась отъ вырвавшагося у нея восклицанія:

— Князь! Что съ тобою? Съ какими вѣстями ты ко мнѣ? На тебѣ лица нѣтъ! Что такое, князь?...

— Не похвалюсь своими вѣстями, Софья Алексѣевна,—отвѣтилъ Голицынъ послѣ своего почтительнаго поклона.—Важность моего доклада должна извинить мой приходъ къ моей государынѣ въ столь позднее время: жизнь твоя въ опасности, государыня, и я поспѣшилъ тебя предупредить...

Благородное лицо князя своею блѣдностью и озабоченнымъ выраженіемъ подтверждало опасенія, приведшія его въ теремъ царевны. Большіе свѣтлые усы замѣтно дрожали, вмѣстѣ съ крупными губами; крупный носъ учащенно вбиралъ въ себя воздухъ расширявшимися ноздрями. Усталость и безпокойство сказывались въ его умномъ взглядѣ. Царевна, пораженная его извѣстіемъ, смотрѣла на него испуганными глазами.

— Завтра, девятнадцатаго августа, крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Донской монастырь, — продолжалъ, собравшись съ духомъ, Голицынъ,—это въ память избавленія Москвы отъ крымскаго нашествія при царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ...

— И я должна, по обычаю, идти вмѣстѣ съ царями за крестами съ патріархомъ?—добавила царевна чуть слышно отъ волненія, ее охватившаго.

— Идти вамъ, государямъ, за крестомъ завтра нельзя,—сказалъ Голицынъ, — завтрашнимъ-то днемъ умыслилъ врагъ воспользоваться походомъ вашимъ въ Донской монастырь, чтобъ по пути побить васъ и сторонниковъ вашихъ.

— Побить насъ, государей?—воскликнула царевна, овладѣвъ собою.—Кто-жъ такой этотъ врагъ нашъ?

— Хованскій! Стрѣльцы съ нимъ въ согласіи, хотятъ расчистить для своего „батька“ Тараруя царское мѣсто, дабы на всей своей волюшкѣ, подъ его защитой, своевольничать въ госу-

дарствѣ, на подобіе козачьяго круга или древняго новгородскаго вѣча... Мнѣ объ этомъ ужасномъ замыслѣ только что сообщено: извѣтчикъ одинъ изъ ближайшихъ къ Хованскому стрѣлецкихъ пятисотенныхъ. Извѣтъ подтвердился и другими свѣдѣніями...

— Тарaруй!—прошептала царевна.—Кто бы на него подумалъ? Впрочемъ, Хованскіе забрали въ Москвѣ неподобающую имъ силу...

— Царятъ на Москвѣ и сѣютъ мятежъ, — пояснилъ Голицынъ, вздохнувъ.—Съ ними надо покончить, государыня...

— Покончить, князь?—Царевна тоже вздохнула и задумалась: опять волненія черни и стрѣлечья гиль! Опять кровь прольется и тоже невинныя жертвы окажутся.—Такъ съ ними покончить?

— Покончить, государыня, ради блага народнаго.

— Хорошо, князь,—рѣшила царевна,—мы изслѣдуемъ виновность Хованскихъ. Завтра за крестами мы, государи, не пойдемъ...

— А послѣ завтра, государыня, вамъ бы съ царями отбыть изъ столицы въ Коломенское село —продолжалъ Голицынъ.— Туда же отправить бы стремянной полкъ, вооруженныхъ придворныхъ чиновъ и, буде понадобится, созвать земское войско съ дворянами: дворянскаго войска боятся стрѣльцы; изъ Коломенскаго можно пройтись до Воздвиженскаго, тамъ слѣдуетъ повершить Хованскихъ: того еще лучше—у Сергія Троицы укрѣпиться вамъ великимъ государямъ.

— Согласна съ тобою, князь! Послѣ завтра походъ нашъ въ Коломенское. Прикажи заготовить повѣстки земскимъ воинскимъ чинамъ. Сборъ ополченія,—гдѣ пригоже. Но ты стоишь, князь Василій!—спохватилась только теперь царевна, усаживая его на лавку, подъ алымъ бархатнымъ полавочникомъ.—Твой утомленный видъ меня пугаетъ, здоровъ ли ты?

— Какъ только можетъ быть здоровъ человѣкъ въ моемъ положеніи, Софія Алексѣевна,—отвѣтилъ онъ усталымъ голосомъ, опускаясь на лавку.—Государственный мужъ часто чувствуетъ себя между молотомъ и наковальней, „inter mallum et incudem...“ Царевна глядѣла на него съ нескрываемымъ сочувствіемъ любящей женщины, боящейся за любимаго человѣка, и тихо вздохнула. Князь поднялся, чтобъ идти. Она взяла его за руку, слегка удерживая.

— Безсонную ночь принесъ мнѣ ты, Василій Васильевичъ!— заговорила царевна.—О, какъ тяжело править государствомъ, котораго народъ невѣжественъ, а дворянство развращено! Только ставши правительницей, познала я человѣческую природу, какъ она есть! Часто встрѣчаешь звѣря въ человѣкѣ...

— Homo homini lupus, говорили еще латиняне,—замѣтилъ Голицынъ,—то есть, человѣкъ для человѣка тотъ же волкъ. Но тебѣ, государыня, слѣдуетъ себя беречь для твоего будущаго и помнить, что нѣтъ счастливаго во всемъ и всегда. Nemo est ab omni parte beatus. Правители тѣ же люди, и лучшіе изъ нихъ тѣ, кои возвысились на степень правительственную не по праву рожденія токмо, но по праву личной заслуги и своего до-

стоинства, ихъ выдвинувшаго. Ты же, государыня, за собою имѣешь оба сіи права, и по своему рожденію, и по своему достоинству; ты властвуешь и не должна тяготиться властью, врученной тебѣ Богомъ; не съ твоимъ умомъ малодушничать тамъ, гдѣ ты обязана явить всенародно примѣръ справедливой строгости, могущей умирить страсти народныя и пресѣчь въ началѣ боярскія козни мятежническія. In terrorem, т. е. для устрашенія, голова стараго глупца Таратуя заплатитъ твоему правосудію за его злодѣйскій замыселъ.

— Но вѣренъ ли извѣтъ? Не козни ли это враговъ Хованскаго, подъ него подыскивающихся?—возразила царевна, колеблющаяся въ своемъ рѣшеніи.—Все это такъ страшно, такъ напоминаетъ стрѣлечью гиль!..

— Завтра, государыня, я буду имѣть честь представить на твое разсмотрѣніе и письменныя доказательства, и показанія свидѣтелей, подтверждающія мой докладъ,—пояснилъ Голицынъ съ поклономъ, убѣждавшимъ царевну въ необходимости его отпустить.

— Не сомнѣваюсь въ истинѣ твоего, князь, доклада,—напутствовала его царевна.—Но, вѣдь, опять народное смятеніе, вызываемое раздоромъ боярскихъ партій, опять кровь и кровь... Опять плаха и топоръ палача!.. Ужасно!.. Эта кровь не даетъ мнѣ ни спать, ни ѣсть! Часто я вижу все окрашеннымъ кровью...

Она закрыла руками глаза свои, словно защищая ихъ отъ этого кровяного цвѣта, и судорожно вся вздрогнула.

— Res judicata, дѣло рѣшенное!—замѣтилъ Голицынъ, откланиваясь.—Помоги тебѣ, государыня, Богъ и правда!

Женская слабость, мѣшавшая Софьѣ Алексѣевнѣ спокойно спать и съ удовольствіемъ кушать, вызывавшая ея слезы и утомленіе нравственное правительственнымъ дѣломъ, послѣ всякаго сильнаго душевнаго потрясенія, не проявлялась, впрочемъ, за предѣлами ея кремлевскаго терема. Дневной свѣтъ она встрѣчала уже бодрою, распорядительною правительницею, смѣло и прямо смотрѣвшей въ глаза всякой опасности, своевременно или предупреждаемой, или прекращаемой. Въ походахъ государей со дворомъ и охраннымъ войскомъ въ Коломенское и Воздвиженское она являлась средоточіемъ власти, направлявшей дѣло о злодѣйскомъ замыслѣ Хованскихъ. По тщательному изслѣдованію его, царевна убѣдилась въ томъ, что Хованскіе опасные враги не только ея правительству, но и всему царскому роду, который они, въ своемъ безумномъ честолюбіи, готовы были замѣнить своимъ родомъ, выводимымъ ими отъ литовскаго князя Гедимина. Участь Хованскихъ рѣшена. И вотъ, опять Софья во снѣ содрогается отъ ужаса казни, которую она видѣла изъ окна своего помѣщенія въ селѣ Воздвиженскомъ: площадь, вплоть до большой дороги московской, переполнена народомъ, вооруженнымъ и неподвижнымъ. То стояло земское ополченіе пѣшее, а на дорогѣ выстроился стремянной стрѣлецкій полкъ и дворянская конница. У плахи стоитъ, вмѣсто палача, стремянной стрѣлецъ,

съ засученными по локоть рукавами красной рубашки, опирающійся жилистыми руками на длинное топорище. Наточенное лезвіе сѣкиры такъ страшно сверкаетъ на солнцѣ, а красная рубашка стрѣльца кажется Софьѣ кровавою. Она видитъ даже, какъ вѣтеръ шевелитъ сѣдую, широкую бороду старика Хованскаго, на колѣняхъ у плахи, со связанными за спиною руками; осужденный внимательно выслушиваетъ сказку о своихъ винахъ и винахъ сына своего. Весь онъ лихорадочно дрожитъ. Громко, во всеуслышаніе, читаетъ сказку разрядный думскій дьякъ Шакловитый, закончивъ извѣстною формою приговора: „Великіе государи указали, а бояре приговорили тебя, князь Иванъ, и сына твоего Андрея казнить смертной казнью". До слуха царевны донесся дрожащій голосъ старика: „Если мой сынъ такъ дѣлалъ, какъ въ сказкѣ написано, я его прокляну! Дайте намъ, бояре, очную ставку съ заводчиками бунта! Безвинно насъ не казните!" Подалъ свой голосъ, въ свое оправданье, и Андрей. Но по знаку Шакловитаго, обѣ головы княжескія отрублены, одна за другою, и показаны палачемъ народу.

Тяжело переживала эти дни царевна, удалясь въ Троице-Сергіевскую обитель съ царями, дворомъ и земскимъ ополченіемъ, въ то время, какъ бояринъ Головинъ нагналъ страху на стрѣльцовъ въ Москвѣ и прибралъ ихъ къ рукамъ. Осенью стрѣльцы подали государямъ челобитную, въ которой отрекались отъ заводчиковъ смуты и въ своемъ кровопролитіи майскомъ признавали мятежъ и преступленіе. Столпъ на красной площади сломанъ, „яко учиненный не къ лицу", стрѣльцовъ лишили званія „надворной пѣхоты" и присвоенныхъ имъ льготъ, а начальникомъ стрѣлецкаго приказа поставили Шакловитаго, съумѣвшаго водворить въ полкахъ порядокъ и уваженіе къ закону, не прежде, впрочемъ, какъ послѣ казни пятерыхъ стрѣльцовъ Бохина полка. Безпрерывныя народныя волненія и казни, ими вызванныя, тяжело отразились на душевномъ состояніи царевны. А тутъ еще, въ ноябрѣ мѣсяцѣ сгорѣли деревянныя хоромы царевича Петра и хоромы царевенъ. Занялся было и Успенскій соборъ, да отстояли, хотя сгорѣли кровля и оконницы въ главахъ. Иконы и мощи чудотворцевъ были вынесены въ Архангельскій соборъ. Царевны Софья, Екатерина, Ѳеодосія и Наталья поселились на Потѣшномъ дворѣ. Для царевича Петра и его матери только черезъ два года были выстроены деревянныя же хоромы, передъ ними церковь св. Петра и Павла, а для царевенъ каменныя палаты о трехъ житьяхъ, т. е. этажахъ, съ „думною горницею", для слушанія дѣлъ царевною съ боярами. Готовились къ Крымскому походу.

III.

Выдала меня матушка далече замужъ,
Хотѣла матушка часто ѣзжати,
Часто ѣзжати, подолгу гостити.
Лѣто проходитъ—матушки нѣту;
Другое проходитъ—сударыни нѣту;
Третье въ доходѣ—матушка ѣдетъ.
Ужъ меня матушка не узнаваетъ:
„Что это за баба? Что за старуха?"
—Я вѣдь не баба, я не старуха,
Я твое, матушка, милое чадо.
„Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?"
—Бѣлое тѣло на шелковой плеткѣ,
Алый румянецъ на правой на ручкѣ:
Плеткой ударитъ—тѣла убавитъ,
Въ щеку ударитъ—румянцу не станетъ.

(*Русская народная пѣсня*).

На возвратномъ пути изъ Кіева въ Москву бояринъ Телепневъ съ супругой задержались въ своей брянской вотчинѣ на Болдыжѣ. Тамъ уже былъ сложенъ нарубленный зимою лѣсъ и ожидалъ боярина по его письму высланный изъ Москвы плотничій староста, по нынѣшнему сказать—архитекторъ,—самоучка-практикъ, приготовившій планъ предполагаемой церкви. На другой же день, по своемъ пріѣздѣ, бояринъ, съ подобающимъ торжественнымъ молебствіемъ, на пространномъ выгонѣ, совершилъ закладъ новой церкви въ размѣрахъ, соотвѣтствовавшихъ значительному числу прихожанъ, и по плану московскаго строителя. Конечно, все село, старъ и младъ, угощено обѣдомъ, для котораго были убиты три быка и десятокъ барановъ, а выпивки потребовалось нѣсколько бочекъ браги да бочка зелена-вина; конечно, русская душенька тароватаго хозяина вволюшку натѣшилась среди своихъ вотчинниковъ, въ подпитіи подхватывавшихъ его на руки и качавшихъ его съ одушевленными и веселыми криками. Хоровыя пѣсни и плясъ прекратила только ночь. Привезенная изъ Кіева „святость" для новой церкви и облаченіе для священника и причта не мало дивили своею красотою и цѣнностью простодушныхъ сельчанъ, начиная со старичка-попа. Не видавшій ничего подобнаго, привыкшій къ своимъ старенькимъ ризамъ изъ крашенины, старецъ только плечами пожималъ при мысли о томъ, какъ это онъ облечется въ такую дорогую парчевую ризу съ кованными крестами, въ шелковый стихарь? Не забыты были богослужебныя книги и малѣйшія подробности церковнаго обихода. На третій же день пріѣзда, съ зорькой, застучали дружно плотничные топоры, рабочіе рыли подъ каменный фундаментъ, сваливали въ сажни самородный камень, возили песокъ, палили известь въ печахъ, уже устроенныхъ заранѣе, изъ приготовленнаго зимою мѣла. Бояринъ съ постройки уходилъ только пообѣдать. Работа кипѣла и замѣтно подвигалась. Въ то время, какъ каменьщики клали на извести

фундаментъ, плотники въ сторонкѣ рубили основу и нижніе вѣнцы. Дубовому тяжелому лѣсу, казалось, вѣку не будетъ въ церковныхъ стѣнахъ. Какъ только поспѣлъ фундаментъ, на него взнесли готовую основу. Мастеровые, изъ Кіева привезенные, въ сараѣ готовили внутреннюю отдѣлку, иконостасъ и прочее.

Но религіозная ревность, побуждавшая боярина въ надлежащемъ достоинствѣ возстановить храмъ своихъ предковъ, такъ долго остававшійся безъ вниманія съ его стороны и совсѣмъ заплошавшій, не мѣшала ему думать о вотчинномъ хозяйствѣ и заниматься неотложными вотчинными дѣлами. Изъ нихъ серьезнѣйшимъ бояринъ считалъ самоуправный захватъ княземъ Шейдяковымъ своего Осоковатаго сѣнокоса и, вообще, грабежъ и разбой этого невозможнаго сосѣда. „Сократить“ его, даже сокрушить, старый волостель признавалъ своею нравственною обязанностью. Въ этихъ видахъ, онъ еще изъ Кіева писалъ не только брянскому и калужскому воеводамъ, но и своему сослуживцу ратному, князю Ромодановскому, лицу тогда всемогущему, впослѣдствіи именовавшемуся кесаремъ Преображенскимъ. Что письма боярина возымѣли свое дѣйствіе, это онъ понялъ изъ доклада своего бурмистра. Вѣрный слуга объяснилъ, что недавно изъ Брянска на шейдяковскую усадьбу, ночью, наѣхалъ конный стрѣлецій и драгунскій отрядъ съ самимъ воеводой, оцѣпили усадьбу, но князь скрылся и его подлокотники разбѣжались, что на шейдяковской усадьбѣ оставлены драгуны съ капраломъ, день и ночь караулятъ; и повсемѣстно сыщики ищутъ князя, чтобъ взять и скованнаго въ Москву вести.

— Не играй кошка углемъ—лапу обожжешь!—усмѣхнувшись, замѣтилъ бояринъ.—На начинающаго Богъ. Шейдяковъ началъ, а Телепневъ, должно, кончитъ. А мы ему своего не подаримъ. Худую траву изъ поля вонъ! Разбойникъ не можетъ именоваться русскимъ княземъ! Дай мнѣ до Москвы добраться, прятаться ему отъ закона нынче не долго...

Добрая боярыня, изъ своего запаса кіевской святости, одарила старухъ, стариковъ и сельскую мелкоту образками, крестиками, бурмистру же привезла образъ, искусной работы монашенокъ, а священнику серебряный наперсный крестъ. По цѣлымъ днямъ, оставаясь дома одна, она коротала время въ сообществѣ крестьянскихъ старухъ. Пользуясь ея простотою и доступностью, онѣ собирались къ ней, послушать ея разсказовъ про угодниковъ печерскихъ. Госпожа разсадитъ ихъ прямо на полу, сама на лавкѣ, и разсказываетъ. Сама заплачетъ и онѣ заплачутъ. Особенно трогалъ старухъ разсказъ о томъ, какъ пріемная дочка боярыни, Маруся, нашла у святыхъ пещеръ свою мать родную. Старухи вполнѣ раздѣляли убѣжденіе боярыни, видѣвшей въ этомъ удивительномъ обстоятельствѣ перстъ Божій и предстательство предъ Богомъ святыхъ Его. Также умилялись старухи, выслушивая разсказъ о честной кончинѣ столѣтняго старца юродиваго Христа ради, предсказавшаго свою смерть и указавшаго впередъ ея часъ и мѣсто. Конечно, подобныя бесѣды, по душѣ,

сближали госпожу съ ея поддаными и, вызывая взаимное довѣріе, касались семейнаго положенія бесѣдующихъ. Высказывались жалобы на хозяйственныя нужды, на непочтеніе невѣстки, на суровый нравъ хозяина. У одной двѣнадцать дѣтей, малъ-мала меньше, ея вдовье дѣло—кормить дѣтей нечѣмъ; у другой однимъ-одинъ сыночекъ былъ, и такой же до всего дошлый, всѣмъ на зависть, женили они его, а онъ году съ женою не выжилъ, взялъ да и померъ. Жена безъ него уже родила. Спасибо „внукъ" живъ. Хоша бы его имъ, старикамъ, дождаться, дворъ на него сдать. Нашлсь старуха, утверждавшая, будто бы домовой хозяинъ не взлюбилъ ихъ двора, обижаетъ часомъ. Она жаловалась:

— Ину ночь, слышь, глаза не дастъ сомкнуть. Ты задремала, а онъ тебя теребитъ, попонку съ тебя тащитъ.

— Теребитъ? Тащитъ?—съ невольнымъ недовѣріемъ, не лишеннымъ однако страха, переспрашиваетъ боярыня, любившая подобную бесѣду.—И вправду же ты, Хритоновна, говоришь? Теребитъ? Тащитъ?

— Не сойти мнѣ съ эвтаго мѣста, государыня Апраксѣя Левонтьевна. Побожиться даже не грѣхъ.—Хритоновна какъ бы обидѣлась сомнѣньемъ госпожи къ своимъ словамъ.—Потому дворъ нашъ на розстаняхъ стоитъ: улицы скрестились, на самыхъ этихъ крестахъ живемъ. Мѣстушко безпокойное вышло. „Онъ", домовой-то, и не взлюбилъ, видно, жильцовъ, въ чемъ-нибудь мы его обидѣли, кто его вѣдаетъ... Вѣстимо, сила нечистая...

— На розстаняхъ, сказываютъ, опасное житье,—подтвердила кума Василиса, баба съ брюхомъ, подымавшимся подъ самый ея бодбородокъ, хотя рожать она давно перестала.—А ты, касатка, разживись чьей-нибудь старенькой шапчонкой... хоша бы у нищаго старца...

— Зачѣмъ же, кума, мнѣ та-то шапчонка старенькая? На что?

— На то самое; въ глухую полночь брось ее на крестахъ съ заговоромъ крѣпкимъ, молъ, кто шапку мою возьметъ, на себя бѣса моего позоветъ. Того человѣка домовой твой облюбитъ и тебя покинетъ пугать. Сдѣлай такъ, кума, попробуй...

— Попробую, кума. Только страховаго, въ глухую полночь-то.

— Смѣла ты, Хритоновна,—замѣтила неодобрительно ветхая, сгорбленная годами, старуха, все зябшая даже въ овчинной шубѣ и валенкахъ, съ лицомъ желтымъ и морщинистымъ, какъ печеное яблоко, съ красными глазами и зеленоватыми носомъ и подбородкомъ.—Шутка ли, съ самимъ домовымъ на крестахъ тягаться насмѣлилась! Сколько, можетъ, годовъ хозяйствовалъ дѣдушка во дворѣ, а ты его выживать взялась? Статочное ли то, бабье ли то дѣло? Бросишь если шапку на крестахъ, бѣса токмо раздразнишь. Бороться съ бѣсомъ, хотя бы и домовымъ, впору токмо попу, али старцу праведному. А ты, Василиса, что за знахарка такая?

— Хоша я не знахарка, бабушка Митровна, только я знахаря дочь,—съ замѣтнымъ самодовольствомъ отвѣтила баба съ брю-

хомъ подъ бодбородокъ.—Родитель нашъ хохлацкаго рода былъ и знахарилъ... Я отъ него наслышана...

— То пустыя бабьи похвалки,—замѣтила боярыня.— Бѣса изгоняютъ не шапкою, а молитвою. Знахарить грѣхъ.

— Господа, вѣстимо, ничему не вѣрятъ,—продолжала кума Василиса, не расположенная уступить даже мнѣнію боярыни.— Ты, кума Хритоновна, не замѣтила ли, передній уголъ, княженецкое мѣсто въ избѣ у тебя трещитъ ли, случается? Припомни, касатка, трещитъ ли?

— Трещитъ, случается, кума... Къ чему только это?

— Къ покойничку, кума, къ покойничку, сударка, въ домѣ. А задній уголъ какъ? Трещитъ ли часомъ?

— Случается, кума.—Въ голосѣ Хритоновны слышалось отчаянье хорошей семьянинки, напрасно ожидаемой лукавымъ домовымъ, съ которымъ ей справиться не подъ силу.—Къ чему только это, кума милая?

— Дѣдушка-домовой выживаетъ изъ дома живого, кого-нибудь изъ семьи вашей, а можетъ, и всю семью. Привередливъ— вѣдь, хозяинъ-то домовой. Ему чѣмъ да нибудь не угодили, онъ и пошелъ напротивъ. А видала ли ты его?

— Признаться, однова показался таки мнѣ, кума. Ночью. Сколько разовъ душилъ. Какъ есть мохнатый, весь въ пушку, вотъ какъ заячье пузцо. И ладони, и подошвы у него мягкія. Возьмется тебя по лицу гладить... Разокъ я таки поглядѣла, каковъ онъ изъ себя: мѣсяцъ въ окно глянулъ, а онъ тутъ, надо мною... аль-ни обмерла я со страстей, кума, ей Богу! Что было-то, было, не потаюсь...

— Теплою ладонью тебя гладилъ, кума, аль холодною?

— Холодною, кума, холодною, какъ бы это жаба по лицу ползла.

— То худо тебѣ, касатка, худо... Кума Василиса даже вздохнула.

— Худо? Что ты, кума? Мнѣ и безъ того добра мало, а ты— худо!

— Осерчалъ дѣдъ, знать, на тебя, кума. Заискать бы тебѣ дѣда.

— Заискать? Какъ же? Чѣмъ? Подходовъ этихъ не знаю, кума.

— Наперво: по всѣмъ угламъ, на дворѣ и въ избѣ, окури медвѣжьей шерстью и заговоръ скажи.

— А заговоръ-то какой, кума?

— Скажу одной тебѣ, кума, да чуръ, никому заговора того тебѣ не открывать... Зайду ужо къ тебѣ, скажу...

И много подобныхъ разговоровъ, свидѣтельствовавшихъ о невѣжествѣ и суевѣріи крестьянскомъ, приходилось теперь выслушивать благодушной боярынѣ, мирившейся со скукою своего невольнаго одиночества и коротавшей длинные весенніе дни съ добрыми, но темными по своему необразованію, бабами. По привычкѣ, она подымалась вмѣстѣ съ солнцемъ, обходила съ бур-

мистромъ, или съ его старшею дочерью скотный дворъ, молочню, птичникъ, огородъ и передъ нею еще цѣлый долгій день оставался. Оставаться наединѣ съ самою собою теперь она боялась, потому что слишкомъ больно чувствовала свое одиночество вслѣдствіе отсутствія Маруси, о которой она забыть не могла. Бояринъ, заставая ее часто въ слезахъ, съ вязаньемъ чулка на спицахъ, замѣчалъ ей: „Не томи себя грустью, Апраксѣя Левонтьевна! Понятно, вѣдь: взойдетъ ясно солнце, прощай свѣтелъ мѣсяцъ". Своею пословицей онъ намекалъ ей на то, что для Маруси мать названная—мѣсяцъ, а родная мать—солнце, и что дочери естественно оставить мать названную для матери родной. Это сознавала и боярыня, но ея сердце расходилось съ ея разсудкомъ и ныло, живя воспоминаніями о той, которая теперь отъ нея далеко. Увидятся ли онѣ? Боярыня не сомнѣвалась въ привязанности къ себѣ милой дѣвушки, въ ея желаніи пріѣхать къ нимъ въ Москву, но удастся ли ей исполнить свое желаніе, вѣдь она не отъ себя зависитъ. И полковница слово дала погостить у нихъ, когда бы то исполнила его. Обѣщанное ждется. Подождемъ, молъ, и мы.

Радешенька была боярыня, усѣвшись, наконецъ, въ польскую нейтычанку съ кожаннымъ верхомъ, подымавшимся и опускавшимся по желанію. Прежнимъ же путемъ наши богомольцы возвращались въ Москву; ночевать пришлось имъ опять на постояломъ въ Сорочьихъ кустахъ; но постоялый оказался въ другихъ рукахъ и пользовался теперь расположеніемъ проѣзжихъ, хвалившихъ новаго дворника и его новые порядки. Бояринъ освѣдомился, что прежняя чахоточная хозяйка, не жена, а любовница князя Шейдякова, умерла; что бѣдная женщина, много натерпѣвшаяся горя отъ злодѣя, отъ его побоевъ и пошла въ могилу, потому что она не только не участвовала въ его разбойныхъ дѣлахъ, но осуждала его за нихъ и, какъ только могла, предупреждала, даже съ опасностью для своей жизни, отъ его злыхъ замысловъ проѣзжихъ, ночевавшихъ на постояломъ. Шейдяковъ продалъ постоялый вольноотпущеннику Петра Шереметева сейчасъ же послѣ встрѣчи своей съ Телепневымъ на большой дорогѣ; продалъ, конечно, съ мыслью по возможности затереть свой разбойничій слѣдъ въ этомъ мѣстѣ.

— И на крапиву есть морозы и на грозителей есть грозы!— усмѣхнувшись себѣ въ бороду, замѣтилъ бояринъ.—Только бѣжкомъ нынче не отдѣлаешься отъ Преображенскаго застѣнка, князь, упавшій въ грязь: Ромодановскій сыщетъ!..

Злополучную любовницу князя-разбойника бояринъ пожалѣлъ, боярыня же оплакала. Разставшись съ сыномъ и дочерью названною, добрая старушка чувствовала потребность слезами облегчать свою тихую грусть и стала особенно чутка къ чужому горю...

Подъѣзжая къ Калужской заставѣ при ясномъ закатѣ солнца, горѣвшаго на золоченыхъ крестахъ и маковицахъ множества московскихъ церквей, весело освѣщавшаго бѣлостѣнный кремль

съ его бѣлыми башнями, бѣлыми палатами и храмами, боярская чета, а за ними боярскіе холопы, усердно закрестились и зашептали благодарственную молитву: благополучно, молъ, сдѣлали дальній богомольный путь. Боярыню одушевляла надежда застать отъ сына письмо, или получить о немъ извѣстіе черезъ посольскій приказъ.

Дома господа нашли все въ надлежащемъ порядкѣ, благодаря досмотру молодого дворецкаго Ермака и ключницы Азарьевны; но письма отъ Андрюши дома не оказалось и въ посольскомъ приказѣ о немъ ничего не знали. Закручинилась бѣдная мать: ужъ живъ ли, благополученъ ли Андрюша? Давно пора бы ему домой отписать—и не пишетъ! По какой причинѣ? Причина тутъ можетъ быть одна: либо боленъ, либо несчастіе ему приключилось, либо умеръ. Въ такомъ случаѣ чего же Варламъ Сидоровъ молчитъ? Не оба же умерли, помилуй Богъ! Предаваясь самымъ мрачнымъ опасеніямъ за судьбу единственнаго сына, мать глазъ своихъ не осушала. Дворовыхъ она одарила лаврскими крестиками и образками, дворецкаго же и ключницу, за ихъ стараніе, наградила образами въ фольговой оправѣ. Извѣстіе о томъ, что Маруся, въ лаврѣ, встрѣтиласъ съ родною матерью, изюмскою полковницею, ключница Азарьевна приняла какъ чудо, совершившееся по милости Божьей къ сироткѣ, достойной всякаго счастья. Конечно, обѣ слезоточивыя женщины, госпожа и холопка, плакали всякій разъ, какъ только вспоминали милую дѣвушку. Ключница съ умиленіемъ выслушивала разсказы боярыни о печерскихъ угодникахъ Божіихъ, о Варварѣ великомученицѣ. Смерть юродиваго Свѣтилки, предсказавшаго ея часъ и мѣсто, поразила его великую почитательницу Азарьевну, объяснявшую такую смерть праведника тоже чудеснымъ промысломъ Божіимъ. Если боярыня тревожилась о сынѣ, то съ своей стороны ключница горевала о своемъ сердечномъ пріятелѣ, старикѣ Варламѣ. Это общее горе давало обѣимъ женщинамъ неистощимый матеріалъ для бесѣды, всегда сопровождаемой слезами. Бояринъ, по возможности, избѣгалъ быть свидѣтелемъ этихъ „бабьихъ слезъ“. Онъ ихъ терпѣть не могъ. И не до нихъ было ему теперь: совершившееся на Москвѣ въ его отсутствіе,—смерть государя Θеодора, стрѣлецкій мятежъ, котораго жертвами были лучшіе вельможи и государственные мужи, казнь Хованскихъ и честолюбіе царевны Софьи, достигшей положенія правительницы государствомъ, съ помощью своихъ клевретовъ, способами беззаконными и жестокими, какъ утверждала народная молва,—заставили его призадуматься.

Правда, онъ одобрялъ строгія мѣры, принятыя правительствомъ въ отношеніи мятежныхъ стрѣлецкихъ полковъ, припугнутыхъ земскимъ ополченіемъ и взятыхъ Шакловитымъ въ ежовыя рукавицы. Но малодушіе бояръ, трепетавшихъ за свою шкуру, а потому своими руками выдававшихъ пьянымъ мятежникамъ на самоуправную казнь зазнаемо невинныхъ своихъ собратій,—бояръ, оказавшихся жалкими трусами тогда, когда они,

по своему высокому государственному положенію, обязаны были мужественно и съ достоинствомъ встрѣтить мятежъ, усмирить его или погибнуть на своемъ правительственномъ посту, жертвою своего служебнаго долга, вызывало въ старомъ воякѣ глубокое презрѣніе къ нимъ, этимъ избалованнымъ и не по своему личному достоинству возвысившимся придворнымъ вельможамъ. Имени царевны Софьи, которой честолюбивыми происками и ненавистью къ царицѣ-мачихѣ и ея сыну Петру народное убѣжденіе объясняло стрѣлецкій мятежъ, не могъ теперь равнодушно слышать бояринъ Телепневъ. „Баба-яга на правительствѣ засѣла, въ невинной крови по поясъ,—думалъ онъ.—Да недолго, должно, усидитъ, дай, преображенскій орленокъ на своихъ отросшихъ крыльяхъ полетитъ! Кувыркнешься и ты съ своимъ Васенькой, перевертнемъ Голицынскаго рода“.

Встрѣчаясь съ тѣми изъ бояръ, которые тогда, въ кремлевскомъ дворцѣ, отличились на всю Русь своимъ позорнымъ малодушіемъ и попустительствомъ, Телепневъ, съ свойственною ему прямотой, грубоватой, а подчасъ и оскорбительной, разспрашивалъ ихъ.

— За какія такія воинскія побѣды и отличія стрѣлецкіе полки заслужили себѣ почетное наименованіе „Надворной пѣхоты“, удостоились великой всенародной похвалы, что на Красной площади въ честь стрѣлецкаго войска каменный столбъ поставили съ надписью, его прославляющею и позорящею честныхъ, родовыхъ и заслуженныхъ бояръ, невинно имъ убіенныхъ? Ужели нынче кривда правду одолѣла и русскіе вельможи и мужи правительственные награждаютъ мятежъ и кровопролитіе? Пьяный вооруженный сбродъ дерзко вторгнулся въ палаты царскія, оскорбляетъ своихъ государей вмѣшательствомъ въ ихъ семейныя отношенія, грабитъ царскіе покои и кладовыя, тычетъ пиками и рубитъ саблями алтарные престолы въ дворцовыхъ церквахъ, вытаскиваетъ невинныхъ родственниковъ царскихъ и своихъ начальниковъ на крыльцо и съ него ихъ свергаетъ внизъ, гдѣ ихъ съ насмѣшками рубятъ и колютъ! Не за такіе ли подвиги наградили вы, бояре, виновниковъ гили, забывъ, что прежде ихъ вѣшалъ палачъ за преступленія несравнимо меньшія? Воистину прославляя разбойниковъ, сами вы, бояре, себя на весь бѣлый свѣтъ ославили, да и на все россійское дворянство срамъ положили. Послушайте, что въ народѣ говорятъ...

Когда же пристыженные обличительною рѣчью Телепнева виновные бояре замѣчали ему, что молъ, теперь съ стрѣльцовъ снято почетное именованіе, и столбъ, въ похвалу ихъ вѣрности воздвигнутый, разобранъ, и отъ нихъ отобрана челобитная, которою они признаютъ себя виновными въ мятежѣ и кровопролитіи и предаютъ свои великія вины на милосердіе великихъ государей, Юрій Борисовичъ отвѣчалъ имъ обидною для нихъ усмѣшкою и пояснялъ ее такъ:

— Поправили вашу неправду правительственную не вы, дворцовые бояре, а дворяне съ земскимъ ополченіемъ, обстоявшіе

правду. Привыкли вы чужими руками жаръ загребать. Вы же, близкіе къ верху вельможи, по моему мнѣнію, виновнѣе даже стрѣльцовъ, коихъ ваше попустительство на кровь невинную надвигало...

О главной виновницѣ мятежа, царевнѣ Софьѣ, Телепневъ позволялъ себѣ, не стѣсняясь, разсуждать съ очень немногими близкими людьми и одномысленниками. Горькій житейскій опытъ научилъ его необходимой осторожности. „Правительница,—думалъ онъ,—добра мнѣ не захочетъ, а сослать туда, гдѣ козамъ рога правятъ, можетъ. Мнѣ же пока и дома у себя хорошо. Подождемъ, что изъ всего этого выйдетъ? Сидя у кладбища, всѣхъ покойниковъ не оплачешь“...

Но, какъ ни крѣпился бояринъ, отцовское чувство въ немъ заговаривало сильнѣе по мѣрѣ того, какъ проходили мѣсяцы, обманывавшіе родительскую надежду получить сыновнее письмо. Ни слуху о немъ,—словно пропалъ. Тѣмъ болѣе чувствовали себя старики обиженными подобнымъ невниманіемъ къ себѣ родного сына, полагая, что онъ живъ и благополученъ, что, наконецъ, получили письмо отъ дочки названной, очень обрадовавшее стариковъ, въ особенности боярыню. Любящая дѣвушка, вся сказавшаяся въ своемъ письмѣ, нашла случай переслать его въ Москву съ казачьею почтовою отпискою правительницѣ, передавшей его по назначенію.

Дрожащими отъ душевнаго волненія руками боярыня распечатала письмо, но читать его не могла: строки прыгали въ ея глазахъ. Бояринъ надѣлъ на носъ очки и сталъ вслухъ читать.

Словно живую увидѣли Марусю, послѣ ея письма, старики, словно съ нею самою побесѣдовали. Она писала, что счастливою себя чувствуетъ въ родной семьѣ, но не вполнѣ: недостаетъ ей ихъ, ея милыхъ родителей названныхъ, къ кому стремится ея душа, ея помыслы. Признавалась, что еще не привыкла къ новымъ мѣстамъ и новымъ людямъ, хотя это ея родина, ея соплеменники. Съ восторгомъ отзывалась о своемъ отцѣ и своемъ братѣ, полковникахъ, наводящихъ на хищныхъ татаръ страхъ одерживаемыми надъ ними побѣдами, оказывающихъ ей самое нѣжное вниманіе. Объясняла, что они на Изюмской окраинѣ живутъ подъ постоянымъ опасеніемъ ночного нападенія степняковъ, хитрыхъ и жестокихъ; что съ весны до филипповскаго заговѣнья онѣ съ матерью почти не видятъ отца и братьевъ, охраняющихъ степи, или гоняющихся за крымскими шайками. Въ послѣднее же время отецъ, по указу государей усиленно занятъ укрѣпленіемъ города Изюма: своими полковыми козаками, съ помощью харьковскихъ, окопалъ высокій курганъ „Кремянецъ“ глубокими рвами, насыпалъ земляные валы, а на нихъ поставилъ дубовыя стѣны съ башней; въ городѣ оканчивается-де постройкою каменая соборная церковь о пяти куполахъ, завелись лавки и базарные дни. Изюмскую крѣпость теперь-де степнякамъ не взять. Она, Маруся, часто восходитъ на Кремянецъ и съ высоты его любуется изюмскими окрестностями. На всѣ сто-

роны открытая мѣстность: Донецъ окружаетъ Кремянецъ, словно голубой лентой въ зеленыхъ, безъ конца борахъ и желтыхъ пескахъ. Виденъ Цареборисовъ и даже Святогорскій монастырь вдали бѣлѣетъ.

Хорошо съ горы видѣть, не уходила бы! Въ изюмскомъ юртѣ, на лѣвомъ берегу Донца „Звѣринецъ“, гдѣ царскіе охотники берегутъ изловленныхъ въ степяхъ и лѣсахъ дикихъ звѣрей для царской охоты. И въ Цареборисовомъ чугуевскіе охотники лосей къ обротямъ пріучаютъ, ручными дѣлаютъ. А тѣмъ изловленнымъ звѣрямъ корма, овесъ, идутъ изъ государевыхъ житницъ, и роспись звѣрямъ ведется, полковая канцелярія отписываетъ бѣлгородскому воеводѣ, князю Якову Барятинскому.

Извиняясь за описаніе мѣста своего жительства, Маруся думаетъ, что оно любопытно ея родителямъ названнымъ, да и о себѣ ей много писать нечего: жива, молъ, здорова. Живы ли, здоровы ли они на Москвѣ, куда ей иногда такъ хочется? Какъ Азарьевна и прочіе люди домашніе поживаютъ? Объ Андрюшѣ она спрашивала послѣ всѣхъ: писалъ ли онъ изъ-за грани? Гдѣ онъ? Чѣмъ занимается? Просила ему передать свой поклонъ и пожеланія ему здоровья и всего лучшаго. Съ этими же пожеланіями обоимъ старикамъ, она ихъ просила не забывать ее и отвѣтить ей письмомъ, которое они могутъ вручить изюмскому нарочному, возвращающемуся обратно съ правительственными бумагами.

IV.

...Тая казацкая слава,
Що по всему свѣту степомъ разляглась, простяглась,
Да по всему свѣту луговымъ гомономъ раздалась,
Турещинѣ да татарщинѣ добрымъ лихомъ знати далась...

(Малоросс. народная пѣсня).

По МОСКОВСКОЙ Украйнѣ высокіе курганы, „могилы“, насыпанныя нивѣсть когда неизвѣстнымъ степнымъ народомъ, и понынѣ вызываетъ серезные вопросы о своемъ происхожденіи. Для возведенія ихъ, несомнѣнно требовалась тяжелая земляная работа, свидѣтельствующая о многолюдствѣ тогдашняго кочевого населенія и о нѣкоторой степени его культурности. Въ этихъ безчисленныхъ и загадочныхъ степныхъ могилахъ выкапываются стрѣлы, ножи, человѣческія кости. Попадаются огромныхъ размѣровъ скелеты, лежащіе прямо на землѣ, прикрытые насыпною могилой. Кое-гдѣ уцѣлѣли каменные, грубо и уродливо высѣченные идолы, сиротливо торчащіе на курганѣ и извѣстные въ народѣ подъ названіемъ „бабъ“, потому что изображаютъ фигуры женскаго пола. Конечно, бабамъ этимъ, населеніе, ихъ воздвигшее, поклонялось. Земляные „городки“,

гораздо позднѣйшаго времени Сѣчи Запорожской, и даже полевыя укрѣпленія фельдмаршала Миниха съ бастіонами, куртинами, батареями и эскарпами,—эта „ландмилиціонная линія“,— распахивается, наглядно свидѣтельствуя о томъ поступательномъ движеніи русскаго народа съ сѣвера, а малорусскаго съ сѣверо-запада на югъ, къ Черному морю, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, путемъ вооруженной колонизаціи и завоеваній, благодаря которымъ сокрушена дикая, и для судебъ Старой Руси и Малороссіи, роковая сила крымскаго юрта, а съ нимъ покончены и разбои хищныхъ кочевниковъ, ему подвластныхъ.

Безпредѣльность и благодать „поля дикаго“, раскинувшагося отъ Сѣверщины до Азовскаго моря и Крыма въ одну сторону, а въ другую далеко за Донъ, къ азіятскимъ пустынямъ, издавна манила къ себѣ ордынскихъ кочевниковъ, сталкивавшихся здѣсь съ Русью. Сперва утеклецы, потомъ насельники, уходившіе сюда, въ привольную глушь отъ тяготы московскаго государства, цѣною ежедневной смертельной опасности и кровавой борьбы съ степными хищниками, пріобрѣтали себѣ обладаніе этимъ благословеннымъ по своей природѣ краемъ. И русскій насельникъ, не смотря на такую опасность и „устороживость“ своей украинской жизни, дорожилъ ею, „свободною“, не стѣсняемою „волостелями“ и тягломъ, дорожилъ, казалось, болѣе даже, чѣмъ своею головою. „Слово о полку Игоревѣ“, первая русская поэма, воспѣвая героическіе подвиги сѣверскихъ князей и ихъ лихихъ дружинъ, именно въ этомъ „дикомъ полѣ“ ими совершенные, говоритъ о погибели своихъ витязей:

Уже, братіе, не веселая година встала,
Уже пустыня силу прикрыла...

Многострадальная встарь, Украйна недаромъ сложила о своей судьбѣ грустныя, исполненныя народной поэзіи, думы и такъ оплакиваетъ свою историческую, степную могилу, что

Вся кровцею обкипѣла.
Ой якою? Козацькою,
Вполовину изъ ляцкою...

И прошлое, и настоящее того времени полно было человѣческаго страха за жизнь, не только за имущество; степныя легенды говорили только о вражескихъ встрѣчахъ, о крови пролитой, о бусурманскомъ полонѣ, и неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Не смотря но все это, одинокіе хутора первыхъ „заемщиковъ“, разбросанные по скрытымъ балкамъ, постепенно разростались и, наконецъ, появились „слободы“, названія которыхъ свидѣтельствуютъ или о изобиліи плодовъ, или о событіи, связанномъ съ мѣстностью и живущемъ въ народной памяти. Такъ возникли слободы — Грушеваха, Орѣховая, Вишневая, городъ Яблоновъ, Лихово, Злодѣевка, Порубежное и т. д. Не диво, что на берега Сѣвернаго Донца бѣжали и москали, и хохлы изъ Гетманщины. „Черкасы“ съ праваго берега Днѣпра

многими тысячами бѣжали сюда, спасаясь отъ притѣсненій польскихъ пановъ и отъ уніи іезуитовъ подъ защиту бѣлаго православнаго царя. Подъ рукой своихъ полковниковъ они образовались въ слободскіе казачьи полки. Григорій Ерофеичъ Захарьевскій, или Захаржевскій, по польскому выговору, сталъ полковникомъ своего Изюмскаго полка. Самъ герой и гроза хищныхъ ордынцевъ, онъ и сыновей своихъ, Ѳедора и Константина, воспиталъ героями же; они съ семилѣтняго возраста сопровождали его на коняхъ, въ трудахъ походныхъ и смертной опасности, закаляя свои не по лѣтамъ мужественные характеры. Обширная страна, охраняемая Изюмскимъ полкомъ, полна славою побѣдъ Захаржевскаго съ сыновьями, отбивавшихъ у хищниковъ охоту къ набѣгамъ на нее. Еще недавно, въ восьмидесятомъ году, зимою, татары пробились до Бишкина, откуда отбитые прошли до Золочева. Здѣсь другой разъ побитые, ордынцы побѣжали, мимо Ольшаны, Мурафскимъ шляхомъ. Въ слѣдующемъ 1681 году, съ іюня по октябрь, азовская орда партіями и отрядомъ въ пять тысячъ конниковъ съ пушками грабили, жгли, побивали слобожанъ и ихъ поселенія изюмскаго и харьковскаго полковъ. Донецъ-Захаржевскій разбилъ ихъ подъ Андреевкою, а его наказный полковникъ прогналъ ихъ отъ Валокъ. Въ то же время Донецъ укрѣпилъ на двѣсти верстъ опасныя перелазы черезъ рѣку, давшую ему свое имя, а еще съ 1675 года онъ на сто верстъ продолжилъ „Перекопскій валъ“, бывшій при вершинѣ рѣки Мжи, въ десяти верстахъ отъ города Валокъ и простиравшійся сперва лишь на семь верстъ. Черезъ это перекопское укрѣпленіе съ пушками и гарнизономъ шелъ старинный шляхъ Мурафскій, отъ самаго Азова по плоской возвышенности, водораздѣлу, до сѣверныхъ предѣловъ нынѣшней Курской губерніи. Этимъ мурафскимъ „путемъ крови“ татарамъ стало теперь опасно набѣгать: ихъ останавливалъ Перекопскій валъ. Кромѣ того, Захаржевскій, на торномъ пути изъ Крыма въ Украйну, построилъ сильную крѣпость Изюмъ, куда перенесъ полковое управленіе изъ города Балыклеи. Завѣдывалъ онъ и харьковскимъ полкомъ.

Не смотря на то, что въ полѣ дикомъ возникли укрѣпленные города уже гораздо южнѣе „бѣлогородской черты“, „острожная“, т. е. гарнизонная служба въ Бѣлгородѣ „на чертѣ“, или на рубежѣ, считалась до Петра I опасною и отвѣтственною. Воеводство въ немъ вручалось, обыкновенно, знатнымъ лицамъ, военачальникамъ, прославившимся ратными подвигами, а также опытнымъ въ земскомъ управленіи. Отдаленное и опасное положеніе Украйны поневолѣ уполномочивало тамошнихъ воеводъ на сомостоятельность большую, чѣмъ желало бы этого вообще недовѣрчивое и подозрительное московское правительство. Но украинскіе воеводы не дремали: сторожевые головы „дозирали степь“ и чутко прислушивались „къ вѣстямъ при приходѣ воинскихъ людей“, т. е. хищниковъ, „на государевы украйны“. По лѣсамъ засѣкали засѣки, затрудняли „перелазы“ черезъ

рѣки. Сторожевые города — Царебориcовъ, Валуйки, Воронежъ, Ливны, Осколъ почасту „обсылались вѣстями съ поля“. Чуть что опасное — гонецъ слался въ Ливны, а оттуда въ Москву. Полковникъ изюмскій, какъ самый „низовый“, передавалъ опасныя вѣсти „снизу вверхъ“, для чего у него на каждомъ конскомъ перегонѣ стояли готовые скакать дальше верховые.

При нуждѣ, по повѣсткамъ воеводъ, сеунчи „сбивали“ полевыхъ головъ изъ дворянъ, боярскихъ дѣтей и служилыхъ людей по волостямъ, станамъ и уѣздамъ; «это ополченіе „промышляло, буде мочно, надъ врагами“, подъ главенствомъ опытнаго военачальника. Но съ возникновеніемъ изюмскаго казачьяго полка, благодаря своему храброму полковнику не знавшаго неудачъ въ схваткахъ со врагомъ, осѣдлое населеніе московской украйны рѣдко вооружалось теперь на свою защиту. Силою естественнаго движенія русскаго человѣка на югъ, своевременно поддержаннаго государственнымъ умомъ князя Василія Васильевича Голицына, за бѣлгородскою чертою возникали уже и дворянскія усадьбы съ вотчинами, пожалованными дворянамъ за ихъ службы. „Видные люди“, приближенные къ царямъ или сильному временщику, любимцу правительницы Софьи, получали здѣсь большія земли по лѣвой сторонѣ Донца, называвшейся ногайскою, такъ какъ правая сторона его называлась крымскою. Городовые стрѣльцы, драгуны, рейтары, пушкари, ямщики и прочіе служилые люди были здѣсь испомѣщены давно уже. Правительство создавало здѣсь не только мелкое и крупное помѣстное дворянство, долженствовавшее, согласно государственной идеѣ Голицына, обобщить и упорядочить разнородное слободское населеніе въ видахъ московской политики, направить его къ началамъ православія и самодержавія и ими закрѣпить этотъ край за Москвою.

По своему властному положенію, соотвѣтствовавшему не только его воинской доблести, но и вообще его личнымъ достоинствамъ, полковникъ Захаржевскій могъ и долженъ былъ первенствовать въ Придонецкой сторонѣ, куда бросила его судьба. Сосѣдніе полковники—сумскаго, харьковскаго полковъ—добровольно подчинялись ратному опыту стараго рубаки, въ случаяхъ совмѣстнаго дѣйствія въ полѣ всѣхъ трехъ полковъ. Заслуживъ многими годами довѣріе и уваженіе населенія, онъ сталъ не только его головою, но и душою. Теперь рѣже „прихаживали воинскіе степные люди“, „урывами“. Захаржевскій скоро съ ними справлялся, всякій разъ проявляя свои замѣчательныя воинскія способности и изумительную храбрость. Несмотря на свою отдаленность отъ Москвы, полковникъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за событіями, въ ней совершающимися. Изъ рѣдкихъ писемъ немногихъ своихъ московскихъ знакомцевъ, пересылавшихся къ нему бѣлгородскимъ воеводой, онъ зналъ о стрѣлецкомъ мятежѣ, котораго послѣдствіемъ было правительство царевны Софьи. Изъ переписки же дѣловой князя Голицына съ бѣлгородскимъ воеводой понялъ, что тотъ готовится

къ походу на крымскій юртъ, и походъ этотъ одобрялъ, хотя въ его успѣхѣ не былъ увѣренъ, зная малоспособность русскихъ бояръ въ воинскомъ дѣлѣ. Голицына же онъ считалъ совсѣмъ ужъ негоднымъ на подобное рѣшительное и опасное военное предпріятіе, хотя высоко ставилъ его, какъ умнѣйшаго и образованнѣйшаго вельможу своего вѣка, какъ дальновиднаго и мудраго правителя государствомъ. Не увлекаясь самообольщеніемъ, въ самомъ себѣ полковникъ находилъ и доброе желанье, и военныя способности, и опытъ для того, чтобы благополучно провесть черезъ пространныя степи, больше безводныя, большую армію къ Перекопу, и съ нею разгромить Крымъ, это страшное разбойничье гнѣздо, губящее сосѣднія государства. Но не ему козачьему полковнику, довѣрять судьбу стотысячнаго войска: поведетъ его, конечно, Голицынъ и, дай ему Богъ помощь,— не погубилъ бы онъ свое большое войско. Неопытный стратегъ— гибель арміи. „Не побѣжали ли бы мы, чего добраго, отъ Перекопа со срамомъ и бѣдою великою!—раздумывалъ полковникъ.— Гляженное лучше сказаннаго, поглядимъ!"

Слухи московскіе о большихъ приготовленіяхъ къ крымскому походу отзывались на изюмской украйнѣ опасеніями населенія: потребуется, конечно, полку казачьему идти къ Перекопу, не передовому ли? Кто же кромѣ полковника изюмскаго, знаетъ такъ тамошнія степи, татарскій воинскій обычай и способенъ идти эртоульнымъ начальникомъ? Боялись слобожане не похода и не войны съ своими исконными врагами, боялись разоренія своихъ слободъ, истребленія своего скота и всяческихъ запасовъ. Проходъ въ то время стотысячной арміи, да еще московской, подкрѣпляемой татарской и калмыцкой конницей, грозилъ вправду мѣстамъ, ей попутнымъ, разореніемъ и непоправимымъ бѣдствіемъ попутнаго населенія. Примѣры были на лицо: придонецкимъ мѣстамъ доставалось терпѣть всякія беззаконія и насилія отъ калмыковъ, подъ начальствомъ князька своего Каспулата Муцаловича, поселенныхъ съ 1679 года въ городѣ Чугуевѣ. Принятые на царскую службу и организованные въ казачьи сотни, калмыки остались вѣрныя своимъ степнымъ нравамъ и грабили своихъ, гдѣ и какъ только можно. Чего же ждать отъ многихъ такихъ-то полковъ? Опытный полковникъ вполнѣ раздѣлялъ опасенія своихъ казачьихъ слободъ и обдумывалъ мѣры благоразумія, способныя отвратить отъ нихъ возможное бѣдствіе. Онъ былъ заинтересованъ въ благосостояніи изюмскаго края не только какъ его начальникъ и даже какъ его создатель, но и какъ мѣстный крупнѣйшій землевладѣлецъ.

Подъ защитою остроговъ: чугуевскаго, царебарисовскаго, валуйскаго и изюмскаго, хутора и слободы обсыпали низы и берега Донца, Оскола, Жеребца, Валуекъ, даже Тора. Полковникъ Захаржевскій занялъ обширную мѣстность и остолбилъ ее въ верховьяхъ рѣчки Изюмца. На нее онъ получилъ отъ бѣлгородскаго воеводы ярлыкъ, по которому изъ помѣстнаго приказа выдана была ему вотчинная грамота. Хозяйственная распоряди-

тельность полковника сказалась въ его умѣньѣ и быстротѣ, съ какими населилась его собственная слобода. Осадчій, т. е. довѣренное отъ него лицо, обязанное „осаживать", т. е. населять слободу, былъ Семенъ Бугай, почему и слобода наименовалась Бугаевкой. Льготы, а также увѣренность въ своей безопасности подъ властною рукою знатнаго полковника привлекали „садиться" въ его слободу и хохловъ, и москалей, и перевертней, не знавшихъ своего происхожденія. На широчайшемъ выгонѣ стоялъ столбъ, просверленный десятью дырами, означавшими десятилѣтній срокъ льготъ насельникамъ. По истеченіи каждаго года осадчій, въ присутствіи насельниковъ, забивалъ деревяннымъ кляпомъ одну изъ дыръ въ столбѣ. Когда дыры эти всѣ оказались забитыми, окончился льготный срокъ и слобожане стали отбывать „панщину", по договору. Полковникъ былъ строгій, но добрый хозяинъ.

Слобожане - обыватели дѣлились на сотни, завѣдываемыя сотенными атаманами; надъ этими стоялъ тысяцкій, назначаемый на эту отвѣтственную должность полковникомъ, каторому опытъ указалъ необходимость ввести въ вотчинное населеніе отчасти казачій распорядокъ. По опаснымъ мѣстнымъ условіямъ того времени, мирные земледѣльцы, „гречкосѣи", какъ ихъ тогда называли, могли, неожиданно для себя, обращаться въ воиновъ, обязанныхъ защищать и свое имущество, и жизнь свою и своихъ семейныхъ отъ нападенія враговъ. Полковникъ сознавалъ свою нравственную и служебную отвѣтственность за безопасность и жизнь множества христіанскихъ душъ, за судьбу своихъ подначальныхъ людей и вотчинныхъ подданныхъ, а потому съ присущею старому воякѣ осторожностью и начальственною строгостью относился къ сторожевому порядку какъ на степи, такъ и въ своей слободѣ. Сторожевую и станичную службы онъ провѣрялъ больше черезъ своихъ молодцовъ сыновей; самъ же заботился укрѣпленіемъ важнаго изюмскаго острога и „татарскихъ перелазовъ" черезъ Донецъ: „гдѣ прилично" поставилъ надолбы въ два ряда, а гдѣ и въ три, съ насыпными землею „тарасами". Въ „опасныхъ" караульныхъ городкахъ, на день и на два дня хода отъ Изюма въ степь, у него смѣнный караулъ „недѣльный" стоялъ: конный десятокъ, помѣстные атаманы; вѣстовые кони подъ сѣдломъ наготовѣ, чуть тревога — бѣжатъ гонцы отъ сторожи къ сторожѣ до Изюма.

Путешественникъ Гюльденштедъ, въ 1774 году посѣтившій городъ Изюмъ, въ своемъ „Reise durch Russland" такъ его описываетъ:

„Изюмская крѣпость—правильный продолговатый ретраншементъ, въ окружности полторы версты. Она лежитъ на серединѣ возвышенности донецкой, при подошвѣ горы, возвышающейся на тридцать саженъ надъ поверхностью воды. Большая часть ея окружена валами, рвами, бастіонами; а сѣверная сторона на протяженіи двухсотъ саженъ ограждена только рвомъ, который защищенъ рогатками со внѣ, а внутри палисадомъ. На сѣверѣ отъ

укрѣпленія расположенъ форштадтъ. Въ укрѣпленіи двѣ церкви: каменная и деревянная. Здѣсь же купеческія лавки, нѣкоторыя общественныя строенія и присутственныя мѣста. Комендантъ съ гарнизономъ изъ двухъ ротъ подчиненъ кіевскому оберъ-коменданту. На форштадтѣ тоже двѣ церкви".

На горномъ мысѣ, съ трехъ сторонъ омываемомъ глубокимъ тогда Донцомъ, изюмская крѣпость запирала важный путь, или „сакму", ведшую въ Русь степняковъ, и была для нихъ неприступной. Бѣлгородскій воевода князь Яковъ Барятинскій, посѣтивъ своего пріятеля Захаржевскаго и осмотрѣвъ его крѣпость, нашелъ ее самымъ надежнымъ острогомъ изо всѣхъ, по ввѣренной ему бѣлгородской и нижней чертѣ. Подступъ къ крѣпости со стороны горы Кремянца былъ затрудненъ рвомъ трехсаженной ширины и двухсаженной глубины, котораго дно, согласно воинской хитрости того времени, снабжено скрытыми волчьими западнями и острымъ желѣзнымъ „чеснокомъ", губившимъ тѣхъ изъ нападающихъ, которые попали бы въ ровъ. Такой печальный для нападающихъ опытъ уже былъ въ исторіи изюмской крѣпости: набѣжавшая на нее воровская тысячная шайка запорожцевъ неожиданно попыталась приступомъ взять ее, но защитники оказались на своихъ мѣстахъ, приступъ отбитъ, десятки разбойниковъ побиты или покололись во рву на „чесноку". Вылазка же полковника изъ острога захватила самого атамана и много плѣнныхъ, а еще болѣе оружія, сѣделъ и коней; остальные со срамомъ, пользуясь темнотою ночною, разбѣжались. Сотня слишкомъ добрыхъ винтовокъ, кромѣ множества турецкихъ пистолей, сабель и сѣделъ, улучшили и усилили вооруженіе и снаряженіе изюмскихъ казаковъ, которыхъ боевой видъ и строй, съ полковымъ значкомъ и сотенными бунчуками изъ конскихъ хвостовъ, а также мѣдными литаврами и трубами сталъ походить уже на драгунскій видъ и строй. Теперь, за полкомъ, во время его движеній, слѣдовали нѣсколько окованныхъ, прочныхъ фуръ, на желѣзныхъ осяхъ, тройками.

Побитыхъ и отъ ранъ умершихъ запорожцевъ закопали въ общей ямѣ на Кремянцѣ, прослывшей въ народѣ слободскомъ подъ названіемъ „Гайдамацкой" могилы. Плѣнные же, холостые молодцы, согласились остаться въ подданствѣ полковника, и въ его Бугаевкѣ поженились на дѣвкахъ и вдовахъ, водворились семьями въ хатахъ, ими же построенныхъ. Старые рубаки изъ плѣнныхъ, сознавая свою негодность къ семейной жизни и занятіямъ „грѣчкосѣя", вступили въ ряды полка, присягнувъ служить царю бѣлому. У всѣхъ своихъ „новоженцевъ" полковникъ былъ посаженымъ отцемъ, а матерью посаженою—полковница. Вѣнчались нѣсколькими парами за разъ въ слободской церкви и свадьбы эти прозвались „воровскими", какъ и самый поселокъ новоженцевъ.

За свой уѣздъ и за свою слободу полковникъ теперь опасался гораздо менѣе, въ увѣренности, что Изюмская крѣпость помѣха для нападающихъ. Не ручался онъ только за безопас-

ность Святогорскаго монастыря, Славянска—древняго Тора, Маяцкаго городка и, вообще, поселеній южнѣе Изюма, хотя и эти южныя мѣста бдительно охранялись его лихими сыновьями, не покидавшими степи съ ранней весны до поздней осени.

При такихъ обстоятельствахъ, благопріятствовавшихъ заселенію этого благословеннаго края, слобожане благоденствовали, захватывая земли столько, сколько каждый осилитъ ее обработать. Захватъ, „заимка" земельныхъ угодій насельниками, создалъ въ наше время „старозаимочное" право на эти земельныя угодья. Самое раздѣленіе роспаши на десятины, сохи, выти долго еще оставалось здѣсь пустою казенною формальностью, требовавшеюся московскими подьяческими порядками, для отчетности при обложеніи земли царскими податями. Вліяніе московскаго самодержавія, надвигавшееся на слободскую украйну, помаленьку сказывалось уже всяческимъ стѣсненіемъ вольнолюбиваго населенія. Черезъ посредство бѣлгородской воеводской канцеляріи пытались описать количество роспаши и лѣсныхъ, и луговыхъ угодій, по дворамъ, для обложенія ихъ платежомъ въ казну. Земля была немѣренная, и подьячіе приняли мѣру посѣва за платежную единицу: считали, по московскому обычаю, въ десятинѣ двѣ четверти посѣва, въ выти—двѣнадцать четвертей.

Пробовали было въ украинскихъ городахъ и слободахъ установить, по московски, пошлину: брать „въѣздное, отъ продавца деньгу и отъ купца деньгу же". Но при первыхъ же къ тому попыткахъ ярыжекъ на торгу и базарахъ, ихъ избили, осмѣяли, мытной деньги не далъ имъ ни продавецъ, ни купецъ, о чемъ волостели и отписали, куда слѣдуетъ, съ жалобой: „вмѣсто прибытка царевой казнѣ, ярыжекъ слобожане самихъ пограбили грабежомъ и убили смертнымъ убійствомъ".

Посмѣялся тогда бравый полковникъ надъ этою „московскою кляузой", повторяя, конечно, только между своими:

— Подѣломъ! Куда тебѣ не слѣдъ, не лѣзь, московская ты волокита! По твоей же пословицѣ: не поймавши, не щиплютъ!

На томъ пока и кончилось подобное притязаніе царской казны на доходы съ только что заселившихся украинскихъ слободъ. Полковникъ, защищая пасомыхъ имъ овецъ отъ московскихъ ножницъ, готовыхъ стричь еще не отросшее руно, отписалъ бѣлгородскому воеводѣ съ упрекомъ ему: молъ, „въ твоемъ воеводствѣ беззаконіе творится; ибо еще вѣчной памяти достойный тишайшій государь Алексѣй Михайловичъ отмѣнилъ мыты и перевозы грамотою отъ лѣта 1654, по коей мытовъ, мостовщины, головщины и полозоваго больше никому не платить, и сей доходъ казны изъ оклада выложенъ. По придонецкимъ же слободамъ подьячіе и ярыжки требуютъ оный, мнительно корысти своей ради, за что биты на базарахъ отъ людей украинскихъ. И ты бъ, князь Яковъ, сего беззаконія не попускалъ".

Что земли у полковника было въ натурѣ больше противъ от-

водной сказки приказнаго чугуевской канцеляріи, то доподлинно зналъ самъ полковникъ. Что-жъ: своя рука—владыка.

Далеко бѣжала молва, разносившая славу храбраго полковника, страшнаго врагамъ и добраго, милостиваго хозяина, внимательнаго къ нуждамъ своихъ подданныхъ слобожанъ. Бугаевка кишѣла своимъ населеніемъ, усиливавшимся „утеклецами сверху“. Они находили здѣсь, гдѣ ихъ не спрашивали о ихъ прошломъ, прочную осѣдлость и обезпеченную жизнь. Его, бѣглеца или сходца, ждалъ здѣсь хозяйскій дворъ и, буде нужно, хозяйка. Дѣло оказывалось не безъ грѣха: случалось, вступали въ бракъ женатые и даже семейные, сказываясь холостыми и навсегда покидая своихъ русскихъ женъ и дѣтей. Вдовцы, вдовицы, парни, дѣвки не засиживались у полковника, онъ ихъ „живою рукою въ христіанскую вѣру обращалъ“. Такъ, тысячи обиженныхъ судьбою „людишекъ“—людьми здѣсь становились: бездомовникъ превращался въ домохозяина, бродяжничавшій „гультай“—въ семьянина. Такъ семейными узами, довольствомъ обезпеченной жизни, разумною строгостью надзора и управленія, полковникъ, заботясь о матеріальной будущности своихъ дѣтей, въ то же время работалъ истинно доброе и великое христіанское дѣло. И эти житейскія условія закрѣпляли за вотчиною сбродныхъ тяглецовъ гораздо прочнѣе, чѣмъ закрѣплялись они, холопы, за своими господами, царскими указами и писанными кабалами, не мѣшавшими имъ холопамъ, бѣгать отъ господъ.

Но и законное право на своихъ насельниковъ полковникъ имѣлъ, основываясь на государевомъ указѣ 1597 года, коимъ за владѣльцемъ прикрѣплялись крестьяне, жившіе на его землѣ. Полковникъ, бывало, своимъ севрюкамъ говаривалъ:

— Мы, черкасы, пришедшіе подъ московскую коруну отъ польскаго разоренія и убивства,—должны службою бѣлому царю не оскудѣвать. Одной матки дѣтки, церкви православной...

V.

Породила меня маты у святу неділю:
Дала мини лиху долю—де-жъ іи подину!
Тай піиди, доле, пиди, несчастная, въ поли загубійся,
А за мною, да за молодою, тай не волочися!

(Пѣсня, принесенная бѣглецами черкасами съ праваго берега Днѣпра).

Теперь вопросъ о своемъ происхожденіи не безпокоилъ Марусю, знавшую, наконецъ, кто она, чья дочь, кто ея родители; она съ родною матерью ѣдетъ на свою родину, домой, гдѣ увидитъ отца родного и братьевъ кровныхъ; она знаетъ теперь несчастныя обстоятельства, выбросившія ее изъ родной семьи; она

убѣдилась, какими горькими слезами родная мать оплакивала ее, свою дочку пропавшую, съ какимъ материнскимъ восторгомъ потомъ встрѣтила ее и возвратила ее къ себѣ; она чувствуетъ все счастье дочери, любимой матерью; эту хорошую, добрую мать, которую она напоминаетъ и своею высокою, стройною фигурой, и своимъ смуглымъ лицомъ, черноглазымъ, чернобровымъ, черноволосымъ, и серьезнымъ выраженіемъ своего лица, такъ хочется ей любить. Но ласкаемая матерью и сама съ нею нѣжная, дочь чувствуетъ свою передъ нею виновность въ недостаточности своей дочерней любви. Что-то, чего не умѣла себѣ объяснить дѣвушка, препятствовало душевному сближенію двухъ такихъ естественныхъ друзей, какъ дочь и мать. Обѣ чувствовали невольно духовную пустоту, ихъ раздѣлявшую вслѣдствіе того, что ихъ взаимныя отношенія не воспитались временемъ, не выросли вмѣстѣ съ ростомъ дочери, на почвѣ семейной жизни. Вѣдь семья, воспитавшая Марусю, московская, хотя ей и чужая по крови, была въ сущности ея родною семьею. Это Маруся, да и ея мать, и понимали, и чувствовали.

Все-же, всегда и во всемъ отдававшая себѣ отчетъ, а къ самой себѣ и къ своимъ обязанностямъ строго относившаяся, молодая дѣвушка старалась, съ присущею ей добросовѣстностью, поставить себя на свое, дочернее, въ родной семьѣ мѣсто и искреннею любовью заслужить ея къ себѣ любовь. Материнской любви она отвѣчала нѣжностью, часто трогавшею мать, вознаграждавшею ее за многолѣтнее гореванье по пропавшемъ ребенкѣ. Убѣжденье, что она не брошенное матерью своею дитя, но отнятое у нея несчастьемъ, теперь успокаивало Марусю. Но она смущалась при мысли о свиданьи съ отцомъ и братьями и много о нихъ разспрашивала мать. Разсказы матери, казачья охрана, скакавшая за брикой полковницы, самыя мѣста степныя, которыми они слѣдовали, вызывали въ Марусѣ совсѣмъ новыя впечатлѣнія. Но она не забывала московской своей семьи и, тоскуя по ней, таила отъ матери свои вздохи, свою тоску.

„Благодарю Бога, возвратившаго меня моей родной семьѣ,— думала дѣвушка.—Благодарю Бога, что я оказалась не подкидышемъ: горько было мнѣ думать, что мать отреклась отъ своего кровнаго дитяти, что бросила меня на произволъ судьбы. Я не подкидышъ! Я желанное, оплаканное дитя семьи!..“

— Краля моя!—съ нѣжною улыбкою шептала, бывало, Олена Васильевна, сжимая руки дочери въ своихъ сильныхъ рукахъ и любуясь на дочку, которой смуглыя щечки вспыхиваютъ румянцемъ, черныя брови сдвигаются характерно, а черные зрачки загораются огонькомъ молодого самолюбія подъ внимательнымъ материнскимъ взглядомъ.—Зорька моя ясная, голубонька сизенькая! Вся-то ты въ свою роденьку, дочка милая. Такая-то вотъ, въ твои года, и я красовалась, хлопцы заглядывались сватовъ засылали... Не засидишься у меня въ дивчатахъ.

Полковница удивилась, замѣтивъ непріятное впечатлѣніе,

произведенное ея словами на дочь, на глазахъ которой блеснули слезы, Она поспѣшила ихъ отереть и подавила свой вздохъ.

— Развѣ въ твои года дѣвушка не думаетъ о женихахъ, Маруся?—замѣтила мать, съ недоумѣніемъ глядя на грустную дочь.

— Я еще о женихахъ не думала, мамо,—отвѣтила Маруся.

— А если женихъ подходящій къ тебѣ, доню, посватается?

— Откажу ему, мамо.

Рѣшительность этихъ словъ звучала въ голосѣ, выражалась на взволнованномъ лицѣ дѣвушки.

— Что такъ, доню?—Полковница пуще недоумѣвала.—А если женихъ и тебѣ, невѣстѣ, и намъ, родителямъ, по душѣ придется? Можно ли впередъ, не зная жениха, ему отказывать? То твои дѣвичьи, неразумныя слова, Маруся. А на дѣлѣ такъ бываетъ, какъ пѣсня спѣваетъ:

Ой, перепеличка,
Мала, невеличка,
По полю літае,
Траву прогортае,
Гниздечка шукае.
Знай шла сокілочка:
«Сокілоньку ясный,
Мій милый, прекрасный,
Гордуешь ты мною,
Якъ витеръ горою»...

Нѣтъ матери, которая не поняла бы сердца своей дочери, занятагс тайной, скрываемой дочерью даже отъ матери. Полковница убѣждалась, что Маруся жалѣетъ Москвы и горюетъ не по однимъ старикамъ-родителямъ названнымъ, но что тутъ замѣшался и молоденькій москаль. Конечно, ея подозрѣніе всего основательнѣе остановилось на ея братцѣ названномъ. О немъ Маруся говорила рѣдко, но всегда съ одушевленіемъ, ее выдававшимъ. „Что-жъ,—сама съ собою разсуждала мать,—хотя бы и такъ, съ Богомъ подъ вѣнецъ, коли онъ ея суженый. Породниться съ такою благородною московскою семьею и старикъ мой не прочь, я знаю... славные они москали“.

Вотъ и степи изюмскія. Маруся, подавленная величіемъ и прелестью этой дикой, не тронутой еще человѣкомъ, природы, безмолвно наслаждалась широкой, безпредѣльной травянистой пустыней, которой дѣвственный пырей, перемежаемый клеверомъ въ розовыхъ цвѣтахъ, голубыми колокольчиками, желтой сурѣпкой и конскимъ щавелемъ, волновался подъ легкими схватками теплаго вѣтерка. Этотъ степной, свободно движущійся вѣтерокъ такъ отрадно освѣжаетъ жаркое личико дѣвушки, словно нашептываетъ ей свои степныя сказки и фантазіи. Онъ говоритъ ей объ этихъ древнихъ степныхъ могилахъ, темнѣющихся ближе и дальше и голубѣющихъ на горизонтѣ кругомъ; вотъ каменная, грубо изсѣченная баба, на высокой могилѣ невольно наводитъ на воспомпнанія о томъ невѣдомомъ степномъ народѣ, ко-

тораго трудомъ и религіею воздвигнуты и эти могилы, и эти бабы. Глубокая тишина и величавое спокойствіе степи казались полными жизни и движенія, какъ бы недоступныхъ взору и слуху человѣка, но имъ чувствуемыхъ. Въ этомъ торжественномъ покоѣ природы, прекрасной и могучей въ самомъ своемъ однообразіи, Маруся сознавала и чувствовала присутствіе Самого Бога, мудраго Творца всего того, что ее окружаетъ, что она видитъ, слышитъ, понимаетъ. Въ виду этого божественнаго творческаго величія, сама себѣ дѣвушка казалась ничтожествомъ. Надъ нею безпредѣльное голубое воздушное пространство, тонущее въ золотистомъ солнечномъ свѣтѣ, ослѣпительномъ, горячемъ, оживляющемъ и душу человѣческую и лоно природы. Передъ этимъ небеснымъ свѣтомъ, что значитъ слабый свѣтъ земного огня? Передъ славой Господней, что значитъ людская слава? Въ природѣ неодушевленной Маруся признавала силу, власть и разумъ Отца Небеснаго, сотворившаго и человѣка. Необъятная травяная пустыня, съ своею голубою, дрожащею въ глазахъ, далью, съ безчисленными могилами, охватывали поѣздъ полковницы, нарушавшій ея глубокое спокойствіе. Узкая сакма капризно извивалась, избѣгая верховъ и отвершковъ, байраки и мочежины. Колеса катились, постукивая своимъ желѣзомъ; слышались глухой топотъ бѣжавшихъ лошадей, тупой звякъ сабли, ударяющейся о стремя, человѣческій голосъ, лошадиное фырканье. Поѣздъ и его звуки изумляли степного беркута, поднявшагося въ высь медленными, плавными взмахами сильныхъ крыльевъ, съ своимъ клектомъ, звонкимъ и какъ бы угрожающимъ нашимъ путникамъ.

Полковница оказалась въ дорогѣ совсѣмъ непохожею на трусиху-боярыню. Съ нею и Маруся казалась храбрѣе. Полковница объясняла дочери проѣзжаемыя урочища и знакомила ее съ подробностями станичной службы.

— Чьи-жъ эти могилы? И сколько ихъ по степямъ, мама?— спрашивала Маруся,—и кто только ихъ насыпалъ?

— Насыпали ихъ дикіе народы, идолопоклонники, доню. Тоже воители были: вырываютъ при скелетахъ оружіе.

И, убаюкиваемая качкой брыки, Маруся слѣдила за очертаніями кургановъ, обрисовывавшихся въ дрожавшемъ парѣ голубой дали. Она задумывалась надъ судьбою давнишнихъ людей, какъ схороненныхъ въ этихъ молчаливыхъ, таинственныхъ могилахъ, такъ и насыпавшихъ эти могилы. Вмѣстѣ съ ними схоронено и ихъ прошлое, невѣдомое намъ и намъ любопытное. Конечно, эти давніе люди страдали такъ же, какъ страдаемъ и мы, нынѣшніе люди; конечно, и тѣ люди любили, ненавидѣли, враждовали, конечно, были и несчастныя дочери.

Вниманье дѣвушки невольно обращалъ на себя лихой казакъ Татарчукъ, скакавшій сбоку брыки и ведшій поѣздъ, какъ хорошо знающій степь. Онъ не даромъ прозывался Татарчукомъ,— видъ имѣлъ азіата чистокровнаго: рожа скуластая, узкоглазая и даже раскосая, темная, словно изъ сапожнаго товара, съ при-

плюснутымъ носомъ и висячими черными усищами. Православную христіанскую вѣру свою онъ понималъ слишкомъ своеобразно для того, чтобы имѣлъ право называться христіаниномъ. Его коренастая фигура въ красномъ бешметѣ, въ длинныхъ сапогахъ и смушковкѣ на затылкѣ выбритой головы съ оселедцемъ на макушкѣ, составляла съ конемъ какъ бы одно цѣлое. Привставъ на стременахъ, съ наклономъ всего корпуса напередъ, подавшись лѣвымъ плечомъ тоже впередъ, съ рукою, зажавшею ременныя поводья узды и волосяной чумбуръ, онъ плавно подымался и опускался вмѣстѣ съ ходомъ коня. Его правая рука свободно держала нагайку, висѣвшую на ремешкѣ, готовая схватиться за пистоль, заткнутый за наборный мѣдными бляхами ремень, перехватывавшій его бешметъ на крючкахъ, или выхватить изъ ноженъ кривую саблю, болтавшуюся у его лѣваго бедра. На груди висѣлъ мѣдный рожокъ, а на ременномъ поясѣ спереди кожаная пороховница и дробовница. За плечами винтовка, а также колыхалась длинная красная пика, которой тупой конецъ въ кожаномъ бушматѣ, притороченномъ къ правому стремени, а середина поддерживалась ремнемъ, охватывавшимъ его правую руку выше локтя. Подпрыгивая вмѣстѣ съ движеніемъ коня, онъ присѣдалъ на высокую кожаную подушку нагайскаго сѣдла. Высокозадый, нескладный рыжій конь на прочныхъ ногахъ, поджарый, съ большою горбоносою мордой, съ длинной шеей, обвитой длиннымъ чумбуромъ, легко бѣжалъ, звонко и весело ёкала его селезенка. На этомъ степнякѣ случалось Татарчуку удирать безъ оглядки отъ погони, спасая свою шкуру. Не разъ въ рукопашной схваткѣ враги пытались стащить его съ сѣдла, но стащить его оказывалось не по ихъ силамъ: только мертвый могъ онъ на землю свалиться съ сѣдла, либо вмѣстѣ съ конемъ. Онъ часто сворачивалъ съ проторенной дороги и велъ поѣздъ напрямикъ, травянистою степью, безъ видимыхъ признаковъ, и этимъ вызывалъ удивленіе Маруси. Онъ, не выпуская дымившейся люльки изъ крѣпкихъ зубовъ, зорко поглядывалъ кругомъ и вдаль.

Припекало по мѣрѣ того, какъ солнце восходило на полдень. Хотя и подъ кожанымъ верхомъ, путницы обливались потомъ и страдали отъ жажды. Запасъ воды согрѣлся. Хотѣлось бы имъ прохладиться. Спасибо, показался хуторъ. Бѣлая мазанка скрывалась въ густо разросшихся кустахъ бузины, въ садку изъ вишенника, сливника и черемухи. Глубокая балка своими крутыми боками, возвышавшимися надъ хуторкомъ, закрывала его, словно сберегая его мирныхъ обитателей отъ опасной случайности, всегда возможной въ глухой степи. Родникъ чистой, какъ слеза, воды, мелодически журчащимъ ключемъ выбиваясь изъ-подъ сѣрыхъ дикихъ камней балки, разливался въ каменистомъ ложѣ и блестѣлъ на солнцѣ. Поѣздъ остановился, усталые люди слѣзали съ усталыхъ коней, чтобъ самимъ напиться и коней напоить. Ключевая вода всѣхъ манила. Пока всѣ, начиная съ госпожъ, утоляли свою жажду, къ брикѣ подошла хозяйка-моло-

дица съ груднымъ младенцемъ на рукахъ. Она привѣтливо поклонилась госпожамъ и съ доброй улыбкой привѣтствовала ихъ.

— Здорови були, пани-матка! Съ святою пьятныцею!

— Спасибі, молодица... чи не Гапка будешь?—отвѣтила полковница, охотно вступавшая въ бесѣду съ простонародьемъ,—а може, Тетяно?

— Маруся була, пани-матка!—съ повтореннымъ поклономъ возразила молодица.—Чи то до Узюма рушаете?

— До Узыма-жъ, молодица. Съ чоловикомъ живешь?

— А тожъ, пани-матка. Чоловикъ мій въ байракъ волыками поихавъ по лисъ. Оце тыждень. Съ дѣтыной зосталась.

— Певно страхуешься, Маруся, безъ чоловика зоставсь? Степа!

— Крый Мати Божа! Винъ вернется до ночи, мабуть...

— Что-жъ, молодица, чоловикъ твой тебя певно шануетъ?

— А то-жъ, пани-матка. По согласію своему вѣнчались.

Худощавая, молоденькая хохлушка въ красномъ очипкѣ на свѣтлыхъ волосахъ, съ пріятнымъ лицомъ, въ бѣлой сорочкѣ и короткой исподницѣ, сверхъ которой короткая же плахта обтягивала ея станъ, обнаруживая загорѣлыя босыя ноги, понравилась и полковницѣ, и ея дочери. Дочь даже подарила молодицѣ цѣлую копу грошей.

— Се-жъ, за війщо одарувала мени, панночка?—въ недоумѣніи глядя на деньги въ своей рукѣ, спросила молодица, не рѣшаясь ихъ принять.—За війщо, панночка, кажи?

— За то, что ты Маруся,—пояснила панночка.—Маруся же и даритъ тебѣ, молодица.—Купи дѣткѣ крестикъ, вспоминай меня часомъ, свою тезку...

— Спасибі, панночка, голубонька! Пошли тебѣ Господи вікъ довгій!—Молодица поцѣловала щедрую панночкину ручку.—Трымайте соби съ Богомъ!

Поѣздъ продолжалъ свой путь веселѣе, такъ какъ и люди и кони освѣжились, вволю напившись ключевой воды. Татарчукъ пояснилъ, что это „Терновая балка“, что теперь и Узюмъ не далекъ. И вправду: засинѣлся вдали „Кремянецъ“, огромная гора въ рытвинахъ, бѣлѣвшихся мѣломъ, голая, лишенная растительности. То подымался „Изюмскій курганъ“, упоминаемый въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Затемнѣлись и изюмскіе и царебори-совскіе лѣса, обсѣвшіе теченіе Донца и Оскола, здѣсь въ него впадающаго. Маруся съ понятнымъ любопытствомъ разглядывала приближающійся городъ. Бѣлѣлись мазанки и домики, крытые очеретомъ или дранью. Среди нихъ возвышалась строющаяся каменная церковь и домъ ея отца, полковника. Маленькая деревянная церковь на полугорѣ пріютилась на кладбищѣ. Высокіе зеленѣвшіеся земляные валы и по нимъ темнѣвшійся дубовый палисадъ—дубы, стоймя врытые въ насыпь,—охватывали кругомъ городъ. Широкій Донецъ отдѣлялъ „Пески“, казачью слободу съ каменною церковью, отъ города. Переправа производилась на паромѣ, шедшемъ на греблѣ и на шестахъ, безъ каната.

по большой ширинѣ отъ берега до берега. Мостовъ черезъ Донецъ въ то время не было. Впрочемъ, нашимъ путникамъ слѣдовало ѣхать не въ городъ, а на хуторъ, вблизи города, на самомъ же Донцѣ. Здѣсь жила полковница, сюда наѣзжали полковникъ и ихъ сыновья, когда могли.

Долго простояла Маруся надъ свѣтлымъ зеркаломъ рѣки, на своихъ волнахъ носившей челны многихъ степныхъ народовъ. Она съ любопытствомъ знакомилась съ новыми мѣстами, казавшимися ей прекрасными. Изюмская крѣпость, обезпечивавшая Москвѣ обладаніе ими, возвышалась своими земляными валами, съ которыхъ на всѣ стороны грозно глядѣли жерла чугунныхъ пушекъ, охраняемыхъ вооруженными караульными. Это укрѣпленіе возвелъ ея отецъ, всю свою жизнь и жизнь своихъ сыновей посвятившій на защиту и устройство привольнаго придонецкаго края, а потому заслужившій себѣ лестное народное прозванье Донца. Какъ только выѣхали изъ Кіева, Маруся съ каждымъ днемъ, приближавшимъ ее къ Изюму, все болѣе убѣждалась въ широкой извѣстности изюмскаго полковника Донца. Съ понятною гордостью дочери она выслушивала восторженные разсказы о козацкомъ геройствѣ своего отца и съ трепетомъ желала и готовилась съ нимъ встрѣтиться и полюбить его. Ей довелось даже услыхать мѣстнаго бандуриста-слѣпца, воспѣвавшаго подвиги изюмскаго героя. Баллада, или дума степная, передавала появленіе Донца съ его лихими сыновьями и полкомъ передъ каланчей крымскаго Перекопа, его возвращеніе во-свояси не только съ отбитыми у ногайцевъ русскими полонянниками, но и съ татарскими косяками и мурзами.

Въ то время, какъ полковница разспрашивала окружавшихъ ее бабъ, все ли у нихъ на Изюмѣ и въ степи благополучно, а на ихъ бабьи вопросы объясняла имъ, гдѣ была, что видѣла, какъ устала по такому длинному пути, Маруся купила мягкихъ бубликовъ и маковиковъ у торговки, сидѣвшей за своимъ лоткомъ. Послышался конскій топотъ, приближался, и къ конной охранѣ полковницы подъѣхалъ верховой, внѣшность котораго выдавала несомнѣнно начальника. Добрый взмыленный конь, видимо, усталъ подъ огромною усатою фигурой въ казакинѣ алаго сукна, въ широчайшихъ синихъ нанковыхъ штанахъ и желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ. Сѣрая смушковая шапка на затылкѣ подбритой кругомъ головы, въ рукахъ плеть, сбоку сабля. Его сопровождалъ козакъ верхомъ, съ пикой за плечами.

— Здорови були, земляки хлопцы! Благополучни вертаетесь соби?—привѣтствовалъ козаковъ усатый всадникъ голосомъ, явно привыкшимъ командовать въ полѣ и заставившимъ Марусю вздрогнуть. Сильно забившееся ея сердечко подсказало ей, что это ея отецъ. Она не сводила съ него своихъ глазъ.

— Спасибі, добродію, пане полковнику! Благополучни соби!— дружно гаркнули козаки.—И пани-матка благополучна же, панъ-отецъ!

— Благополучна-жъ, коханній мій Грицю! Хвалить Господа,

всі живі та здорові, чого-жъ тобі!—подтвердила полковница, очутившись возлѣ мужа и встрѣчая его съ счастливою улыбкой, смягчившей ея строгое лицо и съ несомнѣннымъ желаніемъ его обнять и поцѣловать.—Якъ же ты, старый, безъ мене тутъ зоставався? Чи живенекъ, здоровенекъ?

— Що вже й казать, якъ бачишь, Олено сердце!—весело отвѣтилъ полковникъ, грузно слѣзая съ сѣдла и бросая поводья своему козаку.—Сказано: козакъ! То-отъ вітеръ въ полі, гуляе, де схоче! Дмухне—здіймеця, не почуешь, не побачишь! Наша полковая служба—що день на конику, Олено. Благалъ Господа, щобъ тебе повернулъ до насъ. Ты вже погуляла, мабуть, за насъ, грѣшныхъ, побогомольствовала во святѣмъ Кіевѣ, паниматка?

— А то-жъ, панъ отецъ. Де-жъ теперь сыны милые?

— Козакуютъ. Въ степу промышляютъ, Олено. Ну, хвалить Господа, побачились зъ тобою, жинко. Объіздила, мабуть, весь світъ. Пора вже й схаменуться, пора до господарства вернуться. Здоровенька? Живенька?

Супруги любовно обнялись и поцѣловались, всматриваясь съ привѣтливыми улыбками другъ въ друга, словно съ желаньемъ подмѣтить другъ въ другѣ перемѣны, происшедшія съ ними со дня продолжительной разлуки. Но никакой перемѣны ни въ комъ изъ нихъ не оказалось, повидимому. Только особенное выраженіе счастья, еще не высказаннаго, но просящагося высказаться, свѣтилось въ темныхъ глазахъ полковницы, улыбавшейся какою-то небывалою у нея, загадочною улыбкой. Когда же, улыбаясь, она вдругъ заплакала, одною рукою закрывъ глаза платкомъ, а другою взявъ за руку приблизившуюся къ ней молоденькую дѣвушку, полковникъ, въ недоумѣніи, поглядывалъ на ту и другую и съ замѣтнымъ волненіемъ спросилъ:

— Що се таке, Олено-сердце?

— Ось що я тебѣ, Грицю мій, кажу,—заговорила полковница, совладѣвъ съ своими слезами.—Годи вже намъ тужиті, годи сумувати!.. Охъ, Боже мій милостивый! Мати Божа, Мати Пречиста! Хвалить вашу ласку святую! Змилувались надо мною, заглянулись на мои слезы, на мою біду, вернули мені дочьку неначе зъ того світа! Охъ, панъ-отецъ, пріими и любы свою дытину милу,—се вона, Маруся наша бідна, що пропала колысь малюсенькой, та добры-люди, московськи, ее взяли... Перехрестысь, та схаменись, пане полковнику! А ты, донька, пану-отцу кланяйся!

Но Маруся уже упала въ ноги отцу, поспѣшившему ее поднять и крѣпко прижать къ своей широкой груди. Порывъ неожиданной радости вызвавшій слезы на его глазахъ, лишилъ его, въ эту минуту, способности говорить. Но и безъ его словъ, по нѣжности, съ какою онъ ее обнималъ, любовался ею, по его улыбкѣ душевнаго восторга, по слезамъ, катившимся по его загорѣлому до желтизны, сухощавому бритому лицу съ огромными черными усами въ рознь, съ орлинымъ носомъ и строго сходя-

щимися черными бровями, Маруся убѣждалась въ отцовской къ себѣ любви этого мужественнаго полковника котораго огромная фигура внушала ей невольную боязнь съ перваго на него взгляда. Теперь, не на конѣ, онъ оказывался во весь свой ростъ, и его могучая фигура въ смушковкѣ съ алымъ верхомъ, въ красномъ казакинѣ и широчайшихъ, вродѣ юбки, синихъ штанахъ, чуть не закрывавшихъ желтые сапоги, казалось Марусѣ, уничтожала ея тонкую, хрупкую дѣвичью фигуру, трепетавшую въ сильныхъ отцовскихъ объятіяхъ. Она тоже плакала, тоже обнимала толстую загорѣлую шею отца, тоже улыбалась ему сквозь слезы, тоже не могла слова сказать, только прошептала „отецъ мой!“— „Тату твой!“—шопотомъ же поправилъ ее отецъ, намекая ей, что теперь она не московка, а хохлушка и должна говорить по-хохлацки: — „тату твой, донька моя милая, возвращенная Богомъ!“.

— Таточку мій ридній, коханный!—прошептала Маруся, вызвавъ своимъ хохлацкимъ выговоромъ душевное удовольствіе отца, поблагодарившаго ее нѣжною улыбкою, насколько могло варажать нѣжность его огрубѣвшее мужественное лицо.

— Ну, Маруся, ты-жъ мені очи закрыешь, поховаешь мене, доню. Бо виддамъ тобі за чловика добра, тобі по сердцу, та й будемо всі тутъ вкупці жить! Якъ же знайшлась вона донька, кажи мені, Олено Васыльевна? То, мабуть, диво, Божье дѣло?

— Мабуть, Божье дѣло, панъ-отецъ! — подтвердила полковница и разсказала подробности того, какъ встрѣтилась съ дочерью и ее опознала. Полковникъ внимательно слушалъ, все время не выпуская дочь изъ своихъ объятій и на нее нѣжно поглядывая.

Маруся чувствовала себя въ теплыхъ, родныхъ объятіяхъ, и хотѣла поскорѣе привыкнуть къ этой мощной, воинственной фигурѣ отца и полюбить его. Мать съ умеленіемъ на нихъ люб валась, со слезами передавая отцу интересовавшія его обстоятельства, сопровождавшія встрѣчу и находку, по истинѣ чудесныя.

— Певно, то Божье дѣло!—согласился полковникъ.—И бояре московьски, що сберегли та й воспитали нашую Марусю, Божьи люді... Ты-жъ, доню, довго по світу блукала. Ждали мы тебе, ждали, та й надію втеряли; ажъ Господь повернувъ тебе, до родителей, крый тебѣ Мати Божа! Выбери собі тутъ чловика, гарнесенькаго парубочка, якой тобі любъ, тай господарствуй на батькивщини. Нехай и мы съ мамой доживемъ тутъ віка зъ вами, а коли Богъ благословитъ, то ще й онучатокъ буду доглядать.

Маруся, чуть не сгорѣвъ отъ дѣвичьяго стыда, вызваннаго простодушными словами отца, скрыла свое пылавшее личико на отцовской груди. Мать за нее вступилась.

— И не кажить ей про сватовъ та й про жениховъ, бо вона слухать не хочетъ! — замѣтила мать съ внушительностью, принудившею отца обратиться къ вопросу:

— Мабуть вы баби, и зъ козаками, сегодни и не іли ничого въ дорози? Ходімъ скоріше до човна, та й човномъ до хаты, підживитись съ дороги... Гайда хлопцы до хутора дорогою, а мы водою!.. Близенько, Маруся нашъ хуторъ, — пояснилъ онъ дочери, любовавшейся молодцоватостью отца, котораго мощная фигура облагораживаласъ въ ея глазахъ мягкими пріемами и вкрадчивостью взгляда и голоса, въ его обращеніи съ женою и дочерью; такъ „вѣжливо" обращаться съ „дамами", могъ въ то время только „кавалеръ", воспитанный нравами шляхетскаго общества. Такимъ „кавалеромъ" могъ считаться полковникъ, въ своей молодости вращавшійся въ домахъ польскихъ пановъ и магнатовъ, когда еще не покидалъ праваго берега Днѣпра, откуда на московскую украйну онъ свелъ нѣсколько тысячъ гречкосѣевъ и козаковъ. Когда запыленный свой алый казакинъ онъ снялъ и облекся поверхъ желтаго жупана въ поданый ему козакомъ синій кунтушъ польскаго покроя съ висячими длинными рукавами, то смахивалъ на чистокровнаго польскаго пана, несмотря на всѣмъ извѣстную ненависть свою къ Польшѣ. Простодушіе, вообще характеризующее крупныхъ людей, особенно нравилось въ отцѣ Марусѣ, и убѣждало ее въ томъ, что она скоро сблизится съ отцомъ и полюбитъ его. Полюбить его, воинственнаго героя, встрѣтившаго ее, свою дочь, съ нѣжностью, какъ бы не соотвѣтствовавшею его внѣшности, такъ ей теперь хотѣлось. Ее тяготило сознаніе, что между ними пока нѣтъ внутренней, душевной связи, что ей и взяться было пока не изъ чего.

— Не представляла себѣ ты, Маруся, отца такимъ страшнымъ воякой?—спросилъ полковникъ, замѣтивъ, что дочь внимательно на него глядитъ.—Батько козачій выгляда чортомъ, не бабіемъ, бо ему съ коня не слѣзати, съ татаромъ сѣктись, степа боронити треба... Ты-жъ, доню, бачу, не изъ рода своего, въ родъ: высока та й стройна, якъ молодой осокоръ... И хохлушка, якъ есть: сорочка бѣла, заполочью шита, и корсетка бленкитная, и спидница ала, и плахта, и монисто, и серьги, и коса чорна зъ лентою... Краля! Чомъ краснѣешь, якъ тая слыва на солнцю?

— Дивочье ее діло, панъ отецъ!—замѣтила полковница, сама съ счастливой улыбкой любовавшаяся дочерью и ея смущеньемъ. Мать счастливило убѣжденье, что дочь отцу понравилась.

— Сидайте въ човнъ!—сказалъ полковникъ, уже въ большой, изъ толстой вербы выдолбленной, со скамейками, лодкѣ, закачавшейся подъ его, хотя осторожнымъ, но тяжелымъ въ нее вступленіемъ.—Ну, московка, сидай до мине! Ѣдемо Донцемъ! Рушай, Гадюка! Зъ Богомъ! Верства до хутора всего будетъ ли?

Козакъ плавно погналъ весломъ човнъ.

Вправо высился Кремянецъ, внизу его крѣпость, церкви и бѣлые домики Изюма,—все озаренное золотымъ свѣтомъ садящагося солнца, отражавшагося вмѣстѣ съ голубымъ небомъ въ спокойномъ зеркалѣ донецкихъ водъ, слѣпившаго глаза. Тихая прелесть и вечерняя свѣжесть воздуха располагали Марусю къ

молчаливому созерцанію прекрасной, широко раскидывавшейся передъ нею картины южной природы. Только люлька отца, дымившаяся крѣпкимъ турецкимъ табакомъ, заставлявшимъ ее чихать, а отца закатываться веселымъ смѣхомъ, нѣсколько портила ея счастливое настроеніе.

— Привыкнешь, доню, къ табаку отцову,—замѣтилъ онъ, съ наслажденіемъ насасывая люльку.—Москали, знаю, табакъ чортовымъ зельемъ бранятъ...

VI.

Та не журь мене, мати.
Бо я та такъ журюся:
Ой якъ выйду за ворота
То й отъ вітру валюся!

(*Малороссійская пѣсня*).

ХУТОРЪ полковника привольно расположился надъ Донцомъ, отражаясь въ немъ съ своего возвышеннаго берега старыми развѣсистыми осокорями и вербами, которыхъ толщина изумляла Марусю. Она не могла налюбоваться обширнымъ и прекраснымъ видомъ, открывавшимся съ „ганка", т. е. галлерейки отцовскаго бѣленькаго домика подъ высокою очеретовою крышею, во всѣ стороны. За блестящимъ зеркаломъ Донца встаетъ голая громада Кремянца, съ крѣпостью и городомъ у его подошвы; вправо рѣка выходитъ изъ темнѣющагося бора, котораго смолистый запахъ, доносимый легкимъ вѣтеркомъ, дѣвушка вдыхаетъ полною грудью; влѣво синѣютъ далекіе лѣса святогорскіе, и на ихъ фонѣ бѣлѣются мѣловая скала и на ней мѣловая же церковь; ближе—боры цареборисовскіе. Правый берегъ, крымскій, также какъ и лѣвый, ногайскій, обсыпаны веселыми бѣлыми мазанками въ садкахъ. Густое населеніе ютилось подъ защитою изюмской крѣпости. Козачья слобода „Пески", съ улицами, разбросанными по пескамъ, съ каменною церковью, высылала сотню Изюмскаго полка. За сотенною слободой сейчасъ же хуторъ полковника. Большая, сѣнями раздѣлявшаяся на двѣ половины, бѣлая хата, срубленная изъ толстыхъ пластинъ, скрывалась въ густомъ садкѣ изъ вишенъ, сливъ и бузины. Обсыпанные роскошнымъ и благауханнымъ бѣлымъ цвѣтомъ, деревья и кусты восхищали своею прелестью Марусю. Но она задумывалась при видѣ двухъ большихъ деревянныхъ крестовъ, печально подымавшихся съ уединенныхъ могилъ въ углу садка. Материнская любовь слѣдовала и за гробомъ. Она украсила могилы умершихъ дѣтей цвѣтами барвинокъ, крученыхъ панычей, любистокъ, мяты. Мать объяснила Марусѣ, что здѣсь покоятся ея маленькія сестренки, умершія еще грудными, что ихъ ангельскія душки на небесахъ, что одну звали Васой, а

другую Павлой. Маруся вздохнула и, колѣнопреклоненная, цѣловала зеленѣющія могилы сестрицъ, ей неизвѣстныхъ. За нихъ она мысленно помолилась Богу. Когда ей тяжело бывало на сердцѣ, она приходила сюда, въ тихое уединеніе, подъ тѣнь огромныхъ осокорей, садилась на могилку и предавалась своимъ печальнымъ думамъ, называемымъ воспоминаніями своего московскаго прошлаго. Забыть своего дружка милаго, братца названнаго, она хотѣла бы, но не могла. Милый ей образъ Андрюши глубоко впечатлѣлся въ ея дѣвичьемъ сердцѣ, милое прошлое мѣшало ей жить настоящимъ такъ, какъ оно ей представлялось и давалось. Она сознавала невозможность подобнаго положенія, чувствовала всю его тяжесть, старалась быть дочерью своей семьи не по названію только, и все-таки это незабвенное прошлое раздѣляло ее съ родной семьей. Патріархальный бытъ полковничьей семьи съ опрощенными нравами ей нравился.

Такъ жили, воображала она себѣ, библейскіе патріархи.

Полковникъ, на своихъ „ранговыхъ и заимочныхъ грунтахъ", хозяйничалъ съ отличавшей его энергію. Левады, гаи, сѣножати, ставы съ мельницами, садки, стройка панскаго дома въ слободѣ Бугаевкѣ—вотъ предметы его мыслей и разговоровъ, какъ хозяина. Изюмскія укрѣпленія, опасныя вѣсти со степи, очередная смѣна степовой сторожи, провѣрка степовой службы—вотъ предметы его мыслей и разговоровъ, какъ военачальника. Все полковое населеніе повиновалось ему, какъ бы его подданные, чтившіе въ немъ справедливаго, милостиваго, но грознаго, гдѣ надо, начальника. Казалось, лѣта и труды, перенесенные и переносимые, не оказывали своего разрушительнаго дѣйствія на его здоровье и силы, закаленныя съ ранней молодости. Съ зари и до зари онъ на воздухѣ, да и спалъ лѣтомъ тоже на воздухѣ, на толстомъ войлокѣ, постланномъ на крыльцѣ коморы „пидъ пиддашками". Проскакать верхомъ въ Бугаевку и обратно однимъ днемъ, то есть сдѣлать въ оба конца почти восемьдесятъ верстъ—полковнику было за обычай. Свободное отъ всякихъ дѣлъ время, вообще рѣдко выдававшееся ему, онъ любилъ проводить или на своемъ „ганку" съ люлькой въ зубахъ, или на рыбной ловлѣ. На „ганку" же отдавались хозяйскія и начальническія приказанія, выслушивались доклады и жалобы, творились судъ и расправа. Полковница также одѣтою встрѣчала раннее утро. Умывшись холодною водою прямо изъ криницы, помолясь передъ иконой за „сродниковъ и за померши души", она посвящала утро домашнему хозяйству и оно у нея было примѣрное. Не лѣнилась она посѣщать даже не близкій баштанъ. „Снѣданье" сбирало къ столу, на ганку, семью. Приступая къ горячему кулешу съ саломъ, либо къ гречневымъ вареникамъ, плававшимъ въ золотистомъ маслѣ и бѣлой сметанѣ, такой густой, что ложка въ ней стояла, полковникъ снималъ свою смушковую шапку, обнажая голову, которой черные волосы были, по-польски, кругомъ подбриты снизу. Перекрестясь,

онъ брался за ложку, приговаривая! „Отъ це-жъ, якъ пише Давидъ, сідоша людіе, снідающіи хлібъ въ снідь“.

Маруся нескоро смогла попасть въ свою новую колею. Ей таки пришлось выслушивать шутливыя издѣвки отца, да и матери, выговаривавшихъ ей, что мало ѣстъ, что не весела, что пора ей, на вольныхъ кормахъ, поправиться, потолстѣть. Все, съ нею случившееся въ послѣднее время, начиная съ выѣзда изъ Москвы, представлялось ей какимъ-то сказочнымъ превращеніемъ, котораго королевной была она. Въ чудномъ свѣтѣ казалось ей теперь все, что она видѣла, понимала, чувствовала. Восхитительная природа этихъ благословенныхъ южныхъ мѣстъ, въ лучшую ихъ пору, весною, дышала на нее чуднымъ воздухомъ, настоеннымъ запахомъ бузку, черемухи, ландышей, бѣлой акаціи. Первый солнечный лучъ подымалъ ее съ кровати. Криничная вода ей не нужна для умыванья, она шла на Донецъ, сверкавшій золотомъ, серебромъ и синевой неподвижной воды. Въ заливѣ, кругомъ защищенномъ стѣнами густого очерета, она погружалась вся въ свѣжую воду, надъ которою стлался легкій паръ. Слезы ночной росы блестѣли и переливали, словно брильянты и изумруды, на широкихъ листьяхъ очерета. Золотистая и серебристая рыбка рѣзво играла въ водѣ, плескалась, или звонко билъ хвостомъ старый сѣдой сомъ. Тѣнь отъ возвышеннаго берега ложилась на воду, полосой, казавшейся дѣвушкѣ страшной и холодной въ сравненіи съ горячимъ блескомъ солнца, растворившимся въ заливѣ. Съ пріятною дрожью въ своемъ молодомъ, стройномъ тѣлѣ, Маруся выходитъ изъ воды и одѣвается. Купанье освѣжаетъ не только ея тѣло, но и ея мысль. Въ огородѣ она рветъ цвѣты—чернобрывцы, любистокъ, царьску бородку, плететъ вѣнокъ и украшаетъ имъ свою черноволосую головку. За сніданьемъ отецъ съ матерью ею любуются; отецъ, весело ей подмигивая, повторяетъ слова какой-нибудь малороссійской пѣсенки, поющей любовь, вродѣ такой:

Теренъ, теренъ, та не хміль,
Прійшовъ милый, та не мій,
Мою душу порыва,
Кого люблю, той нема!

Конечно, въ веселыхъ шуткахъ отца Маруся видѣла своеобразную любовь къ себѣ и ею дорожила. Мать брала ее съ собою по хозяйству и хвалила ея усердіе и желаніе научиться. Но дочку ни въ чемъ не приневоливала, жалѣла ее и баловала. Дочка помѣщалась въ чистенькой, веселенькой комнаткѣ, съ окнами на солнцѣ, а потому всегда свѣтлой. При ней въ услуженіи находилась шустрая дѣвочка Параска, потѣшавшая ее своей степной простотой, иногда доходившей до дикости понятій, и привязавшаяся къ паночкѣ всею своею чистой душой. Гуляя вдвоемъ, Маруся рвала ландыши, землянику лѣсную, грибы послѣ дождей. Предоставленная самой себѣ, она отдавалась всѣми способностями природѣ, особенно прекрасной и поэтиче-

ской весною, и въ мѣстахъ, ее окружавшихъ. Иногда, уединясь раннимъ утромъ на сестриныхъ могилкахъ, она заслушивалась сладкой и роскошной пѣсенки соловья, гремѣвшей и замиравшей подъ лиственнымъ сводомъ громадныхъ вербъ и осокорей, которыхъ желтый цвѣтъ своимъ благоуханіемъ какъ бы опьянялъ ея молодую, мечтательную головку. Пернатый пѣвецъ любви и сердечной нѣги будилъ въ душѣ дѣвушки сладостныя воспоминанія и дарилъ ее нѣжными грезами. Вонъ птица вольная высоко, высоко летитъ по синему поднебесью... Въ прозрачномъ воздухѣ она плыветъ темной точкой и вдругъ блеснетъ золотомъ, охваченная горячимъ лучомъ. Задумчивые глаза дѣвушки слѣдятъ за птицей, а ея грустное сердце спрашиваетъ: откуда и куда она летитъ? Не изъ далекой ли сторонки, гдѣ онъ, ея зазноба сердечная? Отчего она не вольная птица? Полетѣла бы къ нему на крыльяхъ своей любви... Встрѣтится ли она съ нимъ когда-нибудь? Узнаетъ ли онъ о ея къ нему любви,— о ея любви, не похожей на любовь сестры къ брату? О, если бы даже она потеряла его для себя, ея къ нему чувство, которымъ она живетъ, отъ котораго страдаетъ, отнимутъ отъ нея только вмѣстѣ съ ея жизнью... Разбирая характеръ Андрюши и его поведеніе, особенно въ отношеніи къ себѣ самой, Маруся невольно останавливалась на убѣжденіи, что она ему не такъ близка и дорога, какъ онъ ей близокъ и дорогъ. Конечно, разлука, да еще долговременная, чужая сторона, новые люди, новыя впечатлѣнія еще болѣе отдалятъ его отъ нея, окончательно порвутъ тонкую связь, возникшую изъ общаго ихъ дѣтства, укрѣпившуюся общимъ ихъ воспитаніемъ... Понимая, вообще, мужской характеръ себялюбивымъ, гордымъ, противоположнымъ женскому характеру, дѣвушка была расположена извинить все, что ей не нравилось въ поведеніи ея друга. Она слишкомъ горда, чтобы упрекать его въ безсердечности, въ равнодушіи къ себѣ, страдающей по немъ. Ни онъ, ни кто другой не узнаетъ объ этомъ страданіи. Она понимаетъ, что кромѣ слезъ и горя, чувство ея ничего ей не сулитъ. Но разстаться съ этимъ чувствомъ—выше ея силъ. Ужели ея московскіе родители названные не увѣдомятъ ея о себѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и объ Андрюшѣ? Не знать о немъ ничего—такъ ей тяжело. Словно онъ для нея умеръ. А если и вправду умеръ? И дѣвичьи сердечныя слезы горько оплакивали воображаемаго покойника, смѣняясь робкой, но сладкой надеждой, что онъ живъ, что она его увидитъ, что онъ душою ближе къ ней, чѣмъ она думаетъ, что именно эта долговременная разлука съ нею провѣритъ его мужское чувство и объяснитъ его ему въ его истинномъ значеніи для нихъ обоихъ. О, какъ счастливила ее такая мечта!

Рыбная ловля—любимое праздничное занятіе полковника— полюбилась и Марусѣ. Она съ отцомъ сѣла въ челнъ и оба гребли. Отецъ на кормѣ, съ длиннымъ болтомъ, которымъ билъ звонко по водѣ, выгоняя рыбу на просторъ изъ очерета и лозника. Вначалѣ онъ слѣдитъ за огромнымъ неводомъ, погружен-

нымъ въ воду. Молодицы, стыдливо подобравъ свои „куцыя сорочки“, съ обнаженными толстыми и загорѣлыми икрами, блестѣвшими на солнцѣ, бредутъ по водѣ, весело шумящей и плещущей подъ двигающимися ногами, и за веревки тянутъ оба крыла невода, расходясь съ ними все дальше.

— Нуте, бабы, вытягайте крыла, та заходьте дали, дали!— командовалъ полковникъ своимъ зычнымъ голосомъ.—Бачь, якъ грае рыба! Онъ выкинувсь сазанъ! Мовъ порося!...

— Той нашъ, пане, будетъ!—весело замѣтила красивая молодица, заносившая „гузырь“ и бросившая его на дно.

— Якъ піймаемо!—добавилъ полковникъ.—Расходьтесь дали! дали!—стихшимъ голосомъ, чтобы не пугать рыбы, безпрестанно плещущейся въ водяномъ пространствѣ, охваченномъ теперь неводомъ, покрикиваетъ онъ на молодицъ, которыхъ упругія груди, подъ мокрыми сорочками, приподнятыя, плывутъ по водѣ. Теперь обѣ партіи молодицъ разошлись далеко, и та, что на глубинѣ, съ трудомъ тянетъ свое крыло, погружаясь въ воду по самую шею.

— Тянитъ прямо по землѣ, не подымайте, не хилите крылъ, молодицы!—внушалъ имъ полковникъ.—Идіть тихенько, рівненько, а мы пидемо до плаву...

— Гайда, Маруся!—весело подмигнувъ дочери, уже въ човнѣ, съ весломъ въ рукахъ, говоритъ полковникъ, и садится на корму. Сильными, но безшумными взмахами весла онъ гонитъ легкій човнъ къ прибрежной заросли, обогнавъ лѣвое крыло невода, забиравшее въ заливъ, тогда какъ правое крыло остановилось, выжидая, когда лѣвое съ нимъ поровняется въ плесѣ.

— Ливе крыло наддавай!—вполголоса командуетъ полковникъ и, вогнавъ човнъ въ плавню, зашумѣвшую своимъ очеретомъ и лозникомъ подъ рѣзавшимъ ихъ човномъ, принялся усердно колотить болтомъ по кустамъ, по очерету, по водѣ. И кричитъ:

— Расьходьтесь ширше! тихенько! ривненько! выходьте!.. Такъ! такъ! Праве крыло шибчѣе!.. Теперь разомъ!.. Выходьте скорійше та держить неводъ при землѣ!..

Какъ только могутъ проворнѣе, молодицы обоихъ крыльевъ, сойдясь у берега, собираютъ неводъ. Въ его мокрой сѣткѣ блестятъ золото и серебро попавшейся рыбы. Завернутые въ зеленой тинѣ, слабо трепещутъ золотистые чабаки. Серебряные окуни съ красными перьями подпрыгиваютъ съ отчаяннымъ желаніемъ освободиться и возвратиться въ свой водной просторъ.

— Збирай матню! Тихенько! кричитъ полковникъ.—Эхъ ушелъ коропъ! Упустили! Тихенько-жъ збирай!..

Съ большимъ удовольствіемъ Маруся слѣдитъ за суетливою и веселою работою мокрыхъ, голоногихъ рыболовокъ: вытряхаютъ „гузырь“, выбираютъ съ невода мелкоту, хватаютъ высоко подскакивающихъ крупныхъ лещей и отбрасываютъ въ траву. Къ этой развязкѣ появляется и хозяйка· за ней несутъ ведра и

ночовки. Она распоряжается рыбой, объясняетъ Марусѣ ея названіе и на что какая рыба нужна: отобрала на сушку, на маринновку, въ ледъ зарубить къ столу, одѣлила мелочью рыболовокъ. Развѣсивъ мокрый неводъ на плетнѣ, молодицы обращаются къ пани-маткѣ съ замѣчаніемъ: „вода свѣженька, мабуть, треба по трудахъ вишнивки достать?“ И „достали“ вишнивки. Да тамъ же на берегу разложили огонь, согрѣлись, перемѣнили мокрыя сорочки и спидницы на сухія, повѣсили на огонь казанокъ и сварили добрую уху съ лукомъ и молодымъ укропомъ. Маруся, оставшаяся съ молодицами, съ удовольствіемъ ѣстъ съ ними вкусную юшку и вареную рыбу. Молодицы полюбили панночку за ея простоту и обходительность, и она съ ними сошлась. Любили Марусю всѣ, съ нею встрѣчавшіеся.

Не часто приходилось полковнику „баловаться“, какъ онъ выражался о своемъ, всегда кратковременномъ, пребываніи на хуторѣ, гдѣ тароватая хозяйка и вправду баловала его, какъ дорогого гостя, и не допускала его до скучныхъ и безпокойныхъ хозяйскихъ обязанностей, всецѣло взявъ ихъ на себя.

Жаркіе часы дня онъ проводилъ на ганку, у стола, покрытаго „килимомъ“ домашней работы, а сверху чистой скатертью. По раннему солнечному восходу и по тому, что блохи, „якъ зговорились“, ночью заѣли его, онъ предсказывалъ дождь и не ошибся. Попыхивая лѣниво люлькой съ турецкимъ табакомъ и съ удовольствіемъ освѣжая свою потную грудь на вѣтру, для чего казакинъ его бывалъ растегнутъ, онъ разсказывалъ Марусѣ про свою удалую молодость и про свою жизнь въ польской украйнѣ, гдѣ онъ также былъ лицомъ властнымъ и уважаемымъ, почему и могъ привести въ подданство бѣлаго царя нѣсколько тысячъ своихъ соплеменниковъ. Потягивая помаленьку густую слывянку-запеканку, поглаживая свои великолѣпные, по плеча, усица, славный воинъ увлекался своими воспоминаніями и увлекалъ дочь. Онъ объяснялъ:

— Малороссія приняла соединеніе съ Польшею въ одну Рѣчь Посполитую, на правѣ людей равныхъ съ равными, вольныхъ съ вольными: Iako rownych do roinych iwolnych do wolnych ludzi. Такъ сказано въ актѣ соединенія 1569 года. Мы, казацкое рыцарство, яко подданные польскаго круля, обязались служить корунѣ наравнѣ съ поляками. Но подъ господарство пановъ католыковъ мы не поддавались, и они незаконно, насиліемъ и неправдою государствуютъ нынѣ надъ вольнымъ народомъ православнымъ. Отъ того самаго пановъ-католыковъ утѣсненія возставалъ и ополчался на нихъ нашъ народъ; отъ того братская обоихъ родныхъ племенъ кровь обагрила украинскую и польскую землю... Боже мій милостивій! Какія лютости, какія казни египетскія испытали малороссы отъ ляховъ!—„За наши грѣхи надходять ляхи!“— стала у насъ поговорка. Пожженные грады и веси, побитые люди, разоренная земля, могилы свѣжія,—какое-жъ тутъ государственное единеніе? Вотъ и потянули мы съ правобережной

польской украйны къ московскому царю, по примѣру лѣвобережной, давно ему поддавшейся... Много нашихъ сюда переселяются... Да тому быть: съ Кіевомъ отойдетъ къ Москвѣ и вся остальная Малороссія... Крый Мати Божа!..

Маруся разспрашивала отца о братьяхъ, скучала, что еще ихъ не видѣла, не знаетъ.

— Хлопци, мабуть, ничого соби, козакуютъ въ степу,—ободрительно, хотя скромно отозвался о сыновьяхъ отецъ. И обѣщалъ взять дочь съ собою завтра-же. Только съ условіемъ, прибавилъ онъ, ѣхать она должна на казачьемъ сѣдлѣ, верхомъ. Въ степи всяко случается, молъ, верхомъ безопаснѣе.

Условіе это, конечно, смутило дѣвушку, но она его приняла; очень ужъ ей хотѣлось братьевъ увидѣть. Полковнику понравилась рѣшимость дочери ѣхать верхомъ, и онъ ее похвалилъ, сказавъ при этомъ, что она должна забыть свое московское воспитаніе, что она не боярышня, задыхающаяся въ теремномъ затворѣ и не знающая, гдѣ у коня морда, гдѣ хвостъ, что ей, дочери и сестрѣ козацкихъ лыцарей, слѣдуетъ жить ихъ жизнью, перенять ихъ нравы и обычаи степные, гораздо проще и человѣчнѣе, чѣмъ нравы и обычаи московскихъ вельможъ. Мать вполнѣ раздѣляла этотъ взглядъ отца и не находила возраженій противъ поѣздки дочери верхомъ въ степь съ отцомъ. Она занялась дорожнымъ сборомъ обоихъ ихъ въ то время, какъ полковникъ отправился съ Марусей и молодицами на рыбную ловлю. Къ ихъ возвращенію съ обильнымъ уловомъ хозяйка успѣла зажарить „ковбасу“, свѣже начиненную, и „намять варенникивъ“. Запивая вишневкой вкусную, съ чеснокомъ, колбасу, веселый полковникъ замѣтилъ:

— Що якъ бы ковбаси та крыла, кращои-бъ птыци не було!

Марусю отецъ частенько смѣшилъ своими хохлацкими прибаутками. Она любила его слушать, когда онъ говорилъ съ простонародьемъ образнымъ его языкомъ, но онъ съ шляхетствомъ, т. е. съ лицами сколько-нибудь образованными, бесѣдовалъ по-шляхетски, и тогда въ его рѣчи, пестрѣвшей польскими и даже латинскими словами и выраженіями, слышался воспитанникъ кіево-братской школы, долго вращавшійся въ обществѣ польскихъ пановъ.

Вліяніе польскаго общества особенно сказывалось въ обращеніи съ „дамами“, какъ онъ называлъ благородныхъ лицъ женскаго пола. И его взглядъ, и его голосъ смягчались, „манеры“ щеголяли ловкостью, съ улыбкой и почтительнымъ поклономъ онъ склонялъ свою голову для почтительнаго поцѣлуя „дамской ручки“. Такъ встрѣчалъ онъ пани Сотникову, жену песчанскаго асаула, такъ къ ней относился. Такъ и къ дочери своей относился, какъ бы уважая и въ ней „даму“.

— Не задумывайся, доню, о сѣдлѣ, непривычномъ тебѣ,—замѣтилъ Марусѣ отецъ.—Подъ тобою пойдетъ старая Шпачиха.

Мысли твои опережать можетъ. И не тряхнетъ,—въ томъ же стулѣ сидѣть будешь. Покойный ходъ...

Чуть свѣтъ—Маруся на кобылѣ Шпачихѣ, подсаженная въ мягкую подушку сѣдла отцомъ, въ сильныхъ рукахъ котораго она взлетѣла, какъ перышко. На ней широкіе нанковые шальвары, на турецкій образецъ, красный суконный казакинъ на крючкахъ, сѣрая смушковая шапочка, которую отецъ надвинулъ ей на правое ухо, по-козацки. Дорогая персидская шаль, свернутая въ нѣсколько разъ, широкимъ поясомъ перехватывала ея тонкій станъ. Прекрасные ея волосы подобраны вверхъ, подъ шапку. За поясомъ заткнуты пистоль въ серебряной оправѣ и кинжалъ въ богатыхъ ножнахъ, подарокъ отца. Статная караковая кобыла, послушная ея поводу, спокойно стоитъ подъ нею, поводя своими ушами и фыркая. Въ лѣвой рукѣ у нея поводья, въ правой—плетка. Смѣлая рѣшимость и удовольствіе новаго, еще не испытаннаго положенія свѣтились въ ея черныхъ глазахъ и вызвали на ея щекахъ румянецъ здоровой молодости. Отецъ и мать ею любовались. Мать ее благословила, съ просьбою беречь себя. Отецъ замѣтилъ, что изъ нея сдѣлаетъ лихую наѣздницу.

— Гляди мнѣ, старый, благополучно привези мнѣ дочку!—напутствовала полковница мужа.—И ты, Татарчукъ, береги мнѣ дочку! И вы всѣ, казаченьки, берегите!

— Крый Мати Божа! Сбережемо, пани-матка! Сбережемо!—отвѣтили казаки, выстроившіеся на коняхъ, въ походномъ вооруженіи.—Отъ це-жъ, мабуть, нашъ козачокъ знайшовсь молодесенькій та й гарнесенькій!

Казаки тоже любовались Марусей въ ея казацкомъ видѣ:

— Свій, мабуть, хлопецъ, не виддадемо!..

Тронулись. Переправились на паромѣ черезъ Донецъ, прошли Изюмскою крѣпостью—изъ воротъ въ ворота, оказавшіяся бдительно охраняемыми, поднялись на крутой Кремянецъ, съ высоты котораго Марусѣ открывался единственный по своему величію и по широтѣ горизонта видъ, и скоро ихъ охватила безконечная степь. Богатырская фигура полковника однимъ своимъ мужественнымъ видомъ способна была успокаивать Марусю.

На своемъ конѣ, вооруженный, полковникъ могъ вызывать къ своей мужественной фигурѣ невольное уваженіе, не исключавшее, однако, нѣкотораго опасенія видѣть въ немъ своего врага. Маруся, какъ себя ни располагала къ отцу, постоянно выражавшему ей ласковое вниманіе, не могла привыкнуть къ его сухощавому, словно бронзовому, лицу съ рѣзко на немъ вырисовывавшимися черными бровями и черными усищами по самыя плечи. Горбатый носъ и темные глаза съ еще не потухшимъ огонькомъ сообщали его выраженію характеръ отваги и свидѣтельствовали о его душевной бодрости, не ослабленной тяжелымъ опытомъ боевой жизни. Когда онъ, смягчая свой голосъ и сообщая своей боевой физіономіи возможную для нея

любезность, съ вкрадчивостью польскаго шляхтича обращался къ дочери, та удивлялась рѣзкой перемѣнѣ въ его обращеніи съ казаками и, вообще, съ людьми ему подвластными. Любезная улыбка и мягкая рѣчь, вдругъ смѣнялись гнѣвнымъ взглядомъ, грознымъ окрикомъ, часто сопровождаемымъ понятнымъ казакамъ взмахомъ нагайки. Обычная добрая простота полковника часто прорывалась гнѣвной вспышкой, скоро проходившей. Къ подобнымъ перемѣнамъ отцовскаго настроенія Маруся стала привыкать.

— Моей дочери приличнѣе ѣхать на казачьемъ сѣдлѣ, чѣмъ въ польской брикѣ или московской каптанѣ,—замѣтилъ Марусѣ полковникъ, любуясь ею въ ея новомъ видѣ.—Не забывай, что твои братья семи лѣтъ уже скакали за мною и понюхали порохового дыма. Я только не родился на конѣ, но, конечно, умру на конѣ, съ саблею въ рукѣ..,

— Братья?—съ нѣжною улыбкой вспомнила ихъ Маруся.— Какъ хочется ихъ обнять, отецъ! Увижу ли я ихъ нынче?..

— Какъ Богъ поможетъ, доню.. Братья твои далеченько въ степи.

— Гдѣ-жъ мы заночуемъ, отецъ? Не въ степи ли, вокругъ костра?

— А тебѣ козацкаго ночлега нашего захотѣлось, доню, въ степу?

— Да, отецъ. Я вамъ кулеша съ саломъ и лукомъ сварю на кострѣ.

— Спасибо за кулешъ, доню. А не смерзнешь же ты, не попразднуешь святому трусу, въ степу ночуючи? Мабуть, въ монастырѣ у отца игумна заночуемъ. По пути намъ монастырь...

— Святогорскій?—Маруся обрадовалась мысли побывать въ Святыхъ горахъ, о которыхъ наслышалась столько чудеснаго и отъ матери, и отъ старухъ-богомолокъ.—Вотъ же я рада!

— Мабуть, всенощное бдѣніе отстоимъ въ храмѣ, Маруся. Монахи пустынскіе по аѳонскому уставу служатъ и жительствуютъ, строго у нихъ. Старецъ-затворникъ большой святости. Только къ нему доступа нѣтъ—въ пещерѣ заложенъ камнями, въ окно пищу подаютъ. Предсказываетъ человѣку его судьбу.

„Если бы мнѣ узнать отъ затворника о моемъ будущемъ?“— подумала Маруся. Она знала, что наступила пора татарскихъ изгоновъ, вторженія въ украинскія степи гайдамацкихъ шаекъ и запорожскихъ разбойниковъ и озиралась и впередъ смотрѣла съ безпокойствомъ, скрывая его отъ своихъ спутниковъ. Новость положенія, въ которомъ она очутилась, всю ее захватило своимъ интересомъ, исполненнымъ возможной опасности. Ей хотѣлось на самомъ дѣлѣ познакомиться съ опасною степною жизнью, воспитавшею ея братьевъ съ ихъ семилѣтняго возраста. Ей хотѣлось убѣдить самимъ дѣломъ отца, этого казацкаго героя, въ томъ, что она его достойная дочь, способная промѣнять московскую колымагу на верхового коня. Теперь, подбодренная одоб-

ренiемъ отца и сочувствiемъ казаковъ, молодая дѣвушка какъ-бы обновилась душою и тѣломъ. Такъ ей казалось. Замиравшая въ Москвѣ ея унылая душа ожила на родинѣ вмѣстѣ съ природою. Свѣтлая мѣсячная ночь, соловьиная пѣсенка, блестящiй восходъ и закатъ солнца теперь будили въ ея сердцѣ потребность счастья вмѣстѣ съ сладкими воспоминанiями о томъ прекрасномъ юношѣ, котораго видѣть она не могла, хотя бы такъ хотѣла. Сердечная тревога, нѣжная мечта, посѣщавшiя ее въ ночной тишинѣ и гнавшiя отъ нея сонъ, теперь не смущали ее страхомъ безнадежности. Если Богу угодно было возвратить ее родителямъ послѣ многихъ лѣтъ разлуки, то возможно и свиданье ея съ Андрюшей. Вотъ, ожидаютъ на Украйну московскую рать, готовящуюся идти на Крымъ. Къ тому времени Андрюша возвратится изъ-за грани и, конечно, офицеромъ; конечно, онъ пойдетъ въ военный походъ. Можетъ быть, не только его молодое самолюбiе подвинетъ его идти сюда, но еще и желанiе увидѣться съ нею, другомъ своего дѣтства. О, если бы она могла быть увѣрена, что онъ ее не забылъ? Она не смѣетъ надѣяться, что онъ ее любитъ такъ, какъ бы она хотѣла этого.. Такъ любить ее, какъ она его любитъ, Андрюша не можетъ, потому что онъ мужчина...

— Скоро, отецъ, пройдутъ на Крымъ, нашими мѣстами московскiе полки?—спросила Маруся, возбужденная мыслями и чувствомъ только что объясненными.—И непремѣнно пройдутъ? И непремѣнно нашими мѣстами?

— Непремѣнно пройдутъ, и непремѣнно нашими мѣстами,—тутъ кратчайшiй путь полкамъ московскимъ, доню. Но понадобится время, чтобъ собрать большое войско и его обезпечить продовольствiемъ и воинскимъ обозомъ. Князь Голицынъ писалъ мнѣ, чтобъ у насъ, попутно ему, запасы хлѣбные и фуражные заготовить на стотысячное войско. Сказать только легко: сто тысячъ человѣкъ, да пятьдесятъ тысячъ лошадей! Какъ подумаю, Маруся, объ этой московской саранчѣ,—голова кружится! Знаю я москалей,—воры! Разорятъ нашу благословенную сторону хуже татаръ!..

VII.

Настоятель и вся братія да имѣютъ прилежное тщаніе къ началу церковнаго пѣнія во всемъ монашескомъ одѣяніи приходити· Въ церкви никто же изъ монашествующихъ и предстоящихъ да дерзнетъ разглагольствовать между собою, но вс со вниманіемъ и страхомъ Божіимъ да слушаютъ поемое и чтомое... По совершеніи церковнаго пѣнія благочинный да наблюдаетъ, дабы вся братія изъ церкви шла благочинно, безъ разглагольствія. И посемъ всякъ да упражняется въ своемъ дѣлѣ по возложенному на него послушанію, со вниманіемъ и молитвою.

Настоятель и старѣйшая братія да имѣютъ тщаніе подати образъ во всемъ младшей немощной братіи, еже бы не имѣти излишнихъ — ни прислужниковъ, ни вещей, а паче денегъ, кромѣ нужныхъ случаевъ, и сіе по благословенію настоятеля. Всѣмъ бо нужнымъ, отъ настоятеля и до послушника, кійждо снабдѣвается изъ общей казны монастырской. Аще же будетъ оскудѣніе въ обители, вс равно да претерпѣваютъ скудость съ благодареніемъ.

(Уставъ Святогорской обители взятый изъ устава св. Аѳонской горы).

Степь охватывала отрядъ изюмскаго полковника, казалось, терявшійся въ ней. Травы густыя и высокія волновались подъ дуновеніемъ вѣтра, отрадно освѣжавшаго потныхъ людей и лошадей. По самыя колѣна лошади скрывались въ бѣлоголовомъ пыреѣ, а въ лощинахъ и по брюхо. Легкія свѣтлыя облака, пробѣгая по горячему синему небу, тащили за собою по волнистому травяному морю легкія тѣни. Капризная игра свѣта и тѣни, сообщая степи своеобразную жизнь, уносила задумавшуюся Марусю въ волшебный міръ грезъ, и степь представлялась ей оживленной добрыми и злыми духами. И ихъ скрытною между собою борьбою она готова была объяснить эту трудно уловимую глазомъ игру свѣта и тѣни. Отецъ объяснилъ ей, что до Святыхъ горъ опасности быть не можетъ, почему и не принималъ никакихъ походныхъ воинскихъ предосторожностей. Его полсотня шла вразбродъ. Казаки курили люльки, мурлыкали пѣсенки, подремывали, пригрѣтые солнышкомъ. Безпечность вооруженныхъ спутниковъ Маруси успокаивала ее столько же, сколько и глубокое молчанье степи, нѣжившейся въ горячихъ лучахъ. Эти живительные лучи, растворившіеся въ прозрачномъ воздухѣ, создавали призрачныя перспективы, обманывавшія непривычный къ нимъ глазъ дѣвушки. Она видѣла вдали серебрившуюся поверхность озера и радовалась, что скоро его достигнетъ. Но озеро оказывалось недосягаемымъ, или, вдругъ, смѣнялось городомъ, съ храмами, домами и башнями. Очарованная такимъ видѣніемъ, она спрашивала отца: что это за городъ? И смущалась, услыхавъ отъ него, что это степное марево только и видя его усмѣшку, вызванную ея незнаніемъ.

— Устала ты, доню, съ непривычки? Раскисла на жарѣ?—не то спросилъ, не то утвердилъ полковникъ, съ обиднымъ для дочери сожалѣніемъ поглядывая на нее.—Козаковать—не то, что на ганку прохлаждаться. Узнаешь...

— Привыкну, тату! — замѣтила она, какъ могла весело, хотя чувствовала сильную усталость во всемъ тѣлѣ и потребность слѣзть съ сѣдла и пройтись. Какъ бы отгадавъ эту ея потребность, полковникъ слѣзъ съ коня и помогъ ей слѣзть, замѣтивъ, что пора пройтись. И какъ обрадовалась Маруся возможности размять свои отекшія въ сѣдлѣ ноги. Опять она сѣла молодцомъ, съ рѣшимостью не обнаруживать передъ спутниками своей женской слабости, съ желаніемъ привыкнуть къ сѣдлу. Порывъ вѣтра, зашумѣвшаго съ неожиданнымъ одушевленіемъ, быстро надвигалъ синюю тучу, расползавшуюся во всѣ стороны. Огромная тѣнь отъ нея легла на все видимое впереди пространство степи, омрачивъ высокія могилы, выступавшія теперь съ опредѣленными очертаніями, тогда какъ могилы, не оттѣненныя тучей, какъ бы дрожали въ блескѣ солнечнаго свѣта и съ нимъ сливались, уходя дальше. Восторженная поклонница природы во всѣхъ ея проявленіяхъ, всегда прекрасныхъ и величественныхъ, Маруся наблюдала за тѣмъ, какъ синяя туча съ каждой минутой захватывала свѣтлое небо вверху и омрачала травянистую степь подъ собою. Вотъ сѣрая пелена дождя скрыла отъ ея глазъ бѣлѣющіяся хаты слободы, раскинувшейся по балкѣ и темный байрачный дубовый лѣсъ быстро исчезаетъ, задвигаемый дождевой пеленой. Изъ-подъ сплошной тучи потянуло холодкомъ, освѣжившимъ вдругъ Марусю и ея спутниковъ. Полковникъ набросилъ на дочь епанчу изъ толстаго домотканнаго сукна, посовѣтовавъ ей укрыться съ головою, какъ она и сдѣлала, и самъ завернулся въ длинный плащъ съ пришитой капелюхой, то есть башлыкомъ татарскимъ, который надѣлъ на свою шапку. Между казаками обнаружилось движеніе: они тоже надѣвали въ рукава, или накидывали себѣ на плечи зипуны и свитки, готовясь встрѣтить дождь, по всей вѣроятности, проливной. Послышался отдаленный громъ, глухо рокотавшій и заставившій вздрогнуть Марусю. Синюю тучу бороздили огненные зигзаги молніи, сопровождавшей удары грома, приближавшіеся и все усиливавшіеся. Теперь синяя туча побѣлѣла и полила крупнымъ дождемъ, какъ изъ ведра. Съ головою спрятавшись въ епанчу, Маруся чувствовала тяжелый ливень, хлеставшій ее такъ, что она едва держалась въ сѣдлѣ. Поводья она бросила, предоставивъ своей умной лошади слѣдовать возлѣ отцовскаго коня. Надъ ея головою гремѣлъ оглушительно и громко громъ, и молнія слѣпила ея глаза, хотя она зажмурилась, чтобъ ея не видѣть. Холодный вѣтеръ съ ожесточеніемъ встревоженной стихіи рвалъ съ нея епанчу, и большое усиліе потребовалось съ ея стороны удерживать на себѣ эту спасительную прикрышку. Холодная и мокрая епанча казалась ей теперь нестерпимо холодной и тяжелой. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и не попадала зубъ на зубъ.

По шлепанью лошадиныхъ копытъ она догадывалась, что онѣ идутъ по грязи и, въ лощинкахъ, по лужамъ. Непривычная всадница ощущала теперь все неудобство своего некрасиваго положенія и нетерпѣливо желала, чтобы разразившаяся гроза съ ливнемъ пронеслась дальше, чтобы горячее солнышко поспѣшило ихъ обогрѣть и обсушить. И съ какою же радостью она убѣждалась, что дождь уменьшается, вѣтеръ стихаетъ, молнія уже не ослѣпляетъ ея сомкнутые глаза, удары грома слабѣютъ, отдаляясь съ глухимъ рокотомъ... Подъ своею тяжелою епанчею она согнулась съ понятною боязнью выглянуть на омраченный непогодою свѣтъ Божій. Мужественный, полный добраго участья, голосъ отца ободрительно на нее подѣйствовалъ возвѣстивъ ей, что гроза умчалась.

— Годи прятаться, Марусю!—весело замѣтилъ онъ ей, осторожно освобождая ее отъ мокрой епанчи, которую, вмѣстѣ съ своимъ плащомъ, передалъ Татарчуку. — Теперь, доню, ты приняла наше степовое крещеніе. Это тебѣ степовой Іордань..· Не журись: солнышко, бачь, засвѣтило, потеплѣло.

— Ахъ, тату, какъ хорошо опять стало! — невольно воскликнула дѣвушка, восхищенная рѣзкой перемѣной погоды. Блескъ радостнаго, грѣющаго солнца слѣпилъ ея глаза, роскошествуя и въ ясномъ голубомъ воздухѣ, и отражаясь въ безчисленныхъ брильянтахъ дождевой росы на степной травѣ и цвѣтахъ. Чудная, въ душу просящаяся, благовонная свѣжесть степного воздуха смѣнила томительный зной передъ грозой. Синяя туча, волоча за собою по степи свою огромную тѣнь, уходила, сверкая молніей и погромыхивая, очищая ясный небосклонъ. Ожившая, видимо, степь оглашалась мелодическою пѣсенкою жаворонковъ, трепетавшихъ въ воздухѣ блестящими точками. Согрѣваемая тепломъ и свѣтомъ, Маруся чувствовала, что обсыхаетъ и она, и сѣдло, и ея лошадь. Молодое счастье сново захватывало дѣвушку въ свое волшебное кольцо, дарило ее головокружительными грезами. Въ слободѣ Маякахъ переправились на паромѣ черезъ Донецъ. Городокъ, то есть укрѣпленіе, состояло изъ глубокаго рва и дубоваго палисада по валу. Отъ маяцкаго приказнаго, встрѣтившагося на берегу, полковникъ узналъ, что онъ, приказный, Алексѣй Ѳеодоровъ Залѣскій, прошедъ вчера Царе-борисовъ и Донецкой колодезь, выше Святыхъ горъ, видѣлъ на старомъ перелазѣ перешли воинскіе люди Донецъ съ крымской стороны на ногайскою, и видѣлъ онъ, Алексѣй, тѣхъ людей въявь, по смѣтѣ было ихъ до полутораста конныхъ. И тѣ воинскіе люди противъ стараго перевоза взяли въ полонъ намѣстника святогорскаго, чернаго попа отца Паисія. Онъ, Алексѣй, съ нарочнымъ извѣстилъ объ этомъ полковника Ѳеодора Григорьича, чтобы тотъ съ своею сотнею поспѣшилъ перехватить ихъ на рѣчкѣ Жеребцѣ, куда ихъ сакма пошла; онъ же, приказный, собравъ маяцкихъ русскихъ людей и черкасъ, пойдетъ сейчасъ въ погоню, по ихней сакмѣ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, приказный Залѣскій показалъ полковнику сотни двѣ во-

оруженныхъ конныхъ и своего засѣдланнаго коня, ожидавшихъ его, приказнаго, на площади.

Полковникъ, выслушавъ донесеніе приказнаго, его дѣйствія одобрилъ, приказавъ ему погоней не мѣшкать. Затѣмъ поскакалъ къ маяцкимъ сотнямъ съ лихимъ видомъ, всегда ободрявшимъ его подчиненныхъ казаковъ, и своимъ, тоже ободряющимъ молодецкимъ начальническимъ голосомъ съ ними поздоровался и высказалъ увѣренность, что они не посрамятъ своей казацкой славы и іеромонаха отца Паисія и прочихъ полонянниковъ освободятъ, яко братьевъ братья!

Въ отвѣтъ любимому начальнику загремѣло дружное обѣщаніе маяцкихъ казаковъ безъ монаха не возвращаться.

Выпроводивъ погоню съ обстоятельнымъ наставленіемъ приказному, какъ и куда направляться, полковникъ съ своимъ отрядомъ продолжалъ путь къ обители, скоро показавшейся. Маруся поняла, что очутилась въ кругѣ военныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ должна принять участіе, хотя бы косвенное. Мысль, что ея братъ Ѳедоръ, а быть можетъ, и Константинъ, теперь спѣшатъ перехватить отступленіе вторгнувшимся въ предѣлы изюмскаго полка грабителямъ степнымъ, то есть, идутъ на кровопролитную съ ними встрѣчу, безпокоила ее.

Что, если ихъ убьютъ прежде, чѣмъ она ихъ увидитъ, узнаетъ? Въ степи украинской все неожиданно, все возможно. Эти молодые герои, ея братья милые, хотя ей еще незнакомые, теперь ей дороги, вызываютъ ея опасенія за свою судьбу. Полковникъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о хищническомъ набѣгѣ, глядѣлъ сурово и сосредоточился, повидимому, на невеселыхъ мысляхъ. Закуривъ люльку, онъ заговорилъ Марусѣ о прошлыхъ набѣгахъ.

— Въ 1679 году татары нападали на наши пограничные городки. Маяцкій двѣ недѣли отстрѣливался, татары отъ него отошли и ограбили и разорили Святогорскій монастырь, полонили архимандрита Іоиля и братью. Только черезъ два года удалось полковнику возвратить ихъ. И то старикъ Іоиль съ той поры прихварываетъ. Не поздоровится ему и отъ того, что намѣстникъ его въ полонъ попался. Освободить бы намъ его изъ полону.

Глубоко задумался славный воинъ, вѣрный слуга царскій. Казалось, его глаза изъ-подъ хмуро-надвинувшихся бровей въ эти минуты не способны были видѣть красоты Святыхъ горъ, открывшіяся восхищеннымъ глазамъ Маруси. Безпокойство за судьбу ввѣреннаго его попеченію и охранѣ обширнаго края заговаривала въ немъ при всякомъ на него набѣгѣ. Онъ увѣренъ былъ въ недоступности изюмскаго острога и въ надежности своихъ пограничныхъ городковъ, но монастырь Святогорскій не укрѣпленъ и открытъ хищникамъ. Время же на степи опасное. Съ Дона подымаютъ на Москву казаковъ стрѣльцы, сосланные въ Полатовъ. Подметныя письма каждодневно обыскиваются у слобожанъ. Низовая голытьба и Запорожье разбойничаютъ.

Польша, желая возвратить своей корунѣ лѣвобережную Малороссію, разсылаетъ „прелестные листы“ къ Дорошенку Грицку, слободскимъ полковникамъ и въ города. Въ слободскомъ казачествѣ не безъ переметчиковъ. Изволилъ Богъ, нарекъ его, Своего раба грѣшнаго Григорія, казачьимъ полковникомъ. Суждено ему вражью кровь проливать, а можетъ быть, и животъ свой положить на службѣ царской. Божья воля! Онъ готовъ и умереть. Но ему несносна мысль, что и его молодые сыновья, что ни день, у смерти на виду. Дѣйствующій мечомъ — отъ меча погибнетъ. А безъ сынковъ милыхъ на что ему самому жить? Не для нихъ ли закрѣпилъ онъ за собою великіе грунты, земельныя угодья и богатыя маетности? Не для нихъ ли людно населилъ слободу Бугаевку, обстроилъ шляхетскую усадьбу и ставитъ домъ, хотя бы гетману самому приличный? Не ради ли сыновей дорожитъ онъ своими связями съ Москвой и своею воинской славою? Подобныя минуты отцовской слабости овладѣвали полковникомъ рѣдко, но заставляли его страдать душевно, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ ихъ въ себѣ глубже таилъ. Конечно, не по его мужественному характеру было няньчиться съ душевнымъ уныніемъ, со страхомъ за жизнь сыновей. Они молодые шляхтичи, они козакуютъ еще съ дѣтскаго возраста, успокаивалъ онъ себя.

— Они родились воинами и, буде Богу угодно, помрутъ воинами же! Умирать—разъ. Но какъ умереть, человѣку благородному не все равно. Крый, Мати Божа, умереть ему на постели больному или старому. Пошли ему Богъ со славою пасть на полѣ ратномъ, на конѣ, съ саблею въ рукѣ! Разящій мечомъ—отъ меча же погибнетъ. Того же и сыновьямъ желаю — славной смерти послѣ славной жизни.

— Что это за двѣ темныя, движущіяся точки, тату? — спросила отца Маруся, съ испуганнымъ видомъ всматриваясь на возвышенность за Донцемъ, къ которому они приближались, — вонъ они расходятся.

— А это два нашихъ конника, доню,—пояснилъ полковникъ,—станишники съ караульнаго городка за Святыми горами пошли по своимъ урочыщамъ: тотъ-то, что вправо, пошелъ къ Барвинкиной стѣнкѣ, а тотъ-то, что влѣво, пошелъ къ Цареборисову острогу.

— Я же подумала, что это крымчаки, тату!

— Нынче у насъ пятница, доню, святой день у магомета, — пояснялъ полковникъ.—Татаринъ поэтому нынче въ степи тебѣ не покажется; по пятницамъ онъ свое воскресенье справляетъ, вотъ какъ мы, крещеные, свое воскресенье почитаемъ. Магометъ полагаетъ, яко бы въ пятницу одинъ часъ во дню есть такой, въ который проси онъ у своего Аллы чего хочешь, и по его молитвѣ Алла исполняетъ. Что-жъ, надо правду говорить: магометъ и кобылятникъ, и женокъ у него не по одной, въ беззаконствѣ съ ними живетъ, а молится своему Аллѣ со всѣмъ своимъ усердіемъ на всякомъ мѣстѣ и въ каждомъ дѣлѣ. А

моется трижды въ день. Если воды ему нѣтъ — пескомъ обсыпается вмѣсто умовенія, положеннаго его закономъ.

На разспросы Маруси, отецъ объяснилъ ей порядокъ сторожевой въ степи службы. Станишникамъ накрѣпко указано: становъ имъ не дѣлать, огня нигдѣ не раскладывать, кулешу сварить на одномъ мѣстѣ разъ, два же раза не варить, гдѣ кто полдневалъ, — тамъ ему не ночевать, ночуй въ иномъ мѣстѣ; въ лѣсахъ не останавливаться: останавливаться тамъ, гдѣ усторожливо, безопасно стоять; а если станишники подстерегли воинскихъ людей, въ то-жъ число должны съ вѣстями товарищей послать въ ближній городокъ, а самимъ ѣхать позади непріятеля, ихней сакмой, т. е. слѣдомъ ихнимъ.

— А тотъ курганъ, что окопанъ валомъ съ частоколомъ? На вышкѣ вонъ караульный темнѣетъ? На плечѣ у него что-то блеститъ, тату. То караульный городокъ? Да, тату?

— Караульный городокъ, доню,—подтвердилъ полковникъ,—а блеститъ на плечѣ у станишника винтовка. Я вижу возлѣ вышки еще людей... двоихъ... Видишь ли, доню?

— Нѣтъ, тату, не вижу,—призналась Маруся,—для меня это далеко, не по моимъ глазамъ.

— Потому очи твои московскія, доню!—смѣясь, замѣтилъ отецъ.—Поживешь съ нами, попривыкнешь къ степи,—дальше будешь видѣть, по нашему, козацкому... Я тебѣ скажу даже, въ чемъ станишникъ на вышкѣ одѣтъ: въ сермяжной курткѣ, а на головѣ соломенная брыль...

— И глаза-жъ у тебя, тату, въ такой дали видишь!—удивлялась Маруся.—Господи! что за мѣста: вправду „святыя" горы! Вотъ гдѣ спасаться и молиться можно! Не видѣла я еще подобной красоты природной! Чудное дѣло: церковь изъ мѣловой скалы высѣчена!.. И высота-жъ!.. Ахъ, какъ хорошо!

— Пройди свѣтъ,—такого мѣста не найдешь, доню!—съ увѣренностью замѣтилъ полковникъ,—кажется, приглядѣлся я къ нему, а всякій разъ глазъ бы отъ него не оторвалъ... красовито!..

И казаки, крестясь на каменный храмъ, возвышавшійся среди келій у подошвы громадной горы, любовались величественной картиной Святогорской обители, поражавшей невольно взоры.

Отрядъ переправился черезъ Донецъ на двухъ паромахъ.

Высочайшій, казалось, отвѣсный берегъ, снизу до верху въ вѣковомъ сосновомъ бору подымался надъ Донцомъ, отражаясь въ немъ со всѣми своими подробностями. На головокружительной высотѣ, среди темнозеленой стѣны гигантскихъ сосенъ, рѣзко выдѣлялась своею бѣлизною мѣловая скала, съ мѣловою же церковью на ея вершинѣ. Къ ней вела открытая галерейка, словно прилѣпленная къ отвѣсной стѣнѣ скалы. На самомъ верху, изъ-за сосноваго бору, блестѣлъ крестъ скитской часовенки.

— То „святое" мѣсто, — замѣтилъ полковникъ. — Тамъ, въ скиту, подвизаются отшельники. Изъ нихъ остался въ затворѣ одинъ старецъ столѣтній что предсказываетъ человѣку судьбу.

Его, кажись, намъ не увидѣть, Маруся, своей судьбы отъ старца не узнаешь... А можетъ, такъ-то лучше жить, судьбы своей не знаючи?

— Судьба моя въ Божьей волѣ, тату!—сказала дѣвушка.

— Такъ, доню,—подтвердилъ отецъ,—всѣ люди подъ Богомъ... Э, вѣдь монахи вышли насъ встрѣтить у своихъ вратъ: даже самъ отецъ архимандритъ со крестомъ!.. Треба пишки идти, хлопцы! Треба съ киней слѣзты! До святого крыста приложемось!

Полковникъ, а за нимъ казаки, спѣшились и съ конями на поводьяхъ приблизились къ монастырскимъ воротамъ, у которыхъ архимандритъ, впереди своей братіи, встрѣтилъ ихъ съ крестомъ, благоговѣйно поднятымъ въ обѣихъ рукахъ. Іеромонахи держали иконы. Іеродіаконъ стоялъ со святою водою и кропиломъ. Отдавъ своего коня казаку, полковникъ снялъ шапку и, съ смиреніемъ вѣрующаго христіанина, съ преклоненной головою подошелъ подъ благословеніе. Видной наружности, съ благообразнымъ лицомъ, старикъ-архимандритъ трижды, во имя Отца, Сына и Святаго Духа, осѣнилъ крестомъ полковника, и сказалъ: „Да благословитъ Богъ и наша Святогорская Матерь Божья тебя, доблій защитникъ церкви Христовой, и съ тобою притекшихъ воевъ! Отверзты врата нашей обители такожде, яко и сердца наши, вамъ христолюбцамъ!

Широкимъ размахомъ архимандритъ благословилъ крестомъ троекратно ряды казаковъ, съ обнаженными головами. Затѣмъ окропилъ полковника и казаковъ святою водою и вопросительно взглянулъ на дѣвушку въ казачьемъ платьѣ и на казачьемъ сѣдлѣ, съ котораго та, очевидно, стыдилась теперь слѣзть, чувствуя себя предметомъ любопытства всего монастыря.

Смущенье вызвало жаркій румянецъ на ея смуглыхъ щекахъ, оживившій ея миловидное, хотя съ серьезнымъ выраженіемъ, молодое лицо. Черные глаза горѣли строгимъ дѣвичьимъ чувствомъ. Черные волосы, безъ шапки, роскошною волною падали ей на плечи. Она растерянно глядѣла на отца, ожидая отъ него помощи поскорѣе выйти изъ своего, очень ей непріятнаго и тяжелаго положенія.

— Это моя дочь, панна Марія, отче!—отвѣтилъ полковникъ на вопрошающій взглядъ архимандрита.—Четырехъ лѣтъ ребенкомъ она пропала, когда ея мать съ нею ѣздила къ роднымъ въ Чигиринъ. И вотъ, симъ постомъ, на страстной седмицѣ въ Лаврѣ Кіево-печерской, куда мать ея, неутѣшная, отправилась о ней же, пропавшей дочкѣ, молиться, она нашлась, дочка наша! Не чудесное ли тутъ и не явное ли заступничество за насъ, грѣшныхъ, угодниковъ Божьихъ печерскихъ? Только всеблагою милостью Господа нашего Бога можемъ себѣ объяснить сбывшееся чудесное возвращеніе намъ дочки.

Въ глубокомъ вниманіи, исполненномъ религіознаго чувства, выслушали монахи простой разсказъ полковника о свершившемся возвращеніи дочери, безвѣстно и много лѣтъ пропадав-

шей. Архимандритъ, а за нимъ вся братія, сняли свои клобуки и колпаки и набожно закрестились.

— Во истину милость Божья и заступничество угодниковъ печерскихъ возвратили родителямъ дочку пропавшую,—замѣтилъ архимандритъ, участливо поглядывая на дѣвушку.—Кто же сіи добродѣтельные люди, спасшіе и воспитавшіе найденнаго ребенка?

— Московскій бояринъ Телепневъ ее спасъ, будучи эртоульнымъ на рати начальникомъ, а боярыня его—ее воспитала. Москали—только праведные, шляхетные люди, отче...

— Нѣтъ ни эллинъ, ни іудей; у Бога-Творца люди всѣ равны, токмо добродѣтелью своею, не языкомъ и не кровью къ Богу приближаются!—наставительно замѣтилъ архимандритъ.—Ты же, юная дщерь, Господомъ Богомъ взысканная, цвѣтущая вѣтвь благословеннаго древа, притекла къ Матери Божьей Святогорской возблагодарить ее за обрѣтеніе чудесное родителей?

— Обѣтъ дали я и мама, отче!—подтвердила Маруся.—Поблагодарю Матерь Божью за ея ко мнѣ милость неизреченную.

— Такъ, юница.—Архимандритъ благословилъ ее крестомъ и окропилъ святою водою.—Нынче, въ шесть часовъ по полунощи, у насъ акаѳистъ Богородицѣ повседневный, за всѣхъ благотворителей обители, отъ нихъ же изъ первыхъ молимся за твоего родителя, во брани славнаго, нашего полковника изюмскаго. Помолись благая дщерь, и за него, и за себя. Нынче же помолебствуемъ о рабѣ Божіемъ, настоятелѣ святогорскомъ, намѣстникѣ моемъ, отцѣ Паисіѣ, вчера полоненномъ ворами степными, да избудетъ плѣненія вражескаго... Въ самую пору притекъ къ намъ ты, полковникъ!

— Сынъ Ѳедоръ спѣшитъ отрѣзать воровскую шайку отъ низу, маяцкія сотни пошли по ея воровской сакмѣ,—пояснилъ полковникъ свое участіе въ освобожденіи отца намѣстника.—Я же, съ полсотнею, со свѣтомъ завтра поспѣшу туда-жъ, къ рѣкѣ Жеребцу... Успокойся, отче Іоиле! Полторы сотни воровъ—моимъ молодцамъ только на закуску, не ушли бы только отъ насъ! Не уйдутъ—постараемся! Помолебствуйте, святые отцы, за нашъ успѣхъ козачій!

Архимандритъ, а за нимъ іеромонахи и послухи низкимъ, почтительнымъ поклономъ поблагодарили полковника за его молодецкую распорядительность и готовность освободить полоненнаго отца намѣстника. Едва полковникъ снялъ съ сѣдла дочь и приказалъ асаулу Гайкѣ развести казаковъ по дворамъ монастырской слободки съ тѣмъ, чтобы до свѣта выступать, клирошане запѣли стройнымъ хоромъ гимнъ: „Спаси, Господи, люди Твоя!“ Архимандритъ, впереди братіи, направился къ соборному храму Успенія Пресвятой Богородицы, подъ звонъ большого колокола, раздававшійся съ колокольни. Заблаговѣстили къ вечернѣ. На паперти собралась толпа богомольцевъ съ сумками, кувшинчиками и посохами. По усталому виду, по запыленной и загрязненной одеждѣ многихъ изъ нихъ Маруся убѣждалась,

что издалека привело ихъ въ эти „Святыя“ горы религіозное чувство. Она обрадовалась, неожиданно встрѣтивъ свою недавнюю случайную знакомку и тезку, молодицу Марусю изъ Терновой балки. Красивая казачка, конечно, пришла „съ дѣтыной“. Пріодѣтая прилично цѣли и мѣсту своего посѣщенія, худощавая хохлушка глядѣла теперь празднично. Вмѣсто краснаго очипка, на ея свѣтловолосой головѣ красиво навернутъ темный платокъ съ концами врознь. Сверхъ бѣлой сорочки, расшитой заполочью, синяя суконная корсетка безъ рукавовъ; широкіе рукава полотняной сорочки были кисейные; новая домотканная плахта, въ темныхъ клѣткахъ, обертывала ея худощавый, но стройный станъ; изъ-подъ плахты бѣлѣлась исподница и краснѣлись козловыя голеница ея щегольскихъ сапогъ, „чернобривцевъ“, постукивавшихъ своими подковками. Дытына, здоровенькій хлопчикъ съ большою розовою головкою въ пушку, словно гусиномъ, весело улыбавшійся матери молочнымъ ротикомъ, завернутъ въ чистенькое ситцевое одѣяльце. Казалось Марусѣ, что эта молоденькая мать и ея сосунъ составляютъ какъ бы одно, нераздѣльное существо и одинъ безъ другого быть не могутъ.

— Панночка! Це-жъ вы?—радостно воскликнула Маруся молодица.

— Я-жъ, Маруся, ты тутъ одна съ дѣтиной?

— Ни, паночка, зъ чоловикомъ. Винъ ось туть, мій Остапе. Молодой высокій казакъ, въ сѣрой свитѣ и шапкѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ пріятнымъ, еще безусымъ лицомъ, брызжущимъ здоровьемъ, съ улыбающимися глазами и большимъ ртомъ, привѣтливо поклонился Марусѣ и проговорилъ:

За святою пятницею, панночка.

А его жинка, любуясь имъ, повторила: „Мой Остапе!“

VIII.

...И ты-бъ, сослався съ Бѣлгородъ съ Никитою Бабарыкинымъ, велѣлъ быти въ Святогорскомъ монастырѣ чугуевскимъ служивымъ людямъ тремъ человѣкамъ съ бѣлоградскими служивыми людьми вмѣстѣ; а отпускалъ бы въ Святогорскій монастырь на байдарахъ со всякими запасы и велѣлъ быть въ Святогорскомъ монастырѣ непремѣнно по три мѣсяца; а посылалъ бы въ Святогорскій монастырь чугуевцевъ неотложно, чтобы безъ служиваго чину не было; а какъ чугуевцевъ въ Святогорскій монастырь на перемѣну валуйчанъ пришлешь и ты бы имъ приказалъ, чтобы они Святогорскій монастырь приняли у валуйчанъ со всѣмъ строеніемъ; да чугуевцамъ приказалъ бы, чтобы они въ Святогорскомъ монастырѣ были съ большимъ береженіемъ, чтобы надъ ними татары и воры черкасы безвѣстно, украдомъ и обманомъ какого дурна не сдѣлали. А будетъ, донецкіе черкасы учнутъ къ нимъ проситься въ монастырь для моленія и для иныхъ какихъ дѣлъ, и они бъ черкасъ въ монастырь не пускали и отъ нихъ отговаривались всякимъ обычаемъ, чтобъ надъ ними черкасы обманомъ какого дурна не учинили. А будетъ, придутъ въ Святогорскій монастырь изъ Крыма, или отъ Ногай, или изъ Царьграда или иныхъ земель полоненники русскіе люди или иноземцы, и они бъ полоненниковъ про татарскій приходъ и про всякія вѣсти разспрашивали. А за которыми полоненниками будутъ вѣсти большія или у нихъ въ Святыхъ горахъ отъ иныхъ кого какія вѣсти большія объявятся, и они съ большими вѣстями присылали-бъ товарищей своихъ въ наши польскіе города, которые къ Святогорскому монастырю податны; и которые полоненники изъ Святыхъ горъ похотятъ идти въ наши польскіе и украйные города, и ты бъ тѣхъ велѣлъ отпускать изъ Святыхъ горъ безъ задержанія.

(*Грамота 1644 года царя Михаила чугуевскому воеводѣ*).

Монастырь, что за чертою, какъ называютъ иногда царскія грамоты Святогорскую обитель, вызывалъ издавна попечительное о себѣ вниманіе московскихъ царей, въ особенности со времени Михаила Ѳедоровича. Въ дополненіе только что приведенной своей грамоты, этотъ государь, въ слѣдующемъ же году, указываетъ: „Съ Оскола да изъ Яблонова служивымъ людямъ шести человѣкамъ быть на царской службѣ въ Святогорскомъ монастырѣ съ мая мѣсяца на перемѣну бѣлогородцевъ и чугуевцевъ“. Въ 1672 году изъ Бѣлгорода предписывали чугуевскому воеводѣ: „И ты бъ, по указу великаго государя, Святогорскаго монастыря на Сѣверскомъ Донцѣ игумену Корнилію съ братьею, для береженья отъ прихода непріятельскихъ людей велѣлъ дать въ Чугуевъ полпуда пороху ручного, свинцу полдесять гривенокъ (фунтовъ), съ роспискою“.

На рединѣ „святого“ мѣста въ этой обители, слѣды земляной батареи, устроенной пушкаремъ-монахомъ, отцомъ Іаковомъ.

свидѣтельствуютъ, что святая обитель въ свою защиту имѣла и пушки. Въ набѣги татарскіе, Святыя горы были первымъ, на нашихъ степныхъ предѣлахъ, крѣпкимъ мѣстомъ, укрывавшимъ бѣглыхъ изъ татарскаго полона христіанъ. Природная твердыня, требовавшая для своей обороны только небольшого числа защитниковъ храбрыхъ и вооруженныхъ, служила наблюдательнымъ постомъ, глядящимъ на южныя степи и прислушивающимся къ степнымъ вѣстямъ. Движенія крымцевъ быстро узнавались здѣсь, шли ли они „изгономъ“ въ Русь, возвращались ли изъ Руси. Случалось, что казаки съ Дона, съ Запорожья, обращавшіеся также къ святой обители за духовнымъ утѣшеніемъ и обыкновенно собиравшіеся въ значительномъ числѣ къ Успеньеву дню, престольному празднику обительскому, извѣщенные о близко проходящихъ татарскихъ партіяхъ, гонящихъ за собою множество русскихъ полонянниковъ, воодушевлялись великодушною рѣшимостью освободить ихъ, хотя бы съ опасностью для собственной своей жизни. Къ казакамъ присоединялись богомольцы помоложе, монахи. Душою же и головою подобнаго христіанскаго движенія бывалъ какой-нибудь монахъ, въ мірѣ подвизавшійся на ратномъ поприщѣ, знакомый и съ ратнымъ дѣломъ, и съ воинскими хитростями крымцевъ. Не разъ многочисленный сбродъ случайно собравшихся людей, вооруженные казаки и усердные богомольцы съ плохимъ оружіемъ, изъ монастырскаго запаса, конными и пѣшими толпами, предводительствуемые монахомъ на конѣ, съ крестомъ въ лѣвой рукѣ и съ пистолетомъ въ правой, неожиданно нападали, ночью, на отдыхающій кошъ и раздѣлывались съ нимъ съ жестокостью, не знавшею пощады. Сотни непримиримыхъ враговъ своею жизнью платили за дерзость своего наѣзда и разореніе мирнаго населенія. Не многимъ удавалось ускакать или бѣжать, пользуясь ночною темнотою и смятеніемъ. Къ освободителямъ же присоединялись освобожденные полонянники, вооружались саблями и пистолями убитыхъ или раненыхъ враговъ, и съ понятною въ ихъ положеніи жаждою мести, помогали своимъ въ ихъ кровавой расправѣ. Возвращалась, конечно, добыча, уже „подуваненная“, т. е. подѣленная между хищниками; трупы голые только бросались на снѣдь звѣрямъ и птицамъ; все, что только можно было взять, бралось; цѣлые косяки татарскихъ лошадей отгонялись къ обители, гдѣ дѣлились между участниками въ нападеніи; пѣшіе, нищіе возвращались не только верхомъ, но даже съ деньгами грабителей. Босые, полураздѣтые—щеголяли въ платьѣ и обуви, не брезгая татарскимъ добромъ. Конечно, первая и значительнѣйшая доля добычи отдавалась счастливыми побѣдителями въ пользу монастыря, въ благодарность Святогорской Богоматери, которой заступѣ и помощи они приписывали свою побѣду. И, слѣдуетъ отдать справедливость святогорскимъ игумнамъ съ братьею, они не пользовались подобными приношеніями въ обитель, направляя ихъ на выкупъ полонянниковъ у татаръ въ случаяхъ, когда объ отбитіи ихъ силою не могло быть и рѣчи.

Такое живое, истинно христіанское участіе Святогорской обители въ тяжелыхъ обстоятельствахъ южнаго населенія, съ которымъ она переживала всѣ его невзгоды, котораго духовныя потребности она удовлетворяла своею христіанскою проповѣдью, благолѣпіемъ своего торжественнаго церковнаго служенія, котораго уваженіе и привязанность пріобрѣла строгостью своего аѳонскаго устава и безупречнымъ поведеніемъ своихъ монаховъ,— вполнѣ заслуженно прославили обитель.

Утомленная непривычною ей верховою ѣздою по дневному зною, а также вынесенною грозою съ ливнемъ, встревоженная сильными душевными ощущеніями, вслѣдствіе извѣстія о неожиданномъ набѣгѣ, вызвавшемъ воинскія дѣйствія противъ хищниковъ, Маруся съ трудомъ выстояла продолжительную вечернюю службу. Мрачные своды церкви, слабо озаренные красными огоньками лампадъ и восковыхъ, самодѣльныхъ свѣчей, темные лики древняго иконостаса, черная монашеская одежда, печальное пѣніе на два клироса, все, казалось,располагало молящихся къ грустному настроенію,невольно напоминая имъ суету и заблужденія земной жизни, грѣховной и скоротечной, за которою праведнаго человѣка ждетъ свыше милостиво обѣщанная ему вѣчная жизнь, а грѣшника вѣчныя мученія. Тихіе вздохи, молитвенный шопотъ, земные поклоны, печальные въ слезахъ взоры, устремленные на иконы, свидѣтельствовали о скорбномъ духѣ богомольной толпы, наполнявшей храмъ. Въ послѣдніе мѣсяцы Марусѣ пришлось пережить столько серьезныхъ перемѣнъ, передумать и прочувствовать столько тяжелаго. Судьба, бросившая ее, ребенкомъ, на сѣверъ, возвратила ее, уже взрослой дѣвицей, родному югу. Но въ родной семьѣ она чувствуетъ себя чужою, хотя хочетъ ее любить и усвоить себѣ ея обычаи, вкусы и мнѣнія.

Она желала свидѣться и познакомиться съ братьями, и для этого рѣшилась пріѣхать верхомъ; но братья должны преслѣдовать хищную шайку и, быть можетъ, она ихъ не увидитъ. И отецъ до свѣта идетъ за тѣмъ же. Она останется здѣсь одна, предоставленная самой себѣ и всевозможнымъ опасностямъ. Въ монастырѣ нѣтъ гостинницы, ночевать ей здѣсь негдѣ. Хорошо, что она встрѣтилась съ молодицей изъ Терновой балки. Съ нею она переночуетъ на слободкѣ.

Но когда Маруся сообщила свои предположенія отцу при выходѣ изъ церкви, тотъ объяснилъ ей, что въ монастырѣ для него, полковника, всегда готова отдѣльная келья, такъ и называющаяся „полковничьею“, что для нея найдется комнатка съ постелью и даже съ ужиномъ, хотя постнымъ. Впрочемъ, отецъ разрѣшилъ ей пригласить, если хочетъ, молодицу изъ Терновой балки съ собою ночевать, да и завтра съ нею за компанію остаться: вдвоемъ, молъ, веселѣе. Марусѣ оставалось только пригласить къ себѣ молодицу, которая такому приглашенію, для нея лестному и удобному, очень обрадовалась.

По приглашенію отца архимандрита, полковникъ съ дочерью

присутствовали въ монастырской трапезѣ во время „трапезнаго благочинія“, отправляемаго по чину аѳонскаго же устава.

— Въ праздники великіе,—замѣтилъ архимандритъ,—въ трапезу носится икона съ панагіею двумя іеромонахами съ послѣдующею братіею, а на колокольнѣ звонятъ. Начало трапезы—чтеніе праздничное по чину.

Горохъ вареный съ конoплянымъ масломъ въ деревянныхъ самодѣльныхъ лагункахъ, небольшихъ корытахъ, наполнялъ своимъ горячимъ паромъ обширную трапезную. Возлѣ каждой лагунки деревянныя ложки и скибы нарѣзанныхъ во всю ковригу ломтей хорошо выпеченнаго ржаного хлѣба. Тутъ же стояли на столахъ объемистые деревянные жбаны съ пѣнистымъ хлѣбнымъ квасомъ. Стоя за столами, братія хоромъ пропѣла положенный канонъ и, по благословенію архимандрита, присѣла насыщаться. Архимандритъ, посадивъ возлѣ себя полковника съ дочерью, самъ вкушалъ горохъ деревянной ложкой изъ деревянной чашки и гостей своихъ угостилъ горохомъ же съ хлѣбомъ, запитымъ квасомъ. Привычный къ походнымъ лишеніямъ, полковникъ похвалилъ монастырскую пищу и питье. И Маруся, проголодавшись, съ видимымъ удовольствіемъ кушала и пила.

— Пища въ трапезѣ всѣмъ равная поставляется, по достатку обительскому и по приличію дней, обаче безъ излишества,—объяснилъ полковнику архимандритъ. — Піанственныхъ же питій отнюдь не бываетъ. Уставъ аѳонскій блюдемъ строго...

По окончаніи трапезы, архимандритъ ударилъ въ деревянное било, „да соберутъ укрухи“. Когда же укрухи, т. е. куски хлѣбные, были собраны въ „кошницу“, то, возвысивъ голосъ, возглаголалъ: „Христе Боже, благослови избывшіе укрухи и умножи я во святѣй обители сей и во всемъ мірѣ Твоемъ“.

Затѣмъ „сотворилось по чину разношеніе панагіи“.

Очутясь въ отведенной ей отцомъ келаремъ келіи, Маруся почувствовала себя въ монастырѣ бѣдномъ, не имѣющемъ средствъ предлагать своимъ знатнымъ богомольцамъ удобствъ, къ какимъ они привыкли. Голыя неровныя деревянныя стѣны и потолокъ смазаны мѣломъ, что сообщало келіи съ глинобитнымъ гладкимъ поломъ и маленькими окнами чистенькій видъ: деревянная кровать, столикъ и приставленная лавка — широкая липовая доска на ножкахъ — составляла всю принадлежность келіи, если не считать иконы въ красномъ углу и у двери висячій мѣдный рукомойникъ съ мѣднымъ же подъ нимъ тазомъ на скамейкѣ. Водворивъ обѣихъ Марусь въ этомъ непріютномъ помѣщеніи, ветхій монахъ скоро возвратился съ послушниками, принесшими два толстыхъ войлока, двѣ подушки, набитыя сѣномъ, большую кружку квасу, деревянную чашку съ дымящимся горохомъ, ломоть ржаного хлѣба и деревянную ложку. Маруся обрадовалась, убѣдясь, что ляжетъ не на голыя доски и что ея пріятельница, казачка изъ Терновой балки, поужинаетъ и перестанетъ жаловаться, что голодна, что грудь ея безъ молока, дѣтыню кормить нечѣмъ. Вѣдь это по ея, Марусиной, просьбѣ

принесенъ казачкѣ ужинъ. По удаленіи монаховъ Маруся затворила свою дверь на крюкъ и взяла на руки „дѣтку", чтобъ дать его матери возможность поужинать. Врожденный у женщины инстинктъ материнства скрашивалъ въ эти минуты молоденькую дѣвушку, только что вышедшую изъ дѣтства. Молодая мать, насыщаясь не столько для себя, сколько для ребенка, любовалась ловкости, съ какою панночка няньчилась съ ея хлопчикомъ, разыгравшимся въ ея рукахъ. На ея нѣжные взгляды и обращенія къ нему, онъ отвѣчалъ восторженными улыбками, хваталъ ее за носъ своими полненькими розоватыми ручонками, брыкался толстенькими ножками съ розовыми ногтями и подошвами, смѣялся во весь свой малиновый, всегда слюнявый, ротикъ. Когда, нагнувшись надъ нимъ, Маруся дѣлала большіе, устрашающіе глаза и, перебирая своими пальцами, угрожала ему щекоткой, маленькій шалунъ испуганными, черными, какъ бархатъ, глазенками слѣдилъ за этими опускающимися къ его трепещущему тѣльцу пальцами панночки и прислушивался къ ея голосу, для его устрашенія измѣненному, которымъ она, глухо, говоритъ:

Пришла коза рогатая,
Пришла коза бодатая!..

Тутъ, не своимъ голосомъ, хлопчикъ вскрикиваетъ и ручонками и ножонками отбивается отъ коснувшихся его пальцевъ панночки. Но сейчасъ же разражается отчаяннымъ смѣхомъ, напрасно вывертываясь изъ ея, легонько щекочущихъ его, рукъ. Цѣлуя дѣтку, панночка шепчетъ ему въ розовое ушко:

Тупу, тупу, коню,
На высокую гору,
До Маруси.
На подуси...

Эту пѣсенку панночка подслушала у его матери и запомнила.

Такъ двѣ молодыя женщины, очутясь въ чуждой имъ обстановкѣ, за жизнью своего сердца забыли мѣсто своего ночлега и причины, сюда ихъ приведшія. Унылый звонъ ночного колокола невольно напомнилъ имъ, гдѣ онѣ и зачѣмъ.

Въ тоже время полковникъ съ архимандритомъ, въ его кельѣ, заняты были серьезнымъ разговоромъ, касавшимся дѣлъ обители. Аѳонскій уставъ не возбранялъ употреблять вино, въ предѣлахъ обители, для угощенія знатныхъ посѣтителей и волостелей. Поэтому, передъ полковникомъ на столѣ красовалась бутылка токайскаго и налитый стаканъ. Осушить его знатный гость, казалось, забылъ, углубленный въ чтеніе грамоты царя и великаго князя Ѳедора Алексѣевича бѣлгородскому стольнику и воеводѣ Еремѣю Афанасьевичу Пашкову и дьяку Емельяну Кириллову по челобитью Святогорскаго монастыря архимандрита Іоиля съ братьею.

При свѣтѣ двухъ восковыхъ свѣчъ монастырскаго литья, полковникъ вслухъ читалъ: „Въ монастырскій де ихъ лѣсъ и во всякія угодья, которыя по дачѣ (имъ) боярина и воеводы князя Бориса Александровича Рѣпнина прошлаго 171 года (1663), вмѣсто прежнихъ ихъ многихъ, даны имъ въ монастырь на пропитаніе немногія, новопостроенныхъ Маяцкаго, Соленаго и Царева-Борисова городовъ жители и промышленные люди въѣзжаютъ въ лѣсъ по дрова и для всякихъ дѣлъ и въ рѣкѣ и озерахъ рыбу ловятъ насильствомъ и лѣсъ имъ посѣкли и пчельники и всякія угодья запустошили. И поволили де имъ на то дѣло тѣхъ городовъ приказные люди, для своихъ взятковъ. И отъ того де ихъ насильства въ монастырѣ впредь быти имъ не мочно. И чтобъ намъ, великому государю, пожаловати впредь даннаго ихъ монастырскаго лѣсу и всякихъ угодій въ ихъ межахъ и граняхъ тѣхъ городовъ жителямъ пустошить и рыбу ловить и для всякихъ дѣлъ насильствомъ въѣзжать не велѣно, и въ томъ дать имъ нашу государеву грамоту. Да онъ же, архимандритъ Іоиль, того-жъ монастыря на данныя угодья подалъ выпись боярина и воеводы князя Бориса Александровича Рѣпнина 174 (1666) году, за приписью дьяка Степана Федорова, да межевыя книги царе-борисовскаго приказнаго Андрея Маслова въ 174 году. И въ той выписи и въ межевыхъ книгахъ монастырскимъ ихъ всякимъ угодьямъ, прежнихъ многихъ дальнихъ и близкихъ, около монастыря межи и грани написаны по урочищамъ“.

„И по указу великаго государя Алексѣя Михайловича они, бояринъ Рѣпнинъ и воевода Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, Святогорскаго монастыря строителю Гавріилу съ братіей, по сыску и по мирнымъ книгамъ и по чертежу Василья Струкова велѣли владѣть Святогорскому монастырю внизъ по рѣкѣ Донцу рыбными ловлями, и лѣсами, и сѣножатями, и всякими угодьи, и Пичугинымъ затономъ, и ниже Пичугина затона до Климовы поляны, до вышней узголовы съногайской стороны, а съ крымской стороны маленькимъ затонцомъ къ Маяцкому острогу. А по мѣрѣ на низъ по Донцу отъ Святогорскаго монастыря до Климовы поляны, до Малаго затонца полтретьи версты, а отъ Климовы поляны и отъ Малаго затонца на низъ по Донцу рѣкою и всякими угодьи велѣли владѣть Маяцкому острогу жителемъ. А вверхъ отъ того же монастыря рѣкою Донцомъ, по обѣ стороны рѣки Донца къ Оскольскому устью, къ Цареву-Борисову городу до Студенецкаго устья. А по мѣрѣ тотъ Студенецкій колодязь отъ Святогорскаго монастыря три версты. А отъ Студенецкаго колодязя вверхъ по рѣкѣ Донцу рѣкою и всякими угодьи велѣли владѣть Царево-Борисова города жителемъ. Да въ тотъ же монастырь Святогорскій для монастырскія скудости и вмѣсто взятаго ихъ перевозу и отхожихъ отъ монастырскихъ земель, которыя ихъ монастырскія земли отошли къ новымъ городамъ, къ Цареву-Борисову и къ Маяку, велѣли они, бояринъ и воевода, государева жалованья прибавить годовыя руги къ прежней ругѣ, къ десяти рублямъ по пяти рублей, да въ цер-

ковь на свѣчи по пуду воску на годъ. А давати имъ велѣти то государское жалованье въ монастырь и въ церковь воскъ изъ государскія казны на Валуйкѣ изъ волуйскихъ томоженныхъ доходовъ. И о томъ государевѣ жалованьѣ, о денежной ругѣ и о воску на Валуйку къ Ивану Позлякову они, бояринъ и воевода, писали, чтобъ онъ, Иванъ, то денежное жалованье и воскъ въ Святогорскій монастырь съ прежнею дачею давалъ до пятнадцати рублевъ да въ церковь на свѣчи воску по пуду погодно. А въ Царевъ-Борисовъ городъ къ приказному человѣку къ Андрею Маслову они, бояринъ и воевода, писали же, чтобъ онъ Святогорскаго монастыря землю и рыбныя ловли и сѣножати и лѣсъ и всякія угодья отъ Царя-Борисова и отъ Маяцкаго отъ земли и отъ всякихъ угодій съ старожильцы размежевалъ и межи и грани и всякіе признаки учинилъ прямо въ правду, не норовя никому, чтобъ межъ Святогорскимъ монастыремъ и Царево-Борисова города и Маяцкими жителями впредь челобитья и спору ни о чемъ не было“.

— Кабы да если бы!—замѣтилъ полковникъ, возвращая грамоту архимандриту и хлебнувъ изъ своего стакана. — Писано гладко, да живемъ не по писанному. Вольница слободская! Знать не хочетъ межъ и граней. Я-ль не строго взыскиваю съ насильниковъ въ чужое имѣнье? Потачки имъ не даю, то они знаютъ, только не унимаются, своевольники. Хотя бы обители святой лѣса и угодій не трогали. Что-жъ, отче, розыщу твоихъ порубщиковъ и обидчиковъ, накажу примѣрно. Приказнымъ же новыхъ городовъ велю караулы поставить на своихъ граняхъ, съ обительскою землею смежныхъ, и за своевольство градскихъ севрюковъ приказные отвѣтятъ...

— На Бога да на тебя, Григорій Ерофѣичъ, надежда наша— сказалъ архимандритъ, тяжко вздохнувъ.—Безъ тебя, хоть бѣги изъ нашихъ степей изюмскихъ. Отвыкъ я, грѣшный чернецъ, отъ сна съ той поры, какъ игуменствую въ сей пустынской обители. Ину ночь глазъ не сомкнешь за опасными думками. Вотъ-вотъ татарва нагрянетъ, мнится тебѣ. Какая у насъ оборона? — полста братіи, наполовину старцы неспособные, да городовое дѣло изъ дубоваго насада по валу, съ сухопутья. Пропасть монастырю безъ подмоги!

— Природа сама укрѣпила сіе святое мѣсто, только снизу доступное,—замѣтилъ полковникъ, знатокъ по вопросу, затронутому бесѣдой. — И ты, отче Іоиле, потщился и нижній подходъ загородить толстой стѣной, сложенной изъ дикаго камня, на извести. Проѣздныя ворота у тебя въ полчаса можно завалить пескомъ, коего цѣлая гора, вижу, приготовлена на мѣстѣ. Исправныхъ мушкетовъ у тебя побольше сотни, два на каждаго монаха. Пять пушекъ съ нарядомъ полнымъ. Зелейной казны, пуль, ядрышковъ картечи, хватитъ на случай осаднаго сидѣнія. Благодаря Богу, пославшему урожайные годы, а также по твоей мудрой предусмотрительности, отче, монастырскія женщины засыпаны хлѣбомъ, достаточнымъ хотя бы для большаго числа

людей, сѣвшихъ въ осаду. Ключевая, не только донцовая вода, у васъ подъ рукою. Да въ такомъ острожкѣ я продержусь долго противъ многолюдной орды... Лишь бы обманомъ ночью не подкрались. У тебя же, отче, караульные, знаю исправные. Днемъ съ Святой горы далеко, вѣдь, во всѣ стороны видно.

— Ты, Григорій Ерофѣичъ, говоришь, какъ военный начальникъ,—замѣтилъ монахъ, медленно перебирая блѣдными, худыми руками кипарисовыя чотки и опустивъ усталые глаза, полуприкрытые сползавшими стариковскими вѣками.—Но забываешь, что назначенье и обѣтъ монаха—молитва и духовный подвигъ, а не ратное дѣло. Опасныя обстоятельства святой обители поставили ея мирныхъ иноковъ въ положеніе воиновъ, обязанныхъ вооружаться за ея безопасность. Во имя нашей Богородицы Святогорской, призывая ея небесную помощь, мы, иноки, не единожды препоясывали чресла свои мечемъ Гедеона и своею кровью, а то и жизнью запечатлѣвали свою вѣрность святой обители, которую защищали. Я, недостойный игуменъ, и ранами тѣлесными, и двухлѣтнимъ тяжкимъ полономъ у безбожныхъ агарянъ, пострадалъ на своемъ игуменствѣ. Не ропщу на судьбу свою, но вседневно благодарю Святогорскую нашу Мать небесную, удостоившую меня, ея служителя и раба, потерпѣть въ сей земной жизни за нее, всепѣтую и пречистую Божью Матерь!—Архимандритъ при послѣднихъ словахъ набожно, широкимъ крестомъ, перекрестился.—Но старцу семидесятилѣтнему, въ своихъ тѣлесныхъ силахъ слабѣющему, часто прихварывающему, не можно держаться на семъ трудномъ и отвѣтственномъ посту, требующемъ иногда, неожиданно, крестъ и молитву мѣнять на саблю и кровопролитье. Вотъ, вчера только, бѣдный намѣсникъ мой, отецъ Паисій, очутился для себя неожиданно и прискорбно, связаннымъ и увезеннымъ на воровскомъ конѣ. А завтра, возможно, что и я, архимандритъ, повторю на себѣ его участь, также какъ и свою личную. Но теперь мнѣ изъ магометовой вторичной неволи не вернуться!..

— Мрачныя мысли у тебя, отче архимандритъ,—замѣтилъ неодобрительно полковникъ.—Мрачныя мысли...

— Но мѣстныя обстоятельства, настоящія и ожидаемыя, мрачнѣе еще моихъ мыслей, пойми это, досточтимый Григорій Ерофѣичъ,—возразилъ монахъ.—Въ монастырь нашъ стекаются богомольцы со всѣхъ странъ россійскихъ и слышимъ всякія разговоры и похвалки... Въ простомъ людѣ волненія и шатость великія. Казачьи городки по Дону и степи наши кишатъ обездоленнымъ, недовольнымъ народомъ. Отсюда, самъ знаешь, всегда самозванцамъ-царямъ заручка и поддержка. Слухи о великомъ московскомъ войскѣ, что готовится идти на Крымъ черезъ наши мѣста, встревожили слобожанъ. Боятся, чтобы ихъ не закрѣпили за московскими боярами, боятся конечнаго своего разоренія...

— Разоренія изюмской стороны московскою ратью и я боюсь, отче!—со вздохомъ замѣтилъ полковникъ.—Но ты, разумный святитель, въ своемъ великомъ горѣ по пострадавшемъ отцѣ

намѣстникѣ, слишкомъ омраченными глазами смотришь на обстоятельства нашей украйны. Было, и еще недавно, много хуже настоящаго. Край нашъ населяется, богатѣетъ и, Богъ поможетъ, успокоится, упорядочится. Давно ли это было только „поле дикое“, захваченное табунами и кочевьемъ ногайцевъ? Нынче же тутъ города и слободы. Тебѣ ли, христолюбцу, духомъ унывать и уходить съ своего высокаго мѣста, которое занять послѣ тебя достойнаго не обыщется? Не думаешь ли, что легко и пріятно быть полковникомъ изюмскимъ? Но я сознаю пользу моего служенія моей странѣ и моему государю, не вижу своего замѣстителя, а потому долженъ умереть на своемъ важномъ начальническомъ посту, и умру на немъ!..

Архимандритъ, поникнувъ сѣдоволосой головой, такъ что его сѣдая борода легла на его грудь, тихо сказалъ:

— Помоги Богъ и наша Святогорская Богоматерь тебѣ, вѣрный слуга царскій! Твои всегда разумныя рѣчи соотвѣтствуютъ твоимъ мужественнымъ подвигамъ и правительственнымъ распорядкамъ. Знаю, что греко-россійской церкви православіе, коего представителемъ въ сихъ степныхъ мѣстахъ Господь поставилъ меня, недостойнаго монаха, токмо прикрѣпляетъ за Москвой православной же наше степное, сбродное населеніе. Безъ православной вѣры, даже твоя прославленная доблесть казацкая была бы безсильна привести вольный народъ въ подданство Бѣлаго царя. Не саблей, но святымъ крестомъ покоряютъ людей; дабы владѣть человѣкомъ, —довлѣетъ владѣть его совѣстью, сирѣчь его душою, и это дѣло церкви Христовой и ея служителей. Въ сихъ именно убѣжденіяхъ азъ, недостойный монахъ, еще въ младыхъ своихъ лѣтахъ притекъ въ Святыя горы и принялъ монашеское послушаніе, всегда памятуя латынское восклицаніе: „hoc vince!“ т. е. „симъ побѣдиши!“ Такъ христіанскій епископъ, въ пылу битвы, указывая язычнику королю святой крестъ, предрекъ ему побѣду надъ врагами; и король язычникъ, увѣровавъ въ святость креста послѣ побѣды принялъ христіанство своей супруги-королевы. Я далъ обѣтъ не только иночества, но и проповѣдничества истинъ высокихъ нашего христіанства среди людей, изъ коихъ многіе ихъ не вѣдаютъ и даже пребываютъ въ пагубной тьмѣ языческаго суевѣрія, недостойно именуясь христіанами. Тридцать тяжелыхъ годовъ служу я нашей Святогорской Богоматери и, во имя ея пречестное, просвѣщаю свѣтомъ евангельскаго ученія темноту невѣжественныхъ душъ по мѣрѣ моихъ слабыхъ силъ. Не мнѣ судить мой христіанскій подвигъ, и не на землѣ желаю себѣ награды, буде ея удостоюсь отъ моего Небеснаго Отца и Судіи праведнаго. Но понимаю, что священство мое, преемственно нисходящее, черезъ таинство рукоположенія, отъ самихъ апостоловъ, рукоположенныхъ самимъ Христомъ, налагаетъ на меня обязанность до конца пребыть добрымъ пастыремъ стаду пасомому, ибо „пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы своя“. Тѣмъ паче не уйду изъ святой обители въ теперешнее опасное время, когда оная можетъ и должна

вліять благотворно на безпокойные умы населенія, притекающаго къ ней ради нуждъ и скорбей своихъ духовныхъ. Справедливо сказалъ ты, полковникъ, что насъ съ тобою замѣнить некѣмъ на нашихъ постахъ, останемся же на нихъ, предавши судьбу свою во власть Божью. „Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи: аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій. Всуе вамъ есть утреневати, возстанете по сѣдѣніи, ядущіи хлѣбъ болѣзни“...

Монахъ набожно перекрестился и перебиралъ чотки.

— Вотъ рука моя тебѣ, отче Іоиле,—съ рѣшительнымъ видомъ сказалъ полковникъ, вставъ и подавъ правую руку монаху, которую тотъ удержалъ въ своей,—съ тобою мыслить и дѣйствовать во всемъ за одно. Ибо одинаково оба мы служимъ нашему православному христіанству и нашему царю Бѣлому. Украйнѣ быть только за Москвой, только московское государство успокоитъ и призритъ наши степи прекрасныя, въ порядкѣ нуждающіяся.

— Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся?—шепталъ игуменъ псаломъ, держа полковникову руку и глядя на него просвѣтлѣвшими старыми глазами.—Ты, Григорій Ерофѣичъ, сказалъ великое слово, и да будетъ по слову твоему: крестъ и мечъ, монахъ и воинъ да совокупятся въ общемъ великомъ дѣлѣ: честно послужимъ родинѣ и государю... Аминь!..

IX.

... Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Сходилися, слеталися два удалые витязя;
Ломались копья ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные;
И сходили они съ добрыхъ коней,
И хватались въ рукопашный бой.
Одолѣлъ Алеша татарина:
Валилъ его на сыру-землю,
Скакалъ ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ пороть ему бѣлы груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ ни взялся черный воронъ,
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
— Ой ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Ты послушай меня, чернаго ворона:
Не пори ты татарину бѣлыхъ грудей.
А слетаю я на сине море,
Принесу тебѣ мертвой и живой воды;
Вспрыснешь Добрыню живой водой,—
Тутъ и очнется добрый молодецъ.

(*Русская народная былина: „Отчего перевелись витязи на Святой Руси“*).

ЕЩЕ недавно, до того времени, какъ Захаржевскій сталъ изюмскимъ полковникомъ, сторожевыя станицы высылались въ изюмскія степи не только съ „Бѣлгородской черты“, но и изъ

дальнихъ русскихъ городовъ. Путивльскія станицы ѣздили отъ верховьевъ рѣки Вороны до Десны, и на югъ къ верховьямъ рѣки Тора и по рѣкамъ Міюсу, Самарѣ, Арели—къ Днѣпру, до „Песьихъ костей". Тульскія станицы ходили къ рѣкамъ Мжу, Коломаку, на Муравскій шляхъ. Муравскимъ шляхомъ назывался торговый путь, проложенный издавна степями, съ сѣвера нынѣшней курской губерніи по верховьямъ Ворсклы до верховья рѣки Берестовой, впадающей въ рѣку Самару, къ югу черезъ всѣ запорожскія „паланки" до „Конскихъ водъ", границы Запорожья. На „Конскихъ водахъ" шляхъ выходилъ съ ногайкой на крымскую сторону. У „зимовниковъ" запорожскихъ чумакъ или путникъ могъ имѣть пристанище. Но за Днѣпромъ до Перекопской башни—голая степь съ опасностью отъ разбоя кочевниковъ, или гайдамаковъ. На соляныхъ озерахъ перекопскихъ, хохловъ, чумаковавшихъ, всячески притѣсняли турецкіе чиновники—дыздари, имамы, каймаканы. Приставъ—„тузлы"—перекопскій бралъ у Перекопской башни съ чумацкой повозки по семидесяти копѣекъ. Часто же, вымазанный дегтемъ, по чумацкому обычаю, хохолъ домой не возвращался: захваченный въ степи, онъ ста новился „ясыремъ", т. е. невольникомъ своего хищнаго владѣльца. Если несчастному не удавалось бѣжать, онъ испытывалъ всю жестокость восточнаго рабства. Часто „ясырь продавался въ приморской Кафѣ генуэзскимъ или венеціанскимъ купцамъ и увозился за море, какъ живой товаръ, сбываемый съ барышемъ на азіатскихъ или европейскихъ рынкахъ. Въ Венеціи и теперь набережная, гдѣ продавались русскіе невольники, цѣнившіеся по своимъ личнымъ качествамъ дороже невольниковъ другихъ націй, называется „славянскою"—скіавоне. Другой торговый путь, къ Очакову, шелъ отъ Волыни до Умани, отсюда тропами по балкамъ, по оврагамъ, по берегамъ степныхъ рѣчекъ до Балты, Ольвіополя, Никитиной переправы на р. Днѣпрѣ. Поляки называли эту дорогу „Чернымъ шляхомъ", а народъ „Шпаковымъ шляхомъ", потому что первый путеводъ по этому шляху былъ атаманъ Шпакъ. Не взирая на опасности обоихъ этихъ „Отвѣчныхъ шляховъ" отъ степныхъ хищниковъ, по нимъ двигались караваны и валки чумацкіе, въ Крымъ за солью, на Донъ за рыбою, съ товарами и съ хлѣбомъ. Неутомимый изюмскій полковникъ, своими отважными и всегда удачными дѣйствіями противъ хищныхъ кочевниковъ, нагналъ на нихъ такого страху, что они гораздо рѣже нападали теперь на чумаковъ, ходившихъ уже не по одиночкѣ, а многолюдствомъ и даже вооруженныхъ мушкетами. Попробовали было ногайцы свою старину вспомнить; но не разъ наскочивъ на обозъ повозокъ, составленныхъ кольцомъ, изъ-за которыхъ на нихъ, конниковъ, посыпались мѣткія пули, они отступали, едва не оставлявъ своихъ убитыхъ и раненыхъ. Въ Торскомъ городкѣ, или Славянскѣ, гдѣ добывалась въ озерахъ соль, полковникъ поставилъ своихъ сыновей съ сотней, поручивъ имъ не только оберегать степь, но и углубляться въ нее, какъ можно дальше, оттѣсняя кочевниковъ отъ предѣловъ изюмскаго полка и угрожая имъ самимъ. Поневолѣ хищники

присмирѣли. Теперь, молодые Захаржевскіе, по сообщенію маяцкаго приказнаго, спѣшили къ рѣчкѣ Жеребцу, чтобы отрѣзать отъ степи шайку воровъ, неожиданно вторгнувшуюся въ изюмскій полкъ.

Двигаясь отъ Святыхъ горъ, шайка эта усилилась многими приставшими къ ней удальцами, готовыми ради бражничанья и добычи идти хотя бы на самаго чорта. Въ числѣ ихъ оказался и старый запорожецъ, дидусь Охримъ, не могшій забыть своей пьяной и буйной Сѣчи и никакъ не уживавшійся съ строгимъ служебнымъ порядкомъ изюмскаго полка. Онъ сбѣжалъ на конѣ, вооруженный, какъ былъ въ очередномъ разъѣздѣ. На радостяхъ онъ, конечно, хлебнулъ горилки; самъ атаманъ подносилъ полную чару всякому, вновь къ нему поступающему, да и самъ онъ, и всѣ его подначальные, были навеселѣ; не диво,—на возу слѣдовала за ними сорокаведерная бочка, взятая по пути у торговца со всѣмъ,—съ возомъ и рослыми круторогими волами. Бѣднякъ радешенекъ остался, что хоть самому удалось удрать живымъ. Даже батигъ и сапоги у него отобрали. На двухъ кованыхъ повозкахъ, съ товаромъ. укрытымъ черными кожами, пограбленнымъ тоже у встрѣчныхъ торговцевъ, возсѣдали сами торговцы, оставленные „погоничами" своихъ воловъ. Не разсчитывая на великодушіе грабителей, оба торговца, приждавъ байракъ дубовый, по пути, словно сговорясь, бросились съ возовъ въ гущаръ и скрылись. За ними не гнались, ихъ мѣста заняли грабители изъ пѣшихъ, длинными хворостинами зашлепавъ по крутымъ бокамъ сытыхъ воликовъ.

Повидимому, шайка только что собралась и еще не устроилась. Половина ея была конная, половина пѣшая, человѣкъ больше двухсотъ: галица, что гайдамаками прослыла, оборванцы, вооруженные больше пиками и саблями. Дидусь Охримъ, въ своемъ красномъ, хотя изношенномъ, казакинѣ, на конѣ, съ винтовкой за плечами, съ пикой въ рукѣ и саблей у бедра, выдѣлялся изъ толпы этого сброда вмѣстѣ съ десятками тремя конныхъ стрѣльцовъ, воинственно глядѣвшихъ, съ бородатыми рожами, москалей. Это бѣглецы изъ остроговъ Бѣлгородской черты, наскучившіе тяжелымъ однообразіемъ караульной службы.

Казалось, атаманъ совсѣмъ не подходилъ своею внѣшностью къ виду своей дружины. Великолѣпный вороной аргамакъ, несмотря на зной и дальній переходъ, плясалъ подъ нимъ, шея кольцомъ, хвостъ трубой, глаза злые блестятъ изъ подъ чолки, зубы грызутъ удила. Кизыльбашское сѣдло съ пунцовымъ чепракомъ. Шелковая пунцовая-жъ узда, шелковыя поводья, поперсья и пахвы въ шелковыхъ же кистяхъ. Самъ атаманъ чернобровый, черноглазый и черноусый красавецъ въ полномъ разцвѣтѣ лѣтъ и силъ, смуглый и чернокудрый, словно цыганъ, широкоплечій, статный молодецъ въ щегольскомъ синемъ кафтанѣ тонкаго сукна, перетянутомъ въ тальѣ черкесскимъ поясомъ подъ серебромъ съ чернью. На серебряныхъ цѣпочкахъ висѣлъ большой кинжалъ въ богато оправленныхъ ножнахъ, за поясомъ

заткнутъ пистоль, тоже дорогой работы. Слѣва турецкая кривая сабля, за спиною нѣмецкая винтовка. Черная смушковая шапка лихо надвинута на правое ухо. Красные штаны и желтые сафьяновые сапоги дополняли его нарядъ, свидѣтельствуя о его азіатскихъ вкусахъ, а быть можетъ, и о его азіатскихъ нравахъ. Онъ ѣхалъ, опередивъ свою сбродную дружину, очевидно соединенную только корыстными разсчетами на грабежъ, или желаніемъ необузданнаго, хмельнаго своеволія. Его красивое лицо, своимъ быстро мѣняющимся выраженіемъ, отражало его душевныя движенія. Иногда жестокая усмѣшка, раскрывавшая его зубастый ротъ и обнаруживавшая блестящіе бѣлые зубы, сообщала его красивымъ чертамъ и огненному взору звѣрское, отвратительное выраженіе. Такъ можетъ усмѣхаться только человѣкъ, не признающій ничего святого въ своей жизни, разорвавшій связь своей души съ небомъ, предавшійся своимъ страстямъ неистовымъ и ими только руководящійся.

Если читатель въ этомъ блестящемъ атаманѣ не узналъ своего знакомаго по предыдущимъ главамъ, то слѣдуетъ его назвать княземъ Иваномъ Шейдяковымъ. Онъ теперь удалился на московскую украйну, сознавая опаснымъ для себя оставаться въ мѣстахъ своихъ разбойническихъ подвиговъ, обнаруженныхъ бояриномъ Телепневымъ. Зная его связи и сильное вліяніе въ Москвѣ, Шейдяковъ понималъ, что ему не сдобровать. Онъ поспѣшилъ продать и свою боярскую вотчину, и свой постоялый дворъ на большакѣ, и удралъ оттуда прежде, чѣмъ нагрянулъ на его усадьбу воевода. Но опасность личнаго положенія не исправила, не образумила его. Злодѣйскіе инстинкты, воспитанные въ немъ съ дѣтства, когда, оставшись круглымъ сиротой, онъ росъ безъ всякаго нравственнаго надзора, среди крѣпостной дворни, влекли его по тому же роковому направленію. Привыкнувъ на охотѣ рисковать своею жизнью въ бѣшеной скачкѣ за волкомъ, онъ не дорожилъ и чужою жизнью. Безнаказанность его разбоя только поощряла его отвагу и питала самоувѣренностью его дикіе инстинкты. Молодыя, кипучія силы, не сдерживыемыя религіею, не направленныя своевременно къ цѣлямъ благимъ, полезнымъ, какъ для него, такъ и для общества и государства, подымали его, какъ срывающійся вихрь подхватываетъ все, особенно легкое, на своемъ пути. Все губила эта роковая сила, въ немъ заключавшаяся и его двигавшая, все, къ чему только прикасалась.

Молодая любовница, красивая поповская дочь, имъ увлеченная, которую онъ содержалъ на постояломъ дворѣ въ видѣ ширмы, долженствовавшей прикрывать его разбойничьи продѣлки, умерла, проклиная его, вогнавшаго ее въ чахотку. Молодая жена, загнанная, забитая имъ, пріютилась у своей матери родной, трепеща при одномъ имени мужа - злодѣя.

Не даромъ же, ребенкомъ еще, онъ, бывало, наслаждался мученіями щенковъ, которымъ собственноручно выкалывалъ глаза, которыхъ ошпаривалъ кипяткомъ, или, насажавъ кошекъ въ мѣшокъ,

завязавъ его, съ хохотомъ прислушивался, какъ онѣ, съ отчаяннымъ мяуканьемъ, царапали когтями и терзали одна другую. Казалось, причинять кому-нибудь зло, мучить и обижать — было его призваніе и онъ ему не измѣнялъ. Пробравшись къ Святымъ горамъ, онъ не разсчитывалъ напасть на монастырь и ограничился захватомъ монастырскаго намѣстника. Того требовалъ его новый замыселъ, котораго отчаянная дерзость превосходила всѣ до сихъ поръ содѣянные имъ разбои. Не довольствуясь уже грабежомъ частной собственности, онъ замыслилъ похитить престолъ и шапку Мономаха. Печальное время самозванныхъ государей, примѣръ разстригъ или жидовъ, пользовавшихся смутными обстоятельствами Россійскаго государства, чтобы овладѣть имъ, соблазняли его невѣжественное честолюбіе, двигали его на путь отчаянныхъ предпріятій. Онъ не останавливался на мысли, что та же мутная волна народнаго мятежнаго порыва, которая подымала самозванцевъ на высоту царскаго положенія, и низвергала ихъ, платившихъ за свое кратковременное, призрачное, украденное величіе цѣною своей жизни. Азіатъ по своимъ взглядамъ и по своей крови, христіанинъ только по названію, Шейдяковъ жилъ своими необузданными страстями и ради нихъ. „День, да мой!—твердилъ онъ.—Не хочу надъ собою старшого, самъ себѣ я старшой: куда хочу — туда и ворочу! Плевать мнѣ на Москву! У себя я самъ царь!“ Не диво, что съ такимъ неистовымъ характеромъ онъ совершалъ и поступки неистовые: такъ, онъ сѣкъ розгами приказныхъ, являвшихся къ нему въ вотчину съ повѣстками губнаго старосты о явкѣ его на судъ по разнымъ губнымъ дѣламъ; своего приходскаго попа, раздѣвъ до гола зимою, заморозилъ до смерти; плетью отстегалъ самого губного въ его избѣ, публично, за то, что губной приговорилъ его, какъ виновнаго, по судебнику, къ значительному денежному взысканію; даже брянскій воевода, наслышавшись о томъ, что князь и до него добирается, хвалясь „покормить его селедками стоеросовыми“, выѣзжалъ изъ города не иначе, какъ съ охраной конныхъ драгуновъ.

Но при всей своей дикой отвагѣ, Шейдяковъ берегъ свою шкуру тамъ, гдѣ ему грозила явная опасность. Поэтому, задумавъ своимъ лицомъ повторить самозванца, онъ, пока что, держалъ свой безбожный замыселъ въ глубокой тайнѣ. Стрѣлецкій мятежъ внушилъ ему рѣшимость назваться государемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, будто-бы спасшимся отъ яда и злокозней вдовствующей царицы-матери, Матвѣева и Нарышкинскихъ сторонниковъ. Вмѣсто него, государя Ѳедора, молъ, похороненъ другой. Когда же Шейдяковъ усмотрѣлъ въ этомъ своемъ замыслѣ самую грубую, почти очевидную, ложь, открывающуюся сама собою при поверхностномъ даже обсужденіи, то остановился на предположеніи выдать себя за старшаго сына царя Тишайшаго, за царевича Дмитрія Алексѣевича, которому теперь были бы тѣ же тридцать четыре года отъ роду, что и Шейдякову. Онъ объявитъ правдоподобную сказку: молъ, меня, царевича

Дмитрія, еще у кормилицыной груди подмѣнили московскіе бояре, черезъ своихъ барынь-мамокъ, „верховыхъ“; что подмѣненный хилый младенецъ, не доживъ года, умеръ и похороненъ подъ именемъ царевича Дмитрія; что онъ, истинный царевичъ, отданъ былъ на воспитаніе, вдаль отъ Москвы, князю Шейдякову, бездѣтному по безплодію своей супруги, который его усыновилъ лишь для видимости, дабы скрыть до нужнаго времени высокое происхожденіе его, царевича. И онъ, царевичъ, возросъ въ глухихъ лѣсахъ брянскихъ, подъ именемъ князя Ивана Шейдякова, наслѣдовавъ вотчину своего отца пріемнаго. Нынѣ же наступила пора ему, царевичу, открыться своему вѣрному народу, ибо исполнилась мѣра его долготерпѣнья царскаго. Пора ему, царевичу, возсѣсть на родительскій столъ; незаконно на немъ сидѣлъ его покойный братъ, изъ меньшихъ, Θедоръ, а теперь пустуетъ столъ царскій, хотя признаны государями малолѣтній братъ его единокровный, Петръ, и слабоумный, единоутробный братъ Иванъ, а ихъ именемъ правительствуетъ сестра ихъ царевна Софья. И, видя великое замѣшательство въ государствѣ московскомъ и народу отъ бояръ утѣсненіе, онъ, царевичъ, восхотѣлъ-де съ его, народа, помощью сѣсть на свое предковское государство, и изъ онаго вредное беззаконіе вывесть и измѣнниковъ-бояръ наказать.

Вотъ основанія самозваннаго замысла, развившагося въ безумной головѣ Шейдякова. Казнь послѣдняго самозванца, бѣглаго подьячаго писца Тимошки Анкудинова, назвавшагося царевичемъ Иваномъ, сыномъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, не устрашала его. Неудача Анкудинова, не поддержаннаго, какъ онъ разсчитывалъ, народнымъ въ его пользу движеніемъ, не образумила новаго самозванца, готоваго играть своею жизнью и, конечно, не жалѣвшаго чужой.

Личность и самозванство Тимошки плѣняла Шейдякова. Похожденія подъячаго въ Новой-четверти казались ему достойными подражанія. Изъ ничтожества Тимошка становится зятемъ великопермскаго архіепископа, богатѣетъ, разоряется, сжигаетъ свой домъ вмѣстѣ съ женою, отдѣлавшись отъ нея такимъ ужаснымъ способомъ. Похитивъ значительную сумму изъ питейныхъ доходовъ, имъ завѣдываемыхъ, онъ бѣжитъ въ Польшу, потомъ къ Богдану Хмѣльницкому, объявясь царевичемъ Иваномъ; сообщниковъ не найдя, явился въ Турцію, гдѣ принялъ магометанство; но оно не избавило бы его отъ кола за какое-то преступленіе, еслибы онъ не бѣжалъ въ Венецію, называя себя „послѣдіемъ князей Шуйскихъ, начальникомъ великопермскимъ и великимъ княземъ владимірскимъ, убожайшимъ путникомъ во имя Господа“.

Въ Римѣ онъ сталъ папистомъ. Владѣтель трансильванскій, Рагоца, обманутый его ложью, снабдилъ его письмами къ европейскимъ дворамъ. Тимошка отправился въ Швецію и принятъ королевою Христиною, какъ царевичъ московскій. По требованію русскаго правительства, шведское велѣло задержать Тимошку въ Ревелѣ, но онъ изъ-подъ стражи бѣжалъ и въ Виттенбергѣ

принялъ лютеранскую вѣру. Въ голштинскомъ городѣ Нейштадтѣ былъ пойманъ новгородскимъ купцомъ, агентомъ русскаго двора, привезенъ въ Готторпъ, гдѣ его министры допрашивали. Черезъ годъ, укрывавшій Тимошку герцогъ, удостовѣрившійся въ его самозванствѣ, выдалъ его за большую сумму русскому правительству.

Непоколебимая твердость духа, съ какою Тимошка выносилъ жесточайшія истязанія въ Москвѣ, особенно восхищали Шейдякова: герой его мечты, уличенный въ своемъ самозванствѣ родною матерью и многими его знакомыми по Волгѣ и по Москвѣ, до послѣдняго своего вздоха, испущеннаго имъ на колесѣ, четвертованнымъ, называлъ себя сыномъ царя Василія Шуйскаго. Ревнуя послѣдовать Тимошкѣ, Шейдяковъ сознавалъ его превосходство въ томъ, что тотъ имѣлъ способность заговорить на иностранныхъ языкахъ. Такой способности онъ, князь, не имѣетъ. Зато онъ, князь, въ полѣ на конѣ не Тимошкѣ, молъ, ровня, приказному писаришкѣ...

Въ этихъ своихъ видахъ, Шейдяковъ направился, раздѣлавшись съ имущественными дѣлами, на Донъ, издавна славившійся безпокойнымъ характеромъ своего вольнаго казачества. Удалыя головы донскихъ городковъ склонялись „попробовать счастья, идти зипуна промышлять“, но Шейдякову въ глаза смѣялись, выслушивая его сказку и прямо величали его самозванцемъ. Здравый народный умъ не легко было теперь совратить съ пути истиннаго; но буйный духъ низовой голытьбы, усиленной ссыльными стрѣльцами и бѣглыми раскольниками, увлекалъ тысячи обездоленныхъ людей, хотя-бы съ опасностью своей жизни искать того, что имъ казалось счастьемъ, чего они были лишены и чѣмъ пользовались другіе. Кличъ дерзкаго атамана идти на Москву, убивать бояръ и купцовъ и грабить ихъ имущество еще подымалъ цѣлыя толпы. Къ Шейдякову пристали бѣглые стрѣльцы,—сосланные въ Полатовъ, за свои воровства, битые кнутомъ, съ урѣзанными носами и ушами, а также безъ нѣкоторыхъ пальцевъ, отрубленныхъ московскимъ палачомъ; ихъ изуродованныя рожи украшали теперь шайку и на нихъ, которымъ терять было уже нечего, могъ больше, чѣмъ на другихъ своихъ сподвижниковъ, разсчитывать Шейдяковъ.

Поджидая съ Дона атамана Максима Скалозуба, обѣщавшаго привести къ нему двѣ тысячи исправныхъ конниковъ на условленное мѣсто, „Сватову Лучку“, на рѣкѣ Жеребцѣ, Шейдяковъ и расположился станомъ на этой обширной травяной Лукѣ, прорѣзанной извилистымъ теченіемъ Жеребца. Именно сегодня долженъ подойти Скалозубъ, чтобы, отдохнувъ и подкормивъ коней въ этихъ привольныхъ лугахъ, идти на сѣверъ. Скалозубъ, одобривъ самозванство князя, какъ способъ серьезно навредитъ Москвѣ, тоже осмѣивалъ ложнаго царевича Дмитрія Алексѣевича и сомнѣвался въ возможности успѣха. Но Москва слишкомъ насолила Дону, и Скалозубу все равно: идти ли съ охот-

никами на Волгу, „для зипуна“, и промышлять надъ непокорными царю калмыками, или приступать къ царскому городу Царицыну, или грабить православную Русь по пути на Москву. „Не по коню—такъ по оглоблѣ“,—говорилъ онъ. Къ тому же польскіе шпеги (шпіоны), переодѣтые іезуиты, распространяли по Дону, какъ и по Малороссіи, „прелестные листы“ такого содержанія: „Войску, во всемъ христіанствѣ славному, надо вспомнить славу дѣдовъ и прадѣдовъ, быть въ одной мысли съ Запорожьемъ и выбиться изъ неволи человѣка негоднаго и невоинственнаго. А королевское величество имѣетъ столько разума, благословенія Божія и храбрости, что можетъ защитить и народъ, который онъ отъ младенчества любитъ и питаетъ“. Послѣднія слова королевскаго посланія, конечно, относятся только до малороссійскаго народа, которому собственно и назначалось посланіе. Своей шайкѣ Шейдяковъ былъ извѣстенъ подъ именемъ атамана Ворона.

— Потому я Ворономъ обзываюсь, что мертвечинку люблю,— объяснилъ онъ своимъ подначальнымъ аллегорически свое прозвище.

Кони сбатованы, подъ надзоромъ караульныхъ, не разсѣдланные, а только разнузданные, пасутся въ травѣ-муравѣ, по брюхо тонутъ въ роскошномъ зеленомъ лугу, испещренномъ цвѣтами. Вольница валялась вокругъ костровъ, на которыхъ, въ чугунныхъ казанкахъ, варился кулешъ съ саломъ; кто спитъ, въ ожиданіи „починиться“, т. е. поѣсть, кто люльки куритъ, кто межъ собой бесѣдуетъ. Окруженный молодыми хлопцами, старый запорожецъ Охримъ Сѣрабаба, съ краснымъ носомъ отъ неумѣреннаго употребленія столь милой ему горилки, сидя съ люлькой въ рукѣ, а не въ зубахъ, говорилъ, какъ всегда, хвалился Хортицкою сѣчью и жалѣлъ прошедшую волюшку степную. Въ высокой бараньей шапкѣ съ краснымъ верхомъ на затылкѣ бритой головы, въ поношенномъ аломъ кобенякѣ, въ широчайшихъ, вродѣ женской юбки, синихъ шароварахъ, въ красныхъ чоботахъ на мѣдныхъ подковахъ, съ длиннѣйшими сѣдыми усищами, висѣвшими, какъ у кота, и рѣзко выдѣлявшимися на темномъ отъ загара лицѣ, онъ отъ всѣхъ отличался своимъ воинственнымъ видомъ; сѣдыя брови, сдвинутыя надъ темными, еще горѣвшими, глазами, и горбатый носъ сообщали его выраженію суровость, невольно отъ него отталкивающую. Подпивши, онъ обыкновенно оплакивалъ свою долю стариковскую, прошлую славу казацкую. Онъ говорилъ:

— Коню мій, товарищу мій вірный! Не будемъ мы гуляти съ тобой по широкимъ степамъ, не погріемось въ Польши на пожарі, не політаемо въ чайкахъ по Черному морю. Не стане славнаго товариства... Куды намъ повернутысь съ тобою? Чи вже-жъ мені бути гречкосіемъ, та ще й бабіемъ? Коню мій, коню! Хиба пидемо турковіі служити? Сторона турецькая, віра бусурманьская... Якъ маемо тамъ жити, нехристови служити? А тутъ мати Украина, Лугъ великій, Дніпръ широкій... Украино

Украино! Матінко моя рідна! Не покину васъ до віку. А де-жъ воля-доля наша? Де іи шукати? Будемъ тую ратувати... Зберемось, землю піднимемъ, неба достанемъ! Панівъ будемъ выгубляти, зъ москалями битись, свою волю-долю ратувати... Украино, якъ тебѣ намъ боронити? Де-жъ самимъ подітысь? А ще-жъ мати наша та не вмерла, коли маемо шаблю при боку. Поміряемось, побачимо, чій батько дужчій...

— Що тамъ бачить? Старый якъ малый. Плакса бабская! Докозакувався!

— Що-жъ робити? Мабуть, Богъ судивъ тобі, дидусь Охриме, за гріхи запорожьски твои старостью наказать,—замѣтилъ здоровенный бурсакъ, Заступа, избывшій философскаго класса по своей неспособности къ ученью и взявшійся за гайдамацкую саблю, какъ за легчайшій для себя трудъ. Скільки-жъ ты народу невиннаго часомъ погубилъ! Скільки того пьянства, скільки розбіятства! Оце-жъ терпи, пьяна душе. Вмерти тобі, старый, не на коню, не въ полі, а въ шинку, мабуть, въ помыйниці жидивскі, або гречкосіемъ, напечі... Мабуть, откозаковавсь...

Старые глаза характерника злобно сверкнули на безусаго молокососа, оскорбившаго его казацкое достоинство. Онъ воскликнулъ:

— Голобородько езвитскій! Чомъ присталъ до воинскаго товариства? Мѣсто твое у котолицкаго папа сіпакомъ (приставникомъ) служить, глядишь папомъ окомономъ (экономомъ). Изди по паньскимъ лапамъ, потомъ кровавымъ людьскимъ политымъ, бій людей малахаемъ (бичомъ); тягни съ крещеныхъ людей правенты и десятины... Геть бо изъ товариства нашего воинскаго, песъ смердячій! Геть!

Но только смѣхомъ, подхваченнымъ хлопцами, отвѣтилъ бурсакъ на оскорбленія захмелѣвшаго запорожца.

— Бабій чортіянивъ!—кричалъ дисусь Охримъ, грозя бурсаку кулакомъ.—Кому січь, тебѣ до дівчины на пічь! Кому кровью вражьею запахло, а тобі спідницею; кто до сѣдла казачьяго, а тобі до бабы въ пазуху! Кіями бъ тебѣ, гнидо! Черезъ васъ блазнивъ товариство не вдержалось!

Опять въ отвѣтъ запорожцу обидный для него смѣхъ зубоскаловъ. Между тѣмъ Шейдяковъ бесѣдовалъ съ захваченнымъ монахомъ, подъ тѣнью рядна, наброшеннаго на нѣсколько сверху связанныхъ, а снизу раздвинутыхъ пикъ. Это подобіе палатки прикрывало отъ полдневнаго зноя стараго святогорскаго намѣстника. Тучный, обремененный обширнымъ, подъ самый подбородокъ поднимающимся брюхомъ, онъ тяжело пероносилъ, зной, тѣмъ болѣе, что ему пришлось потрястись съ самаго утра на казацкомъ сѣдлѣ. Онъ не могъ пожаловаться на жестокое обращеніе съ собою хищниковъ, развязавшихъ ему руки, какъ только Святыя горы скрылись у нихъ изъ глазъ. Въ продолженіе пути, шагомъ, такъ какъ конные не отдѣлялись отъ пѣшихъ своихъ сотоварищей, атаманъ нѣсколько разъ вступалъ съ нимъ въ бесѣду, изъ которой почтенный монахъ понялъ, что присут-

ствіе его въ этой шайкѣ атаману нужно, но зачѣмъ, это объяснить тотъ отказывался. Теперь же атаманъ счелъ возможнымъ познакомить монаха съ его положеніемъ въ шайкѣ, а также съ своими собственными цѣлями.

— Мнѣ хочется оправдаться въ глазахъ твоихъ, отче,—началъ Шейдяковъ, стараясь сообщить своему лицу и голосу выраженіе почтительности, такъ не соотвѣтствующей его характеру.—Твое у насъ невольное пребываніе вызвано не какими-либо злыми противъ тебя намѣреніями съ нашей стороны, но лишь необходимостью: необходимо мнѣ имѣть при моемъ войскѣ православнаго священника, духовника моимъ православнымъ воинамъ. Вижу недоумѣніе твое, отче, въ томъ, что войскомъ я называю малочисленную партію; но эта партія скоро разростется въ большой полкъ, а тамъ и въ армію. Нынче къ вечеру присоединятся ко мнѣ болѣе двухъ тысячъ храбрыхъ казаковъ, идущихъ съ Дона. Впереди ждутъ меня многія тысячи.

— Но кто же самъ ты, на кого ополчаешься и куда идешь?—спросилъ монахъ, съ понятнымъ недовѣріемъ къ честности и законности дѣйствій человѣка, заявившаго себя разбойникомъ.—Кто ты? Откуда, куда и зачѣмъ идешь вооруженною рукою?

— Кто я, какія мои намѣренія, монахъ, узнаешь скоро,—отвѣтилъ молодецъ-атаманъ, вздрогнувъ при звукѣ выстрѣла, возвѣщавшаго опасность и встревожившаго станъ.—Къ оружью, лихачи! Хватай коней!—раздался его громовой голосъ.—Стройся!

X.

Начало сей Святогорской обители, кто оное святое пустынное жительство изобрѣлъ, и въ горѣ сей святую церковь и кельи устроилъ, и началъ жительствовать, за многими татарскими нахожденіи и разореніи, особенно же за частыми перемѣнами прежде бывшихъ строителей, потомъ игуменовъ и архимандритовъ, здѣ въ святой обители писанія не обрѣтохомъ.

(Синодикъ Святогорскаго монастыря 1710 года).

Не смотря на свою усталость, Маруся не могла заснуть. Въ ночной тишинѣ она прислушивалась къ сладкому храпѣнью молодицы изъ Терновой балки и невольно ему завидовала. Мысль, что она ночуетъ въ древней обители, прославленной благочестивыми подвигами ея отшельниковъ и святостью чудотворной иконы святителя Николая, наводила на ея воспріимчивую душу религіозный страхъ. Онъ усиливался еще безпокойствомъ за жизнь отца и братьевъ: завтра, быть можетъ, ихъ ждетъ смертельная опасность. Кромѣ того, молоденькой дѣвушкѣ хотѣлось удостоиться благословенія святого старца схимника и отъ него услыхать вѣщее слово. Онъ, по благодати къ нему

Божьей, можетъ предсказать человѣку его будущее, а она такъ хотѣла бы свое будущее знать. И страшно узнать свою судьбу, если она горькая. Страшно услыхать о своей скорой смерти, или о смерти близкихъ, любимыхъ! Ей такъ не хочется умирать, такъ больно подумать о потерѣ дорогихъ ей людей. Вдругъ узнать о томъ, что скрыто отъ человѣка мудрымъ Провидѣніемъ, кажется ей желаніемъ не только неблагоразумнымъ, но и грѣховнымъ. Вѣдь страшно было бы ей, еслибы не только на яву, но даже во снѣ, чародѣй подвелъ ее къ вырытой могилѣ и сказалъ бы ей, что это ея могила. Унылые удары въ ночной колоколъ монастырскаго сторожа будили въ тревожной душѣ Маруси всѣ ея дѣтскіе страхи, съ которыми она еще не разсталась. Не въ силахъ болѣе лежать на своемъ простомъ ложѣ, она встала и подсѣла къ открытому окну. Ее охватили мечтательный свѣтъ и живые голоса весенней ночи. Полный мѣсяцъ, съ синей выси, глянулъ ей въ глаза. Прелесть украинской ночи и очаровательная мѣстность, осеребренная кроткимъ сіяніемъ мѣсяца, сразу измѣнили настроеніе дѣвушки; природа, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, особенно весенняя, влекла къ себѣ всѣ ея способности и, подъ силою ея живыхъ, успокаивавшихъ и возвышавшихъ душу глубокихъ впечатлѣній, она всегда чувствовала себя счастливой. Каменный соборъ бѣлѣлся на монастырскомъ дворѣ, окруженномъ братскими кельями; надъ нимъ возвышалась гора, вся въ темномъ сосновомъ бору, котораго гигантскія сосны уходили, казалось, въ свѣтлое небо вмѣстѣ съ громадой мѣловой скалы, рѣзко вырѣзывавшейся своей дѣвственной бѣлизной на темномъ фонѣ бора столѣтняго. Бѣлая же мѣловая церковь, составляющая продолженіе скалы, охваченная мѣсячнымъ свѣтомъ, казалась висящею въ воздухѣ и ея золоченный крестъ горѣлъ въ недосягаемой выси, представляясь религіозному чувству дѣвушки отрадною эмблемою спасенія грѣховнаго міра. Чудная свѣтлая ночь и нѣжная соловьиная пѣсня, роскошными трелями и мелодическимъ свистомъ разсыпавшаяся, щелкавшая и гремѣвшая въ густо разросшемся вишенникѣ и сливнякѣ, въ бѣломъ благоуханномъ цвѣту, будили въ ея ожившемъ сердцѣ мечты о возможномъ и для нея счастьѣ. Смягчаемый далью, изъ-за донецкихъ озеръ доносился согласный хоръ безчисленныхъ голосовъ лягушекъ, словно торжественный гимнъ торжествующей веснѣ. Вмѣстѣ съ этими ночными звуками, красками, игрою свѣта и тѣней, опьяняющимъ молодую женскую голову благоуханіемъ цвѣтущей бѣлой акаціи и сирени, Маруся наслаждалась чувствомъ живого, молодого счастья, подымавшимъ ее на своихъ свѣтлыхъ крыльяхъ туда, гдѣ она никогда не была и гдѣ никогда не будетъ. Мѣсяцъ съ своею кроткою поэтическою задумчивостью отражался въ неподвижномъ зеркалѣ спящаго Донца, куда какъ бы опрокинулась Святая гора съ темнымъ боромъ и бѣлою мѣловою церковью на бѣлой же скалѣ. О, какъ хорошо на душѣ Маруси въ такія восхитительныя минуты, какъ хочется ей молиться безъ словъ,

отъ избытка счастья въ сердцѣ, переполненномъ высокихъ помысловъ и чувствъ. Но счастье ея не полное, — это сознаетъ она. Ей недостаетъ чего-то, кого-то, съ кѣмъ хотѣлось бы ей вмѣстѣ проводить эту божественно-прекрасную майскую ночь.

— Онъ, конечно, и глядѣлъ бы, и слушалъ, и наслаждался этою ночью такъ же, какъ она, жилъ бы вмѣстѣ съ нею одними и тѣми же впечатлѣніями. Но онъ, ея милый, отъ нея далеко и, вѣроятно, никогда съ нею не увидится. Онъ никогда не узнаетъ о томъ, какъ она его любитъ, какъ часто онъ смущаетъ ея дѣвичій сонъ, какими слезами она оплакиваетъ свою съ нимъ разлуку. Гдѣ-то онъ? Что съ нимъ? Помнитъ ли ее, подругу своего дѣтства и своей юности? Конечно, онъ ее забылъ, видя кругомъ нарядныхъ нѣмокъ и француженокъ, молодыхъ красавицъ, веселыхъ и разбитныхъ съ мужчинами, какихъ много видѣла она въ нѣмецкой слободѣ Кукуѣ, за Яузой. Въ сравненіи съ ними она, скромная, недовѣрчивая къ себѣ дѣвица способная только краснѣть, когда къ ней обращается мало ей знакомый, конечно, теряетъ даже въ глазахъ Андрюши. Конечно, она ему не пара, хотя боярыня, по своей добротѣ и любви къ ней, Марусѣ, признавалась ей въ послѣдніе дни предъ разлукой, что мечтаетъ видѣть ее женою Андрюши. Развѣ не о томъ же мечтаетъ и она, Маруся?

Сладкія слезы, вызванныя воспоминаніемъ о томъ, чего она забыть не могла, чѣмъ она жила все время, какъ возвратилась въ родную семью, не отравляли ея наслажденія этою прелестью ночи, не омрачали ея свѣтлыхъ дѣвичьихъ грезъ; сладкія слезы, напротивъ, какъ-бы дополняли счастье этихъ восторженно переживаемыхъ ею минутъ, были ей дороги, какъ бы самое счастье...

Но откуда взялась горечь, вдругъ ею чувствуемая, откуда недовольство собою, вызывающее осужденіе самой себя? Чувство любящей дѣвушки смѣняется чувствомъ дочери, сознающей свою неправоту, даже виновность въ отношеніяхъ своихъ къ кровнымъ родителямъ. Она, дочь, недостаточно ихъ любитъ, любитъ ихъ нравственно менѣе, чѣмъ своихъ родителей названныхъ. Этого не могутъ, конечно, не сознавать и сами родители кровные.

Особенно кровная мать, своимъ вѣрнымъ материнскимъ сердцемъ, поняла эту дочернюю къ себѣ холодность душевную, какъ ее не смягчаетъ доброе желаніе дочери прикрывать ее внѣшнею ласковостью, неизмѣнною покорностью и вниманіемъ. Не разъ уже кровная мать, съ тяжелымъ вздохомъ, съ овлажнявшимися глазами, замѣчала дочери, что она, повидимому не рада, что попала изъ Москвы въ изюмскія степи. Конечно, Маруся спѣшила, какъ могла, разувѣрить мать и своею съ нею нѣжностью осушить ея слезы, успокоить ея материнское сердце. Но материнскій невольный упрекъ глубоко проникалъ въ чуткую душу дочери и больно ее уязвлялъ, тѣмъ болѣе, что дочь соз-

навала справедливость упрека и невозможность, съ своей стороны, дать матери болѣе теплое дочернее чувство, какъ объ этомъ она, дочь, ни старалась. Не останавливаясь здѣсь на разсужденіи, что наши человѣческія, особенно же семейныя отношенія воспитываются самою жизнью, что жизнь не воспитала Марусю въ родной семьѣ, бросивъ ее въ чужую семью, замѣнившую ей родную, нравственно строгая къ себѣ дѣвушка обвиняла здѣсь одну себя. Вдумываясь въ свое новое положеніе, она убѣждалась, что ея родные отецъ и мать, при всей ихъ о ней заботливости, кажутся ей какъ бы чужими ей людьми. Ихъ жизнь, мнѣнія, вкусы — такъ ей чужды, что ей становилось страшно. Могутъ ли составлять семью люди, хотя бы кровные, но по духу чужіе другъ другу? — спрашивала она себя. — Вѣдь близость людей обусловливается одинаковостью ихъ духовной жизни, а не внѣшними обстоятельствами. Но, вспоминая слова благородной боярыни, Маруся предавала себя и свою судьбу во власть Божью.

Ничего другого не остается женщинѣ, когда ей тяжело жить и она не можетъ направить свой путь и подчинить себѣ враждебныя обстоятельства. „Чтобы быть хорошей женщиной и женой, надо быть истинной христіанкой“, — говорила бывало, боярыня. И Маруся усердно молилась, ища въ молитвѣ себѣ успокоенія душевнаго, нравственной силы, безъ чего жизнь — томленіе. Но молитва не всегда примиряла ее съ жизнью. Молившееся скорбное сердце дѣвушки, какъ ей самой казалось, утратило уже свою дѣвственную чистоту, питая теперь суетныя плотскія чувства, мѣшавшія ея молитвѣ подняться отъ грѣховной земли въ небесную высь, къ Богу. Когда то, отроковицей, съ ангельскою душой, подобной бѣлоснѣжной голубкѣ, она молилась не такъ совсѣмъ. Вѣра въ загробную жизнь, обѣщанную праведнику и праведницѣ евангеліемъ, мѣшаясь съ инстинктивнымъ страхомъ могилы и „того свѣта“, вотъ что подымало ангельскую молитву отроковицы въ голубое безпредѣльное воздушное пространство, откуда на нее, молящуюся отроковицу, взиралъ строгій взоръ благообразнаго божественнаго лика, въ ослѣпительномъ сіяніи, а горѣвшая чуднымъ серебромъ десница благословляла ее.

„Можетъ быть, я нехорошая, неблагодарная, избалованная дѣвушка,—думала о себѣ, иногда, Маруся.—Мои добрые родители достойны лучшей дочери. Не понесу ли я съ собою, въ могилу, на тотъ свѣтъ, горькое сознанье своей предъ ними дочерней виновности? Страшно только подумать о днѣ страшнаго суда, когда предстану у престола Небеснаго Судіи, и Онъ спроситъ: какова ты была дочерью земною? Что отвѣчу? Чѣмъ оправдаюсь въ недостаточности дочерней любви?“

Чувствуя себя сиротливой въ родной семьѣ, гдѣ она видитъ къ себѣ только ласку и вниманье, Маруся тяготилась иногда сама собою и въ исполненіи своего дочерняго долга искала спасенія отъ охватывавшихъ ее и холодившихъ сомнѣній въ

себѣ и въ близкихъ. Она должна забыть Москву и стать доброю, любящею дочерью своей родной семьи. Отецъ и мать—почтенные, хорошіе люди, которымъ, кромѣ дочерняго уваженія, слѣдуетъ и дочерняя любовь. Они, конечно, лучше своей дочери...

Но тяжелое сознаніе своихъ дочернихъ отношеній, ее не удовлетворявшихъ, вызываемое ея нравственною строгостью къ самой себѣ, не замедлило уступить сердечному порыву, увлекавшему въ эту очаровательную ночь молоденькую дѣвушку къ любимому юношѣ. Сладкое и въ то же время мучительно-ревнивое чувство рвалось къ нему, рисовало ей его милый образъ, повторяло ей милое прошлое, обоимъ имъ общее, но обоимъ ли имъ равно дорогое? Въ послѣднемъ она сомнѣвалась, конечно, съ несправедливостью, присущею вообще всѣмъ любящимъ и ревнующимъ. Чудная мѣсячная ночь, съ своими волшебными призраками вдали, съ поэтическою правдою вблизи, держала ее въ приподнятомъ настроеніи, соотвѣтствовавшемъ торжественному покою ночной природы, раскинувшей передъ ея восхищенными глазами всю роскошь своихъ чаръ, всю прелесть и разнообразіе своихъ картинъ въ дивномъ освѣщеніи, при дивныхъ звукахъ. Она смотрѣла, слушала, мечтала, далеко уносясь отъ себя и своего окна. Благоухающая ночная прохлада, потягивавшая отъ вѣкового дремавшаго сосноваго бора, одѣвавшаго гору, и отъ зеркальной поверхности спящаго Донца, пріятно такъ освѣжала ея голову и грудь въ одной сорочкѣ.

Вдругъ она испугалась, неожиданно увидя черную фигуру человѣческую, медленно двигающуюся по монастырскому двору въ тѣни, бросаемой соборомъ. Сама себѣ не вѣря, принимая мрачную фигуру за привидѣніе, или за духъ въ образѣ покойника-монаха, совершающаго свое полунощное посѣщеніе того мѣста, гдѣ много лѣтъ онъ жилъ и молился, Маруся трепетала вся, слѣдя за видѣніемъ. Дочь своего суевѣрнаго вѣка, воспитанная на сказкахъ и няниныхъ разсказахъ о мертвецахъ, выходящихъ въ урочный ночной часъ изъ своихъ могилъ и видомъ своимъ въ бѣломъ саванѣ пугающихъ живыхъ, она хотѣла затворить окно, броситься на постель, закрыться съ головою хотя бы своей плахтой, чтобы не видѣть мертвеца и отъ него спрятаться, какъ она, бывало, дѣвчонкой пряталась отъ страшныхъ привидѣній няниныхъ разсказовъ; но женское любопытство, или чувство, болѣе приличное взрослой благородной дѣвушкѣ, удерживало ее у окна.

Широко раскрытыми отъ страха глазами она слѣдила за таинственной фигурой. Вотъ она, согбенная, выступила изъ тѣни собора и мѣсячный свѣтъ облилъ ее своимъ блескомъ. Черная ряса и черный клобукъ теперь еще рѣзче выдавались противоположностью своего мрачнаго цвѣта съ ликующимъ и живымъ мѣсячнымъ сіяніемъ. Несомнѣнно и для Маруси, что это не мертвецъ, не привидѣніе, но дряхлый старецъ, близкій къ могилѣ, съ трудомъ, тяжко опираясь на посохъ, передвигаетъ свои

ослабѣвшія ноги. Изнуренный старческій ликъ, казалось, исчезалъ въ своей бѣлой бородѣ, подъ чернымъ покровомъ клобука, надвинутаго по самые глаза. То былъ ликъ живого покойника; длинная тѣнь волочилась за нимъ по освѣщенному двору. Она показалась Марусѣ какъ бы продолженіемъ его черной мантіи, тоже волочившейся за нимъ. Присмотрѣвшись, дѣвушка увидѣла бѣлые кресты бѣлые херувимы съ крылышками, рѣзко выдѣлявшіеся на черной мантіи, а на черномъ клобукѣ бѣлое изображеніе мертваго человѣческаго черепа съ оскалившимся ртомъ. Мысль, что это схимникъ, принявшій ангельскій ликъ, старецъ, предсказывающій судьбу человѣческую, такъ и ударила Марусю. Страхъ, но теперь уже совсѣмъ иного рода, смѣшанный съ рѣшимостью спросить святого человѣка, что ее ждетъ въ будущемъ, теперь волновалъ Марусю. Но какъ къ нему подступить ей, дѣвушкѣ,—къ нему, святому человѣку, ночью и на монастырскомъ дворѣ? Не сочтетъ ли онъ ея появленіе при такихъ условіяхъ дерзкимъ поступкомъ, свидѣтельствующимъ о ея неуваженіи къ его святости? Если набожный затворникъ избралъ этотъ глухой часъ ночи для того, чтобы въ глубокомъ уединеніи созерцать прелесть міозданія и вознести молитвенную благодарность Міроздателю и Отцу Небесному, то не святотатство ли съ ея стороны предстать ей, женщинѣ, и еще молодой, боголюбивому старцу, отрекшемуся отъ міра? Убѣжденному, что онъ бесѣдуетъ съ Богомъ безъ свидѣтелей, вдругъ является женщина! Нѣтъ, она не дерзнетъ на такой поступокъ!

Разсуждая такъ благоразумно и вполнѣ согласно съ своей женственностью, Маруся поспѣшно одѣвалась, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ. Одѣтая теперь козачкой, не козачкомъ, она взглянула въ окно и увидѣла схимника на колѣняхъ, съ лицомъ, обращеннымъ на храмъ, и погруженнаго въ молитву. Тихо склоняясь головою ниже и ниже, онъ распростерся по землѣ ницъ, и такъ лежащимъ и остался. Маруся напрасно ждала того, чтобы онъ поднялся, и, наконецъ, поняла, что онъ или не можетъ, по слабости, подняться безъ помощи, или что онъ въ обморочномъ состояніи, требующемъ немедленнаго участія. Прежде чѣмъ обдумать, что она дѣлаетъ, она очутилась возлѣ недвижимаго старца. Задыхаясь отъ сильнаго волненія, дрожащими руками она освободила его голову отъ клобука съ покрываломъ и убѣдилась что онъ лишился чувствъ. Холодъ старческаго лба показался ей холодомъ мертвеца. Ей понадобились всѣ ея силы и вся воля, чтобы приподнять изсохшее тѣло столѣтняго старца и его безжизненно упавшую, совсѣмъ облысѣвшую голову, положить на свое плечо. Такъ, стоя на колѣняхъ, она нѣсколько минутъ не знала, живъ ли онъ, или умеръ. Закрытые глаза и прекращенное дыханье вызывали ея сомнѣніе въ его жизни. Что съ нимъ дѣлать,—она недоумѣвала, напрасно поглядывая, не покажется ли сторожъ. Наконецъ, пахнувшій вѣтерокъ освѣжилъ его обнаженную лысую голову; онъ тихо вздохнулъ, хотя глаза оставались сомкнутыми, а голова покоилась на ея плечѣ. Слава Богу!—

подумала она, счастливая при мысли, что удостоилась, по мѣрѣ своихъ слабыхъ способностей, послужить святому старцу, и вмѣстѣ съ тѣмъ трепещущая отъ опасенія, какъ приметъ онъ, прійдя въ чувство, ее, свою случайную спасительницу. Этого мгновенія она ожидала съ лихорадочнымъ трепетомъ и не замѣтила, что онъ уже глядитъ на нее старческими потухшими глазами, все еще безъ силы поднять свою голову съ ея плеча. Казалось, всматриваясь въ молодую дѣвушку, онъ своимъ глазамъ не довѣрялъ, что ее видитъ. Испугъ неожиданности, понятый ею въ его взглядѣ, невольно и ей сообщился. По мѣрѣ того, какъ онъ овладѣвалъ сознаніемъ, испугъ смѣнялся строгимъ выраженіемъ, въ которомъ дѣвушка прочла осужденіе старца ея поступку.

Онъ слабо, но рѣшительно, поднялъ голову и попытался встать на ноги, но не смогъ бы, еслибъ не помогла ему Маруся, увлакаемая своимъ нѣжнымъ участьемъ къ святому безпомощному старцу, хотя понимала, какъ ему непріятна ея женская помощь. Она посадила его на старую могилу, заросшую травою, и стояла передъ нимъ съ опущенными глазами, словно виновная, въ большомъ волненіи, держа въ рукѣ его черный клобукъ съ покрываломъ, а въ другой его посохъ. Старецъ внимательно на нее глядѣлъ, какъ бы давая себѣ отчетъ въ ея непонятномъ ему явленіи. И перекрестился.

— Кто ты, юная дщерь, и какъ попала ночью въ сію обитель святую?—чуть слышнымъ шопотомъ спросилъ онъ ее.

— Я дочь изюмскаго полковника Захаржевскаго, съ нимъ пріѣхала и ночую вотъ здѣсь, въ кельѣ полковника,—отвѣтила она дрожащимъ голосомъ и указала на свое открытое окно.— Я не спала. Увидя твое паденіе, святой отецъ, испугалась за тебя, недвижимаго, стала тебѣ помогать въ чувство прійти...

На мертвенномъ лицѣ старца слабо заиграла кроткая улыбка благодарности, вознаградившая великодушную дѣвушку за весь ея страхъ и только что пережитое душевное волненіе. Благостный ликъ старца показался ей неземнымъ. Она молча подала ему клобукъ, который помогла его дрожавшимъ рукамъ надѣть, затѣмъ вручила ему посохъ.

— Благочестиваго корене пречестная отрасль,—прошепталъ старецъ.—Затѣмъ преклонившуюся передъ нимъ на колѣняхъ дѣвушку медленно накрылъ свою мантіею, возложилъ на ея голову обѣ свои руки и, возведя глаза къ небу, какъ бы призывая его благословеніе, прошепталъ: „Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя. Вонми гласу моленія моего, внегда воззвати ми къ Тебѣ. Благослови юную дщерь сію, агницу Твою, Христе Боже, да цвѣтетъ, яко кринъ сельный; даждь ей животъ честенъ и кончину непостыдну по чину христіанскому!..“

Онъ трижды благословилъ ее, склоненную подъ мантіей, крестнымъ знаменіемъ и, освободивъ ее отъ своей мантіи, поникъ головой и безсильно опустилъ руки. Маруся съ благоговѣніемъ перекрестилась, поклонилась въ ноги старцу и встала

для того, чтобы его поддержать. Ослабѣвъ, онъ едва не упалъ и опять дѣвушка испугалась за него, не скончался бы на ея рукахъ. Она обрадовалась, увидѣвъ подошедшаго отца архимандрита, и съ нимъ монаховъ. Приложившись къ рукѣ іеросхимонаха, иноки бережно подняли его и понесли въ церковь, которой окна засвѣтились извнутри и, при голубоватомъ мѣсячномъ свѣтѣ, казались красными. Удары церковнаго колокола, звучно разносившіеся въ ночной тишинѣ и далеко отдававшіеся въ темнолиственной чащѣ сосноваго бора и по блестящему зеркалу Донца множествомъ голосовъ эхо, разбѣгающагося во всѣ стороны, сзывали въ храмъ монаховъ. Ихъ мрачныя фигуры спѣшили изъ своихъ келлій, мѣрно постукивая подкованными сапогами по двору, выложенному камнемъ.

Архимандритъ присѣлъ на могилу, на мѣсто унесеннаго схимника и тяжелымъ вздохомъ обнаружилъ Марусѣ тяжесть своего душевнаго состоянія. На монастырской слободкѣ слышались голоса людей, конское ржанье, конскій удаляющійся топотъ. Монахъ, сумрачно перебиравшій чотками, замѣтилъ, обращаясь къ Марусѣ, что-то полковникъ, ея отецъ, помоги ему Богъ, выступилъ въ степь на сокрушеніе враговъ церкви и государства. И, снявъ на минуту клобукъ, перекрестился. Маруся послѣдовала его примѣру, мысленно молясь за успѣхъ ратнаго дѣла и за благополучный возвратъ участвующихъ въ немъ близкихъ ей родныхъ. Движеніемъ руки монахъ пригласилъ ее сѣсть и участливо спросилъ ее, почему она не спитъ?

— Опасность, какой подвергаются нынче мой отецъ и мои братья, не даетъ мнѣ спать, отче, — отвѣчала она, — я за нихъ боюсь...

— Понятная и похвальная боязнь доброй дочери. Успокойся, благородная дщерь: святой домъ Святогорской Матери Божьей вознесетъ усердныя мольбы къ Богу Жизнодавцу, да сохранитъ Онъ, всевѣдующій и всемогущій, доблііхъ защитниковъ христіанства православнаго... Звонятъ къ полунощному служенію, кая утреня бываетъ отъ перваго часа по полунощи, повседневно.

— Строгъ вашъ монастырскій уставъ, отче, — замѣтила Маруся.

— Аѳонской святой горы уставъ,—пояснилъ монахъ.—Въ началѣ перваго часа церковный сторожъ возбуждаетъ параеклисіарха и будильщика и оные идутъ къ настоятелю, и, сотворше молитву и пріемше благословеніе, единъ возбуждаетъ братью, другой же идетъ благовѣстити; будильщикъ возбуждаетъ братію у каждой келліи съ молитвою, глаголя: „молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ“. Всякъ же изъ братіи внутри келліи отвѣщаетъ: „Богъ да помянетъ любовь твою“. Параеклисіархъ же, по возженіи кандилъ, повелѣваетъ звонарю благовѣстить довольно въ колоколъ. Потомъ, вземъ древянное било, онымъ ударяетъ и, обходя вокругъ церкви, бьетъ въ оное три статьи. Слышишь, дщерь благородная, оное древянное било?

Маруся, точно, услышала эти деревянные звуки, трижды обошедшіе церковь. Она внимательно слушала архимандрита, продолжавшаго ей объяснять интересовавшія ее подробности монастырскаго устава.

— Посемъ іеромонахъ чередный въ притворѣ, веземъ эпитрахиль на себя, начинаетъ: „Благословенъ Богъ нашъ!" и чтетъ утреннія молитвы и полунощницу. При окончаніи же полунощницы приходятъ звонарь и будильщикъ предъ царскія врата и, сотворивше поклоны три, пріемлютъ благословеніе отъ настоятеля, идутъ овъ трезвонить, овъ же осмотрѣти братію и не обрѣтающихся паки возбуждаетъ. Аще кто не идетъ, да возвѣстить вину свою и будильщикъ возвѣщаетъ настоятелю. Настоятель же разсуждаетъ о всякомъ братѣ, да не будетъ какого-либо притворства и не приходящихъ къ началу всякаго правила молитвы поклонами да побуждаетъ и повелѣваетъ просить прощенія у братіи. По полунощницѣ чередной іеромонахъ, сотворивъ три малыхъ поклона, пріемлетъ благословеніе отъ настоятеля и творитъ начало утрени, чтецъ же читаетъ псалма два—шестопсалміе—въ мантіи, косно, благоговѣйно. По первой каѳизмѣ бываетъ чтеніе изъ отеческихъ книгъ. По чтеніи братія, имущіе рукодѣліе, предъ образомъ Спасителя сотворше три поклона, пріемлютъ отъ настоятеля благословеніе и идутъ. На рукодѣліи же всякъ да прилежитъ вниманію и молитвѣ Іисусовой и блюденію ума отъ помысловъ"... Но, дщерь благородная, какъ ты дерзнула предстать предъ святаго старца, коего лика честнаго зрѣть удостоиваются немногіе изъ иночествующихъ нашей обители? Знаешь ли, что сію ночь онъ впервые въ теченіе сорокалѣтняго затвора вышелъ изъ пещеры, гдѣ денно-нощно молился, замурованный, только съ оконцемъ для притока воздуха и подаянія пищи и питія. По его желанію его снесли съ святаго мѣста на монастырскій дворъ, откуда удалился даже привратникъ. Старецъ избѣгаетъ людей, даже иноковъ, не только женщинъ..,

— Онъ упалъ безъ чувствъ,—увидѣла я въ окно, и помогла ему очувствоваться, отче,—какъ бы оправдывалась Маруся.—Онъ меня благословилъ... Я не знала, что онъ избѣгаетъ людей...

— Святой подвижникъ, въ алтарѣ, высидитъ церковную службу — продолжалъ архимандритъ. — Его молитва, надѣемся, будетъ услышана Господомъ Богомъ и мой намѣстникъ благополучно вернется въ обитель вмѣстѣ съ храбрыми своими освободителями. Теперь мнѣ пора въ церковь,—замѣтилъ архимандритъ, подымаясь съ могилы.—Ты же дщерь, не на постель ли, тобою покинутую, вернешься, отдохнуть?..

— Иду въ церковь, съ тобою, отче!—отвѣтила она.

Онъ же сказалъ:

— Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ! Азъ же множествомъ милости Твоея, Господи, вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему въ страсѣ Твоемъ!..

———

XI.

Легла козацкая молодецкая голова,
Какъ отъ вѣтру на степи трава!
Слава не умретъ и не ляжетъ,
Лыцарство козацкое всякому разскажетъ...
(Украинская народная дума).

Неожиданная тревога, быстро поднявшая таборъ, расположившійся было отдохнуть, обрадовала святогорскаго намѣстника, во всю свою долгую жизнь не садившагося на сѣдло и, вдругъ, нынче вынужденнаго верхомъ ѣхать нѣсколько часовъ безъ остановки. Ему было не до обидныхъ насмѣшекъ, приправленныхъ грубыми остротами на его счетъ, которыми весь путь угощали его казаки, чуть не родившіеся на сѣдлѣ и считавшіеся лучшими наѣздниками своего времени. Когда, наконецъ, пришлось ему слѣзть съ сѣдла, онъ съ великимъ трудомъ смогъ выполнить это дѣйствіе, такое простое и обычное для другихъ, пожалуй, для всѣхъ, кромѣ него. Не чувствуя своихъ толстыхъ ногъ, затекшихъ и какъ бы одеревенѣвшихъ, онъ не слѣзъ, а свалился съ сѣдла и, благодаря своему замѣчательно обширному брюху, не могъ подняться безъ помощи тѣхъ же злыхъ насмѣшниковъ, сравнивавшихъ его съ сорокаведерной посудой. Огромный, утробистый, въ старенькомъ казенетовомъ длинномъ подрясникѣ, подымавшемся впереди такъ, словно онъ подъ нимъ вмѣсто живота несъ перину, въ остроконечной плисовой скуфейкѣ на облысѣлой головѣ съ розовымъ толстымъ затылкомъ, онъ имѣлъ жалкій видъ, не соотвѣтствовавшій его богатырскимъ размѣрамъ. Жирное лицо съ небольшими глазками въ подушкахъ щекъ маслилось, обливаясь потомъ; жиденькая бороденка подъ стать тощей заплетенной косицѣ, торчавшей надъ широкимъ затылкомъ и напоминавшей крысиный хвостъ. Страдая, очевидно, подъ отвѣсными лучами солнца, поднявшагося на полдень, и не видя возможности отъ него укрыться въ холодкѣ, какъ ему хотѣлось бы и какъ онъ привыкъ, отецъ Паисій долженъ былъ безпрестанно отирать лицо, начиная съ облысѣвшаго лба, платкомъ, мокрымъ отъ пота, хоть его выжми. Мысленно предавая анаѳемѣ этихъ злодѣевъ, безбожно захватившихъ его на мирномъ занятіи рыбною ловлею, онъ молился: „Господи, воздвигни силу Твою и пріиди во еже спасти ны“. Простодушный, какъ вообще всѣ великорослые толстяки, онъ все же былъ себѣ на умѣ и могъ понять и свое скверное положеніе, и людей, его въ это положеніе поставившихъ.

„Духовникомъ твоимъ буду,—въ отвѣтъ атаману ехидно подумалъ монахъ, обрадованный тревогой табора, вызванной показавшимся вдали войскомъ,—только предъ твоимъ послѣднимъ часомъ у висѣлицы, разбойникъ!..

Чувство самосохраненія, понятное въ положеніи монаха, подсказало ему воспользоваться общимъ смятеніемъ степовой воль-

ницы, чтобы спастись отъ нея бѣгствомъ. Красавецъ-атаманъ, уже верхомъ на своемъ ворономъ аргамакѣ, съ обнаженною саблею, сверкавшею на солнцѣ въ его рукѣ, гарцовалъ передъ строившимися рядами своихъ конниковъ и нетерпѣливымъ, громкимъ крикомъ понуждалъ пѣшій сбродъ стать впереди конницы, занять глубокую рытвину, поросшую дикою дерезою, откуда эти оборванцы, образно прозванные народомъ „голотою“ или „гольтяпою“, могли сколько-нибудь успѣшно стрѣлять изъ луковъ, единственнаго своего оружія, въ непріятеля и задерживать его наступленіе. Но половина голоты была безъ луковъ, съ однѣми дубинами или съ топорами, насаженными на длинныя рукоятья; у немногихъ блестѣли пики. По робкому смущенію, охватившему пѣшихъ ратниковъ, поглядывавшихъ больше назадъ, съ несомнѣнною готовностью удрать, чѣмъ впередъ, на приближающагося непріятеля, атаманъ убѣждался, что ему на нихъ разсчитывать много не приходится, что только съ конными встрѣтитъ онъ непріятеля, превосходнаго и числомъ, и вооруженіемъ, и боевымъ опытомъ. Зоркій глазъ Шейдякова, въ приближавшейся пыли, вздымаемой скачущею конницею, замѣтилъ красныя пики и красные казакины. „Изюмскіе козаки!“ — убѣдился онъ и невольно вздрогнулъ, зная, что не ему съ его сбродомъ устоять противъ лихого наскока лавою казаковъ, предводимыхъ отважнымъ полковникомъ, или его молодцами-сыновьями. — „Къ чертямъ пьяную голытьбу, хотя бъ съ конными уйти и свою шкуру цѣлою унести!“—порѣшилъ Шейдяковъ, чуждый вопросовъ совѣсти и чести, готовый жертвовать тысячами жизней людей, ему ввѣрившихся, чтобъ спасти одну свою жизнь. Но вѣрный своему необузданному нраву, привыкшему играть опасностью, онъ плетью гналъ отставшихъ ратниковъ въ рытвину и, съ проклятьями, грозилъ собственноручно убить всякаго изъ нихъ, кто струситъ и побѣжитъ. Страшнымъ казалось теперь выраженіе смуглаго красиваго лица его, потемнѣвшаго отъ гнѣва больше, чѣмъ отъ загара, съ побѣлѣвшими, дрожащими губами, съ расширяющимися ноздрями, съ горящимъ свирѣпымъ взглядомъ, требовавшимъ кровавыхъ жертвъ, не знавшимъ пощады.

— Вы, московскіе рѣзанные уроды! — кричалъ онъ бѣглымъ изъ Полатова стрѣльцамъ, изуродованнымъ московскимъ палачомъ: кто безъ носу, кто безъ ушей, кто безъ пальцевъ и даже объ одной рукѣ.—Какъ бы я вамъ и головъ не урѣзалъ! Чего шушукаетесь? Конскими копытами затопчу бѣглецовъ! А, ты бунтовать? Нѣтъ, вотъ тебѣ, безносый!

И взмахомъ сверкнувшей стали раскроилъ, вмѣстѣ съ шапкой, голову пьянаго стрѣльца съ рѣзаннымъ носомъ, дерзнувшаго возразить заплетающимся языкомъ.

— Псы смердячіе! Глядите! У меня съ негодяями коротка расправа! Лучники, стрѣляйте, какъ только стрѣла бить можетъ! А вы, дубинники, въ рукопашную схватитесь съ врагомъ смѣло!

Глубокое молчанье пѣшаго сброда, не предвѣщавшее атаману побѣды и смутившее конную сотню, отвѣтило на мужественное

распоряженіе атамана, не обращавшаго больше вниманія на убитаго имъ стрѣльца, лежавшаго въ лужѣ своей крови. Не до него было теперь и его сотоварищамъ.

— Э, никакъ насъ обошли кругомъ!—воскликнулъ стремянной атамана, на пикѣ котораго, ниже острія, развѣвался черный конскій хвостъ—бунчукъ атаманскій.—Тоже красные, полковые!. И много же ихъ! Вишь, пыль подняли, скачутъ!..

Обративши вниманіе атамана и всей шайки на непріятеля, появившагося съ другой стороны, стремянной самъ оглядѣлся съ видомъ благоразумнаго человѣка, предпочитающаго уйти хотя безславно, но живымъ, чѣмъ славно умереть па полѣ чести, такъ какъ о славѣ и чести ратной онъ понятія не имѣлъ, въ шайку же вступилъ спьяну, съ единственнымъ разсчетомъ на грабежъ и хмельную, безпечальную жизнь вооруженныхъ бродягъ. Сорокаведерная бочка, слѣдовавшая за шайкой, удовлетворяла своимъ содержимымъ замѣчательную потребность стремянного пить во всякое время и безъ всякой мѣры; зная же своего атамана за отчаяннаго грабителя, стремянной не сомнѣвался и въ томъ, что и ему самому доведется пограбить и „разжиться“. Но вотъ, повидимому, атаманъ самъ въ западнѣ и его шайкѣ впору лататы латать,—попросту, атамана бросить и самимъ бѣжка дать. Хоша, молъ, и горячится онъ, по своему нраву, съ полковыми казаками драться, только его дѣло наплевать: шайка глядитъ, молъ, съ поля, а не въ поле. И онъ, стремянной, отъ своихъ не прочь; даже готовъ имъ показать примѣръ, какъ пятками непріятельскіе глаза пылью порошить; молъ, бѣгъ не честенъ, да здоровъ. Вотъ бунчукъ сотенный на него, стремянного, указываетъ. За бунчукомъ лихачи самые бросятся, стало, надо ему бунчукъ бросить, пропадай онъ и съ атаманомъ, а самому надо удирать, пока цѣлъ, не освѣжеванъ! Если авторъ подскажетъ читателю, что стремянной этотъ его старый знакомый, бродячій человѣкъ Юдка Жохъ, то читателю станетъ понатна житейская философія пропойцы и бездомовника, обстоятельствами своей безпутной жизни вынужденнаго поступить въ шайку Шейдякова. Одѣтый прилично своему новому положенію приближеннаго къ атаману есаула въ суконный кафтанъ, штаны въ голенища сапогъ и въ шапку, вооруженный кромѣ сабли и пистолета еще и винтовкой за плечами, съ бунчукомъ на пикѣ въ правой рукѣ, онъ не знающему его могъ показаться бравымъ конникомъ. Но измѣненіе внѣшности не измѣнило его „нутра“, подлаго и злобнаго. Недостойный племянникъ стараго дворецкаго боярскаго оставался себѣ вѣрнымъ.

Онъ хитро прищурился, поглядывая на горячившагося атамана и соображая выгоду удрать отъ него не только одѣтымъ имъ, но и на его конѣ, осѣдланномъ, и съ его оружіемъ. „Пить будетъ на что теперь“,—думалъ онъ, сожалѣя только о бочкѣ съ водкой, которой не захватишь.

— Достанется хохлищамъ! И сила же ихъ претъ! Глянь-кось, братцы, полковые кругомъ обошли!—шепнулъ онъ ближайшимъ

конникамъ.—Аль мы, крещеные, души наши чорту нашему продали?

Чортомъ шайка прозвала своего атамана.

— Стало, не наша нынче возьметъ, — шепнулъ въ отвѣтъ бородатый стрѣлецъ.—Подаваться на утекъ, видно, землякъ. Заварилъ нашъ чортушка кашу, да пересолилъ. Пущай его самъ и лопаетъ!

— Прощай, Макаръ, ноги озябли! — сказалъ Юдка съ своею подлою усмѣшкою, подмигивая товарищамъ на атамана, разставлявшаго лучныхъ стрѣльцовъ и мужиковъ съ дубьемъ и надѣлявшаго неповоротливыхъ щедрыми ударами плетью. — Намъ его не уберечь отъ московскаго палача, сказнитъ онъ его на Болотѣ въ Бѣлокаменной! Много за нимъ губныхъ дѣловъ сказалосѣ, окромѣ нынѣшняго. Я даже въ доказчики пойду, если што! Охъ, ребятушки, полковые близехонько! Впереди, на сѣромъ конѣ, должно, начальникъ! Сабелька-то у него поднята, –аль ни горитъ?

Трусъ, какъ всѣ негодяи, Юдка, словно настигаемый собаками заяцъ, оглядывался по сторонамъ, откуда приближались развернутыми лавами два отряда войска. Когда атаманъ, ставъ впереди своей конной сотни, съ мужествовъ, достойнымъ лучшей участи, воскликнулъ: „За мною, молодцы!“ и, съ саблею въ зубахъ, съ пистолетомъ въ правой рукѣ, поскакалъ на одинъ отрядъ, въ предположенiи, что пѣшая сотня, хоть на короткое время, своими стрѣлами задержитъ другой отрядъ, конная сотня его обратилась въ бѣгство и резсѣялась по степи. Не слыша за собою топота своей конницы, Шейдяковъ оглянулся и задрожалъ весь въ безсильной ярости: его конники, въ разсыпную, удирали во всѣ лопатки, тогда какъ пѣшiе скрылись въ балкѣ. Очутясь передъ грозно опущенными на перевѣсъ, блестѣвшими на солнцѣ остріями красныхъ пикъ, передъ широко захватывавшей лавой, въ быстрой скачкѣ которой прыгали лошадиныя морды, развѣвались лошадиныя гривы, краснѣлись казакины, Шейдяковъ, въ порывѣ отчаянiя, рѣшился было погибнуть, бросившись прямо на вражьи пики; но, замѣтивъ лихо несшагося на него, впереди лавы, начальника, молодого, съ поднятою высоко саблею, на лихомъ сѣромъ конѣ, злодѣй въ него выстрѣлилъ и помчался назадъ, въ открытую степь. Оглянувшись на всемъ карьерѣ своего аргамака, онъ съ злобною радостью убѣдился, что его выстрѣлъ безъ промаха, что онъ „ссадилъ съ сѣдла“ лихого молодчика, котораго паденiе съ коня на минуту остановило натискъ казачьей лавы. Вслѣдъ затѣмъ послышавшiеся Шейдякову громкiе крики раздраженiя и угрозы, и возобновившаяся затѣмъ погоня засвидѣтельствовали ему о томъ, что раненъ, а быть можетъ, и убитъ,—любимый начальникъ.

— Хоть одинъ за всѣхъ! — воскликнулъ разбойничающiй князь, котораго вороной аргамакъ, чуть не стлавшiйся по землѣ, далеко за собою оставилъ погоню.

— Не вамъ. степные псы. гоняться за мною!

Онъ скоро скрылся изъ вида гнавшихся за нимъ, убѣдивъ ихъ въ томъ, что имъ его не догнать.

Полковникъ со своимъ отрядомъ зашелъ пѣшимъ хищникамъ въ тылъ и ни одинъ изъ нихъ не ушелъ. Взяты и многіе бѣжавшіе конники. Во-время спрятавшійся въ кусты отецъ Паисій оказался здравымъ и невредимымъ. Сорокаведерная бочка съ виномъ, хотя и уполовиненная, конечно, не замедлила опорожниться, къ полному удовольствію изюмскихъ казаковъ, между которыми нашлось немало добрыхъ питуховъ. Нашлись теперь и торговцы, хозяева повозокъ съ товаромъ, захваченныхъ грабителями. „Крамари" эти, на радостяхъ, что возвратили имъ ихъ добро съ воликами въ цѣлости, горячо возблагодарили Святогорскую Божью Матерь и ей, на свѣчи, передали отцу намѣстнику полпуда желтаго воску. Полковнику же поклонились въ ноги. Но старый воинъ не обратилъ на нихъ вниманія, печально поникнувъ головою и не сводя слезившихся глазъ съ тяжело раненаго сына Ѳедора. Мѣткая пуля разбойничающаго князя угодила ему въ грудь на вылетъ. Хлопотавшій около раненаго утробистый монахъ тоже, повидимому, забылъ радоваться своему спасенію, огорченный сознаніемъ, что его спасеніе куплено, быть можетъ, цѣною этой молодой, столь доблестной и полезной жизни. Свѣдущій въ медицинѣ, хотя бы практически, по опыту, онъ опасался, не повреждено ли легкое, такъ какъ раненый харкалъ кровью. Впрочемъ, рана на излетъ, какъ зналъ монастырскій врачъ, вообще легче переносится и даетъ болѣе надежды на выздоровленіе, чѣмъ рана съ засѣвшей въ ней пулей. Это свое мнѣніе онъ высказалъ глубоко огорченному полковнику, молча сосредоточившемуся на своемъ родительскомъ горѣ, въ невысказанномъ, но всѣмъ понятномъ страхѣ потерять старшаго сына, молодого красавца и героя, котораго боевые подвиги воспѣвались казачьими пѣснями и прославлялись въ народѣ. И не одинъ отецъ съ душевнымъ трепетомъ стоялъ надъ неподвижно лежавшимъ на спинѣ раненымъ; сотники, приказные, казаки рядовые тѣснились у входа въ подобіе шатра, проворно сдѣланнаго казаками для своего любимца. На воткнутыхъ въ землю пикахъ набросаны казачьи свитки, торбы, попонки, сверхъ нихъ, свѣже накошенная, густая степовая трава уложена для предохраненія раненаго отъ солнечнаго припека. Подъ этимъ походнымъ шалашомъ, въ тѣнистомъ холодкѣ, распростертый на свѣжей, мягкой травѣ, съ головою, безсильно упавшей и покоившейся на связанномъ снопѣ той же, только что срѣзанной косою травы, раненый заснулъ, ослабленный потерею крови. И этотъ тихій сонъ казался такимъ драгоцѣннымъ въ глазахъ толпившихся у шалаша казаковъ, не смѣвшихъ шевельнуться или шептаться, внимательно слѣдившихъ за успокоившимся и ловившихъ своимъ ухомъ малѣйшій его вздохъ. Только напрасно сдерживаемое рыданіе юноши, статнаго и рослаго казака, съ красивымъ, смуглымъ лицомъ, съ едва пробивающимися черными усиками, чернокудраго, черноброваго, черноглазаго, съ румяными, словно

дѣвичьими, щеками, нарушало печальную тишину, вызывая къ рыдавшему общее участіе. То оплакивалъ старшаго брата меньшой, Константинъ. Раненый, Θедоръ, пятью годами старше его, а потому болѣе мужественнаго вида, и ростомъ, и молодцоватостью, и даже лицомъ похожъ былъ на него. Если бы не завивающіеся черные усы и не тѣлесная крѣпость вполнѣ уже сформировавшагося мужчины, старшаго брата можно было бы принять за меньшаго. Мертвенно блѣдное, прекрасное лицо, съ правильными чертами, съ строгимъ выраженіемъ, съ сомкнутыми вѣками, съ тѣнями отъ густыхъ рѣсницъ, казалось лицомъ покойника. Лишь тихое дыханіе, не слышное, но замѣтное по слабому колебанію молодой груди, подъ разстегнутою сорочкою, свидѣтельствовало, что онъ живъ. Изрѣдка изъ блѣдныхъ губъ его вырывался страдальческій стонъ, сопровождаемый страдальческимъ выраженіемъ лица. Онъ только что заснулъ, послѣ того, какъ отецъ Паисій промылъ свѣжею водою его рану, приложилъ къ ней свѣжій листъ извѣстной ему травы и перевязалъ ее чистымъ платкомъ, охлажденнымъ водой изъ ближняго ключа. Постоянно охлаждая рану, монахъ предотвращалъ воспаленіе, разсчитывая прибѣгнуть къ цѣлительной помощи своей мази, когда раненаго доставятъ въ обитель. Путь туда былъ не близокъ и его совершить раненый могъ только съ большими предосторожностями: малѣйшее движеніе вызывало страшную боль раны. Ни о сѣдлѣ, ни о повязкѣ нельзя было и думать. Поэтому его понесли казаки на попонѣ, привязанной къ двумъ пикамъ. Двѣнадцать человѣкъ,—три перемѣны по четыре человѣка,—осторожно, мѣрнымъ шагомъ въ ногу, несли его на своихъ плечахъ. Любовь, всячески выражавшаяся этими простыми, грубыми сынами степи къ своему молодому начальнику, сраженному врагомъ, невольно трогала полковника и меньшаго брата. Оба, во главѣ соединенныхъ изюмскихъ и маяцкихъ сотенъ, слѣдовали за печальными носилками.

Утробистый монахъ счелъ нужнымъ сообщить полковнику слова, сказанныя ему атаманомъ воровской шайки. Изъ этихъ словъ были понятны дерзкія намѣренія его выдавать себя за царевича и замутить темный народъ.

— Жаль, что разбойникъ бѣжалъ,—замѣтилъ полковникъ.— Отъ искры сыръ-боръ загорается. Нынче же извѣщу бѣлгородскаго воеводу, а завтра съ ворами расправа.

Между тѣмъ, казаки догадались защитить раненаго отъ солнца, безпокоившаго его. Они связали изъ срубленныхъ ими въ попутномъ байракѣ дубовыхъ густолиственныхъ вѣтвей подобіе зонта и несли его надъ раненымъ, глухо стонавшимъ при малѣйшемъ толчкѣ. Какъ только попадался на пути родникъ свѣжей воды, монахъ, самъ терпѣвшій отъ жары и не успѣвавшій отирать обильный потъ съ багроваго теперь, мясистаго лица, давалъ раненому глотнуть воды и ею освѣжалъ его голову и повязку на ранѣ. Самъ же поглощалъ всякій разъ непомѣрное

количество ключевой воды, вызывая на свой счетъ веселыя замѣчанія казаковъ: „молъ, монахъ до водопоя жаденъ“.

— Есть во что и воду лить, утроба—что твоя бочка,—прибавляли другіе.

Полковникъ съ одной стороны раненаго, братъ Константинъ—съ другой, ѣхали, не спуская съ него глазъ. Побѣдители не радовались своему успѣху.

Маруся вступила въ освященный храмъ вслѣдъ за отцомъ архимандритомъ, благословившимъ ее отстоять утреню, вступила съ душевною потребностью помолиться Богу, да сохранитъ ея бизкихъ отъ ратной опасности. Утреня началась съ часу по полуночи. Поэтому въ верхнія окна храма заглядывала уже блѣдная заря, мѣшаясь съ голубоватымъ отблескомъ опустившагося совсѣмъ и поблѣднѣвшаго мѣсяца. Красный свѣтъ восковыхъ свѣчей представлялся взволнованной дѣвушкѣ погребальнымъ и почему-то наводилъ ее на мрачныя мысли. Мрачному настроенію способствовала и ея тѣлесная усталость, и мрачныя, черныя фигуры монаховъ. Унылый монастырскій напѣвъ и однообразно-протяжное чтеніе хватали ее за сердце, словно чуявшее бѣду и заранѣе тосковавшее. Она очутилась окруженная богомолками и имъ обрадовалась, какъ живымъ людямъ; среди монаховъ, этихъ какъ бы заживо умершихъ людей, она чувствовала себя сиротливо.

Согласно строгаго аѳонскаго устава, утреня длилась четыре часа. По первой каѳизмѣ читалось толкованіе Евангелія, по шестой—прологъ. Когда пѣлись хвалебныя, архимандритъ, а за нимъ братія, по своему старшинству, прикладывались къ иконѣ Николая Чудотворца, на аналоѣ передъ царскими вратами. Во время пѣнія псалмовъ, іеромонахи,—ризничій и екклисіархъ въ мантіяхъ, безъ клобуковъ, но въ камилавкахъ, вышли изъ алтаря съ каціями, то есть кадильницами, не на цѣпочкахъ висящими, но съ рукоятками, и кадили, какъ іеродіаконы, наполняя храмъ облаками благовоннаго ладона.

Впрочемъ, Маруся не могла слѣдить за церковной службой, поглощенная вся своимъ молитвеннымъ увлеченіемъ, часто не замѣчая совершавшагося передъ ея глазами, и въ то же время видя то, чего не было, но что ей казалось. Боязнь за близкихъ создавала въ ея воображеніи всяческія опасности.

Когда, по окончаніи службы, она вышла въ богомольной толпѣ изъ церкви, на дворѣ охватила все ея существо роскошь весенняго ранняго утра. Казалось, обновленная природа прекраснаго юга торжествовала, радуя и удивляя человѣка красотою и избыткомъ своихъ молодыхъ силъ. Освѣженныя за ночь, вѣковыя сосны, представляющія сплошной разливъ кудрявой темной зелени, перемежаемой золотистыми стволами, кое-гдѣ горѣвшими подъ лучомъ вставшаго солнца, казалось, еще не стряхнули съ себя ночную дрему и ночныя грезы. Въ величавомъ, неподвижномъ

спокойствіи этотъ темный, вѣковой боръ, одѣвающій громадный черный берегъ Донца и въ немъ отражаясь, самъ на себя любующійся, уходитъ выше и выше. Надъ нимъ синее небо, блестящее растопленнымъ въ воздухѣ золотомъ солнечнаго свѣта и опрокинувшееся тоже въ гладкое, прозрачное зеркало Донца. Соловьиная трель, веселый хоръ птицъ, лягушекъ, мелодическій плескъ воды подъ весломъ гребца или подъ крыломъ гусиной стаи, снова очаровали слухъ Маруси. Усталости какъ небывало. Душа встрепенулась, какъ бы ободренная. Мрачныя впечатлѣнія, безнадежность, страхи — дала ночь, ночь же и взяла ихъ съ собою.

Свою случайную товарку, молодицу, Маруся нашла, конечно, не только вставшею и одѣтою, но и кормящей грудью дѣточку свою; дитя встрѣтило ее, какъ свою пріятельницу, улыбкой, и свою радость, что ее видитъ, выразило учащеннымъ болтаньемъ ножками, съ розовыми подошвами и ноготочками, а ручками, тоже съ розовыми ладонями, тянулось къ ней. Молодица пожалѣла, что проспала утреню, и съ удовольствіемъ приняла предложеніе панночки идти на „святое мѣсто“, посмотрѣть на пещерку затворника и вообще познакомиться съ этими дивными мѣстами Святыхъ горъ. Маруся купила у бабы, за монастырскими воротами, мягкихъ бѣлыхъ бубликовъ и глечикъ топленаго молока и съ молодицей поснѣдали, т. е. позавтракали. Затѣмъ обѣ, съ ребенкомъ, котораго несла и Маруся, съ удовольствіемъ перемѣняя мать, устававшую нести его по горамъ, отправились по тропкѣ, протоптанной и извивавшейся въ гору, то подъ сырой тѣнью нависшаго надъ ними бора, то открытой, на солнцѣ, надъ страшною пропастью, подымались онѣ все выше и выше. Съ каждымъ шагомъ Маруся млѣла въ молчаливомъ восторгѣ, очарованная несравненною прелестью и величіемъ открывавшейся ей картины. Широкій, казавшійся безпредѣльнымъ горизонтъ, своею голубоватою далью сливался съ голубымъ небосклономъ. Голубая широкая лента Сѣвернаго Донца капризно кружилась, мѣстами сверкая расплавленнымъ серебромъ, мѣстами скрываясь въ густыхъ лѣсахъ, выходя оттуда, текла въ зеленыхъ „лукахъ“. Бѣлыя мазанныя хаты, подъ соломенными или очеретовыми крышами и съ бѣлыми же комелами, т. е. плетеными мазанными трубами, то разсыпаны по одиночкѣ и группами, окруженныя вишневыми и сливными садками, или на красивыхъ лѣсныхъ опушкахъ, то тѣсно сдвинуты въ слободы, среди которыхъ возвышаютъ свои главы и кресты приходскія церкви. Темныя полосы боровъ, уходящія по желтѣющимъ и бѣлѣющимъ пескамъ лѣваго берега, и дубовые байраки праваго берега, межъ которыхъ тамъ и сямъ блестятъ свѣтлыя зеркала воды, указываютъ направленіе къ югу этой славной сѣверской рѣки, воспѣтой первымъ русскимъ баяномъ въ его „Словѣ о полку Игоревѣ“. Частые, особенно по тому времени, хутора и слободы, покрывавшіе берега Донца, наглядно свидѣтельствовали о тяготѣніи къ нему населенія, ради хозяйственныхъ удобствъ пренебрегавшаго даже

опасностями своей порубежной съ кочевниками жизни. Вдали Маруся увидѣла голый, съ мѣловыми боками, Кремянецъ, этотъ „изюмскій курганъ“, вблизи котораго перешли рѣку Осколъ сѣверскіе витязи, съ богатыремъ Буй-Туръ-Всеволодомъ, княземъ курскимъ, съ Олегомъ черниговскимъ, направляясь на Каялурѣку громить вежи коварныхъ половцевъ. Долго мечтательная панночка не могла оторвать своихъ восхищенныхъ, невиданнымъ еще ею зрѣлищемъ глазъ отъ величественной картины, совмѣщавшей въ себѣ всѣ дары природы: лѣсъ, воду, луга, степи, горячее любящее солнце, благодарное ей населеніе.

На полугорѣ, въ бору, передъ пещерною церковью во имя преподобныхъ печерскихъ Антонія и Ѳеодосія, наши богомолки нашли нѣсколькихъ странниxъ старухъ, съ котомками и посохами.

Оставивъ ихъ здѣсь молиться передъ запертою дверью пещерной церкви, онѣ поднялись, все дремучимъ боромъ, выше и не безъ труда очутились на „святомъ мѣстѣ“, уже въ полутора верстахъ отъ монастыря. Съ трехъ сторонъ надъ ними отвѣсныя лѣсныя горы, съ четвертой — страшный мѣловой обрывъ надъ самымъ Донцомъ. У Маруси даже голова закружилась, когда она глянула внизъ. На длинной, въ версту, площади, подъ тѣнью вѣковыхъ сосенъ, возвышалась обросшая травой земляная насыпь, значеніе которой богомолкамъ, конечно, было неизвѣстно. То была батарея, монахами возведенная для защиты монастыря. На дубовыхъ станкахъ покоились четыре чугунныя пушки московскаго литья, а возлѣ темнѣлась куча чугунныхъ и каменныхъ ядеръ. Набредя на скитъ съ затворенными воротами, онѣ узнали отъ отдыхавшихъ здѣсь богомольцевъ, что въ скитѣ подвизаются отшельники, что тамъ въ пещеркѣ спасается столѣтній схимникъ, но что въ скитъ проникнуть нельзя. Пожалѣла въ душѣ своей Маруся, что не могла узнать отъ вѣщаго старца предсказаніе о своемъ будущемъ. Ей такъ хотѣлось знать свою судьбу. Примирясь съ необходимостью, Маруся предложила своей спутницѣ отдохнуть на томъ мѣстѣ, откуда открывалось безпредѣльное пространство за Донцомъ. Не уставая любоваться дальними степями, смѣнявшими ближніе лѣса и луга, Маруся раздѣлила съ молодицей свой запасъ вкусныхъ бубликовъ, не забывая дѣтку, который, присосавшись къ материнской груди, шаловливо протягивалъ къ пріятельницѣ своей ручонки и усиленно болталъ ножонками.

— Ахъ, панночка! — вскричала вдругъ молодица, всматриваясь вдаль, въ приближающееся къ Донцу облако пыли. — Бачъ, наши козаки на коняхъ идутъ! Пики, якъ тѣ блиставки, блищутъ!

— Они! — прошептала Маруся, даже поблѣднѣвъ отъ сильно забившагося сердца. — Отецъ, братья, вернулись ли вы? Увижу ли я васъ?

— Щось воны, козаки, пѣсенъ не спиваютъ, панночка? — съ замѣтнымъ безпокойствомъ сказала молодица.

— Не спѣваютъ! — прошептала Маруся, затрепетавъ отъ какого-то непобѣдимаго, безотчетнаго страха. — Сойдемъ встрѣчать!..

XII.

Ой, на татарскихъ поляхъ,
На козацкихъ шляхахъ
Не вовки сироманци хвилятъ-прохвиляютъ,
Не орли чернокрыльцы клекочутъ и пидъ небесами литаютъ
То сидитъ на могилѣ козакъ старесенькій,
Якъ голубонько сивесенькій,
У кобзу грае—выгравае, голосно спивае...
Кинь биля его постриляный, порубаный,
Ратище поломане, пахвы безъ шабли булатной.
У ладивници ни одинсенького побою,
Тильки и зосталась ему бандура подорожная,
Та у глубокой кишени люлька-бурунька,
Та тютюну пивъ-папушки...

(*Украинская дума*).

Свидѣлась, наконецъ, Маруся со своими родными братьями, но что это было за свиданіе! При видѣ носилокъ съ ранепымъ, окруженнымъ печальными лицами, она все поняла. За лихорадочнымъ трепетомъ, ее охватившимъ, она остановилась и, кромѣ лежащаго на носилкахъ, показавшагося ей бездыханнымъ трупомъ, ничего не видѣла. Не помнила, какъ отецъ, подведя къ ней статнаго чернобороваго казака, сказалъ ей: „Вотъ твой братъ Константинъ, познакомьтесь!“ Не помнила, что красавчикъ-братъ, сквозь слезы, улыбнулся ей, крѣпко обнялъ и молча поцѣловалъ. Она не обратила вниманія ни на убитое выраженіе брата, ни на мрачность отца и его подчиненныхъ, но ее глубоко проникли мрачныя слова отца:

— А старшаго своего брата, Ѳедора, ты вотъ видишь ранепаго, боюсь, не смертельно ли?

„Смертельно?!“ страшное слово, страшное сомнѣніе отца въ жизни сына, подтверждающееся его, сына, безжизненною неподвижностью. Подвинутая великодушнымъ порывомъ душевнаго участія и жалости, молодая дѣвушка приблизилась къ раненому брату и, взглянувъ на его мертвенно-блѣдное, но все-таки прекрасное мужественное лицо, съ закрытыми глазами, залилась слезами, сдерживая свои рыданія.

— Маруся,—услыхала она строгій голосъ отца,—понятны твои добрыя сестринскія слезы, но пострадавшій братъ твой нуждается теперь въ твоей помощи, для чего тебѣ нужно не плакать, а владѣть самою собой. Знай, что всѣ мы смертны. Но мужчина, посв пвшій себя военному дѣлу, какъ твой братъ, предпочитаетъ смерть на ратномъ полѣ — смерти на болѣзненномъ одрѣ. Рана Ѳедора тяжкая, угрожающая ему смертью, но монастырскій врачъ, отецъ Паисій, не теряетъ надежды на его выздоровленіе, при помощи Божьей и при надлежащемъ за нимъ уходѣ.

— Да,—подтвердилъ освобожденный полонянникъ,— врачеваніе мое возможно только при постоянномъ надзорѣ и уходѣ за раненымъ. Сама природа создала женщину способною блюсти человѣческую жизнь... Женщина лучшая сидѣлка...

— О, я готова съ радостью день и ночь ухаживать за моимъ бѣднымъ братомъ!—воскликнула съ благороднымъ увлеченіемъ дѣвушка.—Я готова своею, никому не нужною жизнью заплатить за жизнь моего брата, героя, защитника этихъ опасныхъ мѣстъ!.. Я или закрою ему глаза, или, съ помощью Божьею, увижу его опять молодцомъ, на конѣ!..

— Ты, Маруся, говоришь такъ, какъ должна говорить моя дочь, сестра своихъ братьевъ, достойныхъ названія героевъ,—замѣтилъ съ гордостью отца, счастливаго своими дѣтьми, полковникъ, изъ сумрачныхъ глазъ котораго на его длинные усы закапали слезы, всегда его смущавшія.—Мы всѣ вручаемъ тебѣ, твоему сестринскому попеченію дорогую намъ жизнь, угрожаемую смертью...

— Мы же, служители святого дома Матери Божьей, будемъ непрестанно молиться Ей, да ниспошлетъ Свою милостивую врачебную помощь сему доблестному воину, пострадавшему на защитѣ Ея святого дома и его служителей!—торжественно возгласилъ отецъ архимандритъ, встрѣтившій возвратившихся казаковъ у вратъ монастыря, во главѣ процессіи монаховъ съ крестомъ, хоругвями, иконами и зажженными свѣчами.—Святогорская обитель смиренно приноситъ свою благодарность за спасеніе своего отца-намѣстника тебѣ, христолюбивый полковникъ, честной воинъ Григорій Ерофѣичъ, и твоему храброму христолюбивому казацкому войску!

Съ этими словами, архимандритъ, а за нимъ іеромонахи и послушники, низко, въ поясъ поклонились полковнику и казакамъ, выстроившимся конными рядами, съ обнаженными передъ крестомъ головами. Затѣмъ архимандритъ продолжалъ:

— Ты же, любезный намъ братъ о Христѣ, отецъ Паисій, милостивымъ изволеніемъ нашей Святогорской Владычицы благополучно возвращенный въ Ея святой домъ, пріими наше братское лобызаніе, веселящихся насъ о тебѣ! Лобызаемъ тя не яко Іуда, а яко истинные исповѣдники Бога жива! Во имя Отца, Сына и Святого Духа!

Архимандритъ трижды осѣнилъ крестомъ своего намѣстника и трижды его поцѣловалъ. Соборные старцы и монахи помоложе, одинъ за другимъ, подходили къ спасенному брату и съ нимъ три раза цѣловались. Ко кресту приложились полковникъ, его сынъ и дочь. Архимандритъ трижды благословилъ крестомъ казачьи ряды, окропилъ ихъ святою водою и съ торжественнымъ пѣніемъ: „Спаси, Господи, люди Твоя!“ процессія направилась въ соборъ.

Предшествуя носилкамъ съ раненымъ, не подававшимъ признаковъ жизни, отецъ келарь повелъ носильщиковъ и слѣдовавшихъ за ними въ помѣщеніе. назначенное для раненаго. На

пути туда, братъ Константинъ подошелъ къ грустной сестрѣ и, крѣпко ее обнявъ съ горячимъ поцѣлуемъ, сквозь слезы, прошепталъ:

— Ты, Маруся, хорошая сестра намъ; хотя видимъ тебя въ первый разъ, но мы тебя полюбимъ, Маруся, сердце сердцу вѣсть подаетъ... Спасибо тебѣ за брата Ѳедора... самъ онъ поблагодаритъ тебя, когда выздоровѣетъ... Онъ выздоровѣетъ, если только это зависитъ отъ нашей за него молитвы, да отъ твоего, сестра, за нимъ ухода... Отецъ Паисій надѣется на выздоровленіе... говоритъ, что легкое не задѣла пуля, и что подобныя раны, хотя трудныя, онъ излечивалъ: пластырь у него живительный изъ травъ есть... Но какъ мнѣ жаль брата! Если бы ты его только знала! Есть ли еще на свѣтѣ другой такой человѣкъ? Сама его узнаешь...

Константинъ заплакалъ, закрывъ лицо руками.

— Милый братъ!—нѣжно сказала Маруся, съ добрымъ желаніемъ его утѣшить.—Видитъ Богъ, какъ я сострадаю бѣдному Ѳедору въ его положеніи, а отцу и тебѣ въ вашей горести. Но Господь справедливъ: Онъ не отниметъ преждевременно молодую жизнь, столь полезную и великодушную, не ослабитъ руку, мужественно защищающую беззащитныхъ и слабыхъ. За эту жизнь, нужную и дорогую столь многимъ людямъ, кромѣ насъ, его родныхъ, молятся много людей. Если Ѳедоръ, братъ нашъ, раненъ въ дѣлѣ освобожденія святогорскаго монаха,то обитель же святогорская умолитъ свою Владычицу Небесную спасти его, совершивъ исцѣленіе его посредствомъ врачеванія своего монаха, быть можетъ, и спасеннаго раненымъ именно для его, спасителя, исцѣленія. Пути Господни неисповѣдимы и Его милость многообразна и безконечна! Намъ надо вѣрить Ему, милый братъ!..

— Хороши слова твои, сестра, и сама ты хорошая,—замѣтилъ Константинъ, вздохнувъ.—Надо вѣрить, надо надѣяться... Но прощай, дорогая, возращенная намъ сестра! Я долженъ перемѣнить коня, наскоро поснѣдать и съ казаками идти во слѣдъ бѣжавшаго разбойничьяго атамана: отецъ велѣлъ его поймать, и мы постараемся, какъ только сможемъ. На твоихъ рукахъ останется братъ нашъ, нуждающійся въ уходѣ за собою родной ему души...

— Опять ты въ степь, братъ мой, опять идешь на встрѣчу опасности, быть можетъ, смертельной, опять мое сердце изноетъ, ожидая твоего возвращенія, опять я истомлюсь страхомъ неизвѣстности за твою судьбу!—въ душевномъ волненіи заговорила Маруся, глотая свои слезы.—Но не сестрѣ удерживать брата отъ исполненія его служебной обязанности. Знаю, охранять свою родину и своихъ соплеменниковъ—священный долгъ всякаго честнаго воина. Господь поможетъ тебѣ его исполнить.

Она положила свои руки на его плечи и, сквозь слезы, драгоцѣнными брильянтами блестѣвшія на ея глазахъ, любовалась мужественнымъ выраженіемъ прекраснаго юношескаго лица, и подъ густымъ загаромъ не утратившаго своего живого румянца и

своей юной мягкости. Затѣмъ она благословила его, крѣпко обняла, поцѣловала и чуть слышно прошептала:

— Чувствую все счастье быть сестрою такихъ братьевъ, какъ мой! Прощай! То есть, до свиданья!—съ испугомъ поправилась она.

Но она не могла съ мѣста тронуться, слѣдя за удалявшимся братомъ не только плачущими глазами, но и трепещущимъ за его молодую жизнь женскимъ сердцемъ. Проводивъ одного брата, она вспомнила о другомъ, ожидающемъ ее въ своемъ безчувственномъ состояніи.

Архимандритъ съ келаремъ, съ своей стороны, исполнили все, что только было въ ихъ скудныхъ средствахъ, чтобъ доставить удобное для тяжко раненаго помѣщеніе, а также нужныя для его врачеванія снадобья, которыхъ требовалъ отецъ Паисій.

Раненый долгое время оставался безъ сознанія, лежалъ, какъ пластъ, горя весь, пожираемый внутреннимъ огнемъ. Лишь по его синимъ, пересохнувшимъ губамъ, слабо раскрывавшимся, словно просившимъ пить, Маруся догадывалась осторожно, по каплямъ, вливать въ его горячій ротъ освѣжительное питье, составленное врачомъ-монахомъ. Въ врачебный опытъ его дѣвушка должна была увѣровать, убѣждаясь, что лекарственное питье его успокаиваетъ раненаго, а его пластырь скорехонько зятянулъ рану при входѣ и выходѣ роковой пули, но если пластырь и не предупредилъ воспаленія пораженнаго мѣста, то значительно его ослабилъ. Конечно, цѣлебнымъ лекарствамъ стараго монаха много содѣйствовали и здоровое сложеніе молодого раненаго, и внимательный уходъ за нимъ нѣжной сестры, не отходившей отъ него ни днемъ, ни ночью. Двѣ недѣли бѣдный Ѳедоръ лежалъ безъ языка, не принимая пищи, не узнавая окружающихъ. Съ сомкнутыми глазами, съ темнымъ, исхудалымъ лицомъ, неподвижный, онъ казался мертвецомъ, особенно ночью, при невѣрномъ свѣтѣ теплившейся у иконы лампадки. Лампадку зажигала таже набожная рука врача-монаха, которая перевязывала утромъ и вечеромъ рану, съ молитвою возлагала на голову молодого страдальца бархатную малиновую шапочку, освященную на святомъ Гробѣ Господнемъ, а на руку страдальца надѣвала бархатную же рукавичку, тамъ же освященную. Шапочку и рукавичку принесъ изъ Іерусалима отецъ Паисій, вмѣстѣ съ образомъ Спаса Нерукотвореннаго изъ перламутра, передъ которымъ теперь горѣла въ кельѣ раненаго неугасимая лампадка. Этимъ предметамъ, священнымъ въ глазахъ стараго монаха, онъ придавалъ врачующее свойство, сообщенное имъ высочайшею святостью Гроба Господня, на которомъ они были освящены самимъ патріархомъ. Божью помощь монахъ призывалъ на свое врачеваніе и, возлагая свои іерусалимскія святости на болящаго, шепталъ тропарь въ недѣлю святыхъ женъ мvроносицъ: „Егда снизшелъ еси къ смерти, Животе Безсмертный, тогда адъ умертвилъ еси блистаніемъ Божества; егда же и умершія отъ преисподнихъ воскресилъ еси, вся силы небесныя взываху: Жизнодавче, Христе Боже нашъ, слава Тебѣ“.

Маруся, въ своемъ религіозномъ настроеніи, усиленномъ теперь душевною скорбью, вполнѣ раздѣляла благоговѣніе монаха къ святости этихъ іерусалимскихъ предметовъ и вѣру его въ нихъ цѣлебную силу. По крайней мѣрѣ, ей казалось, что раненому стало легче съ того дня, какъ засвѣтилась лампадка передъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса въ перламутровой раковинѣ, на голову болящаго надѣла шапочку, а на его руку рукавичку, съ изображеніемъ на нихъ Христа Распятаго. Тяжело отозвались на здоровьѣ и на расположеніи духа Маруси двѣ первыя недѣли ея ухода за раненымъ братомъ. Безсонныя поневолѣ ночи, ежечасный страхъ за его жизнь оставили свой слишкомъ замѣтный слѣдъ на ея поблекшемъ, болѣзненно-утомленномъ лицѣ, неизмѣнно сохранившемъ лишь свои правильныя черты, да свое прекрасное выраженіе. Ея постель на монастырскомъ тюфякѣ, набитомъ сѣномъ, съ такою же подушкою и грубымъ шерстянымъ одѣяломъ, постланная на полу, въ углу кельи, такъ соблазнительно манила къ себѣ бѣдную сидѣлку ночью, въ особенности передъ свѣтомъ. Но обязанность дать лекарство больному опредѣленное число разъ, утолить его жажду освѣжающимъ и подкрѣпляющимъ напиткомъ удерживала ее у одра страданія. Двѣ недѣли раненый не могъ обратить вниманія на сердобольную сидѣлку, ловившую малѣйшее его движеніе, предупреждающую всякое его желаніе, которое высказать онъ не имѣлъ силъ. Мало-по-малу, приходя въ себя, онъ замѣтилъ у своей постели молодую прекрасную дѣвушку, сочувственно на него глядящую. Она нѣжно ему улыбается, осторожно, мягкими руками помогаетъ ему перевернуться на другой бокъ, освѣжаетъ его пріятнымъ ему питьемъ, сидитъ въ его ногахъ, когда ему не спится, прикрываетъ его одѣяломъ. Забываясь, онъ не могъ дать себѣ отчета ни въ томъ, что съ нимъ случилось въ степи, ни въ томъ,—гдѣ онъ, почему, кто за нимъ ухаживаетъ днемъ и ночью? Маруся представлялась его больному, какъ самъ онъ, воображенію сказочнымъ добрымъ духомъ, подъ бѣлыми крыльями котораго онъ чувствовалъ себя менѣе страдающимъ, менѣе несчастнымъ. Его угасавшій взглядъ искалъ ее, когда она удалялась отъ него хотя бы на минуту. Понимая значеніе этого тоскующаго, больного взгляда, она спѣшила къ нему съ своей нѣжной улыбкой сердечнаго участья. И онъ послушно принималъ изъ ея рукъ лекарство, какъ бы оно ему не было противно, слѣдя за нею съ молчаливою благодарностью. Ужасную ночь перелома болѣзни, склонявшейся къ смертельному исходу, какъ то показалось врачу и сидѣлкѣ, оба они провели въ усердной молитвѣ за дорогого имъ умирающаго. Не смотря на глухую полночь, архимандритъ съ братьею отслужилъ въ соборѣ молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о дарованіи здравія рабу Божію, христолюбивому воину Ѳедору. Больной, сильно задыхаясь, метался въ сильномъ жару, не находя себѣ мѣста на постели, сбрасывалъ съ своего воспаленнаго, страшно исхудавшаго тѣла одѣяло, бредилъ, пытался вскочить, но тутъ же падалъ въ изнеможеніи. Звалъ отца, брата,

мать. Но отецъ съ братомъ давно уже ушли преслѣдовать атамана Ворона и остатки его конныхъ разбойниковъ; мать, которую полковникъ намѣренно не извѣстилъ о несчастьѣ съ Θедоромъ, боясь, что ея материнское отчаяніе помѣшаетъ дѣлу врачеванія, вредно отразясь на больномъ, конечно, не пріѣхала. Отсутствіе матери у смертнаго ложа родного сына показалось Марусѣ обстоятельствомъ, ничѣмъ и никакъ не оправдываемымъ. По ея понятіямъ, священный дол ъ женщины, давшей жизнь своему дитяти, принять и его послѣдній вздохъ. Она не знала пылкаго характера своей матери, отдававшейся цѣликомъ порывамъ и бурной радости, и бурнаго отчаянія; она не знала, что мать, своей души не чаявшая въ сыновьяхъ, особенно въ Θедорѣ, способна была упасть къ нему съ рыданіемъ и своею материнскою любовью, не сдержанной благоразуміемъ, убить умирающаго сына. Когда Маруся заговорила отцу Паисію о необходимости скорѣе послать за матерью, въ виду безнадежнаго состоянія брата, старый монахъ отрицательно покачалъ лысою головою и замѣтилъ:

— Материнская любовь въ врачебномъ дѣлѣ только помѣха.

Подобное убѣжденіе, свидѣтельствовавшее о черствости сердца стараго монаха, глубоко оскорбило великодушную дѣвушку. Но она перестала плакать, какъ только онъ, молча, но съ сіяющимъ лицомъ, указалъ ей на потъ, крупными каплями овлажнившій лобъ, лицо, грудь, руки больного, словно успокоившагося. Его сорочка стала мокрая.

Спасенъ,—прошепталъ монахъ, набожно крестясь.—Теперь можно и за матерью послать: переломъ болѣзни къ выздоровленію. Теперь пусть мать смѣнитъ тебя сидѣлкой, добрая дщерь. Сама ты больною глядишь и нуждаешься въ отдыхѣ... Да возблагодаримъ Спаса Многомилостиваго и нашу Владычицу Святогорскую!

Монахъ набожно поклонился іерусалимскому образу.

— Теперь, юница, больному брату твоему слѣдуетъ въ силахъ возстановиться, для чего помаленьку приучай его къ пищѣ питательной. Куриный наваръ и черносливъ вареный ему приготовить вели, да молочкомъ коровьимъ почаще его попаивай. Попроситъ пить, а ты ему молочка, молочка, голубица. Теперь, хвала Богу, больного и на сонъ потянетъ. Выйди на крылечко, подыши воздухомъ, я же смѣню брату бѣлье...

Сама себя не помнила Маруся съ радости, при мысли, что братъ старшій, молодой герой Θедоръ, выздоровѣетъ, будетъ жить. Она не замедлила убѣдиться въ справедливости словъ опытнаго врача: больной заснулъ, да такъ спокойно, что соблазнилъ и ее послѣдовать его примѣру. Сидя на скамьѣ, прислонясь къ стѣнѣ, она сладко заснула. Монахъ ушелъ къ себѣ. Глубокая тишина водворилась въ кельѣ, слабо озаренной дрожащимъ свѣтомъ лампадки.

Долго ли, коротко ли спала Маруся, она опредѣлить не могла; проснувшись, она вздрогнула, испугавшись мысли, что больной могъ въ ней нуждаться, когда она спала. Но тутъ же вспомнила,

что онъ выздоровѣетъ и весело на него взглянула. Къ ея изумленію, больной, приподнявъ немного голову, поддерживая ее исхудалою рукою, широко открытыми глазами всматривался въ нее, какъ въ интересующую его незнакомку: выраженіе его было такое, словно онъ давалъ себѣ отчетъ: гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ онъ видѣлъ ее, но онъ ее видѣлъ. Не во снѣ ли? Не мерещится ли она ему и теперь? Нѣтъ, это не сказочная царевна, не добрый духъ, осѣнявшій его, въ его воображеніи, бѣлыми теплыми и благоухающими крыльями. Она живая, она улыбается ему, она къ нему подходитъ.

— Кто ты?—прошепталъ онъ, на ея улыбку, отвѣчая своей больной, жалкой улыбкой.—Человѣкъ ты или духъ?

— Я сестра твоя, милый Ѳедоръ. Я Маруся. Ты слыхалъ?

— Сестра? Маруся?

Больной съ явнымъ затрудненіемъ старался припомнить что-то имъ забытое, не переставая всматриваться въ прекрасную дѣвушку.

— Зачѣмъ ты сдѣсь, со мною?

— Чтобъ ухаживать за тобою, милый братъ мой. Ты былъ тяжко боленъ. Теперь ты спасенъ, благодаря Бога...

— И благодаря тебѣ, сестра...

Больной, по ея истомленному, блѣдному лицу, располагавшему его къ себѣ своимъ серьезнымъ выраженіемъ и нѣжною, участливою улыбкой, понялъ, наконецъ, что она, сестра, своимъ женскимъ самоотверженіемъ, своими безсонными ночами и длинными знойными днями, въ ущербъ своему здоровью, способствовала ему, умиравшему, возвратиться къ жизни. Эта ея молодая фигура, съ прекраснымъ лицомъ и нѣжностью ангела, слетѣвшаго съ неба на землю помогать и утѣшать страдальцевъ, неотлучно при немъ, умиравшемъ, это ее воспаленное воображеніе его принимало за сказочную благодѣтельницу-принцессу, которой умѣлая рука нѣжно обмываетъ его мучительную рану губкою съ теплою водой; словно бальзамомъ смазываетъ ее цѣлебною мазью, осторожно бинтуетъ ее; а любящая ея улыбка, безъ словъ, ободряетъ его терпѣливо сносить свои муки; это она, колѣнопреклоненная и плачущая передъ образомъ, молится, конечно, за него, умиравшаго. Раненый почувствовалъ себя счастливымъ, встрѣтивъ въ своей молоденькой сестрѣ, чудесно возвращенной родной семьѣ, сестру не только по крови, но и по духу, ее одушевляемому. Сердечно умиленный, онъ прошепталъ:

— Богъ возвратилъ намъ тебя, сестра, на наше счастье!... Но что это за шапочка на мнѣ и что это за рукавичка?

Онъ слабымъ движеніемъ хотѣлъ снять съ себя обѣ эти іерусалимскія святости.

— Не снимай ихъ, Ѳедоръ! Не тронь!—воскликнула Маруся, удерживая его руку отъ дѣйствія, ее испугавшаго.—Врачующій тебя монахъ надѣлъ на тебя рукавичку и шапочку, съ вѣрой въ ихъ святую помощь болящему: онъ принесъ ихъ изъ Іерусалима, гдѣ онѣ освящены патріархомъ на святомъ Гробѣ Господ-

немъ. Отецъ Паисій, по многократному опыту, убѣдился, что вѣрующему христіанину эта іерусалимская святыня въ самыхъ тяжкихъ болѣзняхъ приноситъ исцѣленіе, и на нее онъ полагается гораздо больше, чѣмъ на свое врачеванье и на свои лекарства... О, милый братъ! на самомъ себѣ ты долженъ убѣдиться въ спасительномъ дѣйствіи святыхъ шапочки и рукавички! Ты изъ мертвыхъ воскресъ! Не снимай же ихъ, пока не окрѣпнешь...

— Твоя теплая вѣра, сестра, сообщилась и мнѣ,—прошепталъ больной, съ жалкой улыбкой, сочувствовавшей религіознымъ убѣжденіямъ молоденькой дѣвушки.—Пусть будетъ по твоему не только въ этомъ случаѣ, но всегда... Ты можешь говорить только правду и мы должны тебя слушать, хотя ты моложе всѣхъ насъ... Кто бы ни былъ твой мужъ, онъ не будетъ достоинъ такой жены, какъ ты, Маруся.

Высказавшись такъ шопотомъ, чуть слышнымъ, больной израсходовалъ свои слабыя силы на этотъ порывъ своего благодарнаго братскаго сердца и лежалъ на спинѣ неподвижно, съ сомкнутыми глазами, медленно и слабо переводя духъ.

Маруся невольно за него испугалась, обвиняя себя въ томъ, что позволила ему говорить, и еще такъ много. Но при всей своей душевной честности и женственной скромности, она съ удовольствіемъ, не исключавшимъ женской гордости, слушала слова брата, ставившаго ее на такую, льстившую ей, нравственную высоту. Лестно ей было такое мнѣніе о себѣ брата, героя въ ея глазахъ, надежду цѣлой обширной страны.

Молодость и крѣпкое тѣлосложеніе больного брали свое: возвращался къ нему позывъ на ѣду, сонъ. Припоминая причину своего несчастія, онъ спрашивалъ отца Паисія и Марусю о послѣдствіяхъ нападенія изюмскихъ казаковъ на степныхъ воровъ? Взятъ ли атаманъ Воронъ? Много ли разбойниковъ попалось? Огорчился, что атаманъ бѣжалъ. Передалъ Марусѣ роковую минуту, какъ она ему впечатлѣлась, когда пуля атамана ссадила его съ сѣдла на всемъ скаку. Обрадовался, узнавъ, что его вѣрный конь боевой „Чингизъ“ благополучно пасется на святогорскихъ лугахъ. Но еще болѣе обрадовался извѣстію, что ждутъ пріѣзда матери, отъ которой скрывали опасное положеніе раненаго сына, изъ боязни убить ее такою новостью.

— Мама!—въ душевномъ умиленіи шепталъ больной, улыбаясь воображаемой матери.—Не знала ты, родненькая, что сынъ твой умиралъ, что ты ему постоянно являлась оплакивающею его, въ его горячечныхъ мечтахъ...

— Часто, милый братъ, я подслушивала, какъ ты, въ бреду, шепталъ „мама!“—добавила Маруся.—Ты ее звалъ такъ нѣжно, со слезами даже, что я готова была за нею послать... Но отецъ Паисій не соглашался: отецъ запретилъ извѣщать мать...

— Благоразумно поступилъ,—шопотомъ замѣтилъ больной.—Наша мать, Маруся, слишкомъ насъ любитъ...

— Въ этомъ мнѣ самой пришлось убѣдиться, милый братъ,—

подтвердила дѣвушка.—Тогда, въ Кіевопечерской лаврѣ, не зная еще, кто она, я и мои московскіе благодѣтели невольно сочувствовали ея горю, такъ она убивалась и рыдала, на колѣняхъ молилась, била себя кулаками въ грудь, служила молебны въ пещерныхъ часовняхъ, ставила свѣчи, раздавала нищимъ милостыню... Это-то ея материнское горе и сблизило меня съ нею, милый братъ, а разговорившись по душѣ, мы нашли другъ друга: она—дочь, я—мать.

Стукъ колесъ подъѣхавшей къ кельѣ брики, запряженной взмыленнымъ четверикомъ и топотъ конной охраны заставили Марусю броситься къ окну. Едва она успѣла радостнымъ голосомъ воскликнуть: „Мамочка пріѣхала!"—полковница, судорожно рыдая, вбѣжала въ келью и, внѣ себя, упала на грудь раненаго сына, покрывая его истомленное страданіемъ лицо горячими материнскими поцѣлуями и горячими материнскими слезами.

— Ѳедя! Сыночекъ мой золотой, что они съ тобою, моимъ красавчикомъ, сдѣлали? Краше въ гробъ кладутъ!

Слышны были, прерываемыя рыданіемъ, ея жалобныя причитанія:

— Сыну, мій сыну! якъ же ты постарівъ, та схудъ, Мати Божа, Мати Пречиста! Хвалить вашу ласку святую: змилувались надо мною, заглянулись на мои слезы, вернули мені сына неначе зъ того світа! Сыну мій, сыну, стара вже я, старъ вже панъ отецъ! Ты все по світу білому, по степямъ блукаешь, голубчику! Хто жъ мені очи закрые, хто поховае мене? На що тобі тее козацкое товариство? Ты вже погулявъ зъ шаблюкой на конику, пора вже й схаменуться, пора до господарства вернутъся... Выбери собі тутъ дівчину, яка тобі люба, та й господарствуй на батькивщині... Нехай и я доживу тутъ віка зъ вами, а коди Богъ благословитъ, то ще й онучатокъ буду доглядать... Бодай тая степь татарская запалась на віки! Мало вона выгубила материнскихъ сынівъ? То на гайдамакъ, а теперь самъ уложенній! Оженись, кажу тобі, сынку, та й будемо вкупці жить, та Господа хвалить!...

— Малороссійская рѣчь, къ которой прибѣгала полковница лишь въ минуты отчаянія и душевнаго потрясенія, свидѣтельствовала больному сыну о тяжеломъ впечатлѣніи, произведенномъ на нее его жалкимъ видомъ.

— Материнская любовь помѣха врачеванью,—повторилъ про себя отецъ Паисій, неодобрительно поглядывая на полковницу, своими материнскими причитаніями могшую повредить ослабѣвшему организму больного сына, уже лихорадочно трепетавшаго.

Онъ попытался обнять худыми руками материнскую шею, но онѣ безсильно упали. Онъ задыхался отъ напраснаго и вреднаго ему усилія

— Олена Васильевна, намъ на Ѳедора глядя, отъ смерти спасеннаго, радоваться бы, а ты по-бабьи плачешь!—внушительно замѣтилъ появившійся у постели сына полковникъ, котораго суровое лицо просіяло послѣ того, какъ монахъ успокоилъ его, объяснивъ, что раненый пошелъ на выздоровленье.—Эхъ жинко:

не знаешь ты нашей натуры. Що то козакъ? сказало: козакъ! То отъ вітеръ въ полі, гуляе де схоче. Дмухне, здіймеця,.. не почуешь, не побачишь!.. На що козаку та дівчина? Тільки-бъ и журбы, що за нею... Отъ тобі и онучатки...

Полковникъ говорилъ такъ нарочно, зная, что противорѣчіемъ своимъ женѣ скорѣе всего отвлечетъ ее отъ сына, явно потрясеннаго появленіемъ матери и ея неосторожнымъ съ нимъ обращеніемъ и нуждавшагося въ покоѣ.

— Спасибо тебѣ, Маруся коханна, что доглядѣла брата, себя, вижу, не жалѣючи! И тебѣ, отче Паисій, спасибо за врачеванье!— Полковникъ поцѣловалъ дочь, потомъ монаха.—Отблагодарю!..

XIII.

Ой ты гой еси, родная матушка,
Молода княгиня Тимофеевна!
Ты не жди домой соряду шесть лѣтъ,
А еще не жди соряду пять лѣтъ,
Ты еще не жди ровно круглый годъ,—
Тому дѣлу стало двѣнадцать лѣтъ:
На тринадцатомъ году домой приду.

(Русская народная былина).

Осиротѣлою чувствовала себя боярыня въ своемъ московскомъ домѣ, полномъ, что твоя чаша; одинокою видѣла себя безъ сына и безъ дочери названной, которую любила ,словно родную. Теплую привязанность своего добраго, любящаго сердца она отдавала имъ, дѣткамъ милымъ, страдая несносною съ ними разлукою. На нихъ сосредоточивались ея материнскіе помыслы. Воспоминаніями о нихъ, надеждою съ ними свидѣться, тоскою по нимъ жила она теперь, утративъ послѣдній интересъ къ своей личной жизни. Только заботы по хозяйству домашнему да о старомъ мужѣ отвлекали ее отъ ея грустнаго уединенія, раздѣляемаго неизмѣнною ключницей Азарьевной. Не чуждое страха, уваженіе ея къ строгому супругу выражалось безусловнымъ подчиненіемъ ея ему, полновластному владыкѣ въ домѣ и семьѣ. Его воля, его желаніе, его слово—были ея волею, ея желаніемъ, ея словомъ. „Своихъ“ у нея не было. Безвыѣздно засѣла она дома, оставляя его лишь для того, чтобы отстоять службу въ своей приходской церкви. Въ молитвѣ успокаивалось ея болѣвшее материнское сердце. Вѣдь мать столько времени не имѣла вѣсточки отъ сына или о немъ! Не знала: живъ ли онъ, гдѣ онъ и что съ нимъ тамъ, на чужедальной сторонкѣ?

Старая Андрюшина нянька Азарьевна, бывало, до поздняго ночного часа сиживала съ боярыней въ ея опочивальнѣ, ведя грустную бесѣду о своемъ выхоженцѣ.

— Милое ты мое дитятко, незадачливое да несчастное,— плача, причитывала боярыня.—Родила я тебя, знать, на твое и на свое горе! Хотя живъ-здоровъ былъ бы, и того не знаю. Мол-

читъ, какъ могила: измучилъ меня, хоть самой умереть бы!.. Ну, ежели Андрюша боленъ, либо заболтался по новости, чего-жъ Варламъ Сидоровъ не отпишетъ?

— Охъ, грѣхи наши,—съ сокрушеннымъ вздохомъ замѣчаетъ вѣрная холопка. Близокъ ли свѣтъ, куда соколикъ нашъ залетѣлъ-то? Какъ тамъ вьюношу младому въ басурманствѣ себя соблюсти? Потому тамошніе народы не нашей православной вѣры. Либо съ ихней дѣвкой—дѣло Андрюшино молодое,—свяжется... Ну, только, мать моя, барчукъ, знаю, не того сложенія вьюношъ, чтобъ пустыми дѣлами заниматься: та же красная дѣвушка. Да и Варламъ Сидорычъ старичокъ благочестивый, отсовѣтуетъ... А о себѣ они вѣсточки не подаютъ по какой-нибудь причинѣ, мать моя... Можетъ быть, и то: письмо ихнее затерялось, не дошло. Не близокъ путь-то... Потому Варламъ Сидорычъ долженъ бояриново приказаніе исполнить: письмо съ мѣста послать. Ужъ живъ ли старичекъ мой?

Азарьевна, задавшись такимъ неразрѣшимымъ вопросомъ, грустно вздохнула. Она частенько вспоминала своего стараго пріятеля и всегда со слезами. И въ эту минуту понадобилось ей отереть носовикомъ свои мокрые глаза.

— Какъ онъ тамъ безъ русскихъ харчей?—продолжала она по своему жалѣть своего старичка.—Привычный человѣкъ къ хлѣбу аржаному, къ кваску, къ капустѣ,—а тамъ, сказываютъ, ничего этого нѣтъ, а жрутъ мышей, лягушекъ и гадъ всякій... Извѣстно, басурмане... Не станетъ Варламъ Сидорычъ этакую скверну вкушать... лучше съ голоду околѣть.

— Тамъ вино виноградное пьютъ, бѣлыя булки ѣдятъ,—поясняла боярыня.—Наши-то обойдутся, небось, и безъ гадовъ. Съ голоду не умрутъ. А вотъ молчатъ почему? Какая причина?

— Азарьевна! Азарьевна!—иногда, ночью, вдругъ отчаяннымъ голосомъ вскрикивала боярыня, испуганная страшнымъ сномъ, въ которомъ ей представился Андрюша погибающій, окровавленный.—Слышишь его голосъ? Андрюшинъ? Зоветъ меня! Прощается на вѣки!

Встревоженная, трепещущая со страха мать, сидя на постели, прислушивается къ бушующему на дворѣ вѣтру, доносящему ей человѣческій, именно Андрюшинъ голосъ.

— Слышишь, Азарьевна?...

— Съ нами крестная сила, чуръ насъ! чуръ!—шепчетъ испуганная со сна ключница, привставъ на своей постели, постланной на полу въ опочивальнѣ, теперь всегда озаренной горящей передъ образницей лампадкой. Что это почудилось тебѣ, мать моя? Никакого человѣческаго голоса не слышно: вѣтеръ воетъ, точно, предразсвѣтный. Господь съ тобою, боярыня, то у тебя ночное страхованіе! Во имя Отца, Сына и Святого Духа! аминь!

Она креститъ госпожу, успокаиваетъ ее. Обѣ ложатся. Часто безсонныя ночи съ душевною тревогою и скорбнымъ сердцемъ смѣнялись дневнымъ свѣтомъ, возстановлявшимъ материнскія надежды увидѣть, наконецъ, если не сына, то его письмо, извѣ-

щающее о его благополучіи. Богъ, испытуя ея материнское чувство, обрадуетъ ее, успокоитъ. Она вѣритъ, что сынъ не забылъ ея, своей любящей матери, не могъ ея забыть, что не отъ его вины нѣтъ отъ него извѣстія. И, сквозь слезы материнскаго горя, умѣряемаго сладкой надеждой, она бралась за своего „Соломона“ и по его круглому лицу, раздѣленному графами, каждая подъ нумеромъ, бросала дрожавшею отъ волненія рукою конопляное зерно. Справляться по оракулу о значеніи нумера, куда упало зерно, ей не было надобности: она успѣла на память выучить отвѣты оракула. И эти отвѣты, въ непреложность которыхъ вѣрила простодушная мать, или счастливили, или убивали ее.

Истомилось напраснымъ ожиданіемъ бѣдное материнское сердце. Мысленно мать и видитъ, и слышитъ отсутствующаго сына. Все кажется ей онъ, его голосъ! Вышла бы она къ нему, своему ненаглядному, на встрѣчу, поклонилась бы красному солнышку, свѣтлому мѣсяцу, частымъ звѣздамъ, темной ночкѣ и всѣмъ четыремъ вѣтрамъ, возвратили-бъ они матери сына, а безъ него не жилица она на бѣломъ свѣтѣ...

Разъ, въ безсонную для боярыни и ея холопки ночь, онѣ договорились до рѣшимости обратиться къ знахаркѣ, чтобы съ помощью ея колдовства узнать судьбу Андрюши и его спутника. На другой же день Азарьевна, черезъ добрыхъ людей, вывѣдала, къ кому надо идти, куда и когда. Въ то время на Москвѣ славилась ворожея „баба Настасьица“ или „Козлиха“, жившая за Москвою рѣкою на вспольѣ: людей привораживаетъ, а у мужей къ женамъ сердце и ревность отымаетъ; а наговариваетъ на соль, и на мыло; да тое соль даетъ мужьямъ въ ѣствѣ и въ питьѣ, а мыломъ смываетъ лицо. Она же, Настасьица, ворожитъ и судьбу предсказываетъ, а родомъ литвинка, и слѣпая, бѣльмы на глазахъ.

Эти свѣдѣнія Азарьевна сообщила боярынѣ, конечно, съ глаза на глазъ. Боярыня понимала, что христіанская вѣра несовмѣстима съ довѣріемъ къ ворожбѣ или колдовству, дѣйствующимъ посредствомъ темной, таинственной силы; но угнетавшая ея материнскую душу неизвѣстность о сынѣ побуждала ее воспользоваться даже такимъ способомъ. Азарьевна, снабженная наставленіями госпожи, какіе вопросы задать ворожеѣ, а также обремененная кузовкомъ съ боярыниными дарами и алтыномъ денегъ, отправилась въ путь спозаранка, чтобы къ ночи домой вернуться.

Само собою, предстоящее Азарьевнѣ посѣщеніе колдуньи настроило ея суевѣрную душу на всяческіе ахи и страхи, съ ними же она и возвратилась къ госпожѣ, ожидавшей ее съ понятнымъ нетерпѣніемъ. Слѣпая ворожея, гадавшая на квасной гущѣ, отвѣтила благопріятно на всѣ предложенные ей вопросы: оба отсутствующіе живы, благополучны, письмо отъ нихъ въ дорогѣ. Боярыня расцѣловала ключницу за такія отрадныя вѣсти, которымъ хотѣла вѣрить. Счастливая хотя бы на одинъ

этотъ вечеръ, она до полуночи пробесѣдовала съ Азарьевной, тоже радовавшейся, что ея старичекъ живъ.

Прошло еще нѣсколько дней—письма нѣтъ, предсказаніе не сбывается, надежда не осуществляется. Опять материнскія слезы, грустныя воспоминанія, тяжелое ожиданіе. Наконецъ-то оно, это дорогое материнскому сердцу, его измучившее сыновнее письмо! Письмо привезъ изъ Кремля бояринъ и, съ торжествующимъ видомъ, вручилъ супругѣ, со словами:

— Только что посольскій гонецъ съ отпискою посольскою прибылъ, Леонтьевна. Утѣшься!

Чуть не обмерла боярыня съ радости.

Объемистое письмо было прочитано бояриномъ при помощи очковъ. Андрюша обстоятельно описывалъ путь своего слѣдованія на королевскій городъ Гданскъ и свои впечатлѣнія, отражавшія удивленіе и любознательность русскаго юноши впервые знакомящагося съ иноземными людьми, обычаями и городами. Ѣхалъ онъ съ переводчикомъ посольскимъ Тимофеемъ Топоровскимъ, неоднократно уже побывавшимъ съ посольствами за гранью и говорившимъ на разныхъ языкахъ.

„Почему,—писалъ Андрюша, мнѣ съ Варламомъ за нимъ ѣхалось спокойно и безъ сумлѣнія въ томъ, что мы по-польски или по-нѣмецки не знаемъ. И за то мы переводчика своимъ коштомъ кормили и всяко довольствовали. И отъ того Тимофея мнѣ великая польза оказывается. Нѣмецкому языку научаюсь, даже по ихнему лопотать помалу навыкаю. Городъ Гданскъ строеніемъ зѣло строенъ и людства множество въ немъ неописанное и торговля многая. А укрѣпленъ кругомъ бастіонами и валами превеликими, съ напущенною изъ Вислы рѣки водою. Ситадель же, по нашему кремль, въ самомъ городѣ на горѣ. И пушки къ пальбѣ готовыя на море наведены. А подъ городомъ въ затишной плесѣ многіе корабли стоятъ. Градская стѣна аль-ни въ плесу выступила каменная, и пристань каменная жъ, изъ большихъ тесанныхъ плитъ. Всякаго народу на пристани толпы, даже бѣлые арапы въ чалмахъ. Токмо городъ сей, хотя себя вольнымъ объявилъ, намъ съ Варламомъ Сидорычемъ скушнымъ сдался, а люди зѣло нечеловѣколюбивыми показались, къ дарамъ ласковы и къ пріѣзжимъ чужеземцамъ малое любительство имѣютъ, только въ своихъ повседневныхъ утѣхахъ забавляются. Наймы дворовые несказано дороги: съ великою ходьбою едва горницу наняли посуточно посредственную, а нарочитая не по карману нашему. Побывалъ я въ соборѣ ихнемъ въ честь св. Маріи, каменный, дивно сложенный тому назадъ триста лѣтъ. Тамъ видѣлъ великую картину „Страшный судъ“, зѣло дивную. Въ оной представленъ адъ кромѣшный, гдѣ грѣшники казнь претерпѣваютъ за земные грѣхи свои. Въ городъ проведена ключевая вода. Вылиты изъ чугуна въ лики человѣчьи великіе идолы, сажени по три, трое перекованы, а у всѣхъ у троихъ безпрестанно день и ночь изъ ушей и изъ рта течетъ ключевая вода: оттуда граждане и воду черпаютъ. За городомъ сдѣланы

двѣ башни превысокія для бою: въ одной горятъ фонари со свѣчами для корабельнаго прихода съ моря. Палаты градскія превысокія, а столпы есть саженъ по пятидесяти, и кирхи, по нашему церкви, великія, каменныя и зѣло пристойныя. Одну дѣлаютъ уже лѣтъ двадцать, а не окончена. Трутъ пилами все аспидъ камень. Ситадель крѣпкая на пригоркѣ и караулъ безпрестанно съ ружьемъ. Извычай у жителей таковъ: мужи и жены честные и дѣти ходятъ въ скуратахъ, сирѣчь въ личинахъ разныхъ цвѣтовъ. Побывалъ въ комидіи. Играли по музыкѣ, и въ кимвалы, и въ органы, и два трубача, и восемь гудцовъ (скрипачей). Объявилися палаты, и бывъ палата и внизъ уйдетъ и того было шесть перемѣнъ. Да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а па облакахъ сидятъ люди. И почали облака и съ людьми на низъ спущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли, а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися вверхъ за тѣми па небо. Да спущался съ неба же на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами, какъ быть живы, ногами подрягиваютъ. А переводчикъ Тимофей Топоровскій объяснилъ, что первое—солнце, а другое—мѣсяцъ. А въ другой перемѣнѣ въ палатѣ объявилося поле, полно костей человѣческихъ, и враны прилетѣли и почали клевать кости. Да море же объявилося въ палатѣ, а на морѣ корабли набольшіе и люди въ нихъ плаваютъ. А въ другой перемѣнѣ объявилося: человѣкъ съ пятьдесятъ въ латахъ, и почали саблями и шпагами рубитися, и изъ пищалей стрѣляти, и человѣка съ три какъ-будто и убили. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ запавѣса въ золотѣ, и танцуютъ, и многія диковинки дѣлали. Да вышедъ малый и почалъ прошать ѣсть, и много ему хлѣбовъ пшеничныхъ давали, и накормить его не могли. Рыбы свѣжей на рынкѣ много, торгуетъ женскій полъ. Посидѣлъ въ ихней кирхѣ и ихнюю пасторскую службу видѣлъ: вмѣсто моленія нашего православнаго, пасторъ по своему лопочетъ, да великій органъ играетъ. Звалъ я съ собою въ нѣмецкую кирху и Варлама Сидорыча,—не пошелъ: согрѣшить опасается. Зато онъ, старъ-человѣкъ, мало-чего ночью спитъ, подолгу на колѣнкахъ Богу молится. Весьма скучаетъ по родинѣ, особенно харчами: даже хвораетъ. „Помереть мнѣ,—говоритъ,—въ этой иноземщинѣ". Точно, старикъ извелся за дальній путь, какъ бы не побывшился. Объ этомъ со страхомъ помышляю, ибо вѣрнаго, добраго слугу нашего жаль, да и останусь я безъ него, на чужбинѣ, одинокъ, словно круглая сиротинка. Онъ же мнѣ тутъ тотъ же опекунъ родной, о себѣ забывши, обо мнѣ заботится и за нимъ я спокоенъ себѣ. Боязно мнѣ безъ него остаться, вдаль отъ дома отъѣхавши. Онъ старателенъ ко мнѣ и блюдетъ паче своего ока вашу родительскую казну: всякая копѣйка у него гвоздемъ прибита, но онъ траты на нужное мнѣ не жалѣетъ. Водилъ

я его къ лекарю, коему переводчикъ нашъ объяснилъ его хворобу: лекарь далъ снадобье лекарственное, но оное принимать старикъ мой противился, яко бы православному человѣку вредное, и моимъ насильствомъ токмо онъ принимаетъ. Но пользы здоровью не видимъ пока. Поживя съ недѣлю въ Гданскѣ, отдохнули съ дороги и нужное исправили. Наслышавшись же отъ бывалыхъ людей, что въ статахъ голландскихъ приличнѣе русскимъ образованіе, особенно морское, получить, ибо статы намъ доброжелательны и торговлей своей съ нами старинной дорожатъ, рѣшаюсь я вмѣсто города Париса ѣхать въ городъ Амстердамъ, ради морского дѣла и флотской службы изученія довольнаго. Король же французскій и его нація россійскому государству непріязненны и ѣхать мнѣ къ нимъ не пригоже. На что прошу вашего мнѣ родительскаго благословенія, на вѣки нерушимаго.

„Помолясь Богу, собрались мы съ Варламомъ Сидорычемъ и на морской корабль голландскій сѣли, въ городъ Амстердамъ ѣхать. Выйдя рано утромъ, корабль плылъ благополучно; но отъ морской несносной качки приключилась мнѣ со старикомъ болесть морская. Похолодѣли, ноги словно не наши, голова кружится и тошнитъ такъ, словно нутренность вся подымается. Блевота напала на насъ, не успѣвали къ борту подходить. Старичокъ мой аль-ни почернѣлъ съ лица и ослабѣлъ до того, что уже не могъ подняться, лежалъ да стоналъ, а къ вечеру встала морская буря, коея ужаса описать нельзя. Валы морскіе, сѣдые, воздымались такъ, что неба не было видно. Валомъ же скулу у корабля раздробило; карабельныя деревья (мачты) переломало; матросы, чтобы ходить по палубѣ, веревками перевязывались, и то двоихъ сорвало въ море. Съ кормы въ казенку (каюту) волны вливались и корабль сотрясался и скрипѣлъ, пока не расшатало его. Воды запаса не достало прѣсной, поневолились соленую пить. Спастися отъ погибели не чаялъ ни капитанъ, ни мы, путники. Буря сутки четыре бросала корабль, какъ щепку, а куда его несла, никто не понималъ. Я съ своимъ старикомъ только молились, скрывшись въ казенку, и ожидали своей смерти ежеминутно. Не чаяли живыми остаться, но Божьимъ заступленіемъ и родительскими молитвами вашими, не погибли въ виду смерти: на разсвѣтѣ пятаго дня стихла буря. Той нашей радости, что изъ смертной опасности вышли,—не можно разсказать. Капитанъ, старый служака, сказывалъ, что никогда не испыталъ подобной бури, и дивился, что корабль, весь избитый, не пошелъ ко дну. Даже жители на берегу, куда насъ прибило, видя избитый бурею корабль нашъ, поздравляли насъ съ чуднымъ спасеніемъ отъ свирѣпствовавшей бури.

„Освѣдомились мы, что насъ прибило къ шведскому берегу, именно къ островку, коихъ множество въ заливѣ, и что заливомъ тѣмъ путь къ Стекольному городу, столицѣ короля свейскаго. Вотъ куда забросила насъ судьба, куда и не снилось. Корабль кое-какъ починили, чтобы можно было до Стекольнаго

города дойти и тамъ заново исправленіе въ докахъ получить. Не думано—не гадано, въ свейское королевство попали мы съ старичкомъ. Страхъ насъ разбираетъ, мысля, что съ нами будетъ? А воля наша и желаніе наше тутъ не причемъ, воля Божья надъ нами. Почитай, до самой столицы королевской шли узкою водою, межъ островов, коимъ числа нѣтъ. Многоостровіе сіе именуется „шхерами“ и поросло сосновымъ лѣсомъ и ельникомъ. Гранитъ и дикій камень, а на нихъ темные боры... Дикой птицы несмѣтная сила взлетаетъ, ибо большинство острововъ мелкіе, необитаемые. Стекольный городъ, когда къ нему подходишь, красоты дивной. На горѣ королевскій дворецъ, строенія каменныя градскія и церкви неописуемыя, кругомъ вода, превеликое озеро, и по немъ суда плывущія. Мы пристали въ заѣзжій дворъ, спасибо добрые люди указали недорогой. Только Варлама Сидорова еле-жива довезъ и за лекаремъ ему сбѣгалъ: разнемогся старичокъ. „Помру“,—говоритъ. На то похоже: лекарь хотя ему лекарства далъ, но сомнительно головою покачалъ. Я же, написавъ домой сіе письмо, побѣжать долженъ оное отправить къ вамъ, дражайшіе мои родители, батюшка и матушка, черезъ нашего россійскаго посольскаго дьяка, съ почтою очередною. Посему, нижайше прося вашего родительскаго благословенія на вѣки нерушимаго, лобызая ваши родительскія ручки и припадая къ вашимъ родительскимъ ножкамъ, кланяюсь всѣмъ роднымъ, знакомымъ и дворовымъ людямъ и въ нетерпѣніи буду ожидать отъ васъ вѣсточки. Самъ же свое намѣреніе имѣю съ первою же возможностью отбыть на морскомъ суднѣ въ голландскую землю, въ городъ Амстердамъ или иной какой, ради корабельной и воинской науки. Посемъ, не умедлю вамъ отписать. Много кругомъ себя новаго, любопытства достойнаго вижу, и народовъ иностранныхъ, и ихъ обычаевъ примѣчаю, только о васъ, своихъ кровныхъ, обо всѣхъ близкихъ и о родинѣ своей россійской жалкую немало, какъ только вспомню. Варламъ же Сидорычъ горько плачетъ, говоритъ, что доведется ему свои косточки на чужбинѣ сложить. Плошаетъ съ каждымъ днемъ. Спасибо, тутъ русскіе торговые люди обыскались, насъ не оставляютъ, чему мы рады. Одинъ, изъ военныхъ, бывалый, пройди-свѣтъ, Коптевъ прозывается, сдружился со мною, на разныхъ языкахъ гораздъ и то мнѣ въ пользу. Съ нимъ мы случайно встрѣтились. За симъ, простите, любезные мои родители, благословите меня, ибо бѣжать надо, дабы съ письмомъ не опоздать. Варламъ Сидоровъ нижайше цѣлуетъ ваши ручки и ножки, Азарьевнѣ и дворнѣ нашей шлетъ свой поклонъ; Азарьевну проситъ о своей грѣшной душѣ молиться, ибо-де не чаетъ живу быть. Вашъ покорный сынъ Андрей Телепневъ“.

Конечно, чтеніе этого длиннаго письма, любопытнаго и въ то же время поражающаго отца и мать неожиданностью, бросающею сына совсѣмъ не туда, куда онъ ѣхалъ и куда его отправили, вызвали ахи и страхи за него матери, разливавшейся горькими слезами. Морская буря едва не потопила ея дорогого

сыночка! Старый дядька, обязанный за нимъ смотрѣть, беречь господское дитя, какъ зѣницу своего ока, самъ, того жди, помреть. Какъ и куда попадетъ теперь Андрюша, осиротѣвшій безъ стараго дядьки? Было отъ чего плакать матери и задуматься отцу. Письмо это даже лишило боярыню ея обычной утѣшительницы, Азарьевны. Заслуженная ключница сама рѣкою разливалась, узнавъ о безнадежномъ положеніи своего стараго обожателя и друга. И что-жъ теперь оставалось на долю боярыни,— только оплакивать милаго сыночка, казавшагося ей уже потеряннымъ для нея. Морская буря была, вишь, четверо сутокъ, корабль разбила! Дядька Варламъ не умеръ ли уже теперь? Ребенокъ барскій одинешенекъ въ чужедальней сторонѣ! Кто теперь за нимъ, сердешнымъ, усмотритъ, кто его обережетъ? Пропала-де его молодая головушка! Изведутъ его, млада-вьюноша, прелестницы нѣмки!..

— Ѣхалъ, да не доѣхалъ, опять поѣдемъ, авось доѣдемъ!— сумрачно замѣтилъ бояринъ.—Ѣхалъ прямо, да попалъ въ яму.

———

XIV.

> Швеція и шведы меня восхищали, потому ли, что я вездѣ люблю сближенія крайностей, или почему-либо другому, чего не умѣю выразить, но если бы мнѣ пришлось жить на сѣверѣ, я выбралъ бы Швецію изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ сѣверныхъ странъ. Дикая, величественная природа ея безконечныхъ лѣсовъ, озеръ, утесовъ меня очаровывала. Я не зналъ еще тогда Оссіана, но образы его твореній рождались въ душѣ моей въ своей первобытной формѣ такими, какими нашелъ я ихъ послѣ, читая Оссіановы творенія.
>
> (Vie d'Alfieri).

Молодой дворянинъ Андрей Телепневъ очутился въ положеніи человѣка, котораго волею и желаніями распологаетъ капризная судьба, испытующая его по своему произволу, бросающая его туда, гдѣ онъ не чаялъ быть, угрожающая даже его жизни. Четырехсуточная морская буря, ежеминутно грозившая гибелью, произвела на его душу и воображеніе глубоко тягостное впечатлѣніе. Его страданія физическія и нравственныя удваивались при видѣ изнеможеннаго старика Варлама, готоваго испустить послѣдній вздохъ жизни. Поэтому понятна восторженная радость юноши, когда онъ убѣдился, что избитый бурею корабль плыветъ по тихимъ, часто узкимъ проливамъ, межъ островами, то большими, то меньшими, которымъ, казалось, конца нѣтъ. Онъ узналъ, что они попали въ обширный архипелагъ скалистыхъ, лѣсистыхъ острововъ—Шкергардъ, какъ бы лѣсистой каймой, въ двѣнадцать миль шириною, охватывающій тѣсно гранитные берега Скандинавіи, отъ Стокгольма до Карлскроны. Этотъ поясъ опасныхъ для плаванія лѣсистыхъ скалъ и узкихъ

морскихъ проходовъ, своимъ мрачнымъ однообразіемъ поразилъ русскую душу Телепнева, знакомаго только съ безпредѣльнымъ просторомъ родной страны. Но онъ понялъ, что это гранитное многоостровіе служитъ природною защитою входа въ Стекольный городъ, куда капитанъ направлялъ для починки свой, порядкомъ-таки потрепанный корабль. Хочешь не хочешь, Андрей Юрьичъ направлялся въ шведское королевство. Онъ не отъ себя зависѣлъ. Мысль, что шведская армія считалась въ то время первою въ свѣтѣ, что ея побѣдоносный герой, король Густавъ Адольфъ, и его славные полководцы завѣщали ей свою воинскую доблесть вмѣстѣ съ послѣдними выводами современной воинской науки, поколебала даже рѣшимость русскаго благороднаго юноши и сворачивала его съ пути въ Амстердамъ. Отдавая себѣ отчетъ въ выборѣ службы—морской или военной сухопутной, онъ склонялся къ послѣдней. Морская буря, только что имъ испытанная, едва не стоившая ему его молодой жизни, четырехсуточное неистовство раздраженной стихіи, о чемъ онъ безъ ужаса вспомнить не могъ, невольно отвратила его теперь отъ желанія посвятить себя корабельному дѣлу и морской службѣ. Неожиданно для себя очутившись въ Швеціи, въ главномъ ея городѣ, онъ готовъ былъ объяснить себѣ эту случайность велѣніемъ судьбы и ей подчиниться, тѣмъ болѣе, что въ этомъ направленіи его поддерживалъ новый его знакомый, русскій по рожденію и иностранецъ по воспитанію и по своимъ взглядамъ, съ которымъ онъ встрѣтился въ Стокгольмѣ. Будучи значительно старше Ардрюши, человѣкъ бывалый, притомъ же капитанъ драбантскаго полка въ отставкѣ, новый знакомецъ съ первой же встрѣчи своей съ молодымъ землякомъ замѣтно на него повліялъ. Немудрено: на его сторонѣ оказывалось преимущество опыта, разсудка и образованія, невольно удивлявшаго благороднаго юношу и его себѣ подчинявшаго. Андрюша вѣрно охарактеризовалъ въ своемъ письмѣ домой этого капитана Коптева, назвавъ его человѣкомъ—„пройди-свѣтъ". Гдѣ только тотъ не побывалъ, чего только не видѣлъ и чего только не зналъ! Широкая русская натура Гаврилы Коптева не соотвѣтствовала плохости его кошелька, постоянно пустого, также какъ его честолюбивыя мысли и требовательность къ жизни не удовлетворялись его положеніемъ, болѣе чѣмъ скромнымъ. Безпутная жизнь съ своими излишествами и усердныя возліянія въ честь веселаго божка Бахуса оставили свои замѣтные слѣды на видной фигурѣ и на открытомъ лицѣ этого авантюриста. Онъ выглядѣлъ типичнымъ великороссомъ и за границею оставался имъ, со всѣми его характерными чертами, хорошими и дурными. Понятно, что встрѣча на чужбинѣ съ землякомъ, совмѣщавшимъ въ себѣ всѣ условія и мѣстнаго человѣка, владѣвшимъ нѣсколькими языками, чувствовавшимъ себя за границей словно дома, обрадовала Андрюшу, расположила его къ нему. Да и въ общительномъ нравѣ Коптева нашлось условіе для ихъ скораго сближенія. Юноша, только что покинувшій родной очагъ, родной

народъ, очутившійся среди чуждой себѣ народности, окруженный явленіями новой ему жизни, къ тому же не владѣвшій языкомъ чужихъ ему людей, съ понятною довѣрчивостью благороднаго сердца раскрылъ дружескія объятія незнакомому земляку. Родной языкъ, теперь такъ рѣдко услаждавшій слухъ юноши, потому что заплошавшій старикъ-дядька только кряхтѣлъ да охалъ, почти не подымаясь съ постели, послужилъ новымъ знакомцамъ къ началу ихъ сближенія. Оно естественно развивалось, поддерживаемое взаимнымъ сочувствіемъ.

Когда въ скромной горницѣ недорогой гостинницы, пріютившей нашихъ московскихъ путниковъ, появилась видная фигура бородатаго, съ усами врозь, шведскаго капитана, заговорившаго съ ними по-русски, восторгу обоихъ мѣры не было. Онъ даже разсмѣялся, своими явно хмѣльными глазами поглядывая на того и на другого. Видѣться съ русскимъ человѣкомъ въ такой дали „несосвѣтной“, по словамъ старика Варлама, слушать его русскую рѣчь, разговаривать съ нимъ на родномъ языкѣ — для Андрюши показалось неожиданнымъ счастьемъ. Словно теплымъ, роднымъ вѣтромъ пахнуло на него. Онъ жадными глазами, блестѣвшими слезою, съ улыбкою счастья на лицѣ, всматривался въ дорогого гостя, милаго незнакомца, русскаго въ видѣ иностранца. Военный кафтанъ, поношенный и измѣнившій своему синему цвѣту, съ краснымъ отложнымъ воротомъ и обшлагами на рукавахъ, съ мѣдными пуговицами, красный камзолъ, высокіе кожаные сапоги съ раструбами на колѣняхъ, звенѣвшіе стальными шпорами, длинная шпага, слѣва висѣвшая на ременной портупеѣ и своимъ концомъ, со звономъ волочившаяся по полу, поярковая треуголка на головѣ, коротенькая дымившаяся файка въ зубахъ, замшевыя краги на рукахъ—вотъ внѣшность офицера, вошедшаго къ Телепневу съ развязностью военнаго, воспитаннаго суровымъ бытомъ походной, лагерной и боевой жизни. Не ожидая приглашенія молодого хозяина квартиры присѣсть, ограничившись лишь краткою рекомендаціею: „Капитанъ Гавріилъ Коптевъ, землякъ“, причемъ крѣпко пожалъ Андрюшѣ руку, капитанъ спокойно усѣлся на стулъ, снова вложивъ въ зубы файку, на минуту рекомендаціи ихъ освободившую.

— Землякъ!—воскликнулъ Телепневъ, не въ силахъ сдержать своего восторга. — Ахъ, какъ же я вамъ радъ! Вотъ счастье-то!

— Не велико счастье встрѣтиться, хотя бы и за гранью съ такимъ бродягой, какъ я, вашъ слуга покорный,—замѣтилъ онъ съ грубымъ чистосердечіемъ, непріятно подѣйствовавшимъ на чуткаго юношу.—Впрочемъ, мой опытъ, мое знакомство съ здѣшними людьми и порядками могутъ быть полезны моему молодому земляку, и я готовъ служить словомъ и дѣломъ... Къ тому же я теперь вольный казакъ, свободнаго времени у меня только весь день и вся ночь.

— Это Богъ намъ посылаетъ здѣсь такого земляка! — вос-

кликнулъ Телепневъ. — Я не знаю здѣшняго языка, а безъ него мнѣ и городъ тотъ же темный лѣсъ. Давно вы изъ Россіи?

— Слишкомъ давно для того, чтобы помнить не только день но даже годъ, когда я покинулъ матушку Россію, хотя она инымъ своимъ дѣтямъ плохая мать, сказать правду...

— Вы, капитанъ, конечно, часто горюете, что судьба васъ бросила такъ далеко отъ родины, можетъ быть, и отъ родителей, родныхъ, друзей? Душою рветесь къ нимъ!..

— Нѣтъ, не стоитъ. Ubi bene—ibi patria, гдѣ хорошо — тамъ отечество, — усмѣхнувшись, возразилъ Коптевъ, вынувъ изо рта свою файку для того, чтобы ее набить табакомъ изъ шелковаго кисета, засунутаго у него за пазухой. — У меня о моей родинѣ остались воспоминанія, которыя лучше забыть. Я гражданинъ всего свѣта и нисколько не дорожу кличкой „русскій". Здѣсь, за гранью, русскаго человѣка понимаютъ, какъ сущаго варвара и, сказать правду, онъ таковъ... Вы только, голубчикъ, не обижайтесь и привыкайте къ моимъ грубымъ словамъ... Вѣдь правда кажется намъ всегда грубою, если насъ касается... На свой счетъ успокойтесь. Благородный юноша, изъ-за тридевять земель, съ тридесятаго царства добравшійся до цивилизованнаго народа, чтобы у него поучиться и самому цивилизоваться, перестаетъ быть варваромъ, хотя бы самъ невѣжда... Впрочемъ, кто изъ нихъ счастливѣе, варваръ или образованный,—не знаю. Считая себя образованнымъ, ибо прослушалъ курсъ наукъ въ римской пропагандѣ и получилъ дипломъ, я лично не могу назвать себя счастливымъ человѣкомъ.

— Кого же можно было бы назвать счастливымъ?—спросилъ Телепневъ, еще въ первый разъ въ жизни услыхавшій сомнѣніе въ томъ, что считалъ несомнѣннымъ, отдавая преимущество образованію и понимая образованіе началомъ человѣческаго счастья.—Кто же, по вашему, капитанъ, счастливъ?

— Кто ничего не долженъ, felix qui nihil debet... Въ настоящую минуту, съ дырявыми карманами и долгами по уши, я такъ понимаю мое счастье; если бы въ моемъ кошелькѣ побрякивало золото, конечно, я иначе могъ бы опредѣлить свое счастье... Fervet olla, vivit amicitia — пока кипитъ горшокъ, живетъ дружба... Умный человѣкъ не можетъ быть счастливымъ. Запомните!.. Вы, юноша, удивляетесь моей латыни. Знайте: я—бывшій патеръ римскій, воспитанникъ іезуитовъ, готовился поступить въ ихъ орденъ, но отъ нихъ удалился и, кажется, во-время. Славянская добрая натура не годится для хитрыхъ подвоховъ и подлыхъ цѣлей. Timeo Danaos et dona ferèntes! Боюсь данайцевъ, и дары приносящихъ!—сказалъ Лаокоонъ троянцамъ, принявшимъ отъ грековъ въ даръ деревяннаго коня... Орденъ соблазнялъ меня блестящею будущностью, меня ожидающею, но какой же я миссіонеръ? Пренебрегъ окольными путями, пошелъ прямо. И вотъ я капитанъ драбантовъ въ отставкѣ. Положеніе не столько почтенное сколько голодное. Долженъ признаться,

что я вотъ уже два дня сижу на пищѣ святого Антонія и, если бы не стаканъ доброй водки, выпитой въ долгъ, хоть околѣвай...

— Ахъ! Что-жъ вы, капитанъ, раньше мнѣ этого не сказали?—съ благороднымъ упрекомъ тароватаго русскаго человѣка воскликнулъ Телепневъ, даже почувствовавшій себя виновнымъ передъ своимъ гостемъ въ его голодѣ. — Варламъ Сидорычъ, какъ бы того... закусить намъ... впрочемъ, старикъ мой не подымается, хворъ! — спохватился молодой хозяинъ при видѣ недвижимо лежащаго дядьки съ лицомъ, обращеннымъ къ стѣнѣ. — Я самъ сбѣгаю купить, капитанъ... Онъ даже покраснѣлъ, чувствуя неловкость своего положенія и не вынося насмѣшливаго взгляда новаго знакомца.—Я на минутку... Подождете?.. Я...

— Зачѣмъ?—возразилъ капитанъ, котораго потѣшало и которому нравилось замѣшательство юноши, очевидно не привыкшаго къ самостоятельной роли и вспыхивавшаго, какъ красная дѣвушка, часто, при всякомъ положеніи, казавшемся ему щекотливымъ.—Пойдемъ въ Staden, старый городъ, по нашему, въ знакомую мнѣ таверну. Недорого и славно кормятъ, а пиво и вино лучшіе здѣсь. Кстати, вы познакомитесь съ Стокгольмомъ, хорошо мнѣ извѣстнымъ. Вашъ же старикъ, кажется, нуждается теперь только въ гробѣ, вѣчномъ пристанищѣ человѣка умершаго. Не будемъ своимъ присутствіемъ отягощать его послѣднія минуты... Напрасно вы тащили эту ветошь въ такую даль. Показывать его за деньги, какъ показываютъ диковинки? Плохая спекуляція, клянусь діаволомъ!

Грубое глумленіе капитана надъ почтеннымъ, умирающимъ дядькой, несомнѣнно слышавшимъ его, возмутило юношу. Въ немъ сказался сынъ своего отца, не могшій сносить наносимой ему обиды. Горячая молодая кровь окрасила его щеки и блеснула въ глазахъ огонькомъ, свидѣтельствовавшимъ о его гнѣвномъ душевномъ движеніи. Онъ схватилъ руку дерзкаго человѣка, едва съ нимъ познакомившагося, крѣпко ее сжалъ и воскликнулъ:

— Капитанъ! Старикъ-дядька — мнѣ тотъ же родной. Оскорбляя его, вы меня оскорбляете. Если у васъ нѣтъ состраданія даже къ умирающему, то не найдется ли благоразуміе, болѣе вашему возрасту приличное, чѣмъ грубыя выходки, недостойныя военнаго человѣка...

Совсѣмъ не ожидавшій подобнаго поученія отъ юноши, казавшагося ему безхарактернымъ, Гаврила Коптевъ невольно смутился, тѣмъ болѣе, что сознавалъ неумѣстнымъ свое безшабашное глумленіе. Убѣдясь, что раздраженіе юноши не шуточное, онъ перемѣнилъ тонъ своего съ нимъ обращенія.

— Эге, землякъ!—весело воскликнулъ онъ, дружески похлопывая свободною рукою по плечу Телепнева.—Ты, вижу съ коготкомъ птичка! Я такихъ уважаю, клянусь адомъ подземнымъ, если такой можно допустить, не спятивъ съ ума! Ты правъ:

пріими мое извиненіе за слова неумѣстныя... И заключимъ мировую за кружками добраго вина. Старый враль, капитанъ Коптевъ, слабенокъ на язычекъ, но никто изъ насъ не безъ грѣха—nemo nostrum non peccat...

Телепневъ почувствовалъ, не безъ гадливости, запахъ крѣпкаго табаку и хмельнаго перегара, когда капитанъ его облобызалъ, непріятно пощекотавъ его лицо своею жесткою бородою.

— Выпьемъ „на ты", за начало нашей дружбы, юноша!— продолжалъ капитанъ, увлекая его за собою изъ дому.

На улицѣ при яркомъ солнцѣ, при видѣ нарядной движущейся толпы, истасканное платье капитана и его помятое хотя воинственное лицо показались Теленневу просто выдающимся по своему неприличію. Встрѣчные имъ невольно на него косились, женщины спѣшили сторониться. Было несомнѣнно, что капитанъ успѣлъ сдѣлаться въ Стокгольмѣ человѣкомъ извѣстнымъ, хотя и въ отрицательномъ смыслѣ. Ето уличная репутація казалась упроченною, На неодобритильные взгляды полицейскихъ, зорко за нимъ слѣдившихъ, онъ не обращалъ никакого вниманія. Замѣтивъ же нерѣшительность Телепнева продолжать съ нимъ путь и объясняя себѣ ее своимъ непривлекательнымъ видомъ, капитанъ ему внушительно сказалъ:

— Forma viros neglecta decet,—мужчинамъ подобаетъ небрежная внѣшность.

Несмотря на то, что капитанъ повторилъ слова римскаго поэта Овидія, и что истину этихъ словъ Телепневъ опровергнуть не могъ, онъ съ удовольствіемъ скрылся съ своимъ навязчивымъ знакомцемъ въ тавернѣ.

Погребъ съ сырыми стѣнами и низкими сводами, тускло освѣщаемый маленькими окошками, вродѣ крѣпостныхъ бойницъ, помѣщавшійся подъ огромнымъ старымъ многоэтажнымъ домомъ съ высокою грифельною крышей, служилъ пріютомъ матросамъ, солдатамъ и людямъ не только подозрительнаго вида, но и подозрительной профессіи. Мрачныя фигуры, часто въ лохмотьяхъ и возбужденныя задорнымъ хмелемъ, вполнѣ соотвѣтствовали мрачнымъ закоулкамъ этого подземелья, надъ входомъ котораго красовалась надпись: „Веселый отдыхъ моряковъ". Хозяйка, важно возсѣдавшая за стойкой, заставленной бутылками, штофами, кружками и лоханками съ соленою рыбой, корзинами съ сладкимъ шведскимъ хлѣбомъ, казалось, только по какому-то необъяснимому капризу природы создана была женщиной, имѣя такое сильное сложеніе, огромный ростъ и мужественный видъ, которыми похвалиться могъ не всякій мужчина. Даже густые усы украшали ея верхнюю губу, а подбородокъ скрывался въ рыжихъ волосахъ. За хозяйкой, у стѣны на подставкахъ, нѣсколько бочекъ съ мѣдными кранами и подъ ними съ мѣдными ендовами, заключали въ себѣ хмельные напитки, соблазнительную приманку для посѣтителей „Веселаго отдыха". Красный, словно опухшій носъ, красные бѣлки сердитыхъ

глазъ и малиновые въ прыщахъ лобъ и щеки хозяйки наглядно свидѣтельствовали о томъ вниманіи, какое она оказываетъ своимъ напиткамъ. Простоволосая, облысѣвшая голова ея украшалась жидкою рыжою косой, торчавшею на затылкѣ. Съ ея широчайшихъ плечъ спускался просторный изношенный балахонъ, подымавшійся на высокомъ животѣ, непомѣрно обширныхъ объемовъ. Засученные выше локтей рукава обнаруживали мускулистыя руки, по своей толщинѣ превосходившія многія женскія ноги. Властнымъ движеніемъ одной изъ этихъ богатырскихъ рукъ, богатырь-хозяйка молча направляла, куда надо, двухъ дѣвушекъ, не первой молодости, своихъ помощницъ, бѣгавшихъ между стойкой и столиками, удовлетворяя требовательнымъ крикамъ грубыхъ посѣтителей, исполняя приказанія хозяйки, передаваемыя ею движеніемъ глазъ и руки. Когда же среди подвыпившихъ не въ мѣру буяновъ возбуждалась ссора, грозящая перейти въ драку съ помощью ножей, огромная фигура тетки Христи тяжело подымалась со скамейки, сердитые глаза ея останавливались на дерзкихъ нарушителяхъ порядка въ „Веселомъ отдыхѣ“, и ея басистый голосъ, могшій сдѣлать честь любому корабельному штурману, покрывалъ голоса ссорящихся и на нихъ самихъ дѣйствовалъ внушительно, такъ какъ они знали характеръ мужественной тетки, у которой вслѣдъ за угрозой, если нужно, немедленно слѣдовало и ея исполненіе. Самые задорные изъ обычныхъ посѣтителей погребка, на личномъ опытѣ убѣдившись въ силѣ и неустрашимости его хозяйки, смирялись и избѣгали затѣвать драки въ ея присутствіи.

— Тетушкѣ Христи нашъ поклонъ!—привѣтствовалъ ее Коптевъ съ легкимъ кивкомъ головы въ шляпѣ.—Пришлите намъ, въ угольную, бутылочки двѣ бургонскаго, кварту водки, да семги съ хлѣбомъ на закусочку. Жажду и алчу, тетка Христи.

— Ты здѣсь не утолишь своей жажды и своего голода, пока не уплатишь стараго должишка, безпутный капитанъ!—строго замѣтила своимъ мужественнымъ басомъ хозяйка, не обратившая вниманія на его слова и его кивокъ головою, но воззрившаяся на его молодого и красиваго спутника.—Двадцать семь марокъ, безпутный капитанъ, или проваливай себѣ, откуда пришелъ...

— Hic et nunc! Здѣсь и сейчасъ!—проговорилъ Коптевъ, нѣсколько смущенный такою негостепріимною встрѣчею суровой хозяйки.—Требованіе, кажется, справедливое, но не соотвѣтствующее безденежности моего кошелька... Мнѣ остается прибѣгнуть къ великодушной помощи моего молодого земляка. Отдамъ съ благодарностью, какъ только поправятся мои дѣлишки, нынѣ заплошавшія,—порука въ томъ моя честь капитанская, милый юноша.

— Нисколько не довѣряя такому невѣрному поручительству въ уплатѣ, какъ честь безденежнаго должника, да еще съ заслуженною репутаціею „безпутнаго“, Телепневъ, молча, передалъ капитану свой кошелекъ, откуда тотъ отсчиталъ суровой хозяйкѣ

требуемую ею сумму, причемъ благоразумно прикарманилъ въ свою пользу ровно десять марокъ.

— На табакъ и на женщинъ. — Капитанъ счелъ долгомъ пояснить это присвоеніе чужихъ денегъ, возвращая Телепневу его кошелекъ, значительно облегченный.—Водки, вина, табаку и закусокъ въ угловую, фрекенъ Роза!—приказалъ онъ миловидной, опрятно одѣтой дѣвушкѣ, вопросительно взглянувшей на хозяйку прежде, чѣмъ исполнить требованіе заказчика.—Какъ, пестрая кошечка! Ты сомнѣваешься въ правѣ капитана Коптева пить и ѣсть въ твоемъ кабачкѣ даже послѣ того, какъ онъ честно и до копѣйки уплатилъ свой долгъ хозяйкѣ? За расплату же наличными сегодня же отвѣчаетъ полный кошелекъ моего земляка и друга.

Капитанъ увлекъ за собою Телепнева въ маленькую каморку, гдѣ они, притворивъ за собою дверь, усѣлись за столикъ на единственной скамейкѣ. Пробираясь въ это укромное мѣсто, капитанъ важно кивалъ головою въ шляпѣ направо и налѣво привѣтствовавшимъ его знакомымъ, которыхъ внѣшность и одежда не внушали Телепневу хорошаго о нихъ мнѣнія. Передъ нашими новыми знакомыми на столикѣ появилась бутылка, стаканы и закуска. Лицо капитана просіяло при видѣ такой благодати, о чемъ онъ могъ только мечтать, давно лишившись кредита у здѣшней хозяйки.

— Amicus certus in re incerta cernitur! Вѣрный другъ познается въ несчастіи! — замѣтилъ онъ, лобызая Телепнева въ порывѣ благодарности: но эта форма ея проявленія не доставила удовольствія брезгливому юношѣ. — Magister bibendi — учитель питья, я могу научить тебя, милый юноша, кое-чему и кромѣ питья, что тебѣ знать теперь не безполезно. Не гляди на меня такими недовѣрчивыми глазами, не улыбайся твоею осуждающею улыбкой. Узнавъ меня ближе, ты, надѣюсь, измѣнишь свой взглядъ на меня. Я, точно, безпутный капитанъ, но въ то же время я человѣкъ,—тотъ, о которомъ Теренцій, римскій писатель, выразился: Homo sum, humani nihil a me alienum puto, сирѣчь: я человѣкъ, ничего человѣческаго не считаю для себя чуждымъ... А чтобы ты могъ меня понять, познакомлю тебя съ моимъ прошлымъ, быть можетъ, поучительнымъ, хотя бы по своимъ ошибкамъ...

XV.

Я рожденъ не для клочка земли, моя родина—міръ.

(*Сенека*).

Капитанъ налилъ вина въ оба стакана и, поднявъ свой, съ замѣчаніемъ: „In vino veritas", т. е. въ винѣ правда, выпилъ его съ видимымъ удовольствіемъ. Телепневъ послѣдовалъ его примѣру. Послѣ второго стакана, капитанъ закусилъ вкусной семгой съ хлѣбомъ, съ поспѣшностью наголодавшагося человѣка. Затѣмъ, закуривъ файку, онъ заговорилъ.

— Изъ всѣхъ существъ, по мнѣнію латинскаго писателя Плинія старшаго, самое жалкое—гордый человѣкъ. Онъ слезами начинаетъ свое плачевное бытіе. Одна половина его краткой жизни проходитъ во снѣ; изъ другой надо выключить дѣтство и страдальческую старость. Я, кажется, вправѣ примѣнить къ самому себѣ, къ своему существу, такое опредѣленіе... Какъ только себя помню, судьба мачиха меня преслѣдуетъ по пятамъ. Уставъ съ нею бороться, обратился я къ утѣшительному богу Бахусу: хмель хоть временемъ веселитъ мое печальное сердце и оживляетъ мою мрачную мысль...

Капитанъ говорилъ съ поникшей головою, не снимая съ нея шляпы, по лагерной и походной привычкѣ, видимо удовлетворяя своей душевной потребности высказаться молодому пріятелю, своимъ великодушіемъ вызывавшему къ себѣ его довѣріе. Юноша внимательно слушалъ его рѣчь, которой философски-поучительный тонъ, приличный ученому, какъ бы не соотвѣтствовалъ этому хмельному капитану. Помолчавъ, тотъ продолжалъ:

— Я человѣкъ безъ родины, безъ крова, даже безъ Бога.

— Даже безъ Бога? — въ ужасѣ, вызвавшемъ усмѣшку на лицѣ капитана, воскликнулъ Телепневъ. — Какой же вы несчастный!..

— Ты правъ, юноша,—согласился съ нимъ капитанъ,—невѣріе есть несчастіе; хотя знаніе и невѣріе—понятія однозначущія. Въ твоемъ хорошемъ, любящемъ возрастѣ и я вѣрилъ въ Бога, въ добродѣтель. Знаніе, почерпнутое изъ книгъ и опыта житейскаго остудило, а дальше вовсе похерило мою вѣру. Вѣдь я воспитанникъ іезуитской школы: я знаю и понимаю слишкомъ много для того, чтобы вѣрить во все то, что составляетъ религію. За твое здоровье, за твои успѣхи заграничные, юноша...

Капитанъ опорожнилъ полный стаканъ и задумался. Казалось, глубокій вздохъ не облегчалъ тяжести воспоминаній, которымъ онъ въ эту минуту предавался. Стихнувшимъ голосомъ, онъ продолжалъ высказываться, словно съ самимъ собою бесѣдуя, или отдавая отчетъ въ своемъ прошломъ. Онъ какъ бы преобразился самъ.

— Въ твои годы, юноша, я душою искалъ вѣры и мнѣ казалось, нашелъ удовлетвореніе въ католичествѣ. Я сталъ ревно-

стнымъ католикомъ, папистомъ. На моемъ мѣстѣ и ты, пожалуй, поступилъ бы точно такъ же. Живой душѣ человѣческой, пылкой молодости, предоставленной самой себѣ и своимъ впечатлѣніямъ, не устоять противъ глубокаго вліянія многовѣкового Рима. Въ чудномъ храмѣ св. Петра, подъ его сводами, я, тогда юный варваръ, чувствовалъ себя пораженнымъ окружавшимъ меня художественнымъ творчествомъ. Не диво: вѣдь храмъ этотъ создалъ великій геній Микель-Анджело. Я заслушивался мелодическими звуками великолѣпнаго органа, особенно, когда онъ исполнялъ Repuiem, Dies irae, Stabat Mater и другія творенія великихъ католическихъ maestro; звуки, казавшіеся мнѣ небесными, увлекали меня на небо, порывали мою связь съ земною юдолью: когда же органъ грозно рокоталъ, раздаваясь подъ высокими сводами, я слышалъ гнѣвный гласъ Самого Бога, Отца Небеснаго, вѣщающаго Своимъ земнымъ дѣтямъ, укоряющаго ихъ въ грѣхахъ, призывающаго ихъ къ исправленію, и я трепеталъ религіознымъ страхомъ; въ выси, въ куполѣ, этомъ чудѣ архитектуры, въ живописномъ изображеніи Бога Саваоѳа я видѣлъ Самого Бога. Могу ли я слабымъ языкомъ передать сильныя чувства и высокіе помыслы, вызываемые тогда во мнѣ торжественною мессою въ храмѣ св. Петра или Jesu? Я, казалось мнѣ, переродился. Въ такія минуты я понималъ сердцемъ „экстазы“ Игнатія Лойолы, св. Франциска, св. Доминика, этихъ суровыхъ подвижниковъ католицизма, геніально изображенные испанскими художниками. Аскетизмъ, умерщвляющій въ жизни человѣка все плотское и оставляющій ей только духъ, конечно, подвигъ высокаго самоотверженія, ведущій плотского человѣка на небо. Человѣка невѣрующаго я тогда низводилъ на степень животнаго... Восемъ лѣтъ въ іезуитскомъ коллегіумѣ воспитали меня клерикаломъ. Мои способности обратили на себя вниманіе моего начальства; папы Иннокентій X и Иннокентій XI ласкали меня. Не хвалясь, скажу, что классическое богословское образованіе, мною полученное, соединялось во мнѣ съ краснорѣчіемъ, направляемымъ пытливымъ умомъ, оснащеннымъ знаніемъ. Немногіе изъ моихъ сотоварищей, молодыхъ патеровъ римской куріи, были способны, какъ я, къ выполненію важнѣйшихъ и тайныхъ предначертаній генерала нашего іезуитскаго ордена. Моя проповѣдь собирала вокругъ меня тѣсную толпу. Говоря съ каѳедры, я самъ увлекался смѣлымъ пареніемъ моего духа, богатствомъ метафоръ, искренностью убѣжденій. Женщины глазъ не спускали съ „вдохновеннаго импровизатора“ блестящихъ, глубоко прочувствованныхъ имъ „словъ“. Ватиканъ, убѣжденный въ моихъ способностяхъ и религіозномъ рвеніи, относился ко мнѣ, какъ къ своему надежнѣйшему агенту, проникнутому догматомъ всемірнаго владычества святѣйшаго римскаго отца, апостолическаго намѣстника. Окончивъ курсъ въ коллегіумѣ при монастырѣ св. Игнатія, я поступилъ въ domus probationis, т. е. новичкомъ въ пробномъ домѣ, гдѣ „новиціаты“ испытываются. Наблюдавшій за мною суровый magister novitio-

rum относился ко мнѣ благосклонно. Я перешелъ въ классъ „помощниковъ", coadjutores,—это первая ступень къ поступленію въ іезуиты. Два года пробывъ коадъюторомъ, я сдѣлался схоластикомъ, т. е. испытаннымъ. А испытаніе происходило вотъ какъ: „Чего ты пришелъ, юноша, сюда?"—вопрошаетъ суперіоръ (настоятель) монастыря, невидимый мнѣ.—„Чтобы, подражая Спасителю, получить имя служителя Божія",—отвѣчалъ я.—„Кто здѣсь?"—продолжаетъ вопрошать меня голосъ невидимаго суперіора.—„Ничтожнѣйшій изъ рабовъ Божіихъ",—отвѣчаю.—„Твоя сила?"—вопрошаетъ.—„Вѣра во Іисуса".—„Твое терпѣніе?"—„Примѣръ Спасителя".—„Твое служеніе?"—„Слава Божія".—„Господу помолимся!"—отзывается суперіоръ. Тутъ мой провожатый велѣлъ мнѣ сдѣлать земной поклонъ. Я очутился передъ красивой часовней съ надписью: Iesus hominum Salvator. На меня строго глядѣли изображенныя въ ростъ человѣческій фигуры папы Павла III, утвердившаго ордена Іисуса, Максимиліана I, герцога баварскаго, и генераловъ ордена: святаго Игнатія Лойолы, Іакова Лайнеса, Франциска Борджіа, Эбергарда Меркуріана, Клавдія Аквавивы. Серьезную минуту я пережилъ въ виду этихъ нѣмыхъ, нарисованныхъ фигуръ, зная, что это изображенія подвижниковъ ордена, знаменитаго во всемъ свѣтѣ, которымъ я готовлюсь послѣдовать по мѣрѣ силъ своихъ. Затѣмъ, я прошелъ положенныя испытанія: ослѣпленіемъ, онѣмѣніемъ, кровію... Вѣришь ли, юноша, что и теперь, вспоминая всѣ мытарства моего постепеннаго возвышенія до степени іезуитскаго патера, я испытываю прежній священный трепетъ. Такъ сильны и живучи наши молодыя впечатлѣнія...

Посвящая себя дѣлу ордена, отрекаясь отъ жизни мірской во имя Іисуса, я не зналъ самого себя. Какъ я ни отворачивался отъ живой жизни съ ея искушеніями, какъ ни умерщвлялъ въ себѣ молитвою и постомъ грѣшную плоть, я почувствовалъ неудовлетвореніе своимъ положеніемъ. Случай свелъ меня съ старикомъ-философомъ, убѣжденнымъ раціоналистомъ. Его тайныя со мною бесѣды и книги поколебали мои католическія начала. Въ мою келью проникли, вмѣстѣ съ книгами, идеи, несовмѣстимыя съ моими обѣтами. Въ тиши своей кельи я ночами предавался преступному по моему званію чтенью. Метра Франсуа Раблэ я предпочиталъ библіи. Новый духъ изслѣдованія вѣялъ отъ стараго сатирическаго романа Раблэ. Его здравый смыслъ въ комической формѣ поражалъ и романтизмъ, и схоластику вѣроученія, и язвы церкви. Всесильное оружіе—смѣхъ, сатира низлагаетъ начала, если они ложны и вредны. Я часто повторялъ послѣднія слова, съ которыми умеръ Раблэ: „je m'en vais chercher un grand peut être", т. е. иду искать это великое „можетъ быть". Глазъ на глазъ съ самимъ собою, съ своею совѣстью, я осуждалъ многое изъ тѣхъ началъ, которымъ служилъ публично, съ такимъ торжествомъ, во имя которыхъ провозглашалъ „анаѳему", и даже одобрялъ осужденіе живого своего собрата на страшное ауто-дафе, т. е. дѣйствіе вѣры, попросту говоря, на сож-

женіе человѣка на кострѣ. Знакомясь съ реформаціей, я убѣдился, что она явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ многовѣкового злоупотребленія папской власти и католичества. Я сочувствовалъ Лютеру и его послѣдователямъ и еретиками могъ скорѣе признавать не ихъ а католическихъ прелатовъ съ самимъ папою во главѣ. Съ идеей реформаціи я знакомъ былъ исторически; я на память зналъ нѣкоторыя сирвенты, sirventes, провансальскихъ трубадуровъ XIII вѣка, громившихъ продажность Рима и развращенность католическаго клира за много лѣтъ до Лютера и реформаціи. Особенно ѣдка сирвента Вильгельма Фигейраса:

Roma, per aver
Faitz manta fellonia...
E mant desplazer,
E mant vilania...

То есть, „Римъ, изъ-за денегъ ты дѣлаешь много низостей и много зла и преступленій".

Tan voletz aver
Del mon la Senhoria,
Que res non temetz
Dieu ni sos devetz...

„Ты такъ сильно стремишься къ земному величію, что не боишься Бога, ни Его заповѣдей".

Я зачитывался „Divina comedia" великаго итальянскаго поэта Данте. Въ своей великой поэмѣ, онъ обращается къ любви, искупительницѣ міра, любви, двигающей солнцемъ и звѣздами. „L'amor che muove l'sole e l'altre stelle"...

Великая поэма католицизма, она въ то же время его бичуетъ. Можно ли забыть слова апостола Петра противъ папы Бонифація VIII (Paradiso, XXVII):

Quegli, ch'usurpa in terra il luogo mio,
Il luogo mio, il luogo mio, che vaca
Nella presenza de figliuol di Dio,
Fatto ha del cimiterio mio cloaca,
De sangue e della puzza onde l'perservo,
Che cadde di qua su la gin si placa.

„Тотъ, кто беззаконно занимаетъ на землѣ мое мѣсто (папа), мое мѣсто, мое мѣсто, остающееся не занятымъ передъ очами сына Божія, изъ моего кладбища (Рима) сдѣлалъ вмѣстилище нечистотъ для крови и разврата, гдѣ нечестивецъ (Люциферъ) утѣшился бы, упавъ отсюда".

Наступила пора для меня невыносимо тяжелая: сознаніе, убившее воображеніе, опытъ, остудившій увлеченіе, совлекали съ меня монашескую рясу; молодыя, проснувшіяся мужскія страсти гнали меня изъ монастырской кельи на просторъ шумной человѣческой жизни; свѣтъ ослѣпительнаго счастья звалъ меня изъ тьмы моего прозябанія. Совсѣмъ другими глазами смотрѣлъ я теперь на торжество католическаго богослуженія. Если оно меня теперь поражало, то театральностью своею, казалось мнѣ, теперь несовмѣстимою съ душевнымъ религіознымъ настроеніемъ моля-

щагося... Женщина, смутившая мое воображеніе, покончила мои колебанія, выбросила меня изъ кельи...

Капитанъ наполнилъ свой стаканъ виномъ и поторопился его выпить, замѣтно взволнованный своими воспоминаніями. Затѣмъ закуривъ файку, продолжалъ:

— Притворство не въ натурѣ русскаго человѣка. Извѣрившись въ то, чему я себя посвятилъ, не зная еще самого себя, я не долго могъ себя насиловать. Мое поведеніе, какъ я ни таилъ свои убѣжденія, обратило на себя вниманіе моего начальства. Оно стало за мною слѣдить. Подозрительность іезуитовъ не стѣсняется въ способахъ наблюденія за своими сочленами. Чтобъ не попасться съ книгами, чтеніе которыхъ возбранено, я ихъ удалилъ изъ кельи; но красавицу, встревожившую мое сердце, оказавшееся вовсе не монашескимъ, я удалить изъ него не могъ, какъ ни старался. Она постоянно посѣщала мессу въ храмѣ Iesu и съ большимъ вниманіемъ слушала мою проповѣдь. Я чувствовалъ на себѣ ея взглядъ, хотя избѣгалъ на нее глядѣть. Я чувствовалъ себя краснорѣчивымъ, увлекающимъ своимъ пламеннымъ словомъ сердца слушателей, потому что она меня слушаетъ, на меня смотритъ... Говорить съ каѳедры стало моею нравственною потребностью, потому что только съ каѳедры я могъ, хотя бы мелькомъ,на нее взглянуть. Иногда мнѣ казалось, что я говорю только одной ей, вижу одну ее. Я узналъ, что она знатная дама, шведская графиня, оставшаяся вѣрною католицизму. Папскіе драгуны и сбиры охраняли ее во время давки въ храмѣ, и нашъ монсиньоръ кардиналъ оказывалъ ей всякое вниманіе. Конечно, высокое положеніе дамы моего сердца только усугубляло горечь моего сознанія. Чувство пылкое, но не высказанное, конечно, влекло меня къ прекрасной незнакомкѣ, даже о немъ не подозрѣвавшей. Целибатъ, то есть безбрачіе римскаго духовенства, особенно монашествующаго, отдалялъ меня отъ нея цѣлою пропастью. Но будь я и не монахъ, та же непреодолимая пропасть раздѣляетъ знатную графиню отъ бѣдняка, безроднаго скитальца. Не гляди на меня такъ недовѣрчиво, милый юноша. Тогда я не только могъ полюбить благородную даму, но могъ быть и любимымъ ею. На молодомъ, увлекательномъ проповѣдникѣ останавливалось много красивыхъ женскихъ глазъ. Не удивляйся, голубчикъ землякъ, и тому, что графиня пожелала сама исповѣдаться у меня, молодого патера... Я сидѣлъ въ сакристіи и, представь мое изумленіе, смѣшанное съ невыразимымъ счастьемъ и душевнымъ трепетомъ, когда она опустилась передо мною на колѣни и свою прелестную головку склонила подъ мое благословеніе?.. Нѣтъ, братъ, такія минуты передать словомъ нельзя, ихъ пережить надо... Да, я ее выисповѣдалъ, я съ достоинствомъ выдержалъ свое положеніе духовника; но она поняла мое чувство къ себѣ, она, женщина, не могла меня не понять, какъ ни насиловалъ я себя скрыть отъ нея мое чувство... говорить ли мнѣ все, что потомъ произошло между нами?.. Какъ другу земляку, какъ благородному юношѣ, внушающему мнѣ

довѣріе, открою свою душу!.. Мнѣ хочется передъ тобою оправдаться, хочется, чтобъ ты узналъ меня такимъ, какимъ я былъ, и почему сталъ капитаномъ, да еще съ прозвищемъ „безпутный“? Для этого я долженъ довѣрить тебѣ даже честь благородной дамы. Она отвѣтила мнѣ взаимнымъ чувствомъ... Какъ это случилось, какъ послѣдовательно развивалась наша любовь, какимъ счастьемъ одарила она меня, бѣднаго монаха, мнѣ не передать. Amor, vincit omnia, т. е. любовь все побѣждаетъ, говорили, древніе люди, изображавшіе бога любви стоящимъ на спинѣ побѣжденнаго имъ льва. Я потерялъ голову, волю и жилъ только ею, только для нея... Сознавать себя монахомъ, отшельникомъ отъ всего мірского стало мнѣ несносно, потому что въ моей черной рясѣ ходилъ теперь дерзкій нарушитель обѣтовъ своего ордена, монахъ только по имени и по внѣшности, преступникъ по существу своему... Избавь тебя, юноша, Богъ отъ разлада душевнаго, который я тогда переживалъ! Вотъ адскія мученія; на землѣ они, при жизни, а не подъ землею, не послѣ смерти... Я бѣжалъ изъ монастыря... Бѣжалъ изъ Рима, гдѣ меня ожидала тюрьма инквизиціи со всѣми своими ужасами... Графиня скрыла меня въ Аппенинскихъ горахъ. Въ прелестномъ уголкѣ, вдали отъ треволненій мірскихъ, она создала мнѣ земной рай, котораго сама была, конечно, лучшимъ украшеніемъ. Живя въ римскомъ палаццо, она посѣщала меня съ таинственностью, только возвышавшею прелесть этихъ ночныхъ свиданій. Какія ночи мы съ нею коротали! Отъ нея я узналъ, что ея мужъ, важный государственный сановникъ, одно изъ приближенныхъ лицъ къ королю, здѣсь, въ Стокгольмѣ, что она въ Римѣ по дѣлу, зависящему отъ папы; что нужное ей разрѣшеніе папы получено, и она должна скоро воротиться къ мужу. О, юноша! Надо самому пережить отчаянье, какое мною овладѣло при извѣстіи о скорой нашей разлукѣ, чтобы его понять! Тогда я понялъ, что она любила меня не такъ, какъ я ее любилъ. Она была старше меня лѣтъ на десять, хотя самая эта разность въ нашемъ возрастѣ, казалось мнѣ, способствовала пылкости моего къ ней чувства. Я отдался ей душою и тѣломъ, всѣмъ существомъ своимъ; она отдалась мнѣ только тѣломъ; это понялъ я только тогда, когда ея страсть плотская успокоилась, когда ея женская гордость удовлетворилась сознаніемъ, что и въ тридцать пять лѣтъ ея женскія прелести могутъ вызвать пылкое чувство юноши. Правда, она, съ присущею ей обворожительностью, смягчила горесть моего убитаго сердца: послѣдніе дни передъ разлукой ея нѣжность, ея ласки и утѣшенія глубоко меня трогали. Любовница въ то же время относилась ко мнѣ съ материнскимъ чувствомъ. Она озабочивалась моею судьбою, она понимала, что ради нея я порвалъ свои связи съ клиромъ и церковью, круто свернулъ съ своей избранной житейской дороги и стою передъ неизвѣстностью, быть можетъ, для меня роковою. Она обѣщала мнѣ офицерское мѣсто въ драгунскомъ полку, предложила тяжелый кошелекъ съ золотомъ, я отказался. Мое сердечное чувство, мое

мужское достоинство, вѣдь,не могло принимать помощи, и еще денежной, отъ любовницы, меня покидающей. Правда, она должна была возвратиться къ мужу, хотя бы для того, чтобъ супружескими узами прикрыть свой грѣхъ. Она почувствовала себя беременною. Когда она мнѣ объ этомъ сообщила и когда я убѣдился въ этомъ ея положеніи ея головокруженіемъ и дурнотою, я покорился необходимости. Она уѣхала сюда, въ Швецію, съ залогомъ нашей любви подъ сердцемъ... Безъ нея свѣтъ и люди мнѣ опротивѣли... Въ винѣ, картахъ и съ продажными женщинами я убивалъ свою молодость и время. Благообразный, образованный классически и богословски молодой монахъ, вдохновенный проповѣдникъ, преобразился въ безпутнаго капитана...

Гавріилъ Коптевъ мрачно опустилъ голову и принялся набивать табакомъ свою файку. Андрюша, внимательно слушавшій его исповѣдь, смотрѣлъ теперь на него сочувственно и тихо вздохнулъ. Разсказъ о любовномъ увлеченіи капитана невольно напоминалъ ему его собственное увлеченіе сосѣдкой боярышней, къ его счастью во-время прервавшееся. Простосердечная исповѣдь земляка, забывшаго свою семью и родину, примирила съ нимъ Андрюшу. Онъ въ братѣ своемъ, нравственно опустившемся, понялъ человѣка, одареннаго умомъ и душою, но неустойчиваго, направляющагося по влеченію своихъ страстей, не сдерживаемаго волею тамъ, гдѣ надо.

Выпивъ стаканъ вина, затянувшись табачнымъ дымомъ, капитанъ продолжалъ знакомить земляка съ своимъ прошлымъ.

— Не скоро я оправился послѣ своей душевной болѣзни. Кажется, даже я попалъ гдѣ-то въ домъ для умалишенныхъ. Оправясь, благодаря своему крѣпкому сложенію, очутился я на улицѣ безъ гроша въ карманѣ, голодный, раздѣтый, босой. Что дѣлать? Спасибо, судьба-мачиха злая не на того напала. Безпомощность и нищета, глядѣвшія мнѣ прямо въ глаза, не только меня не испугали, но вызвали во мнѣ рѣшимость побороть ихъ. Вспомнились мнѣ многіе герои исторіи, начинавшіе такъ же, какъ начиналъ я. Избытокъ молодыхъ силъ рвался проявить себя. Устыдился я своего жалкаго вида, своей безпомощности. Лучше умереть, чѣмъ влачить такую жизнь. Встрѣча съ отважнымъ кондотьери, то есть воиномъ, продающимъ свое оружіе и свою жизнь тому, кто за нихъ ему дороже заплатитъ, рѣшила мою судьбу. Не корысть, но желаніе славы и свободы, быть можетъ, ложно понимаемыхъ, влекли меня на рейтарское сѣдло, подъ знамя побѣдоносное шведскаго короля. Наступила для меня пора военныхъ походовъ и, смѣю сказать, подвиговъ. Я оживалъ въ пороховомъ дыму, при грохотѣ пушекъ, при ружейныхъ залпахъ. Боевая труба волновала сердце, и я, въ строю, мчался въ атаку. Зарево горящихъ городовъ освѣщало страшныя картины человѣческаго бѣдствія. Я спасалъ юныхъ красавицъ отъ грубаго насилія ожесточенныхъ солдатъ, защищалъ палашемъ старцевъ и дѣтей отъ своихъ же товарищей. И, вѣдь, самъ-то я былъ только солдатъ-наемникъ. На полѣ сраженія при Хальмстадѣ

самъ генералъ Аксель Делагарди поздравилъ меня офицеромъ. Славныя преданія побѣдоноснаго короля-героя Густава Адольфа создали историческую эпоху величія, Storhetstiden. Шведскія знамена не знали тогда непобѣдимаго врага. Въ сраженіи при Лундѣ мы разбили датчанъ такъ, что они были вынуждены возвратить Швеціи всѣ потерянныя ею области. Не хвастаясь, скажу, что мой эскадронъ, потерявшій въ атакахъ половину своихъ драгунъ, значительно способствовалъ побѣдѣ, и я въ виду всей арміи достойно заслужилъ свой капитанскій чинъ. Молодой король Карлъ, по счету одиннадцатый, командовавшій своей арміей, пожалъ мнѣ, передъ фронтомъ, руку, благодарилъ за отличныя мои дѣйствія и поздравилъ капитаномъ, затѣмъ, обратясь къ полкамъ, воскликнулъ: „шведы! сегодня мы возстановили славу боевую нашей арміи и честь ея знаменъ! Забудемъ пораженіе наше при Фербеллинѣ на сушѣ и при Эландѣ на морѣ. Нынче мы опять прежніе побѣдоносные шведы"! Наступило мирное время, а съ нимъ военная служба утратила свой интересъ, по крайней мѣрѣ для меня и мнѣ подобныхъ рубакъ. Гарнизонные караулы, вахтпарады не по мнѣ. Не нравилась мнѣ и переформировка арміи. Наборы и наемъ отмѣнены. Для содержанія кавалеріи была введена „система поселеній"—indelning. Имѣнія владѣльцевъ, обязанныхъ снаряжать и содержать коннаго солдата съ лошадью, назывались rusthall, а войска, содержимыя такимъ способомъ, назывались indelade po rusthallen, т. е. поселенными. Я вышелъ въ отставку. Скромная пенсія, мною получаемая, свидѣтельствуетъ или о неблагодарности шведскаго правительства къ военнымъ заслугамъ его офицеровъ, или о плохомъ состояніи королевской казны. Послѣднее соображеніе справедливѣе. Конечно, только безденежье государственнаго казначейства могло вызвать такую несправедливую мѣру, какъ редукція. Редукція дворянскихъ имѣній, т. е. отобраніе имѣній отъ дворянства въ казну, нанесло дворянству ударъ, отъ котораго ему уже не поправиться. Насколько упало значеніе аристократіи, настолько же усиливалась королевская власть, поддерживаемая народомъ и духовенствомъ. Стокгольмъ и все королевство въ волненіи, сословія противопоставлены другъ другу... Деспотизмъ короля возмущаетъ дворянство... Враждебныя государства окружаютъ Швецію...

Капитанъ докончилъ вторую бутылку вина, стаканъ котораго достался только на долю Телепнева, удивлявшагося, что вино какъ-бы не дѣйствовало на его новаго, интереснаго знакомца. Напротивъ, казалось, что съ каждымъ выпитымъ стаканомъ этотъ благочестивый католическій монахъ, превратившійся въ отчаяннаго драгуна и рубаку, оживляется, становится краснорѣчивѣе, изумляя простодушнаго земляка богатствомъ и широтой своей русской натуры, замѣчательною начитанностью, обширною памятью, разнообразіемъ личныхъ приключеній, занимательностью личныхъ впечатлѣній.

Дверь пріютившей ихъ каморки пріотворилась и въ нее осто-

рожно заглянула дюжая фигура оборванца, котораго дерзко глядящая рожа съ заросшимъ, давно не бритымъ подбородкомъ, алѣла хмелемъ и внушала Телепневу отвращеніе, не исключавшее страха встрѣтиться съ нимъ, ночью, наединѣ. При видѣ этой тяжелой, показавшейся въ дверяхъ, подозрительной фигуры, капитанъ встрепенулся, будто бы вспомнивъ нѣчто серьезное и неизбѣжное, требующее, чтобы онъ немедля оставилъ земляка и свою съ нимъ бесѣду. Онъ вопросительно глядѣлъ на появившагося и ждалъ.

— Орелъ въ клѣткѣ!—хрипло пробасилъ человѣкъ съ видомъ бродяги, словно условную, заученную фразу. И тоже ждалъ.

— Жаль орла!—отвѣтилъ ему капитанъ и поднялся идти.— До свиданья, землякъ!—обратился онъ къ Телепневу и ему на ухо шепнулъ:—Вечеромъ, поздно, жди меня у себя, быть можетъ, приду самъ-другъ... Узнаешь все... Спѣшу... Дѣло важное... Онъ вышелъ въ сопровожденіи вызвавшаго его бродяги.

XVI.

Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
Старый ты старикъ, старый, матерый!
Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?
Будто некѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
Ты поставилъ бы себѣ келейку
При той путѣ—при дороженькѣ;
Собиралъ бы ты, старикъ, во келейку,
Тутъ бы ты, старикъ, сытъ-питаненъ былъ.

(Рус. нар. былина: Илья Муромецъ).

ВЪ ПОНЯТНОМЪ недоумѣніи, Телепневъ направился въ „Заѣздъ“, гдѣ остановился.

Безпокойство овладѣвало имъ, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту, гдѣ онъ оставилъ больного дядьку. Положеніе старика ухудшалось съ каждымъ днемъ и послѣ испытанной морской бури казалось Телепневу безнадежнымъ. Мысль, что онъ долженъ лишиться вѣрнаго товарища по пути, безотвѣтнаго слугу и опытнаго совѣтника,—смущала юношу. Безъ Варлама Сидорова онъ не могъ себя вообразить. Остаться на чужой сторонѣ, въ такой дали отъ родной семьи, одному, неопытному юношѣ, конечно, страшно. Кромѣ того, Андрюша сердечно любилъ почтеннаго старика, словно бы онъ былъ членъ его боярской семьи. Извѣстіе о его кончинѣ серьезно опечалитъ телепневскую подмосковскую усадьбу, начиная съ господъ и ключницы Азарьевны и кончая дурачкомъ Крысой. Въ такихъ мысляхъ, осторожно, юноша подошелъ къ старику, недвижно лежавшему на спинѣ, на широкой лавкѣ, съ открытыми, но потухшими глазами, устремленными въ потолокъ. Потемнѣвшее, исхудалое старческое лицо съ синими губами и тѣнями, съ заострившимся носомъ, казалось

уже лицомъ покойника. Только тяжко и медленно подымавшаяся и опускавшаяся грудь да стѣсненное дыханіе свидѣтельствовали, что жизнь еще не совсѣмъ покинула это изможденное тѣло, отмѣченное уже страшною печатью смерти. Узнавъ своего боярчука, вѣрный слуга собралъ послѣднія силишки, чтобы прошептать:—„Умираю, Андрей Юрьичъ!.. Не приведетъ Богъ вернуться мнѣ на Русь-матушку... Схоронятъ мои старыя косточки на чужбинѣ, въ басурманской землѣ... Божья воля... Но то мнѣ горше, что тебя, млада-вьюношу, одного здѣсь оставляю и бояринова приказанія не исполню. Съ тобою разлучаюсь... Деньги родительскія вотъ здѣсь, въ кожаномъ кошелѣ на груди у меня спрятаны... Пріими ты ихъ, Андрей Юрьевичъ,— мнѣ теперича ихъ не уберечь... Тутъ, въ кошелѣ, и мои деньжонки, особо въ тряпицѣ завязаны... Никакъ рублевиковъ съ двадцать всего... Ихъ желанье имѣю Макридіи Азарьевнѣ передать, чтобъ о душѣ моей грѣшной сорокоустъ и все, что по покойнику слѣдуетъ, справила... Охъ, тяжко!.. Священника бы позвать—выисповѣдаться да святыхъ таинъ пріобщиться?.. Только тутъ не Москва, нашего попа православнаго нѣтъ... Охъ! Приходится умирать безъ святого напутствія... Не ждалъ я такого грѣха, Господи Боже мой! Прости, Владыко, сіе мое невольное прегрѣшеніе, ибо умираю на чужбинѣ по волѣ пославшаго мя!.. Охъ! „На одрѣ болѣзни лежащаго и смертною раною уязвленнаго, якоже иногда воздвиглъ еси, Спасе“, шептали кондакъ почернѣвшія губы умирающаго; но шопотъ стихъ, силы его покидали. Телепневъ, въ нѣмой тоскѣ, близкой къ отчаянью, внимательно слѣдилъ за послѣдними минутами этого близкаго къ себѣ, дорогого старика. Позвать лекаря? Но умирающій, слишкомъ уже очевидно, не нуждался болѣе въ человѣческой помощи. Да и вообще онъ чуждался лекарей, особенно иноземныхъ. Еще въ Гданскѣ лекарь-жидокъ только съ насиліемъ, поддержаннымъ боярчукомъ, заставилъ больного старика принять лекарства. Впрочемъ, отъ нихъ ему не полегчало. И теперь, какъ только Телепневъ заговорилъ о лекарѣ, старикъ отрицательно качнулъ головою и только прошепталъ:

— Попа бы нашего съ дарами...

Но этого сладкаго утѣшенія вѣрующей христіанской души, разстающейся съ бреннымъ тѣломъ, не могъ доставить своему вѣрному спутнику Андрюша, сознававшій себя въ Стекольномъ городѣ, словно въ лѣсу дремучемъ. Обратиться къ Гавріилу Коптеву? Но тотъ исчезъ, повидимому, занятый какимъ-то серьезнымъ и не безопаснымъ дѣломъ. Было отчего потерять голову неопытному юношѣ, готовившемуся остаться сиротою среди новыхъ ему людей и явленій жизни. Онъ горько заплакалъ, скрывая отъ умирающаго свои слезы.

— Въ мѣшечкѣ холщевомъ,—прошепталъ умирающій,—„смертейное“ у меня заготовлено... Саванъ, вѣнчикъ, отпускная грамотка, рубаха, подштанники... И покрывало миткалевое... и накрестъ бѣлый платъ... и ладанъ росный... Прошу, Андрей Юрьичъ.

обмыть тѣло... панять,.. убрать, какъ слѣдуетъ, покойника... Похоронить въ гробу честномъ...

— Спокоенъ будь, Варламъ Сидорычъ, все исполню! — говорилъ Телепневъ, глотая свои слезы.—Не чужой ты мнѣ... Ради меня, знаю, пришлось тебѣ умирать на чужой сторонѣ... И похоронитъ тебя попъ русскій, тотъ-то капитанъ мнѣ обѣщалъ. Нѣтъ, нѣтъ, Варламъ Сидорычъ, не безпокойся, съ попомъ нашимъ. По православному тебя похоронимъ, Варламъ Сидорычъ... По православному.

— По православному!..

Душевное счастье слабо блеснуло въ угаснувшихъ старыхъ глазахъ и было посильною благодарностью умирающаго молодому господину за его участіе къ духовной потребности отходящаго старика.

— А на Москвѣ сорокоустъ... поминальный столъ... милостыня братьѣ нищей... Въ нашу церковь приходскую вкладу рупь денегъ... Въ Болдыженскую рупь то же...

Дыханье умирающаго учащалось и становилось труднѣе, но память не покидала его. Собравшись съ силами, онъ прошепталъ:

— Икону Миколы чудотворца... на грудь... со мною, въ гробъ.

Телепневъ, съ благоговѣйнымъ крестомъ, положилъ ему на грудь небольшую икону, передъ которою, со дня отъѣзда изъ Москвы, старикъ, какъ только позволяло ему время, усердно, на колѣняхъ маливался.

— Три свѣчки и ладанъ... во гробъ...

Послѣднія слова съ трудомъ могъ понять Телепневъ. Старикъ сложилъ руки на груди и тихо отходилъ. Выраженіе его лица постепенно просвѣтлялось какою-то тихою, спокойною радостью, не имѣющею въ себѣ ничего земного, тогда какъ тѣни смерти налагали на него свой зеленоватый колеръ. Съ послѣднимъ вздохомъ Телепневъ закрылъ ему глаза съ горькимъ чувствомъ воскликнулъ: „Одинъ теперь! одинъ„!..“

Но тутъ же мысль о капитанѣ Коптевѣ, о землякѣ, встрѣтившемся съ нимъ такъ неожиданно и, казалось, такъ впору, невольно успокоила его. Судьба, отнимающая у него стараго друга, посылаетъ ему новаго. Въ капитанѣ, не смотря на его нравственную распущенность, много живой, душевной силы, которой нельзя не сочувствовать. Онъ—русская натура, со всѣми ея добрыми и худыми сторонами. Его любовное увлеченіе, его безумства ради женщины такъ понятны были Телепневу, такъ напоминали ему его собственное увлеченье любовное, едва не сгубившее его молодую жизнь. Несомнѣнно, что Коптевъ не на своей дорогѣ, что онъ стоитъ гораздо дороже той цѣны, по которой приходится ему продавать себя на житейскомъ базарѣ. Но, отдавая должное его способностямъ, Телепневъ осуждалъ ихъ направленіе, ужасаяся его безбожію, его глумленію надъ всѣмъ святымъ въ жизни. Таинственность, съ какою капитанъ разстался съ Телепневымъ, увлекаемый очень подозрительными личностями, въ кабачкѣ тоже подозрительномъ, судя по его мужественной усатой хозяйкѣ и бродяжнымъ посѣтителямъ, вы-

вывала въ юношѣ подозрѣнія, тоже не въ пользу капитана. Онъ обѣщалъ вечеромъ вернуться, и даже съ товарищемъ. Кто такой этотъ неизвѣстный товарищъ? Правда, присутствіе капитана теперь можетъ быть только полезно Телепневу, нуждающемуся въ его содѣйствіи: покойника надо похоронить, а какъ, гдѣ— Телепневъ не зналъ. Но товарищу капитана онъ радъ не будетъ.

Въ самомъ мрачномъ расположеніи духа бѣдный юноша короталъ день въ нѣмомъ и страшномъ сообществѣ покойника. Горькое чувство тяжкой, незамѣнимой потери, усиливалось еще серьезными опасеніями за свою личную судьбу: что его ждетъ? Куда ему направиться? Вмѣсто Франціи, онъ очутился въ Швеціи. Ужели ему ограничиваться совѣтами капитана? Вѣдь покойникъ Варламъ Сидоровъ неодобрительно смотрѣлъ на капитана и совѣтовалъ ему избѣгать „пьянчужки". Для старика капитанъ былъ только пьянчужка. Конечно, покойникъ не могъ понять такую сложную и одаренную натуру и за слабость капитана выпить не видѣлъ въ немъ его дѣйствительныхъ достоинствъ.

Наступила ночь, темная и непогожая. Телепневъ, отдавшись своимъ мрачнымъ думамъ, дремалъ при свѣтѣ масляной лампы, вздрагивая всякій разъ, какъ только взглядывалъ на неподвижное тѣло подъ бѣлымъ покрываломъ. Вспоминались ему любящая мать, строгій отецъ, нѣжная къ нему сестрица названная. Скоро ли они получатъ его письмо? И получатъ ли еще его? Конечно, они тамъ о немъ безпокоятся; конечно, они чаще о немъ вспоминаютъ, чѣмъ онъ о нихъ. О, какъ хотѣлось бы ему ихъ увидѣть, узнать о ихъ житьѣ-бытьѣ. Небось, добрая маменька частенько по немъ плачетъ, а Маруся ее утѣшаетъ. Маруся говорила ему, что замужъ ни за кого не пойдетъ. Но это она такъ говорила, а замужъ пойдетъ. Вѣроятно, за того же молодого Лопухина, который ее сваталъ... Онъ же на нее не наглядится... Что-жъ, парочка хоть куда! Давай имъ Богъ счастье!

Но пожеланіе счастья Марусѣ и тому, кого она назоветъ своимъ мужемъ, было у него не искреннимъ, онъ самъ это сознавалъ и чувствовалъ, чувствовалъ по тому невольному раздраженію, которое имъ овладѣвало при мысли объ избранникѣ милой дѣвушки. Развѣ можетъ найтись мужчина, достойный ея?

Даже онъ останавливался на вопросѣ: ужъ самъ-то онъ, Андрюша, не питаетъ ли къ сестрицѣ названной чувства совсѣмъ не братскаго? Хотя въ этомъ не братскомъ къ ней чувствѣ онъ себѣ не признавался, но и опровергнуть его не могъ. Хорошо еще, что онъ не зналъ о возвращеніи Маруси къ своимъ родителямъ, такъ чудно найденнымъ. Онъ пребывалъ въ пріятномъ заблужденіи, что она, въ его отсутствіе изъ семьи, замѣняетъ матери его, отсутствующаго, своимъ нѣжнымъ участьемъ къ ея материнскому горю смягчаетъ его; можетъ ли родная дочь для своей матери быть тѣмъ кроткимъ, любящимъ существомъ, какимъ

Маруся была для своей матери названной? Есть ли на всемъ бѣломъ свѣтѣ подобная другая дѣвица? „Но что мнѣ дѣлать съ покойникомъ? Здѣсь я въ томъ же лѣсу“.

Мрачно настроенный, Телепневъ прислушивался къ шуму дождя, хлеставшаго въ оконницы и по каменной мостовой. На высокой башнѣ ближней кирки святой Гертруды, пробило двѣнадцать часовъ. Полночь, и онъ самъ-другъ съ покойникомъ. Вдругъ ему послышались шаги быстро приближающихся людей. Въ горницу вбѣжалъ запыхавшійся капитанъ съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ, который онъ бросилъ вмѣстѣ съ своей мокрой шляпой на столъ. Самъ же опустился на стулъ и звучно вздохнулъ, переводя духъ.

— Смѣлѣе, кавалеръ! Вы въ безопасности здѣсь, у моего молодого земляка и друга! — обратился онъ къ своему спутнику, нерѣшительно остановившемуся въ дверяхъ, съ недовѣрчивостью въ глазахъ, устремленныхъ на Телепнева.

— А! покойникъ? Онъ намъ поможетъ обмануть нашихъ преслѣдователей! Войдите, кавалеръ, въ ту маленькую комнатку... Я васъ затворю, когда понадобится, а къ двери мы приставимъ лавку съ покойникомъ... Право, юноша, я готовъ, съ тобою согласиться и нахожу твоего покойнаго старичка наидобродѣтельнѣйшимъ при жизни и преполезнѣйшимъ по смерти. Клянусь рогами дьявола, онъ умеръ кстати, по крайней мѣрѣ для меня и для моего спутника, нуждающагося въ убѣжищѣ. Познакомтесь: кавалеръ Рейнгольдъ Паткуль! Андрей Телепневъ! Ты, юноша, еще не встрѣчалъ кавалера съ такими внѣшними и внутренними достоинствами: передъ тобою образецъ славнаго лифляндскаго рыцарства, его украшеніе... Увѣренъ, что вы другъ другу понравитесь и сойдетесь, тѣмъ болѣе, что кавалеръ бывалъ въ Россіи и говоритъ по русски...

— И любитъ русскихъ! — добавилъ по-русски незнакомецъ, сбрасывая съ себя длинный черный плащъ, мокрый — хоть его выжми. Высокая стройная фигура молодаго кавалера съ прекраснымъ лицомъ и благородной осанкой сразу выдавалась своимъ мужественнымъ изяществомъ. Въ беретѣ съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, въ черномъ бархатномъ французскомъ кафтанѣ и длинныхъ сапогахъ со шпорами, онъ опирался обѣими руками на эфесъ длинной обнаженной шпаги, которой блестящій клинокъ былъ окровавленъ. Кровь же замѣтилъ Телепневъ и на кинжалѣ капитана.

— Пришлось такъ, юноша! — замѣтилъ капитанъ, поясняя Телепневу значеніе слѣдовъ крови на ихъ оружіи. — Свобода благороднаго рыцаря куплена цѣною жизни раба, наемника, стерегущаго королевскую тюрьму... Спасибо, что хоть однимъ ограничилось дѣло... Смѣлѣе же, кавалеръ, здѣсь мы въ безопасности... Присядьте къ столу... На немъ я вижу бутылки и закуски, все то, что нужно въ эту минуту намъ, измокшимъ на дождѣ, утомленнымъ только что пережитою опасностью!.. Да, опасность была таки, кавалеръ! Пью за ваше освобожденіе.

Говоря такъ, капитанъ съ свойственною ему развязностью, не обращая вниманія на скромнаго хозяина, уже стѣснявшагося присутствіемъ новаго знакомца, налилъ себѣ стаканъ вина и залпомъ его выпилъ.

— Я попрошу позволенія нашего молодого хозяина выпить стаканъ вина за его здоровье, — обратился кавалеръ Паткуль къ Телепневу, съ утонченною вѣжливостью благовоспитаннаго человѣка, столь непохожею на казарменную грубость капитана...

— Ахъ, пожалуйста, кавалеръ! — покраснѣвъ отъ смущенія, заговорилъ Телепневъ.—Я самъ выпью за ваше здоровье...

— И за благополучное бѣгство изъ Стокгольма! — добавилъ капитанъ, наполняя своею любимою влагою три стакана. — Чуть свѣтъ, кавалеръ долженъ быть на палубѣ финской лайбы, если не желаетъ возвратиться въ королевскую тюрьму, а оттуда, пожалуй, попасть на эшафотъ, подъ топоръ королевскаго палача...

— Палача? — воскликнулъ Телепневъ, участливо взглянувъ на благородное лицо кавалера, котораго онъ никакъ не могъ признать за преступника, избѣгающаго законной кары. — Можетъ ли это быть?

— На свѣтѣ все можетъ быть, молодой человѣкъ, — сказалъ кавалеръ Паткуль съ самообладаніемъ и спокойствіемъ, не соотвѣтствовавшими опасности его положенія. — Въ правленіе такого деспота, какъ нашъ король Карлъ, по счету своихъ соплеменниковъ одиннадцатый, головы высшихъ дворянъ дешевле крестьянскихъ головъ... это именно король крестьянства и мѣщанства. Шведская знать унижена, обобрана имъ, обезсилена, лишена своихъ правъ. Поднявъ свой голосъ за эти права, я навлекъ на себя гнѣвъ короля. Не смотря на то, что въ Стокгольмъ я явился въ качествѣ депутата отъ благороднаго сословія лифляндскаго рыцарства, по вызову же правительства, я, лицо по закону неприкосновенное, арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Лишь благодаря содѣйствію друзей, въ числѣ которыхъ назову и храбраго капитана Коптева, я бѣжалъ отъ эшафота, меня ожидающаго. Съ разсвѣтомъ покину это гнѣздо королевскаго самовластія, ненавистнаго мнѣ и всему моему рыцарскому сословію. Бороться съ этимъ беззаконнымъ самовластіемъ, за свои права, я буду до послѣдняго своего вздоха.

Кавалеръ Паткуль говорилъ съ убѣжденіемъ оскорбленнаго человѣка и съ твердою рѣшимостью, свѣтившеюся во взорѣ его красивыхъ синихъ глазъ. Телепневъ еще не встрѣчалъ мужчины, который нравился бы ему такъ, какъ Паткуль: это былъ типичный представитель тевтонской расы, достойный потомокъ рыцарей меченосцевъ, завоевателей и просвѣтителей ливовъ и эстовъ. Свѣтлый цвѣтъ гладко выбритаго лица съ розовыми щеками, прекрасныя черты, благородное выраженіе, исполненное ума и смѣлости, золотистые густые волосы, высокая статная фигура, свѣтское обращеніе, все, казалось, соединилось въ немъ

въ гармоническое цѣлое, способное внушать къ себѣ симпатіи не только женщинъ, но и мужчинъ. Телепневу онъ очень понравился.

— Но что за преступленіе, грозящее вамъ палачомъ? — спросилъ его Телепневъ.—Въ чемъ васъ обвиняютъ, кавалеръ?

— Въ патріотизмѣ, т. е. въ любви къ своей родинѣ — Лифляндіи,—отвѣтилъ за кавалера капитанъ, добросовѣстно осушившій бутылку и взявшійся за другую.—Защищать свои права законныя здѣсь считается беззаконіемъ...

— Да,—подтвердилъ Паткуль.—Я стою на законной почвѣ, защищаю свои законныя права: права старой владѣющей земельными имѣніями аристократіи. Ей нанесенъ ударъ, отъ котораго ей уже не оправиться. На сеймѣ въ Стокгольмѣ, въ 1680 году, по предложенію крестьянъ, назначена новая, строгая „редукція имѣній дворянскихъ по постановленію Норчепингскаго сейма". На томъ же здѣшнемъ сеймѣ земскіе чины уполномочили короля, въ его распоряженіяхъ, не стѣсняться мнѣніями государственнаго совѣта. Такъ вотъ, государственный совѣтъ, членами котораго состоятъ высшіе дворяне, сталъ въ зависимость отъ произвола королевской власти, почему пало вліяніе на государственныя дѣла аристократіи настолько, насколько увеличилось значеніе крестьянства. Самое названіе совѣта измѣнилось: онъ теперь называется не государственнымъ, а королевскимъ. Въ нынѣшнемъ же году на здѣшнемъ сеймѣ, во главѣ съ маршаломъ Фабіономъ Вредс, финляндцемъ и приверженцемъ короля, постановлено, чтобы право отдавать и отбирать имѣнія, прежде принадлежавшее сейму, теперь принадлежало королю всецѣло: также королю предоставлено, независимо отъ земскихъ чиновъ, издавать новые законы и измѣнять старые. Напрасно этимъ постановленіямъ, утверждающимъ самодержавіе короля, возражали дворяне, изъ нихъ же я, быть можетъ, громче всѣхъ... Мои смѣлыя возраженія привели меня въ тюрьму...

Что-жъ это за редукціи?—спросилъ Телепневъ.

— Попросту, это отобраніе въ казну земельныхъ имѣній отъ дворянъ, получившихъ ихъ отъ государства или за службу свою, или по праву покупки или залога. На мѣсто обобранной старой аристократіи теперь выступили новые роды, зависящіе лишь отъ королевской милости и пробавляющіеся жалованьемъ... старая аристократія спѣла свою пѣсенку...

Глубокимъ, понятнымъ Телепневу вздохомъ закончилъ Паткуль свой разсказъ и задумался.

— Чего ждать отъ страны, гордящейся своимъ просвѣщеніемъ, но гдѣ преслѣдуютъ и жгутъ на кострахъ колдуновъ и вѣдьмъ?—замѣтилъ капитанъ.—Въ Вазѣ сожжено на кострѣ пять женщинъ, въ Веро—шесть женщинъ, колдуній якобы.

— Здѣшнее лютеранское духовенство, въ своемъ суевѣріи, въ ограниченности своихъ понятій можетъ вполнѣ соперничать съ католическимъ клиромъ,—добавилъ Паткуль.—Скорѣе бы мнѣ отрясти прахъ шведской земли съ ногъ моихъ...

Шумъ многихъ шаговъ и голоса, приближавшіеся къ дверямъ дома, заставили бесѣдующихъ насторожиться. Капитанъ, съ быстротой, оправдываемой общимъ замѣшательствомъ, втолкнулъ Паткуля въ каморку, притворилъ за нимъ дверь, къ которой, съ помощью Телепнева, приставилъ лавку съ лежащимъ на ней покойникомъ и, съ спокойствіемъ человѣка, „видавшаго виды" и на все готоваго, спряталъ за пазуху кинжалъ. Послышался звякъ оружія. Вошедшіе въ горницу солдаты застали его за столомъ съ полнымъ стаканомъ въ рукѣ. Его взглядъ выражалъ удивленіе и вопросъ: за какимъ чортомъ они таскаются по ночамъ и тревожатъ спокойствіе честныхъ людей? Такъ, по крайней мѣрѣ, понялъ капралъ хмельный взглядъ, встрѣтившій его совсѣмъ нелюбезно; а потому, капралъ, быстро оглядѣвшій горницу и ея обитателей, словно бы извиняясь, сказалъ:

— Извините, долгъ службы: ищемъ бѣглаго арестанта, онъ же и убійца!..

— Дѣло ваше!—сказалъ капитанъ, внутренно опасавшійся, какъ-бы Телепневъ, по неопытности, не выдалъ ихъ.—Мы же, какъ видите, добрымъ стаканомъ вина поминаемъ нашего покойника, да успокоится его душа въ селеніяхъ горнихъ! Грѣхъ нарушать покой умершаго о Христѣ брата.

— Грѣхъ!—подтвердилъ капралъ, косясь вмѣстѣ съ солдатами на покойника.—Извините! Служба! Идемъ, камрады!

Капралъ увелъ своихъ солдатъ. Только тогда, когда затихли вдали тяжелые шаги и металлическое звяканье оружія, свободно вздохнули капитанъ съ Телепневымъ. Миновавшая опасность напоминала имъ объ опасности, ожидающей Паткуля, а съ нимъ и ихъ, впереди. Освобожденный изъ своего затвора, бѣглецъ занялъ за столомъ свое прежнее мѣсто. Его блѣдность наглядно свидѣтельствовала о душевномъ волненіи, имъ пережитомъ. Стаканъ вина нѣсколько его подбодрилъ.

— Пора!—замѣтилъ онъ, вставая со стула и завертываясь въ свой длинный и широкій горный плащъ.—Только подъ покровомъ ночной темноты я могу добраться до финской лайбы, избѣгнувъ сыщиковъ. Готовы ли вы, капитанъ?

— Готовъ, кавалеръ!—отвѣтилъ Гавріилъ Коптевъ, съ явнымъ сожалѣніемъ разставаясь съ недопитой бутылкой.—До свиданья, юноша! Вернувшись къ тебѣ, я устрою погребеніе твоего старичка. Спасибо ему, мы спасли хорошаго человѣка. Смерть сохранила жизнь. Но это уже философія—безпутному капитану не къ лицу. Mors et vita!.. Смерть и жизнь!.. Послѣдній стаканъ... Vale!.. Будь здоровъ!..

— Молодой человѣкъ,—обратился Паткуль къ Телепневу, взявъ его руку въ свою.—Чѣмъ могу поблагодарить васъ, великодушно пріютившаго у себя незнакомца, спасающагося отъ опасности, которой и васъ невольно подвергалъ онъ? Не словами хотѣлось бы мнѣ васъ отблагодарить, а дѣломъ. Я слышалъ отъ капитана о цѣли вашего путешествія за границу Россіи. Думаю, что смогу быть вамъ полезнымъ. Я ѣду на материкъ,

ко двору курфюрста Саксонскаго, весьма ко мнѣ расположеннаго. Саксонская-армія—одна изъ лучшихъ европейскихъ армій—славится образованностью своихъ офицеровъ. Я могу помѣстить васъ въ артиллерійское училище. Для этого вы должны немедля ѣхать въ городъ Дрезденъ, гдѣ я буду васъ ждать. Увѣренъ, что изъ васъ выработается замѣчательный офицеръ, будущее украшеніе русской арміи. Вѣрьте, что душевное къ вамъ участіе говоритъ моими устами... Согласны ли вы на мои предложенія?

— Согласенъ, кавалеръ!—послѣ краткаго раздумья отвѣтилъ Телепневъ, обрадованный такимъ теплымъ къ себѣ участіемъ симпатичнаго незнакомца, невольно располагавшаго его къ довѣрію.—Отдаюсь подъ ваше покровительство...

— И не ошибетесь во мнѣ!—замѣтилъ Паткуль, цѣлуя своего новаго знакомца.—Я готовъ полюбить васъ, какъ меньшаго своего брата. Съ перваго взгляда вы мнѣ по душѣ пришлись... Успѣхъ ждетъ васъ въ жизни, счастливецъ.

— Послѣ такихъ сердечныхъ признаній необходимъ брудершафтъ!—воскликнулъ капитанъ, наполняя виномъ три стакана.—Берите же стаканы, господа! Теперь руки со стаканами сплетаются, вотъ такъ такъ! Выпивайте стаканы залпомъ! Каждый другъ другу платкомъ вытираетъ губы, вотъ такъ! Цѣлуйтесь, господа! Теперь вы заключили между собою военное побратимство! Вы теперь друзья на жизнь и на смерть. Ваше братство крѣпченного кровнаго братства,—поздравляю!..

Допивъ послѣднюю бутылку, капитанъ обязательно напомнилъ своему молодому другу о необходимости возобновить запасъ полныхъ бутылокъ. Онъ пояснилъ:

— Хотя на похоронахъ твоего старичка, кромѣ насъ съ тобою, никого не будетъ, все-таки слѣдуетъ намъ, по русскому обычаю, справить поминки. Безъ вина же что за поминки? Не такъ ли, юноша?

— Такъ,—подтвердилъ Телепневъ, улыбаясь.

Друзьями разстались Паткуль съ Телепневымъ, повторившимъ свое обѣщаніе немедленно ѣхать въ Дрезденъ, гдѣ его ожидать будетъ Паткуль. Не даромъ говорится, что сердце сердцу вѣсть подаетъ. Телепневъ ожившимъ сердцемъ тянулся къ Паткулю, котораго изящная фигура и благородная физіономія такъ живо представлялись ему даже тогда, когда ихъ передъ нимъ уже не было. Глубокое впечатлѣніе на юношу произвелъ Паткуль и своею симпатичною личностью, и своими убѣжденіями...

———

XVII.

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
Изъ другой идетъ красна дѣвица.
По близехоньку сходилися,
По низехоньку поклонилися.
Да что взговоритъ добрый молодецъ:
—Ты здорова-ль живешь, красна дѣвица?
—Я здорова живу, милъ-сердечный другъ!
Каково-то жилъ ты безъ меня одинъ?
Давно мы съ тобою не видалися,—
Говоритъ дѣвка, улыбаючись,—
Что съ той поры, какъ разсталися.

(Русская пѣсня).

Телепневъ, чувствуя волненіе, не позволявшее ему спать, такъ и просидѣлъ у стола до самаго разсвѣта, не раздѣваясь и не гася лампы. Темнота страшила его теперь такъ же, какъ и сообщество холоднаго трупа. Едва онъ задремалъ, въ горницу ввалился капитанъ, замѣтно пьяный.

— Удралъ нашъ кавалеръ!—воскликнулъ онъ, бросая на столъ шляпу и шпагу.—Клянусь рогами дьявола, сыщикамъ шведскаго короля не догнать теперь его злѣйшаго врага! Паткуль способенъ вооружить противъ Швеціи всѣхъ ея сосѣдей, которыхъ она порядочно таки обобрала! Пора надѣть мундштукъ на деспота, разоряющаго своихъ подданныхъ и свой произволъ личный ставящаго выше государственнаго закона!.. Долой тирановъ съ ихъ тюрьмами и палачами!.. Гавріилъ Коптевъ сію минуту сбросилъ бы съ себя этотъ шведскій мундиръ, если бы имѣлъ вмѣсто него иную одежду. Но баста: я не слуга больше Карла одиннадцатаго, отказываюсь отъ его нищенской пенсіи и стану противъ него подъ саксонское знамя! Рѣшено, юноша: мы отправляемся въ Дрезденъ. Если ты потерялъ своего стараго слугу, то, взамѣнъ, пріобрѣлъ во мнѣ добраго друга. Мы съ тобою не разстанемся. За пользу, представляемую тебѣ моимъ опытомъ, моими свѣдѣніями и знаніемъ иностранныхъ языковъ, ты будешь плательщикомъ за меня въ пути и вездѣ, куда судьба насъ броситъ... Нынѣшній день, послѣдній нашъ день въ Стокгольмѣ, мы проведемъ возможно веселѣе, конечно, въ трактирѣ. Pereat Scandinavia!

— Прежде всего мы обязаны позаботиться о покойникѣ,—серьезно замѣтилъ Телепневъ.—Похоронить его...

— Да, да! Непремѣнно!—поспѣшилъ согласиться съ нимъ капитанъ, брезгливо косясь на трупъ, ожидающій своего честнаго погребенія.—Хотя, признаться, я не одобряю этой возни съ трупомъ, которую установила христіанская церковь... Философски смотря на жизнь, слѣдовало бы упростить и отношенія человѣка къ смерти... Зарыть трупъ—и вся недолга!

— Человѣкъ, въ особенности христіанинъ, не собака!—съ неудовольствіемъ возразилъ ему Телепневъ, котораго это безбожье

и издѣвательства надъ лучшими человѣческими чувствами и помыслами невольно отталкивали отъ безпутнаго капитана.—Я похороню покойника такъ, какъ онъ желалъ и какъ это возможно будетъ по здѣшнимъ условіямъ... Денегъ не пожалѣю...

— Я въ твоемъ распоряженіи, юноша!—замѣтилъ капитанъ.— Сейчасъ здѣсь будетъ гробъ и даже нашъ русскій попъ, хотя раскольничьяго толка, удалившійся изъ отечества отъ гоненія на раскольниковъ... Видишь, я не только пилъ, но и дѣло сдѣлалъ... Душа покойника возрадуется и возвеселится, ибо ея бренное тѣло предастся честному погребенію по православному обряду... А вотъ и гробъ, черный съ бѣлыми ангелами и крестами, приличный старику! И батюшка патлатый жалуетъ. Бородища по колѣни и рожа мрачная—молоко скиснетъ, какъ глянетъ!..

Не смотря на грубое глумленіе безшабашнаго капитана надъ всѣмъ, что чтилось Телепневымъ, какъ святое и непреложное, безпощадный циникъ оказался полезнымъ помощникомъ, безъ котораго Телепневъ не справился бы самъ съ хлопотами по похоронамъ дядьки. Глубокимъ вздохомъ онъ облегчилъ свою стѣсненную грудь, убѣдясь, что вѣрный слуга преданъ землѣ такъ, какъ желала его православная душа. Раскольничій попъ съ пѣніемъ „святый Боже!" проводилъ тѣло до могилы на кладбищѣ иновѣрцевъ. Капитанъ, тамъ же, на зарытой могилѣ, у воздвигнутаго на ней деревяннаго креста, роспилъ съ попомъ нѣсколько бутылокъ; подпившій батюшка громогласно пропѣлъ, въ заключеніе, вѣчную память покойнику и раскольничьимъ крестомъ благословилъ свѣжую могилу.

— Заботы покончены, мы свободны провести сегодня какъ можно веселѣе, юноша!—замѣтилъ капитанъ, увлекая подъ руку Телепнева съ кладбища.—Кстати, покажу тебѣ городъ, которому начало положили норманны, попросту говоря, морскіе разбойники. Теперь изъ морскихъ они стали сухопутными разбойниками, въ чемъ могла убѣдиться Европа со времени еще тридцатилѣтней войны, а мы, русскіе, со времени нашихъ Лже-дмитріевъ, самозванныхъ царей, когда явясь нашими союзниками, шведы съ Делагардіемъ грабительски захватили наши родовыя области... Вотъ противъ этихъ-то захватовъ военною рукою и вооружаются втайнѣ сосѣднія государства, и этому вооруженному союзу служитъ кавалеръ Паткуль и послужу я, грѣшный отставной капитанъ... Городъ здѣшній красиво расположенъ у озера и вниманія достойны здѣшнія древнія зданія... Тебѣ надо развлечься...

И точно, бѣдный Телепневъ нуждался въ развлеченіи, а потому охотно послѣдовалъ за своимъ землякомъ, все еще не рѣшаясь считать его своимъ другомъ, какъ этого тотъ не добивался.

Стокгольмъ могъ нравиться. Staden, старый городъ, окруженный стѣнами и башнями, напоминалъ собою средніе вѣка; возвышаясь на островѣ Святаго Духа, онъ соединялся двумя мостами съ городомъ съ его узкими улицами, съ королевскимъ дворцомъ, съ старой капеллой, съ старой ратушей, въ подвалѣ которой

винный погребъ подъ мрачными сводами. Конечно, безпутный капитанъ посѣтилъ его, чтобы бутылкою аликанте утолить свою жажду, казавшуюся Телепневу неутолимою. Почтенная старина Риддаркирха, церкви съ гробами королей, переносила Телепнева воображеніемъ въ сѣдую даль вѣковъ. Она на островѣ Риддархольменъ, т. е. рыцарскомъ. За мостомъ Вазы—древній Риддархгаузъ, передъ которымъ стоитъ бронзовая статуя короля Густава Вазы. Дивился русскій юноша высокимъ темнокраснымъ головнымъ уборамъ далекарлянокъ, дѣвушекъ изъ долинъ, въ передникахъ изъ десяти разноцвѣтныхъ полосокъ матеріи. А то встрѣчались здоровыя, краснощекія женщины въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, въ пестрыхъ передникахъ сверхъ красныхъ юбокъ. Капитанъ указалъ своему молодому другу протокъ Седерстромъ, соединяющій озеро Меларъ съ заливомъ. За протокомъ высятся голыя отвѣсныя скалы, гранитныя, какъ гранитна и набережная Шепсборнъ. Блестящій на солнцѣ гранитъ перемежается изумрудною зеленью лѣса. Зеленоватая вода озера омываетъ Стокгольмъ, возвышающійся своими замками, башнями, церквами. Изъ нихъ высочайшая св. Гертруды. Капитанъ объяснилъ спутнику, что озеро Меларъ въ длину на сто тридцать верстъ, что на немъ болѣе тысячи двухсотъ острововъ, а по берегамъ двѣсти замковъ. Но онъ вдругъ умолкъ на полусловѣ, устремивъ взоръ на кавалькаду, проѣзжавшую мимо нихъ. Изумленіе, смѣшанное съ испугомъ, живо отражалось на его лицѣ. Телепневъ увидѣлъ пожилую, но еще красивую даму въ сѣрой шляпѣ съ страусовымъ перомъ, въ длинной сѣрой амазонкѣ, ловко охватывающей станъ и закрывающей ноги. Отдавшись назанъ, съ гордо приподнятой головой, она граціозно держалась на боковомъ сѣдлѣ, съ поводьями мундштука въ лѣвой перчаткѣ съ раструбомъ, и съ длиннымъ хлыстомъ въ правой. Выѣзжанный въ манежѣ золотисто-рыжій конь, послушный поводу, гордо выступалъ подъ тяжеловатой амазонкой, звучно грызя удила, мѣрно отбивая подковами каждый шагъ. Густая грива и пушистый хвостъ волновались при всякомъ его движеніи. Казалось, кровный конь понималъ честь, выпавшую на его долю, нести на своемъ хребтѣ знатную и красивую даму. Ея лицо, освобожденное отъ вуаля, откинутаго назадъ, не блестѣло живыми красками первой молодости, и лишь легкій румянецъ, естественное послѣдствіе верховой ѣзды, окрашивалъ ея блѣдныя щеки; но самая эта блѣдность такъ шла къ благородному выраженію ея черныхъ глазъ, къ пріятному овалу лица, къ золотистому цвѣту ея пышныхъ волосъ, подобранныхъ подъ шляпу. Плотность ея таліи и толщина рукъ отъ плечей свидѣтельствовали о полномъ расцвѣтѣ ея женскихъ прелестей, за которымъ ея успѣху остается уже немного лѣтъ. Только свѣтская дама, избалованная любезнымъ вниманіемъ мужчинъ, на личномъ своемъ опытѣ узнавшая въ тонкости очарованія любви, увѣренная въ неотразимости впечатлѣнія, производимаго ею на мужчинъ, которымъ она хочетъ нравиться, могла глядѣть на сопровождавшаго ее верхомъ.

еще не стараго кавалера такъ, какъ глядѣла она,—это былъ взглядъ госпожи, благоволящей къ своему слугѣ, хотя тотъ, кто ее сопровождалъ, самъ глядѣлъ гордо и независимо. Его суровое лицо, съ мрачнымъ взглядомъ изъ-подъ надвинутыхъ бровей, нисколько не отвѣчало любезной улыбкѣ дамы, казалось, не обращавшей вниманія на мрачное настроеніе спутника и наслаждавшейся прекрасной погодой и прекрасной, открывавшейся ей картиной природы и видомъ столичнаго города. Она говорила, онъ внимательно и молча слушалъ. Гладко остриженный и выбритый, онъ и по своей внѣшности, и по своему характеру казался противоположностью дамѣ, которую сопровождалъ едва ли по своему желанію. Высокая, сухощавая фигура кавалера несомнѣнно свыклась съ сѣдломъ и управленіемъ лошадью. Его длинныя ноги въ высокихъ сапогахъ со шпорами крѣпко сжимали лошадиные бока и носками играли со стременами. Синій мундиръ королевскихъ драбантовъ и треугольная поярковая шляпа свидѣтельствовали о его военномъ званіи. Амазонка, замѣтивъ капитана и Телепнева, внимательно на нее глядящихъ, дала своему коню поводъ, взмахнула хлыстомъ и поскакала. Спутникъ ея не отставалъ. Скоро они изъ глазъ скрылись.

— Она!—прошепталъ чуть слышно капитанъ, въ сильномъ волненіи; его борода, носъ, волосы дрожали мелкою дрожью.— Она!..

— Кто такая „она“?—не утерпѣлъ, спросилъ Телепневъ.

— Женщина, меня любившая и, пожалуй, погубившая,—еще тише прошепталъ капитанъ.—Мать моей дочери...

— Она живетъ здѣсь, въ Стокгольмѣ?

— Да... впрочемъ, не знаю... въ первый разъ эта встрѣча...

— Кто-жъ это ее сопровождаетъ? Кавалеристъ?

— Не знаю... но по своему виду, увѣренъ, что онъ не мой замѣститель... Хотя она вдова, но, несомнѣнно, она съ нимъ обращается, какъ со своимъ слугою...

Кто-жъ она?

— Это тайна, принадлежащая ей, также какъ и мнѣ, юноша! Долгъ честнаго мужчины не дозволяетъ мнѣ назвать ея имя и фамилію... И на что они тебѣ?.. Не спрашивай о ней никогда... Не растравляй старую рану. Хотѣлъ ее забыть, ради нея пьяницей сталъ, въ стаканѣ думалъ найти забвеніе... И вотъ она подвернулась... Я чувствую, что жива еще во мнѣ прежняя страсть. Ахъ, юноша! Не вѣрь женщинѣ, бѣги ея чаръ, ея любви... Роковые дары... Timeo Danaos et dona ferentes,—сказалъ римскій поэтъ Виргилій устами Лаокоона, о грекахъ, послѣ того, какъ они принесли въ даръ троянцамъ деревяннаго коня, посредствомъ котораго взяли Иліонъ. По русски сказать такъ: я боюсь данайцевъ, сирѣчь грековъ, и дары приносящихъ... Шабашъ! Завтра же мы съ тобою, юноша, отправимся на Skeppsborn, пристань для большихъ кораблей... Датскій штурманъ перевезетъ насъ отсюда на материкъ: я на службу къ саксонскому курфюрсту, ты въ военную школу.

Затѣмъ, капитанъ, успѣвшій оправиться отъ неожиданной встрѣчи, его поразившей, объяснилъ Телепневу, что еще столѣтіе назадъ въ Италіи артиллеристы и инженеры составляли особые цехи, что тамъ возникли „школы полководцевъ“ изъ которыхъ славилась школа Alberico Barbiano, что въ Германіи и Даніи учредились „рыцарскія академіи“, гдѣ преподаютъ начала математики, черченіе, фортификацію, артиллерію; гдѣ дворянинъ-юноша принимается рядовымъ и офицерства заслуживаетъ на полѣ сраженія.

— Только послѣ тридцатилѣтней войны наше дѣло военное пріупало,—сказалъ капитанъ.—Продолжительный миръ не любъ богу Марсу и его поклонникамъ. Какъ дворянину рядовому получить офицерскій чинъ въ мирное время? Вотъ почему великій курфюрстъ бранденбургскій, тридцать лѣтъ тому назадъ, учредилъ въ Пруссіи кадетскую школу, куда кадетами поступаютъ отроки. Школа эта вышла недурная: ея воспитанники, офицеры, задали намъ, шведамъ, добрую трепку при Фербеллинѣ...

— Ѣхать завтра — такъ ѣхать! — согласился Телепневъ.

Когда, вечеромъ, онъ взялся укладываться въ путь, все напоминало ему дорогого покойника, зарытаго въ чужой землѣ наемными руками. Развѣ почтенный старикъ допускалъ своего боярчука укладываться? Развѣ онъ не берегъ, пуще своего ока, господское дитя?

И молчаливыя, горькія слезы застилали молодые глаза Андрюши, чувствовавшаго свое одиночество. Правда, судьба послала ему земляка, въ которомъ безпутство еще не вовсе вытравило добрыя человѣческія начала. Если капитанъ полезенъ Андрюшѣ, то и Андрюша можетъ своимъ вліяніемъ на него его остепенить, можетъ помочь ему подняться изъ нравственной грязи; скорѣе бы Андрюшѣ въ военную школу! Какъ ему хочется подражать благородному Паткулю въ обращеніи, въ мнѣніяхъ, во всемъ, во всемъ...

Конечно, капитанъ закончилъ этотъ непріятный ему день доброй выпивкой на счетъ своего щедраго друга, которому онъ мѣшалъ выспаться. Справедливо сказано: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ. Капитанъ не переставалъ упрекать женщину, коварство которой сгубило будто бы его жизнь. Онъ говорилъ заплетающимся языкомъ:

— Ты ее видѣлъ, юноша... красавица, хотя она старше меня... Такія вотъ не старѣютъ... Что за гордый видъ! Графиня!..

— Она васъ узнала? — задался вопросомъ Телепневъ. — Конечно, узнала!

— Нѣтъ!—горячо возразилъ капитанъ.—Въ моемъ настоящемъ жалкомъ видѣ спившагося служаки невозможно признать красиваго молодчика, патера, котораго вдохновенная проповѣдь привлекала къ его каѳедрѣ толпы, а къ нему лично—взоры и сердца женщинъ... Не принимай мои слова за самохвальство. Моя любовная связь съ красивѣйшей аристократкой подтверждаетъ истину моихъ словъ... Клянусь сатаной, я самъ часто не вѣрю этому

страшному превращенію моему изъ человѣка въ животное. Идеалистъ, мечтающій о миссіонерствѣ in partibus infidelium,—сталъ пропойцей, ни во что не вѣрующимъ... Да будетъ проклята минута, связавшая меня съ этой бездушной распутницей. Но...—Онъ призадумался.—Мнѣ жаль моей дочери... Дочь, не знающая своего отца!.. Несчастная невинная дѣвочка!..

— Вы видѣли свою дочь, Гаврила Сергѣевичъ? — спросилъ Телепневъ.

— Одинъ только разъ, мелькомъ, случайно... Красоточка, въ мать.

— Развѣ вамъ нельзя посѣщать графиню и ея дочь?

— Запретила... запретила подъ угрозою запереть меня въ казематъ... И она способна исполнить свою угрозу, я знаю ея характеръ... Вліяніе же ея при дворѣ всесильно... Завтра—прощай, Скандинавія, прощай, прошлое, и не вспоминайся!.. Перемѣна мѣста, обновленіе духа, подъемъ человѣческаго достоинства, вотъ въ чемъ нуждаюсь я, юноша! И ты помоги мнѣ возстать изъ мертвыхъ, ибо мертва душа у человѣка, живущаго только плотью...

Телепневъ, сочувствовавшій этому благородному порыву падшаго пріятеля, обнялъ его, прошептавъ:

— Хорошо, хорошо! Помоги вамъ Богъ! На меня глядите, какъ на родного брата.

— Другъ! братъ! Андрей... Бальзамомъ врачующимъ слова твои проникаютъ въ мое больное сердце!—прошепталъ капитанъ и, закрывъ лицо руками, зарыдалъ.—Сирота, не знающій своихъ родителей, русскій, воспитанный иноземцемъ, православный, ставшій католикомъ, а потомъ безбожникомъ, капитанъ шведскій въ отставкѣ,—кто же я? Прочь сомнѣнія и колебанія! Встрѣча съ тобою, православнымъ русскимъ человѣкомъ, разбудила мое спавшее русское чувство: душа и сознаніе влекутъ меня на родину! Возвращусь туда съ тобою вмѣстѣ. Тебя, какъ меньшаго милаго брата, стану охранять отъ всякаго зла и вреда, пока не окончишь ты своего образованія. Потщусь возстановить свою эрудицію, дабы мочь содѣйствовать развитію твоего ума и обогащенію твоихъ знаній. Я, вѣдь, баккалавръ философскихъ наукъ... Увидишь, что Гавріилъ Коптевъ способенъ не только поглощать спиртные напитки, но и на кое-что доброе и полезное. Не умѣю ничего дѣлать вполовину. Всего себя отдаю тебѣ, братъ мой меньшой! Повторяю: судьба отняла у тебя вѣрнаго слугу для того, чтобы замѣнить его твоимъ старшимъ братомъ. И смѣю думать, ты много выиграешь отъ такой замѣны, какъ ни жаль тебѣ покойника!..

XVIII.

Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зелену траву пощипываютъ,
Золотой уздечкой побрякиваютъ;
А въ шатрѣ полотняномъ витязи опочивъ держатъ.
Было такъ, на всходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ Добрыня за Сафатъ-рѣкой
Бѣлъ полотнянъ шатеръ;
Въ томъ ли шатрѣ залегъ татарченокъ,
Злой татаринъ, басурманчонокъ.
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня,
Клалъ на него онъ потнички,
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельце черкасское,
Бралъ копейцо урзамецкое,
Бралъ чингалище булатное,
И садился на добра коня;
Подъ добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечетъ по мѣрной верстѣ,
Высоко мечетъ по сѣнной копнѣ.

(*Русская былина: Богатырь Добрыня*).

Года шли своею чередою. Старики помаленьку прибирались съ бѣлаго свѣта, молодые старились, нарождались новыя поколѣнія. Осенью 1686 года на Москвѣ сказанъ ратнымъ „походъ на Крымъ, дабы избавиться русской землѣ отъ обидъ и униженія: полона, разора и дани хану крымскому“.

Мысль Голицына повоевать Крымъ являлась мыслью вполнѣ государственною и, въ связи съ политическими событіями въ Европѣ и въ Россіи, свидѣтельствуетъ о высокомъ умѣ этого образованнаго государственнаго человѣка своего времени. 21 апрѣля на Москвѣ заключенъ съ Польшею вѣчный миръ, по которому Польша навсегда уступила Россіи Кіевъ, а великіе государи Иванъ и Петръ Алексѣевичи обязались разорвать миръ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ и съ весны слѣдующаго года послать на Крымъ все свое войско. Королевскіе послы, воевода познанскій Гримультовскій и литовскій канцлеръ князь Огинскій цѣлыхъ семь недѣль оспаривали условія мира, предложенныя Голицынымъ съ товарищами, прежде чѣмъ согласились подписать договоръ. Король же Янъ Собѣскій даже плакалъ, присягая договору. Поэтому, походъ крымскій являлся обязательнымъ и съ политической стороны, и въ видахъ обезопасенія южныхъ нашихъ окраинъ.

Мужественный бояринъ Юрій Борисовичъ ликовалъ, убѣждаясь, что сбирается на исконнаго нашего врага стотысячная

армія. Жалѣлъ только, что преклонный возрастъ препятствуетъ ему лично стать во главѣ эртоула. Хотя бы сынъ подъѣхалъ во-время, его бы отправилъ старикъ вмѣсто себя. Писалъ сынъ, что вотъ-вотъ выѣзжаетъ на родину, а все его нѣтъ. И то старуха-мать по немъ глаза свои выплакала, не дождется, сердечная, сыночка. Шутка ли: пять лѣтъ скоро, какъ онъ изъ дома выѣхалъ. Бояринъ говорилъ:

— Матушка Москва издавна степи украинныя полюбила и на нихъ зарится. Еще великій князь Василій, прозваньемъ „Темный“, въ куплю купилъ великія земли въ верхахъ Дона-рѣки. Его сынъ Иванъ свою грань по Ефремовъ, а тамъ по Воронежъ прихватилъ. А въ татарскихъ записяхъ сказано: „Тѣ лѣта пришли, что русскаго царя Ивана рука надъ басурманы высока Ужъ-де и мнѣ, хану, отъ него обида великая,—поле-де все, да и рѣки у меня поотымалъ. Да и Донъ отняли, да и Азовъ городъ пустъ доспѣлъ. Поотымалъ всю волю въ Азовѣ. Казаки его съ Азова оброкъ емлютъ, и воды изъ Дону пити не дадутъ“.

Честная боярыня Апраксѣя Левонтьевна совсѣмъ извелась, живя все это, безконечно томительное для себя время только ожиданіемъ: вернется ли подъ родной кровъ къ своимъ одинокимъ старикамъ, дорогой ея сердцу юноша, выброшенный злою судьбою вдаль, на всевозможную случайность и опасность? Назоветъ ли онъ когда-нибудь своею супругою милую дѣвушку, которая, судя по ея рѣдкимъ письмамъ, все еще отказываетъ женихамъ, конечно потому, что ея сердце отдано Андрюшѣ? Ужели Матерь Божія, призывавшаяся грустною боярынею въ тягостныя минуты на помощь, не смилостивится надъ ея дочерью названной, которую ей такъ хотѣлось бы назвать невѣстушкой-лапушкой. Какъ часто, за своими материнскими слезами, боярыня видѣла свою дѣйствительность въ самомъ мрачномъ свѣтѣ..

Промежутки между весьма рѣдкими письмами отъ сына любящая мать старалась сокращать гаданіемъ о немъ по „Соломону“ съ помощью конопляннаго зерна, да безконечными о немъ бесѣдами съ неизмѣнной ключницей Азарьевной. Каждая изъ нихъ вспоминала былое, касавшееся Андрюши или дядьки Варлама Сидорова, котораго смерть на далекой чужбинѣ, за моремъ, добросовѣстно оплакивалась его осиротѣвшею подругою.

— На моей службѣ боярской животъ свой положилъ Варламъ Сидоровъ, не забуду его родню,—высказался бояринъ, когда на его усадьбѣ узнали изъ Андрюшинаго письма о смерти дядьки. И для всей дворни эта смерть православнаго старика въ бесерменахъ представлялась событіемъ, опаснымъ для души покойника, а также великимъ подвигомъ самоотверженія. Такимъ оно, пожалуй, на самомъ дѣлѣ было, такимъ понимали его господа, сожалѣвшіе искренно вѣрнаго слугу. Бояринъ заказалъ по душѣ покойника сорокоустъ, одарилъ его дальнихъ родственниковъ, парчевую ризу справилъ въ свою приходскую церковь, подалъ щедрую милостыню нищей братьѣ, боярыня послѣ заупокойной обѣдни и панихиды угостила чуть не весь приходъ поминаль-

нымъ обѣдомъ. Но безпокойство боярыни о сынѣ, оставшемся вдали, безъ руководства опытнаго дядьки, конечно, увеличилось еще. Слава Богу! Наконецъ, пришло письмо, обрадовавшее всѣхъ на боярской усадьбѣ, но мать больше всѣхъ, конечно: Андрюша окончилъ успѣшно свое образованье въ Берлинской военной школѣ, удостоился получить поручичій чинъ въ саксонской арміи, въ рядахъ которой участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, командуя батареею. Обѣщалъ въ скорости домой вернуться для поступленія въ русскую артиллерію.

Письмо это и радовало скорбную мать, и пугало ее намѣреніемъ сына служить въ русской артиллеріи. Вотъ война съ татарами и турками затѣвается; его голубчика, ранятъ или убьютъ, завяжетъ онъ тогда матери глаза, не видать ей тогда свѣта бѣлаго! Не того хотѣлось бы матери: взяла бы она его, ненагляднаго, сыночка домой, женила бы на Марусѣ да на хозяйство поставила бы. Вотчины ихнія боярскія большія, а управлять некому. Отецъ старъ. Пора бы сыночку смѣнить старика. Такъ нѣтъ: подъ вражьи сабли и пули влечетъ молодца... И не укрыть ей сыночка подъ своимъ теплымъ материнскимъ крылышкомъ. Выпорхнулъ изъ родного гнѣздышка птенчикъ, ищи его, гдѣ знаешь...

Между тѣмъ какъ въ боярскомъ домѣ ждутъ не дождутся дорогого гостя, мать всѣ слезки пролила, всѣ глазушки высмотрѣла, а ключница Азарьевна успѣла нѣсколько разъ „выкликнуть" своего боярчука въ трубу, согласно стариннаго завѣта, — молодой поручикъ саксонской артиллеріи въѣзжалъ въ Москву на перекладной телѣжкѣ, слѣдуя отъ самой границы нашей ямами, то есть станціями вновь устроенной почты. Ѣхалъ онъ одинъ, съ небольшимъ багажомъ. Капитанъ Коптевъ, все время служившій въ саксонскихъ кирасирахъ, часто съ нимъ видѣлся и вполнѣ замѣнялъ ему старшаго брата и наставника. Благодаря дѣльнымъ совѣтамъ и дѣятельному участью капитана въ его умственномъ развитіи, Телепневъ могъ теперь назваться не только отличнымъ артиллерійскимъ офицеромъ, но и образованнымъ человѣкомъ. Серьезныя знанія, вынесенныя капитаномъ изъ классической школы іезуитскаго коллегіума онъ съ отличавшею его энергіей, добросовѣстно и умѣло передалъ своему молодому другу, восхищавшему его своими способностями и любознательностью. Школа военная дала Телепневу свою спеціальность; отъ капитана онъ получилъ общее „гуманное" развитіе; чтеніе книгъ, указанныхъ Менторомъ и имъ же объясняемыхъ, расширило умственный горизонтъ русскаго Телемака, познакомило его съ мыслями и убѣжденіями геніальныхъ умовъ и друзей человѣчества, съ произведеніями міровыхъ поэтовъ и философовъ. Но пріобрѣтенное знаніе и знакомство съ идеями свободныхъ мыслителей не ослабило религіознаго чувства молодого офицера, не поколебало его нравственныхъ началъ, не превратило русскаго человѣка въ космополита. Онъ возвращался тѣмъ же добрымъ, простодушнымъ юношей, вѣрующимъ, православ-

нымъ любящимъ сыномъ, какимъ выѣхалъ изъ дома. Его не коснулась язва бездоказательнаго сомнѣнія во всемъ и въ самомъ себѣ, погубившая Коптева. Съ нимъ Телепневъ жилъ и разстался по братски. Подъ вліяніемъ „меньшого" брата, „старшій" измѣнился къ лучшему: гораздо меньше пилъ, не дозволялъ себѣ прежнихъ циническихъ выходокъ, обращалъ вниманіе на свою внѣшность. Бѣлый мундиръ саксонскихъ кирасиръ и достоинство эскадроннаго командира не дозволяли ему опускаться; тутъ же замѣшалось и его благородное желаніе поддержаться, приподняться хотя бы немного... Но хотѣлъ бы онъ многаго, многаго... Капитанъ колебался въ рѣшеніи своемъ ѣхать въ Россію съ Телепневымъ. Совсѣмъ было собрался, но остался; его тянуло на сѣверъ, въ Стокгольмъ.

— Хочу выкрасть свою дочь,—пояснилъ онъ другу, удивившемуся его желанію ѣхать въ Стокгольмъ.—Графиня иначе ее мнѣ не отдастъ, выкраду. Друзья разстались глубоко благодарные другъ другу, увѣренные, что встрѣтятся въ Россіи. Конечно, капитанъ, съ горя, знатно выпилъ на прощанье, даже прослезился.

Москва, гдѣ родился и выросъ Андрюша, гдѣ впервые забилось его сердце сладкимъ чувствомъ любви, увы, не нашедшимъ взаимности, гдѣ ожидали его горячія материнскія объятія и сдержанная отцовская ласка, вызывала въ немъ мысли и впечатлѣнія, связанныя съ государственными новшествами, впереди которыхъ шелъ юный государь Петръ Алексѣевичъ, хотя его кипучая натура, поневолѣ, свою дѣятельность ограничивала пригородными дворцовыми селами: Преображенскимъ, Семеновскимъ, Измайловымъ. Сколько перемѣнъ въ его отсутствіе: вонъ тамъ, на рѣчкѣ Яузѣ, Нѣмецкая слобода, для которой не только на свой коштъ, но и собственными руками Петръ Алексѣевичъ заложилъ каменную церковь во имя св. апостоловъ — Петра и Павла; тамъ же, возлѣ своего дворца, слывшаго подъ названіемъ Головинскаго, онъ выстроилъ дворецъ своему любимцу Францу Лефорту; дальше солдатская слободка Лефортова солдатскаго полка съ пятиглавою церковью; усадьба государева друга Ѳедора Алексѣевича Головина; лѣвѣе слободы Преображенское и Семеновское, изъ потѣшныхъ ротъ которыхъ образовались уже полки; подальше село Измайлово, колыбель русскаго флота... Вотъ и родная усадьба! Старыя собаки выбѣжали со двора съ громкимъ лаемъ; но, узнавъ своего молодого хозяина, машутъ хвостами, визжатъ съ радости, порываются къ нему на телѣжку; вонъ люди на дворѣ внимательно слѣдятъ за офицеромъ, въѣзжающимъ во дворъ, узнаютъ его, суетятся, бѣгутъ и къ воротамъ, и въ господскій домъ... Вонъ сама мать, внѣ себя отъ волненія, простоволосая, какъ сидѣла, выбѣжала на крыльцо... Возлѣ нея Азарьевна съ фамильной иконой на рукахъ... Отецъ вышелъ...

— Андрюша! Ты ли это? Андрюша!—восклицаетъ счастливая

мать, падая на широкую грудь молодцоватаго, въ щегольскомъ мундирѣ офицера, крѣпко сжавшаго ее въ своихъ сильныхъ объятіяхъ съ отвѣтнымъ восклицаніемъ: „Мамочка! родная моя!“

Но она не слыхала этихъ милыхъ ей словъ, этого дорогого ей голоса, онъ держалъ безчувственную старушку, тихо опускавшуюся на крыльцо. Нѣсколько рукъ ее подхватили и понесли въ хоромы. Материнское сердце не выдержало такого порыва радости...

— Офицеръ! Молодецъ ты, Андрей Юрьичъ! Молодецъ! Въ отцовъ родъ пошелъ! — одобрительно и самодовольно замѣтилъ бояринъ, старымъ глазомъ знатока оглядѣвъ сына прежде, чѣмъ къ нему подошелъ.—Красныя дѣвки такого парня не забракуютъ, должно! Ну, здравствуй, братецъ, здравствуй! Радешеньки мы тебя видѣть! Пора и домой пріѣхать. Хорошо еще, что своихъ стариковъ на ногахъ засталъ, не на кладбищѣ. Матушка-то твоя, аль ни, обмерла съ радости!

— Здравствуйте, батюшка!—сынъ обнялъ отца. Они поцѣловались, опять, улыбаясь, оглядѣли другъ друга и опять поцѣловались. На старыхъ глазахъ боярина заблестѣли слезы.

— Гляди, Андрей Юрьичъ, вся дворня на тебя взглянуть сбѣжалась! —замѣтилъ бояринъ, обращая на окружившую крыльцо толпу вниманіе сына, для того, чтобы отереть свои влажные глаза.—Даже дѣтвора высыпала.

— Съ пріѣздомъ, Андрей Юрьичъ!—заговорили дворовые и закланялись.—Насилушку дождались твоей милости!

— Здравствуйте!—привѣтствовалъ ихъ Андрюша, съ шляпою въ рукѣ.—Здравствуйте, старъ и малъ! Радъ всѣхъ васъ видѣть живыми и благополучными! Теперь поживемъ вмѣстѣ!

— Дай то Богъ, Андрей Юрьичъ! Дай то Богъ! Мы тебѣ рады.

— На радостяхъ того... выпить бы?—послышался голосъ.

— За здравье боярчука и родителей!..—добавилъ другой голосъ.

— По закону слѣдуетъ! — пояснилъ третій голосъ. — По закону!

— Стало, чужимъ кануномъ своихъ родителей поминать? — смѣясь, замѣтилъ бояринъ. — Инъ, быть по вашему, Азарьевна распорядится угостить васъ, моихъ боярскихъ челядниковъ! Только чтобъ безъ драки и сквернословья!..

Не наглядится, не нарадуется счастливая мать на своего сыночка милаго, прочь отъ него не отходитъ, за руки его держитъ, словно боится—не ушелъ бы. И отецъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ глядитъ, какъ бы поглощенъ любопытствомъ, съ какимъ слушаетъ разсказы Андрея о его приключеніяхъ заграничныхъ, о чужихъ народахъ и земляхъ. Отецъ спрашиваетъ, удивляется или порицаетъ иноземный обычай, мать, же словно лишилась дара слова, молчитъ, только ахаетъ кой когда, или вздыхаетъ, или слезы утираетъ. Она думаетъ: „Есть ли на свѣтѣ другой аткой-то молодчикъ, какъ ея Андрюша? Всѣмъ взялъ, что кра-

сотой, что умомъ, что образованьемъ. Теперь пришелъ въ свой возрастъ мужской — пора его женить. Еслибъ на Марусѣ? Вѣдь любитъ она его. А онъ?.. Не полюбилъ ли тамъ какую нѣмку-алуторку?.. Сколько лѣтъ на чужбинѣ маялся... Но на этотъ безпокоившій ее вопросъ могла ли она отвѣчать? Правда, Андрей нѣсколько разъ заговаривалъ о Марусѣ, разспрашивалъ о подробностяхъ встрѣчи ея съ родною матерью, узнавалъ, гдѣ она живетъ, какъ до нея добраться?.. Правда, Андрей словно оживалъ, заговаривая о Марусѣ или выслушивая разсказъ о ней. Сердце подсказало матери, что то, чего она желала, то, въ чемъ сынъ ей не признался,—возможно теперь: Андрей не забылъ Марусю, хочетъ непремѣнно ее видѣть — стало быть, и онъ ее любитъ... И мать восхищалась будущностью, мечтая о милой невѣстѣ хохлушкѣ, о внучатахъ, которыхъ будетъ няньчить въ почтенномъ званіи бабушки.

Далеко за полночь пробесѣдовали счастливые старики съ возвратившимся сыномъ, не замѣтивъ теченія времени. Вся поглощенная своимъ счастьемъ, боярыня нынче измѣнила даже своей хозяйской добродѣтели, не заботилась накормить и напоить усталаго путника, дорогого гостя. Заботу эту взяла на себя ключница Азарьевна, ходившая весь день съ заплаканными глазами и краснымъ носомъ, вслѣдствіе печальныхъ воспоминаній, вызванныхъ полученіемъ наслѣдства, оставленнаго ей покойнымъ дворецкимъ. Когда, по ея просьбѣ, Андрей разсказалъ ей о болѣзни и о послѣднихъ минутахъ Варлама Сидорова, она разрыдалась. Только убѣдясь, что ея милъ-сердешнаго друга похоронилъ православный попъ, хотя и раскольничій, хотя и въ бусурманской землѣ, она нѣсколько успокоилась.

Но семейное счастье, которымъ наслаждался теперь Андрей, не мѣшало ему интересоваться общественными и государственными событіями, какъ прошедшими, такъ и настоящими. Съ ними обстоятельно познакомилъ его отецъ, и изъ нихъ выдѣлялся своимъ важнымъ значеніемъ для государства походъ воинскій на Крымъ. Война съ невѣрными магометами восхищала молодого офицера, рѣшившагося въ ней участвовать. Кромѣ желанія воинской славы, кромѣ благороднаго соревнованія послужить своими воинскими свѣдѣніями своему государю и народу, Андрея влекла на югъ мечта свидѣться съ Марусей: Изюмъ, вѣдь, по пути войска на Крымъ. Ничего опредѣленнаго въ отношеніи своей сестрицы названной не имѣлъ онъ; но видѣть ее ему ужасно хотѣлось. Онъ даже сомнѣвался въ томъ, дома ли она теперь? Не вышла ли замужъ? Мысль, что она замужемъ, стала его тревожить и, иногда, была ему несносна. Почему? Онъ этого объяснить себѣ не могъ. Но воображаемый имъ мужъ Маруси становился ему противнымъ, кто бы онъ ни былъ. Капризы молодого сердца часто необъяснимы.

Еще въѣзжая въ Москву, Андрей убѣдился, что она наполнена служилыми людьми, собранными со всей земли. Улицы запружены обозами съ провіантомъ и военными снарядами;

дворы кишатъ воинами и лошадьми; на площадяхъ солдатскія ученья строевыя; вездѣ блеститъ на весеннемъ солнцѣ оружіе, гремятъ своими цѣпями тяжелыя пушки, влекомыя иногда двѣнадцатью лошадьми, грохочетъ барабанная дробь или рѣзко звучитъ мѣдная кавалерійская труба. Понятно было, что не сегодня—завтра походъ: все готово.

— Полки потѣшные пойдутъ ли въ Крымъ? — спросилъ Андрей.

— Никогда! — отвѣтилъ бояринъ.—Государь Петръ Алексѣевичъ съ ними не разстанется. Да и нельзя ему безъ своего войска, въ опасности въ Преображенскомъ живетъ.

— Въ опасности?—удивился Андрей.—Откуда же опасность?

— Изъ кремлевскаго дворца, „съ верха".

Бояринъ усмѣхнулся въ свою великолѣпную бобровую бороду, посеребренную съ боковъ годами, лежавшую на груди, чуть не по поясъ.

— Правительница царевна Софія Алексѣевна со вдовою-царицею Натальею Кирилловною и со всѣмъ ея родомъ враждуетъ. Сія неугасимая семейная вражда тяжко на народѣ и на дѣлахъ государственныхъ отзывается... Примиритъ ихъ развѣ только смерть. Мню: недолго властвовать царевнѣ, преображенскій орленокъ вотъ - вотъ орломъ взлетитъ на крѣпкихъ крыльяхъ орлиныхъ! Отростаютъ! Задеретъ онъ ее, голубку бѣлую! Москва замѣтно за него потянетъ, особливо солдатскіе полки и драгунскіе, и Кукуй — слобода нѣмецкая... И земля за него станетъ-ибо не въ законѣ правительствуетъ сестра при братьяхъ государяхъ... То Вася Голицынъ, отъ своего большого ума, подстроилъ. Да у меньшого государя дядька тоже не дуракъ — Борисъ Голицынъ: въ обиду своихъ не дастъ. Кстати, братецъ Андрей Юрьичъ, Борисъ Алекскѣевичъ о тебѣ многажды спрашивалъ: гдѣ ты, какъ и что, скоро ли вернешься. И государь Петръ однова меня о тебѣ спрашивалъ. Любятъ? должно, они тебя.

— Завтра къ государямъ явлюсь и князь Борису откланяюсь, — замѣтилъ Андрей, съ удовольствіемъ думая о своихъ преображенскихъ покровителяхъ.—И у матушки-царицы ручку поцѣлую. Попрошусь на службу, въ артиллерію... Полезнымъ быть могу...

— Ну, для того, чтобы служить, тебѣ побывать надо у князя Василья Васильевича, — замѣтилъ бояринъ. — Въ немъ вся сила.

— Побываю и у князя Василья Васильевича, — согласился Андрей.

— Князя Василія, яко просвѣщеннаго вельможу, и за гранью почитаютъ.

— Какъ? — воскликнула мать, все время молча слушавшая бесѣду отца съ сыномъ, которымъ не переставала любоваться.— Опять изъ дома ты, Андрюша? Нѣтъ, нѣтъ! Ты не бросишь меня, свою старую мать, горевать безъ тебя! Довольно съ меня

пережитаго горя! Не пущу тебя изъ дома! Только возвратился— и опять съ моихъ глазъ долой! Тебѣ, вижу, ратная утѣха, да молодецкая удаль милѣе родной матери! Должно быть, сыновнее сердце не материнское!

— Любящая старушка разрыдалась. Растроганный ея отчаяніемъ сынъ, съ видомъ смущеннаго виновника, нѣжно ее обнялъ, цѣловалъ, просилъ успокоиться.

— Апраксѣя Левонтьевна, что это вздумала убиваться ты, матушка?—обратился къ ней бояринъ, съ спокойною убѣдительностью разумнаго человѣка, относящагося къ слабому уму и къ слабой волѣ низшаго себя существа. — Плачутъ по мертвому, не по живому, да еще по такому молодчику, какъ нашъ Андрей.

— Убьютъ его, Юрій Борисовичъ! Не вернется Андрюша со степей татарскихъ! Не вернется! — шептала боярыня, душимая рыданіями.—Убьютъ! Не вернется Андрюша!..

— Ужъ и убили! Ужъ и не вернется!—спокойно посмѣиваясь въ бороду, возразилъ бояринъ. — Онъ возлѣ тебя сидитъ пока. Мудреныя вы бабье. Если бы—чего Боже сохрани!—и убили его, всѣ мы смертны и подъ Богомъ ходимъ, матушка. Твоихъ вотъ двухъ братьевъ на рати убили, — уберегли вы ихъ,—маменька съ сестрицами? Не плачь же, Апраксѣюшка, не грѣши, напрасно не убивайся! Дѣло Андреево молодое, мужское, и тебѣ, старой бабѣ, его мужской природы не понять. За материнскою спиною, на бабьихъ рукахъ ему не свѣковать. Что въ людяхъ ведется, то и насъ не минется. И то еще старики говаривали: умѣлъ дитя родить, умѣй и научить. Вотъ отцовскому ученію моему время приспѣло. Вотъ и говорю я: сынъ, время тебѣ царю-батюшкѣ и святой Руси-матушкѣ послужить честно и по мѣрѣ силъ твоихъ, какъ твои предки имъ служили. Возвратись домой со славою, здравъ и невредимъ. Тогда, баба, сватай ему невѣсту, женимъ его. Молодые хозяева насъ, старыхъ, смѣнятъ. А плакать тебѣ, матушка, нечего. Мнѣ-то Андрей тоже вѣдь не чужой. Не одной тебѣ онъ милъ и дорогъ...

— А если его убьютъ, Юрій Борисовичъ? — заговорила боярыня, поколебленная разумной рѣчью супруга и согласившаяся, какъ всегда, подчиниться его твердой волѣ, какъ это сегодня ни тяжело ей было. Не спуская своихъ заплаканныхъ глазъ съ милаго ей лица молодого офицера, низко остриженнаго и съ маленькими хорошенькими русыми усиками, какъ бы желая запечатлѣть въ своемъ любящемъ сердцѣ эти красивыя мужскія черты лица, это хорошее, благородное его выраженіе, скорбная мать тяжело, глубоко вздохнула.

— Не плачь, не бойся, родная, я скоро къ тебѣ вернусь! — утѣшалъ ее Андрей, нѣжно къ ней ласкаясь. Онъ головою припалъ на материнское плечо и горячо цѣловалъ ея мягкія руки. — Твои материнскія молитвы сохранятъ меня. Пойми, мамочка, что я тамъ съ Марусей увижусь... Мнѣ ее такъ хочется видѣть...

— Хочется, Андрюша? Мнѣ самой хотѣлось бы ее видѣть.

Это признаніе сына, смущеніе, его сопровождавшее, убѣждали боярыню въ томъ, о чемъ она мечтала: Андрей любилъ Марусю, самъ того не сознавая. Это признаніе сына нѣсколько примирило мать съ его рѣшимостью идти съ войскомъ.

XIX.

Бережечекъ зыблется,
Да песочекъ сыплется,
Ледочекъ ломится,
Добры-кони тонутъ.
Молодцы томятся:
— Ино Боже, Боже,
Сотворилъ Ты, Боже,
Весновую службу.
Не давай Ты, Боже,
Зимовыя службы;
Зимовая служба
Молодцамъ кручинна,
Да сердцу надсадна.

(*Былина: Весновая служба*).

Широко, во всѣ стороны раскинулась изюмская степь. Оживленная веселымъ свѣтомъ только что поднявшагося солнца, она стлалась зеленымъ травянистымъ ковромъ, вдали сливавшимся съ лазурной пеленой чистаго неба. Мѣстами вставали курганы, эти степныя могилы давняго загадочнаго кочевого народа. Ночная, бодрящая свѣжесть еще чувствсвалась въ воздухѣ, начинавшемъ уже согрѣваться. Веселые птичьи голоса слышались въ травѣ и въ воздухѣ. Только эти мелодическіе звуки нарушали глубокое, какъ бы торжественное молчаніе безпредѣльной степи. Высокій ковыль, перемежаемый веселыми яркими цвѣтами, широколистымъ конскимъ щавелемъ и сочнымъ пыреемъ, сѣдоватыми волнами ложился по вѣтру, блестя своими метелками. По этому травянистому морю извивалась сакма, слѣдъ лошадиныхъ копытъ, колесъ и пѣшихъ людей, степная дорожка, проложенная по „шпилямъ", т. е. по возвышенностямъ, и обходящая верхи и яры. Сакмою слѣдовала „станица", по сторожевому положенію состоявшая изъ боярскаго сына, атамана казачьяго и шести ѣздоковъ. Боярскій сынъ Дудкинъ, недавно еще испомѣщенный въ Изюмскомъ краѣ, потому человѣкъ неопытный въ степной службѣ, хотя считался начальникомъ станицы, но нуждался въ совѣтѣ и опытѣ казачьяго атамана, знакомаго со степною службою. Атаманомъ оказался нашъ старый знакомый Татарчукъ, скверноро́жій и плохо одѣтый по прежнему. Каждый конный станичникъ велъ еще на чумбурѣ запасную лошадь. Всѣ вооружены саблями, съ заряженными винтовками за плечами. Станица шла отъ Барвинкиной стѣнки запорож-

скаго зимника, славившагося своею горѣлкою и вольными нравами своихъ жителей. Поэтому понятна была строгость боярскаго сына, съ какою тотъ поглядывалъ на подвыпившихъ ѣздоковъ, съ рожами, алѣвшими съ хмеля, покачивавшихся на сѣдлахъ или схватывавшихся между собою браниться. Татарчукъ, ѣхавшій впереди, тянулъ себѣ подъ носъ пѣсенку, начинавшуюся такъ:

Барвинкина стинка,
Дешева горилка,
Веселая жизнь!

Рядомъ съ боярскимъ сыномъ слѣдовалъ, верхомъ же, молодой офицеръ, въ артиллерійской формѣ; за его сѣдломъ приторочены два круглыхъ кожанныхъ чемоданчика. Этотъ офицеръ только что отдѣлился отъ эртоула большого полка, стоявшаго на берегахъ рѣки Мерло. Главнокомандующій русскими военными силами, шедшими на Крымъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, отпустилъ его до мая мѣсяца, когда войско двинется дальше на югъ. Читатель, вѣроятно, догадался, что офицеръ этотъ Андрей Телепневъ, направлявшійся въ Изюмъ съ сердечною потребностью свидѣться съ своею сестрицею названною: что съ съ нею? какъ она тамъ?

Онъ всею молодою грудью вдыхалъ теплый, низовый вѣтеръ, на своихъ легкихъ крыльяхъ несшій весну. Охватившая его безпредѣльная степь, это зеленое море, слегка волнуемое налетавшими зефирами, мягко переливалась и перекрывалась всевозможными зелеными оттѣнками, отражая на своихъ травахъ и цвѣтахъ блескъ золотистаго солнечнаго свѣта, растворившагося въ голубомъ воздухѣ. Счастье свѣтилось въ его молодыхъ глазахъ, съ любовью останавливавшихся на окружавшей его прелести природы, величавой въ самомъ своемъ однообразіи. Чѣмъ дальше станица углублялась въ степь, тѣмъ нетерпѣливѣе хотѣлось ему скорѣе ее пройти. Но, казалось, ей конца не было. Мѣрный шагъ коней не соотвѣтствовалъ быстротѣ полета его молодыхъ желаній, его радужныхъ мечтаній. Конь подъ Андреемъ Юрьевичемъ съ виду не былъ подъ стать ему: онъ ѣхалъ на горбоносомъ степнякѣ, питомцѣ одичалыхъ косяковъ, засѣдланномъ тоже по степному, ногайскимъ сѣдломъ. Коня этого онъ купилъ у казаковъ съ пробы: проскакалъ птицей десять верстъ, растерявъ по пути всѣхъ съ нимъ вмѣстѣ скакавшихъ. Усталости онъ, казалось, не зналъ. Худой, съ поджарыми боками, съ жидкими гривой и хвостомъ, онъ почти не потѣлъ. Непривычный къ сѣдлу и стременамъ, Телепневъ уставалъ, что выражалось нетерпѣливыми его взглядами, вопросами и иногда кислыми гримасами, впрочемъ, смѣнявшимися скоро обычной веселой улыбкой счастливаго человѣка. Ему не хотѣлось выдавать свое малое умѣнье ѣздить на конѣ передъ окружавшими его степняками, выросшими на конѣ. Онъ совсѣмъ не подходилъ къ простотѣ станичниковъ, на степныхъ, худощавыхъ коняхъ, въ запыленныхъ замаш-

нихъ рубахахъ или въ изношенныхъ чинаркахъ, съ плоховатымъ оружіемъ.

Боярскій сынъ Дудкинъ нехотя и кратко удовлетворялъ любознательность Андрея и объяснялъ ему порядокъ сторожевой службы: съ котораго города, по какимъ мѣстамъ и до какихъ мѣстъ станицы ѣздятъ, и въ какихъ урочищахъ сторожа стоитъ; гдѣ на полѣ головы стоятъ для береженія отъ прихода воинскихъ людей, и изъ которыхъ городовъ и по скольку человѣкъ съ головою на государевой сторожевой службѣ быть.

— А которые сторожа, не дождавшись смѣны, со сторожи сойдутъ и государевымъ украинамъ чрезъ то самое отъ воинскихъ людей учинится война, тѣмъ сторожамъ отъ государя казненнымъ быть смертію,—объяснялъ Дудкинъ.—А за лишніе дни, что сторожа простоятъ за своимъ срокомъ, велѣно на нихъ брать съ товарищей ихъ, съ тѣхъ, что опоздали ихъ смѣнить, по полуполтинѣ на человѣка на день. Какъ видишь, господинъ офицеръ, станишники ѣздятъ каждый о двухъ коняхъ, на случай утечки отъ непріятеля. А у кого худые кони, у тѣхъ доправить коней на ихъ станишныхъ головахъ; а не будетъ у ихъ головъ столько коней, то воеводѣ брать по оцѣнкѣ коней добрыхъ у своихъ полчанъ; а на головахъ брать найму на всякую лошадь по четыре алтына съ деньгою на день и отдавать тѣ деньги тѣмъ людямъ, у которыхъ лошади взяты.

Остановились у степной рѣчки, у воды, тихо голубѣвшей подъ голубымъ небомъ и какъ бы налитой вровень съ низменными берегами. Татарчукъ замѣтилъ, что рѣчка глубока; но что онъ бродъ знаетъ. И точно, напоивъ коней и сами напившись съ удовольствіемъ, они перешли воду въ старыхъ сѣдыхъ камышахъ, откуда съ тревожнымъ крикомъ вылетѣло много дикихъ утокъ и гусей. Нѣсколько ихъ поплатились своею жизнью подъ мѣткими выстрѣлами ѣздоковъ, которыхъ сѣдла украсились вкусною добычею, ожидающею только ночного костра.

Однообразіе впечатлѣній, вызываемыхъ однообразіемъ окружающей природы, невольно настроило Андрея на молчаливыя воспоминанія. Первая неудачная любовь и гнѣвъ отца, бѣгство, заграничное пребываніе, капитанъ Коптевъ, возвращеніе домой, послѣдніе проводы его, Андрея, изъ дома,—все это сложное прошлое, вмѣщавшееся въ пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ, теперь представлялось ему какъ-бы случившимся только вчера. Такъ живо вспоминался ему напутственный молебенъ съ многолѣтіемъ рыжаго „горластаго“ діакона, отъ котораго звенѣли въ окнахъ стекла, и отецъ, бояринъ, остался въ восхищеніи. Послѣдній отъѣздъ сына изъ дому стоилъ его доброй матери обморока. Онъ уѣхалъ, оставивъ ее на рукахъ Азарьевны. Предавшись своимъ думамъ, молодой офицеръ не замѣтилъ безпокойства, съ какимъ вожакъ Татарчукъ, ѣхавшій впереди, остановился и, съ сѣдла, всматривался въ какой-то слѣдъ. Станица тоже остановилась. Нѣсколько ѣздоковъ спѣшились и, по указанію вожака, разошлись по сторонамъ, словно отыскивая потерянное. Боярскій сынъ объ-

яснилъ Телепневу, что это напали на татарскую сакму, т. е слѣдъ.

Подобное извѣстіе, грозившее возможностью кровавой встрѣчи съ хищниками, не могло быть пріятно для человѣка, спѣшившаго къ милой ему дѣвушкѣ. Слѣдъ коннаго отряда, хотя не многочисленнаго, шелъ отъ рѣчки по тому же направленію, къ городку Тору, или Славянску, по какому шла и станица.

— Подковы татарскія! глухія!--утверждали станичники.

И шли теперь съ замѣтною осторожностью.

Поднявшееся высоко солнце припекало такъ, что люди и кони стали мокрехоньки. Освѣжительный ветерокъ заснулъ, словно его никогда не было. Жажда томила утомленныхъ зноемъ путниковъ. Они обрадовались дубовому байраку и поспѣшили, подъ его густыми вѣтвями, въ отрадномъ холодкѣ, перебыть полдневный зной. На тѣнистой опушкѣ, ихъ пріютившей, они застали стараго казака, растянувшагося на травѣ и храпѣвшаго во всю носовую завертку. Ружье и сабля валялись возлѣ него. Конь, стреноженный, пасся межъ деревьевъ. Изношенный, когда-то красный, казакинъ разстегнутъ, волосатая грудь покрыта комарами, повидимому его не безпокоившими; смушковая шапка очучилась у него подъ головою, давно бритою) а потому синею отъ проступавшихъ волосъ, среди которыхъ вился посѣдѣлый оселедецъ; длинные, какъ у кота, висячіе, сѣдые усы рѣзко выдѣлялись на темномъ лицѣ съ горбатымъ носомъ. То былъ старый характерникъ, бродячій запорожецъ, дидусь Охримъ, конечно пьяный, о чемъ свидѣтельствовала пустая баклажка, лежавшая возлѣ него.

— Блаженъ мужъ до церкви недужъ, а до корчмы тымъ дужъ! привѣтствовалъ со смѣхомъ пьянаго Татарчукъ. — И застарився воюючы, по тыхъ корчмахъ ночуючы! И куняе й налывае, налывае—выпивае, выпивае и куняе, своего віку доживае! Гей! Дидусь! Комарня до твоихъ костей добирается! Вставай бо!

Но старый дидусь отвѣчалъ ему пущимъ храпомъ и не шелохнулся.

— Старый харцизъ!—замѣтилъ боярскій сынъ Телепневу, неодобрительно поглядывая на запорожца.—По немъ осина давно плачетъ, не спроста прячется здѣсь... Вотъ и крымская сакма обыскалась... Кабы не союзникъ онъ съ крымцами. Подымайся, лѣшій!—воскликнулъ онъ, толкнувъ сапогомъ старика такъ, что тотъ приподнялся и сѣлъ, съ недоумѣніемъ поглядывая на прибывшихъ. Раскинувъ по травѣ ноги въ желтыхъ черевикахъ и широчайшихъ кубовыхъ штанахъ, вродѣ юбки, запорожецъ молча досталъ изъ гаманца люльку, набилъ ее тютюномъ, зажалъ крѣпкими, какъ у волка, зубами и закурилъ съ помощью уголька отъ потухшаго костра. На молодого офицера онъ косился съ нескрываемою враждебностью. Хотя проголодавшіеся Телепневъ и его спутники, занятые своими дорожными пищевыми запасами, не обращали на него никакого вниманія, тѣмъ не менѣе онъ заговорилъ грубымъ, вызывающимъ тономъ:

— Охъ, ужъ вы, клятые москали! Пропасти на васъ нѣтъ!

Захватили наши степи и насъ, вольныхъ запорожцевъ, закрѣпостить за Москвой взялись! Цуръ вамъ пекъ! Псы смердячіе!

— Какъ-бы я не погладилъ плетью твою старую спину, гайдамака?—строго замѣтилъ ему боярскій сынъ, внушительно взмахнувъ плетью.—Самъ ты песъ лающій! Дерзаешь оскорблять офицера государевой службы! Плети за то достоинъ!

— Не грози, москаль, плетью тому, у кого въ рукѣ сабля,—возразилъ запорожецъ, бросивъ мрачный взглядъ на свою саблю.—Не гайдамака я, а рыцарь славнаго войска запорожскаго низоваго. Круль Батуръ ему грамоту далъ: владѣть полемъ дикимъ отъ Буга рѣки черезъ Днѣпръ, ажъ до Дона, а въ гору по Бугу до Синюхи, по Днѣпръ до Орели, а внизъ до степей очаковскихъ, крымскихъ, ногайскихъ.—„Рѣчки низовыя, помощницы днѣпровыя",—такъ наша казацкая пѣсня сложена. Вѣдь всѣ тѣ рѣчки запорожскія-жъ. Сказано: „съ устья Днѣпра до вершины семьсотъ рѣчекъ и четыре".... Эхъ, Днѣпръ-Славута! Научилъ ты, батько, насъ, казаковъ, владѣть деменомъ (весломъ) и стерномъ (рулемъ). Побрались мы турецкихъ сандалаковъ (судовъ). Пожилъ, попотѣшилъ свою казацкую душеньку старый Охримъ! Есть что вспомнить, о чемъ пожалѣть! Москаль насъ не тревожилъ тогда....

— А не забылъ ты, дидусь, какъ тебя кобылятники бритоголовые скрячили, руки къ ногамъ, какъ барана, да и подвѣсили голаго надъ огнемъ поджаривать?—смѣясь, замѣтилъ Тарчукъ.—Только не освѣжевали, а сальцемъ-то всего смазали, аль-ни, блестѣлъ!... Спасибо, наши изюмцы налетѣли, отбили!.. Забылъ?..

— Было и это,—подтвердилъ запорожецъ съ равнодушіемъ, словно тогда дѣло не его шкуры касалось.—Извѣстно, магометы, людоѣды тѣ-же.... Ну, только магометы справедливѣе москалей, съ ними можно жить...

— То-то и дружишь ты съ магометами,—замѣтилъ боярскій сынъ.—Не твои ли это пріятели пробрались нынче въ наши мѣста? Сакма крымская обыскалась.

Старый характерникъ насторожился, какъ бы захваченный врасплохъ, и сумрачно сказалъ:

— Не знаю!

Затѣмъ поднялся на ноги, пристегнулъ къ боку саблю, закинулъ за спину винтовку, на затылокъ сдвинулъ шапку и пошелъ къ пасшейся лошади. Скоро онъ скрылся изъ глазъ.

Старый характерникъ, вырвавшись изъ лѣсного байрака, оглянулся и, убѣдясь, что за нимъ никто не слѣдитъ, гикнулъ на своего горбоносаго степняка, пригнулся къ передней лукѣ сѣдла и поскакалъ. Высокая трава почти скрывала его

Безъ дороги, цѣликомъ, онъ несся съ быстротою вѣтра, направляясь къ высокой могилѣ или, вѣрнѣе сказать, къ тремъ смежнымъ могиламъ, извѣстнымъ въ народѣ подъ названіемъ „Три браты". Съ ними связана легенда, переходившая отъ поколѣнія къ поколѣнію: подъ этими могилами похоронены три

брата, три героя, легшіе здѣсь костьми въ кровавой битвѣ съ степными хищниками, задавившими своею многочисленностью малую православную рать. Отдаленная, синѣвшая въ полдневномъ знoѣ могила приближалась къ коннику. Выносливый конь, весь въ мылѣ, казалось, не зналъ устали и его крѣпкія, никогда не ковавшіяся копыта мѣрно ударяли въ землю, прикрытую густою травой. Изъ травы, чуть не изъ подъ копытъ, быстро вспархивали дикія птицы и съ тровожнымъ вскрикомъ летали и кружились, не отдаляясь отъ своего невольно брошеннаго гнѣзда. Наконецъ, отчетливо обрисовался ближайшій громадный курганъ, весь въ блескѣ солнечнаго свѣта, тогда какъ два смежные кургана темнѣлись, охваченные плотною тѣнью отъ нашедшей надъ ними тучки. На ближайшемъ курганѣ бѣлѣлась фигура, напоминавшая человѣка. То стояла, вкопанная по колѣни, каменная баба, женская фигура, грубо высѣченная изъ дикаго песчаника, скуластая, съ выдвинутымъ подбородкомъ, съ широкими бедрами и висячими грудями, въ плоской шапочкѣ на головѣ. Дидусь Охримъ остановилъ коня у подошвы кургана, слѣзъ съ сѣдла и бросилъ поводья на шею коня, не тронувшагося съ мѣста. Затѣмъ опустился на колѣни и, благоговѣйно взирая на уродливую каменную бабу, прошепталъ:

— Баба-Яга изъ честнаго камени, помози рабу Божьему Охриму задуманное исполнить и вольность нашу казацкую отстоять!

Онъ трижды поклонился истукану и поднялся къ нему на курганъ. Потомъ трижды обошелъ его и сунулъ въ землю мѣдный грошъ. Старикъ раздѣлялъ убѣжденіе народа въ томъ, что каменная баба, если ее попросить, можетъ помочь человѣку во всемъ; что она стережетъ великіе клады, закопанные подъ нею въ землѣ; что кладовъ этихъ достать трудно, не даются человѣку тѣ клады; что подъ бабою, въ курганѣ, подъ землею свѣчи горятъ и голоса слышны чьи-то. Слыхалъ одинъ богомолецъ, да со страстей Богу душу отдалъ. Все, что сейчасъ продѣлалъ старый казакъ у каменной бабы днемъ, при ослѣпительномъ свѣтѣ солнца, онъ ни за что не рѣшился бы продѣлать ночью въ темноту или при мѣсяцѣ. И теперь, онъ не безъ душевной робости спустился съ кургана, сѣлъ въ сѣдло, кивнулъ на прощанье бабѣ и поскакалъ дальше.

Къ вечеру запыхавшійся и мокрый конь принесъ своего всадника къ плесѣ, отражавшей на своей тихой, зеркальной поверхности ясное голубое небо позолоченное роскошнымъ солнечнымъ закатомъ. То была степная рѣчка Торецъ. Слѣдуя песчанымъ берегомъ, окаймленнымъ густымъ камышемъ, казакъ въѣхалъ въ узкую балку и услыхалъ шумъ мельничнаго колеса. Прикрытая очеретомъ, и позеленѣвшая отъ сырости вся скривившаяся на своихъ черныхъ мокрыхъ сваяхъ, мельничная избушка тряслась съ натуги. Медленно, съ жалобнымъ скрипомъ не подмазанной оси, вращалось небольшое подсобойное колесо, обдавая водяными брызгами позеленѣвшія стѣны избушки. Вода, свер-

кавшая на солнцѣ своими бриллiантами и звонкою струею изъ налива двигавшая колесо, да глухой гулъ работавшихъ жернововъ нарушали мертвую тишину узкой балки.

— Живъ? Цѣлъ гетманскiй?—спросилъ казакъ толстую бабу въ одной рубахѣ, съ голыми ногами, бродившую съ приволочкой въ водѣ.—Рыбку ловишь, Прися? Уха на ужинъ будетъ? Благополучно ли?

— Благополучно, дидусь! — отвѣтила баба, продолжая брести по берегу и тащить приволочки.—Ожидаетъ тебя, гетманскiй-то!

— Здоровъ булъ, Сѣракачка!—привѣтствовалъ казакъ старикашку, согнутаго преклонными лѣтами, съ голою, какъ ладонь, головою и красными бѣлками глазъ въ красныхъ вѣкахъ; даже въ стареньком полушубкѣ кутаясь, онъ, очевидно, зябъ и держался на солнечномъ пригрѣвѣ, сидя на порогѣ своей мельничонки.

Онъ воззрился на прiѣзжаго и приложилъ корявую ладонь къ своему уху, съ понятнымъ желанiемъ помочь своей старческой глухотѣ и слушать предлагаемые ему вопросы, Но глухотѣ его ничто не помогало.

— Гдѣ гетманскiй нарочный?—крикнулъ спѣшившiйся казакъ на ухо старикашкѣ.

Тотъ, съ равнодушiемъ заживо умершаго человѣка, остановя на прiѣзжемъ свои красные глаза, уже не замѣчавшiе прелести весенней природы, молча показалъ ему рукою вишневый садокъ, среди котораго бѣлѣлась хата.

Туда направился дидусь Охримъ, предварительно сбатовавъ и разнуздавъ коня, поспѣшившаго скрыться въ сочной травѣ прирѣчнаго лужка. Успѣвъ за дорогу протрезвиться, онъ подходилъ къ хатѣ съ видомъ человѣка, рѣшающагося на серьезное и даже опасное дѣло.

Въ вишневомъ садку, въ тѣни, на травѣ сидѣли два человѣка двухъ различныхъ народностей: одинъ гетманецъ, т. е. малороссiянинъ изъ шляхетства, высокiй сухощавый казакъ съ оселедцемъ на бритой головѣ и длинными усами, въ желтомъ нанковомъ жупанѣ съ откидными широкими рукавами, въ широкихъ красныхъ штанахъ, забранныхъ въ высокiя холявы сапогъ; за зеленымъ широкимъ поясомъ заткнута пара пистолей, сбоку сабля. Другой — крымскiй татаринъ, приземистый толстякъ въ низенькой бараньей шапкѣ, въ курткѣ изъ верблюжьяго толстаго сукна, въ штанахъ изъ тонко выдѣланной козьей кожи, въ красныхъ бабушахъ на босую ногу. Красная шаль нѣсколько разъ обертывала его объемистый животъ, сообщавшiй ему смѣшной видъ. За этимъ подобiемъ кушака блестѣла серебряная съ чернью ручка дорогого кинжала. На широкоскуломъ, мѣднаго цвѣта, лицѣ татарина изъ подъ маленькаго, будто вдавленнаго носа торчали врознь жиденькiе, какъ у кота, черные усы. Изъ-подъ черныхъ бровей блестѣли черные, раскосые, смышленые глаза. Оба собесѣдника лѣниво сосали свои курившiяся трубки,

потягивая крымское вино изъ серебряныхъ съ чернью чарокъ, которыя наполнялъ изъ бурдюка ногаецъ, босоногій оборванецъ, державшійся отъ своего мурзы въ приличномъ отдаленіи и къ нему приближавшійся только по его повелительному взгляду. Гетманецъ сидѣлъ на кожаной подушкѣ своего сѣдла, мурза—на травѣ, поджавъ по своему обычаю подъ себя ноги. Въ эту минуту бесѣда кейфовавшихъ какъ бы истощилась, чему способствовалъ полдневный зной, еще не освѣженный прохладою приближавшейся ночи. Мурза вспомнилъ, что сегодня пятница — священный день магометанъ; вспомнилъ, что въ пятницу есть одинъ часъ, въ который Аллахъ принимаетъ молитвы правовѣрнаго и даруетъ ему просимое. Быть можетъ, этотъ часъ насталъ. Мурза попросилъ Аллаха помочь крымскому юрту избавиться отъ конечной погибели, ожидающей юртъ, если сильная московская рать достигнетъ перекопской башни и перекопскаго крѣпостнаго рва. Да обратитъ Аллахъ силу въ безсиліе, да ниспошлетъ на рати московскія казни, гладъ, жажду, моръ, да не вернутся вспять христіанскіе полки, вооружившіеся на правовѣрныхъ!

Мурза Асанъ высланъ самимъ ханомъ тайнымъ посланцемъ къ гетману малороссійскому. Такъ какъ прямой путь изъ Крыма въ гетманщину былъ уже занятъ русскими полками, то посланецъ долженъ былъ идти окольнымъ путемъ, на Изюмъ, куда для тайныхъ переговоровъ съ нимъ высланъ близкій гетману человѣкъ, есаулъ Тетеря. Гетманъ Самойловичъ не только не сочувствовалъ походу на Крымъ князя Василія Голицына, но всѣми зависѣвшими отъ него способами отстранялся отъ участія въ немъ малороссійскихъ полковъ. Конечно, гетманскіе полки должны были присоединиться, наконецъ, къ царскому войску, но не безъ ропота. Гетманъ и старшина, въ сущности, тянули къ союзу съ ханомъ и, если бы обстоятельства позволили, въ союзѣ съ татарами обратились бы на Москву. Въ малороссійскомъ народѣ еще живы были воспоминанія о предковской волѣ и надежда опять возвратить ее себѣ. Московское иго, съ каждымъ годомъ, становилось тяжелѣе и несноснѣе. Опасенія быть закрѣпощенными за московскими боярами побуждали казаковъ искать союзниковъ даже изъ числа своихъ исконныхъ враговъ, иновѣрцевъ, какими были крымцы. Ханъ предлагалъ гетману выжечь степь, какъ только русская рать въ нее углубится, съ своей стороны ханъ съ ордою наготовѣ окружить русскіе полки, какъ только они подвинутся къ Перекопу, и постарается ихъ уничтожить. Татары основательно разсчитывали на степной пожаръ и на недостатокъ для большой арміи воды и кормовъ, какъ на вѣрнѣйшихъ своихъ союзниковъ, способныхъ погубить ихъ враговъ. Гетманскій посланецъ, взявъ на себя обязательство поджечь степь, ожидалъ своего подполковника, разбойничавшаго на свой страхъ стараго запорожца, дида Охрима, непримиримаго ненавистника москалей. Этотъ характерникъ зналъ степь, во всей ея подробности, какъ свои десять пальцевъ.

Нуждались въ его совѣтѣ, въ какихъ именно урочищахъ степныхъ захватить московское войско, чтобъ окружить его степнымъ пожаромъ?

Такъ какъ мурза Асанъ слѣдовалъ въ качествѣ торговца сафьяномъ и кожами, выдѣлкою которыхъ славились крымскіе кожевники, то его арба, на высочайшихъ скрипучихъ колесахъ, стояла на лугу, на которомъ паслись верблюды, ее везшіе, и засѣдланные, сбатованные кони.

Вокругъ дымящагося костра валялись спутники мурзы. Ихъ цвѣтныя куртки издали казались нарядными. Вкусный запахъ жарившагося шашлыка, расходясь въ тихомъ воздухѣ, напоминалъ мурзѣ и его собесѣднику объ ожидавшемъ ихъ ужинѣ. Давнишнія торговыя сношенія мурзы съ Бѣлгородомъ познакомили его съ русскими начальными людьми и съ русскимъ языкомъ. Онъ говорилъ по-русски, хотя и коверкая русскую рѣчь.

Ханъ, довѣривъ ему серьезные переговоры съ гетманомъ, не могъ выбрать лучшаго повѣреннаго. Мурза возвращался уже изъ Бѣлгорода, оставивъ тамъ весь свой товаръ, взамѣнъ чего везъ въ своемъ кожаномъ мѣшкѣ золото и серебро. Прикинувшись не вѣдающимъ о движеніи московской рати на Крымъ, хитрый татаринъ выпросилъ у бѣлгородскаго воеводы проѣзжую память, на случай, если попадется въ руки русскихъ. Кромѣ золота, онъ везъ и важныя свѣдѣнія о числѣ русскаго войска, о его расположеніи, о намѣреніяхъ главнокомандующаго. Онъ говорилъ есаулу теперь такъ:

— Въ маю мѣсяцѣ князъ Васыль выступилъ на Конски воды, а на Самаръ-рѣкѣ гетманъ съ козацки полки ожидаль. Вмѣстѣ ишель къ Болшой Лугъ... на Карачакракъ... Тамъ жечь травы...

— А вотъ и запорожецъ нашъ! — замѣтилъ Тетеря, дотронувшись правой рукою до своей шапки въ отвѣтъ на такое же привѣтствіе дидуся Охрима.—Онъ намъ скажетъ, гдѣ удобнѣе степь поджечь на погибель москалей... Кажи диду?..

— Великій Лугъ наиудобнѣйшее мѣсто для поджога,—отвѣтилъ запорожецъ, не обращая никакого вниманія на мурзу и, безъ приглашенія, опускаясь на траву возлѣ него.

— Тебѣ, диду, доведется степь поджечь поумнѣе да поскрытнѣе, дабы москали на насъ, гетманцевъ, подозрѣнія въ томъ не имѣли,—замѣтилъ есаулъ Тетеря.—Гетманъ твоей послуги не забудетъ. А пока вотъ тебѣ тысяча монетъ.

Онъ вручилъ запорожцу тяжелый мѣшокъ съ золотомъ.

— Гроши нужны для такого дѣла,—замѣтилъ запорожецъ.— Одному тутъ не справиться: запалимъ степь кругомъ, по вѣтру... Зайшлы клятіи москали у степа нашіи вольніи запорожскіи и татарскіи—тамъ и зостанутся...

Ненависть, выразившаяся на воинственной рожѣ запорожца, лучше словъ ручалась есаулу и мурзѣ въ томъ, что деньги даны запорожцу не даромъ, что онъ счастливъ мыслью о гото-

вящейся москалямъ погибели и постарается уготовить ее имъ, своимъ врагамъ...

— Кобре, кобре! ховайся добре,—смѣясь, замѣтилъ онъ.— Бо якъ пiйму, шкуру здiйму!

XX.

Ой, у поли вышня
Зъ пiдъ корiня выйшла
Не журися, дiвчинонько,
Ще-жъ я не женився!..

(Малоросс. народная пѣсня)

Время работало по своему, сближая или разлучая людей, успокаивая однихъ, ввергая въ отчаянiе другихъ, давая жизнь и отнимая ее. Недаромъ древнiе умники олицетворяли время въ образѣ страшной Парки, выпрядающей безконечную нитку жизни. Вѣрный показатель истины, время не безслѣдно прошло и для нашей Маруси. Она не только привыкла къ условiямъ своей новой, степной жизни, но и полюбила ее, потому что полюбила свою родную семью. Подавленная нравственнымъ превосходствомъ своихъ братьевъ, казавшихся ей героями, отдавшимися службѣ Ѳодинѣ, скромная дѣвушка душою стремилась быть достойною ихъ сестрою. Она какъ бы перевоспитала себя: вставала, какъ и они, вмѣстѣ съ солнцемъ и даже до его восхода, ѣздила съ ними на охоту, верхомъ, стрѣляла въ цѣль изъ пистолета, ловила съ отцомъ рыбу въ Донцѣ, помогала матери по хозяйству. Ея бодрая, дѣятельная жизнь вполнѣ соотвѣтствовала характеру ея семьи и лицъ, ее составлявшихъ, а также условiямъ тамошнихъ опасныхъ, хотя прекрасныхъ, пограничныхъ мѣстъ. Благодаря преобладанiю въ ея новой жизни физическаго начала надъ духовнымъ, она рѣдко задумывалась надъ вопросами, прежде такъ ее безпокоившими, да и запаслась завиднымъ здоровьемъ. Она просто расцвѣла, похорошѣла, пополнѣла къ своему и общему удовольствiю. Ея черные, блестѣвшiе, какъ агатъ, серьезные глаза теперь загорались иногда въ минуты глубокаго душевнаго движенiя; голосъ получилъ выразительность, согласовавшуюся съ глубиною ея мысли; смуглыя щеки часто вспыхивали румянцемъ горячей молодой крови и гордаго самолюбiя. Отецъ, бывало, самодовольно любовался ею въ малороссiйскомъ платьѣ, въ вѣнкѣ изъ живыхъ цвѣтовъ на головѣ, съ тяжелой дѣвичьей косой, заканчивавшейся алой лентой. Онъ называлъ ее „своею хохлушкой“. Мать души въ ней не чаяла. Но она не забывала, что ея дочкѣ уже за двадцать слишкомъ лѣтъ, что она засидѣлась въ дѣвкахъ. Понятно было желанiе матери выдать дочь невѣсту замужъ, желанiе, впрочемъ, нисколько не раздѣляемое дочерью. На этомъ щекотливомъ вопросѣ расходились мать съ дочерью, во всемъ остальномъ всегда согласныя. Какъ

только мать заговаривала съ дочерью, что пора ей замужъ, дочь обращала серьезный разговоръ въ шутку, утверждая, что она еще о мужѣ не думаетъ, что слово „мужъ“ ее пугаетъ. Конечно, изюмскій полковникъ Григорій Ерофеичъ, поглощенный своими сложными и отвѣтственными обязанностями, судьбу дочери въ матримоніальномъ отношеніи оставлялъ на попеченіи матери ея, но все-же напоминалъ дочери о ея „совершенномъ возрастѣ“ и высказывалъ ей свое родительское желаніе видѣть ее „жинкой“. Отецъ не скрывалъ также отъ нея, кого именно назвалъ бы онъ своимъ зятемъ. Правду сказать, избранникъ этотъ, котораго и мать ласкала слишкомъ замѣтно, а для дочери почему-то непріятно, былъ женишокъ въ сапожкахъ, паренекъ хоть куда. Полковникъ, межъ своими, называлъ его „московскимъ“ женишкомъ, которому „степные“ женихи, изъ полкового шляхетства въ подметки-молъ не годятся. Есаулу Ѳедору Владиміровичу Шидловскому, командовавшему первою сотнею Изюмскаго полка, не было еще тридцати лѣтъ и изъ себя онъ могъ считаться красивымъ, виднымъ мужчиной. Онъ гордился своимъ происхожденіемъ отъ древняго польскаго шляхетства, котораго представитель Козьма Васильевичъ Шиловъ въ 1535 году выѣхалъ изъ Польши на службу къ великому князю Василію Ивановичу, пожаловавшему его помѣстьями въ Суздальскомъ уѣздѣ. Потомки Козьмы Шилова стали именоваться Шидловскими лишь съ Ѳедора Владиміровича, согласно тогдашней модѣ. Они служили въ разныхъ, болѣе или менѣе почетныхъ должностяхъ, подъ своей фамиліей Шиловыхъ. Такимъ образомъ, есаулъ Шидловскій неоспоримо доказывалъ полковнику, что предки его, есаула, не могли переселиться, во время войнъ Богдана Хмельницкаго, изъ-за Днѣпра въ Слободскую украйну, вмѣстѣ съ малороссійскимъ шляхетствомъ, съ ними, Захаржевскими, съ Квитками, Краснокутскими, Ковалевскими, Кондратьевыми, Лесевицкими и другими шляхетскими фамиліями. Характеръ есаула Шидловскаго вполнѣ станетъ понятнымъ, если объяснить, что въ казацкій полкъ онъ поступилъ своею охотою, будучи въ званіи стольника, званіи, сохраненномъ имъ даже тогда, когда онъ сталъ есауломъ.

Московское воспитаніе рѣзко выдѣляло молодого есаула изъ среды шляхетской молодежи, съ которою сравненіе могло быть только въ его пользу. Этого, конечно, не могла не понять и не замѣтить Маруся, стѣснявшаяся ухаживаньемъ за собою виднаго во всѣхъ отношеніяхъ есаула. Она его отличала, находя его бесѣду занимательною, его любезность и почтительность благородными, его внѣшность пріятною. Но дальше обычныхъ отношеній хозяйской дочери къ гостю, къ близкому семьѣ человѣку,—она не шла. Всѣ его, понятные ей вздохи, всѣ его старанія заслужить ея исключительное вниманіе къ себѣ, вызвать отвѣтъ въ дѣвичьемъ сердцѣ на запросъ своего мужского сердца,—не сближали ее съ нимъ такъ, какъ этого ему хотѣлось. Хотя на его сторонѣ, несомнѣнно, оказывались ея родители, но она держалась съ нимъ на извѣстномъ разстояніи, не позволявшемъ ему

надѣяться на взаимность. Эта недоступность дочери чувству, обыкновенно приводящему дѣвушку подъ брачный вѣнецъ, вызывала недоумѣніе отца и горькіе упреки матери, давно и напрасно мечтавшей о внучатахъ. Въ такихъ условіяхъ находилась въ своей семьѣ Маруся, во время похода московской рати на Крымъ. Конечно, оба ея брата находились съ изюмскими сотнями на службѣ: Ѳедоръ оберегалъ степь. Константинъ шелъ въ эртоулѣ князя Голицына. Если первая сотня полка оставлена была въ мѣстѣ своего постояннаго расположенія, въ слободѣ „Пескахъ“, для охраны изюмской крѣпости, то Маруся имѣла основаніе въ такомъ распоряженіи изюмскаго полковника заподозрить участіе полковницы. Родители, задавшись желаніемъ выдать ее за Шидловскаго, придержали его на мѣстѣ: разлука, особенно на долгое время, охлаждаетъ, вѣдь, связи. Старики не знали того, что многолѣтняя именно разлука дочери съ другомъ ея дѣтства и милымъ ея сердца препятствуетъ ей идти замужъ. Впрочемъ, мать догадывалась, въ чемъ дѣло. Она разсчитывала на время. На что же разсчитывала Маруся, не знавшая, живъ или умеръ Андрей, увидится ли она съ нимъ когда-нибудь, женатъ онъ или холостъ?

Военныя обстоятельства потребовали изюмскаго полковника въ Бѣлгородъ, къ тамошнему воеводѣ Шереметеву. Полковница съ дочерью изъявила желаніе сопутствовать полковнику, нашедшему это желаніе вполнѣ законнымъ: жена съ дочерью безвыѣздно жили въ Бугаевкѣ, въ новыхъ, просторныхъ хоромахъ и часто по цѣлымъ недѣлямъ не видѣли своихъ мужчинъ, отвлекаемыхъ отъ семьи службою. Изготовлена тяжелая каптана, нѣмецкое издѣліе московскаго колымажнаго двора, запряжена шестерикомъ съ выносомъ, т. е. по-нѣмецки съ форейторомъ. Вся слобода сбѣжалась поглядѣть на такую диковинку. Простодушные степняки знали только скрипучія повозки на волахъ въ ярмѣ, съ ременнымъ налыгачемъ на крутыхъ рогахъ. Бѣлый съ позолотою кузовъ, пузатый, съ высокими козлами подъ парчевымъ чехломъ, съ шелковыми кистями, важно покачивался на толстыхъ ремняхъ, замѣнявшихъ тогда рессоры, чуть не толкаясь на ходу о высокія заднія желтыя колеса. Сзади, на двухъ троечныхъ телѣгахъ, подъ веретьями, увязаны были пуховики, подушки, ковры, боченки съ виномъ и медомъ, кули и складни съ провизіей. Десятокъ вооруженныхъ конныхъ „хорунжевыхъ“ казаковъ съ урядникомъ охранялъ знатныхъ путниковъ. Потребовалось пять дней ѣзды.

Борисъ Петровичъ Шереметевъ, будущій фельдмаршалъ, принялъ дорогихъ гостей со всѣмъ радушіемъ тароватаго русскаго боярина. Онъ и слышать не хотѣлъ, чтобы они остановились на постояломъ дворѣ, и сейчасъ же перевезъ ихъ къ себѣ, въ каменные хоромы воеводскіе. Служебныя дѣла, удалявшія воеводу и полковника въ канцелярію, оставляли хлѣбосольному хозяину довольно времени для того, чтобы оказывать вниманіе полковницѣ и ея дочери. Послѣдняя, къ ея досадѣ, произвела замѣт-

ное впечатлѣніе на молодого вдовца, повидимому, расположеннаго утѣшиться и породниться съ изюмскимъ полковникомъ. Конечно, возможность выдать дочь за одного изъ знатнѣйшихъ русскихъ вельможъ, при томъ богача, льстила родительскому самолюбію. Но опять та же холодность со стороны дѣвушки, та же недоступность, отталкивающая отъ нея мужское чувство и отнимающая надежду у увлеченнаго ея прелестями вдовца. Избалованный вниманіемъ къ себѣ московскихъ красавицъ, изъ числа которыхъ была и его покойная супруга, Шереметевъ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ убѣждался въ недоступности этой степнячки, смуглянки съ агатовыми глазами и соболиными бровями, вспыхивающей часто румянцемъ гордаго дѣвичьяго чувства. Ему нравилась въ ней именно ея деревенская застѣнчивость, свѣжесть ея физической природы, строгость отношеній къ себѣ и другимъ. Она такъ непохожа на щеголихъ-нѣмокъ Кукуя-слободы, съ ихъ дебелыми фигурами, въ пышныхъ, пудреныхъ прическахъ, въ робронахъ и фижмахъ, съ заученными гостинными манерами и комплиментами. Ея скромность, себѣ не довѣряющая, куда какъ выше бойкой развязности этихъ тяжелыхъ нѣмокъ. Онъ хорошо ихъ знаетъ: до женитьбы онъ не могъ пожаловаться на недоступность ихъ, изъ которыхъ были у него „метрески", по-просту говоря, любовницы. На нихъ совсѣмъ непохожа эта смуглая, стройная сарафанница. Очень она ему нравилась. Ея къ нему равнодушіе только распаляло его страсть.

Едва сорока лѣтъ, онъ могъ назваться виднымъ, хорошо сохранившимся мужчиной. Благообразное выбритое лицо, съ полными щеками и подбородкомъ, глядѣло умными, добрыми сѣрыми глазами и своимъ оваломъ соотвѣтствовало полнымъ рукамъ красивой формы. Спокойная и красивая улыбка сообщала его серьезному взгляду выраженіе, которое долго помнилось тому, кому улыбался онъ. Высокій лобъ украшался густыми русыми волосами, искусно завитыми домашнимъ парикмахеромъ, поднятыми по тогдашней модѣ. Его мягкія манеры и любезность салоннаго кавалера свидѣтельствовали о томъ, что воспитаніе его французскими гувернерами закончилось въ аристократическихъ иностранныхъ гостиныхъ и даже на паркетѣ королевскихъ дворцовъ. Вся его коренастая, мужественная русская фигура, казалось, скрывалась въ нерусскомъ костюмѣ, къ ней не идущемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось простодушной Марусѣ. Когда онъ появлялся въ своемъ бархатномъ французскомъ костюмѣ, съ брильянтовыми пуговицами, съ открытою грудью подъ бѣлою манишкою, въ дорогихъ кружевахъ, въ кружевныхъ нарукавьяхъ, изъ-подъ широкихъ рукавовъ, въ синихъ атласныхъ исподняхъ по колѣни, схваченыя серебряными подвязками, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и алыхъ башмакахъ на каблукахъ и съ серебряными пряжками, Маруся видѣла передъ собою маркиза и забывала бѣлгородскаго воеводу. И нерусскій костюмъ, и нерусскія манеры русскаго вельможи претили простому, здоровому

вкусу русской дѣвушки. Она думала: „Зачѣмъ бы птицѣ рядиться въ чужія перья?“

Убранныя по-московски палаты Шереметева свидѣтельствовали наглядно о его богатствѣ, о его вкусѣ къ жизни образованной, и о его близкомъ знакомствѣ съ обычаями западныхъ націй.

„Господи!—невольно подумала простодушная Маруся, пораженная роскошью мебели и убранства воеводскихъ пріемныхъ покоевъ, многочисленностью ливрейныхъ слугъ, изысканностью стола, отзывавшагося французской тонкой кухней и сервированнаго золочеными ложками, вилками и ножами, саксонскимъ фарфоромъ, богемскимъ хрусталемъ, — дивны мнѣ люди, такъ расточающіе свои сокровища на свои прихоти, балующіе себя излишествомъ, когда столько нужды вопіющей ихъ окружаетъ! Справедлива ли судьба, надѣляющая одного сверхъ мѣры, а другого лишающая куска хлѣба? Не уподобляется ли бѣлгородскій вельможа евангельскому богачу, коему не внити въ Царствіе Небесное? Куда это она, Маруся, попала? Вотъ ужъ точно: залетѣла ворона въ высокіе хоромы. По нимъ не ей, деревенщинѣ, похаживать. Нарядъ мебели заграничный, эти фряжскіе листы, конечно, тоже изъ-за границы, такихъ она не видѣла въ Овощномъ ряду, въ Москвѣ. Кому только жить въ такихъ палатахъ? Воевода—вдовецъ бездѣтный“.

— Можетъ быть, онъ приготовилъ домъ ко второй свадьбѣ, дочка!—замѣтила ей мать съ намекомъ, не понравившимся дочери.

Этотъ невинный намекъ любящей матери дурно предрасположилъ дочь не только къ нарядным покоямъ, но и къ владѣльцу. Маруся почему-то не выносила любезнаго хозяина и избѣгала его слишкомъ замѣтно. Мать строго выговаривала за то Марусѣ, указывая ей на невѣжливость въ отношеніи радушнаго и благороднаго хозяина, котораго любезность къ нимъ выше всякой похвалы. Дѣйствительно, встрѣчая своихъ гостей чуть не на крыльцѣ, Шереметевъ просилъ ихъ быть у него безъ церемоній, какъ бы у себя дома, благодарилъ дамъ за честь, что онѣ удостоили посѣтить его, неутѣшнаго вдовца, просилъ полковницу быть все время своего у него пребыванія за хозяйку и, за столомъ, усадилъ ее на хозяйкино пустовавшее мѣсто. Удовлетворенное женское самолюбіе полковницы, не глухой къ мужской лести, помѣшало ей, какъ матери, замѣтить то, что такъ не понравилось дочери: избалованный жизнью, интересный для невѣстъ, вдовецъ избралъ Марусю, съ перваго на нее взгляда, предметомъ своего ухаживанья. Опытный въ этомъ благородномъ дѣлѣ образованныхъ кавалеровъ, Шереметевъ не стѣснялся ни несоотвѣтствіемъ своего возраста и положенія съ лѣтами и положеніемъ молодой дѣвушки, ни неудовольствіемъ, съ какимъ она отнеслась къ его вниманію, нисколько ей не лестному. Она вспыхнула и готова была заплакать, когда онъ, этотъ блестящій „кавалеръ“, котораго она видѣла въ первый разъ, котораго по-

баивалась и желала избѣгать по своей непривычкѣ къ свободному мужскому обращенію, удостоилъ остановить на ней свои восхищенные взоры долѣе, чѣмъ дозволяетъ свѣтское приличіе. Хотя жизнь и людей она еще мало знала, только что выплывая изъ тихой домашней пристани на просторъ шумнаго и опаснаго моря житейскаго, но врожденный женскій инстинктъ ей подсказалъ, что его вниманіе къ ней оскорбительно для ея женскаго достоинства. Когда любезный хозяинъ, предложивъ дамамъ осмотрѣть городъ, подсадивъ полковницу въ открытую польскую нейтычанку, взялъ подъ локоть дѣвушку съ желаньемъ помочь ей сѣсть въ экипажъ, она поспѣшно отъ него отстранилась и легко вскочила на свое мѣсто, предупредивъ его услугу. Когда онъ подалъ ей руку, чтобъ помочь ей выйти изъ экипажа, она, не благодаря его, выскочила сама, замѣтивъ:

— Не надо, я могу сама!.,

— Вы, Марья Григорьевна, недотрога-дѣвица!—замѣтилъ онъ ей, хотя съ улыбкой, но съ несомнѣнной досадой на нее, не глядѣвшую на него и не говорившую съ нимъ всю прогулку.— Мнѣ хотѣлось бы немножко поухаживать за вами... Хотѣлось бы вашего вниманія·

— Мнѣ этого вовсе не хочется,—рѣзко сказала она.

— Такъ выражаться съ вашей стороны жестоко и не любезно, Марья Григорьевна...

— Я не умѣю говорить любезностей, не училась...

— Но такой прелестной дѣвицѣ слѣдуетъ быть любезной, чтобъ въ ней видѣли совершенство...

— Я не разсчитываю на свое совершенство и не вѣрю въ совершенство другихъ...

— Не въ мой ли огородъ изволили камешекъ бросить?

— Можетъ быть. Вамъ лучше себя знать...

Старый московскій волокита, встрѣтившій въ этой деревенской красавицѣ, ему очень нравившейся, такой рѣзкій до грубости отпоръ своему ухаживанью, невольно разсмѣялся, понявъ жалкую роль свою въ этой игрѣ, представлявшейся ему совсѣмъ не веселою. „Она неглупа,—подумалъ онъ, любуясь ея досадой на себя.—Вѣрно, сердце этой невинной овечки уже занято парнемъ, къ ней подходящимъ гораздо болѣе, чѣмъ я подхожу. Та же степная лошадка—брыкается, пока не приручится. Съ нею исподоволь заигрывать надо, не сразу... Заняться съ нею стоитъ— чудесная дикарка! Посмотримъ. Отъ того терплю, кого больше всѣхъ люблю... Она пренебрегаетъ вельможнымъ намoратомъ! Конечно, она мнѣ предпочитаетъ двадцатилѣтняго молодчика“...

Начавъ свою игру въ ухаживанье за дѣвушкой оригинальной красоты и оригинальной, въ его глазахъ, манеры держать себя съ кавалерами, Шереметевъ, для себя незамѣтно, увлекся дальше, чѣмъ предполагалъ. Черезъ три дня напрасныхъ ожиданій, что дѣвушка смягчится въ своихъ къ нему отношеніяхъ, онъ почувствовалъ нѣчто большее, чѣмъ уваженіе къ этой дѣвушкѣ-недотрогѣ. Именно ея недоступность увлекала его даже

до рѣшимости на ней жениться. Онъ теперь присаживался больше къ матери, восхищаясь дочерью и сознаваясь, что дочь ему очень, очень по сердцу.

— Вы, мой батюшка, Борисъ Петровичъ, извините ее, мою дикарку, деревенщина, свѣта не видѣла, не знаетъ,—вступалась сердобольная мать за дочь.—Можетъ, когда скажетъ неладно—по-младости, по-глупости...

— Она умнѣе насъ съ вами, Елена Васильевна!—возражалъ увлеченный вдовецъ.—Она у васъ прямодушная, говоритъ такъ, какъ думаетъ, не лукавитъ, какъ часто лукавимъ мы, вотъ почему иногда слова ея кажутся рѣзкими намъ: мы не привыкли къ правдѣ, мы ея боимся, мы ее готовы за грубость принять. Признаюсь вамъ, высокоуважаемая, я еще первую встрѣчаю дѣвицу съ такими достоинствами. Обвороженъ! Вы наисчастливѣйшая мать!..

Однажды Шереметевъ засталъ Марусю одну въ своей „гостиной“, убранной по иноземному обычаю, мебелью изъ Вѣны.

Московскій любезникъ ловко расшаркался передъ дѣвушкою, очевидно, смутившеюся тѣмъ, что очутилась съ нимъ съ глазу на глазъ. Первымъ ея движеніемъ было бѣжать отъ него.

— Благороднѣйшей и наипрекраснѣйшей Маріи Григорьевнѣ мое нижайшее почтеніе!—привѣтствовалъ онъ ее, почтительно цѣлуя ея ручку, по требованію гостиннаго этикета того времени, чѣмъ вызвалъ на ея щечкахъ живой румянецъ, только возвысившій, въ глазахъ ея поклонника, прелесть такъ ему нравившагося лица ея. — Долженъ извиниться передъ дамой моего сердца, что многія серьезныя обязанности, на мнѣ лежащія, къ моей пущей досадѣ не позволяютъ мнѣ посвятить лично вамъ столько вниманія и времени, сколько того требуетъ мое бѣдное, плѣненное вами, мужское сердце.

Слова бѣлгородскаго воеводы, въ которыхъ Маруся поняла его признаніе въ любви, заставили ее поспѣшно подняться со стула, чтобы уйти и тѣмъ прервать дальнѣйшій потокъ его любовнаго краснорѣчія. Но онъ удержалъ ее за руку, восклицая:

— Несравненная дѣвица, нарушившая покой моего сердца и имъ завладѣвшая! Почто бѣжишь своего адоратера, т. е. обожателя? Ужели не найду въ тебѣ взаимности? Объясняю тебѣ мои чувства съ благороднымъ намѣреніемъ назвать тебя моею супругою милою!.. Предлагаю тебѣ имя и положеніе, далеко не послѣднія въ государствѣ россійскомъ... Знаю, едва ли найдется женское существо, способное отказать такому жениху?.. Быть моею супругою значитъ вызвать досаду многихъ не удостоившихся подобнаго счастья...

— Вѣроятно, вы говорите правду, — возразила ему, собравшись съ духомъ, Маруся, освободивъ свою руку изъ его рукъ.— Но я чувствую себя недостойной стать вашей женой, Борисъ Петровичъ. Моя судьба должна быть гораздо скромнѣе той, что обѣщаете вы, вельможа. Если бы я уважала васъ менѣе,

чѣмъ уважаю, я обидѣлась бы поспѣшности вашего предложенія...

— Какъ?—прошепталъ Шереметевъ, въ свою очередь смутясь прямодушіемъ дѣвушки и только теперь, послѣ ея замѣчанія, понявшій все неприличіе своего скороспѣлаго объясненія, къ чему она не подала ни малѣйшаго повода.—Мое предложеніе могло васъ обидѣть? Въ такомъ разѣ простите меня, несравненная дѣвица! Убѣждаюсь, что умъ вашъ соотвѣтствуетъ вашей красотѣ, Марія Григорьевна. Но, клянусь честью, девизомъ нашего дворянскаго рода, я не дерзнулъ бы ничѣмъ оскорбить особу женскаго пола, тѣмъ болѣе такую достойную. Свидѣтельствуюсь самимъ Богомъ всевѣдущимъ.

Избалованный свѣтомъ вельможа не понималъ впечатлѣнія, произведеннаго на чуткую дѣвушку его признаніемъ. Оно поразило ее своею бездушною реторикой, отсутствіемъ чувства, взамѣнъ котораго выдавала себя его практическая цѣль взять себѣ вторую жену, не справляясь о ея чуствахъ. Зачѣмъ? „Вѣдь этотъ московскій вельможа,—думала Маруся,—купитъ себѣ жену, прельстивъ ее своимъ богатствомъ, знатностью рода, высокимъ положеніемъ. Но ему не купить меня! Нѣтъ, не купить за всѣ сокровища міра“...

Дѣвушка обрадовалась появленію матери, измѣнившему тонъ и содержаніе бесѣды любезнаго хозяина, казалось, даже забывшаго о только что пролетѣвшей сценѣ, не могшей быть ему пріятною. Съ этого раза Маруся избѣгала оставаться наединѣ въ воеводой, хотя замѣчала его старанія возобновить свое предложеніе. Тогда онъ обратился къ матери и не ошибся. Въ матери онъ пріобрѣлъ союзницу, могшую повліять и на дочь въ благопріятномъ для него смыслѣ. Положеніе дѣвушки, съ каждымъ днемъ, становилось тягостнѣе, такъ какъ Шереметевъ, повидимому, не обращалъ вниманія на холодность къ себѣ нравившейся ему дѣвушки, разсчитывая на вліяніе на нее родителей. А они готовы были хоть сейчасъ выдать ее за него. Примолаживаясь теперь, воевода одѣвался съ особенною тщательностью, являясь передъ молодою красавицей завитой, выбритый, держась настоящимъ пти-мэтромъ.

— Какого же тебѣ еще жениха дожидаться, Маруся?—говорила мать дочери наединѣ.—Ближній къ государямъ человѣкъ, вельможа изъ первыхъ въ государствѣ, въ полной силѣ и красѣ мужской. Вѣдь у него сватомъ самъ меньшой царевичъ будетъ. Шутка ли? А вотчины его бѣлогородскія и воронежскія? А палаты московскія, бѣлокаменныя? Сказываютъ, въ погребахъ у него несчетная казна денежная. А образованъ-то не по нашему! И къ тому же вотъ какъ тебя, дѣточка, любитъ. То явная къ намъ милость Божія! Дай-ка, узнаютъ невѣсты и ихъ матери о такомъ твоемъ счастьѣ, взбеленятся со злости. Даже помыслить о такомъ счастьѣ—лестно намъ, родителямъ. По дочкѣ-то и мы, старики, возвысимся и родъ свой превознесемъ... Отецъ твой, полковникъ, радешенекъ съ Шереметевыми породниться...

Ладь, старуха, говоритъ. Чего-жъ ты плачешь, глупая? Не плакать тебѣ, радоваться бы! Сказываютъ, первая-то его супруга, покойница, съ нимъ счастлива была. Какъ голубокъ жилъ, въ глаза онъ ей глядѣлъ и поворачивала она имъ, какъ сама хотѣла. И ты съ нимъ счастливо свѣкуешь... Но ты плачешь? о чемъ? кого ждешь? вѣдь тебѣ за двадцать лѣтъ, доню милая... Въ твои года у меня дѣтки были... Пора мнѣ своихъ внучатъ пяньчить Маруся...

— Плачу, потому что не хочу разлучаться съ тобою, матушка,— прошептала Маруся.—И воевода Шереметевъ не по мнѣ, родная. Я деревенская, глупая дѣвица, не привыкла къ его жизни городской. Онъ за меня краснѣть будетъ, за жену необразованную. Нѣтъ, нѣтъ, мамочка, не губи меня, не выдавай за воеводу... Не пойду за него, власть ваша надо мною родительская, не пойду за него...

— За кого же пойдешь?—съ явною досадою спросила полковница.

— Ни за кого, мамочка: останусь Христовой невѣстой...

— Но отецъ твой на это не согласится, Маруся. Онъ рѣшилъ: быть тебѣ за Шереметевымъ. Ты должна покориться его волѣ.

— Ни за что, мамочка! Скорѣе руки на себя наложу!

Въ словахъ взволнованной дочери звучала такая рѣшимость, что полковница принуждена была прекратить свое съ нею объясненіе. Но что она скажетъ Шереметеву, не привыкшему къ отказу своимъ желаніямъ, избалованному женскою угодливостью и податливостью? Онъ ждетъ отвѣта на свои предложенія и, конечно, не сомнѣвается въ успѣхѣ.

Полковница, какъ ни крѣпилась, заплакала, сочувствуя горькимъ слезамъ дочери, которой тяжелаго душевнаго состоянія она понять не могла. Материнское сердце инстинктивно чувствовало то, чѣмъ болѣло дочернее сердце, что отвращало его отъ предлагаемыхъ дочери жениховъ. Конечно, дочь скрываетъ свое глубокое чувство; но оно понятно матери, оно выражается слезами и отказомъ идти замужъ. Сколько сваталось къ ней хорошихъ людей и всѣмъ имъ одинъ отвѣтъ: не пойду! Не разъ мать пыталась вывѣдать у дочери ея сердечную тайну, но безъ успѣха. Во всемъ искренняя, довѣрявшаяся матери, Маруся не открывала ей тайны своего сердца, которую такъ хотѣла бы знать мать, обижавшаяся на такое незаслуженное ею недовѣріе дочери.

— Ты любишь, Маруся, — увѣренно замѣтила ей мать.— Ты ждешь того, кого любишь... Вотъ почему ты всѣмъ отказываешь...

Только вспыхнуло строгое лицо дѣвушки, а вслѣдъ затѣмъ поблѣднѣло въ отвѣтъ на эти слова матери, захватившія ее какъ-бы врасплохъ. Дрожа отъ сильнаго волненія, дѣвушка не возразила словамъ матери и не подтвердила ихъ. Мать убѣдилась въ вѣрности своего вывода и нѣжно ласкала дочь. Жи-

тейскія соображенія, располагавшія мать видѣть счастье дочери въ бракѣ съ знатнымъ вдовцомъ, не заглушили голоса ея материнскаго сердца, сочувствовавшаго теперь глубокой привязанности дочери къ тому, кого она не называетъ, но кого, вѣроятно, ждетъ. Сама способная къ сильнымъ и прочнымъ душевнымъ движеніямъ, полковница могла оцѣнить робкое, прекрасное по своей чистотѣ и сильное по своей глубинѣ дѣвичье чувство. Мать теперь убѣждалась, что это чувство выросло подъ теплымъ кровомъ московской семьи, что тотъ, кого дочь ея не можетъ забыть, никто иной, какъ Андрей Телепневъ, съ кѣмъ она росла и воспитывалась вмѣстѣ, съ кѣмъ ее неразрывно связываютъ нѣжныя, живыя узы взаимности. Но гдѣ-жъ онъ, герой Марусинаго сердца? Отвѣчаетъ ли его чувство на чувство дочери? Встрѣтятся ли они? Онъ за границей, ради своего образованія. Пора бы ему вернуться, пора бы ему утѣшить ту, которая такъ ему вѣрна, такъ по немъ страдаетъ...

— Мать,—заговорила Маруся.—Оглянись на эти палаты, на ихъ убранство, на все богатство воеводиной жизни. Гожусь ли я для нихъ? Не чужды ли они моимъ вкусамъ и привычкамъ? Вѣришь ли, что я готова отсюда бѣжать, когда за столомъ сижу, а за моимъ стуломъ стоитъ, какъ истуканъ, слуга напудренный, въ заграничномъ кафтанѣ, чулкахъ и башмакахъ? Нѣтъ, нѣтъ, родная моя: не губи меня. Не продавай знатному мужу, мнѣ противному. Не пара я съ нимъ!.. Не пойду за него.

Пришлось полковницѣ подумать да подумать, какъ бы поприличнѣе и не оскорбляя мужского самолюбія Шереметева, сообщить ему о несогласіи Маруси быть его женой. Такъ какъ онъ разсчитывалъ жениться, не заботясь о чувствахъ къ себѣ невѣсты и самъ увлекаясь не чувствомъ, а только чувственностью, то, конечно, отказъ дѣвушки могъ оскорбить лишь его самолюбіе. Впрочемъ, онъ выслушалъ полковницу съ достоинствомъ истинно порядочнаго мужчины, чѣмъ значительно облегчилъ полковницѣ ея непріятную материнскую обязанность.

— Весьма признателенъ вамъ, высокопочитаемая сударыня Елена Васильевна, за выполненіе моей покорнѣйшей просьбы,— сказалъ Шереметевъ, подымаясь со стула и почтительно цѣлуя руку полковницы.—Въ непріятномъ мнѣ отказѣ вашей прелестной дочери я, по справедливости, долженъ винить лишь себя самого: ни по возрасту, ни по своему личному достоинству я не гожусь ей въ мужья. За симъ, мнѣ остается пожелать вашей дочери отличной партіи, а вамъ, сударыня, зятя и внучатъ.. Къ великому своему сожалѣнію вынужденнымъ нахожусь лишиться вашего наипріятнѣйшаго общества, ибо поспѣшить долженъ къ исполненію своей обязанности служебной, въ послѣднее время весьма отяготительной, по причинѣ крымскаго похода. Изъ моего Бѣлгородскаго полка снаряжаются многія сотни. Прощенья испрашиваю за столь нелюбезную и не кавалерскую ретираду мою отъ благородной дамы, коей бесѣда токмо услаждать

можетъ. Честь имѣю, сударыня, нижайше откланяться, впредь до наипріятнѣйшаго свиданія нашего за обѣдомъ.

— До свиданія, Борисъ Петровичъ!

Полковница на его поцѣлуй своей руки отвѣтила поцѣлуемъ его въ лобъ, а на его „кавалерскій“ поклонъ—поклономъ же.

— Уфъ!—съ глубокимъ вздохомъ, облегчившимъ ея грудь, произнесла она.—Словно гора съ плечъ свалилась! Какъ бы намъ поскорѣе изъ Бѣлгорода выбраться. Неловко намъ теперь на хозяина нашего глядѣть. А Маруся къ нему выходить теперь боится! То-то наше женское сердце, не поймешь его...

XXI.

А Бѣлгородъ стоялъ на Донцѣ, на Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Донца и послѣ литовскаго разгрома перенесенъ на другую сторону Донца.

(„Книга Большого чертежа“, конца XVI вѣка).

Значеніе бѣлгородскаго воеводы обусловливалось въ то время важностью Бѣлгородской крѣпости, составлявшей средоточіе „Бѣлгородской черты“, т. е. укрѣпленій и городовъ сторожевыхъ, въ количествѣ двадцати, охранявшихъ московскую Украйну отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ и крымцевъ. Кромѣ того, Бѣлгородъ для юга Россіи представлялъ важнѣйшій пунктъ торговый, промышленный и просвѣтительный. Архіерейская каѳедра и духовное училище распространяли и поддерживали православіе и духовное образованіе на огромномъ пространствѣ уѣздовъ, подчиненныхъ бѣлгородскимъ гражданскимъ, военнымъ и духовнымъ властямъ. Сильныя земляныя укрѣпленія съ деревяннымъ городомъ и башнями, защищаемыя стрѣлецкими полками и дальнобойными пушками, считались тогда неприступными. Только измѣна могла овладѣть этою пограничною крѣпостью, чему доказательствомъ были историческія событія. Въ іюнѣ 1600 года крымцы напали на Бѣлгородъ, но были съ великимъ для себя урономъ отбиты и прогнаны орловскимъ воеводою, княземъ Тятевымъ. Когда же подъ Бѣлгородъ, обстрѣливаемый полутораста большими пушками, защищаемый многочисленнымъ гарнизономъ и снабженный всякими военными и продовольственными запасами на долгое время, подошли слабые отряды Лжедмитрія, эта важная крѣпость поддалась дерзкому самозванцу, по тѣмъ же политическимъ соображеніямъ, по тому же неудовольствію на московское правительство, по какому отворили свои ворота самозванцу крѣпости Украйны литовско-польской—Рыльскъ, Путивль и прочія...

Изюмскій полковникъ, конечно, удовлетворилъ свое воинское чувство подробнымъ осмотромъ этой крѣпости. Въ гостепрі-

мныхъ палатахъ тароватаго воеводы собрались теперь всѣ зависящіе отъ его власти, полковники казачьи: Ахтырскій—Кондратьевъ, Сумской—Перекрестовъ, Изюмскій—Захаржевскій, считавшійся Харьковскимъ. Также городовые головы: ежедневно, подъ предсѣдательствомъ воеводы, они засѣдали въ канцеляріи, занимаясь распредѣленіемъ подводъ съ сухарями, порохомъ, фуражемъ, высылаемыхъ изъ ихъ уѣздовъ въ большой полкъ князя Голицына, собиравшійся на берегахъ рѣки Мерло. Туда же направляли они сотни изъ своихъ полковъ. Теперь Бѣлгородъ казался пробудившимся къ шумной и дѣятельной жизни. День и ночь по его песчанымъ улицамъ тянулись безконечные обозы, слышался скрипъ и шумъ колесъ, мужичья ругань, ржаніе коней, ревъ воловъ въ ярмѣ. Шли пѣшіе и конные полки, оглашая городъ своими пѣснями, барабаннымъ боемъ, рѣзкими звуками мѣдныхъ трубъ. Воевода Шереметевъ осматривалъ каждую воинскую часть, провѣрялъ обозы, разсылалъ приказы и донесенія.

Полковница только дивилась, какъ это онъ, воевода, не имѣя минуты покоя, способенъ еще увлекаться дѣвушкой и думать о женитьбѣ: въ пору ему службу свою отправлять. Отвыкнувъ отъ городского многолюдства и шума, она съ удовольствіемъ покинула Бѣлгородъ, представлявшій теперь всевозможныя неудобства военнаго времени. Знакомства, завязавшіяся у нея съ здѣшними госпожами, тоже не были ей по вкусу, такъ какъ ея жизнь деревенская и ихъ городская слишкомъ различались.

По настроенію отца Маруся поняла, что онъ ею недоволенъ За что,—она знала. Обратный путь домой показался ей безконечнымъ, такъ хотѣлось ей быть наединѣ съ самой собою, съ своими мыслями о миломъ прошломъ, съ своими надеждами, что оно вернется, хотя, конечно, въ другихъ условіяхъ, съ другимъ значеніемъ. Совѣсть ея была спокойна потому что, отказывая женихамъ, она пребывала вѣрною себѣ и своимъ прочнымъ симпатіямъ. Осуществятся ли ея мечты? Она недоумѣвала, останавливаясь на этомъ мучившемъ ее вопросѣ.

Впрочемъ полковнику Донцу некогда было теперь очень заботиться о судьбѣ дочери, его отъ семейныхъ дѣлъ отвлекали дѣла служебныя. Прошло полстолѣтія, какъ слободская Украйна изъ необитаемаго „поля дикаго“ стала населенною, порубежною со степями области русскаго государства, съ военнымъ, на казацкихъ началахъ, устройствомъ. Достигнувъ извѣстнаго благосостоянія, населеніе нуждалось уже въ развитіи своей гражданственности. Это сознавали лучшіе представители населенія, конечно, и полковники слободскихъ полковъ. Полковое и сотенное начальство имѣло слѣдующее устройство:

Всякій полкъ управлялся полковникомъ и членами полковой старшины. Онъ и они избирались всею полковою старшиною на всю жизнь, по большинству голосовъ. Власть полковника была большая. Вѣдалъ порядокъ въ населеніи, распоряжался землями полка; могъ раздавать въ потомственное владѣніе „пустопорожнія“, никѣмъ не занятыя земли тѣмъ изъ своихъ подчиненныхъ

кого считалъ того достойнымъ по заслугамъ, и самъ могъ таковыя угодья занимать въ свое потомственное владѣніе. Свои письменные приказы—универсалы, за собственноручною подписью, онъ утверждалъ приложеніемъ своей гербовой печати, считавшейся полковою. Въ строю полка онъ имѣлъ знакъ своей власти —перначъ или шестоперъ изъ металла, украшенный драгоцѣнными камнями. Подобіе гетманскаго бунчука, то былъ длинный тонкій шестъ, съ верхняго конца съ мѣдною позолоченною шишкою, изъ которой развѣвались перья, орлиныя и иныя. Полковую старшину составляли: полковой обозный, начальникъ пушкарей и укрѣпленныхъ мѣстъ; на время отсутствія полковника, обозный занималъ его должность, хотя безъ власти давать универсалы. Полковой есаулъ былъ помощникомъ по военной части. Полковой хорунжій начальствовалъ хоружевыми казаками, т. е. личною охраною полковника, и хранилъ хоругвь, полковое знамя. Хоругвь украшалась ликомъ св. Дѣвы или святого считавшагося покровителемъ полка. Полкъ гордился богатствомъ украшеній своей хоругви. Полковые писаря были секретарями въ полку: одинъ по гражданской, другой по военной части. Эти шесть чиновниковъ составляли постоянную полковую раду, т. е. совѣтъ о важнѣйшихъ военныхъ дѣлахъ. Полковникъ на радѣ имѣлъ два голоса. Распорядителемъ дѣлъ въ радѣ былъ полковой обозный. Гражданскія же дѣла рѣшались въ полковой ратушѣ, гдѣ засѣдали тѣ же чиновныя лица, а распорядителемъ былъ полковой судья. Сотня управлялась сотникомъ почти такъ же, какъ полковникомъ полкъ; сотникъ выбирался толковою старшиною. Въ сотнѣ былъ еще сотенный атаманъ вмѣсто судьи, есаулъ, писарь и хорунжій. Выборъ ихъ, а равно и обращеніе ихъ по прежнему въ рядовые казаки зависѣлъ отъ сотника. Атаманы и писаря засѣдали въ сотенной ратушѣ, а есаулы и хорунжіе распоряжались по военной части.

Устройство въ слободскихъ полкахъ было похоже на устройство украйны казацкой: каждый полкъ имѣлъ до 800 казаковъ выборныхъ, несшихъ постоянную службу, конныхъ, вооруженныхъ саблями, ружьями, пистолетами и пиками. Казаки были трехъ разрядовъ: сотенные, хорунжевые и пушкари. Прочіе казаки, не обязанные постоявною службою военною, раздѣлялись на два разряда: въ первомъ семейства военнослужилыхъ казаковъ и ихъ свойственниковъ, изъ которыхъ брались выборные казаки. Во-вторыхъ—семейства казаковъ компанейцевъ или подпомощниковъ, которые должны были помогать служилымъ во всѣхъ надобностяхъ и во время походовъ доставлять имъ провіантъ Въ послѣдніе годы XVII-го вѣка въ Сумскомъ полку было девять сотенъ, въ Ахтырскомъ девять, въ Харьковскомъ восемь, въ Изюмскомъ восемь и въ Острогожскомъ девять. Сотни отличались одна отъ другой сотенными значками съ изображеніемъ креста и нумера сотни. Подъ сотнею понималось не только сто строевыхъ выборныхъ казаковъ, а какъ бы цѣлый уѣздъ, управляемый сотникомъ. Бывали сотни, гдѣ считалось

болѣе двухъ тысячъ выборныхъ казаковъ. Старые обычаи Поднѣпровья отразились въ устройствѣ слободской украйны. Полукочевой образъ гражданственности и понятій основывался не на письменныхъ законахъ, начертанныхъ государственною властью, а на преданіяхъ, mores majorum, и на произволѣ начальствующихъ. Надвигающійся XVIII вѣкъ вызывалъ живую потребность кореннаго измѣненія казацкаго общественнаго строя, что сознавалъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ и лучшіе умы русскихъ государственныхъ людей. О неудовлетворительности гражданскаго порядка въ слободскихъ полкахъ заходила серьезная рѣчь на съѣздѣ полковниковъ у бѣлгородскаго воеводы Шереметева.

Григорій Ерофеичъ теперь часто заводилъ о томъ же рѣчь со своими помощниками по полковому управленію. Спѣшныя ежедневныя потребности, вызванныя Крымскимъ походомъ, невольно отдаляли Изюмскаго полковника отъ семьи. Онъ теперь рѣдко появлялся въ Бугаевкѣ у своихъ, вынужденный безотлучно быть на своемъ начальническомъ посту, въ Изюмѣ, куда безпрестанно прибывали нарочные съ приказаніями изъ Бѣлгорода, и откуда тоже безпрестанно скакали верховые съ распоряженіями полковника.

Однообразно тянулась жизнь матери съ дочерью въ новомъ бугаевскомъ домѣ. Дѣятельная хозяйка, полковница по прежнему несла на себѣ всю тяжесть управленія своею большою вотчиною. Ея хозяйскій глазъ, казалось, все видѣлъ, всюду гдѣ надо, она поспѣвала. Но въ минуты отдыха, оставаясь съ Марусей, въ неутомимой хозяйкѣ сказывалась женщина, мать. Когда она, нѣжно глядя на дочь, брала ея руки въ свои и, молча, плакала, дочь понимала ея слезы и имъ сочувствовала. То была материнская печаль о сыновьяхъ, материнскія опасенія за жизнь молодыхъ героевъ, выступившихъ въ поле съ своими сотнями. Вѣдь Ѳедоръ только что со смертнаго ложа всталъ, уложенный чуть не на вѣкъ вражескою пулей, а Константинъ —едва изъ ребятъ вышелъ. Благородные юноши, вѣдь, съ семилѣтняго возраста на конѣ и подвергаются наравнѣ со старыми воинами всѣмъ лишеніямъ и опасностямъ боевой службы. Такъ хочетъ ихъ отецъ, но не она, ихъ мать. Она не отпустила бы ихъ отъ себя, еслибы это отъ нея зависѣло. Ея слезныя просьбы, ея убѣжденія не измѣнятъ воли отца, ставящаго долгъ воинскій высшимъ назначеніемъ шляхетнаго юноши и считающаго честную смерть съ саблею въ рукѣ на ратномъ полѣ болѣе достойною для него самого и его сыновей, чѣмъ смерть на постели или иная. Хотя полковница рѣдко высказывала свои опасенія за сыновей и горевала больше молча, но Маруся въ такія тяжелыя минуты, переживаемыя матерью, смотрѣла на нее съ состраданіемъ и часто бросалась къ ней на грудь, обнимала ее съ нѣжными словами и ласками, утѣшала ее, плакала вмѣстѣ съ нею и объ одномъ и томъ же горевала. Это общее ихъ горе —сблизило ихъ, постепенно устранило то нравственное средостѣніе, что ихъ какъ бы раздѣляло.

Энергичный характеръ пани полковницы, отчасти соотвѣтствовавшій характеру ея супруга, способенъ былъ въ сосредоточенности въ себѣ чувства, хотя бы самаго тяжелаго. Она поддавалась своей женской и материнской слабости лишь въ крайнихъ случаяхъ и ея слабымъ мѣстомъ оказывалась ея материнская любовь. Но даже ее она боялась обнаруживать при мужѣ. Маруся коротала длинные лѣтніе дни, или помогая матери по хозяйству, или занимаясь своею женскою работою съ иглою и ножницами въ рукахъ, или углубляясь въ чтеніе. Книги, взятыя ею еще изъ Москвы въ дорогу, были, конечно, у нея. Любимымъ ея чтеніемъ былъ „Василіологіонъ — персоны Ассирійскихъ, Персидскихъ, Греческихъ, Римскихъ царей и Великороссійскихъ великихъ князей и царей". Въ Марусѣ слобожане находили свою „милую панночку", всегда готовую помочь обращавшимся къ ней съ своими нуждами всѣмъ, чѣмъ только могла. Она предстательствовала за нихъ передъ матерью, рѣдко отказывавшей ей въ ея просьбахъ за „подданныхъ". Она врачевала болѣзни, конечно, по указанію полковницы и ея домашними лекарствами. Она не могла отказываться отъ приглашенія быть крестною матерью у роженицъ, почему множество младенцевъ обоихъ половъ на свободѣ оказались ея крестниками и крестницами, и столько же хохловъ и хохлушекъ получили лестное для себя право, при встрѣчѣ съ панночкой, кланяться ей съ родственной улыбкой и привѣтствіемъ: „Добры-день, кума-панночка!" Какъ къ своей кумѣ, къ панночкѣ, по праздникамъ, послѣ обѣдни, прихаживали „отвѣдать" ее, т. е. посѣтить, молодицы съ дѣтынами на рукахъ. Отъ нихъ, сосуновъ, лица, матери принашивали „хрестной" — яйца, мягкія паляницы, пазубникъ (землянику) въ мискѣ или орѣхи. Съ пустыми руками матери къ панночкѣ—„хрестной" не приходили. Панночка, съ своей стороны, отдаривала своихъ крестныхъ дѣтишекъ своимъ рукодѣльемъ: колпачками, чепцами, одѣяльцами, бѣльемъ и т. д., либо помогала матерямъ ихъ въ ихъ домашнихъ и хозяйственныхъ нуждахъ, благодаря щедрости въ такихъ случаяхъ полковницы.

Серьезная хозяйка, бывало, сочувственно улыбалась, заставая по воскресеньямъ въ горницѣ дочери ея гостей — слободскихъ молодицъ съ дѣтынами, разсаженныхъ не только на лавкахъ и стульяхъ, но и на полу.

— Со святымъ воскресеніемъ васъ, молодыци! — съ доброю улыбкою привѣтствуетъ госпожа своихъ подданныхъ, поклономъ благосклоннымъ отвѣчая на ихъ почтительные поклоны.—Сѣдитъ соби! чего схаменились?—успокаиваетъ госпожа смущенныхъ ея появленіемъ молодицъ, засуетившихся передъ нею встать. — Ты бы, Маруся, гостей своихъ привычла чѣмъ...

Полковница уходитъ, не желая своимъ присутствіемъ стѣснять отношенія по душѣ молодицъ къ молодой госпожѣ. Но вслѣдъ за ушедшей хозяйкой, хоромныя дѣвчата вносятъ угощенье, сообразное времени года; сухія подсолнечныя и тыквен-

ныя семена, столь любимыя хохлушками, предлагались неизмѣнно всякій разъ.

По праздникамъ, погожими вечерами, на полковничій дворъ, или на просторный выгонъ, у качелей собиралась большая толпа молодицъ и дѣвчатъ, наряженныхъ въ свой праздничный нарядъ, съ головами, убранными яркими цвѣтами.

Отъ веселой толпы отдѣлялись двѣ или три красавицы и шли за панночкой, безъ которой не начинался „карагодъ“. Панночка, тоже въ малороссійскомъ нарядѣ, въ вѣнкѣ живыхъ цвѣтовъ на головѣ, выходила къ подругамъ съ удовольствіемъ, выражавшимся на ея прекрасномъ лицѣ, и въ ея миломъ обращеніи съ ними. Карагодъ начинался. Старинный, патріархальный бытъ полковничьей семьи оказался вполнѣ по вкусамъ и понятіямъ Маруси. Простота жизни казачьяго шляхетства, т. е. дворянства того времени отличалась отъ простоты жизни казацкаго простонародья развѣ только однимъ сравнительнымъ довольствомъ въ матеріальныхъ средствахъ. Полковникъ Донецъ казался только первымъ полковымъ казакомъ, будучи самъ плотью отъ плоти и костью отъ костей казачества. Начальникомъ онъ былъ только передъ полкомъ, судьею—только въ полковой ратушѣ. Въ частной своей жизни онъ не гнушался сообщества стараго простого казака и водилъ хлѣбъ-соль пріятельскую съ простыми казачьими семьями. Народныя добродѣтели и слабости были и его добродѣтелями и слабостями. Эта характерная черта простоты и общительности особенно нравилась въ отцѣ Марусѣ. Скромная, разумная во всемъ панночка, ко всѣмъ всегда одинаково внимательная, всегда расположенная содѣйствовать или сочувствовать всякому горю, всякой нуждѣ, она заслужила всеобщую любовь домашнихъ, сельчанъ и семейныхъ лицъ полковой старшины. Старики сотники и есаулы, такъ же, какъ и ихъ жены и дѣти, были ея пріятели и пріятельницы, громко выражавшіе ей пожеланія выйти замужъ за человѣка, ея стоющаго. Такимъ человѣкомъ общее мнѣніе считало молодого сотника, въ чинѣ стольника московскаго—Шидловскаго. Что Шидловскій вздыхаетъ по полковничьей дочери и что готовъ ее сватать, это тоже всѣмъ было извѣстно. Но проходятъ годы, панночка не замужемъ; невѣста, уже не первой молодости, отказываетъ даже такимъ завиднымъ женихамъ, какъ Шидловскій, тоже общій любимецъ...

Само собою, что мѣстные толки различно объясняли поведеніе дѣвушки, основательно подозрѣвая тутъ сердечную зазнобушку, влекущую ее въ Москву. Къ подобному толкованію поводъ подала сама пани полковница, не скрывавшая своего убѣжденія отъ есаульши полковой и другихъ пріятельницъ, что Маруся, вѣроятно, ждетъ своего братца названнаго.

Воскресный вечеръ собралъ на широкомъ выгонѣ слободы Бугаевки молодежь играть пѣсни. Чудная погода вызвала на призьбы и на лавочки у своихъ воротъ стариковъ и старухъ подышать свѣжимъ воздухомъ, полюбоваться на взошедшій мѣсяцъ, на играющую и поющую молодежь. Небесная синева

какъ бы посеребрилась и всѣ предметы видимые—бѣлыя мазанки подъ очеретовыми или соломенными кровлями, вишневые садки, дубовый байракъ, деревянная церковь, выгонъ, парни въ бѣлыхъ свиткахъ, дѣвки въ бѣлыхъ сорочкахъ казались посеребренными.

Едва Маруся подошла къ хороводу, какъ дѣвки и молодицы дружно запѣли:

Не спи, матинко, у ночи,
Печи, матинко, калачи!
Печи на меду:
Я тобі дружокъ наведу.
Печи, матинко, на яйцахъ—
Я тобі наведу въ сапьянцахъ.
Уже сонечко въ гору иде,—
Уже наша молода зъ двору йде,—
По-підъ вишневымъ садочкомъ;
За нею дружечки рядочкомъ
Ломайте калиночку червоненьку,
Квічайте Марусеньку молоденьку!..
Де наша княжна ходила,
Тамъ калина уродила.
А де дружечки,—
Вродили ягідки.
По дорозі барвинокъ,
Наши молоді на винокъ.
Низомъ, дружечки, низомъ
Закидана доріженека хмизомъ.
—Ту у молодого кинь вороненькій
Перескочитъ хмизъ зелененькій,
А въ молодоі ще й воронійшій,
Перескочитъ ще й зеленійшій!

Пѣсня эта поется дружками тогда, когда „молода“ прощается съ матерью при выходѣ своемъ изъ хаты,—это знала панночка; съ неудовольствіемъ остановилась она на своемъ имени, помянутомъ въ пѣснѣ. Показалось панночкѣ, что хороводъ какъ бы умышленно играетъ свадебную пѣсню, съ добрымъ желаніемъ видѣть ее, панночку, молодицей. Она не то смутилась, не то разсердилась за пѣсню. Но въ то же время, какое-то предчувствіе шептало ей, что будетъ время, быть можетъ и близкое, когда она съ удовольствіемъ счастливой „молодой“ услышитъ эту пѣсню. Сама не понимая своего настроенія, она поспѣшила удалиться отъ веселаго хоровода, вызывавшаго ея слезы.

Она шла, не думая — куда, и очутилась на берегу Изюмца. Съ обоихъ береговъ ивы и ольхи, перевитыя водорослями, тонкими вѣтвями крученыхъ панычей, которыхъ цвѣтки висятъ головками внизъ. Съ песчанаго рѣчного дна къ свѣту тянутся аиръ, чаполоть, водяной макъ, желтые „глечики“. Пластами, то недвижимыми, то слегка колеблемыми, чуть замѣтнымъ теченіемъ прозрачной воды, на ея поверхности, посеребренной луннымъ сіяніемъ, лежатъ круглые широкіе листья лататья, а его бѣлые цвѣты на цѣпкихъ корняхъ — „товстунахъ“ купаются въ водѣ. Зеленый очеретъ не шелохнется. Прозрачный паръ легкою дымкою стелется надъ извилистой рѣчкой, сообщая ей, въ мѣсячномъ

освѣщеніи, фантастическій видъ. Маруся любила это уединенное мѣсто, гдѣ она, утрами, купалась и удочкой ловила рыбу. Сюда слабо доносились звуки хоровой пѣсни. Стихли и они. Маруся все еще сидѣла на бережку, задумавшись, очарованная прелестью лѣтней ночи, безсильная освободиться отъ навѣянныхъ ею грезъ. Длинная тѣнь отъ ея фигуры падала на воду. О чемъ она раздумывала, — она не могла дать себѣ отчета. И могла ли она думать о чемъ-нибудь, вся поглощенная поэзіею чудной ночи съ ея волшебными красками, звуками и таинственностью истинно-божественною. Въ такія ночи она уходила далеко отъ самой себя, высоко подымалась отъ земли и, казалось ей, жила иною, неземною жизнью. Забывала, гдѣ она, кто она, уносилась душою и мечтами туда, гдѣ земному человѣку нѣтъ мѣста...

Вдругъ она вздрогнула и прислушалась. Послышались ей конскій топотъ и голосъ, приближавшіеся. Она поспѣшила встать, не зная, спрятаться ли ей, или бѣжать домой? Но послѣднее оказывалось невозможнымъ, потому что двое конниковъ ѣхали по дорогѣ, ведшей въ Бугаевку. Прежде, чѣмъ панночка рѣшилась на что-нибудь, конники ее замѣтили и къ ней подъѣхали. Отъ сильнаго волненія, ею овладѣвшаго, она не могла шагу сдѣлать и стояла неподвижно, подобно прекрасной статуѣ, облитая съ головы до ногъ волшебнымъ луннымъ свѣтомъ, серебрившимъ ея бѣлую сорочку и шелковую плахту...

XXII.

Ой, не шуми, луже, зеленый байраче;
Не плачь, не журися, молодый козаче!
Якъ мені не шуміти, бувши зеленому,
Якъ мені не плакати, бувши молодому:
Сосидоньки близькі, ворогоньки тяжкі,
Не велятъ ходити, дівчины любити!
Ой, по тобі, луже, не нахожуся,
Кого вѣрно люблю, не надивлюся.

— —

Дивчино кохана, здорова була,
Чи-жъ ты вже за мене тай позабула?
Пріихавъ до тебе, Богъ тебе знае,
Чи твое серденько мене кохае?

(*Народная малороссійская пѣсня*).

Стоитъ Маруся—не шелохнется, смотритъ на подъѣхавшаго молодого офицера—сама себѣ не вѣритъ: передъ нею тотъ, о комъ она не переставала думать столько лѣтъ, о комъ Богу молилась, кого ждало ея любящее сердце. Предчувствіе ее не обмануло, не обманываютъ и ея глаза: это онъ, милый братецъ ея названный! Онъ! Это говорятъ ей ея глаза и сердце, забившееся мучительно сладко. Онъ, ея милый Андрей.

— Маруся!—услыхала она знакомый, милый ей голосъ, зву-

чавшій хорошимъ мужскимъ чувствомъ, бросившимъ ее въ жаръ, отъ котораго закружилась у нея голова и вся она вздрогнула.— Тебя ли вижу, сестрица названная? Не сонъ ли это восхитительный?! Маруся!..

Но она безъ отвѣта и движенія стояла, словно очарованная, не сводя съ него очей, расширенныхъ изумленіемъ.

Она убѣждалась, что онъ торопливо слѣзъ съ сѣдла, отдалъ поводья коня своему казаку съ приказаніемъ отвести его на панскую усадьбу, что онъ остался съ нею наединѣ, что она безмѣрно счастлива оставаться съ нимъ глазъ на глазъ... Но тутъ легкое облачко закрыло отъ ея глазъ и Андрея, и свѣтлую ночь, она безъ чувствъ упала на грудь подхватившаго ее друга: любящее дѣвичье сердце не выдержало силы переполнившаго его чувства.

— Маруся! что съ тобою! — шепталъ въ невольномъ испугѣ Телепневъ, осторожно опуская безчувственную дѣвушку на траву и не отрывая отъ нея глазъ. „Какъ она похорошѣла, сложилась?“— думалъ онъ, самъ взволнованный и счастливый мыслью, что онъ ею любимъ, чему доказательство видѣлъ въ ея обморокѣ.

Вволю насладившись видомъ любимой дѣвушки, распростертой предъ нимъ на травѣ, уступая тутъ эгоистическому чувству любящаго мужчины и за нимъ забывая подать ей нужную помощь, онъ, наконецъ, опомнился. Свѣжая рѣчная вода, которою онъ смочилъ ея голову, возвратила Марусю къ ея способностямъ. Она открыла свои глаза и тихо вздохнула. Изъ-подъ соболиныхъ бровей на Телепневѣ остановился взглядъ, безъ словъ говорившій ему все то, что ему хотѣлось знать, что его счастливило и было ему дороже самой его жизни. Въ агатѣ ея прекрасныхъ глазъ, отражавшихъ свѣтъ мѣсяца и блестѣвшихъ чистою, какъ бриллiантъ, дѣвичьею слезою, капавшею съ густыхъ рѣсницъ, свѣтилась глубокая любовь, полностью отданная ему.

— Андрей!—чуть слышно прошептали ея еще блѣдныя губы,— какъ я счастлива съ тобою!

Казалось, она еще не отдавала себѣ отчета — въявь или во снѣ видитъ своего друга. Но придя въ себя, она устыдилась и поспѣшила измѣнить свое положеніе и, съ помощію его, присѣла, смущенная тѣмъ, что онъ ею лежащею любовался во время ея безчувствія. Но она не только позволила ему себя обнять, но сама склонила свою головку въ цвѣтахъ на его плечо. Его страстныя ласки, горячіе поцѣлуи, совсѣмъ не братскіе, теперь вызывали съ ея стороны слабое сопротивленіе, скоро ему уступившее. Эта минута встрѣчи двухъ любящихъ сердецъ, безъ словъ высказавшихся, была рѣшительною минутою въ жизни Андрея и Маруси.

— Наконецъ-то свидѣлись,—шептала она, ослабленная сильнымъ душевнымъ волненіемъ и съ нѣжной улыбкой всматриваясь въ возмужалое лицо Андрея. — Не чаяла я такого счастья, милый Андрюша... прождалась...

— Ждала ты меня, Маруся? — спросилъ онъ и едва разслышалъ ее.

— Ждала, Андрюша... долго ждала...

— Я боялся, что ты уже замужемъ... очень боялся...

— Почему же, Андрюша?

— Потому что я тебя люблю, Маруся... ты все это время нашей разлуки не выходила у меня изъ головы и сердца. Не видя тебя, въ отдаленіи, я убѣдился въ томъ, что люблю тебя не какъ сестрицу названную... Ахъ, если бы ты могла отвѣчать моему къ тебѣ чувству!..

— Ужели ты еще въ этомъ сомнѣваешься, милый Андрюша?

Въ ея замѣчаніи онъ понялъ заслуженный себѣ упрекъ и поторопился оправдаться, сказавъ:

— Прости, Маруся, любящаго тебя друга, такъ долго ничего о тебѣ не знавшаго. Эта наша встрѣча разсѣяла мои сомнѣнія. Но если я заслужилъ твою любовь, ты должна принадлежать мнѣ. Думала ли ты обо мнѣ, какъ о своемъ мужѣ?

— Думала,—чуть слышно призналась дѣвушка, скрывъ свое вспыхнувшее лицо на его плечѣ. — Не мучь меня подобными вопросами, Андрюша! Я не умѣю высказать, что я чувствую, какъ я счастлива съ тобою въ эту минуту... Развѣ нужны слова тамъ, гдѣ чувство говоритъ само за себя? Развѣ наше счастье дано намъ не нашею взаимною любовью?

Какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, она крѣпче обняла его шею руками, и онъ покрылъ ея головку и лицо горячими, нѣжными поцѣлуями.

— О, какъ хороша молодая жизнь, согрѣтая любовью, Маруся!—воскликнулъ въ избыткѣ счастья Телепневъ, получившій на его поцѣлуи ея отвѣтный долгій поцѣлуй.—Ради такого свиданья, забудемъ горечь тяжелой разлуки. Повтори же, Маруся, ты моя?..

— Твоя, Андрюша.

— А твои родители?

— Въ ихъ согласіи я увѣрена. Они догадываются о томъ, что я тебя ждала...

— Но почему же?

— Потому, что я отказывала всѣмъ женихамъ. За мой отказъ послѣднему жениху они на меня сердятся, упрекаютъ меня...

— Кто-жъ этотъ послѣдній женихъ?

— Борисъ Петровичъ Шереметевъ, вдовецъ, воевода бѣлгородскій.

— Шереметевъ! И ты, Маруся, ему отказала? Какая же ты хорошая дѣвушка! Съ тобою идти въ жизни рука объ руку, любить тебя, быть тобою любимымъ — вотъ истинное человѣческое счастье! Стою ли я тебя, Маруся? Ты лучше меня! Твое сердце не измѣнило чувству, разъ полюбивши. Ты за нимъ шла, за этимъ чувствомъ, не зная, что оно тебѣ дастъ, куда тебя приведетъ. Какъ неусыпная евангельская невѣста, ты съ возженнымъ свѣтильникомъ въ ночи встрѣтила жениха своего. Богомъ

клянусь тебѣ, избранница моего сердца, жить для тебя съ той минуты, какъ назову тебя супругою! Взгляни кругомъ: сама природа благословляетъ союзъ нашъ! Чудная мѣсячная ночь ликуетъ вмѣстѣ съ нами! Она свѣтла, какъ свѣтло у насъ на душѣ; она бодра и свѣжа, какъ бодры мы, какъ свѣжи обѣты наши.

— Продолжай, говори мнѣ о своей любви, о себѣ, милый! — шептала Маруся, разнѣженная полнымъ счастьемъ переживаемыхъ минутъ, не сводя своихъ восхищенныхъ глазъ съ того, кого считала уже своимъ женихомъ. — Разсказывай о заграничной жизни, думалъ ли ты тамъ обо мнѣ такъ, какъ я о тебѣ здѣсь думала? Горевалъ ли, какъ я горевала?... Не зная о тебѣ ничего, я ужасно за тебя боялась, Андрюша... То представлялось мнѣ, что ты умеръ, что боленъ, при смерти и за тобою ходить некому... Такъ бы, кажется, полетѣла къ тебѣ, милому... То воображала еще худшее...

— Что же именно?—не утерпѣвъ, спросилъ Телепневъ.

— Что ты полюбилъ тамъ чужеземку, Андрюша, — заставила себя признаться дѣвушка, скрывая онъ него свое лицо на его груди.—Тогда я страдала невыносимо, Андрюша...

— Какъ? — спросилъ онъ. — Ужели знать, что я умеръ, тебѣ было бы легче, чѣмъ знать, что я увлеченъ чужеземкой, или что я на ней женился?

— Да, Андрюша,—чуть слышно прошептала дѣвушка, смущенная своимъ признаніемъ.—Уступить тебя другой, выше силъ моихъ...

— А если бы судьба не свела меня съ тобою, Маруся, рѣшилась ли бы ты замужъ пойти за человѣка, тебѣ не противнаго?

— Ни за кого, никогда, Андрюша... Вѣдь я же отказывала своимъ женихамъ, хотя сомнѣвалась въ возможности съ тобою встрѣтиться... Всѣ они мнѣ противны, потому что я люблю одного...

— И какъ счастливъ этотъ одинъ, чувствуя и сознавая, что любимъ такою дѣвушкой, какъ ты, Маруся,—воскликнулъ Телепневъ, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ.

Друзья дѣтства, названные братъ и сестра, разставшись нѣсколько лѣтъ тому назадъ, едва выйдя изъ дѣтскаго возраста, встрѣтились совершеннолѣтними людьми, успѣвшими провѣрить себя и свои взаимныя отношенія самою жизнію. Продолжительная разлука способствовала и ему, и ей опредѣлить чувство, ихъ связывавшее съ дѣтства и развившееся обстоятельствами, казавшимися враждебными ихъ чувству. Моралисты справедливо утверждаютъ, что разлука, подобно вѣтру, гаситъ искру или раздуваетъ ее въ пожаръ; такъ, разлука безсильна была потушить истинное, сердечное чувство нашихъ молодыхъ друзей, давшихъ обѣтъ принадлежать другъ другу въ эту свѣтлую мѣсячную ночь, прекрасную, какъ прекрасна была ихъ сердечная связь. Наслаждаясь созерцаніемъ другъ друга и признаніемъ взаимной любви, честно выдержавшей искусъ времени и об-

стоятельствъ, отдавшись другъ другу на вѣки, молодые любовники чувствовали себя на верху возможнаго земного счастья. Какъ бы могучій потокъ несъ ихъ на своихъ тихихъ волнахъ въ страну вѣчнаго счастья, вѣчной весны. Очаровательная южная ночь, съ своимъ мечтательнымъ луннымъ сіяніемъ, съ своими фантастическими тѣнями и игрою голубоватаго свѣта, съ своимъ серебромъ на древесной листвѣ, на очеретѣ, на водѣ рѣки, на лицахъ и рукахъ любовниковъ, соотвѣтствовала ихъ любовному очарованію. Переполненные счастьемъ, они, молча, всматривались другъ въ друга, сами себѣ не вѣря, что они, наконецъ, вмѣстѣ, что принадлежатъ другъ другу, что, наконецъ, выяснились ихъ взаимныя отношенія, произнесены послѣднія, рѣшающія ихъ судьбу слова. Постепенно они возвращались къ своимъ давнимъ, но еще живымъ впечатлѣніямъ, къ своему общему дѣтству, къ своей ранней молодости. Это прошлое ихъ дало имъ это настоящее ихъ. Счастье настоящихъ минутъ они купили цѣною столькихъ сердечныхъ мукъ, тяжелыми годами разлуки...

Но можетъ ли земное счастье быть полнымъ? Маруся, любуясь своимъ женихомъ, артиллерійскимъ офицеромъ, невольно думала о его службѣ, которая опять оторветъ его отъ нея. Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ эта несносная разлука съ милымъ!

Она заплакала.

— О чемъ, Маруся, плачешь? — участливо и съ замѣтнымъ испугомъ спросилъ ее Телепневъ, вглядываясь въ ея влажные глаза, словно по нимъ желая узнать причину ея слезъ. — Слезы въ нынѣшнюю ночь? Слезы, когда мы съ тобою такъ безмѣрно счастливы? Нѣтъ, Маруся, не плачь!..

— Ты офицеръ, Андрюша,—пояснила она свои слезы,—ты на войну пойдешь, конечно. Этого я такъ боюсь теперь!

— Но ты, моя умница, понимаешь, что долгъ офицера защищать свое отечество, служить своему государю,—возразилъ онъ, какъ умѣлъ успокоительнѣе. — Сама ты, Маруся, не захочешь, чтобы твоего мужа могли обвинить въ отсутствіи мужества, въ неисполненіи имъ его воинскаго долга чести. Презрѣнія достоинъ мужчина, не сознающій и не исполняющій требованій долга чести; но офицеръ, военный человѣкъ, сугубо преступенъ, уклоняясь отъ опасности, соединенной съ его воинскимъ званіемъ. Не тебѣ, Маруся, бояться за своего мужа, честно исполняющаго свой долгъ. Ты сама не могла бы уважать безчестнаго мужа. Я долженъ служить: меня назначили командиромъ батарейной роты, ожидающей меня въ полѣ. Я въ отпускѣ.

— Но если тебя ранятъ, изувѣчатъ или убьютъ, Андрюша?— возразила она, напрасно отирая свои слезы.

— Воля Божья надъ нами, Маруся,—сказалъ онъ.

— Пойми, милая, что молодой дворянинъ, посвятившій пять лѣтъ на свое военное образованіе за границей, вернувшись на родину обязанъ ей послужить своими свѣдѣніями. Артиллерійское дѣло у насъ, русскихъ, тотъ же младенецъ спеленатый;

нѣтъ еще у насъ выученныхъ пушкарей, нѣтъ и хорошихъ пушекъ. Безъ исправной же артиллеріи войско успѣшно дѣйствовать въ полѣ, и въ осадѣ не можетъ. Самъ государь Петръ Алексѣевичъ разсчитываетъ на меня, какъ на инструктора, то-есть руководителя, по артиллерійскому дѣлу въ нашей арміи. Онъ же велѣлъ мнѣ командовать въ крымскомъ походѣ батареей. Возвращусь къ тебѣ, своей милой женушкѣ, капитаномъ, со славою! Тогда заживемъ съ тобою, Маруся!

— Когда бы твоими устами да медъ пить, Андрюша. Дѣвушка вздохнула, не находя основательныхъ возраженій, но оставаясь при своемъ страхѣ за своего милаго, когда онъ оставитъ ее ради своего воинскаго долга. Не забыла она еще тяжело раненаго брата Ѳедора и свой за него душевный трепетъ, свой за нимъ уходъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Жизнь Андрюши теперь для нея дороже его воинской славы. Любовь женская эгоистичнѣе, быть можетъ, мужской любви. Женскій кругъ дѣятельности, будучи гораздо ограниченнѣе круга мужской дѣятельности, способствуетъ проявленію личнаго начала въ ущербъ началу общественному; въ мужской же дѣятельности, общественное начало поглощаетъ личное. Такъ было и такъ будетъ, вѣроятно, несмотря на развитіе женщины, сообразно требованіямъ вѣка.

Чуткіе къ прелестямъ ночи, казавшейся имъ волшебною, молодые любовники жадно пили волшебный нектаръ, изъ золотой чаши, подносимой къ ихъ устамъ невидимою рукою таинственной феи. Для нихъ, казалось имъ, свѣтилъ мѣсяцъ, для нихъ милліонами голосовъ и звуковъ жила чудная ночь. Мысль о завтрашнемъ днѣ, о минутѣ, когда они предстанутъ передъ ея родителями и признаются имъ въ своей любви—и счастливила, и холодила Марусю. Въ ней заговорили опасенія за Андрюшу. Порѣшили обвѣнчаться, не мѣшкая, такъ какъ онъ настоялъ на этомъ. Когда же онъ возвратится съ похода воинскаго, тогда они отправятся, конечно, въ Москву, къ ея родителямъ названнымъ. Маруся не сомнѣвалась, что въ доброй боярынѣ найдетъ любящую свекровь, но все-таки разспрашивала Андрюшу, знаютъ ли его старики о его рѣшимости на ней жениться? Какъ они относятся къ ней, какъ къ своей будущей невѣсткѣ? Отвѣты Андрюши вполнѣ ее удовлетворяли. Онъ понималъ и цѣнилъ душевную потребность своей невѣсты дѣлиться съ нимъ своими сомнѣніями, повѣрять ему свою грусть, всегда такую честную. За душевной бесѣдой они забыли время.

— Ахъ, Андрюша, свѣтаетъ!—воскликнула она съ испугомъ, убѣждаясь, что востокъ ночного неба заалѣлъ, отъ рѣки потянуло свѣжимъ вѣтеркомъ предразсвѣтнымъ и проснувшіяся птицы весело зачирикали и запѣли.—Я не ночевала дома! Что скажу матери?...

Она поспѣшила подняться, Андрюша тоже всталъ, посмѣиваясь надъ испугомъ своей невѣсты, вспомнившей, что она не ночевала дома.

— Невѣста имѣетъ право оставаться съ своимъ женихомъ,— замѣтилъ онъ съ желаніемъ успокоить ее.—Мы женихъ и невѣста...

— Да, но только русскіе—пояснила Маруся.—Ты, милый, привыкъ къ заграничной свободѣ людей и забылъ о томъ, какъ строги наши обычаи. Хотя я казачка, не боярышня, все же до вѣнца я въ материнской власти, Андрюша... Иду къ матери прямо, разскажу ей случившееся.

— — — —

— Ну, Маруся, теперь и я, старый, бачу, что ты дѣвка у насъ не глупая, и что ты знала, что дѣлаешь, отказывая нашимъ женихамъ, потому что ждала своего!—весело посмѣиваясь, сказалъ полковникъ дочери, подведшей къ нему за руку молодчика офицера съ смущеннымъ видомъ виновной, съ просьбою:

— Отецъ, благослови насъ—меня и жениха моего, Андрея Юрьевича Телепнева!

— Мы давно любимъ другъ друга!—пояснилъ Телепневъ.

Молодые люди, уже благословленные матерью, преклонили колѣни передъ отцомъ, любовавшимся такою парочкою.

— Благослови васъ Богъ, на добрую жизнь, дѣтки!—произнесъ не твердымъ голосомъ полковникъ, на длинный съ просѣдью усъ котораго скатилась слеза. И трижды ихъ благословилъ.

Потомъ обоихъ прижалъ къ своей широкой груди и на ихъ поцѣлуи своей руки отвѣтилъ поцѣлуями въ ихъ головы. Растроганный, мужественный воинъ не могъ слова вымолвить, опасаясь послѣдовать примѣру пани полковницы, рыдавшей въ три ручья. Собравшись съ духомъ, онъ сказалъ:

— Тебѣ, Андрей Юрьевичъ, отдаю нашу дочку милую въ увѣренности, что съ тобою она будетъ счастлива. Она спасена бояриномъ твоимъ отцомъ и воспитана въ твоей благородной семьѣ, которую любитъ не болѣе ли родной. Помолчи, дочка, твоя рѣчь впереди... Тебя она называла братцемъ своимъ, а теперь хочетъ назвать мужемъ, и ты просишь ее себѣ въ жены. Будь по вашему. Что она, ради тебя, отказывала хорошимъ женихамъ,—то тебѣ извѣстно. Выросши съ нею вмѣстѣ, ты ее знаешь, конечно, лучше, чѣмъ мы, родители, ее знаемъ. Стало, хвалить ее намъ не приходится. Хорошій товаръ не нуждается въ купцовой похвалѣ, у покупателя свои глаза. Ты же, Андрей Юрьевичъ, вижу, образованъ на заграничный манеръ, входя въ семью нашу казацкую желаннымъ зятемъ, не осуди насъ, стариковъ, на простотѣ нашей степной. Люди мы неученые, живемъ и думаемъ по старинѣ, ѣдимъ пряники неписанные. Нашъ домъ—твой домъ! Твоя родня—наша родня! За честь почитаемъ породниться съ семьею твоею. Только знать намъ надо бы: желанною ли невѣсткою войдетъ въ твою семью благородную наша дочка? Сватаешь ее съ ихняго ли, родительскаго, согласія?

— Мои родители примутъ Марусю не какъ невѣстку, но какъ

дочь родную, Григорій Ерофеичъ,—пояснилъ Телепневъ.—Сошлюсь на пани полковницу—она свидѣтельница того, съ какими слезами горькими моя мать разставалась тогда, въ Кіевѣ, съ Марусей...

— Не всякая мать родная прощается такъ, какъ боярыня съ Марусей прощалась,—подтвердила хозяйка.—Правду сказать, Маруся меня, родную мать, менѣе любитъ, чѣмъ боярыню, свою названную мать. И въ этомъ могу ли я винить Марусю, возвратившуюся къ родной матери уже взрослой паненкой? Я знаю и о томъ, какъ мечтаетъ боярыня видѣть Марусю своею невѣсткою. Сама она мнѣ въ томъ признавалась.

— Вотъ оно что!—полковникъ повеселѣлъ.—Господь, видно, направляетъ нашу Марусю изъ степей въ Москву, такая ея судьба. Не намъ, грѣшнымъ перечить! Къ тому-жъ, скажу, лучшаго зятя мнѣ не надо, да и обыщется ли молодчикъ лучше тебя, Андрей Юрьевичъ? Не льщу тебѣ. Молодцы мои сыночки, но они казаки мало образованные. Ты же всѣмъ взялъ. Мудрено ли, что по тебѣ красная дѣвка сохла столько лѣтъ. Не краснѣй, Маруся, не о тебѣ рѣчь. Или выдаешь себя и свою зазнобушку дѣвичью? Не краснѣй!

— Что-жъ тебѣ краснѣть теперь, когда ты невѣстой нареклась, Маруся?—замѣтила мать, нѣжно улыбаясь смущенной дочери,—дождалась своего, счастлива, крый Мати Божа! Нынче веселье справимъ, гостей позовемъ, доню...

— Ни, Олено сердце, се дило не такъ, треба справить „сватання“, якъ диды наши справляли,—замѣтилъ полковникъ.—Ты, Андрей Юрьевичъ хотя москаль, но берешь хохлушку, изъ малорусской семьи дѣвицу, а потому покориться долженъ ты нашему обычаю предковскому.

— Съ удовольствіемъ готовъ, почтеннѣйшій Григорій Ерофеичъ,—весело согласился счастливый Телепневъ, не выпускавшій руки невѣсты изъ своей и не могшій на нее наглядѣться, чѣмъ смущалъ ее.—Любя Марусю, люблю и ея родину, и обычаи ея племени. Узнавъ Украйну, я понялъ, почему ее такъ хвалитъ отецъ мой, бояринъ. Вѣдь у него здѣсь жалованная земля, урочище на Донцѣ, Княжой Лиманъ...

— Княжой Лиманъ? Знаю: наипрекраснѣйшая мѣстность,—сказалъ полковникъ.—И почти смежная съ моими грунтами. Кстати. Пожалуй, водворишься у насъ ты, Андрей Юрьевичъ. Желательно было бы намъ, старикамъ, по сосѣдству съ вами жить, внучатъ няньчить. Не краснѣй, Маруся: намъ, старымъ, пора въ дѣды да въ бабки. За тобою дѣло сталось... Такъ вотъ, пани-матка, мой приказъ: справить сватання по нашему преданію. „Пьютъ сватання“, конечно у насъ, родителей невѣсты. При семъ на почетномъ мѣстѣ сядутъ крестные отецъ и мать невѣсты...

— Крестный батько Марусинъ, есаулъ Недотупа, Евтехъ Семеновичъ, на томъ свѣтѣ, царство ему небесное!—пояснила полковница, набожно перекрестившись.—Крестную мать Варвару

Авдіевну позовемъ. Но какъ же обойтись потомъ со сватаннемъ у жениха? Гдѣ у него „пить сватання"? Вѣдь у жениха собираются всѣ бывшіе на сговоринахъ у невѣсты, кромѣ невѣсты.

— Что-жъ, пани матка; требовать невозможнаго, — сказалъ полковникъ. — Женихъ не здѣшній житель, пріѣзжій. За одинъ разъ отправимъ и сговорины, и сватання у насъ, и годи! Послѣ сговоринъ свадьба откладывается недѣли на двѣ, а то и на мѣсяцъ, чтобы успѣть приготовиться съ приданнымъ...

— Не надо приданнаго, не откладывайте свадьбы!—воскликнулъ Телепневъ, своимъ нетерпѣливымъ движеніемъ вызвавъ стыдливую краску на смуглыя щеки невѣсты.—Отпускъ мой короткій, я не смѣю просрочить своей явкой!

— Дѣло, — согласился полковникъ, хитро усмѣхнувшись. — То, бачь, служба у тебя на умѣ, не что иное, Андрей Юрьевичъ. Дѣло, треба ускорить вѣнецъ. Не краснѣй доню.

Но тутъ, съ своими возраженіями хозяйки, выступила полковница, заговоривъ, что спѣшить свадьбою нельзя, что надо шляхетной невѣстѣ справиться къ вѣнцу, какъ должно.

— За день до вѣнчанія, которому быть въ воскресенье, стало быть въ пятницу, надо печь каравай,—закончила она.

— Пеки каравай, стара,—замѣтилъ полковникъ,—Свадьба въ воскресенье чрезъ двѣ недѣли: справитесь, небойсь со своими бабскими дѣлами. Знаю, не пустыя скрыни стоятъ запертыя у тебя, скрыни съ дочкинымъ добромъ. А спѣшитъ со свадьбой женихъ потому, что боится просрочить отпускомъ своимъ. Служба, бачь, у него на умѣ, служба, не что иное! Не краснѣй, Маруся, горишь, словно о тебѣ рѣчь, а не о службѣ жениха твоего. Ты же, пани-матка, распорядись, чтобъ завтра же сваты жениховы за рушниками пришли. Сватами назначь, кого сама знаешь.

XXIII.

Ой, чому, чому въ сему дому
Такъ рано засвітилося?
Тамъ молода білы руки мыла,
Зъ молодымъ говорила:
— «Поідь та убій куночку
Мині на шубочку,
А зъ лапочки—шапочку»
Та еще молодый не доізжае,
А куночка промовляе:
«Зъ мене куночки
Не буде шубочки,
А зъ лапочки—шапочки».

(*Малорусская свадебная пѣсня*).

Изюмскій полковникъ наладилъ, съ помощью супруги, сватанье дочери по всѣмъ подробностямъ честнаго стараго малороссійскаго обычая. Олена Васильевна „выряжала старостивъ" жениховыхъ, изъ числа близкихъ къ своей семьѣ лицъ и сооб-

ражаясь съ ихъ почетнымъ положеніемъ въ полковой старшинѣ. Полковой обозный и полковой судья за честь себѣ сочли приглашеніе полковницы быть старостами со стороны жениха, московскаго офицера, который самолично просилъ ихъ о томъ же. Утромъ, въ назначенный часъ, оба старосты подъѣхали верхами къ рундуку полковничьяго дома. Ихъ торжественный видъ, щегольство одежды ихъ и сопровождавшихъ казаковъ свидѣтельствовали о значеніи, какое они придавали своей почетной обязанности. Уже пожилые, оба они могли похвалиться здоровьемъ, но не молодцоватостью. Слишкомъ растолстѣли ихъ высокія, широкія фигуры, расплылись ихъ загорѣлыя усатыя лица. Обозный отличался сутуловатостью, а судья обширнымъ брюхомъ, не мѣшавшимъ ему, впрочемъ, легко садиться въ сѣдло, слѣзать съ него и ѣздить лихо на конѣ. Празднично глядѣли обозный Ничипоръ Кольнишевскій и судья Микола Евтушенко въ своихъ красныхъ суконныхъ казакинахъ на крючкахъ, въ синихъ кубовыхъ широчайшихъ штанахъ, въ желтыхъ сапогахъ. Высокія смушковыя шапки съ краснымъ верхомъ въ рукахъ.

— Ты-жъ, Ничипоре, мій пидбрехачъ, — замѣтилъ судья обозному: — я збрешу на палецъ, а ты пидбрихуй на локоть, то и запьемо дило магарычемъ.

Вручивъ обозному мягкую паляницу — хлѣбъ-соль на посеребренномъ блюдѣ, а судьѣ тарелку медовыхъ пряниковъ, прикрытыхъ рушниками съ вышитыми концами, мать напутствовала ихъ такъ:

— Идіть, люди добрі, нехай вамъ Богъ помогае на все добре.

Старосты перекрестились, со словами: „Дай, Боже, часъ добрый!“ Телепневъ почтительно поцѣловалъ руку полковницы, поклонился старостамъ и за ними послѣдовалъ, заинтересованный въ формальностяхъ малороссійскаго сватовства, которому долженъ былъ подчиниться.

„Старшимъ“ старостой былъ толстопузый судья, прославившійся въ своихъ мѣстахъ несравненнымъ мастерствомъ, съ какимъ онъ исполнялъ на свадьбахъ свою почетную обязанность. Его обращеніе къ родителямъ всегда восхищало полковницу и теперь, предвкушая удовольствіе слушать его рѣчь, обращенную и къ ней, она поспѣшила опередить появленіе старостъ въ пріемной горницѣ и занять свое материнское мѣсто возлѣ полковника. Дверь входная затворена. Маруся, прелестная въ своемъ украинскомъ нарядѣ, въ вѣнкѣ живыхъ цвѣтовъ на черноволосой головкѣ, поблѣднѣвшая отъ переживаемаго ею волненія, стояла возлѣ матери, держа ея руку, словно нуждаясь въ эту минуту въ поддержкѣ и сочувствіи матери, наряженной прилично семейному торжеству этого дня. Полковникъ тоже въ парадномъ казакинѣ, гладко выбритый и съ подбритымъ кружкомъ волосъ на головѣ. Маруся съ сильно трепещущимъ сердцемъ не сводитъ своихъ агатовыхъ глазъ съ запертой двери и прислушивается. Она знаетъ, конечно, что сущность дѣла кон-

чена, что это продѣлывается теперь обычная формальность сватанья, и все-таки не можетъ относиться къ ней равнодушно. Вотъ за дверью шаги слышны, подошли, остановились. Въ дверь три раза стукнули.

— Кто тамъ? — спросилъ громко полковникъ. — Коли добрі люди та зъ добрымъ словомъ, то просимо до господы!

Дверь растворилась, вошли староста, а за ними Телепневъ въ ботфортахъ, новенькомъ офицерскомъ кафтанѣ, съ галунами и пуговицами блестящими, самъ сіяющій счастьемъ и видящій одну только Марусю. Старосты перекрестились, помолились на икону, поклонились хозяевамъ. На столѣ, подъ бѣлою скатертью, на деревянномъ блюдѣ лежала большая бѣлая паляница.

Отвѣтивъ на поклоны вошедшихъ поклономъ же полковникъ спросилъ ихъ:

— Що вы за люди, и відкиля, и чого васъ Богъ принісъ?

Не смотря на серьезный тонъ вопроса и на все уваженіе свое къ продѣлываемой отцомъ церемоніи, Маруся не выдержала и разсмѣялась, увлекши за собою и Андрея, какъ онъ ни крѣпился.

Старшій староста такъ отвѣтилъ хозяину:

— Перше всего дозвольте вамъ поклониться и добрымъ словомъ прислужиться. Не позгнущайтесь выслухать насъ. А що мы люди честни и безъ худои науки, то отъ вамъ хлібъ святый въ руки...

Хозяинъ принялъ хлѣбъ, поданный съ поклономъ, и, обращаясь къ гостямъ, сказалъ:

— Сѣдайте, панове! Изъ якого вы царства, изъ якого государства будете?

— Мы люди далеки, йдемо зъ турецького царства!—отвѣтилъ старшій староста.—Мы собі ловці, бо іздимо на вловы. Якось въ наши землі, пізно въ осінь, выпола пороша. Я й кажу свому товарищови: година добра! ходимъ, може вышукаемъ якого звіря. Отъ мы й пошли. Іздили скрізь, слідили, и нічого не вышукали. А се въ однимъ лісі іде намъ на зустрічъ на воронімъ кони нашъ князь. Порівнявся зъ нами и почавъ до насъ таки рѣчи: Ей вы, ловці, добри молодці! Услужите мени службу, покажите дружбу! Оце попалась мені лисиця, чи куниця, може й красна дѣвиця. Не можу ни істи, ни спати, а божаю іі достати. Все вамъ оддамъ, тілько поможитъ іі піймати: десять городівъ вамъ не пожалію. Отъ и пішли мы по слідамъ, по всімъ городамъ. Першъ слідъ пішовъ у німечину, а далі въ туречину. Ходили, шукали, а іі не знайшли. Вси царства-государства обійшли, а іі не піймали. Тоді и кажемо князеви: не тілки звіря въ полі, що куниця: пошукаемо де инче—знайдеця й красна дівиця. А вінъ намъ одказуе: скільки я по світу ни гулявъ, у якихъ царствахъ - государствахъ ни бувавъ, а такои куниці, піби-бъ то красноп дівиці не видавъ!

Пишли мы зновъ по світу блукать, куниці, чи то красноп дівиці шукать. Все по сліту йшли и въ се село прійшли. Тутъ

зновъ выпала пороша. А мы зновъ давай ходить, давай слідить; сегодня рано встали и заразъ на слідъ напали. Пішовъ нашъ звірь та до васъ у двірь, а изъ двору до хаты; теперь божаемо его піймати. Певно вже наша куниця—у васъ у хаті красна-дѣвица... Нашому слову кінецъ, а вы зробіте нашому ділу вінецъ. Виддайте нашому князю куницю, вашу красную дівицю! Може оддасте, а може нехай ще підросте?

На такой прямой вопросъ полковникъ не отвѣтилъ, но мать обратилась къ дочери съ такими словами:

— То се ты, дочка, наробила добрымъ людямъ такого лиха? Проси-жъ князя до хаты. А вы, люди добрі, пока що буде, сідайте близче до столу.

— Князя то и просить до хаты нечего,—самъ вошелъ,—смѣясь, замѣтилъ полковникъ.—Ну, онъ москаль, ему извинить можно. Что, Маруся, присмирѣла, словно не за ней пришли?

— Перевязывай старостъ рушниками, доню, — напомнила ей мать, любовавшаяся ею своими заплаканными глазами.

Маруся вся зардѣвшись, неловко перевязала старостъ своими рушниками, которымъ концы сама вышила „въ рѣшетку“, Затѣмъ отецъ и мать встали съ иконою въ рукахъ и благословили ею колѣнопреклоненныхъ жениха и невѣсту. Староста и хозяинъ на радостяхъ „добре выпили“ за благополучіе ихъ „дѣтокъ милыхъ“.

Въ новыхъ хоромахъ полковника заварилась свадьба. Возстановлялся старинный украинскій обычай этого семейнаго торжества. Веселыя пѣсни дивчатъ не замедлили огласить панскій дворъ. Маруся, казалась, расцвѣла, упоенная счастьемъ. Женихъ съ невѣстой не разлучались цѣлый день, завладѣвая и частью ночи. Только сожалѣніе о томъ, что братья не могутъ участвовать въ ея радости, иногда печалило Марусю. Убѣждаясь въ уваженіи полковника къ своей родной старинѣ, Телепневъ вспомнилъ и преданность своего отца боярина къ его старинѣ. „Старики наши въ этомъ отношеніи похожи“,—замѣтилъ онъ Марусѣ, а та добавила, что старики вообще повторяютъ одинъ другого, потому что они живутъ больше прошлымъ, не настоящимъ.

— Вотъ поймалась, наконецъ, дорогая куница, моя милая красная дѣвица!—весело замѣтилъ Марусѣ Андрей, напоминая ей аллегорическую рѣчь старшаго старосты, потѣшавшую ихъ, какъ только они ее вспоминали.—„Сколько я по світу ни гулявъ, у якихъ царствахъ и государствахъ ни бувавъ, а такой куниці, нібы-бъ то красной дівиці не видавъ!“

— Москаль сейчасъ слышенъ,—смѣясь, замѣтила Маруся.— Не можешь ты, Андрюша, по нашему выговаривать...

— Кто-жъ ты сама будешь, Маруся: хохлушка или московка?

— Твоя жинка, Ондрею!

Она посмотрѣла на него своими агатовыми, любовью блиставшими глазами такъ, что его въ жаръ бросило и голова отъ избытка счастья закружилась.

— Бо віддали мене куницю—красную дівицю мому князеві!
— Може отдасте, а може нехай ще підросте?—смѣясь, повторилъ Андрей, нѣжно обнимая свою смѣющуюся тоже невѣсту.
— Виновата-жъ я, дочко, наробыла добримъ людямъ такого лиха!—въ свою очередь, повторила Маруся слова своей матери, сказанныя ею въ отвѣтъ старостамъ.

Предоставивъ „старымъ" угощаться за столомъ заставленнымъ всевозможными блюдами малороссійской кухни и домашними напитками, счастливая парочка уединялась, благодаря чудесной погодѣ, въ садикъ или на галлерею „пидъ пиддашки", т. е. водъ колонки, поддерживающія навѣсъ крыши. Оттуда ихъ часто вызывалъ голосъ. матери, души теперь нечаявшей въ своемъ будущемъ зятѣ.

— Андріечку, мій мыленькый, дежъ ты подився? — ласково обращалась она къ нему, всегда съ какою-нибудь снѣдью на тарелкѣ.—Покушалъ бы ты, сынку, пирожка, або блынцевъ зъ сметаной! Ты-жъ, Марусенька, до своей хрёстной пишла-бъ, до сусѣды!

— Заразъ, мамо!—отвѣчаетъ Маруся, но сама ни съ мѣста, только своему милому улыбается, или, взявшись съ нимъ рука съ рукой, побѣгутъ оба на тотъ берегъ Изюмца, гдѣ они ночью встрѣтились. Они переживали здѣсь глубокія впечатлѣнія свои, свое счастье, подаренное имъ тою волшебною ночью. Здѣсь, отдавшись самимъ себѣ и природѣ, чаровавшей ихъ своею прелестью, они больше молчали, удовлетворенные своимъ молчаніемъ, понятнымъ и необходимымъ обоимъ любящимся. Прислушиваясь къ кукованью веселой кукушки, Маруся считала ея „куку", звонко раздававшееся въ олешникѣ надъ рѣкою.

— Зозуле... княгине... скажи мене, сколькя я годъ проживу?—шептала она, задумчиво опустивъ свою головку на плечо жениха.—Разъ... два... пять... десять... О, я поживу еще съ тобою, Андрюша!

А на паньскомъ дворѣ, разодѣтыя по праздничному, въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ или зелени на головахъ, дивчата и молодицы дружнымъ, согласнымъ хоромъ затянули пѣсню:

Благослови, Боже,
И отецъ и мати,
Своему дитяти
Косу расплітати!

Грустный напѣвъ напомнилъ Марусѣ ожидающій ее обрядъ. Подруги расплетутъ ей сегодня, въ субботній вечеръ, ея дѣвичью косу. Разставаясь съ своей дѣвичьей красой—черной косой, она заканчиваетъ свою дѣвичью свободу.

„Молоду" посадили посрединѣ горницы на скамеечкѣ, покрытой вывороченнымъ кожухомъ. „Дружки", въ числѣ которыхъ была и Маруся изъ Терновой Балки, стали расплетать ея роскошную, длинную косу, обнимая невѣсту и вмѣстѣ съ ней плача.

— Дочко моя! Голубка моя!—со слезами причитывала мать, обнимая Марусю и, вмѣстѣ съ поцѣлуями, покрывая ее сле-

зами.—Покинешь, дочко, стару маты, пійдешь соби въ Московщину!

Полковница, пригорюнясь, глядѣла на дочь, отнимаемую отъ ея сердца, и не могла равнодушно слышать жалобный напѣвъ и слова пѣсни, раздававшейся подъ окнами.

Ой, тихо, тихо Дунай водоньку несе,
А ще й тихише Маруся косу чеше.
Ой що начеше, на тихій Дунай несе.
— Ой, плыви, косо, підъ матусінъ двіръ просто,
Послухай, косо, що матинька говоритъ!
Матинька говоритъ, все смутнесенька ходить:
— Ой теперь мені лихая годиненька!..
Що відходить отъ мене рідная дитиненька!
Ой, тихо, тихо Дунай водоньку несе,
А ще й тихіше Маруся косу чеше.
Ой що, начеше, на тихій Дунай несе.
— Ой плыви, косо, підъ свекрутинъ двіръ просто,
Та слухай, що свекруха говорить!
Свекруха говоритъ, та все веселенька ходить:
— Ой теперь мені добрая годинонька,
Бо йде до мене чужая дитинонька!

Жаль Марусѣ своего дѣвичьяго прошлаго, матери, семьи, жаль милыхъ придонецкихъ мѣстъ и степного раздолья жаль! Съ ними душою своею любящею сжилась она, сроднилась. По душѣ ей пришлась эта казацкая простота и степная патріархальность нравовъ. Но и та семья московская, куда она входитъ желанною невѣсткою,—не чужая ей. Въ свекрови она найдетъ вторую мать. Отрывая себя отъ родной семьи, она, вѣдь, повинуется голосу своего сердца, влекущаго ее къ милому Андрею. Быть его женою—счастье, выше котораго для нея ничего не можетъ быть. Богъ,—она это чувствуетъ, познаетъ,—направляетъ ея судьбу...

У такой славной хозяйки, каковою была полковница, скрыни въ каморѣ стояли, набитыя добромъ, и приданое Марусино оказалось вполнѣ готовымъ. Поэтому свадьбой не затруднялись. Ежедневно панскій столъ ломился подъ множествомъ кушаній и напитковъ, и за него садилось довольно гостей. На дворѣ же стояла бочка горѣлки и бочка пива, приглашавшія сельчанъ выпить того и другого, въ нихъ содержимаго. Въ добрыхъ питухахъ недостатка не было и пьяные валялись на дворѣ и по выгону, тогда какъ только подпившіе оглашали слободу своими криками или нескладными пѣснями. Вообще строгій къ пьяницамъ, полковникъ, ради такого семейнаго веселья, словно поощрялъ ихъ. И самъ въ эти дни ежедневно усиживалъ съ пріятелями,—обозным и судьею,—по нѣсколько бутылокъ смачной сливянки и вишневки. Карававъ, т. е. винокурня и пивница, у него были свои.

Слободскіе полки пользовались полной свободой винокуренія, и хотя по бѣлгородскому окладу 1665 г. на жителей была наложена подать съ виннаго котла по рублю, съ пивного по четыре рубля, но Алексѣй Михайловичъ, грамотою 1670 г., указалъ: пол-

камъ Сумскому, Харьковскому (онъ же и Изюмскій) и Ахтырскому, „за осадное сидѣнье, велѣть имъ, вмѣсто своего государева жалованья отдати оброки, которые на нихъ довелось взять съ промысловъ и съ шинковъ по бѣлгородскому окладу, и впредь такими промыслами промышлять безоброчно и безпошлинно". Поэтому слобожане шинки держали безоброчно, вино курили безпошлинно, по ихъ черкасскому обыкновенію. Всѣми уважаемая пани полковница чувствовала себя на своемъ мѣстѣ, распоряжаясь хлопотливымъ дѣломъ накормить, напоить, ублаготворить столько народа въ домѣ и на дворѣ. Пріятельница, жена обознаго, Авдотья Діевна, которую полковница попросту называла „Евдохой", дѣятельно ей помогала и на кухнѣ, и по дому. Она же приходилась Марусѣ „хресною" матерью. И Маруся ее любила. Маленькая старушка располагала всѣхъ въ свою пользу простотою своего обращенія и добротою, написанною на ея полномъ, кругломъ, какъ подсолнухъ, краснощекомъ лицѣ, свѣтившеюся въ ея веселыхъ, всегда улыбающихся глазкахъ, слышавшеюся въ ея голосѣ. Одѣвалась она тоже попросту, простою казачкой: въ сапогахъ, подкованныхъ, а потому стучавшихъ, когда она ходила, въ темной корсеткѣ сверхъ плахты и короткой темненькой юбки, обнаруживавшей подолъ бѣлой сорочки; на шеѣ монисты, съ свѣтлыми карбованцами, на груди серебряный крестъ, сѣдая голова повязана темнымъ шелковымъ платкомъ, съ расходящимися сзади концами. Будучи дочерью попа, пани обозничиха вынесла изъ своей „духовной" семьи замѣчательныя свѣдѣнія по кухонной части. Особенно мастерица была она готовить печенье изъ разнообразнаго тѣста, въ чемъ уступала ей даже полковница. И теперь, благодаря искусству маленькой старушки, на столѣ тароватыхъ хозяевъ красовались сдобныя „бабы" необычайной величины, а гости не могли нахвалиться вкусомъ, „марцепанъ подъ бланкитнымъ или краснымъ лакомъ, тортовъ мигдаловыхъ, вафоль учиняемыхъ" и прочей снѣди, предназначаемой напослѣдокъ обѣда. „Сахарный хлѣбъ, называемый цукеръ-бротъ" оказывался вѣнцомъ творенія Марусиной „хрестной", и его-то она преподнесла своей крестницѣ, благословивъ ее иконой и, конечно, всплакнувъ надъ нею. Передавая ей свои добрыя пожеланія счастья въ новой жизни, ее ожидающей, маленькая старушка, кстати, передала ей нѣсколько своихъ пекарныхъ секретовъ, которые легкомысленная теперь крестница сейчасъ же забыла, занятая только Андреемъ.

Онъ разсказывалъ ей о своихъ заграничныхъ похожденіяхъ. о морской бурѣ, едва ихъ не потопившей, о смерти своего вѣрнаго дядьки, о безпутномъ капитанѣ, о Паткулѣ, о своемъ ученіи въ саксонскомъ военномъ училищѣ. Знакомилъ ее съ образованными нравами иноземцевъ, съ условіями ихъ жизни, частной и общественной, столь непохожей на нашу жизнь. Восхищался свободою тамошней женщины и достоинствомъ человѣческимъ, проявляющимся какъ въ законахъ гражданскихъ, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Красота и благоустройство

городовъ, обученное войско, театральныя зрѣлища, великолѣпные храмы,—все вызывало напряженное любопытство и удивленіе Маруси, также какъ и ея вопросы. Она говорила ему:

— Какъ хотѣлось бы мнѣ побывать вездѣ, гдѣ побывалъ ты, Андрюша! Повидать, какъ на свѣтѣ люди живутъ, у нихъ доброму и хорошему научиться. Ты вотъ образованный офицеръ, а я глупая, не ученая! Тебѣ будетъ стыдно съ такою женою. Ты вѣдь видѣлъ тамъ дѣвушекъ—не мнѣ чета! Красавицъ, образованныхъ, нравиться умѣющихъ мужчинамъ своимъ обращеніемъ любезнымъ. Какъ ты тамъ не забылъ меня, Андрюша? Ужъ вѣрно ты тамъ не одной красавицѣ приглянулся? И самъ-то ты, признайся, на нихъ засматривался?

— Такой, какъ ты, моя милая невѣста, я не встрѣчалъ тамъ красавицы, да и встрѣтить не могъ, потому что ты, Маруся, одна на бѣломъ свѣтѣ для меня!—съ хорошимъ чувствомъ, успокаивавшимъ невольную ревность невѣсты, говорилъ Андрей.

— Глядя на нихъ, говоря съ ними, я только тебя одну видѣлъ, съ тобою одною говорилъ, Маруся. Были такія красавицы, которыя не ошибались, утверждая, что я влюбленъ и вздыхаю по своей русской зазнобушкѣ. Молодыя нѣмки съ насмѣшкой обо мнѣ говорили: „Er stirbt aus Liebe zu ihr! Онъ умираетъ отъ отъ любви къ ней. Правду ли онѣ говорили, рѣшай сама, Маруся...

— Эти нѣмки такъ говорили потому, что сами тебя любили, Андрюша,—замѣтила невѣста, которой подсказывало сердце, никогда не обманывающее любящую женщину.

Семейное веселье, собравшее въ бугаевскій домъ полковника Донца гостей, среди которыхъ замѣчалось отсутствіе есаула Шидловскаго, неудачнаго претендента на руку и сердце Маруси, близилось къ вожделѣнному своему концу. Въ пятницу, за день до вѣнца, назначеннаго въ воскресенье, молодицы, съ пани обозною во главѣ, мѣсили „каравай“. „Музыка“, состоявшая изъ еврейскаго квартета, двухъ скрипокъ, цимбалъ и кларнета, пыталась, если не развеселить, то усладить слухъ печально настроенныхъ невѣсты и ея подругъ. „Молодицы“ мѣсили тѣсто, дивчата готовили принадлежности къ караваю, „лежня“, „дивня“, „бороны“ и „шишокъ“. „Дивень“, большой: толстый бубликъ, съ насѣчкой на поверхности, приготовляется у невѣсты: „борона“—подобіе земледѣльческаго орудія того же названія—у жениха. Дивчата все время пѣли пѣсни, положенныя обычаемъ „сватання“.

Выйшла мати дочку частовати
Та на вечерниці посылати.
— «Та пора тобі, дочко, на вечерниці
Погулять межъ дівиці»!
«Було-бъ, мати, впередъ посылати,
Пока була не заручена,
А теперь я заручена,
Отъ челяди та й одлучена.
Чомъ мині давно не казали,
Поки мене попы не звінчали,

Поки мині руки не вязали.
Теперь попы звінчали,
Руки мині звязали!

Невѣста всю недѣлю постилась, исповѣдалась и пріобщилась святыхъ тайнъ въ своей приходской церкви, держала себя съ женихомъ серьезно и даже отъ него отдалялась, по совѣту маленькой „хрестной“. Пани обозная поглядывала на молодчика-жениха не только съ явнымъ противъ него предубѣжденіемъ, но даже враждебно и почти вслухъ осуждала родителей, выдающихъ свою дочку единственную за москаля, возвращающагося въ Московщину. Съ непритворными слезами маленькая старушка оплакивала свою крестницу, похищаемую изъ родной семьи, отрываемую отъ друзей недобрымъ человѣкомъ москалемъ. Слѣдуетъ пояснить, что пани обозная, будучи въ качествѣ свахи есаула Шидловскаго, своего любимчика, считала себя оскорбленною вмѣстѣ съ нимъ, вслѣдствіе отказа невѣсты, ими полученнаго. Она не могла забыть, что „такому гарнесенькому женихови, якъ асаулъ, гарбуза прыкотылы“. Она никакъ понять не могла, чтобы невѣста хохлушка, отказывая земляку, „всимъ справному“, шла за москаля. Въ ея убѣжденіи москаль всегда былъ недобрый человѣкъ.

Вотъ и суббота, и „дівичъ-вечеръ“, канунъ вѣнца. Пани обозная настаивала, чтобъ женихъ и невѣста, каждый отдѣльно, отправились бы на слободу пригласить стариковъ „на весілля“. Для этого запасаются „шишками“. Женихъ обходитъ съ „старшимъ бояриномъ“, невѣста со „старшей и підстаршей дружкой“. Но по мѣрѣ того, какъ невѣста обходитъ слободу, ея свита увеличивается приглашенными дівчатами, которыя поютъ пѣсни свадебныя. Но пани полковница, невѣста и женихъ нашли невозможнымъ выполнить этотъ почтенный обычай, потому что пришлось бы панамъ приглашать своихъ подданныхъ. Пани обозная замѣтила только: „Діло ваше!“ и съ присущей ей незлобивостью улыбалаеь тѣмъ, кто не согласился съ ея мнѣніемъ, слишкомъ ужъ опрощеннымъ; но когда ея маленькіе добродушные глазки встрѣтились съ взглядомъ жениха, ея круглое, какъ подсолнухъ, лицо выразило негодованіе, и она съ сердцемъ прошептала: „Москаль, недобрый человѣкъ“. Эта ничѣмъ не вызванная съ его стороны ненависть доброй старушки потѣшала жениха и невѣсту.

А вечеромъ дівчата на дворѣ распѣвали:

Не спи, матинко, у ночи,
Печи, матінко, калачи!
Печи на меду:
Я тобі дружковъ наведу.
Печи, матінко, на яйцяхъ—
Я тобі наведу въ сапьянцяхъ!
Уже сонечко въ гору йде,
Уже наша молода зъ двору йде,
По-пидъ вишневымъ садочкомъ;

За нею дружечки рядочкомъ.
Ломайте калиноньку червоненьку,
Квiчайте Марусеньку молоденьку!

Свой послѣднiй дѣвичiй день Маруся провела врознь съ женихомъ. Ему оставалось только любоваться ею издали, и довольствоваться обществомъ полковника и его прiятелей. Всѣ они были подъ хмѣлькомъ и не стѣснялись подсмѣиваться надъ положенiемъ жениха наканунѣ свадьбы, оставленнаго невѣстой для того, молъ, чтобъ онъ могъ на досугѣ помечтать о счастьѣ, его ожидающемъ. Поневолѣ подлаживаясь къ веселости старыхъ питуховъ, казавшейся ему грубой и вполнѣ казацкой, Телепневъ къ нимъ присоединился и взялся за полную чару вина.

XXIV.

Матушка, матушка,
Мать ты моя, государыня!
Князья-бояре тебя зовутъ,
Зовутъ къ себѣ позываютъ.
Дитя ли, мое дитятко,
Дитя ли, мое милое,
Князья-бояре не меня зовутъ,
Не меня зовутъ, позываютъ,
А тебя ли, мое дитятко,
А тебя ли, мое милое,
Зовутъ они, позываютъ,
Къ себѣ они кличутъ, выкликаютъ:
Къ тебѣ они прiѣхали.
Увезти тебя хотятъ,
Къ твоему ли то суженому,
Къ Андрею то Юрьевичу...
(*Русская пѣсня передъ вѣнцомъ*).

Ночь, передъ своей свадьбой, Телепневъ провелъ одиноко, безъ сна, какъ бы отъ него отлетѣвшаго. Вызвавшая его изъ горницы мѣсячная ночь была слишкомъ прекрасна для того, чтобы онъ могъ провести ее на постелѣ. Его влекло туда, на тотъ поэтическiй берегъ степной рѣчки, гдѣ онъ свидѣлся съ Марусей, гдѣ признался ей въ любви и отъ нея услыхалъ, что любимъ ею. Какъ тогда, высоко съ синяго неба глядитъ на дремлющую природу ясный мѣсяцъ своимъ старымъ лицомъ, мирно-задумчивымъ, сiяя голубоватымъ свѣтомъ, посеребряя воду, листву и бросая отъ неподвижныхъ деревьевъ длинныя, часто фантастическiя тѣни. И нынче та самая ночь, давшая тогда ему и ей столько счастья, тѣ же впечатлѣнiя и чувства у него, только не достаетъ ему ея, его невѣсты милой, и это онъ чувствуетъ опустѣвшимъ сердцемъ, печальнымъ даже въ такую чудную ночь...

Прекрасное религiозное чувство Маруси и ея уваженiе къ предковскимъ обычаямъ внушили ей провести послѣднiй свой

дѣвичій день, послѣднюю свою дѣвичью ночь въ отдаленіи отъ него, жениха, въ общеніи съ самою собою, въ молитвѣ къ Богу. Онъ долженъ подчиниться ея рѣшенію, какъ оно его ни удручаетъ въ эту очаровательную ночь, безъ нея потерявшую для него половину своей прелести. Тѣмъ слаще будетъ ихъ свиданіе завтра, въ церкви. Черезъ нѣсколько часовъ, передъ алтаремъ самого Бога, она поклянется быть ему вѣрной подругой жизни, а онъ назоветъ ее своею женою! Не счастливѣйшій ли онъ смертный? Судьба, оттолкнувшая его тогда отъ боярышни, не понимавшей его, поступила мудро; судьба сберегала его для Маруси, а ее для него. Отказать такому жениху, какъ Шереметевъ, могла только Маруся, только дѣвушка, идущая за своимъ сердцемъ, не прельщающаяся ни высокимъ положеніемъ, ни богатствомъ. И такая дѣвушка будетъ моей женой! Какъ этому обрадуется матушка, да и отецъ тоже. Названная семья станетъ родною для Маруси, хотя она и была для нея, въ сущности родною.

Незамѣтно для мечтающаго счастливца пролетѣла ночь. Когда Телепневъ съ разсвѣтомъ возвратился, наконецъ, въ хоромы, его поразила суматоха, бѣготня озабоченной прислуги, всегда вызываемая какимъ-либо серьезнымъ случаемъ въ домѣ. Что такое? Онъ, съ ужасомъ, узналъ, что панночка захворала.

Встревоженная, вся въ слезахъ, полуодѣтая полковница подтвердила ему, что Маруся лежитъ вся въ огнѣ, бредитъ, никого не узнаетъ. Спѣшившая къ больной пани обозная, съ лекарствомъ въ рукахъ, злорадно на него взглянула, укорительно покачала головою въ повязкѣ, на подобіе турецкой чалмы, словно обвиняя его, москаля, въ Марусиной болѣзни, и прошипѣла свое: „Москаль недобрый человѣкъ". Телепневъ стоялъ, не вѣря ни имъ, ни самъ себѣ, словно его обманываютъ.

— Съ полуночи застонала, моя бѣдняжечка,— поясняла полковница, держа тарелку съ согрѣтымъ уксусомъ и водкой, испускавшими остро пахнувшій паръ.—Вытру ее всю этимъ снадобьемъ. Господи! Вотъ напасть нежданая! Попъ въ церкви ждетъ, а невѣста головы не подыметъ!.. Ну, если у нея огневица или пропастница? Что тогда намъ съ нею дѣлать? Опять ты, Андрей Юрьевичъ? Знаю, ждать тебѣ нельзя — служба тебя требуетъ... Загрустилъ, вижу, голубчикъ... Какъ тебѣ и не загрустить? Вѣнецъ-то отложить приходится... А еще можетъ... Крый, Мати Божа!..

Но тутъ рыданіе бѣдной матери не дало ей высказать своего страшнаго предположенія, понятаго содрогнувшимся мужскимъ сердцемъ. Возможность смертельной опасности для Маруси вдругъ охолодила любящаго жениха, принужденнаго прислониться къ притолокѣ: ноги у него дрожали и весь онъ ослабѣлъ отъ сильнаго нравственнаго потрясенія. Рѣзкій переходъ отъ полноты счастья къ отчаянію поразилъ всѣ его способности, всю его молодую тѣлесную силу. Страдающее выраженіе его блѣднаго, какъ полотно, лица, съ дрожащими губами и испуганнымъ взглядомъ, свидѣтельствовало полковницѣ о силѣ нравственнаго удара, его

поразившаго. Жаль его стало ей, полюбившей его, словно сына, еще жальче ей дочь, недолго жившей своимъ дѣвичьимъ счастьемъ. Охъ, доведется ли дочери молодицей быть, а ей, полковницѣ, качать дочернихъ дѣтей?

Горюющая мать прошла къ больной, горюющій женихъ остался одинъ со своимъ неожиданнымъ горемъ. Полковникъ съ пріятелями бражничалъ до поздняго часа и теперь сладко похрапывалъ на сѣновалѣ, на прохладномъ утреннемъ воздухѣ. На выгонѣ и на слободѣ раздавались пьяные крики, дикіе голоса затягивали пѣсню, сейчасъ же обрывавшуюся.

Горе, посѣтившее панскую семью, не обнаружилось еще. Напрасно женихъ просилъ позволенія видѣть свою заболѣвшую невѣсту: ей, раздѣтой, дѣлали втиранія, клали на голову полотенце съ примочкой, охлаждающей жаръ. Ея стоны, доходившіе до слуха Андрея, пуще его волновали. Наконецъ, стоны затихли, полковница, изъ полутемной горницы больной, поманила его рукою къ себѣ и подвела къ ея постелѣ. Маруся, съ холоднымъ компрессомъ на черноволосой головкѣ, неподвижно лежала на спинѣ, прикрытая бѣлою простынею. Ея агатовые глаза встрѣтили жениха молчаливымъ вопросомъ: какъ принялъ онъ ея внезапную и несвоевременную болѣзнь? Обвиняетъ ли онъ ее, свою невѣсту, или жалѣетъ ее? По кроткой улыбкѣ ея онъ понялъ, что она осталась довольна выраженіемъ его лица, свидѣтельствовавшимъ, что онъ жалѣлъ ее, не обвинялъ, что болѣзнь ея является тяжелымъ испытаніемъ его любви, готовой, впрочемъ, ради нея, на самыя серьезныя жертвы. Она не ошиблась въ немъ, котораго знала, какъ самое себя.

— Маруся! Что съ тобою, моя дорогая?—шепотомъ спросилъ онъ ее, нагнувшись, чтобъ лучше разсмотрѣть ея лицо, и испуганный его жаромъ, а также учащеннымъ горячимъ ея дыханіемъ, подымавшимъ и опускавшимъ ея грудь.—Не горячка ли у тебя? Ты страдаешь, Маруся? Страдаешь?

— Да,—чуть слышно прошептала она,—тѣмъ болѣе, что страдаю и душевно... Счастье наше, поневолѣ, отложится на неопредѣленное время... Не знаю, когда встану съ постели... да и встану ли, Богъ вѣсть, милый мой Андрюша...

— Что ты это вздумала, Маруся? Могу ли слышать такія слова твои, раздирающія мнѣ сердце!

Въ его шопотѣ она услыхала слезы, блеснувшія въ его глазахъ.

— Оправляйся, Маруся, и поскорѣе... Безъ тебя я жить не хочу и не буду.

Она поблагодарила его слабой улыбкой и прошептала:

— Я не могла выдержать нашего счастья, Андрюша; оно сломило меня... Вотъ причина моей болѣзни, чувствую.

— Такъ неожиданно, Маруся, — грустно шепталъ Телепневъ, убѣждаясь, что его невѣста серьезно заболѣла. — Сегодня я не назову тебя своей женой... Всю ночь провелъ надъ рѣкой, тамъ, гдѣ мы были такъ счастливы... И вотъ ты...

Онъ не договорилъ своей мысли, но она ее поняла и вздохнула.

— Уйди, Андрюша,—прошептала она.—Не могу... Мнѣ тяжко... голова... Нѣтъ, голубчикъ, уйди...

Она задыхалась, палимая внутреннимъ жаромъ, глаза ея закрылись. Телепневъ понималъ теперь, что его присутствіе невыносимо больной, какъ живое напоминаніе того, что должно было совершиться именно нынче, но совершиться не можетъ, и она этому причина, хотя невольная. Онъ тихо удалился.

— Послали мы за монастырскимъ врачемъ, отцомъ Паисіемъ,—замѣтилъ убитому духомъ жениху панъ полковникъ, тоже смущенный такимъ неожиданнымъ оборотомъ веселаго семейнаго дѣла.— Жаль, но вѣнецъ приходится отложить... Можетъ быть, не надолго, — добавилъ онъ, съ добрымъ желаніемъ подбодрить и обнадежить грустнаго жениха. — Маруся у насъ дѣвка крѣпкая, поваляется, да и подымется, какъ встрепанная. И съ чего бы, кажется, заболѣть ей? Нешто простудилась какъ? Только не во-время, вотъ же какъ не во-время!

Смущеніе хозяевъ сообщилось и гостямъ, заторопившимся разъѣхаться. Опустѣлый и затихшій вдругъ домъ теперь казался жениху скорбнымъ мѣстомъ, гнавшимъ его отъ себя. Чувствуя свое безсиліе помочь дорогой ему больной, онъ чувствовалъ всѣ нравственныя муки человѣка, насильно отрываемаго отъ любимаго существа. Благоразуміе, неизмѣнно направлявшее поступки Телепнева, теперь словно его покинуло онъ предался своей скорби со всею силою вызвавшей ее любви. Мысль, что онъ теряетъ любимую дѣвушку, готовую стать его женой, мутила его умъ и душу...

Среди тишины дома, словно заснувшаго, слышны торопливые шаги и осторожный шепотъ, напоминающіе бѣдному жениху о больной. Ожиданіе отца Паисія истомило и родителей, и жениха, безпрестанно высматривавшаго изъ окна или съ ганка,—не ѣдетъ ли онъ? Когда же утробистый монахъ пріѣхалъ съ своею маленькою аптекою, Телепневъ очень волновался желаніемъ поскорѣе узнать отъ него, чѣмъ больна его невѣста и есть ли надежда на ея скорое выздоровленіе. Монахъ-лекарь долго и внимательно осматривалъ больную прежде, чѣмъ могъ удовлетворить нетерпѣніе ея близкихъ, страдавшихъ неизвѣстностью объ ея положеніи. Послѣ разспросовъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ болѣзни, монахъ пришелъ къ убѣжденію, что причина болѣзни сильное душевное потрясеніе панночки, именно радость неожиданной встрѣчи съ женихомъ. Болѣзнь ея онъ призналъ серьезною, хотя надѣялся на благополучный ея исходъ. Необходимымъ условіемъ успѣшнаго леченія онъ считалъ удаленіе изъ дома жениха, которому строго запретилъ посѣщать больную. Какъ ни тяжело было Телепневу подчиниться такому приговору лекаря, благоразуміе его, а также польза больной этого требовали. Къ тому же истекалъ срокъ его отпуска. Панъ полковникъ не допускалъ

возможности молодому офицеру, да еще удостоенному довѣрія начальства, поручившаго ему батарею, пренебречь долгомъ службы въ военное время. Не явиться въ армію, идущую на Крымъ, значитъ, покрыть себя безславіемъ въ глазахъ ратныхъ товарищей, да и въ своихъ собственныхъ. Такъ думалъ и Телепневъ. Значительно успокоенный монахомъ, ручавшимся за жизнь его невѣсты, онъ рѣшился ѣхать. Панъ полковникъ обѣщалъ увѣдомить его съ нарочнымъ, еслибы положеніе больной вызывало опасность. Пани полковница, кромѣ благословеній, снабдила „своего шанованнаго Андрюсю“ съѣстными припасами и всѣмъ, что, по ея мнѣнію, могло облегчить неудобства и лишенія походной жизни. Она напутствовала его слезами и наставленіями.

— Береги себя, мой коханный зятю, возвращайся наискорѣйше до своей любы. Крый, Мати Божа, поднимется, поправится,— повѣнчаетесь, дѣтки милые. Мы ее тутъ доглядать будемъ денно и нощно, Андрюсю. Господь съ тобою, поѣзжай, когда надо ѣхать...

Панъ полковникъ проводилъ Телепнева за грань своего полка, давъ ему въ охрану надежныхъ казаковъ. Теперь некогда было молодому офицеру предаваться своимъ печальнымъ размышленіямъ о той, которую онъ оставилъ больною, которую мечталъ назвать супругою, но еще не назвалъ. И назоветъ ли онъ ее этимъ милымъ именемъ? Ея жизнь въ рукѣ Божьей.

Большой полкъ, т. е. главныя силы князя Василія Васильевича Голицына, Телепневъ засталъ уже на Конскихъ Водахъ. Это степное урочище представляло многочисленнымъ полкамъ возможность отдохнуть и оправиться послѣ тяжелаго похода, съ тѣмъ, чтобы продолжать его уже на открытой, безводной степи до самой Перекопской башни. Хотя была уже половина іюля мѣсяца, т. е. самое жаркое время лѣта, но здѣсь оказалось достаточно травы для множества строевыхъ и обозныхъ лошадей: люди же могли пользоваться пространными байрачными лѣсами, въ свѣжей тѣни которыхъ укрывались отъ палящаго зноя и засушивающаго южнаго вѣтра толпы воиновъ, не помѣстившихся въ лагерныхъ палаткахъ. Особенно въ этихъ спасительныхъ дубравахъ нуждались больные и слабые, которыхъ походные лазареты, заведенные Голицынымъ, по образцу европейскихъ, помѣщались вмѣстѣ съ лекарями и аптеками на лѣсныхъ опушкахъ. Тамъ же спасались отъ южнаго солнца непривычные къ нему московскіе бояре и воеводы. Обильные источники ключевой воды снабжали обширный лагерь водопоемъ. Такъ какъ на рѣкѣ Самарѣ къ войску Голицына подошли пятьдесятъ тысячъ малороссійскихъ казаковъ съ гетманомъ Самойловичемъ, то численность московской кавалеріи удвоилась; но ея нужды удовлетворялись: пастбищъ и воды хватало вволю. Понятно, что Голицынъ пользовался возможностью дать своему войску необходимый ему отдыхъ и распорядокъ. Остановка въ такомъ удобномъ урочищѣ, къ тому же, позволяла стягивать къ нему отставшія воинскія

части и безконечные обозы съ провіантомъ и зелейною казною, т. е. съ порохомъ и боевыми снарядами.

„Большого полка дворовый воевода, царственныя большія и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель“ и намѣстникъ новгородскій, князь Василій Васильевичъ Голицынъ понималъ отвѣтственность своего положенія, какъ главнокомандующаго походомъ на Крымскій улусъ. Съ успѣхомъ или не успѣхомъ этого серьезнаго воинскаго предпріятія для Голицына соединялся вопросъ о правительственномъ положеніи не только Голицына, но и царевны Софіи, которой сила не опиралась на право законное. Имѣя въ Москвѣ много знатныхъ завистниковъ себѣ и враговъ, Голицынъ нуждался въ народномъ сочувствіи, въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія, поскольку оно могло себя проявлять въ то время, какъ политическая сила. Но сочувствіе народа необразованнаго, каковымъ былъ тогдашній русскій народъ, склонялось вообще къ заслугамъ своихъ передовыхъ людей преимущественно передъ ихъ правительственными заслугами. Голицынъ понималъ, что только воинскій успѣхъ, слава полководца-побѣдителя утвердятъ его первенствующее положеніе въ государствѣ, не смотря на козни и противодѣйствія его враговъ. Поэтому и рѣшился онъ стать во главѣ стотысячнаго войска.

Не всѣ полководцы вѣнчаются лаврами, многіе изъ нихъ сходятъ съ боевого поприща въ терновомъ вѣнкѣ. Это, конечно, зналъ Голицынъ, не заблуждавшійся насчетъ своихъ воинскихъ дарованій. Онъ долго колебался прежде, чѣмъ рѣшился. Быть можетъ, благоразумныя опасенія вмѣстѣ съ желаемой воинскою славою потерять и славу правителя, уже пріобрѣтенную, вовремя заставили бы Голицына удовлетвориться своимъ гражданскимъ высокимъ постомъ и отказаться отъ военнаго; но враги его настояли на своемъ: онъ принялъ начальство, понявъ, что этимъ можетъ повредить не только себѣ, но и дѣлу правительницы царевны, имъ поддерживаемой. Ему даже передали, что его главный врагъ, князь Михайло Алегуковичъ Черкасскій, между своими, о немъ военачальникѣ, насмѣшливо замѣтилъ:

— Воевода въѣхалъ въ городъ веселъ, а выѣхавъ, голову посѣсилъ.

Оставивъ за собою въ Москвѣ враждебныхъ къ себѣ бояръ и волостелей, нетерпѣливо ожидающихъ вѣстей изъ степи о воинскихъ его неудачахъ, Голицынъ постоянно обдумывалъ способы ихъ предупредить. Каждый день, каждый переходъ убѣждали его въ неимовѣрной трудности управлять огромнымъ войскомъ, съ организаціей народнаго ополченія. Немногіе полки солдатскіе, командуемые иностранными офицерами, своимъ устройствомъ и своею дисциплиною напоминали регулярный строй. Но эти регулярныя части исчезали въ массѣ земскихъ полковъ, состоящихъ изъ плохо-вооруженныхъ земледѣльцевъ и ихъ помѣщиковъ дворянъ, незнакомыхъ ни съ воинскою дисциплиною, ни съ походною и лагерною службою, ни съ боевою тактикою.

Изъ нихъ охотники были и лучшими стрѣлками, и лучшими воинами.

Счеты мѣстами служебными, хотя формально отмѣненные, продолжали сказываться въ полкахъ, вызывая вражду между собою начальствующихъ, то глухую то обострявшуюся и требовавшую вмѣшательства высшей власти. Утомленный уже въ Москвѣ многими мѣсяцами сбора ратниковъ и высылкой на сборныя мѣста „нѣтей“ больше изъ испомѣщенныхъ дворянъ, Голицынъ окончательно пріунылъ за длинный походъ, обнаружившій полную несостоятельность обозной и продовольственной части и боевую негодность войска, сильнаго только своимъ числомъ. Не усматривалъ онъ и способныхъ военачальниковъ среди своихъ подчиненныхъ; но казнокрадовъ и ни на что воинское не годныхъ пьяницъ и разжирѣвшихъ лѣнтяевъ, а также прикидывавшихся больными, оказалось множество. Принятыя противъ такихъ начальствующихъ лицъ Голицинымъ строгія мѣры лишь увеличили въ войскѣ число его недоброжелателей. Что онъ работалъ на пользу царевны Софьи, даже въ походѣ и среди войска, тому доказательство его московскіе и ратные противники видѣли въ его поступкѣ на большомъ обѣдѣ, когда у него собралось много почетныхъ гостей изъ военныхъ. Поднявъ „чашу государеву“. Голицынъ къ имени царей прибавилъ и имя царевны Софіи. Шакловитый, его соумышленникъ извѣстилъ его, что его этотъ поступокъ на Москвѣ не понравился. По поводу „поднятія“ Черкаскаго на мѣсто боярина Радіона Стрѣшнева, и противности патріарха, Голицынъ просилъ Шакловитаго смотрѣть, „недреманнымъ окомъ, чтобъ его въ то не допустить“, т. е. Черкасскаго не допустить на мѣсто Стрѣшнева: „хотя бы патріархомъ или царевнами тетками отбивать“.

А тутъ, въ полки, прибыли на смотръ князь Борисъ Долгорукій и Юрій Щербатый въ черномъ платьѣ, люди въ черномъ и попонки на лошадяхъ черныя. Суевѣрные ратники склонны были объяснить этотъ черный цвѣтъ какъ бы пророчествомъ ихъ воинской неудачи. Въ Москвѣ же на него посмотрѣли, какъ на противность къ государеву лицу, и изготовили виновнымъ, по донесенію Голицына, страшный указъ. Своевольники съ своими сообщниками испугались, слезно просили прощенія. Голицынъ „уступилъ имъ на ихъ слезы“, разсуждая, что не ко времени наказывать раскаявшихся.

Хотя малороссійскій гетманъ Самойловичъ и привелъ къ Голицыну свои казачьи полки, но не одобрялъ войны московскаго государства съ султаномъ турецкимъ и крымскимъ ханомъ и чинилъ этому дѣлу всякія „противности“, за что, въ свое время, правительство сдѣлало ему выговоръ, черезъ посредство своего окольничаго Неплюева. И константинопольскій патріархъ умолялъ царей не воевать съ турками, опасаясь, что ихъ ярость обратится на единовѣрныхъ съ русскими греческихъ христіанъ. Но московская политика не сворачивала теперь съ своего историческаго пути и стала уже руководиться чувствомъ националь-

ной чести, сознаніе которой заимствовала уже отъ сношеній съ болѣе образованными западными народами. Еще въ 1862 году, вслѣдствіе униженія и грабежа, которому подвергся въ Крыму царскій посланникъ Таракановъ, московское правительство объявило хану, что онъ больше не увидитъ русскихъ посланниковъ и нужные переговоры будутъ производиться на границѣ. Христіанскому государству стало теперь не прилично платить дань ежегодную басурманамъ. И мирное докончаніе съ Польшею обязывало Москву воевать съ султаномъ и ханомъ. Но увѣнчаетъ ли эта война лаврами московскаго полководца, вознаградитъ ли успѣхомъ труды московскаго воинства, пріобрѣтетъ ли отъ нея Московское государство себѣ пользу, въ видѣ ли болѣе безопасной границы или завоеванныхъ областей? Голицынъ и его сподвижники стали въ этомъ сомнѣваться: ихъ пугали пространныя степи впереди. Да и духъ въ гетманскихъ полкахъ обнаруживался непріязненно къ московской рати и ея походу на Крымъ. Гетманскіе полки стояли таборомъ отдѣльно отъ московскихъ. Низменные луга зеленѣлись кругомъ степныхъ рѣчекъ, въ этомъ мѣстѣ сливавшихся въ широкіе плесы, окаймленные густымъ очеретомъ и осокой. Сколько видѣлъ глазъ Телепнева, зеленѣли тучныя пастбища, пестрѣвшія тысячами разномастныхъ лошадей и обозныхъ воловъ. Казацкій „городокъ“ походный, темнымъ четыреугольникомъ, окружилъ гетманскій станъ. „Городокъ составляли ряды тѣсно сдвинутыхъ обозныхъ повозокъ, тянувшихся правильными улицами съ переулками. За такимъ „гуляй-городомъ“ казаки, бывало, удачно отбивались и отъ татаръ, и отъ ляховъ. Середина, образовавшаяся между рядами сдвинутаго обоза, служила убѣжищемъ казаковъ, укрывавшихся въ шалашахъ или подъ наметами, вродѣ палатокъ. Московскій станъ широко раскинулся по возвышенности, пересѣкаемой темными дубовыми байраками. Бѣлыя палатки солдатскихъ полковъ длинными правильными линіями вытягивались по возвышенности, блестя на солнцѣ своими мѣдными пушками и пирамидами составленныхъ въ козла ружей. Драгунскія лошади, съ обѣихъ сторонъ коновязей, стояли по полкамъ. Чистота и порядокъ солдатскаго лагеря, съ часовыми по концамъ, рѣзко выдавали безпорядокъ стрѣлецкаго стана и расположенія земской рати. Шалаши, землянки, телѣги, люди, лошади, стога сѣна, солома, горы мѣшковъ съ овсомъ, сухарями, мукой, крупой; бочки съ виномъ хлѣбнымъ, толпы зѣвакъ, пьяные, вся эта картина представлялась Телепневу русской ярмаркой, оглашаемой руганью и залихватскими пѣснями,—такъ мало было въ ней воинственнаго характера. Привыкнувъ въ строгому порядку и блестящему виду саксонской арміи, молодой офицеръ съ негодованіемъ убѣждался въ очевидной боевой неготовности своего роднаго войска.

— Куда же съ нимъ побѣждать? Не на свою ли гибель двигается оно въ степи, за которыми его ждутъ воинственные враги? И способны ли эти нестройные полчища непривычныхъ къ воин-

скому дѣлу людей, съ этими безконечными обозами, вынести лишенія безводной степи?

Въ такихъ мрачныхъ мысляхъ, Телепневъ приближался къ ставкѣ главнокомандующаго, чтобы „отрапортовать“ ему о своей явкѣ на службу и получить его приказанія. Ставка пріютилась на опушкѣ байрака, въ отрадной тѣни вѣковыхъ громадныхъ кудрявыхъ дубовъ въ нѣсколько схватовъ толщины. Окруженный палатками, занятыми приближенными офицерами и канцеляріями, шалашами для прислуги и ѣздовыхъ разсыльныхъ, возвышался просторный балаганъ вродѣ тѣхъ, что ставятся на ярмаркахъ торговцами; только этотъ балаганъ своимъ красивымъ видомъ, искусно пригнаннымъ къ столбамъ тесомъ, дверями, окнами и тесовою крышею, свидѣтельствовалъ о роботѣ московскихъ плотниковъ и маляровъ, такъ какъ крыша была красная, стѣны сѣрыя, двери и окна бѣлыя. Балаганъ весь разбирался, части его означались цифрами, и онъ слѣдовалъ на подводахъ, для него именно устроенныхъ; подъ наблюденіемъ мастера, на ростахахъ, вкапывались столбы и въ полчаса готово было жилье усталому главнокомандующему, любившему удобства.

Въ коновязи, у связокъ сѣна, стояли засѣдланныя кони, а на мѣшкахъ съ овсомъ сидѣли вѣстовые драгуны при сабляхъ. Подъ тѣнью дуба помѣщался солдатскій караулъ—рота при капитанѣ и офицерахъ. Ружья въ козлахъ, барабанщикъ и горнистъ наготовѣ. Часовой, съ тяжелымъ ружьемъ на плечѣ, охранялъ входъ къ князю. Пѣхотные офицеры съ понятнымъ любопытствомъ слѣдили за подъѣхавшимъ артиллеристомъ. Едва тотъ, въ мундирѣ и шляпѣ, слѣзъ съ коня и отдалъ поводья драгуну, къ балагану прибылъ казацкій полковникъ, хотя по лѣтамъ своимъ слишкомъ молодой для такого почтеннаго военнаго чина. Молодчикъ, черноволосый, чернобровый, черноглазый, черноусый при смугломъ цвѣтѣ лица, худощаваго и съ открытымъ смѣлымъ выраженіемъ — понравился Телепневу. И физіономія казака и его высокій, стройный станъ напоминали ему, почему-то, изюмскаго полковника Донца, а его красный казакинъ и форма Изюмскаго полка убѣждали Телепнева, что передъ нимъ старшій братъ его дорогой Маруси.

Молодые люди вѣжливо другъ другу поклонились. Но прежде, чѣмъ Телепневъ успѣлъ съ нимъ заговорить, онъ поспѣшилъ войти въ дверь балагана, откуда выходили дьяки съ бумагами въ рукахъ. По поспѣшности и озабоченному виду, съ какими молодой казакъ входилъ къ главнокомандующему, понятно было Телепневу, что тотъ съ серьезнымъ докладомъ.

— Идите безъ сумлѣнія, — принимаетъ! — шепнулъ скверно-рожій дьякъ Телепневу, на его вопросъ: „Князь у насъ простъ?“

Телепневъ послѣдовалъ за казакомъ, не обращавшимъ вниманія на толпившуюся въ пріемной свиту. Дежурный стрѣлецкій урядникъ пропустилъ ихъ дальше.

———

XXV.

Ездячи же на тѣхъ пустоширокихъ степахъ, иногда звѣринымъ мясомъ кормилися, а иногда толокна только да сухарей толченыхъ въ сутки разъ вкушали, съ великимъ отъ татаръ опасенiемъ, не имѣя ни дороги, ни слѣда, и конямъ ржати не допущая, и безъ огня, будто звѣры, по тернахъ и комишахъ кормилися и пути свои, порознившися, теряли, но паки познавая онiе въ день по слонцу и кряжахъ земныхъ и могилахъ, ночью же по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ, сходилися и, тако высмотрѣвши татаръ, нечаянно малимъ людомъ великiя ихъ купы разбивали и живыхъ въ Москву или въ Польшу отвозили, получая за то милость монаршую.

(*Лѣтопись самовидца. Краткое описанiе Малороссiи*).

Военная выправка Телепнева, его щегольски сшитый саксонскій кафтанъ сверхъ камзола, бѣлыя перчатки, совсѣмъ еще не извѣстныя въ русской арміи, болѣе же всего благородное достоинство, съ какимъ онъ держалъ себя съ начальствомъ, товарищами и подчиненными, рѣзко выдѣляли его изъ среды русскихъ и иноземныхъ офицеровъ русской службы. Въ темнозеленомъ кафтанѣ, съ краснымъ отложнымъ воротникомъ и красными обшлагами на рукавахъ, въ ботфортахъ, въ треуголкѣ, обшитой золотымъ позументомъ, чисто выбритый, подстриженный подъ гребенку, съ русыми усиками, подвитыми кверху, онъ могъ служить блестящимъ образцомъ офицера. Когда онъ проходилъ своей щеголеватой походкой, согласно военнаго артикула вытянувшись, съ гордо поднятой головой и, съ легкой игрою въ локтяхъ, красиво отбивалъ носкомъ ботфорты темпъ вольнаго шага, а рука въ замшевой перчаткѣ держала форменную трость, въ толпѣ офицеровъ разныхъ чиновъ и родовъ войска послышался одобрительный шопотъ:

— Саксонецъ изъ русскихъ, артиллеристъ!

Не диво, что Голицынъ, съ первой къ нему явки Телепнева въ Москвѣ, отличилъ его своимъ вниманіемъ. Просвѣщенный вельможа всемѣрно заботился объ устройствѣ русской арміи по образцу иноземному, а потому дорожилъ образованными офицерами, безъ которыхъ немыслимъ регулярный строй. Получасовая тогдашняя бесѣда князя съ молодымъ саксонскимъ артиллеристомъ изъ русскихъ дворянъ убѣдила его, какую пользу русская полевая артиллерія можетъ извлечь для себя, будучи поручена Телепневу, соединявшему теоретическую подготовку съ полевымъ опытомъ. Въ этихъ видахъ, благородный князь произвелъ его въ капитаны, не стѣсняясь его молодостью и тѣмъ, что онъ только что поступилъ въ русскую службу. Конечно, такое блестящее служебное начало вызвало зависть и недоброжелательство во многихъ старыхъ офицерахъ, которымъ „этотъ выскочка“ сѣлъ на голову въ ущербъ ихъ службѣ. Да и обидно бывало заслуженнымъ старикамъ выслушивать выговоры князя съ его

требованьемъ, чтобъ они во всемъ брали примѣръ съ капитана Телепнева, „яко образованнаго наукою военною отличнѣйшаго артиллериста“. Вѣдь вздумалъ, молъ, князь, ихъ, стариковъ, въ ученье молокососу отдать. Какъ бы не такъ! Молодъ мѣсяцъ, не всю ночь свѣтитъ ..

Конечно, Телепневу много помогло рекомендательное письмо о немъ его милостивца, князя Бориса Алексѣевича. Князь Василій Васильевичъ даже вспомнилъ ту зимнюю ночь, когда онъ подобралъ въ свои сани подъ Москвою озябшаго юношу и привезъ его къ себѣ. При этомъ напоминаніи, Телепневъ невольно смутился. Его щекотливая совѣсть упрекнула его вопросомъ: какъ онъ отблагодарилъ великодушнаго князя, чуть ли не спасшаго его отъ смерти въ полѣ, ночью? Не измѣною ли его тайнѣ, которую ему удалось подслушать? Теперь Телепневъ душою предался благородному князю, оцѣнившему въ немъ нужнаго офицера и полюбившему въ немъ нравственнаго, развитого юношу. Онъ вступилъ въ покой главнокомандующаго съ пріятнымъ чувствомъ подчиненнаго, увѣреннаго въ расположеніи къ себѣ начальника.

Князь показался ему постарѣвшимъ и озабоченнымъ. Но спокойствіе, хотя бы наружное, по прежнему возвышало достоинство его взгляда, движеній, рѣчи и всей его благородной фигурѣ сообщало величіе, подчинявшее себѣ людей. Въ черномъ кафтанѣ съ золотыми тесьмами поперекъ груди, въ сафьянныхъ сапогахъ, князь глядѣлъ государственнымъ министромъ, но не полководцемъ. Его выбритая съ густыми усами умная физіономія, блѣдная, съ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ, способнымъ задумываться, съ завитыми, напудренными волосами, высоко взбитыми надъ открытымъ лбомъ, не имѣла ничего воинственнаго. Онъ ни своею внѣшностью, ни характеромъ не соотвѣтствовалъ тому понятію военныхъ массъ, какое они, съ незапамятныхъ временъ, имѣютъ о военачальникѣ, по мужественному слову котораго полки живыхъ людей бодро встрѣчаютъ кровавую смерть и становятся ея жертвами. Несомнѣнно, Голицынъ понималъ свою плохость, какъ полководца, сознавалъ, что занимаетъ не свое, чужое, мѣсто, насиловалъ себя держаться на немъ изъ-за политическихъ разсчетовъ, ничего общаго съ военнымъ дѣломъ не имѣющихъ, и въ этомъ то и заключался драматизмъ его личнаго положенія. Судя по грустной улыбкѣ, иногда игравшей на его блѣдныхъ губахъ, Телепневу казалось, что онъ самъ уже сомнѣвается въ успѣхѣ похода и предвидитъ его печальную развязку.

— А, Донецъ!—такъ князь встрѣтилъ молодого казака.—Вернулся? Благополучно? Очень радъ, очень радъ! Признаюсь, я за тебя опасался!

Во взглядѣ и въ голосѣ Голицына выражалась радость начальнаго человѣка, убѣждающагося, что передъ нимъ подчиненный, на возвратъ котораго изъ опасной командировки онъ мало надѣялся.

— Разсказывай, полковникъ, что ты увидѣлъ, узналъ? Далеко ли удалось тебѣ пробраться въ степь? Гдѣ орда? Сильна ли? Какое ея намѣреніе? Кто огланомъ съ ордою?

Эти вопросы, подсказываемые нетерпѣніемъ главнокомандующаго поскорѣе узнать все то, что ему знать необходимо, отражали его безпокойство за дальнѣйшую судьбу похода. Съ спокойною увѣренностью, только пуще выдававшею безпокойство Голицына, молодой казачій полковникъ отвѣтилъ:

— Пошелъ я съ малымъ числомъ своихъ казаковъ, съ вершины Берестовой рѣчки, князь. Прошелъ на Орельскія озера, на Самарскія, Овечьими и Молошными водами. Тамъ подались на Уклюки, что въ море падаетъ рѣчка. На Черномъ колодцѣ подождалъ другой своей партіи, что правѣе меня шла. Съ Чернаго колодца я, самъ другъ съ бывалымъ казакомъ, татарами одѣтые, прошли въ полтора днища до Перекопской башни. Орда съ самимъ ханомъ сбирается у башни... Видѣли ихъ. Не распознали, спасибо, насъ. Мы оба по татарски лопочемъ...

— Крѣпокъ ли Перекопъ?—спросилъ Голицынъ.

— Крѣпко поставленъ, князь, на четыре угла крѣпость, валомъ землянымъ высокимъ обнесена. Извѣстно, Перекопъ Крымъ бережетъ. Только взять его можно, князь. Высмотрѣлъ я подступъ... Ночнымъ бы дѣломъ взять его...

— И ты самъ повелъ бы на приступъ? Самъ, лихой полковникъ?

— Приказалъ бы ты князь мнѣ, и я повелъ бы!

— И взялъ бы, не сомнѣваюсь,—добавилъ Голицынъ, любуясь храбрымъ казакомъ.—Если бы побольше такихъ, какъ ты, Донецъ, не показывала бы своей спины врагу армія русская! Что-жъ узналъ ты о путяхъ, намъ предстоящихъ, полковникъ?

— Идти твоему войску такъ же, какъ я шелъ, князь. Подножные корма и воды по пути находятся... Только ожидать можно отъ татаръ непріятности не малой. Какъ бы они не отравили путевыя воды и не подожгли бы степи? Похваляются татары и отравою, и пожаромъ степнымъ...

Голицынъ, въ замѣтномъ волненіи отъ этого извѣстія, подтверждавшаго его собственныя опасенія, нетерпѣливо прошелся по шатру и остановился передъ Телепневымъ, привѣтствовавшимъ его почтительнымъ поклономъ.

— А! мой дорогой артиллеристъ! — съ любезною улыбкою обратился къ нему Голицынъ. — Изъ отпуска на службу? Радъ, радъ!

— Честь имѣю явиться, князь!

— Можно поздравить тебя съ законнымъ бракомъ?

— Нѣтъ, князь!—прошепталъ Телепневъ.—Свадьба наша отложена: невѣста моя заболѣла...

— Жаль,—сказалъ Голицынъ, участливо слѣдя за грустнымъ выраженіемъ лица молодого офицера. — Вѣдь невѣста его твоя есстра, Донецъ?.. Вы, будущіе родичи, кажется, незнакомы еще?

— Незнакомы! — одновременно подтвердили оба, улыбаясь

другъ другу, съ несомнѣннымъ расположенiемъ обняться и расцѣловаться, не стѣсняясь присутствiемъ своего начальника.

— Я не желалъ бы мѣшать проявленiю добраго чувства, влекущаго другъ къ другу васъ, молодыхъ людей, членовъ одной семьи,—замѣтилъ Голицынъ съ добрымъ отеческимъ вниманiемъ къ ихъ положенiю.—Познакомтесь, побратайтесь!

Благородный вельможа, съ улыбкой, такъ его красившей, увидѣлъ своихъ любимыхъ офицеровъ крѣпко обнявшихся и расцѣловавшихся. Они обмѣнялись лишь вопросами: „Ты Андрей Телепневъ?" — „Ты Федоръ Захаржевскiй?" и отвѣтомъ: „Да!" Затѣмъ оба ждали приказанiй или вопросовъ Голицына, возвратившагося къ дѣлу.

— Кстати оба вернулись вы, — продолжалъ Голицынъ, по прежнему озабоченный предстоящимъ походомъ вглубь степей.— Ты, Телепневъ, со тщанiемъ осмотри пушки и мортиры; негодныя или опасныя къ стрѣльбѣ, мы не потащимъ за собою. Также разсмотрись: сколько зелейной казны и снарядовъ достаточно взять, дабы не отягощать излишкомъ обоза, и безъ того великаго... Ты же, Донецъ, со своими изюмчанами, пойдешь впереди насъ... Безводья намъ гдѣ-жъ ждать и сколько переходовъ намъ обозною водою пробавляться?

— Безводье подойдетъ намъ съ Молошныхъ водъ, князь, переходовъ не пятокъ ли придется обозною водою пробавляться, вплоть до Перекопской башни. Въ Перекопѣ всего три колодца воды. Съ одной стороны Гнилое море, съ другой Черное — соленыя...

— Скверное дѣло! — прошепталъ Голицынъ и задумался.— Вотъ что, Донецъ,—заговорилъ онъ.—Языковъ мнѣ добудь.

— Языки взяты, князь, даже Уланъ Теймуразъ попался.

— Спасибо, братъ, что постарался. За царями служба твоя не пропадетъ, Донецъ. Пришли ко мнѣ Улана.

— Сейчасъ, князь!

Изюмскiй полковникъ поспѣшилъ откланяться. Телепневъ послѣдовалъ его примѣру.

Очутясь вдвоемъ, молодые люди остановились въ тѣни стараго дуба и, взявшись за руки, внимательно и съ мягкой улыбкой всматривались другъ въ друга. Крѣпкое пожатiе рукъ, безъ словъ выражало ихъ чувства. Смуглое красивое, чернобровое и черноглазое лицо казака съ чернымъ вьющимся усомъ, его стройная фигура невольно напоминали Телепневу его невѣсту, и по ней былъ ему милъ и ея старшiй братъ. Этотъ же братъ, съ понятнымъ любопытствомъ и доброжелательствомъ, относился къ избраннику своей сестры, къ ея брату названному, о которомъ она ему разсказывала такъ много хорошаго.

— Братъ моей милой Маруси и мой братъ!—прошепталъ Телепневъ, со взглядомъ свѣтившимся нѣжнымъ чувствомъ.—Она велѣла тебя поцѣловать, Федоръ Григорьевичъ.

— За великую честь почитаю назвать тебя своимъ зятемъ, Андрей Юрьевичъ! — отвѣтилъ молодой полковникъ, порывисто

обнимая Телепнева. — Давно знаемъ мы тебя, отъ сестры наслушавшись похвалъ тебѣ и старикамъ твоимъ. Радъ, что довелось познакомиться. Брата найдешь во мнѣ ты, Андрей Юрьевичъ! Ѣдемъ ко мнѣ: вмѣстѣ будемъ, пока можно. Мой бивакъ впереди. Ѣдемъ!

— Ѣдемъ! — съ удовольствіемъ согласился Телепневъ. — Я здѣсь, въ стану, словно въ лѣсу непроходимомъ; и быть съ тобою вмѣстѣ, Федоръ Григорьевичъ, мнѣ не только пріятно, но и полезно: я здѣсь безъ крова. Если бы ты зналъ, какъ тяжело мнѣ было покидать мою невѣсту больною, какъ тяжело мнѣ здѣсь вспоминать о ней, оставаться въ неизвѣстности, что съ ней? Жива ли она?

Грустный тонъ, въ которомъ слышалась жалоба на судьбу, грустный взглядъ Телепнева вызвали со стороны молодого полковника слова успокоенія и ободренія.

Оба устали и нуждались въ отдыхѣ. А потому оба съ величайшимъ удовольствіемъ укрылись отъ палящаго солнца и отъ пыли подъ навѣсомъ просторнаго балагана, покрытаго камышомъ. Въ отрадной тѣни этого степного жилья связки свѣжей кучи, прикрытыя войлокомъ, манили прилечь, что Телепневъ и поспѣшилъ сдѣлать, раздѣвшись. Но полковникъ занялся нужными распоряженіями по своимъ сотнямъ, державшимъ передовые посты и разъѣзды. Бивакъ изюмскихъ казаковъ располагался въ лощинѣ, заканчивавшейся болотомъ.

Разношерстныя, не крупныя лошадки, всегда подъ сѣдломъ, паслись табуномъ, по-сотенно, подъ охраною вооруженныхъ казаковъ. Цѣпь конныхъ часовыхъ съ красными пиками виднѣлась кругомъ на возвышенныхъ мѣстахъ. Часто изъ степи возвращались разъѣзды и доносили полковнику о томъ, что тамъ видѣли, а въ степь уходили новые разъѣзды съ наставленіями и приказаніями. Убаюкиваемый конскимъ ржаніемъ, топотомъ, звономъ сабель, голосами людей, всею этою дѣятельною суматохою аванпостной службы, Телепневъ крѣпко заснулъ. Проснувшись, онъ увидѣлъ у входа въ балаганъ полулежащую тяжелую фигуру казацкаго есаула, котораго запыленный красный казакинъ и утомленный видъ свидѣтельствовали о томъ, что онъ только что слѣзъ съ коня. Разстегнутый казакинъ, обнаженная потная грудь, вся въ волосахъ, блестѣвшее отъ загара темное лицо съ рѣзко черными бровями и серебрившимися длинными усицами, а также орлиный носъ и толстая коричневая шея показались Телепневу знакомыми. Особенно вспомнилась ему знакомая смушковая шапка всегда на затылкѣ подбритой кругомъ, по-польски, головы. Несомнѣнно выпившій, есаулъ лѣниво попыхивалъ изъ коротенькой люльки, зажатой между зубами. Всмотрѣвшись въ него, Телепневъ съ невольнымъ изумленіемъ узналъ въ немъ одного изъ своихъ бугаевскихъ знакомцевъ, есаула Сѣрабабу.

Первою мыслью, ударившею бѣднаго жениха прямо въ сердце, былъ вопросъ о Марусѣ: благополучна ли она? жива ли? не при-

сланъ ли Сѣрабаба съ какимъ нибудь ужаснымъ извѣстіемъ? Онъ вскочилъ, какъ ужаленный, но тутъ же сѣлъ, задыхаясь отъ волненія.

— Успокойся, Андрей Юрьичъ!—поспѣшилъ къ нему Захаржевскій съ добрымъ желаніемъ разсѣять опасенія, омрачившія его лицо.—Есаулъ прибылъ, гнавшись за прорвавшимися крымчаками, по ихъ сакмѣ. Въ Бугаевкѣ благополучно, Маруся поднялась съ постели, поклонъ намъ прислала... И старики кланяются.

— Прислала! — подтвердилъ есаулъ, лѣниво вынувъ, на минуту, изо рта люльку, но ни къ кому не обращаясь. — Кланяются.

Телепневъ вздохнулъ свободно и улыбнулся радостной вѣсти.

— Пора и перекусить, добродіе, чѣмъ Богъ послалъ! — замѣтилъ полковникъ, присаживаясь къ походному столу, земляному кругу, обрытому рвомъ, куда обѣдающіе опускаютъ свои ноги. На земляномъ кругѣ, образованномъ рвомъ, красовалась барилка, родъ баклаги, сбитой обручами и съ горломъ, заткнутымъ деревянной пробкой: въ закопченномъ дымомъ котелкѣ ждалъ кулешъ съ саломъ, посылавшій отъ себя вкусно-пахнущій паръ; на широкихъ листахъ лопуховъ лежало жирное стегно жареной съ лукомъ баранины; свѣтло-зеленый, съ темноватыми полосками кавунъ надрѣзанъ сверху и манитъ лакомый взглядъ къ своему малиновому сочному тѣлу, обнаруженному надрѣзомъ. Ко всей этой благодати прибавилась еще бутылка сливянки, присланная полковницей.

— Не ждалъ я нынче такъ пообѣдать,—весело замѣтилъ Телепневъ, опуская ноги въ ровъ и присаживаясь къ кругу, служившему столомъ. — Даже кавунъ на закуску послѣ баранины. Хотя бы князю Голицыну обѣдъ! Съ казаками голоденъ не будешь: разстараются, молодцы!

Есаулъ выразительно крякнулъ, взявшись за барилку съ горилкой и, съ видимымъ удовольствіемъ, потянулъ прямо изъ горлышка любимаго напитка безъ мѣры.

— Душа мѣру знаетъ!—замѣтилъ онъ, ставя барилку и затыкая ее пробкой. — Казакъ когда не пьетъ, то блохъ бьетъ, а все не гуляетъ!

— Сидитъ казакъ на жнивьѣ да штаны латаетъ, жнивье его въ спину колетъ, а онъ жнивье латаетъ!—въ тонѣ есаула прибавилъ Захаржевскій.—За твое, Андрей Юрьичъ, здоровье! за твою невѣсту! за нашу братскую дружбу!

Онъ глотнулъ изъ баклаги и передалъ ее Телепневу.

Пообѣдавъ наскоро,- онъ все дѣлалъ скоро,—молодой полковникъ вскочилъ въ сѣдло на подведеннаго коня, со всегдашнею своею бодростью, такъ ободрявшею и его подчиненныхъ. У его стремени стоялъ здоровенный старый хохолъ огромнаго роста, казавшійся еще выше отъ капелюхи, мѣховой шапки съ торчащими вверхъ наушниками, сползшей ему совсѣмъ на бритый затылокъ, коротенькая свитка накинута на широчайшія плечи.

Грязная рубаха съ разстегнутымъ воротомъ забрана въ холщевыя широкія портки съ мотнею, сообщавшею имъ видъ бабьей юбки. Смазные чоботы, т. е. сапоги съ отвороченными, черезчуръ длинными холявами, т. е. голенищами. Сѣдые усы и брови вырѣзались на темномъ лицѣ, суровомъ, съ рѣшительнымъ взглядомъ. Въ загорѣлой рукѣ батигъ, т. е. палка.

На вопросительный взглядъ Телепнева, полковникъ ему шепнулъ, что это только что освобожденный имъ изъ нагайской неволи полонянникъ, хуторянинъ, хорошо знакомый со степными путями къ Перекопской башнѣ, согласившійся быть проводникомъ русской рати.

— А вотъ этотъ черномазый, раскосый татаринъ въ верблюжьей курткѣ и бараньей шапкѣ — Уланъ Теймуразъ, — добавилъ полковникъ, кивнувъ на приземистаго, босоногаго, широкаго крымчака, злобно косившагося исподлобья на своего побѣдителя, стоя между конными казаками.—Поведу ихъ къ князю!..

Въ отсутствіи полковника, есаулъ Сѣрабаба короталъ время въ близкомъ общеніи съ его баклагой, и ея хмѣльную влагу предпочиталъ бесѣдѣ съ Телепневымъ, напрасно предлагавшимъ ему вопросы о Марусѣ и обо всемъ, ея касающемся. Слишкомъ краткіе и неудовлетворительные отвѣты его заставили бѣднаго жениха замолчать и остаться въ невѣдѣніи относительно невѣсты. Вообще несообщительный, неразговорчивый, старый казакъ, казалось, сосредоточился самъ въ себѣ и интересовался только выпивкой. Но, по возможности, онъ старался скрыть эту свою слабость отъ москаля-офицера, потѣшая его ловкостью, съ какою онъ обращался къ баклагѣ, улучивъ минуту, когда москаль отвернулся. Впрочемъ, хмель словно не бралъ грубаго рубаку.

Полковникъ Захаржевскій возвратился съ приказаніемъ главнокомандующаго, котораго исполненіе требовало тайны. Его онъ не сообщилъ даже Телепневу. Молодой артиллеристъ отправился къ своей части, для осмотра всѣхъ, находящихся въ обозѣ, орудій и для разсчета пороха и снарядовъ, потребныхъ къ тѣмъ изъ годныхъ орудій, которые должны слѣдовать съ полками и въ обозѣ. Не легка оказалась эта задача, при плохой подготовкѣ тогдашнихъ русскихъ пушкарей. Большая часть орудіи никуда не годились и могла лишь отягчать собою движеніе арміи.

Тогдашняя русская артиллерія раздѣлялась на полковую, осадную и крѣпостную. При войскѣ Голицына слѣдовала лишь полковая, оруція двѣнадцати и шестифунтоваго калибра да полупудовыя гаубицы. Неуклюжіе лафеты соотвѣтствовали плохой отливкѣ орудій, часто разрывавшихся при учащенной пальбѣ. Кромѣ запасныхъ орудій въ обозѣ, пушки, мортиры и гаубицы находились при пѣхотныхъ полкахъ. Поэтому Телепневу приходилось осмотрѣть орудія, начиная съ Бутырскаго солдатскаго полка, расположеннаго съ лѣваго фланга обширнаго лагеря, правильнѣе назвать — становища, весьма мало напоминавшаго своими шалашами, землянками и безпорядкомъ размѣщенія,

людей, лошадей, обозовъ и всякихъ запасовъ, лагери регулярныхъ армій.

Салдатскіе полки имѣли палатки, разбитыя рядами, одинъ за другимъ, и ихъ бивуаки представляли сравнительно съ бивуаками земскихъ полковъ картину воинскаго порядка: ружья составлены въ козла, у караульной палатки полковое знамя при часовомъ, дежурный офицеръ въ формѣ, барабанщикъ, вооруженный караулъ. Бутырскій полкъ, благодаря своему командиру—нѣмцу, считался примѣрнымъ по строгости дисциплины и благоустройству воинскому и хозяйственному. Вычищенныя мѣдныя пушки, исправные, подновленные зеленой краской лафеты и зарядные ящики вытягивались въ линіи; впереди орудія, во второй линіи передки, въ третьей ящики. Ихъ охранялъ часовой пушкарь.

Пользуясь наступавшей вечерней прохладой и потянувшимъ сѣвернымъ вѣтеркомъ, полковникъ Адамъ Вилзъ производилъ своему полку ученье. Оба батальона выстроились въ глубокихъ, шестнадцати-шеренговыхъ, колоннахъ, по пяти ротъ въ батальонѣ. Половина солдатъ были вооружены пиками, половина ружьями, но не одинаковаго калибра, такъ какъ выписывались изъ Саксоніи и Голландіи не одновременно и отъ разныхъ мастеровъ. Снабженіе ружьями полковъ встрѣчало затрудненія даже гораздо позднѣе. Впрочемъ, къ ружьямъ уже привинчивался багинетъ, или штыкъ, это страшное непріятелю, въ рукахъ русскаго солдата, холодное оружіе. Солдаты не щеголяли своими поношенными треугольными поярковыми шляпами, зелеными кафтанами и камзолами со штанами. Сапоги избитые и часто дырявые, плохостью своею бросались въ глаза Телепневу, привыкшему къ щегольскому виду саксонскихъ полковъ. О выправкѣ воинской и говорить нечего, она его далеко не удовлетворяла, хотя онъ любовался молодцоватостью и бодростью людей, сдѣлавшихъ дальній походъ при условіяхъ для себя неблагопріятныхъ, исполненныхъ всяческихъ лишеній. Блестѣли на солнцѣ свѣтлые штыки и дула мушкетовъ съ ложами, выравненными у ноги, бѣлые ремни крестообразно выложившіеся на кафтанахъ. Батальоны, подъ оглушительный бой двѣнадцати барабанщиковъ, маршировали развернутымъ фронтомъ, переднія шеренги съ ружьями, заднія съ пиками на плечѣ. Офицеры, съ своими мѣдными нагрудными знаками, съ пиками же въ рукахъ, находились въ строю, на своихъ мѣстахъ. Полковникъ Вилзъ, костистый старикъ, прямой, какъ палка, въ старенькой войлочной треуголкѣ, надѣтой поперекъ, сверхъ парика съ заплетенною косою, ерзающею по спинѣ, въ заношенномъ кафтанѣ, въ латаныхъ ботфортахъ съ ясно вычищенными мѣдными пуговицами и офицерскимъ знакомъ, усердно отбивалъ старыми ногами темпъ скораго марша. До хрипоты выкрикивая команду: „глаза на-пра-во! прямо! дирекція на-право!“ онъ суетливо забѣгалъ па правый флангъ передней шеренги, чтобы, пропуская мимо себя батальоны провѣрять ихъ равненіе на маршѣ. Тутъ онъ, ломанымъ русскихъ

языкомъ, хвалилъ равненіе, выкрикивая: „Карошо ропятя!“ на что «ропятя» дружно кричали: „рады стараться!“

Вспотѣвшій и уморившійся старикъ-полковникъ, очевидно, примолаживался на глазахъ множества зѣвакъ, собравшихся отъ бездѣлья поглядѣть полковое ученье. Съ простительнымъ для военнаго человѣка тщеславіемъ, командиръ не прочь былъ похвалиться передъ другими командирами своимъ полкомъ и изъ себя самаго изобразить молодца служаку, образцоваого по усердію и знанію штабъ-офицера, подающаго собою назидательный примѣръ своимъ подчиненнымъ. Конечно, его барабаны слышны и главнокомандующему, который не разъ благодарилъ его за усердную службу и выставлялъ его въ примѣръ прочимъ командирамъ.

Но это, понятное въ русскомъ нѣмцѣ, желаніе выслужиться передъ начальствомъ и отличиться между товарищами, не только стоило ему напряженія всѣхъ его силишекъ, но и вызывало въ толпѣ глазѣвшихъ русачковъ ѣдкія на свой счетъ насмѣшки, высказываемыя безъ стѣсненія.

— Козелъ нѣмецкій — прогуливались на его счетъ рядовые русскіе, полковые же командиры. — Вишь его, козырится! Солдатъ муштруетъ, а съ женой нѣмкой не справится: колотитъ его за то, что бездѣтна!

Потѣшное выраженіе стараго козла имѣло продолговатое лицо Билза, безбровое, съ безцвѣтными глазами и желтыми бакенбардами, отвислыми, трясшимися при его движеніяхъ, особенно когда свою команду онъ сопровождалъ взмахомъ шпаги.

— Тоже своей тупицей машетъ!—смѣясь, замѣчали зрители изъ начальниковъ.—Съ крысами ему воевать!

— Зтой! равнись! зтоять вольно! оправсь!—перепеломъ скомандовалъ Билзъ и, съ вывертомъ въ локтѣ правой руки, сопровождавшимъ всѣ его пріемы, ловко вложилъ шпагу въ ножны, неизмѣнно придерживаемыя его лѣвою рукою, когда онъ бѣгалъ или маршировалъ. Отеревъ платкомъ потное лицо, онъ наскоро понюхалъ изъ тавлинки табачку, провелъ платкомъ подъ носомъ, крякнулъ, сунулъ тавлинку съ платкомъ въ карманъ и, снова вытянувшись, какъ палка, и принявъ видъ задорнаго, нахохлившагося голосистаго пѣтуха, — скомандовалъ: — Змирнаа! равнись! глаза на пра-а-во!

Въ эту минуту къ нему подошелъ, приложивъ руку къ шляпѣ, Телепневъ и доложилъ ему о приказаніи главнокомандующаго осмотрѣть орудія при ввѣренномъ ему полку. При словѣ «главнокомандующій» служака-нѣмецъ тоже поднесъ свою руку къ шляпѣ и его длинное лицо съ рыжими бакенами изобразило служебную, не разсуждающую, а только исполняющую подчиненность

— Ви имѣйте озмотрить полкови орудій, господинъ капитанъ!—вѣжливо сказалъ полковникъ Билзъ и, обратясь къ одному изъ своихъ офицеровъ, уже начальническимъ тономъ приказалъ:

— Господинъ поручикъ Фокинъ, имѣйте показать ввѣренни вамъ полкови орудій!

XXVI.

Дѣло въ промыслѣ, а не въ томъ, что людей много. И много людей, да про мышленника нѣтъ. Вотъ шведъ. Всѣхъ сосѣднихъ государей безлюднѣе, а промысломъ надъ всѣми верхъ беретъ.

(Донесенія Афан. Лавр. Ордина Нащокина).

Поручикъ Фокинъ, уже посѣдѣлый офицеръ, съ нескрываемымъ неудовольствіемъ взглянулъ на молодого капитана въ саксонской формѣ, явившагося провѣрять артиллерійскую часть полка, имъ завѣдываемую. Выражая свое неудовольствіе грубымъ молчаніемъ, старенькій поручикъ остановился у своихъ орудій и ждалъ распоряженія старшаго себя чина, какъ бы обиженный старшинствомъ щеголька-молокососа, осмѣливающагося его, старика, провѣрять. На требованіе капитана вызвать къ орудіямъ пушкарей, дабы произвести ученье и испробовать орудія холостыми зарядами, поручикъ объяснилъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ, что пушкари сейчасъ стоятъ во фронтѣ, и вызвать ихъ, до конца ученья, онъ не смѣетъ.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ Телепневъ, — я желалъ бы осмотрѣть зарядные ящики, въ комплектѣ ли заряды, а также запасъ снарядовъ въ полковомъ обозѣ?

— Вахтеръ тоже во фронтѣ, — съ усмѣшкою, показавшеюся молодому капитану обидною, отвѣтилъ поручикъ. — Да и осматривать вамъ наши ящики и запасы зарядные нечего; комплектъ полный, орудія исправныя.

— Но умѣетъ ли ими дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, прислуга?

— Обучена и безъ васъ, господинъ капитанъ!—съ вызывающею грубостью отвѣтилъ поручикъ. — Наши пушки Азовскую крѣпость взяли и дѣйствовали, какъ слѣдуетъ, тамъ, гдѣ васъ не было...

Телепневъ вспыхнулъ и готовъ былъ потребовать отъ дерзкаго оскорбителя сатисфакціи,—удовлетворенія,—по всѣмъ правиламъ, существующимъ въ образованныхъ арміяхъ, гдѣ дуэль, или поединокъ, обыкновенно рѣшаетъ дѣло военной чести; но, взглянувъ на этого неотесаннаго служаку, грубая внѣшность котораго вполнѣ соотвѣтствовала его необразованности, онъ невольно разсмѣялся. Слишкомъ неравно было ихъ умственное развитіе и они не могли понимать другъ друга. Со взглядомъ, исполненнымъ презрѣнія, молодой капитанъ дотронулся до своей треуголки и удалился. Больно было ему убѣждаться въ возможности подобныхъ русскихъ офицеровъ. „Съ ними не побѣждать“,— думалъ онъ.

Крики, послышавшіеся въ толпѣ у балагана маркитанта, заставили его остановиться. Мимо него бѣжали двое земскихъ ратниковъ, преслѣдуемые торговцами и ихъ криками: „Держи!

лови! воры! воры!“ Оба босые, преслѣдуемые подъ мышками несли по парѣ новыхъ смазныхъ сапоговъ, только что украденныхъ ими. Бородатый, съ безстыжей усмѣшкой, ободрялъ видимо струхнувшаго молоденькаго парня, приговаривая: „Не тотъ воръ, кто укралъ, а тотъ кто вора въ соблазнъ ввелъ“, милый! Не клади плохо, не смущай добраго человѣка. А наше съ тобою дѣло, племяшъ, походное—обосѣли, какъ тутъ безъ сапоговъ?

— Догоняютъ, дяденька! Пропали мы!—воскликнулъ парень, схваченный сильными руками и убѣдившійся, что и дяденька попался.

— Христіанскими воинами называетесь, а своихъ обкрадаете—кричалъ, въ сердцахъ, дюжій, краснощекій съ широкою бородищей, ярославецъ, торговый человѣкъ, слѣдовавшій со всякимъ нужнымъ въ походѣ товаромъ на нѣсколькихъ парныхъ подводахъ и на стоянкахъ разбивавшій просторный балаганъ.—Подай сапоги, воряга!

Ярославецъ взялся за свой украденный товаръ.

— Сапоги куплены, хозяинъ: деньги за нихъ заплачены!—бойко, глазомъ безстыжимъ не моргнувъ, утверждалъ бородачъ.

— Кому жъ ты деньги платилъ? Шельма ты острожная!

— Шельмовать меня не можешь ты, хозяинъ!—вступился за свою честь воръ.—А платили мы деньги въ лавкѣ, кому — не знаемъ.

— Мы свидѣтели, какъ ты двѣ пары сапогъ въ лавкѣ смуздалъ, мы свидѣтели!—кричали на перебой сидѣльцы походныхъ торговыхъ балагановъ, шумною толпою, все увеличивающеюся, окружавшіе воровъ съ поличнымъ.—Безъ денегъ купилъ! Другую пару парню сунулъ, побѣжали на утекъ! Вѣшать бы васъ, воровъ.

— Всѣхъ не перевѣшаешь, милый!—спокойно возразилъ бородатый, печальными глазами провожая отобранные у обоихъ сапоги.—А наше дѣло сиротское, взять неоткуда, обосѣли—надо, значитъ, украсть! Вы таки по-божески, хозяева...

А воровать нешто по-божески? Тащите ихъ, братцы, прямо къ князю Василію Васильичу! Пусть его разсудитъ, воровъ обуздаетъ: отъ воровъ торговать въ стану нельзя! отъ начальства имъ послабленіе, разворовались во всю! Что ни день, ни ночь—покража! Дневной грабежъ! Обида!

Съ такими криками торговцы волокли воровъ, направляясь къ ставкѣ главнокомандующаго. Солдаты и ратники попутныхъ полковъ толпами подбѣгали къ слѣдовавшимъ, подсмѣивались и надъ попавшимися ворами, и надъ пострадавшими отъ нихъ торговцами. Когда же воры увидѣли себя среди своихъ однополчанъ, то бородатый вдругъ отчаяннымъ голосомъ воскликнулъ:

— Братцы землячки, слобоните насъ отъ лавошниковъ! Вклепались въ сапоги! Безвинно, напрасно страждаемъ! Слобоните, землячки!

И землячки, дружнымъ напоромъ, вмигъ „слобонили“ воровъ, исчезнувшихъ въ толпѣ. Торговцы радешеньки были отступить

съ возвращенными сапогами и небитыми, такъ какъ „землячки“ стали было засучивать рукава и поплевывать въ свои увѣсистые кулаки, угрожая „вступиться за свою обиду“.

Наблюдавшій всѣ эти возмутительныя сцены, характеризовавшія безпорядокъ, царившій въ станѣ полутораста-тысячнаго русскаго войска, Телепневъ негодовалъ на начальство, всегда, повидимому, отсутствовавшее тамъ, гдѣ его наличность необходима. — „Нѣтъ, — думалъ онъ,—съ такою полуазіатскою арміею некуда двигаться. Страшнымъ собственнымъ бѣдствіемъ можетъ заплатить она за свою отвагу углубиться въ безводную степь, гдѣ ее поджидаетъ коварный и опытный въ степной войнѣ врагъ“. Тяжелыя впечатлѣнія вынесъ онъ изъ своего знакомства со станомъ.

Между тѣмъ, молодой полковникъ Захаржевскій, согласно порученію главнокомандующаго, успѣлъ осмотрѣть урочище „Большой лугъ“, куда армія завтра должна была передвинуться. Явившись къ князю Голицыну съ докладомъ, онъ нашелъ у него старшину запорожскаго войска. Обозный Василій Бурковскій отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ полковниковъ, обвинялъ ненавистнаго имъ гетмана Самойловича, „яко противенство правительству московскому имѣющаго“. Обозный перечислялъ вины гетмана: главнѣйшими или тягчайшими изъ нихъ оказывались его „похвалки на Москву“, его несочувствіе крымскому походу, его тайныя намѣренія отложиться отъ Москвы, его желаніе союзиться съ татарами и турками. Обвиненіе горячо поддерживали есаулъ Иванъ Мазепа и войсковой судья Михайло Воехѣевичъ. Полковники Солонина, Лизогубъ, Забѣла и Гамалѣя, покручивая свои длинные усы и опираясь на сабли, подтверждали справедливость обвиненія,—молъ, все одинъ дѣлаетъ, никого къ думѣ не призываетъ. За мѣста великія взятки хватаетъ и самовольничаетъ.

Голицынъ, съ своею обычною спокойною сдержанностью, выслушалъ извѣтъ малороссійской старшины, не сомнѣваясь въ преувеличеніи обвиненій, но убѣжденный въ ихъ серьезности для московскаго правительства. Голицынъ, самъ не уважая Самойловича за его гордость, несовмѣстную ни съ его поповскимъ происхожденіемъ, ни съ простыми нравами народа, избравшаго его своимъ представителемъ, не забывшій и того, что Самойловичъ былъ противъ него въ его ссорѣ съ Ромодановскимъ, отнесся къ извѣту старшины съ полнымъ безпристрастіемъ.

— Гетманъ препятствовалъ, сколько могъ, заключенію мира съ поляками,—высказывался Бурковскій, — не велѣлъ служить молебновъ благодарственныхъ за сей миръ... Сказалъ: „сдѣлаемъ такъ, какъ намъ надо, а не такъ, какъ Москва съ Польшею договорилась“.

— Женка гетмана хвалилась, не повторилъ бы гетманъ поступки Брюховецкаго?—добавилъ есаулъ Мазепа.—Пора настала государямъ смѣнить Самойловича, яко Москвѣ вреднаго гетмана.

— И намъ, родовымъ людямъ, обидно надъ собою власти-

теля изъ поповичей имѣть!—замѣтилъ Гамалѣя.—Забывши родительскіе подрясникъ и кныши, возгордился нынѣ безъ мѣры. Ѣдетъ въ каретѣ, за нимъ конные сердюки оружные скачутъ; при полкахъ тоже въ каретѣ, сѣдла казацкаго не знаетъ. Кадиломъ бы ему въ церкви кадить, не гетманствовать. Малороссію считаетъ своею, не государевою.

— Чего же вы, панове, отъ меня хотите?—спросилъ князь.

— Чтобы ты, благородный князь, донесъ о нашемъ извѣтѣ государямъ,—отвѣтилъ Бурковскій.—Они насъ разсудятъ..,

— Для этого вы, панове, должны представить мнѣ письменный доносъ: я отправлю его въ Москву, государямъ.

— Представимъ доносъ за нашими руками, князь...

Старшина удалился. Голицынъ выслушалъ донесеніе полковника Захаржевскаго, что урочище Большой лугъ—къ стоянкѣ полковъ приличное: корма и вода есть, татаръ не видно.

— Со свѣтомъ иди впередъ, Донецъ, а армія за тобою тронется,—приказалъ Голицынъ, кивкомъ головы давая ему знать, что онъ можетъ удалиться. И обратился къ вошедшимъ за приказаніями русскимъ полковникамъ и стрѣлецкимъ головамъ.

Чуть занялась утренняя заря, полки тронулись дальше. Захаржевскій съ изюмскими сотнями шелъ впереди. Съ нимъ слѣдовалъ Телепневъ, душевно къ нему расположившійся. Іюльскій зной давалъ себя чувствовать, едва только яркое солнце поднялось на чистый голубой небосклонъ. Загорѣлые, темнорожіе, какъ цыгане, изюмскіе казаки съ своимъ полковникомъ словно сроднились съ этимъ палящимъ солнцемъ и нисколько отъ него не страдали. Но Телепневъ не зналъ, какъ и куда отъ него спрятаться.

Высокій степной ковыль побурѣлъ и сверху, въ метелкахъ, побѣлѣлъ, высушенный зноемъ. Саранча тучами налетѣла на пастбище, опустилась и вмигъ оголила его: зеленое болото превратилось въ черное. Невольно съ всепожирающею и всеистребляющею саранчею Телепневъ сравнивалъ эту огромную русскую вооруженную силу, оставляющую за собою потравленныя степи, вырубленные лѣсные бараки, ограбленныя селенія. Съ высокой степной могилы; онъ долго слѣдилъ за медленнымъ движеніемъ полковъ съ сѣвера на „низъ“, къ морю. Сколько глазъ охватывалъ безпредѣльную степь, ровную, какъ ладонь, по ней тянулась и извивалась безконечная непрерывная полоса перемѣшанныхъ людей и обозовъ. Конница, сверкая своими пиками и саблями, шла сторонами, пѣхота съ блестящими ружьями посрединѣ. Во многихъ мѣстахъ этотъ чудовищный ползущій змѣй, словно сказочный, исчезалъ въ облакахъ пыли, имъ же подымаемой. Его стальная чешуя горѣла тысячами веселыхъ огоньковъ, отражая горячее солнце. Глухой шумъ десятковъ тысячъ движущихся сапоговъ и копытъ, стукъ обозныхъ колесъ, грохотъ катящихся тяжелыхъ пушекъ, говоръ людской, командный крикъ, конское ржаніе, все это, сливаясь въ одинъ общій, внушительный гулъ поражало воображеніе Телепнева. Представлялось ему

приближеніе апокалипсическаго чудовища, готоваго поглотить и стереть вровень съ землею все, ему встрѣчающееся на пути. Хвостъ этого чудовища исчезалъ въ пыльной дали и казался безконечнымъ. Никогда еще не трепеталъ крымскій юртъ за свое существованіе такъ, какъ въ этотъ походъ Голицына. Понятна была трусливая осторожность, съ какою ханъ и его огланы избѣгали встрѣчи съ такими, превосходящими ихъ, силами. Телепневъ оживлялся при мысли, что, наконецъ, Москва покончитъ съ хищническимъ гнѣздомъ, разорявшимъ своихъ сосѣдей...

Но что это такое? Справа движущагося войска, широкая полоса дыма, распространяясь во всѣ стороны, захватываетъ степь больше и больше. Столбы черной удушливой гари высоко подымаются и омрачаютъ небо. По землѣ быстро, поддуваемые вѣтромъ, вдругъ поднявшимся, бѣгутъ безчисленные огоньки, проворно превращающіе травы, подсушенныя солнцемъ, въ золу. Крутясь, дымные столбы сливаются и представляютъ сплошное, глазу непроницаемое, черное пространство бѣгущаго дыма, скрывающее и небо и землю. Покрытый съ ногъ до головы горячимъ пепломъ, задыхаясь отъ ѣдкой, въ легкія проникающей гари и отъ дыма, едва сдерживая коня, храпѣвшаго и дрожавшаго со страха, Телепневъ невольно растерялся. Не за себя испугался онъ,—что значитъ жизнь его, жизнь одного человѣка?—Но гибель угрожала сотнѣ тысячъ человѣкъ! Эта сотня тысячъ уже исчезла въ охватившемъ ее дыму. Гдѣ братъ Федоръ? Слава Богу! онъ впереди, куда пожаръ степи еще не достигъ. Что дѣлать? Рѣшившись присоединиться къ изюмскому эртоулу, онъ съѣхалъ съ кургана, за дымомъ ничего не видя. Вдругъ, арканъ свистнулъ въ воздухѣ, возлѣ самаго его уха, петля упала на его плечи и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, затянула его шею съ такою силою, что онъ задохнулся. Въ ту же минуту нѣсколько проворныхъ рукъ скрутили ему руки за спину, освободивъ горло отъ ужасной петли. Одинъ изъ хищниковъ взялъ въ руку чумбуръ его коня, другой, съ татарскимъ крикомъ: „Айда“! щелкнулъ его коня нагайкой, и связанный плѣнникъ поскакалъ, окруженный узкоглазыми, широкоскулыми темными рожами, въ изорванныхъ бешметахъ и смушковыхъ шапкахъ. „Въ полону!—подумалъ онъ, убитый одною этою ужасною мыслію.—Прощай, Маруся! прощай, счастье и жизнь! простите, родители!“

Телепневъ задыхался отъ дыма и изумлялся смѣлости, съ какою его похитители направляли бѣгъ своихъ коней въ степь, плотно окутанную колыхающимися и несущимися волнами дыма, снизу сѣраго, съ мелькающими огненными языками, лижущими траву, сверху чернаго, скрывающаго небо. Казалось, страшная роковая стихія прорвалась за свои предѣлы, чтобы умертвить все живое и прекрасное въ природѣ, не исключая и ея обладателя—человѣка. Нужно было дивиться твердости ногъ степныхъ скакуновъ, не спотыкавшихся на бѣгу даже тогда, когда они не могли видѣть земли, по которой бѣжали; надо было дивиться нагайскимъ наѣздникамъ, безошибочно, во мглѣ кромѣшной,

направлявшимся туда, куда они хотѣли. По рѣдѣвшему и разрывавшемуся дыму, Телепневъ понялъ, что они скачутъ по лощинѣ, склоняющейся къ балкѣ, которой крутые каменистые бока, съ обѣихъ сторонъ, подымались все выше и не представляли пищу жадному огню, убѣгавшему дальше. Здѣсь и всадники, и кони могли передохнуть. Воздухъ, хотя и пахнувшій гарью, очистился и освѣжающій вѣтерокъ проносилъ послѣднія вспышки погорѣвшей уже степи. Когда хищники пошли, наконецъ, шагомъ, Телепневъ могъ оглянуться назадъ, туда, гдѣ двигалась русская воинская сила. Темныя непроглядныя тучи мрачнаго дыма скрывали ее теперь. Объятый ужасомъ за судьбу сотни тысячъ русскихъ людей, молодой капитанъ безнадежно оглядѣлъ своихъ враговъ. Ихъ было съ десятокъ нагайцевъ да одинъ старый казакъ, по красному поношенному казакину котораго Телепневъ призналъ изюмскаго полчанина. То былъ бѣглецъ и измѣнникъ, дидъ Охримъ, поклявшійся безпощадною местью всему московскому.

———

Между тѣмъ, застигнутые степнымъ пожаромъ, передовые московскіе полки, какъ могли спѣшно, повернули назадъ и успѣли стать за пространное болото, по которому, въ камышахъ и осокѣ, блестѣли плесы извивающейся степной рѣчки. Пожаръ степи, быстро приближаясь, съ глухимъ воемъ огня, ползшаго по землѣ безчисленными лижущими языками, съ плотною движущеюся стѣною дыма, подымающагося къ небу и его мрачащаго, вдругъ остановился, встрѣтившись съ мокрою низиною.

— Спасены! Благодареніе Богу!—воскликнулъ князь Голицынъ, снявъ шляпу и перекрестившись. Онъ слѣдовалъ верхомъ съ эртоуломъ полковника Захаржевскаго, по совѣту котораго приказалъ головнымъ полкамъ повернуть назадъ и укрыться за болотистой рѣчкой, какъ только показался вдали дымъ степного пожара.—Спасибо тебѣ, Донецъ, за совѣтъ благоразумный! Но что намъ теперь дѣлать? То, чего я пуще всего боялся, совершилось! Степь впереди, по пути къ Крыму, горитъ! Безъ подножнаго корма съ моею многотысячною конницею и моими обозами двигаться нельзя никакъ!

— Нельзя, князь!—подтвердилъ Захаржевскій, всматриваясь въ волнующееся впереди мрачнымъ дымомъ пространство, казавшееся ему геенною огненною; съ душевнымъ безпокойствомъ онъ вспомнилъ, что тамъ, въ этомъ аду, остался его будущій зять. Ужели онъ погибъ въ пожарѣ, не успѣвъ спастись? Но надежда, неизмѣнная спутница безпокойнаго человѣка, подсказывала ему, что, быть можетъ, онъ теперь въ безопасности. А если?.. Но задумываться некогда было эртоульному начальнику въ присутствіи главнокомандующаго, нуждавшагося въ его дѣятельной и опытной службѣ.

— Приходится отступать,—съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ Голицынъ, въ явной безнадежности убѣждаясь, что разгуляв-

шаяся и разбушевавшаяся по безпредѣльной степи страшная въ своей силѣ стихія завладѣла путями въ Крымъ и опередила его войско. Въ этихъ, съ горечью сказанныхъ, словахъ, въ этомъ сознаніи неудачнаго воинскаго похода, имъ затѣяннаго, стоившаго государству почти непосильныхъ жертвъ, скрывалась боязнь князя предъ той отвѣтсвенностью, которая ждетъ его въ Москвѣ. Его заклятые враги, съ княземъ Черкасскимъ во главѣ, молодой царь Петръ и Нарышкинцы, конечно, воспользуются его серьезной, непоправимой неудачей къ его, Голицына, пагубѣ, Онъ падетъ, а съ нимъ падетъ и царевна Софія. Вмѣсто утвержденія ея во власти, ею похищенной незаконно, вмѣсто лавровъ побѣдоноснаго полководца, о чемъ онъ вмѣстѣ съ нею мечталъ,— онъ, обезславленный, неспособный къ ратному дѣлу вельможа, возвратится въ Москву для того только, чтобы до дна испить горькую чашу униженія и подвергнуть царской опалѣ не только себя, но и поддерживающую его во всемъ царевну. Но, вѣдь, Рубиконъ перейденъ! Будь, что будетъ! Спасенное отъ нынѣшней гибели Божьимъ изволеніемъ, войско возвратится къ роднымъ рубежамъ. Оно, конечно, потерпитъ на походѣ всяческую убыль отъ своего неустройства, отъ казнокрадовъ начальствующихъ, отъ неизбѣжныхъ въ степи лишеній. На первомъ же разстахѣ надлежитъ строго изслѣдовать виновниковъ сего ужаснаго степнаго пожара. Подозрителенъ гетманъ малороссійскій, противникъ войны съ Крымомъ. Онъ готовъ, кажется, союзиться съ ханомъ, дабы съ его помощію держаться независимымъ отъ Москвы потентатомъ. Все-таки приходиться отступать!

Станъ разбили тамъ же, у пространнаго болота, котораго плесы давали водопой, а осока подножный кормъ, хотя и плохой. Тревожвую ночь провелъ Голицынъ въ своемъ походномъ шатрѣ. Отвѣтственность за неудачу похода и ея послѣдствія для него и для царевны не давала ему спать. Свѣдующій въ исторіи, князь припоминалъ себѣ одинъ фактъ историческій, приличный вспомнить, какъ ему казалось, въ его настоящемъ положеніи. Когда герцогъ Медина-Сидоніа доложилъ испанскому королю Филиппу II о томъ, что ввѣренный его начальству флотъ, такъ называемая „непобѣдимая армада", уничтоженъ бурею морскою у береговъ Англіи, воевать которую былъ посланъ, король Филиппъ сказалъ: „Я посылалъ тебя, герцогъ, сражаться съ людьми, не со стихіями. Да будетъ воля Господня!" Не Господня ли воля явствуетъ и въ этомъ степномъ пожарѣ? Не стихійная ли сила принуждаетъ князя и его войско возвратиться, не достигнувъ цѣли своего похода, Крыма? Но князь зналъ впередъ, что враги его не расположены объяснять его неудачу, какъ полководца, противодѣйствіемъ стихійныхъ силъ. Справедливыя и великодушныя слова короля Филиппа не повторятся въ Москвѣ. Дневной свѣтъ подбодрилъ князя настолько, что онъ рѣшился попытаться продолжать походъ впередъ, не назадъ. Въ военномъ совѣтѣ, собранномъ для рѣшенія этого важнаго вопроса, голосъ князя восторжествовалъ: пошли впередъ. Но въ два дня могли

пройти всего двѣнадцать верстъ. Степь чернѣлась во всѣ стороны, какъ мертвая, пораженная гнѣвомъ Божіимъ страна. Безъ корма и воды лошади становились, падали отъ изнуренія. Отъ ѣдкой гари, подымавшейся съ сожженной земли, люди задыхались, слѣпли. Надъ курившеюся землею синяя мгла мѣшала различать предметы. Палящее солнце, разслаблявшее людей, вызывало жажду, которую утолить было нечѣмъ. Еле волоча ноги, ползла черепашьимъ шагомъ многочисленная армія, теряя на пути множество отсталыхъ, больныхъ и мертвыхъ. Поглядывая съ понятнымъ ужасомъ то на раскаленное солнце и горячее небо, то на мертвую природу степи, безъ конца и краю, отягченные оружіемъ и походнымъ скарбомъ пѣхотинцы, въ отчаяніи, готовились своими трупами уложить роковой путь къ Перекопу. Постарше и порелигіознѣе, солдаты и ратники шопотомъ „приказывали" своимъ сотоварищамъ „свое добро", высказывали свою послѣднюю волю. „Видющая смерть" казалась всѣмъ неизбѣжною. Самъ Голицынъ, въ полдень второго дня, убѣдился въ своемъ неблагоразумномъ рѣшеніи продолжать походъ, противъ котораго были и обстоятельства, и голоса многихъ начальниковъ. Упрекая себя въ гибели многихъ людей и лошадей безъ всякой пользы для войска, предвидя неизбѣжныя и пущія потери на возвратномъ пути, необходимомъ теперь для спасенія войска, Голицынъ невольно сѣтовалъ на свою судьбу. Глубокое молчанье такой многочисленной рати, свидѣтельствовавшее объ упадкѣ ея воинскаго духа, нарушалось только глухимъ шумомъ двигающихся обозовъ, стукомъ пушечныхъ колесъ, звякомъ конскихъ копытъ. Изрѣдка раздастся голосъ командира, вялый, вынужденный, неувѣренный, да высоко въ горячемъ воздухѣ прошумятъ сильныя крылья орла, съ звонкимъ клектомъ исчезающаго въ воздушномъ просторѣ. Казалось, зной достигъ своего крайняго предѣла, за которымъ онъ умерщвляетъ все живое. Люди и лошади дышали пекломъ.

Остановки для передышки учащались. Упавшихъ людей и дохлыхъ лошадей больше и больше. Отчаянье въ своей жизни охватило все это вооруженное многолюдство. Голицынъ терзался мученіями совѣсти, сознавая свою отвѣтственность за погибель цвѣта народа русскаго, боясь не только осужденія современниковъ, но и суда исторіи. Начальники, бывшіе противъ движенія впередъ, высказывали, не стѣсняясь, свое неудовольствіе, обвиняя Голицына въ безразсудствѣ, доведшемъ войско до погибели. Вдругъ въ отдаленіи, гдѣ-то, слабо загремѣлъ громъ... всѣ головы повернулись въ сторону, откуда повторились эти отдаленные звуки, предвѣстники надвигающейся грозы, обѣщающей дождь. Всѣ уши насторожились, ловя желательные громовые удары, обѣщающіе дождь, освѣженіе природы, воду небесную, могущую утолить жажду, отъ которой такъ ужасно страдало столько людей и животныхъ. Громовые раскаты учащаются и близятся вмѣстѣ съ темною тучею, задвинувшею горизонтъ, расширяющеюся во всѣ стороны, подымающеюся вверхъ. Изъ-подъ

тучи поднявшійся вѣтеръ, пахшій уже дождемъ, отрадно освѣжилъ потныя лица, запекшіяся уста, вдохнулъ надежду въ сердца измученныхъ людей. Мрачная сплошная туча охватила уже полънеба, прорѣзаемая змѣйками и стрѣлами ослѣпительной молніи. Громъ гремѣлъ, какъ гнѣвъ Божій, торжественно прокатываясь по тучамъ, теперь нависшимъ надъ истомленными полками. По синѣвшимся, влагою наполненнымъ тяжело опустившимся хлябямъ проворно ползли сѣрые обрывки странныхъ очертаній, сплетались и своею сѣрою пеленою закрыли синія хляби. Какъ-бы безцвѣтная теперь, сплошная туча дышала дождемъ, столь необходимымъ и желаннымъ такимъ множествомъ жаждущихъ людей.

— Пошли дождичка, Господи! Не дай заживо пропасть святитель Микола!—слышались голоса въ рядахъ полковъ.—Мати Божья, взвидь наши муки! Ороси землю планидою небесною!

Вдругъ страшный ударъ грома, въ ослѣпительномъ блескѣ молніи, разразился надъ ратью, потрясъ людскія сердца, испугалъ лошадей, колыхнулъ воздухъ. Сѣрая тучевая пелена словно бы лопнула, и съ шумомъ полились на землю потоки холоднаго дождя. Въ минуту пересохшая земля жадно впитала эти потоки; но затѣмъ она побѣлѣла надъ водой, стремившейся въ малѣйшія углубленія и неровности почвы. Разверзшіяся хляби небесныя заливали теперь остановившуюся и оживившуюся рать своими холодными потоками, въ живой, колыхающейся сѣткѣ которыхъ исчезло все кругомъ. Темнота, смѣнившая свѣтъ, свѣжесть, смѣнившая зной, влага, смѣнившая губительную сухость, всѣ эти условія органической жизни, къ ней возвратившіяся, возстановили надежды и силы людей. Не сходя почти съ своего мѣста, люди и лошади могли теперь утолить свою нестерпимую жажду, припадая къ рытвинѣ или ямкѣ, переполненной свѣжей водой. Безчисленные ручьи стремительно неслись съ шумомъ и плескомъ, подгоняемые новыми потоками, безостановочно падавшими сверху.

„Богъ еще не совсѣмъ покинулъ меня“,—радостно думалъ Голицынъ, слѣзши съ сѣдла.

— Что ты, Донецъ? — спросилъ онъ изюмскаго полковника, мокраго, хоть его выжми, появившагося передъ нимъ на конѣ.— Нашелъ привалъ?

— На рѣчкѣ Карачокракъ, князь! Теперь русло ея бушуетъ водой, хоть мельницу ставь. Корма выжжены. Развѣ по мочежинамъ осочка найдется.

— Ночлегъ на Карачокракѣ!—порѣшилъ Голицынъ.

XXVII.

Уже бо, братіе, невеселая година встала. Уже пустыня силу прикрыла...

(*Слово о полку Игоревѣ*).

Благодѣтельная гроза спасла погибавшіе русскіе полки. Тучи, затемнившія дневной свѣтъ, извергали шумные дождевые потоки и не только напоили въ сыть раскаленную зноемъ землю, но покрыли ее сплошнымъ моремъ журчащей воды. Неослабно лилась небесная влага, отъ свѣжести которой продрогли люди и лошади, измокшіе, но ободрившіеся. Казалось суевѣрнымъ ратникамъ, что повторяется всемірный потопъ, преданія о которомъ передаетъ библейское сказаніе. Поэтому понятна будетъ радость воинства встрѣтить первый солнечный лучъ, весело пробившійся, наконецъ, сквозь темныя массы нагромоздившихся тучъ, съ тяжелою медленностью потянувшихся по легкому вѣтерку за горизонтъ. Погромыхивая и поблескивая молніей все слабѣе и слабѣе, грозовыя тучи очищали небесную лазурь, казавшуюся теперь блестящею. Очищенный отъ гари и пепла, степной воздухъ благоухалъ свѣжестью первобытной природы: прозрачность его позволяла видѣть отдаленные курганы, встававшіе съ нѣмой торжественностью на всемъ пространствѣ степи. Теперь полки брели по водѣ, въ низинахъ по колѣна. Урочище Карачокракъ было послѣднимъ ночлегомъ войска по пути въ Крымъ. Отсюда, согласно рѣшенія военнаго совѣта, она потянулась назадъ, къ своему рубежу.

Невеселое, тяжелое отступленіе! Помимо нравственнаго гнета,—послѣдствія сознаннаго неуспѣха,—московскіе и гетманскіе полки двигались теперь по пути, заваленномъ трупами людей, воловъ и лошадей, брошенными телѣгами и возами. Путь отступленія оказался еще тяжелѣе, чѣмъ путь наступленія, и люди, и животныя падали сотнями. Видъ черной, горѣвшей степи, напоминавшей сказочное мертвое царство, наводило ужасъ на самыя смѣлыя сердца. Какъ идти сотни верстъ и десятки дней такому многолюдству съ конницей и обозами, безъ подножнаго корму? Благодаря ливню, вода была обезпечена, задержавшись въ рытвинахъ, низинахъ и наполнивши пересохшія было русла рѣчекъ и балокъ. Главныя силы направились къ Конскимъ водамъ, урочищу, къ счастью Голицына и арміи, не подвергнувшемуся степному пожару. Толпа размѣстилась на своихъ прежнихъ мѣстахъ, въ уцѣлѣвшихъ балаганахъ и землянкахъ. Обильныя травы, луговыя и лѣсныя, освѣженныя ливнемъ, помогли поправиться верховымъ и обознымъ лошадямъ, а также прекратили падежъ рабочихъ воловъ, начавшійся вслѣдствіе безкормицы и изнуренія. Люди отдохнули, починились, исправили поврежденія въ одеждѣ и въ обозѣ. Голицынъ, изслѣдовавшій обстоятельно поджогъ степи, убѣждался, вмѣстѣ съ своими совѣтниками, въ томъ, что

виновники пожара гетманцы, опасавшіеся, что опустошеніе или покореніе Крыма русскими повлекли бы за собою пущее закрѣпощеніе малороссійскихъ казаковъ Москвою. Они дорожили своими вольностями, на что Москва посягала съ дальновидною постепенностью своей твердой собирательной политики. Молва даже самого гетмана вмѣшивала въ дѣло степного пожара. Въ такомъ смыслѣ донесъ въ Москву Голицынъ, потерявшій довѣріе къ гетману и его полкамъ, державшимся особнякомъ отъ московскихъ. Окончательно повредилъ гетману доносъ на него, поданный казацкою старшиною. Особенно серьезный пунктъ доноса указывалъ на замыселъ гетмана сдѣлаться удѣльнымъ владѣльцемъ Малороссіи. Отославъ доносъ въ Москву, Голицынъ продолжалъ, съ большими ежедневными потерями въ людяхъ и животныхъ, вслѣдствіе всяческихъ лишеній, отступать, смущаясь своею воинскою неудачею все болѣе, по мѣрѣ приближенія къ рубежу.

Въ то же время, тридцати-тысячное войско, на половину московское, подъ начальствомъ окольничаго Неплюева, на половину казацкое, съ гетманскимъ сыномъ Григоріемъ, отправленное еще съ Карачокрака, направлялось къ низовьямъ Днѣпра, промышлять Казикерменскіе городки. Главныя силы перешли рѣку Орель и тутъ, 12 іюля, пріѣхалъ Шакловитый съ милостивымъ словомъ отъ государей войску за службу: спрашивалъ о здоровьѣ всѣхъ, отъ мала до велика. Голицынъ вздохнулъ свободнѣе. Приверженный къ нему московскій посолъ успокоилъ его, вмѣстѣ съ московскими вѣстями передавъ ему письмо правительницы Софіи. Переправясь черезъ рѣку Коломакъ, Голицынъ расположился станомъ близъ Полтавы. Здѣсь онъ получилъ указъ: созвать казацкую старшину, сказать ей, что „великіе государи, по тому ихъ челобитью, Ивану Самойлову, буде онъ имъ, старшинѣ, и всему войску малороссійскому негоденъ, быть гетманомъ не указали, и указали, у него великихъ государей знамя и булаву и всякіе войсковые клейноты отобравъ, послать его въ великороссійскіе города, за крѣпкою стражею, а на его мѣсто гетманомъ учинить, кого они, старшина, со всѣмъ войскомъ малороссійскимъ излюбятъ“.

И вотъ гетманъ Самойловичъ, рано, по выходѣ изъ церкви взятъ подъ караулъ. Голицынъ опредѣлилъ: „половину имѣнія измѣнника войску запорожскому, а другую въ казну царскую“. Поставили походную церковь возлѣ стана казацкаго. Полки солдатскіе и стрѣлецкіе, съ разсвѣтомъ, развернули свои фронты со всѣхъ четырехъ сторонъ церкви. Голицынъ, съ русскими генералами и полковниками, пріѣхавъ верхами, приказалъ казакамъ собраться, по ихъ обычаю, въ кругъ, составившійся изъ восьмисотъ конныхъ и тысячи двухсотъ пѣшихъ. Старшина, съ русскимъ начальствомъ и бояриномъ съ пренесеніемъ знаковъ гетманскаго сана, вошли въ церковъ къ молебствію, скоро окончившемуся. У паперти, на столикѣ подъ дорогимъ ковромъ, лежали булава, бунчукъ, печать и прочіе клейноты. Голицынъ, стоя на

скамьѣ, объявилъ казакамъ дозволеніе государей избрать, согласно ихъ стараго войскового обычая, гетмана.

Нѣсколько голосовъ выкрикнуло: „Мазепу!“ и весь кругъ дружно подхватилъ: „Мазепу хотимъ вь гетманы!“ Назвали и обознаго Борковскаго, но очень слабо. Голицынъ спросилъ старшину: кого хочетъ въ гетманы? Старшина отвѣтилъ; „Мазепу!“ Тогда Голицынъ пригласилъ Мазепу присягнуть и подписать статьи стараго условія съ вновь присоединенными, послѣ чего передалъ новому гетману клейноты и поздравилъ его съ избраніемъ на столь высокую должность. Всѣмъ въ станѣ было извѣстно, что Мазепа избранъ по указанію Голицына, за что избранникъ поблагодарилъ могущественнаго князя „знатною суммою“. Ее опредѣляли разно; но впослѣдствіи, изъ записки Мазепы Голицыну, убѣдились, что послѣдній съ перваго получилъ десять тысячъ рублей. Въ Москвѣ противники Голицына обвиняли его въ томъ, что Самойловичъ свергнутъ безъ разслѣдованія обстоятельствъ, въ которыхъ обвинялся. Поговаривали о великихъ злоупотребленіяхъ начальныхъ людей, вслѣдствіе чего подчиненные такъ пострадали въ воинскомъ походѣ, принесшемъ только неисчислимыя казенныя потери и безславіе русскаго оружія.

И все-таки правительница царевна Софья распорядилась встрѣтить своего любимца, какъ побѣдоноснаго полководца, противъ котораго будто бы не дерзнулъ выступить ханъ со своими ордами, которому завоевать Крымъ помѣшали только стихіи природы. Но лучшею наградою Голицына была любовь царевны, впрочемъ раздѣляемая имъ платонически. Спокойный нравъ его и почтенный возрастъ, руководимый благоразуміемъ, не соотвѣтствовали ея страстной натурѣ и ея сравнительно молодымъ годамъ. Онъ съ удовольствіемъ убѣдился, что его распоряженія на Коломакѣ заслужили ему признательность правительства, и что значеніе его, какъ сильнаго временщика, не умалилось. Самолюбіе, столько же, сколько и сознаніе государственной необходимости, поддерживали въ „оберегателѣ“ рѣшимость, раннею весною 1689 года, предпринять второй походъ на Крымъ; побѣдить татаръ значило для него побѣдить своихъ внутреннихъ враговъ; военный успѣхъ обезпечивалъ ему, а съ нимъ и царевнѣ, правительственную власть. Голицынъ морщился, слыша отъ опытнаго генерала Патрика Гордона одну и ту же пѣсенку, пѣтую имъ и до перваго крымскаго похода и въ продолженіе его, что завоевать легко Крымъ, только степные къ нему пути трудны, особенно для кавалеріи и военныхъ тяжестей. Еще пуще морщился Голицынъ, убѣждаясь въ невозможности примирить какъ онъ хотѣлъ, царевну Софью съ вдовствующей царицей и ея замѣтно возросшимъ сыномъ, государемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Весь, съ головою, ушедшій въ омутъ правительственныхъ дѣлъ, увлекаемый честолюбіемъ и справедливымъ сознаніемъ своихъ государственныхъ способностей и заслугъ, благородный князь какъ бы забылъ свою вѣрную, униженную его невниманіемъ супругу, добрую мать его дѣтей. Бѣдная женщина, слишкомъ гордая для

того, чтобы жаловаться не свою горькую долю, страдавшая душевно тѣмъ болѣе, что любила мужа, искала въ уединеніи и въ исполненіи своихъ семейныхъ и домашнихъ обязанностей забвенія отъ сознанія своего несчастія. Впрочемъ княгиня не ревновала мужа къ царевнѣ, его любившей. Зная холодность сердечную шестидесятилѣтняго князя, и въ молодости своей не отличавшагося страстностью, она вѣрила его признанію въ томъ, что его и царевну связываетъ не плотская любовь, а общность ихъ понятій и стремленій, необходимость поддержки, государственная польза; хотя онъ признавался женѣ также и въ томъ, что царевна его любитъ, что ея любовь ему пріятна какъ чувство возвышенной женщины, одаренной прекрасными способностями. Княгиня была не первою и не послѣднею супругою, на личномъ опытѣ убѣдившеюся въ несомнѣнной истинѣ, что величіе подымаетъ человѣка слишкомъ высоко отъ семьи, что великій человѣкъ рѣдко бываетъ хорошимъ семьяниномъ.

Возвратимся назадъ, въ выжженную степь, по которой татарскіе наѣздники съ старымъ гайдамакомъ увозятъ къ Перекопу капитана Телепнева. Чѣмъ больше онъ вдумывался въ свое ужасное положеніе, тѣмъ больше оно казалось ему безъисходнымъ. Глубокое уныніе, послѣдствіе безнадежности, овладѣло имъ до того, что какъ бы притупилось его самочувствіе, смѣнившееся мрачнымъ равнодушіемъ къ своей личности, къ своей судьбѣ, ко всему тому, что такъ еще недавно и такъ страстно любилъ. Теперь онъ словно забылъ и себя, и близкихъ себѣ, милыхъ, дорогихъ людей. Прошлое какъ бы не существовало вовсе, будущее страшило его своимъ безпросвѣтнымъ мракомъ, настоящее вызывало желаніе смерти, хотя бы даже насильственной. Хотя онъ и христіанинъ, понимающій тяжкій грѣхъ самоубійства, но само правосудіе божеское не должно бы карать человѣка, въ его положеніи рѣшившагося посягнуть на свою жизнь, даръ Божій. Онъ не въ силахъ перенести унизительное рабство, ожидающее его у степныхъ варваровъ. Какъ бы порвались тонкія нравственныя связи его съ жизнью. Даже воспоминаніе о Марусѣ теперь вызвало только душевное раздраженіе, успокаивавшееся рѣшимостью покончить съ собою при первой къ тому возможности. Въ первый день, на привалѣ, онъ даже отказался отъ предложенной ему пищи,—душа не принимала ни сухихъ чурековъ, размоченныхъ въ водѣ, ни поджаренной конины. Утоливъ ключевою водою нестерпимую жажду, уже развязанный, онъ упалъ головою на сѣдельную подушку и заснулъ, какъ убитый. Усталость душевная и тѣлесная взяла свое. Проснулся онъ за полночь, продрогнувъ отъ ночной свѣжести, рѣзко смѣнившей дневной зной. Нетронутая пожаромъ степь утопала въ ночной темнотѣ. Съ темнѣвшагося небосклона, усыпаннаго безчисленными миріадами звѣздъ, лился отъ нихъ слабый свѣтъ. Тихій воздухъ оглашался мелодическимъ хоромъ степныхъ кузнечи-

ковъ. Въ ногахъ плѣннаго офицера догоралъ костеръ сухого бурьяна, вокругъ котораго раскинулись спавшіе ногайцы. При вспышкахъ костра, раздуваемаго иногда набѣгающимъ вѣтеркомъ, сбатованные и пасущіеся кони, на минуту своими мастями выдѣлялись изъ темноты. Конское здоровое фырканье напоминало Телепневу, что онъ плѣнникъ, что завтра опять помчатъ его безъ отдыха дальше... Сиповатый, невѣрный, грубый голосъ вблизи напѣвалъ малороссійскую пѣсенку.

У Кіева на рынку
Пьютъ чумаки горилку.
Ой, пьютъ воны, гуляютъ,
На шинкарку гукаютъ!

Оглянувшись, Телепневъ увидѣлъ возлѣ себя дида Охрима. Гайдамакъ полулежалъ въ своемъ обычномъ, хмельномъ видѣ. Баклага съ горилкою, неизмѣнная и любимая его спутница, стояла подъ рукою, не забывавшею подносить ее къ всегда жаждавшимъ устамъ. Встрѣтивъ своимъ хмельнымъ взглядомъ взглядъ плѣннаго офицера, старый характерникъ взмотнулъ бритой головой такъ, что казацкая шапка сползла на макушку, и мрачно потупился, злорадно ухмыляясь.

— Оце, мабуть, москалей со степу выкурили?—пробормоталъ онъ, явно намекая на степной пожаръ, и запѣлъ:

Товарищи, гайдамаки, чинить мою волю;
Ще намъ треба отплатити вкраіньску недолю!

Затѣмъ, обращаясь къ плѣннику, сказалъ:

— Москали не добри люды: зруйновали запорожьску неподлеглость! На війщо сдался ты въ нашемъ степу, блазень московскій? Отъ же тоби лыха годына стряслась. Геть до юрта ханьскаго! Туркенямъ старухамъ порабствуешь, панъ солдатскій! Годи тоби пановать, нагайки плетеной покуштуешь!

XXVIII.

Ой, не шуми, луже, зеленый байраче.
Не плачь, не журися, молодой козаче.
Якъ мені не шуміти, бувши зеленому,
Якъ мені не плакати, бувши молодому?
Сусидоньки близки, ворогоньки тяжкі,
Не велятъ ходити, дівчины любити.

(*Украинская пѣсня*).

Ѳедоръ Захаржевскій, согласно распоряженію князя Голицына, возвратился съ своими сотнями для береженія степныхъ границъ изюмскаго полка отъ вторженія ордынцевъ. Убѣдясь въ удаленіи московскаго войска къ сѣверу, ногайцы, какъ раздраженное осиное гнѣздо, разсыпались по степямъ, сопредѣльнымъ съ русскими поселеніями, куда вторгались внося въ

нихъ пожары, убійства, грабежъ, откуда выгоняли плетьми толпы полонянниковъ. Вѣрные стражи своей родной стороны, оба брата Захаржевскіе неутомимо оберегали ее отъ мелкихъ шаекъ и большихъ партій грозныхъ враговъ, не имѣя досуга посѣтить родительскій домъ. Но Өедоръ Григорьичъ исполнилъ свой тяжелый долгъ: сообщилъ отцу съ матерью о семейномъ несчастіи, о томъ, что Телепневъ пропалъ безъ вѣсти. Этотъ неожиданный ударъ разразился надъ головою Маруси, не успѣвшей еще оправиться отъ своей болѣзни. Мать, съ присущею материнскому чувству осторожностью и боязнью испугать дочь, исподволь сообщила ей страшную новость. Но хотя и родною, любящею рукою, ударъ былъ нанесенъ смертельный. Поблѣднѣвъ, трепещущая слезами и горемъ, дѣвушка выслушала ужасную вѣсть, словно свой смертный приговоръ. Ея молчаливое отчаянье казалось матери безмѣрнымъ, угрожающимъ ея молодой жизни. Неподвижная, безмолвная, убитая непосильнымъ горемъ, Маруся просидѣла цѣлыя сутки на своей постели. Только на другія сутки она упала на нее, обезсиленная, полумертвая. Съ недѣлю она не могла ни ѣсть, ни пить, какъ ни упрашивала ее мать, какъ ни соблазняла ее ея любимыми кушаньями и питьемъ.

— Не могу, мама,—только шептала бѣдная невѣста. — Душа не принимаетъ.

— Но ты совсѣмъ ослабѣла, Маруся, съ голода умрешь...

— Зачѣмъ мнѣ жить, мамочка? Я лишняя на бѣломъ свѣтѣ!— шептала дочь, глотая горькія слезы. — Я родилась на свое и ваше горе.

— Никто, какъ Богъ, доню! — утѣшала ее мать. — Молись за него, и мы за него молимся. Поможетъ Господь — отыщется и твой милый. Твои красные деньки всѣ впереди. Послѣ горя радость бываетъ, какъ послѣ дождика солнышко свѣтитъ. Дождешься своего нареченнаго Андрія.

— Онъ погибъ въ степномъ пожарѣ, мамочка! — заливаясь слезами, возразила дѣвушка.—Мертваго не дождешься...

— Онъ живъ, Маруся,—убѣжденно сказала пани полковница.—Сердце материнское говоритъ мнѣ: онъ живъ!

— Но гдѣ же онъ, если живъ?—возразила дѣвушка.

— Въ плѣну у татаръ, доню!—такъ же убѣдительно сказала мать.—Өедоръ увѣренъ въ этомъ; пишетъ, что напалъ на татарскую сакму: побольше десятка конниковъ пошли на Перекопъ. И, слышь, доню, сакма пошла какъ разъ съ той могилы степной, на которой въ послѣдній разъ видѣли Андрія. Повторяю, доню милая, онъ живъ и воротится къ тебѣ, предчувствіе материнское не обманываетъ никогда!

— Когда бы то Богъ далъ!—тяжко вздохнувъ, — прошептала дѣвушка. — Готова вѣкъ свой свѣковать въ дѣвицахъ, лишь бы онъ, мой голубчикъ, живъ и невредимъ вернулся... Дай, мамочка, письмо Өедора: сама прочту...

Изъ письма старшаго брата Маруся узнала, что его убѣжденія въ томъ, что Андрей Юрьичъ въ плѣну, основаны на одномъ

существенномъ обстоятельствѣ. Въ сакмѣ, шедшей отъ могилы, на которой верхомъ стоялъ пропавшій офицеръ, среди слѣдовъ некованныхъ копытъ татарскихъ коней, явственно выложились въ горѣлой землѣ русскія переднія подковы. Лошадь Андрея была напередъ подкована: подковы съ одними передними шипами.

Надежда, эта посланница небесъ, скрашивающая и ободряющая земную жизнь человѣка, поднесла свой сладкій фіалъ къ устамъ несчастной невѣсты и она изъ него хлебнула волшебнаго нектара, возвратившаго ее къ жизни. Мрачное настроеніе, хотя изрѣдка, озарялось проблескомъ надежды. Постепенно свыкаясь съ своимъ положеніемъ, дѣвушка приходила къ сознанію, что потерянный ею, временно или навсегда, другъ ея сердца, дорогъ не ей одной; что его старики-родители связаны съ нимъ, своимъ единственнымъ сыномъ, чувствомъ менѣе себялюбивымъ и своекорыстнымъ, чѣмъ ея чувство къ нему, а потому и страданіе ихъ по немъ, пропавшемъ, болѣе почтенно и уважительно, чѣмъ ея страданіе.

Чтеніе библіи замѣтно ее успокаивало; перенесясь мысленно въ бытъ и времена патріарховъ, она убѣждалась, что человѣкъ и тогда жилъ страданіями и надеждою, что Богъ посылалъ испытанія не только отдѣльнымъ, избраннымъ Имъ людямъ, но и цѣлому, избранному же, народу израильскому. И что значитъ плѣнъ одного человѣка, хотя бы вотъ ея жениха, Андрея, въ сравненіи съ плѣненіемъ цѣлаго народа? Книга „Исходъ“ передаетъ о тяжеломъ рабствѣ Израиля въ землѣ Египетской, о бѣгствѣ израильскаго народа изъ Египта, подъ предводительствомъ Моисея. Фараонъ съ воинствомъ на коняхъ и колесницахъ настигаетъ бѣгущій народъ на берегу Чермнаго моря. Казалось, смерть или еще тягчайшее плѣненіе неизбѣжно ожидаетъ Израиля; но онъ, вѣдь, народъ, избранный Богомъ. Совершилось великое чудо: море разверзлось и по своему дну пропустило весь народъ израильскій перейти на другой берегъ. За бѣглецами, слѣдомъ, ринулся фараонъ съ войскомъ; но ни одинъ воинъ египетскій не ступилъ на другой берегъ и не возвратился назадъ: морскія волны снова сдвинулись и поглотили фараона, съ его воинскою силою. Какое наглядное знаменіе справедливаго божескаго возмездія усматривала Маруся въ этомъ историческомъ фактѣ. Во всемъ „Пятокнижіи“, его сказатель Моисей, въ представленіи Маруси, являлся первенствующею историческою фигурою, исполиномъ мысли и дѣла, великимъ законодателемъ и героемъ своего народа, предстателемъ его передъ Богомъ, удостоившимъ его узрѣть Свой божественный свѣтъ, и услышать Свои божественные глаголы на Синайской горѣ. Все чудесно въ жизни Моисея; его обрѣтеніе дочерью фараона младенцемъ въ корзинѣ, плывущей по Нилу; его выводъ Израиля изъ Египта, его водительство Израиля, почти сорокалѣтнее, по Аравійской пустынѣ; онъ выноситъ съ вершины Синая, горящей божественнымъ свѣтомъ, скрижали съ десятью заповѣдями Господними и именемъ Божіимъ узаконяетъ эти заповѣди въ сво-

емъ народѣ, при чемъ у подошвы Синая сооружаетъ скинію, первый храмъ истинному единому Богу. Огненный столбъ ночью указуетъ путь. Жезлъ Моисея изъ скалы источаетъ воду. Прозрѣвъ приближеніе Израиля къ землѣ, обѣтованной ему Богомъ, а съ этимъ вмѣстѣ чувствуя свою кончину, онъ возобновляетъ торжественный обѣтъ Израиля съ Богомъ, заклинаетъ Израиля, склоннаго къ пороку и совращенію въ язычество, не забывать Бога—Благодѣтеля и молиться только Ему. Назначаетъ по себѣ преемника власти—Іисуса Навина, поетъ благодарственную пѣснь Богу, благословляетъ народъ и удаляется на гору, гдѣ умираетъ. Но не обрѣли ни его тѣла, ни мѣста его смерти. Смерть таинственная, какъ таинственно и его появленіе въ жизнь, какъ таинственно-чудесны многіе его подвиги. Іисусъ Навинъ останавливаетъ солнце, желая довершить свою побѣду надъ врагомъ Израиля. Ему Моисей, вмѣстѣ съ властью, передалъ, конечно, и свой даръ сотворить такое чудо.

Несчастія, постигшія добродѣтельнаго аравитянина Іова, жившаго въ землѣ Авситидійской, поучали Марусю истинѣ, что ограниченному уму человѣка не дано судить о дѣлахъ Промысла Божія въ міроправленіи, что человѣкъ долженъ преклониться предъ величіемъ Бога и въ Его совершенствѣ находить себѣ утѣшеніе, что счастье часто улыбается недостойному его, обходя достойныхъ. Героическій подвигъ Юдифи, которая своимъ самоотверженіемъ спасла свой народъ, свою религію, внушаетъ Марусѣ убѣжденіе, что женщина, какъ дочь своей родины, должна участвовать и въ ея испытаніяхъ, сужденныхъ ей свыше, и даже въ ея защитѣ. Отсюда, становясь на твердыя, неизмѣнныя для всѣхъ вѣковъ, нравственныя начала, дѣвушка, неудавшаяся невѣста, могла относиться къ своему тяжелому личному положенію съ большею объективностью, слѣдовательно, справедливѣе и спокойнѣе. Добрая христіанка, она предала себя во власть Божію. Боясь огорчить своимъ горемъ родителей, она сосредоточила его въ самой себѣ. Но письмо, которымъ она извѣщала своихъ названныхъ родныхъ о несчастіи, постигшемъ Андрея, помимо ея воли, выразило все отчаянье ея скорбной души. Полковникъ отецъ переслалъ это письмо, вмѣстѣ съ своимъ, въ Москву, съ казенной оказіей, черезъ бѣлгородскаго воеводу.

Съ давнихъ поръ у насъ выкупъ полоняниковъ изъ неволи басурманской было дѣломъ всенароднаго христіанскаго милосердія. Въ VIII главѣ уложенія „Объ искупленіи плѣнныхъ" говорится: „Таковое искупленіе общая милостыня нарицается и благочестивому царю и всѣмъ православнымъ христіанамъ за то великая мзда отъ Бога будетъ. Яко же рече праведный Энохъ: не пощадите злата и сребра брата ради, но искупите его, да отъ Бога сторицею пріимете. И пророкомъ рече Богъ: не пощадите сребра человѣка ради; Христосъ же не токмо сребро, но и душу свою повелѣваетъ по братіи положити; больше бо того рече, любви никто же имать, аще кто душу свою положитъ по братіи

своей. И того ради Христова слова благочестивымъ царемъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ не только плѣнныхъ окупать, но и душу свою за нихъ полагати достойно, да сторичныя мзды въ онь день сподобятся".

При такомъ пониманіи русскими людьми выкупа полонянниковъ, какъ святого дѣла, конечно, первымъ побужденіемъ обѣихъ семей, Захаржевскихъ и Телепневыхъ, была готовность поспѣшить посылкой въ ногайскіе улусы или въ Крымъ кого-либо изъ своихъ близкихъ людей съ значительною суммою денегъ, розыскать Андрея и его выкупить. Въ такомъ именно смыслѣ писалъ полковникъ Донецъ бояриңу Телепневу, вызываясь послать для этого своего сына Өедора. Если только Андрей Юрьичъ не погибъ въ степномъ пожарѣ, а находится въ плѣну басурманскомъ, то Өедоръ его розыщетъ,—писалъ Донецъ. Зная татарскіе нравы, полковникъ утверждалъ, что Андрея, какъ знатнаго полонянника не продадутъ на заморскихъ рынкахъ невольничьихъ, въ разсчетѣ получить за него отъ его родныхъ больше золота, чѣмъ отъ рыночныхъ покупателей. Какъ только возможно успокоить родителей, сообщая имъ такую страшную вѣсть о ихъ единственномъ сынѣ, полковникъ успокаивалъ.

Само собою разумѣется, что роковое извѣстіе, полученное съ дальняго Донца стариками Телепневыми, способно было повергнуть ихъ въ отчаянье. Оно выражалось сообразно характеру каждаго изъ нихъ: старуха, ослѣпшая отъ слезъ, обратилась къ молитвѣ, къ помощи Божьей, къ заступничеству Матери Божьей и и святыхъ угодниковъ; старикъ, сохраняя наружное спокойствіе, но страдая душою, дѣятельно занялся подготовкою средствъ, необходимыхъ для освобожденія сына, если онъ живъ и въ плѣну. Собрать большую кису золота, которое могло удовлетворить алчную жадность басурманъ, не было особенно трудно для богатаго и бережливаго боярина; труднѣе было переслать это золото на Донецъ; лучшаго развѣдчика, какъ Өедоръ Захаржевскій, конечно, не найти; но живъ ли, въ плѣну ли Андрей? На содѣйствіе въ возвращеніи изъ плѣна Андрея правительства нечего было думать: Голицынъ готовился ко второму крымскому походу. Это обстоятельство очень могло вредить дѣлу выкупа. Впрочемъ, Голицынъ взялся переслать выкупныя деньги полковнику Донцу, предварительно вынужденный выслушать отъ раздраженнаго боярина Телепнева много горькой правды: „Немного нагостилъ, да много накостилъ ты, князь Василій Васильичъ!" закончилъ бояринъ, намекая на неудачу его похода, стоившаго столькихъ жертвъ.

Полночь, а въ хоромахъ телепневскихъ, въ опочивальнѣ боярыни, сквозь щели въ ставнѣ, закрывавшемъ окно, просвѣчиваетъ огонь. Старушка хозяйка только что помолилась, какъ всегда, на колѣняхъ, передъ фамильною святынею, образомъ Богоматери „Всѣхъ скорбящихъ радости". Конечно, въ этой теплой материнской молитвѣ первое мѣсто было отдано милому сыночку, несчастному полонянику, рабу Божію Андрею, второе—его невѣстѣ нареченной, рабѣ Божіей, дѣвицѣ Маріи. Набожная ста-

рушка, неутѣшная мать молилась объ освобожденіи плѣненнаго сына, о его благополучіи, а также о благополучіи его нареченной. Ихъ благополучіе она полагала въ ихъ законномъ бракѣ. И какъ только останавливалась на ихъ бракѣ, увлекалась мечтою бабушки—видѣть и няньчить своихъ внучатъ. Даже забывала, случалось, что сына еще нѣтъ, что неизвѣстно еще: живъ онъ, или нѣтъ.

— Пять тысячъ рублей золотомъ и серебромъ послалъ бояринъ на выкупъ Андрюши,—замѣтила боярыня своей неизмѣнной собесѣдницѣ ключницѣ Азарьевнѣ,—сказалъ, если пяти мало татарамъ, всю круглую десятку тысящей вышлю... Ничего не пожалѣю за сына...

— Родительское-то сердце не камень, мать моя!—отвѣчала ключница со вздохомъ, потому что рѣчь зашла о ея „голубчикѣ, господскомъ сыночкѣ.—Мое холопское дѣло, государыня Апраксѣя Левонтьевна, а кажется,—кровь свою отдала бы, чтобы увидѣть его нашего соколика яснаго.

— Живъ ли онъ только?—тоже вздохнувъ, прошептала мать, склонивъ сѣдую голову въ шелковомъ чехликѣ на спинку деревяннаго крашеннаго кресла съ слезящимися глазками, устремленными жалостливо и просительно на образницу съ иконами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, въ богатыхъ, сверкающихъ каменьями окладахъ, озаренныхъ теплившейся лампадкой. Выраженіе добраго, пріятнаго старушечьяго лица было скорбное, жалующееся; но сладкая надежда смягчала его, и материнскія слезы, эти безцѣнные перлы лучшаго человѣческаго чувства, взывая къ справедливости и милосердію Божію, облегчали ея великое материнское горе. Ея отяжелѣвшая фигура въ просторной распашонкѣ, съ полными руками, покоившимися на точеныхъ ручкахъ кресла, свидѣтельствовала о ея усталости. Немудрено; находилась таки хозяйственная старушка по дому и по двору за цѣлый день. Свой хозяйскій глазокъ-смотрокъ.

— Легко ли теперича нашей Марусѣ?—задалась участливымъ вопросомъ боярыня.—Подъ вѣнецъ ей завтра стать, она вдругъ заболѣла; а тутъ вотъ женихъ пропалъ въ степи, въ самый пожаръ степной, слышь, Азарьевна! Какъ тутъ такой ударъ вынести ей, бѣдняжечкѣ? Извелась, небось!...

— А то нешто нѣтъ?—замѣтила ключница, постилая на полу свой войлокъ, бросая въ головы перинную подушку, а въ ноги домотканную шерстяную попонку.—Вмѣстѣ росли, любились, что твои голубочки сизенькіе, воркующіе. Какъ ей по немъ, соколикѣ, не убиваться? Жениха, вѣдь, потеряла...

— Что ты, Азарьевна, каркаешь, какъ ворона черная, говоришь „потеряла“?—въ явномъ испугѣ воскликнула боярыня.—Маруся не потеряла Андрюшу, онъ вернется къ намъ, на радость нашу... И Григорій Ерофѣичъ пишетъ: молъ, не убивайтесь по немъ, какъ по покойникѣ: онъ въ полону басурманскомъ, найдемъ его—молъ, выкупимъ, вернемъ во-свояси. И гадалка мнѣ гадала: вышло—живъ, вернется; и когда я въ Троицѣ у

Сергія была, по обѣту моему, схимникъ мнѣ сказалъ: „не плачь, честная мать, сынъ твой живъ и вернется“... Казна большая послана. Братъ Марусинъ, храбрый воинъ взялся его розыскать и розыщетъ...

— Когда бы то Господь ему помогъ!—со вздохомъ замѣтила ключница, присаживаясь на свою постель.—Кажись, самому Богу видны горькія материнскія слезы? Онъ ихъ послалъ, Онъ ихъ и отретъ, сударка; Онъ, праведный, отнимаетъ видимо, посылаетъ невидимо. Его святая воля!

— Его святая воля!—повторила, вздохнувъ и перекрестясь, боярыня.

Она вздремнула, подъ глухой шопотъ молитвы Азарьевны, колѣнопреклоненной передъ образницей.

И безпокоенъ сонъ скорбной матери. Она видитъ страшный степной пожаръ, настигающій бѣднаго Андрюшу, задыхающагося въ ѣдкихъ клубахъ чернаго дыма. Онъ падаетъ вмѣстѣ со своимъ конемъ и погибаетъ въ огнѣ. Она видитъ татаръ, скачущихъ вмѣстѣ съ схваченнымъ ими Андрюшей. Вотъ онъ на невольничьемъ рынкѣ выведенъ на продажу. Покупаетъ его азіатскій купецъ и, на суднѣ, везетъ за море. Поднялась жестокая буря, судно тонетъ, а съ нимъ тонетъ и бѣдный Андрюша. Она видитъ Андрюшу невольникомъ турчанки-красавицы, которой онъ очень нравится, которая, обѣщая ему свою любовь, прельщая его своею красотою, требуетъ, чтобы онъ, христіанинъ, принялъ магометанство. Дальше этого ужаса не шла материнская фантазія.

„Нѣтъ!—думала она уже на яву.—Лучше смерть, чѣмъ басурманство!“

То же самое думалъ и полонянникъ Андрей Юрьевичъ; подъ вліяніемъ хорошей русской женщины, тоже плѣненной, ставшей, противъ своеи воли и своего отвращенія къ молодому сыну хозяина, его наложницей, онъ возвратилъ себѣ силу воли, покинувшей было его. Трогательная покорность несчастной русской жены и матери своей судьбѣ, въ которой она видѣла Божеское предопредѣленіе; глубокая вѣра ея въ загробную жизнь, гдѣ человѣку зачтутся его земныя страданія, укрѣпили, какъ бы назидая, его религіозное чувство. Онъ теперь, если и не мирился со своимъ положеніемъ, то все же относился къ нему терпѣливѣе. Надежда ободряла его. Въ глубокомъ мракѣ настоящаго ему мелькалъ временемъ, отрадный свѣтъ, обѣщавшій другую жизнь, ту, что была порвана съ такою жестокостью, ту, возвратиться къ которой жаждала его душа.

Соображенія полковника Донца оказались вѣрными дѣйствительности: плѣннымъ русскимъ офицеромъ дорожили, разсчитывая на богатый выкупъ. Оборванцы ногайцы, захватившіе Телепнева, продали его бахчисарайскому мурзѣ, который, занимаясь покупкой полонянниковъ изъ первыхъ рукъ и продажей

ихъ черезъ посредство купцовъ караимовъ или грековъ, составилъ себѣ состояніе. Тонкій нюхъ корыстнаго татарина подсказалъ ему, что съ этой русской попавшейся овцы онъ сниметъ золотое руно, и въ ожиданіи стрижки онъ заботился, по возможности, чтобы овца была сыта и спокойна. Черезъ Матрену Ивановну, бывшую воеводиху, немного уже говорившую по-татарски, старый мурза Керимъ узналъ о высокомъ происхожденіи Телепнева, о богатствѣ его семьи, которая не замедлитъ и не поскупится ради его выкупа. Ему предоставлена пустая землянка. Матрена Ивановна охотно готовила ему русскія кушанья и сама съ нимъ обѣдала; перемывала ему его бѣлье, стлала постель, прибирала землянку. Бывало, они разсказывали другъ другу о своемъ прошломъ; сочувствіе взаимное связывало ихъ страдающія души; бесѣда о своихъ семьяхъ, о надеждахъ вернуться къ нимъ—поддерживала въ нихъ терпѣливую покорность своей жестокой судьбѣ. Видѣть и говорить другъ съ другомъ, стало потребностью обоихъ. Телепневъ рѣшился воспользоваться своей свободой, если только его выкупятъ, не иначе, какъ вмѣстѣ съ Матреной Ивановной. Онъ это и ей объявилъ, къ ея неописуемому восторгу.

Мурза Керимъ-Оглы считался почтеннымъ старикомъ и внѣшность имѣлъ важную. Большую часть дня онъ неподвижно возсѣдалъ на пестромъ коврѣ, разостланномъ на его дворѣ, въ отрадной тѣни столѣтнихъ кипарисовъ и стройныхъ тополей, съ поджатыми подъ себя ногами, съ трубкою въ зубахъ. Круглая баранья шапка на затылкѣ обнаруживала бритый лобъ, лоснящійся отъ пота и загара. Не смотря на старость, усы у него и брови черные, соотвѣтствующіе чернымъ, какъ уголья глазамъ. Простеганная синяя шелковая куртка плотно облегаетъ его станъ, а сверхъ нея надѣта алая безрукавка, на распашку. Зеленая шаль, вмѣсто пояса, обматываетъ животъ широкія шелковыя шальвары синія же; на босыхъ ногахъ желтыя бабуши При встрѣчѣ съ плѣнникомъ старикъ на минуту вынималъ изо рта трубку съ длиннѣйшимъ чубукомъ, прикладывалъ правую ладонь къ своему сердцу и привѣтствовалъ его селямомъ. Но съ женами своими, являвшимися глазамъ Телепнева нѣмыми фигурами, завернутыми съ ногъ до головы въ бѣлыя простыни, а также съ рабами, онъ обращался съ пренебрежительною строгостью восточнаго деспота. Единственный его сынъ, двадцатилѣтній Ахметъ, былъ достойнымъ наслѣдникомъ не только отцовскаго достоянія, но и его деспотизма. Не смѣя распоряжаться при отцѣ по дому, сынъ проявлялъ жестокость своего характера лишь по отношенію къ существу, отданному ему судьбою въ безотчетную подчиненность. Русская боярыня, сохранившая и въ среднихъ лѣтахъ былую красоту, доставшись по праву покупки отъ плѣнившихъ ее ногайцевъ мурзѣ Кериму, возбудила къ себѣ страсть въ его сынѣ. Долго сопротивляясь его страсти животной, вынося отъ него всяческія истязанія, несчастная женщина, наконецъ, вынуждена была ему уступить; борьба оказалась слишкомъ не-

равной. Онъ овладѣлъ только ея тѣломъ и за его страсть она платила ему ненавистью, конечно, затаенною. Когда Телепневу приходилось видѣть этого приземистаго татарченка съ только, что пробивающимися надъ толстой губой усиками, съ сладострастіемъ въ глазахъ, съ ногами колесомъ, съ скуластой темной рожей, загоняющаго къ себѣ плетью на ночь рослую сорокалѣтнюю бѣлолицую красавицу, словно какую корову, — онъ готовъ бывалъ убить отвратительнаго насильника, поправшаго честь женскую, достоинство законной супруги и матери. По своему, Ахметъ любилъ воеводиху, не смотря на то, что по лѣтамъ, она годилась ему въ матери. Конечно, онъ любилъ только ея роскошныя женскія формы, возбуждавшія его молодую чувственность, не сдерживаемую нравственными началами.

Пользуясь свободою днемъ. Телепневъ отъ скуки бродилъ по столицѣ крымскаго хана. Бахчисарай, т. е. городъ садовъ, дѣйствительно утопалъ въ садахъ и зелени древесной, тѣснясь своими каменными домиками съ плоскими кровлями и множествомъ мечетей между высокими каменными ущельями. Онъ любовался причудливою восточною архитектурою женскаго дворца, свѣтлыми струями воды, падающей въ бѣломраморныя огромныя чаши фонтана. По базару съ лавками, съ утра до ночи, скрипятъ высокія маджары, везомыя верблюдами или черными буйволами, толпится разный сбродъ; ногайцы продаютъ русскихъ и польскихъ плѣнныхъ, караимы и греки внимательно ихъ разсматриваютъ, выбираютъ и покупаютъ. Русская душа Телепнева мутилась при такомъ несносномъ зрѣлищѣ. Матрена Ивановна объяснила ему, что русскіе полонянники продаются дешевле плѣнныхъ иныхъ націй, потому что считаются хитрыми, убѣгающими при первой къ тому возможности. За „простыхъ, не хитрыхъ“ даютъ вдвое и втрое дороже, чѣмъ за хитрыхъ русскихъ. «Ухитриться бы и намъ“, замѣтилъ онъ ей.

———————

XXIX.

> Мы, великіе государи, тебя, ближняго нашего боярина и царственныя большія печати оберегателя, за твою къ намъ многую и радѣтельную службу, что такіе свирѣпые и исконные креста святого и всего христіанства непріятели твоею службою нечаянно и никогда неслыханно отъ нашихъ царскихъ ратей въ жилищахъ ихъ поганныхъ поражены и побѣждены и прогнаны, и что объявились они сами своимъ жилищамъ разорителями, — отложа свою обычную свирѣпость, пришедъ въ отчаянье и въ ужасъ, въ Перекопѣ посады и села и деревни пожгли, и изъ Перекопа съ своими поганскими ордами тебѣ не показались и возвращающимися вамъ не явились, и что ты со всѣми ратными людьми къ нашимъ границамъ съ вышеписанными славными во всемъ свѣтѣ побѣдами — возвратились въ цѣлости—милостиво и премилостиво по хваляемъ.
>
> (*Похвальная грамота царская князю В. Голицыну за его второй Крымскій походъ*).

Умный политикъ, Василій Васильевичъ Голицынъ и самъ не заблуждался насчетъ своихъ «славныхъ во всемъ свѣтѣ» побѣдъ и даже, по совѣсти, въ своей душѣ оправдывалъ упорное сопротивленіе юнаго царя Петра Алексѣевича подписать эту похвальную грамоту, несомнѣнное свидѣтельство сердечнаго расположенія къ нему его „любы“, правительницы Софіи царевны.

— Подписалъ!—съ торжествомъ сообщила князю царевна:—подписалъ таки! Я настояла!

— Подписалъ, но меня къ себѣ не принялъ, не принялъ и моихъ ратныхъ сотоварищей; мы являлись благодарить за награды—не принялъ! — со вздохомъ и печально замѣтилъ Голицынъ. И подумавъ, добавилъ:—помириться бы тебѣ, Софія Алексѣевна, съ Кирилловной-то... пора бы! Она вѣдь сію остуду къ намъ строитъ.

— Она то, Кирилловна, она, — согласилась съ княземъ царевна,—да и Петръ ея — орленокъ когтистый, задорный. Пыталась я съ нимъ сойтись—добрые люди насъ сводили — только хуже еще разошлись. Кипятокъ тотъ же; я слово, а онъ—двадцать! Что только отъ него отъявится, когда онъ въ совершенный возрастъ вступитъ? Явить себя можетъ самовольнымъ тираномъ, коихъ примѣровъ жестокихъ видимъ въ императорахъ римскихъ, подобныхъ Калигулѣ, либо Нерону...

— Saevi inter se conveniunt ursi! сирѣчь; свирѣпые медвѣди и тѣ ладятъ другъ съ другомъ, сказалъ Ювеналъ; только люди постоянно между собою враждуютъ, — замѣтилъ Голицынъ. — Homo homini lupus, человѣкъ человѣку — тотъ же волкъ... Все таки, повторяю, тебѣ, царевна, слѣдовало бы съ Нарышкиными примириться. Мудрость впредь заглядываетъ, Софья Алексѣевна...

— Насъ примиритъ только смерть!—рѣшительно высказалась царевна.

Второй походъ на Крымъ вызванъ былъ государственными соображеніями Голицына, хотя къ нимъ примѣшивалось и его личное честолюбіе. Побѣда надъ татарами упрочивала бы высокое положеніе его въ государствѣ и поддерживала бы правительницу. Вражда къ нему разгоралась; убійца бросился на него въ сани и едва не убилъ; у воротъ князя нашли гробъ съ запискою, что его ожидаетъ гробъ въ случаѣ, если вторnear походъ повторитъ собою неудачу перваго. Подкапывались и подъ гетмана Мазепу, ставленника князева. Но если разныя внутреннія обстоятельства препятствовали Голицыну выступить съ войскомъ въ степь какъ можно раньше, внѣшнія, напротивъ, сложились въ пользу войны: западные союзники Россіи, побѣждали турокъ въ Венгріи, Далмаціи и Мореѣ. Взбунтовавшіеся янычары свергли султана Магомета IV и вмѣсто него возвели Сулеймана II. Христіане, подданные султана, ожидали конца владычеству мусульманъ. Сверженный константинопольскій патріархъ Діонисій прислалъ архимандрита съ извѣщеніемъ, что настало удобное время для избавленія христіанства отъ турокъ: короли де и князья православные всѣ возстали на антихриста; валахскій господарь Кантакузенъ тоже взывалъ къ царямъ объ избавленіи православныхъ отъ рукъ видимаго фараона, обѣщалъ съ семидесятью тысячами войска придти на помощь русскимъ на Буджаки.

Еще въ сентябрѣ объявленъ второй походъ на Крымъ. Объявленіе заканчивалось такъ: „И будучи они, бусурманы, въ отчаяніи своемъ, христіанъ мужеска и женска пола и невинныхъ младенцевъ, послѣ многихъ различныхъ мукъ и поругався сквернымъ поруганіемъ, мечу и огню предали больше трехсотъ тысячъ; и прочихъ христіанъ младыхъ и женска пола несчетное множество въ неволю свою бусурманскую побравъ свезли за море“. Взята съ посадскихъ и торговыхъ людей, на рать, десятая копѣйка. Въ февралѣ «оберегатель“ двинулся на югъ. Въ маѣ шелъ степью, не испытывая лишеній и потерь перваго похода, такъ какъ тяжелый его опытъ научилъ русскихъ предусмотрительно выбрать раннее время весны и запастись необходимымъ. Въ половинѣ мая ханъ съ ордами ударилъ на русское войско, но, встрѣченный убійственными залпами пушечными, побѣжалъ; не дерзая нападать, хищники толпами и издали кружились, выжидая отсталыхъ обозовъ и, подобно скиѳамъ, заманивая врага въ глубь степей..

Подошли полки къ Перекопу. Брать бы намъ его, а въ станѣ ведра воды нѣтъ, ратные два дня не пили, а кони и волы колѣютъ отъ жажды. Убѣдясь въ неудачѣ мирныхъ переговоровъ съ ханомъ, Голицынъ рѣшился отступать. Иначе войско его погибло бы у Перекопа вслѣдствіе безводья, хотя соленой воды тутъ два моря Гнилое и Черное. Пришлось Голицыну вспомнить

слова опытнаго генерала Гордона: „Завоевать Крымъ легко, да дорога къ нему трудновата“.

Если царевна Софія, увлекаемая сердечнымъ чувствомъ къ благородному князю, въ восторгѣ отъ его возвращенія склонна была видѣть въ немъ русскаго Моисея, хотя и не проведшаго свое войско по морю, аки по суху, — тѣмъ не менѣе побѣдившаго хана и выведшаго полки изъ-подъ самаго Перекопа, то людямъ, безпристрастно относившимся къ подвигамъ Голицына, не принесшимъ государству ни славы, ни пользы, а лишь потери и издержки, казались несправедливыми и незаслужнными прославленіе его неудачнаго въ сущности второго похода и награды за него.

Но лучшею наградою для князя были сердечныя къ нему посланія царевны и во время похода, и послѣ него.

„Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта!—писала она ему.—Зѣло мнѣ сей день радостенъ, что Господь Богъ прославилъ имя Свое святое, также и Матери Своея, Пресвятыя Богородицы, надъ вами, свѣте мой. Чего отъ вѣка не слыхано, ни отцы наши повѣдаша намъ такого милосердія Божія. Не хуже израильскихъ людей васъ Богъ извелъ изъ земли Египетскія; тогда чрезъ Моисея, угодника Своего, а нынѣ чрезъ тебя, душа моя! Слава Богу нашему, помиловавшему насъ чрезъ тебя! Батюшка ты мой, чѣмъ платить за такіе твои труды неисчетные? Радость моя, свѣтъ очей моихъ, мнѣ не вѣрится, сердце мое, чтобы тебя, свѣтъ мой видѣть. Великъ бы мнѣ день тотъ былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Еслибы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила передъ собою“.

Конечно, еще слухи о готовящемся второмъ походѣ на Крымъ, своевременно достигшіе до свѣдѣнія хана, вызвали со стороны татаръ немедленныя непріязненныя дѣйствія противъ пограничныхъ со степями рускихъ поселеній. Набѣги степняковъ начались вслѣдъ за возвращеніемъ полковъ Голицына изъ перваго похода. Теперь врывались къ намъ не шайки, а тысячные отряды. Степи кишѣли хищниками, а потому проникнуть въ нихъ молодому Федору Захаржевскому на поиски пропавшаго Телепнева оказывалось невозможно.

Предоставленный своей горькой судьбѣ, Андрей Юрьевичъ поневолѣ довольствовался знакомствомъ съ грязнымъ Бахчисараемъ и его окрестностями, но скоро они стали ему невыносимо скучными: домишки маленькіе, плохенькіе, больше мазанки; рѣченка Чурукъ-су вонючая, мѣстами пересохшая; улица узенькая, почитай трехъ верстъ не будетъ, одна на весь городъ, Только минареты да мечети его скрашиваютъ.

Спасибо доброй Матренѣ Ивановнѣ, провела его въ древнюю православную обитель—-монастырь Пречистой Богородицы на Солочинѣ, съ чудотворною иконою Матери Божіей. Вблизи Бахчисарая, такъ сказать, въ самомъ чревѣ китовѣ, съ незапамятныхъ поръ утвердилась эта обитель слугъ Божьихъ, если не

охраняемая магометанами, то ими щадимая. Дивились набожные русскіе полонянники мѣсту обители. Въ лѣсномъ ущельѣ, кругомъ защищенномъ громадными гранитными скалами, почти отвѣсно подымающимися, высѣчены пещеры, криптіи по-гречески, гробамъ подобныя. Къ нимъ, какъ къ гнѣздамъ ласточкинымъ, словно висячимъ, въ гранитѣ же высѣчены узенькія, извилистыя и для непривычныхъ людей опасныя лѣсенки. Церковь тоже въ скалѣ изсѣчена. Особенно ночью, при лунномъ свѣтѣ, осеребрившемъ скалы съ криптіями, показалась сватая, обитель Телепневу какимъ-то волшебствомъ. Чуть не столѣтній игуменъ-грекъ объяснилъ нашимъ богомольцамъ, къ ихъ радости по-русски, что эта обитель упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ съ XVI столѣтія, что при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ на нее отпускалось по пятнадцати рублей въ годъ, что тутъ была каѳедра готѳо-кефайскихъ митрополитовъ, коей подчинялись всѣ четыре древнія епархіи Тавриды, татарскимъ и турецкимъ нашествіемъ разрушенныя.

Умилялся Телепневъ, глядя на Матрену Ивановну, колѣнопреклоненную и въ слезахъ, усердно молящуюся передъ древнею иконою Матери Божіей, слабо озаренной теплящейся лампадкой. Маленькая бѣдная церковь въ гранитной скалѣ, погруженная во мракъ, напоминала ему катакомбы первыхъ христіанъ. И теперь, какъ тогда, много столѣтій назадъ, молящіеся въ этомъ первобытномъ храмѣ христіане должны чувствовать себя въ смертельной опасности, окруженные фанатиками-мусульманами, которыхъ сабля готова рубить христіанскія головы. Тѣмъ болѣе въ послѣднее время, когда два разорительные для степняковъ похода Голицына возбудили противъ русскихъ мстительную ненависть послѣдователей пророка Магомета. Послѣ отступленія Голицына отъ Перекопа, фанатизмъ бахчисарайскихъ татаръ тяжело отразился на участи бѣдныхъ русскихъ полонянниковъ. Это на себѣ испытывали Телепневъ и Матрена Ивановна. Теперь старый мурза Керимъ не привѣтствовалъ, по прежнему, своего знатнаго плѣнника выразительнымъ склоненіемъ бритой головы въ шапкѣ, причемъ ухмылялся и прикладывалъ ладонь къ тому мѣсту груди, гдѣ предполагается у человѣка сердце; теперь онъ кислой гримасой встрѣчалъ Телепнева и что-то, съ нахмуренными бровями, бормоталъ, поясняя свои татарскія фразы движеніемъ рукъ, безъ словъ понятнымъ. Корыстный работорговецъ, тыча толстыми пальцами своей правой руки по ладони лѣвой, требовалъ скорѣйшей уплаты выкупа. На это выразительное требованіе Телепневъ отвѣчалъ пожиманіемъ плечами и указаніемъ рукою на сѣверъ, откуда ждетъ выкупа за себя и никакъ его не дождется. Тогда татаринъ переходитъ къ скудному запасу русскихъ словъ, ему извѣстныхъ, и, коверкая ихъ немилосердно, укорительно мотая головой, говоритъ

— Ай, ай, москова! Нѣтъ денга—нѣтъ карошъ! ай, ай!..

Отношенія Ахметки къ его русской невольницѣ ухудшились, если только могли ухудшиться. Онъ сталъ требовать отъ нея,

чтобы она приняла исламъ. Требованіе свое онъ основывалъ на ученіи корана, дозволяющемъ раздѣлять ложе правовѣрнаго только магометанкѣ. Встрѣтивъ въ своей невольницѣ рѣшительное сопротивленіе, онъ грозилъ ей кинжаломъ. Матрена Ивановна сказала Телепневу, что готовится умереть отъ руки злодѣя-татарченка (иначе она его не называла), но не измѣнитъ своей христіанской, родительской вѣрѣ. Умереть, повидимому, ей такъ хотѣлось.

— Осрамленной, мнѣ нѣтъ возврата въ мою семью, — признавалась она Телепневу. — Какъ мнѣ на мужа, на дѣтей глянуть, будь они живы и воротись я къ нимъ. Мнѣ родить скоро, кого же рожаю? врага своего, врага моей родины. Завязалъ мнѣ свѣтъ татарчонокъ поганый! Одно остается: умереть! Хотя бы по-христіански!..

Что же могъ сказать ей въ утѣшеніе молодой офицеръ, которому тоже очень улыбалась мысль о смерти, хотя бы отъ своей руки? Вѣдь четвертый годъ шелъ ея плѣну, это она ему сказала. Онъ же забылъ самое время.

Матрены Ивановны не видно. Почему? Догадался Телепневъ, заходилась рожать бѣдная невольница. Ея отсутствіе было слишкомъ замѣтно и тяжело для привыкшаго къ ней сотоварища по несчастью. Не видно ея простодушной физіономіи, не слышно ея доброй, разумной рѣчи, не прибираетъ его землянки ея хлопотливая рука, не раздѣляетъ съ нимъ его русскаго обѣда, ею же изготовленнаго. Заскучалъ молодой полонянникъ. Пробовалъ разсѣять свою тоску по родинѣ, по родителямъ, по Марусѣ, прошелся по базару, но долженъ былъ вернуться, Угрожающіе взгляды и громкія угрозы, крики: „Гяуръ! собака!“ встрѣтили его въ толпѣ и не обѣщали ему ничего хорошаго. Молясь въ монастырской церковочкѣ, онъ укрѣплялся духомъ, и плакалъ слезами, облегчавшими его страдающую душу. Теперь, въ своей молитвѣ, онъ не забывалъ Матрены Ивановны.

Появилась она уже съ младенцемъ на рукахъ, поблѣднѣвшая, но исполненная материнскаго достоинства, такъ шедшаго къ ея видной, отяжелѣвшей фигурѣ. Въ первый разъ показавшись съ ребенкомъ у груди, бѣдная женщина смутилась и, молча, заплакала. Онъ понялъ эти женскія слезы. Ребенокъ черномазый и черноволосый, съ глазенками, какъ уголь, живо напоминалъ курносую рожицу Ахметки. Это родовое сходство сына съ отцомъ вызывало молчаливое отчаянье матери. Давъ жизнь ребенку, она по-матерински къ нему относилась, кормила съ любовью своимъ молокомъ, наполнявшимъ ея бѣлыя груди, жалѣла его, ухаживала за нимъ днемъ и ночью, но иногда, взглянувъ на черную головку съ темнымъ личикомъ, рѣзко выдѣляющіяся на ея бѣлой полной груди, она нервно, съ испугомъ вздрагивала и рыдала. Мысль, что она родила и кормитъ грудью татерченка, ее убивала своимъ ужаснымъ смысломъ. Теперь пуще прежняго жалѣлъ ее Телепневъ, готовый ей всячески содѣйствовать къ освобожденію. Но что могъ онъ сдѣлать?

Въ положенное кораномъ время мулла исполнилъ обрядъ обрѣзанія и назвалъ младенца Юнусомъ. Отчаяніе матери было неописуемое. Ахметка даже пригрозилъ ей плетью. Нѣсколько дней Матрена Ивановна проходила сама не своя, видимо обдумывая что-то для себя очень серьезное. Телепневъ понималъ ея настроеніе и ждалъ, что она выскажется.

— Андрей Юрьичъ,—сказала однажды наединѣ съ нимъ злополучная мать.—Я хочу окрестить сына въ монастырѣ потайно...

— Христіанское дѣло, Матрена Ивановна,—одобрительно замѣтилъ Телепневъ.—Но опасно, голубушка, могутъ узнать...

— Тогда мнѣ капутъ!--со вздохомъ сказала она.—Что жъ? Одинъ конецъ! Чѣмъ быть въ полюбовницахъ у татарченка, лучше отъ его поганой руки смерть принять... На Русь матушку мнѣ не возвращаться! Нѣтъ, Андрей Юрьичъ, не могу помыслить даже, что я, православная христіанка, родила и своимъ молокомъ выкармливаю басурманенка! Всѣ-то ноченьки, слышь, не сплю, терзаюсь душенькою своею. Положила себѣ окрестить младенца, какъ только возможно будетъ. Здѣсь, на землѣ, можно пострадать за Христа, чтобы на томъ свѣтѣ удостоиться царства небеснаго. .

Прошло съ полгода. Младенецъ окрѣпъ, меньше кричалъ, больше тянулъ грудь материнскую, полную и не истощающуюся молокомъ. Воспользовавшись отлучкою изъ дома Ахметки и старика, Матрена Ивановна поспѣшила съ ребенкомъ въ монастырь. Телепневъ, прихворнувъ, не могъ ее сопровождать. Вернулась она изъ монастыря сіяющая счастьемъ.

— Окрестила!—съ торжествомъ сказала она Телепневу и нѣжно поцѣловала своего сына, уже не татарченка:

— Андреемъ нареченъ, въ честь твою, милый землякъ!

— Спасибо, Матрена Ивановна за честь и съ святымъ таинствомъ крещенія тебя поздравляю,—отвѣтилъ ей землякъ.—Благополучна бы только ты была, не провѣдали бы про крещеніе татары?

— Хоша бы и провѣдали, Андрей Юрьичъ, хоша бы мнѣ и смерть принять лютую,—готова я!—воскликнула она въ порывѣ мужественнаго чувства, съ восторженнымъ взоромъ, съ тѣмъ горящимъ высшею любовью взоромъ, съ какимъ первыя христіанки встрѣчали свою смерть въ римскомъ Колизеѣ отъ когтей и зубовъ дикихъ звѣрей.—Умру матерью христіанина, не басурмана!

— Помоги тебѣ Матерь Божья, хорошая ты русская женщина!—участливо сказалъ Телепневъ, пораженный величіемъ ея души и твердостью ея въ христіанствѣ. — Воистину, не знаю я женщины лучше и несчастнѣе тебя! Убѣждаюсь, что на землѣ страдаютъ только достойнѣйшіе люди! Но, признаюсь, Матрена Ивановна, мнѣ за тебя страшно. Чего бы я не далъ, чтобы спасти тебя изъ этого разбойничьяго гнѣзда! Вѣришь ли: о самомъ себѣ я не безпокоюсь такъ, какъ за тебя, голубушку, безпокоюсь...

И безпокойство Телепнева скоро оправдалось на самомъ дѣлѣ: Какъ только вернулись домой мурза съ сыномъ, обнаружилось

посѣщеніе монастыря русскою невольницею, носившею туда своего младенца. Коварный Ахметка, въ свое отсутствіе, наблюденіе за своею невольницею поручилъ своей сестрѣ; та выслѣдила одалыку до самаго монастыря; такъ какъ церковной службы одалыка не застала, пробыла же въ монастырѣ довольно долго, то возбуждался вопросъ, зачѣмъ одалыка съ младенцемъ ходила въ монастырь и что тамъ дѣлала?

На эти вопросы, предложенные одалыкѣ Ахметкой съ плетью въ рукѣ, она съ спокойствіемъ, пуще его раздражившимъ, отвѣтила, что ходила въ монастырь для того, чтобы окрестить свое дитя; что теперь оно окрещено и получило христіанское имя Андрея, что если она, христіанка, и родила отъ басурмана, всетаки сынъ ея долженъ быть христіаниномъ.

Нужно было видѣть негодованіе, охватившее Ахметку и его семью, когда они выслушали это спокойное признаніе одалыки. Ахметка, въ порывѣ неистоваго гнѣва, бросился было съ взмахнутою плетью на дерзкую христіанку, опозорившую пророка Магомета и его коранъ; но старый мурза удержалъ его съ серьезнымъ замѣчаніемъ, что теперь судъ семейный надъ виновною не у мѣста: оскорбленіе христіанкою вѣры мусульманской подлежитъ суду шаріата. Виновную одалыку заперли подъ замокъ и о ней сообщили муллѣ. Конечно, младенца оставили при ней. Горько призадумался Телепневъ, въ ожиданіи суда надъ Матреною Ивановною по шаріату. Въ смыслѣ приговора онъ не сомнѣвался: ее ожидала смертная казнь. Она пребывала гораздо спокойнѣе, чѣмъ Телепневъ, понявшій, что она тяготится своею жизнью и разстается съ нею безъ сожалѣнія и безъ страха, потому что умираетъ истинною христіанкою.

Насталъ и день суда. Виновную повели въ мечеть, гдѣ на цыновкахъ, постланныхъ на каменномъ полу, поджавъ подъсебя босыя ноги, возсѣдали полукругомъ бородатые муллы. Старшій изъ нихъ, почтеннаго вида бѣлобородый старецъ, былъ въ зеленой чалмѣ, свидѣтельствовавшей о его достоинствѣ „хаджи“, т. е. паломника, посѣтившаго святыя мѣста ислама.

Онъ предлагалъ виновной вопросы, на которые она, съ не покидавшимъ ее спокойствіемъ и самообладаніемъ, отвѣчала съ полною искренностью, подтверждавшею ея виновность. Выслушавъ виновную, муллы, уставясь въ развернутый коранъ брадами, стали пріискивать наказанія, соотвѣтствующія преступленію, затѣмъ обратились къ книгѣ шаріата. Долго они шопотомъ совѣщались. Матрена Ивановна, кормя ребенка грудью, слѣдила за ними съ равнодушіемъ, словно дѣло шло не о ней и не угрожало ей смертью. Изрѣдка ея влажные глаза устремлялись вверхъ, ища неба, и съ тихимъ вздохомъ, набожно, она шептала: „Господи, помилуй меня, грѣшную!“ Наконецъ, мулла помоложе вслухъ прочелъ главу шаріата, опредѣляющую смертную казнь за оскорбленіе ислама. Положа свои пальцы на книгу, хаджи изрекъ.

— Ты, невѣрная женщина невѣрнаго народа, умрешь за ос-

корблевіе ислама; казнь утромъ завтрашняго дня, на базарной площади. Отецъ возьметъ своего ребенка, палачъ преступницу! Великъ Богъ и Магометъ пророкъ Его! Да будетъ хвально святое Его имя!

Съ первымъ солнечнымъ лучемъ, свѣтившимъ несчастной Матренѣ Ивановнѣ въ послѣдній разъ, толпы народа покрывали бахчисарайскій базаръ, окружая плаху съ воткнутымъ въ нее топоромъ. Палачъ, полуголый цыганъ въ изорванныхъ штанахъ, составлявшихъ всю его одежду, съ черной курчавой головой без шапки, съ мускулистымъ обнаженнымъ станомъ, словно изъ сапожнаго товара, босой, смахивалъ на служителя сатаны. Онъ схватилъ обѣими руками за густые свѣтлые волосы осужденной, какъ только стража ее подвела, и заставилъ ее пасть на колѣни; руки ея были связаны за спиной, почему она не могла осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ; но она успѣла вскинуть на чистое синее небо скорбные глаза, блестѣвшіе слезами глубокаго чувства, никѣмъ изъ зрителей не оцѣненнаго, такъ какъ сочувствовавшій ей Телепневъ не имѣлъ духа присутствовать при ея казни. Черная поджарая фигура палача и бѣлолицая, дородная его жертва могли напомнить представленіе добраго духа, одолѣваемаго злымъ духомъ. Осужденная спокойно, предупреждая дѣйствія палача, легла на плаху, топоръ сверкнулъ въ воздухѣ, послышался ударъ, и черная рука цыгана подняла за волосы отрубленную женскую голову, истекающую невинною кровью. Радостные вопли фанатической толпы были голосами, замѣнявшими погибшей христіанкѣ жалобное заупокойное пѣніе. Обнаженное ея тѣло брошено въ оврагъ, на съѣденіе множества голодныхъ собакъ. Но ея чистая христіанская душа, несомнѣнно, воспарила къ своему Творцу, Отцу Небесному, и тамъ, въ селеніяхъ горнихъ, ей обѣщанныхъ, духовно соединилась съ прежде отбывшими туда близкими и милыми ей родными, безплотными духами.

XXX.

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка,
Безпріютная головушка молодецкая...
Ужъ куда-то я, добрый молодецъ, ни кинуся:
По лѣсамъ ли, по деревнямъ ли, все заставушки!
На заставахъ все караулы, да все крѣпкіе:
Они ловятъ, стерегутъ меня, добра молодца!

(*Народная пѣсня*).

Оставшись безъ доброй Матрены Ивановны, Телепневъ сейчасъ же почувствовалъ, какъ много онъ потерялъ вмѣстѣ съ нею. Сиротство душевное томило его, заѣдала его тоска и по ней, невинно погибшей хорошей русской женщинѣ, и по родинѣ, и по утерянному своему счастью. Невольно заговаривалъ

въ немъ ропотъ на медленность, съ какою его родные, повидимому, относятся къ дѣлу его выкупа. Золото, зналъ онъ, покупаетъ въ Ордѣ все. Чего же они его не шлютъ, оставляя его въ неволѣ? Но тутъ же, вникая въ трудность и опасность, ожидающую въ степяхъ смѣльчака, рѣшающагося пробираться въ Крымъ съ сѣвера, особенно если онъ везетъ мѣшокъ съ золотомъ, онъ стыдился своихъ обвиненій. Справедливо ли ему подозрѣвать отважнаго казака Ѳедора Захаржевскаго, или его брата Константина, или ихъ отца, изюмскаго полковника, въ равнодушіи къ участи того, кого они такъ родственно приняли въ свою семью? Справедливо ли ему сомнѣваться въ готовности своихъ родителей заплатить за его выкупъ золота, сколько его потребуютъ татары? Если Захаржевскіе не освобождаютъ его съ саблею въ рукахъ, если родители не шлютъ выкупа, — значитъ, встрѣтились имъ, на пути ихъ дѣйствій, непреодолимыя препятствія. Конечно, ему не легче отъ такихъ соображеній, но, по крайней мѣрѣ, они успокаивали его убѣжденіемъ, что онъ родными не забытъ, что помнитъ его и невѣста и, конечно, ждетъ его съ нетерпѣніемъ, равняющимся съ его собственнымъ нетерпѣніемъ.. Только жива ли она? Если жива, не измѣнила ли она своему чувству къ пропавшему жениху? Столько времени, вѣдь, нѣтъ о немъ вѣсточки. Считая его уже не живымъ и, во всякомъ случаѣ, для себя погибшимъ, она могла выйти замужъ. Отъ жениховъ, молодыхъ и старыхъ, отбою не было, кого-нибудь изъ нихъ она осчастливила, ставъ его женою... А онъ, Андрей, ея милый братъ названный, ея женихъ? Если онъ увидитъ ее супругою другого, перенесетъ ли онъ это новое свое несчастье, худшее изо всѣхъ имъ претерпѣнныхъ? Его Маруся--супруга другого! Нѣтъ, лучше смерть! Вѣдь онъ имѣлъ силы и терпѣніе выносить тяжесть и униженіе рабства лишь потому, что его духъ поддерживался сладкою надеждою воротиться къ ней, назвать ее своею. Безъ нея же зачѣмъ ему жизнь? Безъ нея даже солнце красное не будетъ ни свѣтить ему, ни грѣть его, ни радовать!

Въ такомъ мрачномъ настроеніи, Телепневъ скитался по скалистымъ берегамъ Чурукъ-Су, отойдя отъ опротивѣвшаго ему Бахчисарая такъ далеко, что виднѣлись только высокіе минареты, стройные тополи и темные кипарисы. Глухое безлюдье влекло къ себѣ душевно страдающаго полонянника. Онъ только что зарылъ растерзанные собаками останки казненной Матрены Ивановны и брелъ, самъ не зная куда. Оглянувшись, онъ увидѣлъ высокаго ногайца, слѣдящаго за нимъ. Предполагая, что это одинъ изъ окрестныхъ чабановъ, который не прочь обобрать его, пользуясь безлюднымъ мѣстомъ, Телепневъ, на всякій случай, вооружился дикимъ камнемъ, наполнявшимъ водомоину. Приближавшаяся фигура видомъ своимъ не внушала довѣрія: изорванная изъ верблюжины куртка, такіе же штаны, бабуши на босыхъ ногахъ, низенькая овчинная шапка, въ рукѣ герлига, палка съ наконечникомъ, какою ловятъ за ногу овецъ. Но всмо-

трѣвшись въ молодое, почерпѣвшее отъ загара лицо чабана, Телепневъ чуть не вскликнулъ отъ радостнаго удивленія; своимъ глазамъ не вѣря, онъ только отступилъ; камень, самъ собою, выпалъ изъ руки, готовой схватить руку подошедшяго чабана.

— Узналъ меня, Андрей Юрьичъ? — заговорилъ тотъ съ радостной улыбкой, открывшей ротъ съ блестящими бѣлыми зубами и сверкавшей въ черныхъ глазахъ, бѣлки которыхъ рѣзко выдѣлялись на темной кожѣ лица.—Слава Богу нашелъ тебя тамъ, гдѣ надо...

— Тебя ли, Ѳедоръ Григорьичъ, вижу? — воскликнулъ Телепневъ и въ порывѣ восторга, упалъ на грудь Захаржевскаго, крѣпко сжимая его въ своихъ объятіяхъ, задыхаясь отъ душевнаго волненія, желая безъ словъ выразить ему свое счастье его видѣть, узнать отъ него о своей невѣстѣ, о всѣхъ, близкихъ и дорогихъ ему домашнихъ.

— Время дорого, братъ!—серьезно замѣтилъ Захаржевскій, отвѣтивъ поцѣлуемъ на его объятія и осторожно отъ нихъ освобождаясь.—Малѣйшее промедленіе можетъ стоитъ намъ жизни. Бѣжимъ, Андрей! Недалеко отсюда ждутъ насъ люди! Подъ покровомъ наступающей ночи мы отдалимся отъ Бахчисарая въ безопасное мѣсто, гдѣ дождемся другой ночи; чтобы продолжать нашъ путь до морского берега. Тамъ сядемъ на запорожскую чайку...

Объясняя Телепневу путь побѣга, Захаржевскій, въ то же время, увлекалъ его за собою идти въ сторону, противоположную ханской столицѣ. Ослабленный сильнымъ душевнымъ порывомъ, вслѣдствіе неожиданнаго появленія великодушнаго спасителя, бѣдный полонянникъ едва за нимъ поспѣвалъ. Скалистое и узкое ущелье, русло Чурукъ-Су, которымъ слѣдовали бѣглецы, скрывало ихъ отъ взоровъ людей, которые могли имъ встрѣтиться, еслибы они держались проѣзжей дороги. Горный потокъ журчалъ по камнямъ, едва ихъ прикрывая своею прозрачною водою. Часто бѣглецы брели по мелководью въ мѣстахъ, гдѣ отвѣсныя скалы стѣсняли рѣчку, прерывавшую тропинку. На ихъ счастье была пятница, магометанскій день покоя, а потому къ вечеру никто имъ не встрѣтился. Черезъ два часа усиленной ходьбы, когда уже смерклось, они достигли глубокаго яра съ опаленными солнцемъ боками, съ зеленымъ болотомъ на днѣ. Картина, представившаяся Телепневу, могла бы напомнить ему библейскую исторію, бытъ кочевой древнихъ патріарховъ, если бы веселый огонь костра, посылая въ высь клубы голубого дыма, дрожащимъ красноватымъ свѣтомъ не озарялъ усатыя загорѣлыя рожи нѣсколькихъ запорожцевъ, валявшихся вокругъ костра съ люльками въ зубахъ. Огонь отражался на ихъ блестѣвшихъ рушницахъ и кривыхъ сабляхъ. Сбатованные, осѣдланные кони паслись на болотѣ. На огнѣ чернѣлся котолокъ, въ которомъ варился кулешъ съ саломъ. Маджара на высокихъ колесахъ стояла вблизи. Неуклюжія фигуры огромныхъ верблюдовъ, бросая отъ себя по боку оврага длинныя тѣни, лежали передъ связкой

бурьяна и, поднявъ свои головы на длинныхъ забитыхъ шеяхъ, меланхолически жевали, устремивъ въ пространство свой кроткій, загадочный взглядъ. При этомъ ихъ овечьи морды имѣли осмысленное выраженіе. Шеи и морды голыя, но горбы на спинахъ какъ бы укутаны въ темно-бурую медвѣжью шерсть. Тутъ же, поджавъ подъ себя ноги, сидя на коврикѣ лицомъ къ востоку т. е. къ Меккѣ, совершалъ свой вечерній намазъ правовѣрный турокъ, несомнѣнно хозяинъ маджары и верблюдовъ. Его бородатая величавая фигура въ бѣлой чалмѣ и красномъ халатѣ какъ нельзя лучше дополняла библейскую картину, впечатлѣніе которой не кстати нарушали усатые запорожцы и ихъ осѣдланные кони.

— Однако, чортъ возьми, наши земляки, въ мое отсутствіе похозяйничали здѣсь!—замѣтилъ съ негодованіемъ Захаржевскій, указывая своему спутнику на турка:—я приказалъ имъ сидѣть въ яру смирнехонько, чтобы себя не обнаруживать, а они вотъ захватили добычу! До нея ли теперь намъ?

Это были первыя слова, съ которыми молодой казакъ обратился къ Телепневу,—такъ они спѣшили удалиться отъ Бахчисарая. Разгнѣванный, онъ крикнулъ лежавшимъ усачамъ:

— Какъ смѣли вы, разбойники, захватить съ дороги купца? Вы эдакъ на нашъ слѣдъ татаръ наведете! Черезъ вашу корыстность, не разбирающую времени и мѣста, всѣ мы погибнемъ!

— Чего кричишь?—отозвался бѣлоусый старикъ въ красномъ истасканномъ казакинѣ; въ немъ Телепневъ призналъ дида Охрима, съ характернымъ носомъ, малиновымъ отъ пьянства.—Мы тоби не яки сухарники-солдаты, не яки подданные людишки сдались. Товариство старше тебя, товариство знае свое діло. Не злякайся, панокъ. Усе шито та крыто. До запорожцивъ татарва не доберется, ума въ ней не хватитъ, мабуть! Чего кричишь?

— И старый пьяница, приложивъ ладонь къ своей щекѣ, скосоротясь потѣшно, хриплымъ, невѣрнымъ голосомъ затянулъ:

Ой крикнула лебедонька, изъ-за хвили виринаючи,
Заспивали козаченьки, изъ-за лиману выступаючи!

Остальные же запорожцы даже не шелохнулись, потягивая люльки, оставляя безъ вниманія упреки Захаржевскаго, какъ бы къ нимъ совсѣмъ не относящіеся.

— Что-жъ съ ними подѣлаешь?—словно жалуясь Телепневу, замѣтилъ Захаржевскій. — Вольница разбалованая, всякъ изъ нихъ себѣ атаманъ. Только въ крайности своей рѣшился я съ ними связаться. Отпѣтые молодцы, на самого чорта полѣзутъ. Спасибо имъ, благополучно сюда пробрались. Крымъ знаютъ, какъ свои сѣчевыя паланки. Но что-жъ съ туркомъ дѣлать? Какъ бы они его не убили? Товаръ и деньги его, конечно, подуванятъ. Я тутъ безсиленъ, меня они не послушаютъ. Ужъ и самъ не знаю, что мнѣ тутъ дѣлать? Боюсь: не навели бы татаръ на нашъ слѣдъ! Всѣ пьянешеньки!..

— Не время съ ними считаться, Θедоръ Григорьевичъ,—замѣтилъ Телепневъ:—они намъ нужнѣе турка. Лишь бы намъ до берега морского добраться. Господи, скорѣе бы!

Недоумѣніе названныхъ братьевъ не замедлило разрѣшиться: Дидъ Охримъ лѣниво и не безъ труда поднялся на ноги, чертыхаясь самъ на себя, что „оплошалъ, якъ тая псюха смердяча — околѣвать ему пора!“ и, обращаясь къ лежащимъ товарищамъ, гаркнулъ:

— Чи вы подохли съ горилки, характерники? Треба турецкаго крамаря прибрати, нехай его пійде до свого Магомета!

— Нехай его до біса пійде, до своего батька! — равнодушно согласился громадный запорожецъ, нехотя подымаясь съ люлькою въ зубахъ. За нимъ поднялись остальные, въ молчаливой готовности способствовать молящемуся правовѣрному отправиться на седьмое небо съ его гуріями и утѣхами, обѣщанными пророкомъ. На строгій, порицающій ихъ своеволіе, взглядъ Захаржевскаго они не обращали ни малѣйшаго вниманія, ставъ въ кругъ, по своему казацкому обычаю „для рады“, т. е. разсужденія, какъ поступить съ купцомъ. Двѣнадцать усатыхъ, здоровенныхъ казаковъ глядѣли разбойниками, отчаянными головорѣзами, способными драться съ врагомъ, не считая его силы. Сабельные рубцы, исполосававшіе эти темныя рожи, хромыя отъ пуль ноги, выколотые глаза наглядно свидѣтельствовали о томъ, что эти степные лыцари побывали „въ доброй передѣлкѣ“, что вся ихъ жизнь прошла въ битвахъ и опасныхъ воинскихъ предпріятіяхъ, что они, отчасти искалѣченные, уцѣлѣли изъ числа многихъ товарищей, павшихъ отъ вражеской руки. Съ длинными винтовками за спиною, изъ которыхъ они не знали промаха, съ пистолетами и кинжалами за ременными поясами, съ саблями у лѣваго бедра, эта дюжина молодцовъ, при случаѣ, могла отбиться отъ цѣлой татарской тысячи. Одежда бросалась въ глаза своею характерностью и соотвѣтствовала ихъ характернымъ фигурамъ; смушковыя высокія шапки съ краснымъ суконнымъ верхомъ, котораго кошель нѣсколько свѣшивался; разноцвѣтные суконные длиннополые кафтаны съ длинными откидными рукавами, поверхъ цвѣтныхъ же куртокъ; широчайшіе штаны забраны въ голенища халя въ смазныхъ и подкованныхъ; ременныя плети висѣли черезъ плечо. Опираясь руками на сабли, полудикіе сыны Сѣчи запорожской уставились глазами въ землю и молчали, пока дѣдъ Охримъ, старшій лѣтами и, быть можетъ, опытнѣйшій изъ нихъ въ гайдамацкихъ подвигахъ, не заговорилъ:

— Се діло треба разжуваты, товариство; якъ буде зъ крамаремъ? Чи зрубаты его, чи задавити?

— Задавить!—рѣшило товариство.—Геть, Цвыркупъ!

Цвыркупъ, громадный дѣтина, кривоглазый, молча, взялъ веревку, связалъ петлю и подошелъ къ турку, встрѣтившему своего палача испуганнымъ и какъ бы молящимъ о пощадѣ взглядомъ. Дидъ Охримъ, знавшій татарскій и турецкій языки,

объявилъ турку, чтобы онъ приготовился къ смерти. Турокъ, со слезами на глазахъ, заговорилъ скоро и, въ сильномъ волненіи, то рукою указывалъ казакамъ на небо, какъ бы небо призывая въ свидѣтельство справедливости своихъ клятвъ, то прикладывалъ ладонь къ своему сердцу. Дидъ Охримъ объяснилъ подошедшимъ товарищамъ, что турокъ предлагаетъ имъ все свое имущество: шелковый товаръ въ маджарѣ, наличное золото, верблюдовъ; проситъ только пощадить свою жизнь. Смѣясь, старый разбойникъ добавилъ, что турокъ поступается добромъ, уже ему не принадлежащимъ; что оставить его живымъ, значитъ поднять на себя погоню, что его надо прикончить.

— Надо прикончить!—подтвердило товариство.

Цвыркунъ уже набросилъ роковую петлю на шею бѣднаго турка, котораго руки держали два казака, и готовъ былъ затянуть петлю, какъ за трепещущаго всѣмъ своимъ тѣломъ купца вступились названные братья.

— Стойте, хлопцы!—вскричалъ Захаржевскій, освобождая турка отъ петли.—Старые вы характерники, а дѣла, какъ слѣдуетъ, не разсудили!

— Чего тамъ не разсудили діла?—недовольно возразилъ дидъ Охримъ.

— Сперва обсудите, что и какъ поступить съ дорогою добычею, хлопцы. Товара много, товаръ тяжелый, на сѣдла его не возьмешь.

— Не возьмешь!—согласились казаки.—Много, тяжелъ!

— Стало, придется вамъ товаръ бросить, хлопцы!

— Ни, панокъ, не бросемо!--отвѣтили казаки.—Хуру турецьку возьмемо съ собою. Господь добро намъ прибавилъ, якъ же намъ добро Господне бросить? Съ насъ тогді жинки посміются! Не бросемо!

— А если татарская сила на насъ нападетъ?

— Мусимъ битися ажъ до самои нашои смерти!—рѣшительно сказали казаки·—Хуру турецьку озьмемъ зъ собою!

— Такъ и турку возьмемъ съ собою!—предложилъ Захаржевскій.—Свяжемъ его, спрячемъ въ маджару, отпустимъ на всѣ четырѣ стороны, когда сядемъ на судно...

Характерники вопросительно между собою переглянулись. Очевидно, они не имѣли основательныхъ возраженій противъ предложенія Захаржевскаго, который продолжалъ:

— Вы, хлопцы, нарекаетесь христіанскими лыцарями. Не забывайте же, что Христосъ изрекъ: не убій! Довольно вы на своемъ вѣку пролили крови человѣческой, не усугубляйте своего грѣха смертнаго! И то еще пословица есть: „съ одного вола двухъ шкуръ не снимаютъ. Наградилъ васъ купецъ своимъ добромъ—заплатите ему за него, оставивъ ему жизнь, какъ онъ проситъ. Безъ нужды проливать человѣческую кровь и не по-христіански, и не по-лыцарски!

Сѣчевики опять вопросительно переглянулись и молчали,

убѣжденные доводами Захаржевскаго. Дидъ Охримъ, безъ лишнихъ разсужденій, обратился къ турку съ требовавіемъ золота. Тяжелый кожанный мѣшечекъ съ золотыми и серебрянными монетами очутился въ рукахъ дида.

— Вся твоя казна? Не утаилъ ничего? —строго спросилъ турка дидъ Охримъ, передавая деньги товарищамъ.

Турокъ, въ подверждееіе, своихъ словъ что отдалъ имъ всю свою казну, указалъ рукою на небо и поцѣловалъ землю. Даже алчные сѣчевики повѣрили этой святой клятвѣ правовѣрнаго магометанина, унылымъ взглядомъ слѣдившаго за грабителями, дѣлившими между собою его трудовыя деньги, отнятыя отъ его семьи. Но цѣною ихъ онъ сохранялъ своей семьѣ отца и добычника, а потому усердно благодарилъ Аллаха за свое спасеніе.

Подкрѣпившись пищей, названные братья сѣли на коней, что было знакомъ казакамъ послѣдовать ихъ примѣру. Дидъ Охримъ погонялъ верблюдовъ, усѣвшись на передкѣ скрипучей маджары, въ глубинѣ которой лежалъ связанный турокъ. Благодаря длинному кнуту дида и замѣчательной размашистости огромныхъ верблюдовъ, бравшихъ задники высокими ногами дальше переднихъ ногъ, бѣглецы двигались съ поспѣшностью, равною мелкой лошадиной рыси; а благодаря ночной темнотѣ встрѣчи, еслибы онѣ и случились, были для уходившихъ безопасны. Но встрѣчъ не было, сами татары, избѣгая опасностей отъ вороватыхъ кочевниковъ, подвластныхъ крымскому юрту, не рисковали пускаться въ ночной путь. Пьяницы и самовольники на досугѣ, запорожцы въ пути, требовавшемъ осмотрительности, находчивости и неустрашимости,—оказывались незамѣнимыми воинами. Малѣйшій звукъ не избѣгалъ ихъ чуткаго слуха. Казалось, зоркій глазъ ихъ проникалъ самый мракъ и въ немъ различалъ предметы, невидимые Телепневу и даже Захаржевскому. Оба они дивились увѣренности, съ какою передовые направлялись по степи безъ признака дороги, такъ какъ они держались отъ проѣзжаго пути возьможно дальше. Теплая южная ночь, съ своимъ темнымъ покровомъ, какъ бы покровительствовала нашимъ бѣглецамъ. Темное небо, усыпанное мигающими звѣздами, казалось Телеппеву сочувствующимъ его спасенію и въ немъ даже участвующимъ.

Счастливый мыслью, что, наконецъ, кончаются его тяжелыя испытанія, если Богъ благополучно вынесетъ его изъ Крыма, Телепневъ не переставалъ разспрашивать Захаржевскаго о лицахъ и обстоятельствахъ домашнихъ, его интересовавшихъ. Изъ нихъ, конечно, Маруся вызывала значительное большинство его вопросовъ. Насколько отвѣты самые успокоительные могутъ удовлетворять человѣка, страстно желающаго поскорѣе увидѣть любимую невѣсту, Захаржевскій успокаивалъ нетерпѣливаго жениха. Когда его любовный эгоизмъ израсходовалъ всѣ свои вопросы, въ немъ заговорило чувство благодарности къ брату его невѣсты, великодушно рѣшившемуся спасти его, ея жениха, съ величайшею опасностью для своей жизни. Самъ великодушный, Телепневъ способенъ былъ цѣнить великодушіе другого.

— Не благодари меня, Андрей Юрьичъ!—замѣтилъ ему Захаржевскій, скромный, какъ всѣ герои.—Я исполнилъ только должное, я удовлетворилъ только влеченію моей души, по тебѣ скорбѣвшей. Видя, какъ убивается о тебѣ моя сестра любимая, я рѣшился на то, за что благодаришь ты меня.. Развѣ ты самъ не такъ же поступилъ бы на моемъ мѣстѣ, братъ мой названный?

Въ этомъ не сомнѣвайся, Федоръ Григорьевичъ! Ты, твоя семья, мои родные по духу, если не по плоти.,.

— Твоя боярская семья спасла мою сестру, ребенкомъ, воспитала ее, какъ свою дочь; и если она тебя полюбила чувствомъ, болѣе горячимъ, чѣмъ чувство сестры къ брату, это понятно всякому, кто знаетъ тебя, Андрей Юрьевичъ. Тебя всѣ мы полюбили... Я счастливъ при мысли о той великой радости, которая оживитъ нашу семью и особенно бѣдную, много выстрадавшую Марусю, при твоемъ появленіи. Только бы намъ попасть на судно, на море,—мы спасены тогда! Ахъ, эта мнѣ скрипучая маджара съ туркомъ! Какъ бы она насъ не выдала!

Но скрипучая маджара съ туркомъ не выдала бѣглецовъ ни въ первую, ни во вторую ночь. Пробираясь глухими степями, хорошо, повидимому, извѣстными диду Охриму, ночами темными, хоть глазъ выколи, пережидая днемъ въ глубокихъ балкахъ, съ мокрецами болотистыми, дававшими подножный кормъ и водопой, дерзкіе и хмельные всегда сѣчевики на третью ночь подошли къ песчаному берегу, въ который била гулкая и безпокойная морская волна. Звѣздное небо какъ-бы опрокинулось въ зыбучую темную поверхность ропщущаго моря, отражавшаго огоньки звѣздъ, игравшихъ съ зыбью. Свѣжій здоровый запахъ морской воды, тянувшій по вѣтру, казался счастливому Телепневу запахомъ свободы; сѣверный вѣтерокъ ободрялъ его тѣло и радовалъ его душу, предчувствующую возвращеніе на родину. Безпокойство, понятное въ человѣкѣ, испытавшемъ столько мытарствъ, сколько ихъ испыталъ Телепневъ, усиливалось въ немъ по мѣрѣ того, какъ блѣдная полоса разсвѣта приближала день, могущій обнаружить бѣглецовъ. Но пустынный берегъ бѣлѣлся своими песками вправо и влѣво, сколько глазъ видѣлъ, безъ признаковъ жилья и близости человѣка, голый и унылый. У берега, въ заливѣ, слегка покачивалась чайка, большая казацкая ладья съ мачтой и повисшимъ на реѣ парусомъ, а также большими веслами въ уключинахъ по обоимъ бортамъ. Неуклюжій руль на кормѣ направлялъ судно.

— Гей, хлопцы! Чи вы подохли съ горилки? Гей!—крикнулъ съ берега дидъ Охримъ людямъ, спавшимъ въ ладьѣ.

Со дна ладьи поднялась одна, потомъ другая темная фигура, лѣниво почесываясь послѣ сладкаго сна.

— Что-жъ буркалы вылупили, хлопцы!—прикрикнулъ на нихъ дидъ.—Настилайте сходни! Дня намъ не ждать!

Когда сходни—нѣсколько широкихъ, толстыхъ досокъ—были положены, однимъ концомъ на бортъ лодки, другимъ на береговой песокъ, сѣчевики перевели по нимъ въ ладью коней; затѣмъ, взялись перетаскивать туда же изъ маджары кипы дорогого

шелковаго и суконнаго товара на глазахъ его законнаго владѣльца, съ тяжелымъ вздохомъ и слезящимися глазами слѣдившаго за грабителями. Когда маджара опорожнилась совсѣмъ, дидъ Охримъ обратился къ ограбленному купцу съ любезнымъ предложеніемъ подарить ему, диду, свою дорогую бѣлую шаль, свернутую въ чалму; прежде чѣмъ бѣдный турокъ могъ сообразить, въ чемъ дѣло, дидъ, съ проворствомъ не по своимъ почтеннымъ лѣтамъ, собственноручно освободилъ бритую башку правовѣрнаго отъ его прекрасной чалмы.

— Мнѣ халатъ! —крикнулъ верзила Цвыркупъ, снимая съ ошалѣвшаго турка его алую одежду.

— Нынче лѣто, и голый не смерзнешь, магометка!

Въ то же время двое казаковъ услужливо освобождали злосчастнаго купца отъ широкихъ шальваръ и сафьяновыхъ бабушей. Очутившись въ одной рубашкѣ и боясь и ея лишиться сѣдобородый поклонникъ Магомета бросился бѣжать, вызвавъ веселый хохотъ сѣчевиковъ. Онъ остановился лишь тогда, когда убѣдился, что судно отплываетъ отъ берега на веслахъ, а на мачтѣ ставятъ парусъ. Попутный вѣтеръ надулъ его и чайка весело полетѣла, разрѣзая крутою грудью своею волны.

— Шайтаны!—выругалъ за глаза своихъ грабителей купецъ, не только безъ денегъ, безъ товара, но и раздѣтый до гола. И, влезши въ пустую маджару, погналъ назадъ своихъ верблюдовъ.— Анасыни, бабасыни сихейнъ! Шайтаны!

XXXI.

Ой зъ за горы вітеръ віе, калина на спіе,
Козакъ дівку вірно любитъ, зайняты не сміе,
Тимъ сі не заимаю, що сватати маю,
Тимъ до неі не горнуся, що славы боюся!

(*Малороссійская пѣсня*).

ПОЛКОВНИЦА Олена Васильевна своимъ добрымъ материнскимъ сердцемъ вѣрнѣе, чѣмъ своимъ женскимъ умомъ, понимала душевное состояніе дочери, съ такою сознательною твердостью переносившей тяжелую разлуку съ любимымъ женихомъ. Горькія слезы, иногда выдававшія затаенную грусть дѣвушки, старуха высушивала своими истинно материнскими поцѣлуями. Часто, по своему и всегда безошибочно, объясняя себѣ вздохъ, невольно вырывавшійся изъ стѣсненной груди Маруси, мать откидывалась головою на спинку своего деревяннаго кресла и внимательно, съ нѣжною улыбкою, выражавшею нѣжное чувство, взглядывалась въ большіе черные глаза дочери, а черезъ нихъ вглядывалась въ самую глубь ея чистой, но печальной, души. Материнское любящее сердце проникало въ священные тайники дѣвичьяго сердца, жившаго поэтическою грустью по

миломъ, ожиданіемъ милаго. Живъ ли онъ? Если живъ, гдѣ онъ? Что съ нимъ?

Весна, прекрасная, какъ всегда, вызывала въ страдающей дѣвушкѣ воспоминанія о тѣхъ красныхъ денькахъ, когда она была съ нимъ и чувствовала себя такою счастливою. Чудная ночь ихъ свиданія на берегу, ночь, оглашаемая соловьиною, любовною пѣснею, подъ которую Андрей высказывалъ ей свою любовь, и она свою—Андрею, представлялась ей теперь сказочною, волшебною. Подобную ночь, думала она, переживаютъ только разъ, только счастливые любовники. Но это воспоминаніе лишь вызывало слезы, подымало со дна души горечь. Не возвратятся ея красные дни съ нимъ, милымъ. Его нѣтъ съ нею и, быть можетъ, не будетъ; его нѣтъ на свѣтѣ, онъ умеръ, убитъ, пропалъ для нея и для всѣхъ. А если живъ? Если въ полонѣ татарскомъ?

Вся сила и прелесть ея сердечнаго чувства высказалась въ ея письмѣ къ бояринѣ, матери названной. Оно писалось слезами, хорошими дѣвичьими слезами. Съ нѣжною заботливостью любящей дочери, она старалась, какъ могла, смягчить ударъ, наносимый ею матери извѣстіемъ о пропажѣ ея сына, хотѣла затаить свое отчаянье о томъ, что не увидитъ больше своего милаго суженаго, но серьезные нравственные удары и сердечное отчаяніе, какъ бы ихъ ни смягчали, все таки остаются ударами и отчаяніемъ, въ отношеніи тѣхъ, кого отъ нихъ оберегаютъ.

Золото, присланное бояриномъ Телепневымъ полковнику Изюмскому на выкупъ его сына изъ предполагаемаго татарскаго плѣна, поддерживало надежду Маруси, что онъ живъ и въ плѣну. Она умоляла своихъ братьевъ употребить всѣ, отъ нихъ зависящія, средства, для розыска ея несчастнаго жениха, если только онъ живъ. Но и съ золотомъ на выкупъ братья не могли проникнуть въ Крымъ. Дипломатическія сношенія съ Сараемъ были прерваны, степь до Перекопа кишѣла ордынцами. Проходили многіе мѣсяцы, пока отважный Ѳедоръ Захаржевскій надумался, подготовилъ и осуществилъ свой замыселъ освободить Андрея. Въ Сѣчи Запорожской онъ нашелъ молодцовъ-головорѣзовъ, готовыхъ за деньги и горилку жертвовать своею жизнью, на которую смотрѣли также легко, какъ и на чужую жизнь. Старый характерникъ, дидъ Охримъ, отправился въ Крымъ безъ всякаго опасенія, будучи между ногайцами своимъ человѣкомъ. Его извѣстная имъ ненависть къ москалямъ, выражавшаяся разбойническими подвигами въ русскихъ пограничныхъ поселеніяхъ, особенно же его участіе въ поджогѣ степи были ему надежной охраной. Отъ ногайцевъ, съ его содѣйствіемъ полонившихъ Андрея, онъ узналъ о мѣстѣ его пребыванія; пробрался въ Бахчисарай, убѣдился, что полоняникъ во дворѣ мурзы Керима и что выкрасть его можно, и сообщилъ обо всемъ, что нужно, Захаржевскому. За золото боярина старый разбойникъ съ товарищами взялись освободить изъ полона того, кто въ него попалъ благодаря имъ же. На большой ладьѣ, ходившей и на веслахъ, и подъ парусомъ, двѣнадцать сѣчевиковъ-оборванцевъ,

хотя хорошо вооруженныхъ, отправились моремъ на отчаянный подвигъ, совершенный ими, какъ мы знаемъ, вполнѣ благополучно.

Горько плакала, крѣпко поцѣловала, нѣжно благословляла Маруся старшаго брата, ради нея столько же, сколько и по расположенію къ ея жениху, отправлявшагося на опасное предпріятіе, которое могло стоить ему самой жизни...

— Если вернешь мнѣ моего Андрея, ты возвратишь мнѣ жизнь, милый братъ!—шепнула ему она, и эти слова любимой сестры, часто имъ вспоминаемыя въ трудную пору его освободительнаго подвига, поддерживали бодрость его духа.

Проводила Маруся брата Ѳедора на его самоотверженный подвигъ и горячо молилась Богу за его успѣхъ. Извѣстіе, что Андрей живъ, наполняло ея истомленное сердце чистою радостью, подымало ея надежду его увидѣть. Она даже забывала, что онъ ея женихъ, она думала о немъ не для себя, а для него самаго: лишь бы живъ былъ, лишь бы съ нимъ свидѣться? Замѣтно для матери успокоенная теперь, дѣвушка терпѣливо ждала желанной вѣсточки объ успѣхѣ великодушнаго подвига ея брата. Но тянулись дни, недѣли, мѣсяцы,—нѣтъ никакого слуха: словно и братъ Ѳедоръ пропалъ! Опять томленіе мрачною неизвѣстностью, опять слезы, отъ домашнихъ скрываемыя, но сказывавшіяся въ блѣдности и вялости дѣвушки, въ ея безсонныхъ ночахъ. Добрая мать, понимая, что утѣшенія въ подобномъ горѣ только пуще его раздражатъ, съ нѣжнымъ вниманіемъ слѣдила за ней своими, часто влажными теперь, глазами, молча, сочувственно покачивала головою, или, крѣпко ее обнимая, ласкала ее, „свою горлинку“. Отецъ же, скрывая свое сочувствіе къ печальной дочери въ своихъ обычныхъ шуткахъ, выговаривалъ ей за столомъ, что она „царевна изъ неядущаго и непьющаго царства“, что ѣдою и питіемъ, молъ, человѣкъ здравъ и веселъ. Утѣшалъ онъ дочь по своему, по казацки.

— Чего скучаешь, доню? Андрей въ пути. Только не близко. Дождемся Андрея съ Ѳедоромъ, дастъ Богъ. Молъ, скоро сказка сказывается, дѣло же, да еще серьезное, не споро, тянется. А убиваться невѣстѣ—то же самое, что подурнѣть съ лица и въ тѣлѣ похудѣть, и въ томъ, молъ, жениху завиднаго очень мало, въ этой невѣстиной дурнотѣ и худобѣ...

Такими основательными житейскими доводами добрый отецъ, въ нѣсколько грубоватой формѣ, принуждалъ дочь не сидѣть за семейнымъ столомъ только свидѣтельницею того, какъ за нее родные ѣдятъ и пьютъ. И мать, и отецъ, каждый по своему, жалѣли милую дочь, заботились о ней. Дочь съ благодарностью къ нимъ, это чувствовала. Какъ могла, она стряхивала съ себя это непосильное бремя душевной скорби и отдавалась обязанностямъ хозяйской дочери. Днемъ домашняя жизнь своимъ, неизмѣнно въ одномъ направленіи вертящимся колесомъ будничной работы захватывала Марусю, отрывала ее отъ самой себя; ночью же личная ея, неудовлетворенная, жизнь вступала въ свои себя-

любивыя права. Сидя у раскрытаго окна своей уже темной горницы, она подолгу задумывалась. Воспоминанія, надежды, мечты смѣшивались въ одномъ чувствѣ тихой, глубокой грусти. Отъ скорбной земной юдоли, отъ самой себя и отъ своей дѣйствительности она возносилась въ свѣтлую безпредѣльную высь, въ невѣдомую волшебную страну, гдѣ вѣчная весна и неизсякаемый источникъ любви. Въ эти минуты забвенія, любящая красавица и любящая ночная природа какъ бы составляли гармоническое цѣлое, восполняли одна другую. Поэтическая мечта, понимаемая любящимъ сердцемъ въ формахъ, краскахъ, звукахъ и величіи природы, развѣ не та же мечта любящей дѣвушки? Стихійное чувство красоты связываетъ любящую природу съ любящимъ сердцемъ. „Любить—уже счастье!“—думала Маруся.

Что дастъ человѣку любовь: счастье или горе?—вопросъ, собственно любви не касающійся.

Такъ шли и уходили долгіе, тяжелые для нея дни разлуки ея съ женихомъ, невѣдѣнія о немъ, ожиданія его...

Боже! Онъ Андрей! Наконецъ!

Изъ уваженія къ святости чувства двухъ любящихъ сердецъ, наконецъ соединившихся, преклоняясь предъ величіемъ человѣческой любви, этой творческой силы, которою живетъ и скрашивается нравственный міръ, признаемъ несовершенство литературнаго языка передать словами встрѣчу жениха и невѣсты въ ея глубокомъ внутреннемъ смыслѣ, съ ея біеніемъ сердцемъ, съ ея трепещущимъ радостью молчаньемъ, съ ея нѣмыми, но краснорѣчивыми взглядами, съ восторженными объятіями и горячими поцѣлуями. Въ человѣческой жизни случаются минуты, если можно выразиться, неземного счастія, минуты, вознаграждающія человѣка за цѣлые годы его земныхъ страданій.

Они, наконецъ, вмѣстѣ, рука въ руку; не насмотрятся другъ на друга, не наговорятся другъ съ другомъ, свѣтлыя слезы счастья блестятъ на ея восторженныхъ глазахъ; вопросы тревожнаго участія сыплются, не выжидая отвѣтовъ; она нетерпѣливо хочетъ узнать, что съ нимъ было, во всѣхъ ужасныхъ подробностяхъ всего, съ нимъ случившагося. Онъ, по ея лицу, объясняетъ себѣ ея страданія.

Старый полковникъ заговорилъ было о „музыкѣ“, о гостяхъ, а пани полковница о свадебномъ столѣ и насчетъ приготовленій къ семейному торжеству. Но Маруся замѣтила имъ, что не желаетъ повторенія домашнихъ свадебныхъ обрядовъ, уже выполненныхъ прежде, и проситъ родителей „не играть свадьбы“, ограничиться только церковнымъ вѣнчаніемъ. Ея просьбу поддержалъ и Андрей Юрьевичъ. Мать поняла эту скромность молодой четы, не расположенной къ шумному и людному веселію послѣ тяжелыхъ испытаній, такъ долго ими переносимыхъ. Но отецъ не скоро сдался на ихъ просьбу, въ немъ заговорили шляхетный гоноръ и упрямство хохла.

— Ни, се не такъ!—возражалъ онъ по-хохлацки, какъ всегда, когда отстаивалъ предковскій малороссійскій обычай:—Яке сва-

танье безъ старостивъ? або безъ дружкивъ? Якій вѣнецъ безъ весилья? То не діло, доню, прохаешь, то намъ сама шкода: бо нема справы—нема часу, такъ предки учили...

Поломался старикъ, основываясь на старинѣ, хотѣлось ему опять посмѣяться надъ присказками старосты брехача и его подручнаго—подбрехача, попиться съ ними могарыча, не прочь онъ былъ, ради семейной радости, проплясать, подъ музыку, веселаго гопака; но все-таки уступилъ. На другой же день назначили вѣнчанье, въ своей приходской церкви.

Со дня своей неожиданной болѣзни, помѣшавшей ея вѣнчанію, когда всѣ старинные обряды свадебнаго „веселья" были выполнены въ точности, Маруся измѣнилась и духомъ, и тѣломъ. Наступившія для нея тяжелыя обстоятельства отразились на ея характерѣ, всегда серьезномъ, очень тяжело. Андрей нашелъ ее очень возмужавшею. Правильныя черты ея красиваго лица получили вполнѣ опредѣленное выраженіе; утративъ нѣжную прелесть первой молодости, взамѣнъ ея она пріобрѣла симпатичное достоинство женственности, провѣренной душевнымъ страданіемъ. Ея смуглое лицо казалось потемнѣвшимъ, потому что краска молодости его уже не оживляла. Оживляли его теперь ея черные глаза, какъ бы раскрытые глубокимъ чувствомъ, часто въ нихъ вспыхивавшимъ. Когда серьезная мысль или душевное движеніе сдвигали ея прекрасныя черныя брови и надъ характернымъ, съ горбинкой, носомъ, словно выточеннымъ художественно изъ кости, появлялась легкая морщинка, вѣрный признакъ частыхъ тяжелыхъ думъ, эти черные женскіе глаза казались бездонно глубокими, отражающими душу, способными заглянуть въ душу. Счастливый Андрей таялъ въ теплыхъ лучахъ ея взора, чистаго, какъ сама правда, нѣжнаго, какъ любовь, строгаго, какъ нравственный долгъ. Достоинство всей ея развившейся женской фигуры, пополнѣвшей, но сохранившей свою стройность и ловкость въ движеніяхъ, соотвѣтствовало очаровательной простотѣ ея обхожденія и ея бесѣды. Въ ея присутствіи Андрей чувствовалъ себя не только счастливымъ, но какъ бы лучшимъ, исправившимся отъ житейской лжи, и невольно сомнѣвался въ томъ, достоинъ ли онъ такой жены? Ея къ нему отношенія дышали сердечностью, не исключавшею сознанія. Да, она сознавала, что счастлива можетъ быть только съ своимъ милымъ Андреемъ, что въ немъ ея жизнь...

Деревенскій попъ перевѣнчалъ Андрея и Марусю, пришедшихъ въ церковь пѣшкомъ, въ сопровожденіи свидѣтелей—двухъ простыхъ грамотныхъ казаковъ, росписавшихся въ „обыскной" книгѣ. Только уступая материнскому желанію, Маруся одѣлась въ парадное подвѣнечное платье, сшитое еще два года назадъ. Хороша стояла она подъ легкою фатою, съ головкой, убранной цвѣтами. На ея прекрасномъ, выразительномъ лицѣ живо отражалось глубокое впечатлѣніе, производимое на ея трепещущую счастьемъ душу таинствомъ бракосочетанія. Неуклюжіе желѣзные вѣнцы кузнечной раобты надъ головами вѣнчавшихся держали

тѣ же свидѣтели казаки. Никого, кромѣ нихъ, въ церкви не было, согласно желанію Маруси.

— Ты мой, наконецъ, милый Андрей! Я тебя выстрадала!— сказала она ему, возвращаясь домой, крѣпко сжимая рукою его руку, словно боясь, что его опять отъ нея отнимутъ.—О, какъ ты мнѣ дорогъ, Андрей! Въ тебѣ моя жизнь!..

— Жизнь за жизнь!—прошепталъ онъ, цѣлуя ея руку.—Ты, Маруся, награда мнѣ за все мною претерпѣнное. Знаю, я тебя не стою; но потщусь всею моею жизнью заслужить тебя, моя жена, моя любовь!

Горячее пожатіе руки и нѣжныя улыбка молодой, безъ словъ, были отвѣтомъ, понятнымъ молодому и его счастливившимъ.

Но упорный поклонникъ предковскихъ обычаевъ, панъ полковникъ таки подготовилъ молодымъ нѣсколько торжественную встрѣчу, своею неожиданностью ихъ смутившую. На панскомъ дворѣ ожидала ихъ нарядная толпа сельскихъ дѣвушекъ и молодицъ, съ головами въ цвѣтахъ. Едва молодые вступили въ ворота, веселый карагодъ запѣлъ славленье:

Де наша княжна ходила,
Тамъ калина уродила;
А де дружечки,—
Вродили ягідки.
По дорози барвинокъ,
Наші молоді на вінокъ!
Низомъ, дружечки, низомъ
Закидана доріженька хмизомъ.
Та у молодаго кінь вороненькій
Перескочитъ хмизъ зелененькій;
А въ молодой ще й воронійшій,
Перескочитъ ще й зеленійшій!

Андрей поблагодарилъ карагодъ и далъ запѣвалѣ червонецъ на прянцы. Карагодъ запѣлъ:

Якъ були мы въ пана,
То була намъ шана [1]):
Пили медъ, горілку
За Марусю дивку.

На рундукъ, т. е. крыльцо, молодые взошли по лисьей шубѣ, посланной мѣхомъ вверхъ, при чемъ сельскіе ребятишки осыпали ихъ зернами ячменя и пшеницы, весело приговаривая:

У садочку дві квиточки, на сватанні були,
На сватані були, та горилочку пили!

Андрей ударилъ карбованцемъ „щирыхъ“ ребятишекъ, но въ дверяхъ ждало его „гильце“, высокая палка, на верхнемъ концѣ убранная разноцвѣтными лентами, обвитая дубовыми вѣтвями и темно-лиловыми гроздьями спѣлой ожины, т. е. ежевики. Съ преднесеніемъ гильца молодые вступили въ столовую, гдѣ ихъ встрѣтили отецъ и мать съ иконой и хлѣбомъ съ солью. Благо-

1) Шана—почетъ, угощенье.

словили, поздравили молодыхъ, колѣнопреклоненныхъ передъ старпками, поднявшими ихъ.

— Нашого полку прибыло!—весело замѣтилъ панъ полковникъ, цѣлуясь съ молодыми.—Ну, Марусенька мила, годі вже тужити, годі сумовать! Твой чоловікъ, що вірно тебе любитъ, тебе розважитъ, печаль твою, дівочью, якъ вітеръ, рознесе! жівить соби, милы дитки, кохайтесь, да Бога и насъ, старыхъ, не забувайте! Внучатъ ждемо!..

Молодую смутило это отцовское ожиданіе до того, что краска проступила на ея смуглыхъ щекахъ, а глаза поникли. Старикъ взялъ съ подноса чарку слывянки и, высоко ее поднявъ, выждалъ, пока мать и молодые тоже подняли свои чарки. Тогда онъ воскликнулъ:

— Якъ ея слывянка сладка та й пріятна, дай Боже молодімъ нашимъ сладку та ї пріятну жисть!

Молодые, съ поклономъ старикамъ, „пригубили“ чарки; панъ полковникъ, осушившій свою чарку, требовательно воскликнулъ:

— Пійте, дітки, до дна.

Молодые, повторивъ свой поклонъ, опорожнили чарки.

— Горько!—смѣясь, воскликнулъ старикъ.—Горько!

Молодые, понявъ значеніе отцовскаго восклицанія, поцѣловались съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Пани матка плакала, но счастливыми слезами. Обнимая дочь, заглядывая ей въ ея просвѣтлѣвшіе глаза, цѣлуя нѣжно эти прекрасные глаза, мать сквозь слезы шептала:

— Боже мій милостивый! Мати Божа, Пречиста! хвалить вашу ласку святую! Змилувались надо мною, зглянулись на мои слезы, на біду нашу, вернули зятя милаго неначе зъ того світа! Сыночки мои рідные, де вы блукаете по степу, ворога стерегучи, себя не жалкуючи? Стары вже мы, родители, а хто намъ очі закрые, хто поховае насъ?

XXXII.

Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
Завился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ хораброй;
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ,
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ:
—„Гой еси вы, дружина хорабрая!
Не время спать, пора вставать,
Пойдемъ мы ко царству индѣйскому!“

(*Рус. былина: Волхъ Всеславьевичъ*).

НА Москвѣ, между тѣмъ, совершались событія, рѣзко измѣнившія положеніе враждовавшихъ партій, представителями которыхъ, съ одной стороны, были—князь Василій Голицынъ и Шакловитый, съ другой князь Борисъ Голицынъ и Левъ На-

рышкинъ. Обострившіяся отношенія „на верху" правительницы Софіи и мачихи царицы, выражавшія собою борьбу интересовъ рода Милославскихъ и рода Нарышкиныхъ, осложненную еще личнымъ властолюбіемъ царевны Софіи, близились къ окончательному разрыву. Царевна ненавидѣла потѣшныхъ конюховъ младшаго царя, называла ихъ „озорниками", опасалась ихъ, какъ вооруженной силы, готовой въ случаѣ надобности поддержать его. Въ самомъ дѣлѣ, Преображенское и Семеновское села кишѣли солдатами полковъ, какъ старыхъ потѣшныхъ, такъ и вновь сформированныхъ изъ охочихъ людей, не только простыхъ, но и знатныхъ фамилій. По цѣлымъ днямъ юный Петръ Алексѣевичъ занимался ихъ „муштрой", самъ изучая съ содѣйствіемъ Тиммермана „Ученіе и хитрость ратнаго строя пѣхотныхъ людей" и тактику Леонарда Фронеберга, переводъ воинскаго устава 1647 года римскаго Цесаря Карлуса V съ чертежами. Но этотъ устарѣвшій уставъ скоро онъ замѣнилъ новымъ „Уставомъ ратныхъ и пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки", выбраннымъ изъ иностранныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ. Ретиваго царственнаго юношу не пугали 663 статьи на 548 листахъ устава. Въ то же время онъ строитъ на берегу Яузы крѣпость Пресбургъ и въ старомъ англійскомъ ботѣ лавируетъ подъ руководствомъ голландца Бранта по рѣкѣ; но рѣка узка, мелка, онъ перебирается съ ботомъ на Просяной прудъ въ с. Измайловкѣ; потомъ на Переяславское озеро, гдѣ Брантъ съ мастеромъ Кортомъ строили ему корабли. Широкая душа юноши, побуждаемая его геніемъ, рвалась на широкій просторъ Кубенскаго озера, на безбрежный океанъ у Архангельска. Не зная, какъ и чѣмъ удержать стремительный полетъ своего сокола на молодыхъ крыльяхъ, уже окрѣпшихъ, мать, не чаявшая въ немъ души, женила его, семнадцатилѣтняго, на дочери окольничаго, дѣвицѣ Евдокіи Лопухиной, которой отецъ сейчасъ же долженъ былъ свое имя Илларіона замѣнить именемъ Ѳедора. Но геній будущаго творца и преобразователя рвался къ государственной дѣятельности даже отъ любви матери, даже отъ прелестей молодой красавицы-супруги. Для его великаго духа тѣсенъ казался царскій дворецъ.

Царевна Софья, вырвавшая правительственную власть изъ рукъ царицы-мачихи съ помощью подговоренныхъ ею стрѣльцовъ, поставившая въ цари своего неспособнаго старшаго брата, понимала, что съ царемъ Петромъ выросли и окрѣпли надежды его матери занять въ государствѣ высокое положеніе, на что законныя права ея, попранныя царевной, были неоспоримы. Чтобы удержаться у власти, которую незаконно захватила, честолюбивая царевна рѣшалась на крайнія мѣры. Она писалась на грамотахъ вмѣстѣ съ обоими царями, но этого ей мало: она должна вѣнчаться на царство, какъ они вѣнчались. Даже преданный ей, любимецъ ея, князь Василій ужаснулся, узнавъ о ея намѣреніи короноваться, и, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, убѣждалъ ее отказаться отъ такого намѣренія, котораго послѣд-

ствія для нея и ея друзей будутъ несомнѣнно роковыми. Но осторожный и дальновидный политикъ, князь Василій обмолвился, высказавъ сожалѣніе, что тогда, въ стрѣлецкомъ бунтѣ, не уходили царицу Наталью съ ея братьями худородными. Это сожалѣніе, выражавшее истинное отношеніе благороднаго князя къ самому царю Петру, передъ которымъ онъ только маскировался вѣрноподданнымъ, погубило его впослѣдствіи. Шакловитый, изъ подъячихъ возведенный въ окольничаго, держался только милостью царевны, съ паденіемъ которой терялъ свое положеніе. Этою зависимостью его судьбы отъ судьбы царевны и слѣдуетъ объяснять дѣйствія начальника стрѣлецкаго приказа какъ въ поддержку царевны, такъ и враждебныя Петру и его матери. Умный человѣкъ, онъ понималъ, что рискуетъ своей головой, говоря царевнѣ: „Лучше царицу извести, чѣмъ тебѣ, государыня, не быть“. Хотя его слова слышали будто-бы вѣрные цацевнѣ люди, но въ ту пору нравственнаго шатанія немного вѣрныхъ нашлось бы на „верху“ и на низахъ. Если двѣ постельничьи царицы Натальи, подкупленныя царевной, могутъ передавать ей всякое слово, сказанное царицей или въ ея покояхъ, отчего-жъ не могутъ быть подкупленными царицей приближенныя царевны? Во всякомъ случаѣ, слова Шакловитаго, обнаруженныя при розыскѣ, привели его, въ свое время, на плаху.

Напрасно подлокотникъ Шакловитаго, пятидесятникъ Гладкій, подымалъ на „гиль“ стрѣльцовъ, обѣщаніемъ вольнаго грабежа домовъ бояръ и торговцевъ: всего съ гладкимъ пять человѣкъ отважились на все, что прикажетъ царевна. На Казанскую, въ соборѣ, Петръ Алексѣевичъ сказалъ царевнѣ, чтобы не ходила за крестами, когда же та пошла съ образомъ въ крестномъ ходѣ, Петръ уѣхалъ изъ Москвы. Нашли будто бы подметное письмо съ угрозами, будто бы потѣшные озорники собираются побить царя Ивана и его сестеръ. Шакловитый поставилъ въ Кремлѣ 400 стрѣльцовъ съ заряженными ружьями, 300 на Лубянкѣ. Но пятисотенный Стремяннаго полка Елизарьевъ, съ семью товарищами, рѣшился донести Петру о замыслѣ на его жизнь и на жизнь матери его.

Темная августовская ночь съ свѣжестью въ воздухѣ, обѣщающею приближеніе заморозковъ, опустилась надъ спящимъ селомъ Преображенскимъ. Потухли огни и въ царскомъ дворцѣ. Церковный сторожъ ударилъ въ колоколъ, котораго мѣдный звукъ уныло раскатился по окрестнымъ лѣсамъ и замеръ вдали. Ночной караульщикъ, наряжавшійся изъ числа потѣшныхъ солдатъ, усердно обходилъ темнѣвшійся дворецъ, постукивая деревянной колотушкой, издававшей однообразный трескъ. Ему отвѣчало печальное завыванье чугунной доски у хлѣбныхъ амбаровъ, въ доску била палка амбарнаго караульщика. Скромная жизнь вдовствующей царицы, вполнѣ соотвѣтствовавшая простымъ вкусамъ ея сына, государя, почти ничѣмъ не отличалась отъ деревенской замкнутой жизни тогдашняго боярства. Вставали съ солнцемъ, съ солнцемъ же и ложились.

Развѣ только у Петра Алексѣевича иногда свѣтилось окно, никогда не закрывавшееся ставнемъ: засиживался за книжкой или работалъ на точильномъ станкѣ. Но теперь, недавно женившись, онъ долженъ былъ сообразоваться съ привычками супруги: медовые ихъ мѣсяцы еще длились. Было уже за полночь. Стихалъ отдаленный собачій лай, доносившійся изъ ближнихъ московскихъ улицъ. Сладко спалъ, возлѣ своей красавицы Дуняши, юноша-супругъ, какъ всегда усталый отъ своихъ дневныхъ занятій. Мертвая тишина дворца нарушалась только проникавшими въ него со двора звуками чугунной доски и трескомъ колотушки.

Вдругъ разспавшійся Петръ Алексѣевичъ чувствуетъ, что его будитъ осторожная рука и голосъ, какъ бы знакомый, но трепещущій страхомъ, шепчетъ ему: „Петруша, вставай! проснись, голубчикъ! худыя вѣсти! вставай!“ Безсознательно, повинуясь будящей его рукѣ и шепчущему голосу, Петръ вскочилъ и взглянулъ. Ослѣпленный свѣтомъ свѣчи, онъ не сразу разсмотрѣлъ ту, кто его будилъ одною рукою, въ другой держа подсвѣчникъ. Узнавъ молоденькую жену, онъ испугался ея заплаканнаго лица и трепещущаго вида. Что это съ ней, чего испугалась? Зачѣмъ будитъ? Молоденькая красавица, въ бѣлой ночной рубашкѣ, стыдливо обернувъ свой станъ лѣтнимъ одѣяломъ, стояла, нагнувшись къ мужу такъ, что невольно обнаруживала свои молодыя, упругія бѣлыя груди соблазнительной округлости. Эти округлыя женскія груди трепетали вмѣстѣ со всѣмъ ея округлымъ женскимъ тѣломъ, съ роскошными русыми волосами, выбившимися изъ-подъ бѣлаго шелковаго чепешника:

— Вставай, Петруша! бѣда! — шепчетъ она, плачетъ и трясется.—Въ окно сторожъ къ намъ стучалъ, испугалъ меня, крикнулъ, чтобы ты, государь, отворился, бѣглеца изъ Москвы принялъ, съ худыми вѣстями! Вставай, голубчикъ мой, Петруша!

— Бѣглецъ? Съ худыми вѣстями? — повторилъ Петръ, овладѣвая своимъ сознаніемъ и быстро подымаясь съ постели.—Худыхъ-то вѣстей только намъ и ждать!

Онъ поспѣшно одѣвался, въ сильномъ волненіи и при невѣрномъ свѣтѣ свѣчи не попадая ногами въ сапоги, хватая дрожащими руками не то, что нужно, нервныя гримасы забѣгали по его лицу, искажая его обычное выраженіе, голова затряслась, глаза плакали противъ его воли. Всѣ эти явленія, признаки органическаго разстройства, обнаружились у Петра еще въ первый стрѣлецкій бунтъ, когда онъ, ребенокъ, закрылъ собою свою мать-царицу отъ неистоваго стрѣльца, бросившагося на нее съ бердышемъ. И теперь, при сильномъ волненіи или гнѣвѣ, судорожныя конвульсіи дергали его лицо, скашивали глаза, а голова тряслась. Молоденькая супруга, испуганная болѣзненными измѣненіями милаго ей лица, мужественную красоту котораго такъ любила, казалось, забыла даже худыя вѣсти и того, кто ихъ принесъ. Какъ могла, она старалась ему помочь, освѣщая темноту, гдѣ онъ одѣвался. Несмотря на свои юные года, онъ высматривалъ мужественно, гораздо старше своихъ лѣтъ. Высокій, чуть

не саженнаго роста, плечистый, здоровый молодецъ, онъ и душевно, и умственно развился слишкомъ рано. Немудрено: ему съ дѣтства пришлось пережить, перечувствовать и передумать много серьезнаго и тяжелаго. Смертельныя тревоги оставили на его нравственной и физической природѣ свой неизгладимый слѣдъ. Только что онъ готовился оставить опочивальню, въ нее вбѣжала мать-царица, видимо наскоро одѣвшаяся, въ сопровожденіи своихъ постельницъ, со свѣчами и фонарями, освѣтившими покой веселымъ свѣтомъ, такъ противорѣчившимъ мрачному виду и настроенію людей, въ немъ находившихся. Все еще прекрасное, хотя остарѣвшее и огрубѣвшее лицо когда-то красавицы—отмѣтнаго соболя изъ отмѣтныхъ соболей—Натальи Кирилловны выражало душевную тревогу. Задерживаемыя рыданія душили ее, просказываясь слезами и трепетомъ полныхъ губъ и полной, вздымавшейся подъ ночнымъ балахономъ, груди. Она никого и ничего не видѣла, кромѣ сына, ни о комъ и ни о чемъ не думала, кромѣ него, которому угрожала опасность. Что вмѣстѣ съ нимъ опасность угрожаетъ и ей, объ этомъ она забыла въ эту минуту.

— Петруша! — воскликнула она. — Не выходи къ нему! Онъ, можетъ быть, подосланъ убить тебя! Не выходи! Я сама!.. узнаю!.. Я сама!.. Ради Бога, не выходи!..

Сильная рука сына остановила мать, направившуюся къ выходной двери, рѣшительный голосъ сына, все еще дрожавшаго отъ волненія, съ которымъ не могъ справиться, сказалъ ей:

— Мать, родная! Не срами меня своимъ женскимъ вмѣшательствомъ тамъ, гдѣ я долженъ государемъ явиться подданнымъ своимъ! Не время мнѣ, царю, прятаться отъ опасности, если она есть! Я вѣдь — не малолѣтокъ! Довольно ты, матушка, прикрывала меня собою, себя самой не жалѣючи! Нынѣ хочу самъ за себя постоять! Князь Борисъ Алексѣевичъ! — обратился онъ къ вбѣжавшему Голицыну, совсѣмъ одѣтому, потому что онъ еще не раздѣвался, засидѣвшимъ съ пріятелемъ Тиммерманомъ за кружками пива.—Кто такой прибѣжалъ изъ Москвы, съ какими вѣстями?

— Стремяннаго полка самъ пятисотенный Елизарьевъ съ товарищами, Петръ Алексѣевичъ!—отвѣтилъ Голицынъ, по испуганному виду котораго можно было догадаться, что важныя вѣсти, принесенныя Елизарьевымъ, вполнѣ оправдываютъ несвоевременность его появленія въ Преображенскомъ и его рѣшимость будить государей, отошедшихъ ко сну.— Прикажите позвать извѣтчика?

— Скажи, князь, что за вѣсти изъ Москвы? — нетерпѣливо повторилъ свой вопросъ Петръ, подступая къ нему. Голицынъ, съ осторожною предусмотрительностью опытнаго придворнаго, взглянулъ на трепещущую государыню (молодая во-время скрылась), какъ бы затрудняясь въ ея присутствіи повторить лихія вѣсти.

— Говори! Говори, князь!—воскликнула Наталья Кирилловна,

упавъ отъ волненія въ кресло съ глазами, полными слезъ.—Не скрывай отъ меня правды, какая бъ ни была!

— Умыслили на жизнь вашу, государь и государыня,—тихо и какъ бы насилуя себя произнести такія страшныя слова, сказалъ Голицынъ. И хотя не назвалъ злоумышленниковъ, но кто такіе они, было понятно всѣмъ, находившимся въ опочивальнѣ.— Въ Кремлѣ и на Лубянкѣ вооруженные стрѣльцы!

Истерическія рыданія Натальи Кирилловны прервали докладъ Голицына. Плачущія постельницы приводили царицу-мать въ чувство. Вбѣжавшая молодая царица, успѣвшая одѣться, бросилась на грудь мужа и, охвативъ его толстую шею бѣлыми руками, заливаясь слезами, вопила:

— Они тебя убьютъ, Петруша! Не пущу тебя отсюда! Не пущу! Князь, соберите людей! обороните насъ! Они насъ убьютъ!

Молодой государь съ неудовольствіемъ освободился отъ ея объятій и сильною рукою посадилъ ее на постель, - строго замѣтивъ:

— Лучше помоги матери, Дуняша! не мѣшайся не въ свое дѣло!

И поспѣшилъ выйти съ Голицынымъ въ сѣни, уже освѣщенныя фонаремъ, гдѣ, среди сбѣжавшихся потѣшныхъ, ожидали восемь стрѣльцовъ Стремяннаго полка при сабляхъ и въ своей формѣ. Не обративъ, за своимъ волненіемъ, вниманія на почтительный поклонъ стрѣльцовъ, Петръ остановился передъ пятисотеннымъ Елизарьевымъ, котораго зналъ лично, такъ какъ Стремянной полкъ всегда сопровождалъ государей въ ихъ поѣздкахъ по дворцовымъ селамъ, или въ походахъ на богомолье. Петру всегда нравилась видная фигура пятисотеннаго и его благообразное бородатое лицо, внушавшее къ себѣ довѣріе; и въ эту, тяжелую для себя, минуту Петръ убѣждался, что его симпатія оправдалась, что въ пятисотенномъ онъ долженъ видѣть преданнаго себѣ человѣка.

— Говори, что знаешь, Елизарьевъ! — приказалъ Петръ стрѣльцу, повторившему свой поклонъ.—На насъ, государей, умыслили лихіе люди?

— Умыслили смертнымъ умысломъ на твою священную жизнь, государь-батюшка!—подтвердилъ пятисотенный. — Для того самаго прибѣжали мы изъ Москвы, дабы твоя государская милость спасалась бы во-время и со своею матушкою государыней. Идутъ на Преображенское тати нощные со оружіемъ...

— Затѣйщики кто жъ такіе?—спросилъ Голицынъ.

— Вѣстимо, окольничій Шакловитый, а подлокотники у него Гладкій пятидесятникъ да съ пятокъ стрѣльцовъ. Похваляются на ваши государскія жизни. Искоренимъ-де Нарышкиныхъ: наша, молъ, государыня Софья Алексѣевна на „верху“ все Богу молится, а въ Преображенскомъ все на органахъ да на скрипицахъ играютъ, дьявола тѣшатъ: пятидесятникъ Чермный кричалъ въ своемъ полку: надобно-де уходить царицу, медвѣдицу,— извини государь на непригожемъ словѣ,—не наше!—и тебя, го-

сударя, извести готовы... Нынче же ночью поставили меня съ сими пятидесятниками на Лубянкѣ; изъ нихъ послалъ я Мельнова наблюдать за сборищемъ вооруженнымъ въ Кремлѣ. Чему свидѣтелемъ былъ Мельновъ, самъ онъ доложитъ твоей государской милости. Сказывай, Мельновъ.

— Видалъ я, государь, пріѣхалъ въ Кремль, тою-то ночью, спальникъ твой, Плещеевъ, на конѣ, при саблѣ,—заговорилъ пятидесятникъ Мельновъ, съ поклономъ выступившій впередъ.—И того Плещеева Гладкій съ коня стащилъ, саблю сорвалъ съ него, билъ безвинно, напрасно сильнымъ боемъ и наверхъ повели къ Шакловитому, отъ видѣннаго не отопрусь!

Конскій топотъ, быстро приближающійся, заставилъ всѣхъ, находившихся въ сѣняхъ, вопросительно переглянуться и насторожиться; Петръ поблѣднѣлъ и, замѣтно, растерялся; онъ думалъ, что скачутъ передовые мятежники. Но благородный князь Голицынъ, несмотря на хмельную свою голову, повинуясь великодушному своему чувству и во имя своей привязанности къ воспитанному имъ государю, смѣло обнажилъ свою саблю съ восклицаніемъ:

— Умремъ, братцы, за нашего государя Петра Алексѣевича и за царицу матушку!

— Умремъ за нихъ!—дружно подхватила толпа и зазвенѣли сабли, блеснувшія на свѣтѣ фонаря.

Готовые оружіемъ защищать входъ въ сѣни, наполнявшіе ихъ люди обратились лицомъ къ крыльцу, къ которому подъѣзжали, одинъ за другимъ, всадники, слѣзавшіе съ коней и отдававшіе ихъ своимъ слугамъ. Изъ ночной темноты въ освѣщенныя сѣни первый вступилъ бояринъ Юрій Борисовичъ Телепневъ, вооруженный, словно на бой: на сѣдой головѣ стальная шапка-ерихонка, широкій, могучій еще станъ закованъ въ ногайскій панцырь, рубашку изъ мелкихъ стальныхъ колецъ на ваточной подкладкѣ, съ мѣдными щитами на груди и на спинѣ. Тяжелая сабля волочилась съ громомъ по полу, вися на ремняхъ. Великолѣпная, по поясъ, бородища бѣлѣла въ полутьмѣ. Вооруженная толпа защитниковъ почтительно разступилась передъ этою могучею фигурою стараго эртоульнаго начальника съ смѣлымъ взглядомъ, съ увѣренною тяжелою поступью и пропустила его къ государю.

Преклонивъ, не безъ труда, колѣна передъ царственнымъ юношей, котораго волненіе усиливалось, семидесятилѣтній старецъ оперся обѣими руками на свою заслуженную саблю и голосомъ твердымъ, отчетливо выговаривая слова, сказалъ:

— Государь Петръ Алексѣевичъ! Явился я по долгу вѣрноподданнаго предупредить тебя и матушку-царицу о смертной опасности, вамъ готовящейся отъ крамольниковъ, имъ же заводчица царевна Софья. Но, вижу, ты уже предупрежденъ: мнѣ остается, буде надо, обнажить свою старую саблю, за тебя, государь, послѣдовавъ примѣру князя Бориса и всѣхъ, здѣсь тебя защищающихъ. Если же позволишь старику совѣтъ тебѣ добрый дать—прикажи, скажу, государь!

— Говори, бояринъ, — приказалъ Петръ, котораго красивое лицо съ черными большими глазами и зачернѣвшимся пушкомъ надъ верхней губой уже подергивалось судорожными гримасами: — Я тебя слушаю...

Государь, не мѣшкотно ступай къ Троицѣ, подъ защиту преподобнаго святителя Сергія!—продолжалъ Телепневъ.—Надежныя лаврскія стѣны укроютъ тебя отъ возставшихъ мятежниковъ, пока выручать тебя соберемся мы, твои бояре и воеводы, съ полками земскими. Пора тебѣ, государь, кличъ кликнуть русской землѣ, чтобы земля поднялась и раздавила бы гнѣздо ядовитыхъ гадинъ, сирѣчь слободы стрѣлечьи! Мы—дворяне, люди служилые, разнесемъ ихъ и искоренимъ вмѣстѣ съ стрѣльцами, застарѣлую московскую крамолу!

Глаза Петра загорѣлись огнемъ воодушевленія, блѣдное лицо вспыхнуло румянцемъ молодости и здоровья, выраженіе его возвратило себѣ обычное свое мужество, мужественный совѣтъ боярина пришелся по сердцу не только государю, но и князю Борису, и всѣмъ присутствовавшимъ, вслухъ его одобрившимъ. Признательный къ проявленію преданности почтеннаго боярина къ себѣ, преданности, столь имъ цѣнимой въ такія минуты, царственный юноша, увлекаясь пылкимъ сердцемъ, обнялъ колѣнопреклоненнаго боярина, поцѣловалъ и помогъ ему встать на ноги.

— Спасибо, старикъ!—сказалъ Петръ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Поступлю, какъ ты сказалъ. Надѣюсь увидѣть тебя немедля у Троицы Сергія!

— Буду, государь, приведу за собою сотню добрыхъ ратниковъ земскихъ, придемъ конно, людно, оружно! На страхъ врагамъ!

— И я подоспѣю съ своими вотчинниками, къ тебѣ государь!—сказалъ, съ поклономъ къ нему подойдя, князь Яковъ Долгорукій, недавно вернувшійся изъ посольства во Францію и Испанію.—Спѣши, государь, къ лаврѣ Сергіевой, она покоритъ тебѣ Бѣлокаменную... Пора ее усмирить...

— Женою и Адамъ изъ рая изгнанъ!—прибавилъ осанистый князь бояринъ Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, только что поклонившійся государю. Своею пословицею онъ намекнулъ, понятно всѣмъ, на царевну Софью, своими интригами вынуждающую нынче Петра Алексѣевича бѣжать ради своего спасенія.— Всѣ мы, государь, повторяемъ тебѣ совѣтъ Юрія Борисовича: затворись въ лаврѣ, мы подымемъ земскую рать...

— Государь, стрѣльцы изъ Кремля тронулись, какъ бы не на Преображенское! — запыхавшись, вбѣжалъ Левъ Нарышкинъ:— спасайся! конь осѣдланъ, провожатые въ сѣдлахъ! Спѣши!

Петръ, забывъ, что онъ обулся на босую ногу, что на немъ лѣтній кафтанъ, что онъ безъ шапки, а на дворѣ холодная, ненастная ночь, выбѣжалъ, какъ былъ, на крыльцо. Въ темнотѣ, слабо освѣщенной фонаремъ, ждала его осѣдланная лошадь и два верховыхъ потѣшныхъ конюха; въ одномъ изъ нихъ онъ узналъ своего любимца Сергѣя Бухвостова. Готовясь поставить

ногу въ стремя, окруженный прибывшими изъ Москвы вельможами, занятыми спѣшными переговорами съ княземъ Борисомъ насчетъ общаго серьезнаго земскаго дѣла, Петръ Алексѣевичъ былъ остановленъ молодою супругой, сжавшей его въ своихъ объятіяхъ и, рыдая, восклицавшей:

— Не пущу тебя, Петруша! Они тебя убьютъ! На кого оставляешь меня, сиротинку! Куда бѣжишь въ темь и дождь. Въ лѣсу волки тебя съѣдятъ, моего ненагляднаго! Нѣтъ, Богомъ тебя заклинаю, останься, Петруша! Останься, у насъ люди есть, защитятъ они насъ! Останься!

Настойчивость молодой супруги, живое свидѣтельство ея къ нему любви, опасавшейся за него, раздражила теперь молодого мужа. Ея причитанія показались ему голосьбою простой бабы, не приличной государынѣ. Самое проявленіе ея за него отчаянія, не стѣсняющагося присутствіемъ постороннихъ, онъ нашелъ неумѣстнымъ и глупымъ. Впрочемъ, не окончился еще медовый мѣсяцъ, какъ молодой мужъ, увлекавшійся красивымъ сложеніемъ и красивымъ личикомъ своей молоденькой супруги, убѣдился въ ея простотѣ, т. е. въ недалекости ея ума, почему ея сообщество и бесѣда ему наскучили. Относясь такъ строго и, быть можетъ, даже несправедливо къ умственнымъ способностямъ жены, Петръ въ настоящую минуту не могъ сдержать своей грубости, вызванной раздраженіемъ на нее, задерживающую его, когда ему дорога всякая минута, иначе онъ погибнетъ, не заботясь о томъ, что оскорбляетъ жену въ проявленіяхъ ея лучшаго и законнаго чувства. Онъ рѣзкимъ движеніемъ освободился отъ нея и вскочилъ въ сѣдло; даже не замѣтилъ второпяхъ, что она безъ чувствъ упала на руки князя Бориса. Сопровождаемый конюхами, онъ поскакалъ и скрылся въ темнотѣ.

— Ахти!—воскликнулъ одинъ изъ бояръ,—государь-то ажно безъ шапки поѣхалъ! Мы всѣ словно головы потеряли!

— И то безъ шапки! — подтвердили другіе. — Холодно и дождь.

Но разгоряченная всѣми происшествіями этой ночи, голова Петра не чувствовала ни холоднаго вѣтра, ни мелкаго дождя. Напротивъ, они ее освѣжали. Темный лѣсъ съ глухимъ гуломъ вѣтвей скоро скрылъ ихъ въ своихъ сырыхъ тайникахъ. Бухвостовъ, знавшій дорогу въ лавру, ѣхалъ впереди, постоянно своимъ вскрикомъ предупреждая задумавшагося государя держаться вправо или влѣво, чтобы объѣхать колоду или растопыренные дубовые сучья. Къ свѣту, бѣглецы далеко очутились отъ Преображенскаго, но Петръ измокъ до костей и продрогъ такъ, что зубъ на зубъ не попадалъ. Разгрязнило, а потому лошади скользили и приморились. Ночная ѣзда, особенно верхомъ, ужасно утомительна непривычному къ ней человѣку. Безсонница, непогода, однообразное продолжительное движеніе, — душевное волненіе, вызванное страхомъ за свою жизнь и жизнь близкихъ, легкая одежда не по погодѣ, все это разрушительно

повліяло на здоровье молодого государя. Онъ совсѣмъ больной подъѣзжалъ къ старымъ, но крѣпкимъ стѣнамъ и башнямъ обители святого Сергія Радонежскаго, когда только что отошла ранняя обѣдня. Вышедшій изъ соборнаго храма архимандритъ отецъ Викентій, узнавъ, что въ гостинничномъ покоѣ лежитъ больной совсѣмъ государь Петръ Алексѣевичъ, побѣжалъ къ нему, выслушалъ его жалобы на враговъ и его просьбу охранить его въ обители.

— Нашъ святой угодникъ Божій защититъ тебя, государь, въ своей обители! — сказалъ архимандритъ, благословляя его— Сію минуту пришлю отца лекаря съ лекарствомъ.

XXXIII.

— Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Ахаавомъ, которые, неразсудною милостью законъ Божій преступя, погибли тѣломъ и душою; и если имѣете смѣлость, то возьмите на души свои сіе дѣло и рѣшите, какъ хотите.

(Слова Петра I).

Въ другой разъ довелось Петру Алексѣевичу искать убѣжища отъ крамолы, разъѣдавшей Москву и исходившей съ дворцоваго „верха", спасаться въ древнихъ твердыняхъ монастыря „преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца". Древнее именованіе монастыря „иже въ Маковицѣ" объясняется положеніемъ его на горѣ, съ трехъ сторонъ округленной.

Молодой государь съ душевнымъ трепетомъ чувствовалъ себя въ этомъ священномъ для всей православной Россіи мѣстѣ. Воспитанный своею религіозною матерью въ вѣрѣ своихъ набожныхъ предковъ, онъ читалъ житіе великаго подвижника, воздвигнувшаго эту обитель, прославившаго ее своими чудесами и давшами ей свое имя. Утомленный пережитымъ и переживаемымъ страхомъ за жизнь свою и своихъ близкихъ, разбитый быстрою ночною ѣздою верхомъ, онъ лежалъ въ лихорадкѣ, простудившись по холоду. Встревоженныя монастырскія власти поспѣшили принять мѣры благоразумной осторожности, вызываемыя неожиданными и серьезными обстоятельствами: ворота лаврскія и калитки затворены, монахъ-врачъ съ содѣйствіемъ отца келаря занялись положеніемъ бѣглеца-государя, представлявшимся имъ достойнымъ сожалѣнія и требовавшимъ помощи. Мокрое лѣтнее платье, бѣлье и обувь сняты, замѣнены сухими теплыми. Больной, то въ ознобѣ, никакъ не согрѣвавшійся, то пылавшій жаромъ и сбрасывавшій съ себя одѣяло, внушалъ монаху-врачу опасенія, не горячка ли у него? Дремота и бредъ, обнаружившій душевную тревогу больного, показались врачу опасными предвѣстниками. Но, слава Богу, лихорадочный припа-

докъ прошелъ. Больной принялъ лекарство, выпилъ нѣсколько чашекъ горячаго липоваго цвѣта и заснулъ. Здоровый организмъ государя не замедлилъ совладать съ хворостью. Обильный потъ, выступившій по всему его молодому тѣлу, смочившій его рубашку, успокоилъ не только больного, но и на его счетъ успокоилъ его врача. Крѣпко спалъ, сномъ набираясь силъ, Петръ Алексѣевичъ; не много спалъ—много и видѣлъ. Его сонъ отражалъ старину обители, его пріютившей.

Въ темныхъ, какъ ночь, глухихъ сплошныхъ лѣсахъ, обитаемыхъ и оглашаемыхъ лишь дикими и хищными звѣрями, одинокій, но въ непрестанномъ общеніи съ Богомъ, которому усердно, день и ночь, молился,—пустынножительствовалъ юный отшельникъ Варѳоломей. Въ среды и пятки не вкушалъ ничего, а въ прочіе дни питался хлѣбомъ и водою. Вотъ онъ, сынъ когда-то знатныхъ и богатыхъ ростовскихъ бояръ, рубитъ лѣсъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Стефаномъ, ставитъ келлію и малую деревянную церковь, потомъ освященную по благословенію преосвященнаго Ѳеогноста, митрополита всероссійскаго во имя святыя Троицы. Стефанъ удалился изъ пустыни, Варѳоломей же, призвавъ нѣкоего игумена Митрофана, пріялъ отъ него постриженіе въ иноки на двадцать четвертомъ году жизни, въ день памяти святыхъ мучениковъ Сергія и Вакха, почему и наречено имя Сергій. Одолѣвали его „пустынные страхи и мечтанія". Иногда его ночную молитву прерывали видѣнія, угрожавшія ему смертію, а мѣсту — разрушеніемъ, тогда онъ читалъ 124 псаломъ, 3 стихъ: „Не убоишися отъ страха нощнаго, и отъ стрѣлы летящія во дни, отъ венца во тьмѣ переходящія, сряща и бѣса полуденнаго". Возбужденному воображенію молодого государя представлялся строгій подвижникъ пустыннаго житія, своимъ милосердіемъ расположившій къ себѣ свирѣпаго медвѣдя, котораго голодъ онъ утолилъ кускомъ хлѣба, лишивъ себя скуднаго обѣда. Огромный звѣрь лѣсной привыкъ посѣщать келлію пустынника, возлѣ которой, на пнѣ, находилъ скромное его угощеніе. Но благочестивые люди, поселясь возлѣ Сергія, съ его дозволенія избрали его своимъ игуменомъ, несмотря на его не желаніе. По слову Христа онъ былъ „первый тѣмъ, что былъ всѣмъ слуга". Онъ строилъ самъ келліи, рубилъ дрова, мололъ на жерновахъ, пекъ хлѣбы, варилъ пищу, шилъ одежду и обувь, воду въ двухъ водоносахъ носилъ на своемъ рамѣ на гору и поставлялъ у келліи каждаго. Епископъ Аѳанасій поставилъ его во пресвитера и игумена. Въ ветхой, плохой одеждѣ, игуменъ Сергій дѣлалъ самъ свѣчи, варилъ кутью, пекъ просфоры. Случалось, иноки по нѣскольку дней голодали, по недостатку пропитанія, но игуменъ не дозволялъ имъ просить милостыни. Не доставало вина для совершенія литургіи, ладона для кажденія, воска для свѣчъ,—тогда въ церкви, въ утреннюю или всенощную службу, зажигали березовую или сосновую лучину. Распространялась слава о духовныхъ подвигахъ Сергія, къ обители котораго проложили въ лѣсахъ просѣки и селились

люди. Ночью, молясь, Сергій услышалъ голосъ, его зовущій. Открывъ окно, онъ былъ пораженъ дивнымъ свѣтомъ небеснымъ. „Сергій!—изрекъ тотъ же голосъ.—Господь пріялъ молитву твою о чадахъ твоихъ“! Тутъ игуменъ увидѣлъ множество прекрасныхъ птицъ. Голосъ же продолжалъ: „Такъ умножится стадо учениковъ твоихъ, и послѣ тебя не оскудѣютъ послѣдующіе стопамъ твоимъ“. Согласно посланію патріарха константинопольскаго и благословенію митрополита Алексія, преподобный Сергій въ своей обители учредилъ общежитіе, съ воспрещеніемъ имѣть инокамъ собственность.

И вотъ, великій князь Димитрій Іоанновичъ приходитъ къ игумену Сергію, какъ бы къ пророку, и вопрошаетъ его: идти ли, стать ли россійскому воинству противъ хана Мамая, вторгнувшагося съ несмѣтною татарскою ордою въ землю русскую? Преподобный благословилъ его противостать страшному врагу, въ защиту отечества и православнаго народа, предрекъ князю побѣду и далъ ему двухъ иноковъ, Александра Пересвѣта и Андрея Ослябя. Передъ самою битвою на Непрядвѣ-рѣчкѣ, посланный отъ Сергія инокъ его именемъ повторилъ князю и воинству слова его: „дерзайте съ надеждою“, обнадежившіе ихъ въ побѣдѣ надъ татарами. И слова пророческія сбылись: пораженные ордынцы бѣжали въ степи.

Митрополитъ Алексій, на смертномъ одрѣ, призываетъ къ себѣ преподобнаго, чтобы поставить его во епископа и, подготовить его заступить мѣсто митрополита, согласно желанію княжескому и всенародному. Сергій въ своемъ глубокомъ смиреніи, отказался, пребывая свѣточемъ, свѣтящимъ церкви и царству не съ архіерейской каѳедры, а изъ пустыни лѣсной.

Свое преставленіе преподобный провидѣлъ за полгода и призвавъ братію, поручилъ ее своему ученику Никону, самъ же безмолвствовалъ до кончины, послѣдовавшей послѣ принятія св. таинъ, на 79 году жизни.

Въ смутное время самозванцевъ, Троицкая лавра съ малочисленными защитниками держалась шестнадцать мѣсяцевъ, осаждаемая сильными отрядами пана Сапѣги и пана Лисовскаго. Не взирая на разрушительное дѣйствіе своей артиллеріи, на слишкомъ тридцать одинъ жестокій приступъ къ монастырю, литовцы и русскіе измѣнники не могли его взять. Геройское сопротивленіе лавры поддерживало духъ народнаго ополченія, поднявшагося освободить отечество отъ захватившихъ его враговъ. Православный народъ тогда увѣровалъ, что преподобный Сергій, духовный защитникъ своей обители, явился въ чинѣ *взбраннаго вовоеды*, который приписуется ему въ церковномъ пѣснопѣніи. Преподобный, по народному убѣжденію, ободрялъ и охранялъ подвизающихся за вѣру и отечество, устрашалъ враговъ и умножалъ свои чудеса, почему, если умножались опасности защитниковъ обители святой, уменьшалось ихъ число, но не умалялась ихъ надежда на спасеніе обители, а съ нею и самаго отечества. Благочестивые люди изъ защитниковъ видѣли

ночами преподобнаго Сергія, шествующаго по стѣнамъ монастырскимъ и окропляющимъ ихъ святою водою. Явленіе его знаменовало извѣщеніе защитниковъ о готовящемся приступѣ враговъ. И извѣщеніе это оправдывалось на слѣдующую же ночь. Такъ пророкъ Елисей возвѣщалъ царю израильскому о готовящихся нападеніяхъ сирійскаго войска.

И вотъ, Петръ Алексѣевичъ второй уже разъ укрывается въ обители святителя Сергія, въ ней ища спасенія отъ московской крамолы. Онъ трепетно ждетъ утра, проснувшись въ темнотѣ, пугающей его своею тишиною, будто притаившеюся и коварною. Дождь печально пощелкиваетъ по стеклу, за которымъ темная ночь. Онъ увѣренъ, что ворота монастыря затворены, что игуменъ и монахи не выдадутъ его злодѣямъ, если бы они подступили; но мать, молодая супруга, друзья—благополучны ли въ Преображенскомъ? Онъ бѣжалъ, малодушно оставивъ ихъ въ жертву врагамъ, добивающимся ихъ погибели. Можетъ быть, въ то время, какъ онъ здѣсь отдыхаетъ, они подвергаются униженію, пыткамъ, самой смерти людей? Живы ли они, его матушка родная, его супруга милая, его вѣрные сторонники? Явятся ли, какъ обѣщали, бояре съ земскими ратниками, поддержать его законные царскія права, захваченныя честолюбивою сестрою единокровною, но не единоутробною? Въ возникшемъ семейномъ разладѣ на чью сторону склонится старшій братъ, царь Иванъ? За кого потянутъ солдатскіе драгунскіе полки, а также служилые иноземцы? Стрѣльцы всѣ ли стоятъ за царевну? Ужели онъ, Петръ, съ матерью своею и всѣмъ своимъ родомъ погибнетъ жертвою коварной старой дѣвки? Самовольное участіе ея въ правленіи братьевъ-царей лишь ихъ срамитъ на весь свѣтъ. Она замутила государство. Либо она, либо онъ, Петръ, а двумъ имъ не правительствовать!..

Въ такихъ мрачныхъ и тревожныхъ мысляхъ встрѣтилъ молодой государь нарождающійся день; сѣрыя тучи, моросившія дождемъ, печальною сплошною пеленою закрывали небо, а съ земли поднимался туманъ, предвѣстникъ близившейся осени. Онъ отстоялъ въ соборѣ утреннюю службу, въ продолженіе которой усердно молился, со слезами колѣнопреклоненіемъ прося Бога помочь ему въ его положеніи; о томъ же просилъ онъ и преподобнаго Сергія, лобызая его руку. Просфора, поднесенная ему игуменомъ, трижды его благословившимъ, во имя Отца, Сына и Святаго Духа, послужила ему для утоленія голода, имъ ощущаемаго. Но отъ поданнаго ему, въ покояхъ архимандрита, обильнаго рыбнаго завтрака онъ отказался, предоставивъ его своимъ проголодавшимся спутникамъ: постелничему Гаврилу Головкину, карлику комнатному, имѣвшему теперь жалкій видъ крошечнаго старичка, и сержанту Сергѣю Бухвостову.

— Успокойся государь Петръ Алексѣевичъ,—сказалъ ему архимандритъ, провожая его по лѣстницѣ на верхъ высокой башни о трехъ ярусахъ для боя, откуда нетерпѣливому царственному юношѣ хотѣлось глядѣть на московскую дорогу, по которой

ждалъ прибытія своихъ сторонниковъ.—Нашъ угодникъ Божій преподобный отче Сергій, являетъ притекающимъ къ нему съ вѣрою скорую помощь. Не оставитъ онъ, благій, и тебя, Петръ Алексѣевичъ, въ твоемъ безвременіи...

— Вѣрую въ его святую помощь!—отвѣтилъ Петръ.

— Святитель Сергій при жизни и по смерти своей крѣпкій пособникъ землѣ русской и ея государямъ. То изъ гисторіи нашей вѣдомо довольно, отче архимандритъ...

— Во истину такъ, государь,—подтвердилъ благообразный старецъ, съ трудомъ поспѣвая за проворнымъ Петромъ и съ приподнятыми полами длинной рясы, мѣшавшей ему взбираться наверхъ.

Съ высоты башни открывалось обширное пространство, темнѣвшееся вдали лѣсами. Свѣжій вѣтерокъ разрывалъ мѣстами сплошную пелену сѣрыхъ чучъ, изъ-за которыхъ проглядывало кое гдѣ голубое небо; сырой туманъ, волнуясь легкой дымкой, поднимался вверхъ, на встрѣчу солнечнымъ лучамъ, весело брызнувшимъ и все оживившимъ. Хмурые лѣса зеленѣли, старыя каменныя стѣны и башни монастырскія какъ-бы помолодѣли, золоченые кресты, цѣпи и главы храмовъ заблестѣли. Лежавшая на сердцѣ печальнаго государя тяжесть облегчилась и отуманенный взоръ его прояснился. Вмѣстѣ съ перемѣной погоды измѣнилось и его настроеніе. Радующее и грѣющее солнце, овладѣвая небомъ, очистившимся отъ тучъ, овладѣвала и душою царственнаго юноши. Надежда смѣнила отчаянье. Молодыя силы возстановлялись вмѣстѣ съ вѣрою въ благость провидѣнія, въ себя, въ свою счастливую звѣзду, казалось ему, засіявшую надъ его пылкою юношескою головою.

— Сама природа ликуетъ и торжествуетъ пришествіе твое, государь Петръ Алексѣевичъ, въ обитель святого отца Сергія!—замѣтилъ архимандритъ, запыхавшись отъ шествія по крутымъ лѣстницамъ.—Ночная непогода миновала, какъ минуетъ тебя испытаніе, ниспосланное свыше для твоего наученія,

— Я вижу, по дорогѣ ѣдетъ капитанъ! Но мои ли?—воскликнулъ Петръ, всматриваясь въ приближавшійся четверикъ коней и прислушиваясь къ глухому гулу катящихся колесъ.—Еще и еще колымаги!.. Мои! Слава Богу!..

— И его угоднику, отцу Сергію, благодареніе!—добавилъ архимандритъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Трогательно произошло свиданье матери съ сыномъ, сестрицы съ братомъ, и жены съ мужемъ, Петръ тревожно разспрашивалъ своихъ о томъ, благополучно ли въ Преображенскомъ? Что о кремлевскомъ скопищѣ слышно? Оказалось, что стрѣльцы въ Преображенское не приходили; что потѣшные конюхи вооружились и спѣшатъ къ своему государю, вотъ—вотъ будутъ.

— Дорогою мы обогнали Сухаревъ полкъ, идетъ служить тебѣ, Петръ Алексѣевичъ:—замѣтилъ князь Борисъ Голицынъ, провожавшій царицу-мать съ семьей.—И чернаго народа до-

вольно сюда движется. Похоже, царевна свою лукавую игру проиграетъ...

— Но ты, Петруша, совсѣмъ больнымъ смотришъ?—Царица-мать нѣжно поцѣловала сына и заплакала.—Что только мы вытерпѣли въ эту ужасную ночь! Думали, ни вѣсть что: что погибъ ты, Петруша...

— Мы за тобою въ скорости выѣхали, голубчикъ мой,—добавила молоденькая жена, которой цвѣтущее красками здоровой молодости прекрасное личико нисколько не пострадало отъ безсонной ночи, проведенной въ каптанѣ, отъ тревожныхъ мыслей и чувствъ.—Ты блѣденъ, на себя не похожъ, милый Петруша.—Красивые сѣрые глаза супруги блестѣли слезами сочувствія, ея бѣлыя, выхоленныя руки обнимали его толстую загорѣлую шею, ея русая голова лежала на его широкимъ плечѣ.—Я счастлива теперь тѣмъ, что съ тобою.

Предоставивъ молодому государю свободу свиданія съ его семьей, расположившейся въ покояхъ архимандрита, удалившагося въ келлію отца келаря, князь Борисъ занялся серьезнымъ дѣломъ, ради котораго пріѣхалъ. Умный вельможа понималъ, что на немъ лежитъ теперь обязанность руководить сторонниками государя Петра, убѣжденъ былъ, что наступила пора окончательнаго разсчета съ похитительницей правительственной власти царевной Софьей и крамольной партіей, ее поддерживавшей. Зная, что во главѣ этой партіи стоялъ его двоюродный братъ, князь Василій, князь Борисъ зналъ также, что князь Василій съ своимъ вліяніемъ представлялъ лучшую сторону партіи, лично непричастный ея крамолѣ.

Въ приказной монастырской избѣ Голицынъ засѣлъ за написаніе отъ имени государя Петра Алексѣевича грамоты, которою спрашивалась царевна Софія, зачѣмъ, для какого дѣла, по ея повелѣнію, собраны были вооруженные стрѣльцы въ Кремлѣ и на Лубянкѣ, въ ночь съ 7 на 8 число августа мѣсяца? Переписавъ на бѣло грамоту, князь прочелъ ее Петру, одобрившему ее и подписавшему. Затѣмъ, сопровождаемый государемъ и архимандритомъ, князь внимательно осмотрѣлъ монастырскія стѣны и башни, обветшавшія, но еще крѣпкія: обороняться, отсиживаться въ нихъ, въ случаѣ надобности, можно было; навальный приступъ, хотя бы многочисленной рати, отобьютъ потѣшные, начавшіе уже прибывать; но пушечныхъ выстрѣловъ старая твердыня не выдержитъ: ядра ее разобьютъ. Для того же, чтобы отвѣчать на дѣйствіе непріятельской артиллеріи и заставить ее замолчать, слѣдуетъ снабдить монастырскія стѣны пушками. Соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ Голицына, Петръ позвалъ своего любимца, потѣшнаго каптенармуса Хабарова, и спросилъ его, можетъ ли онъ, Лука, потайно отъ князя Василія, провести порохъ, мортиры, пушки и снаряды къ лаврѣ? Молодецъ Лука Хабаровъ отвѣтилъ:

— Привезу, государь Петръ Алексѣевичъ!

Увѣренность отвѣта убѣждала государя и князя, что поспѣ-

шившій въ Москву потѣшный вернется съ пушками, мортирами и зельемъ.

Между тѣмъ, подъѣхали московскіе бояре: Долгорукіе всѣ три брата, Троекуровъ, Черкасскій, Нарышкины и многіе другіе. Въ общемъ совѣтѣ грамота съ вопросами, предложенными царевнѣ Софіи, была одобрена, а потому рѣшили ее послать. Бояре объяснили, что ихъ ратные люди спѣшатъ къ лаврѣ. Поздній часъ обѣда напоминалъ проголодавшимся вельможамъ, особенно чревоугоднику князю Борису Алексѣевичу, что пора бы червячка заморить? Разсчитывали на всегдашнее гостепріимство лаврскихъ властей, и не обманулись и на этотъ разъ. Длинный столъ въ пріемной архимандрита былъ накрытъ, кушанья поданы, и за хозяйку Наталья Кирилловна пригласила садиться. Сѣли, конечно, пропустивши напередъ по чаркѣ „монастырскаго травника“, очень забористаго, причемъ кланялись обѣимъ царицамъ и государю и выпивали „во здравіе“ ихъ. Петръ, взаимно, поднялъ свою чарку „за здравіе друзей вѣрныхъ“. Вѣрные друзья отвѣтили ему поясным поклономъ.

— Неѣдимаго царства нѣтъ, Петръ Алексѣевичъ,—замѣтилъ ему Голицынъ, намекая на то, что онъ плохо ѣстъ.—Ѣсть про себя, а пить про людей.

— Ѣлъ не ѣлъ, а за обѣдъ почту!—отвѣтилъ молодой государь въ шутливомъ тонѣ Голицына.—Такъ пить про людей, князь Борисъ? Какъ только сію пословицу понимать? Хитра!

Петръ, любившій поострить язычекъ насчетъ покладнаго Голицына, безцѣннаго по своему веселому характеру собесѣдника и застольника, подмигнулъ смѣявшимся боярамъ на своего дядьку, раскраснѣвшагося отъ выпитыхъ чарокъ и за обѣ скулы убиравшаго разварную осетрину съ хрѣновой подливкой.

— Понимать надо бы такъ, что князь Борисъ для насъ, не для себя, хмельные напитки вкушаетъ,—пояснилъ всегда правдивый князь Яковъ Долгорукій, вызвавшій смѣхъ даже самого Голицына.—И намъ бы за то благодарить князя.

— Подыми камешекъ, если въ твой огородъ попалъ, князь Борисъ!—замѣтилъ ему Троекуровъ.

— Пить пиво—не бѣда, любить дѣвку—нѣтъ вреда!—сказалъ Голицынъ, весельчакъ въ доброй компаніи, широкая русская натура, уважаемый за свое благородство и всегдашнюю готовность помочь нуждающихся въ немъ словомъ и дѣломъ.—Одно знаю: ѣмъ за всѣхъ васъ, честные господа!

Общій смѣхъ, лучше словъ, подтвердилъ признаніе князя. Отдаленный бой барабановъ и раскаты гороховой пѣсни, доносясь черезъ открытыя окна, прервали веселый обѣдъ. Засѣдавшіе за столомъ бросились къ окнамъ: по московской дорогѣ длинною лентою тянулся пѣхотный полкъ, свѣтлая полоса ружей блестѣла на солнцѣ вспыхивая бѣлыми огоньками, перебѣгавшими въ разныхъ мѣстахъ движущейся колонны. Ближе къ монастырю приближался конный отрядъ, съ сверкающими пиками, впереди котораго, на тяжеломъ ворономъ конѣ подъ краснымъ чапра-

комъ. ѣхалъ богатырскаго вида и сложенія начальникъ, въ стальной ерихонкѣ и ногайскомъ кольчужномъ панцырѣ, рѣзко свѣтившихся въ солнечныхъ лучахъ: возлѣ него стремянной воинъ везъ бѣлую хоругвь, съ чернымъ изображеніемъ креста Господня.

— Бояринъ Телепневъ! Бояринъ Юрій Борисовичъ ведетъ свою дружину!—радостно восклицали бояре.—Сзади Сухаревъ полкъ движется... а тамъ, дальше, темнѣетъ тоже толпа... За тебя поднялись, государь Петръ Алексѣевичъ! Не дадутъ насъ въ обиду! Обстоятъ!..

Въ тоже время изъ монастырскихъ воротъ высыпали потѣшные солдаты на встрѣчу большой толпѣ очевиднаго сброда, вооруженнаго больше дубьемъ и топорами, насаженными на длинные древки. Передніе ряды пѣсенниковъ оглушали улицу посада разухабистою хоровою пѣснею, собравшею стара и мала, мужчинъ и женщинъ, выбѣгавшихъ изъ своихъ домовъ. Передъ двигавшимися пѣсенниками высокій старикъ бѣлый какъ лунь, въ ухарски на лѣвое ухо надвинутой шапкѣ, въ короткой поддевкы и высокихъ сапогахъ лихо „откалывалъ трепака", не жалѣя ногъ, подборомъ сапогъ словно вертя землю, то чуть не садясь, то легко подскакивая съ широко раскинутыми врознь ногами, при чемъ онъ хваталъ руками носки своихъ сапоговъ, вскакивалъ на ноги, выпрямялся, молодцомъ перевертывался, охорашивался, передъ молодками, къ себѣ ихъ подманивалъ. Веселый хохотъ и громкія одобренія провожали лихого старика: ай, да, молъ, дѣдъ—бѣлый горохъ.

— Кулашники замоскворѣцкіе пришли!—заговорили потѣшные солдаты.—То старикъ Подкопаевъ отличается! Въ субботу ему сто годовъ, а онъ стѣнку кулаками разбиваетъ!

— Кто первѣе, тотъ и правѣе!—выкрикиваль первый по Москвѣ кулачный боецъ, старикъ Подкопаевъ, намекая на то, что они, кулачники явились къ государю Петру отъ первыхъ.—Дай Богъ нашему теляти волка съѣсть! Дайте справиться, будутъ и намъ кланяться!

Глухо, какъ бы сердито, подвывалъ бубенъ хоровой лихой пѣсни, насквозь пронизываемой свисткомъ съ колѣнцами. Выходило нѣчто задорное, вызывающее, далеко гремѣла пѣсня:

Ахъ вы сѣни—сѣни—сѣни,
Сѣни новыя мои.
Сѣни новыя кленовыя,
Рѣшетчатыя!..

Разобралъ степенныхъ бояръ этотъ густой, широкій хоровой голосъ, дрожавшій забористою дрожью. Повеселѣли строгія бородатыя лица, отозвались русскія сердца этому напѣву, этимъ сильнымъ голосамъ, словно спаяннымъ въ одинъ звономъ мѣдныхъ тарелокъ, басистымъ ревомъ бубна, пронзительными свистками сквозь передніе зубы.

— Наша возьметъ!—замѣтилъ Голицынъ, подбодренный виномъ и лихой пѣсней.—Кабы не княжество мое, кажись въ плясъ самъ пошелъ бы! Ай, ну, говори, приговаривай!

Онъ взялся въ боки и прикозырился, словно готовясь бочкомъ, мелкими шажками, пройтись по хороводу.

Вельможи, оторванные отъ обѣда, поспѣшили къ нему возвратиться. Застольная бесѣда оживилась, чарки наполнялись и осушались чаще, хозяйка о томъ заботилась.

XXXIV.

..Ѣхалъ Вольга еще другой день.
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати:
Оретъ въ полѣ ратай понукиваетъ.
Сошка у ратая поскрипываетъ.
Омешки по камешкамъ почиркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до побѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ.
Въ край онъ уѣдетъ, другого не видать,
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валитъ.
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
—„Божья ти помощъ, оратаюшко!
Орать да цахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!“.
Говорилъ оратай таковы слова:
—„Поди-тко. Вольга Святославичъ,
Со всею со дружиною хораброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьянствовати“.

(*Былина «Вольга Святославичъ*“).

Не миновали еще дни медоваго мѣсяца для счастливыхъ молодыхъ, не разстававшихся другъ съ другомъ и за свѣтлымъ настоящимъ, забывавшихъ свое мрачное прошлое, а Маруся заговорила уже о своихъ московскихъ старикахъ, родителяхъ названныхъ. Андрей только и ждалъ этого женинаго желанія ѣхать въ Москву, совпадавшаго съ его собственнымъ. Любящій сынъ понималъ, какъ его старики, въ особенности мать, тревожатся все время его полона, и, кажется, на крыльяхъ полетѣлъ бы ихъ успокоить, обрадовать относительно себя. Обдумано и рѣшено молодыми—ѣхать лѣтнимъ путемъ въ Москву. Полковникъ и полковница вполнѣ одобрили это рѣшеніе и приступили къ необходимымъ сборамъ въ дальній путь, такъ какъ молодые, съ простительнымъ эгоизмомъ любовниковъ, предоставляли теперь старикамъ всѣ скучныя заботы о себѣ и о своемъ существованіи. Каптана, лошади, люди, провизія были

готовы, назначенъ день отъѣзда, вдругъ получается, черезъ бѣлгородскаго воеводу, письмо изъ Москвы; содержаніе письма, писаннаго крупнымъ почеркомъ боярина Юрія Борисовича, рѣзко измѣнило положеніе дѣла о поѣздкѣ молодыхъ. Оно измѣнило и ихъ настроеніе.

Бояринъ своимъ сжатымъ, но образнымъ языкомъ извѣщалъ сына о томъ, что „родительница его, честная боярыня Апраксѣя Левонтьевна, волею Божіею, неоглаголанною, умре іюня мѣсяца въ 29 день, на память святыхъ апостоловъ Петра и Павла“. Изъ этого грустнаго письма молодые поняли, что покойница сильно тосковала по сынѣ, котораго не считала въ живыхъ; что и умерла-то она отъ несносной тоски материнской по погибшемъ сынѣ. Бояринъ обстоятельно излагалъ подробности погребенія дорогой ему супруги въ Алексѣевскомъ монастырѣ, гдѣ ее положили въ родовомъ склепѣ, рядышкомъ съ почившими дѣтками ихъ, и гдѣ онъ, бояринъ, приготовилъ мѣсто и своему гробу. Онъ вычислялъ вклады, посланные имъ въ монастыри и церкви, на поминъ ея души. Выражалъ сожалѣніе, что радостное извѣстіе объ освобожденіи Андрея не застало уже мать въ живыхъ.

Благословляя Андрея и Марусю сочетаться законнымъ бракомъ, бояринъ напоминалъ сыну о томъ, что въ Изюмскомъ же полку находится жалованное его дѣду государемъ земельное пространное угодье, называемое „Княжой Лиманъ“, совѣтовалъ сыну остолбить земли свои, населить слободу и хозяйничать: „Но,—заканчивалъ старикъ письмо,—слѣдовало бы тебѣ, Андрей, провѣдать своего стараго отца, и если женился, то съ женой: года мои большіе, не пріѣхалъ бы ты, неровенъ часъ, къ холоднымъ ногамъ моимъ“.

Конечно, горесть молодыхъ равнялась ихъ сердечной любви къ усопшей матери, не вынесшей тяжелаго испытанія своего материнскаго чувства. Но ѣхать въ московскій домъ, гдѣ все напоминало незабвенную покойницу, оказалось сверхъ силъ Маруси. Андрея же отвращали отъ поѣздки въ Москву событія, въ ней совершавшіяся; возвращавшіеся оттуда съ дѣловыми отписками нарочные казаки привозили новости, одна другой тревожнѣе: правительница царевна Софія низложена, заключена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Оберегатель, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, лишенъ чести, боярства, осужденъ въ ссылку съ сыномъ и семьями ихъ, имѣнія отписаны на государя, за то, что онъ сестрѣ великихъ государей о всякихъ дѣлахъ докладывалъ мимо великихъ государей и писалъ ее съ великими государями обще, и въ книгахъ, и на деньгахъ обще-жъ съ великими государями ее печатать велѣлъ, безъ указа ихъ, великихъ государей. Бывъ посланъ въ 1689 г. на крымскія юрты, князь Василій Голицынъ пришелъ къ Перекопу, промысла никакого не учинилъ и отступилъ, каковымъ нерадѣніемъ царской казнѣ учинилъ великіе убытки, государству разореніе, а людямъ тягость. Сообщая изюмскому полковнику

копію съ обвиненія Голицына, пріятель его, бѣлгородскій воевода Шереметевъ, въ своемъ письмѣ выражалъ сожалѣніе о горькой судьбѣ, постигшей князя Василія, и его сожалѣніе раздѣляли не только полковникъ, Андрей Телепневъ, но и многіе дворяне и служилые люди, щедро испомѣщенные въ предѣлахъ Изюмскаго и другихъ слободскихъ полковъ княземъ Голицынымъ, послѣ обоихъ его крымскихъ походовъ. Въ свое же время Шереметевъ прислалъ полковнику и копію съ прошенія Василья Васильевича, посланнаго имъ государямъ съ пути изъ Пустозерска въ Пинежскій волокъ. Гордый недавно еще, благородный вельможа, теперь обезчещенный ссыльный, слезно писалъ: „Нынѣ въ пути мучимъ живот свой и скитаемся Христовымъ именемъ, всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли. А въ Пустозерскѣ хлѣбъ зѣло дорогъ и всякая живность, и помереть будетъ намъ темною и голодною смертію“.

Пани полковница и ея дочь не могли безъ слезъ слышать эти жалобныя мольбы о насущномъ кускѣ хлѣба знаменитаго временщика, благодѣтельствовавшаго множество бѣдняковъ, когда былъ въ силѣ властительской, съ прозорливостью истинно государственнаго мужа закрѣпившаго за Москвою пустынныя степи украинскія, населивъ ихъ, въ нихъ крупное и мелкое землевладѣніе. Андрей же Юрьевичъ въ горькой судьбѣ Голицына, одного изъ передовыхъ и лучшихъ вельможъ своего времени, усматривалъ примѣръ несправедливости людской, нашедшей себѣ выраженіе въ словахъ священнаго писанія. „Не довѣряйте князю, сыну человѣческому“. Самъ познавъ мрачныя стороны жизни, для многихъ счастливцевъ только свѣтлой и пріятной, молодой Телепневъ чувствовалъ душевную усталость, потребность сосредоточиться въ себѣ, уйти хотя-бы на время отъ людей, которыхъ темныя, животныя страсти не всегда искупаются проявленіемъ человѣчности. Желаніе отца, чтобы онъ занялся своимъ земельнымъ угодьемъ и изъ него устроилъ вотчину, оказалось по душѣ сыну. Чувствовать себя на лонѣ природы украинской, прекрасной во всѣ времена года, сознавать свою личную независимость, работать для себя, обезпечивая свою будущность, казалось теперь Андрею, видящему возлѣ себя любимую женщину, благомъ скромнымъ, но вѣрнымъ. Лѣта и опытъ остудили его горячія мечты настолько, что прежнее его честолюбіе, прежніе неопредѣленные порывы въ туманную даль уже не выдерживали его теперешняго, спокойнаго, осмысленнаго взгляда на жизнь и на свои человѣческія обязанности. Москва, съ ея кровавою борьбою за власть партій, не манила его къ себѣ. Трудно было бы ему разстаться съ теплымъ и красивымъ югомъ, съ его патріархальнымъ населеніемъ, котораго дочь—его любимая и любящая супруга.

— Нѣтъ, Маруся,—твердилъ онъ ей.—Сѣверный человѣкъ, познакомясь съ югомъ, уже не годится для сѣвера. Сѣверъ

для мени теперь не родная сторона, безъ милой матери чужда мнѣ и бѣлокаменная.

— А отецъ, Андрюша?—укорительно замѣчала ему жена.

— Отецъ? Я его уважаю глубоко, Маруся, въ моихъ глазахъ мой отецъ достойнѣйшій, правдивѣйшій старикъ, лучшій изъ бояръ по правотѣ своей рѣчи и своихъ поступковъ, по честной правдивости, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняющійся; но не могу тебѣ лгать, Маруся, я не люблю его такъ, какъ сынъ долженъ любить отца, такъ, какъ мнѣ хотѣлось бы его любить. Виноватъ тутъ, конечно, я—сынъ; но, думаю, виноватъ и онъ, отецъ: быть можетъ, онъ даже виноватъ тутъ больше, чѣмъ я... Насъ одинъ Богъ разсудитъ!

Маруся съ неудовольствіемъ выслушивала подобныя признанія мужа и съ сердечною теплотою, такъ ее скрашивавшею, внушала ему его сыновнія обязанности, первѣйшею изъ которыхъ считала любовь и повиновеніе къ отцу.

И вотъ, пользуясь лѣтнимъ временемъ, молодые супруги въ сопровожденіи полковника и старожиловъ-казаковъ, розыскали пожалованную землю, остолбили ее, порыли на углахъ и пересѣкающихся линіяхъ межевыя ямы, выбрали прекрасное мѣсто для панской усадьбы, для слободы. Сторожъ, москаль, жившій въ просторной землянкѣ съ семьей, по старости и слабости не подымался съ печи; его должность давно уже исправлялъ его сынъ; благодаря указаніямъ сторожева сына найдены были всѣ признаки перваго отвода участка. Андрей оставался на немъ одинъ, пока выстроилась хата, съ двумя горницами черезъ сѣни. Приготовивъ въ хатѣ все необходимое для житья, Андрей привезъ и Марусю. Оба стали усердно населять новую слободу. Народъ потянулся къ нимъ и съ сѣвера, и съ праваго берега Днѣпра; льготы привлекали насельниковъ столько же, сколько и удобныя мѣста, и добрыя отношенія къ нимъ владѣльцевъ. Маруся, удовлетворивъ свою христіанскую душу выполненіемъ всѣхъ церковныхъ и религіозныхъ требъ въ отношеніи дорогой ей покойницы-боярыни, матери названной, молилась за нее, возставъ отъ сна и отходя ко сну. Сорокоустъ по рабѣ Божьей боярынѣ Апраксѣѣ она заказала въ своей Бугаевской церкви, годовое поминаніе въ Святогорскомъ монастырѣ. Не забыты были нищіе. Надѣвъ черное платье, повязавъ голову чернымъ платкомъ въ знакъ своего душевнаго сиротства, Маруся больше не разставалась съ чернымъ цвѣтомъ своей одежды, ставшимъ ея любимымъ. Она не обращала вниманія на то, что черный цвѣтъ шелъ къ ней и только возвышалъ ея природную красоту, сообщая ей строгое достоинство. Это находилъ и ея мужъ, не перестававшій на нее глядѣть влюбленными глазами. Когда онъ ей замѣчалъ, что въ черномъ она еще лучше, она на него сердилась: можно ли ему забывать серьезную причину, заставившую ее облечься въ черное? Не для того она въ черномъ, какъ монашка, чтобъ нравиться.

Такъ разсуждала молодая женщина, вынесшая изъ испыта-

ній сво[illegible] жизни убѣжденіе, что жизнь дана человѣку не для радост[illegible] его, а для его наученья нести ее бодро, честно, чтобы отда[illegible], въ свое время, Тому, въ рукахъ Кого жизнь и смерть. Болѣзнь ея, помѣшавшая вѣнчанью ея съ милымъ женихомъ, е[illegible] неожиданный плѣнъ у татаръ, несчастная судьба князя Василія Голицына, вельможи, величію котораго она удивлялась, глубоко потрясли ея нравственную природу. Характеръ ея, и прежде серіозный, теперь сосредоточивался на вопросахъ не только жизни, но и смерти. Что ее ждетъ тамъ, куда всѣ уходятъ, откуда никто не возвращается? Смерть боярыни, которую она любила не менѣе, чѣмъ родную мать, если не болѣе даже, поддерживала въ ней тихую грусть и расположеніе къ мрачнымъ мыслямъ. Андрей, своимъ любящимъ сердцемъ, если не умомъ, понималъ настроеніе жены; зналъ, что глубоко чувствующая женщина, столько вынесшая горя, она не можетъ не задумываться и не грустить потому, что не можетъ не вспоминать и милаго ей, и тяжелаго ей прошлаго. Онъ уважалъ ея грусть, какъ свидѣтельство ея душевной глубины, не возвращающей назадъ того, что разъ въ нее попало. Тѣмъ болѣе онъ дорожилъ теперь ея не частой улыбкой, говорившей отъ сердца сердцу же, напоминавшей теплый солнечный лучъ, пробившійся сквозь тучи. И самъ Андрей могъ ли быть прежнимъ безпечнымъ юношей?

Самъ онъ не задумывался ли? Тридцатилѣтній человѣкъ, воспитавшійся отчасти за границей, имѣющій понятіе о жизни образованнаго общества, не удовлетворяющійся уже отсталою отъ запада русскою жизнью, дышащей Азіею, конечно, могъ задумываться. Хотя душевная усталость удерживала его на лонѣ природы, вдали отъ общественнаго интереса, хотя свои способности и свой трудъ онъ направлялъ на занятія мирнаго земледѣльца, въ потѣ лица снискивающаго хлѣбъ свой, все же въ немъ не умеръ общественный человѣкъ, все же въ немъ, при случаѣ, заговаривалъ вѣрный царскій слуга, сынъ своего отечества. Населяя слободу на Княжомъ Лиманѣ, распахивая тучную цѣлину, строя свою господскую усадьбу, распространяя на окрестности свое благотворное вліяніе, Андрей Юрьичъ слѣдилъ, по возможности, за дѣлами государственными по правительственнымъ распоряженіямъ и по слухамъ изъ Москвы. Въ единодержавіи государя Петра, по смерти брата его, царя Ивана, онъ видѣлъ спасеніе государства и убѣждался, что оно направляется хотя молодою, но твердою рукою. Сознательный сторонникъ царя Петра Алексѣевича, онъ восхищался его преобразовательною дѣятельностью, получившею послѣ посѣщенія преобразователемъ Европы опредѣленное направленіе. Кровавыя казни нѣсколькихъ тысячъ мятежныхъ стрѣльцовъ, конечно, ужаснули мягкосерднаго Телепнева; но по зрѣломъ обсужденіи этихъ массовыхъ казней, онъ понялъ государственную суровую необходимость, ихъ вызвавшую. Въ стрѣлецкихъ полкахъ жила крамола; поддержкой ея пользовались и честолюб[illegible] царевны Софіи, и пе-

вѣжество старовѣровъ, начиная съ знатнаго боярина и до монаха-начетчика. Уничтоженіе стрѣльцовъ облегчало Петру его великую и трудно выполнимую задачу — просвѣтить свой темный народъ, создать могущественное восточное государство. „Новоприборная“ армія и молодой воронежскій флотъ уже сослужили своему отечеству службу. Азовъ взятъ, мятежныя движенія подавлены.—„Только лаптя мужицкаго не сплететъ нашъ монархъ“,—утверждалъ, бывало, Телепневъ въ бесѣдѣ съ казацкой старшиной. Онъ подавленъ величіемъ молодого государя, котораго славныя дѣянія столько же, сколько его самобытная, необыкновенная личность обратили вниманіе изумленной Европы на Россію, считавшуюся до сихъ поръ полудикою, варварскою страной. Во главѣ ея оказался государь, невиданный еще въ исторіи, не только русской, но и всемирной. Въ народѣ повторялись анекдоты, характеризующіе его. Особенное значеніе придавалось отвѣту государя иностранцу, удивившемуся его усердной черной работѣ. „Яко аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ясть“,—повторилъ государь слова апостола Павла. То же требованіе предъявлялъ онъ и къ монахамъ, уклоняющимся отъ трудовой жизни. Его указъ говоритъ: „Но сего, т. е. тунеядства, весьма климатъ сѣверный нашея страны не допускаетъ и безъ туудовъ своихъ или чужихъ весьма пропитися не могутъ“.

Великъ государь Петръ казался Телепневу не только своими, полезными его народу, новшествами, но и своимъ добровольнымъ умаленіемъ себя, какъ человѣкъ, приниженіемъ своей высоты царственной, ради поучительнаго примѣра подданнымъ. Онъ, государь, проходитъ медленными стопами лѣстницу служебнаго чиноначалія. Въ созданной имъ арміи онъ начинаетъ службу барабанщикомъ, а въ созданномъ имъ флотѣ—матросомъ, лишь по заслугамъ своимъ получаетъ онъ чинъ капитана отъ бомбардиръ, за что благодаритъ своего же подданнаго,—Ромодановскаго, нареченнаго имъ „княземъ кесаремъ“, котораго величаетъ онъ „ваше величество“, которому воздаетъ царскія почести. Выдвигая впередъ своихъ сподвижниковъ, по ихъ заслугамъ, награждая и прославляя ихъ, государь самъ избѣгалъ показности и славы, вполнѣ имъ заслуженной. Только истинымъ человѣческимъ достоинствомъ и величайшею государственною мудростью Петра могъ Телепневъ объяснить себѣ скромное положеніе, принятое имъ, самодержавнымъ государемъ, въ своемъ государствѣ. Въ самомъ себѣ онъ воплощалъ все, чего требовалъ отъ подданныхъ. Онъ учитъ ихъ не словомъ, а дѣломъ, личный подвигъ примѣръ истиннаго гражданина, сына своего отечества. Къ тому же, онъ, государь, плоть отъ плоти, кость отъ кости своего русскаго народа.Только любовію и довѣріемъ къ своему народу можно было объяснить сверхчеловѣческіе труды Петра, подъятые имъ на благо и славу Россіи—матери. Въ народѣ распространялись слова, сказанныя государемъ въ защиту великихъ качествъ русскаго народа: „Развѣ всѣ люди не отъ одного пра-

отца Адама произошли, и мы исключены изъ славы мудрости человѣческой? Помышлять такъ—значитъ хулить Создателя".

Но нѣкоторые поступки Петра не находили оправданія себѣ въ его сторонникѣ. Заточеніе супруги Евдокіи Ѳедоровны въ монастырѣ казалось Телепневу и его Марусѣ жестокосердіемъ государя, предпочтившаго законной, ни въ чемъ неповинной женѣ нѣмецкую красавицу Монсъ. По ихъ убѣжденію, опасенія государя, чтобы сочувствовавшая нашей старинѣ государыня не вредила дѣламъ его новшествъ,—лишь предлогъ удалить отъ себя нелюбимую жену и связаться съ нѣмкой любовницей. Такъ и народъ думалъ.

Приходилось выслушивать много ропота народнаго. Чугуевскіе монахи-раскольники распространяли по югу вѣсти о беззаконіяхъ царя Петра, имъ же нѣсть числа и мѣры: въ книгахъ де писано, яко осьмой царь будетъ антихристъ, и нынѣ царь Петръ осьмымъ приходится; сказано де, яко антихристъ скоро родится отъ племени Данова, и будутъ людямъ при антихристѣ великія тягости, и нынѣ міру вельми тяжко стало. Въ книгѣ же валаамскихъ чудотворцевъ писано о царѣ антихристѣ, и что онъ головою запрометываетъ и ногою запинается, и что солдатъ станетъ клеймить печатью же своею антихристовою; царь Петръ нѣмцевъ любитъ, знается съ погаными зловѣрными иноземцами и съ ними сложился; это де не государь, что нынѣ владѣетъ, а „змѣиный—нѣмцевъ сынъ; а нашъ де царь въ нѣмцахъ въ бочку закованъ да въ море пущенъ.

Глупость подобныхъ злонамѣренныхъ слуховъ только раздражала Телепнева. Но, зналъ онъ, дыма безъ огня не бываетъ. Неудовольствіе на внутреннее положеніе Россіи росло и уже отзывалось въ православномъ духовенствѣ. Слышались раздраженные голоса: почто царь за гранью бродяжничаетъ, а его именемъ бояре тиранствуютъ? Ромодановскій де залилъ Преображенское человѣческою кровью; стрѣлецкимъ трупомъ обожрались московскія собаки. Надворная пѣхота изничтожена, старшая царевна заточена, боярскій родъ именитый Милославскихъ губится; преосвященный соборъ святительскій не ставитъ куръ-патріарха всея Россіи; и сіе есть наигибельнѣйшее изъ своевольныхъ новшевствъ государственныхъ. Или владыкѣ земному и мірскому зазорно въ патріархѣ чтить владыку духовнаго? Не затѣмъ ли похерилъ царь высокій духовный санъ, чтобы и въ церкви святой самовластвовать, какъ въ государствѣ? Но царь смертенъ, церковь же вѣчна. Патріаршество наше жило сто и одиннадцать лѣтъ, упорядочило двадцать всероссійскихъ соборовъ святительскихъ, сколько же царю Петру дано жить—Богу единому вѣдомо...

Проходили годы, а неудовольствіе народное росло, достигая и привольнаго Придонецкаго края. Его отдаленность отъ Москвы, средоточія государственной дѣятельности Петра, охраняла независимость Телепнева, которою онъ дорожилъ теперь, какъ лучшимъ благомъ человѣка. Постарѣвши душою, болѣе чѣмъ тѣ

ломъ, онъ склоненъ былъ философски относиться къ жизни, представлявшейся ему даромъ, по своему великому смыслу не вполнѣ оцѣниваемымъ человѣкомъ. Вся дѣятельность его сосредоточилась на вотчинѣ и ея устройствѣ. Благодаря разумнымъ совѣтамъ тестя и тещи, а также ихъ содѣйствію, слобода населялась и благоденствовала. Поставили церковь во имя Георгія Побѣдоносца, соименника Юрію. Создатели храма желали тутъ праздновать его ангела въ одинъ день съ именинами отца, боярина. Признательный за такую почесть, бояринъ выслалъ изъ Москвы всѣ церковныя принадлежности, иконописцевъ и рѣзчиковъ. При этомъ напоминалъ сыну и невѣсткѣ, что ему стукнуло восемь десятковъ. „Аще же восемьдесятъ лѣтъ—трудъ и болѣсть“. Выговаривалъ имъ, почто не подарятъ его, старика, званіемъ дѣдушки?

— Грѣшно забывать старика отца,—замѣтила внушительно Маруся мужу, часто ему напоминавшая, что давно пора имъ его навѣстить,—мои старики даже удивляются, почему ты въ Москву не ѣдешь? Поѣдемъ, Андрюша.

— Хорошо,—согласился мужъ,—хочется мнѣ моего старика провѣдать, поѣдемъ, Маруся, по первопутью...

Но мысль ѣхать въ Москву пугала Телепнева. Трудно было ему разставаться съ мирною сельскою жизнью, съ вотчиною, имъ созданною, съ привольемъ придонецкимъ; онъ отвыкъ отъ городской суетни—и вдругъ попасть ему въ Москву, гдѣ идутъ спѣшные сборы по случаю войны со Швеціей, объявленной на другой же день послѣ заключенія мира съ Турціей. Но колебанія его не останавливали приготовленій къ поѣздкѣ, за которую стояла жена. Неожиданное, серьезное обстоятельство рѣзко измѣнило настроеніе Телепнева и ускорило поѣздку. Бѣлгородскій воевода письмомъ извѣстилъ изюмскаго полковника о „Ругодевскомъ конфузѣ“ нашемъ. Малочисленная шведская армія, одушевленная сознаніемъ воинской чести, сильная воинскимъ искусствомъ, ведомая своимъ двадцатилѣтнимъ королемъ-героемъ, на голову разбила сильную числомъ, но неопытную, плохо вооруженную русскую армію. Мы потеряли пушки, много убитыхъ и плѣнныхъ, главное же мы потеряли надежду побѣдить врага, которому объявили войну. Чутко, съ сильно бьющимся сердцемъ чувствовавшимъ безславіе пораженія, съ сознаніемъ опасныхъ для Россіи послѣдствій пораженія, выслушивалъ Телепневъ разсказы очевидцевъ-казаковъ, раненыхъ и вернувшихся на родину. Онъ осуждалъ государя Петра, за то, что уѣхалъ наканунѣ сраженія, поручивъ свое войско французскому придворному шаркуну, дряхлому куртизану, да наемникамъ нѣмецкимъ офицерамъ. Онъ даже во снѣ бредилъ этимъ несчастнымъ конфузомъ подъ Нарвой, вскакивалъ съ постели, командовалъ, словно самъ въ немъ участвовалъ. Жена, испуганная его воинственнымъ бредомъ, будила, крестила его. Страшная дѣйствительность отражалась въ его снѣ такъ, какъ она ему на яву представлялась. Вотъ онъ на флангѣ гвардейскаго каре, за своими

рогатками, учащено палитъ картечью изъ пушекъ бомбардирской роты; хлопья снѣга и густой градъ вмѣстѣ съ несущимъ ихъ студеннымъ вѣтромъ сѣкутъ нашихъ въ лицо, глаза нашихъ, за зимней вьюгой, не видятъ ничего и пальба наша на угадъ, безъ прицѣла; только темнѣютъ, то слабѣе, то явственнѣе сомкнутые ряды синихъ кафтановъ, то непобѣдимая шведская инфантерія ломитъ на насъ съ опущенными „на руку“ штыками, съ оглушительнымъкрпкомъ: Meth Guds hielp! Съ Божьею помощью!“ Вотъ самъ король Каролусъ верхомъ, съ палашомъ въ рукѣ, и въ одной батфортѣ, другую онъ въ болотѣ потерялъ. Онъ ободряетъ своихъ сломить желѣзный строй преображенцевъ и семеновцевъ,—огражденный повозками, но каре ихъ, ощетинившееся штыками, неподвижно. Какъ грозовая туча, разрѣшившаяся молніями, шведская инфантерія безпрерывно вспыхиваетъ огоньками ружейныхъ выстрѣловъ, блеснетъ ружейный стволъ, штыкъ, взмахнутая шпага... Дымъ, застилающій снѣжный покровъ земли и закрывающій снѣжное небо, команда, крикъ воодушевленной боемъ массы людей, тупой лязгъ встрѣчающейся холодной стали, стоны предсмертные, проклятія, оглушающіе пушечные залпы, трескъ ружейной пальбы, барабанный бой, звукъ мѣдной трубы—всѣ эти рззнородные звуки сливаются съ мрачнымъ, угрожающимъ завываніемъ зимняго вѣтра... Телепневъ, въ своемъ воинственномъ снѣ, съ злою радостью убѣждается, что вокругъ нашего гвардейскаго каре навалено много окровавленныхъ синихъ кафтановъ съ бѣлыми перевязями и въ треугольныхъ шляпахъ. Снѣжная пелена прикрываетъ убитыхъ и раненыхъ, застывающихъ и обращающихся въ окоченѣлые трупы. Не ослабѣваютъ вражьи атаки, не смолкаютъ вражьи крики, а Телепневъ громитъ изъ своихъ пушекъ, внося въ вражьи синіе ряды жестокое опустошеніе, готовый умереть славною смертью защитника отечества. Вправо глухо загудѣла мерзлая замля: королевскіе драбанты, густою колонною промчались, палашами рубя и коля русскую конницу, безпорядочной толпой бѣжавшую съ поля. Многіе, на коняхъ, бросались въ рѣку и тонули, или пристрѣливались шведами съ берега. Вотъ финскій стрѣлокъ цѣлится въ Телепнева; грянулъ мѣткій выстрѣлъ, Телепневъ, раненый смертельно, падаетъ на руки своихъ артиллеристовъ, но радуется, что финскій стрѣлокъ поднятъ нашими гренадерами на штыки.

— Ахъ, Андрюша, какъ ты безпокойно спишь?—замѣчала ему жена.—Вскрикиваешь, командуешь, словно сражаешься съ непріятелемъ. Крѣпко, вишь, конфузъ нашъ Ругодевскій тебя опечалилъ... Ужъ не думаешь ли на войну пойти?

— Пойду, Маруся!—рѣшительно сказалъ онъ, вздохнувъ.—Отечество въ опасности и вѣрные его сыны обязаны стать на его защиту. Знаю, Маруся, сама ты благословишь меня на подвигъ, меня ждущій.

— Благословлю, Андрюша, и съ тобою не разстанусь!—сказала она.—Въ тебѣ моя жизнь,—на что она мнѣ безъ тебя?

Андрей улыбкой, которую она такъ любила, поблагодарилъ ее.

— Теперь, Маруся, надо намъ спѣшить. Государь, слышно, будетъ скоро въ Воронежъ. Туда мы и поѣдемъ, равно Воронежъ намъ по пути въ Москву. Представлюсь государю. Старый ученый артиллеристъ, авось, ему пригодится. Вѣришь ли, милая, какъ моя оскорбленная этимъ пораженіемъ русская душа стремится скорѣе на помощь своимъ! Помѣряться бы намъ силами и мужествомъ съ удачливымъ шведомъ! Вѣришь ли, Маруся, я словно ожилъ и начинаю другую жизнь! Я самъ себя не узнаю!..

— Нѣтъ,—возразила она,—я узнаю въ тебѣ теперешнемъ моего прежняго Андрюшу, того самаго, котораго я полюбила, кто послѣ, испытавъ несчастья, долго не могъ отъ нихъ оправиться, кто временно только отворачивался отъ жизни.

По первопутью Телепневы направились въ Воронежъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Андре Терье.

Воспитанница Вальбрюана.

РОМАНЪ

переводъ Лопатина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-литографія товарищества «СВѢТЪ», Невскій пр. 136.
1906.

I.

ОСПОДА дома?

Въ притворенную дверь выглядывала маленькая служанка—настоящій типъ одной прислуги. Въ большихъ голубыхъ глазахъ ея, казалось, такъ и застыло навсегда выраженіе удивленія. Она широко открыла ротъ, и съ ея губъ слетѣло обычное восклицаніе горныхъ крестьянокъ:

— Га! Это вы господинъ Вальбрюанъ? Гмъ! У насъ никого нѣтъ дома... Госпожа Ліенордъ и мамзель Нанинъ ушли въ мѣстечко,

На лицѣ спрашивавшаго появилось выраженіе разочарованія, и онъ проворчалъ сквозь зубы:

— Такъ... Онѣ удрали... А между тѣмъ, имъ отлично было извѣстно, что я собирался придти къ нимъ сегодня ужинать!

— Да, сударь. Но мы не ждали васъ такъ рано, а потому мои барыни, пользуясь хорошей погодой, рѣшили подышать чистымъ воздухомъ... Если хотите войдите и отдохните: онѣ навѣрное вернутся засвѣтло.

— Благодарю! — рѣзко отвѣтилъ Вальбрюанъ. Я не усталъ. Если онѣ гуляютъ, то я не вижу почему бы и мнѣ не поступить такъ же!.. Ты скажешь своимъ барынямъ, что опять зайду къ нимъ въ семь часовъ...

Оставивъ служанку съ недоумѣвающимъ видомъ на порогѣ двери, недовольный посѣтитель ушелъ черезъ садъ, цвѣтники котораго были полны цвѣтовъ.

Домъ, который занимали Ліенорды, принадлежалъ нѣкогда къ аббатству Сенъ-Клэръ—монастырю признанному въ 1792 году національнымъ имуществомъ. Кварталъ, гдѣ стоялъ этотъ домъ до сихъ поръ еще носилъ названіе „Аббатскаго“.

Повернувшись спиной къ домамъ, навѣсы крышъ которыхъ защищали оригинальные фасады, временъ XVI столѣтія. Вальбрюанъ быстро пошелъ по липовой аллеѣ, которую справа и слѣва омывали два рукава Оботты. Эта дорога, окрещенная названіемъ „Бульвара между двумя водами“, огибала массивъ скалъ, на которыхъ была выстроена большая часть домовъ Сенъ-Клера, и такимъ образомъ связывала Аббатскій кварталъ съ настоящимъ мѣстечкомъ.

Густолиственныя вѣтви вѣковыхъ липъ, очевидно, благотвор-

но подѣйствовали на душу Вальбрюана, такъ какъ онъ устыдился своего дурного расположенія духа и подумалъ:

— Во всякомъ случаѣ, я смѣшонъ!.. Какъ могли думать дамы Ліенордъ, что я явлюсь къ нимъ въ четыре часа?

Вальбрюанъ пожалъ плечами, закурилъ сигару и пошелъ вдоль стѣны, ограждающей большое имѣніе, гдѣ жилъ нотаріусъ Палезо. Затѣмъ, выйдя изъ деревни, онъ прошелъ черезъ свѣжескошенные луга и добрался до опушки лѣса Монтавуаръ.

Клодъ де Вальбрюанъ былъ еще очень добръ для своихъ сорока пяти лѣтъ. Высокій, стройный и сильный, онъ обладалъ еще твердой походкой и прекраснымъ зрѣніемъ. Густые темнорусые волосы обрамляли его высокій, властный лобъ. Въ бородѣ его едва еще начинала пробиваться сѣдина. Блѣдное лицо его, немного омрачавшееся въ минуты задумчивости или досады, было освѣщено чудными, карими глазами, свѣтлыми, какъ воды Оботты. Рѣзкій и властный, онъ охотно держалъ людей на извѣстномъ разстояніи; но когда онъ удостоивалъ снизойдти и улыбаться, его губы открывали рядъ бѣлыхъ и здоровыхъ зубовъ, а голосъ становился мягкимъ и симпатичнымъ, такъ что о немъ выносилось впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ очень прямомъ, очень чувствительномъ и очень добромъ, не смотря на его измѣнчивое настроеніе духа и на его вспышки эгоизма. Онъ былъ похожъ на тѣ зимнія груши, кожа которыхъ немного груба, но за то внутренность мягка и отличается чрезвычайно пріятнымъ вкусомъ. Окончивъ Сенъ-Сиръ, онъ блестяще велъ себя въ кампаніи 1870 года и вполнѣ заслужилъ свои капитанскія эполеты. Затѣмъ, онъ какъ-то вдругъ получилъ отвращеніе къ своему ремеслу и вышелъ въ отставку въ концѣ 1871 года. Никто не зналъ, чѣмъ объяснить такое внезапное рѣшеніе, не вызванное никакими видимыми причинами. Нѣкоторые изъ его товарищей объясняли впрочемъ эту неожиданную отставку любовнымъ разочарованіемъ и неудавшейся попыткой жениться. Какъ бы то ни было, Клодъ Вальбрюанъ, вернувшись въ свой отчій домъ въ Сенъ-Клеръ, заперся тамъ въ двадцать шесть лѣтъ и, казалось, больше не думалъ о женитьбѣ. Не имѣя ни кредиторовъ, ни бѣдныхъ родственниковъ, и обладая хорошимъ состояніемъ, дававшимъ ему полную независимость и возможность устроиться по своему желанію, онъ велъ жизнь вполнѣ удовлетворявшую его немного дикій и дѣятельный характеръ. Поселившись въ своемъ домѣ въ сообществѣ своихъ собакъ: Раваго и Медора. Вальбрюанъ ограничилъ свой штатъ прислуги садовникомъ, исполнявшимъ грубыя работы и пятидесятилѣтней служанкой Катеринеттой. Послѣдняя, постоянно грубя ему, тѣмъ не менѣе была глубоко ему предана, готовила вкусные обѣды и съ необыкновенною заботливостью вела его холостое хозяйство. Вальбрюанъ, сообразно сезону, то ловилъ рыбу въ окрестныхъ рѣкахъ, то охотился съ собаками въ лѣсахъ, окружающихъ Сенъ-Клеръ и изобилующихъ оленями, козулями, кабанами, зайцами и бекасами. Холостая жизнь всегда болѣе или менѣе при-

водитъ къ эгоизму. Такой режимъ нечувствительно и почти незамѣтно для него самого сдѣлалъ изъ него себялюбца: онъ любилъ покой и свободу и съ трудомъ выносилъ стѣсненія, налагаемыя условіями свѣтской жизни. Малѣйшая непріятность, малѣйшая перемѣна, внесенная въ дорогія ему привычки, вызывали въ немъ приступы дѣтскаго раздраженія. Онъ никогда не вмѣшивался въ чужія дѣла и не прощалъ другимъ попытки вмѣшаться въ свои собственныя. Вотъ почему онъ мало посѣщалъ мѣстную знать и поддерживалъ съ ней отношенія только во время охоты. Единственно кого онъ часто посѣщалъ—это семейство Ліенордовъ. Покойный Ліенордъ, помощникъ лѣсничаго, былъ старымъ другомъ семейства Вальбрюанъ. Благодаря ему Клодъ испыталъ впервые волненіе охотника и всю привлекательность охоты. Послѣ смерти мужа, вдова съ дочерью вернулись на родину, гдѣ уже десять лѣтъ жила на скромную пенсію. Въ Сенъ Клерѣ она встрѣтилась съ послѣднимъ изъ Вальбрюановъ—и вполнѣ естественно, что между ними снова возстановились прежнія откровенныя и близкія отношенія. Въ ихъ домѣ отставной капитанъ чувствовалъ себя, какъ дома. У всѣхъ троихъ были дороги однѣ и тѣ же темы разговоровъ. Въ Аббатскомъ кварталѣ вызывались самыя дорогія для Клода воспоминанія дѣтства и ранней юности. Кромѣ того, пожилую даму и начинающаго старѣться холостяка влекло невольно другъ къ другу, хотя и не сознавались себѣ въ этомъ, то, что они оба страдали отъ одинаковыхъ сердечныхъ ранъ. Вслѣдствіе преждевременной смерти мужа, жизнь госпожи Ліенордъ была глубоко потрясена, а матеріальное положеніе ея дочери скомпрометировано; Вальбрюанъ тоже втайнѣ страдалъ отъ своего сердечнаго пораженія, разбившаго его карьеру и сдѣлавшаго изъ него безполезнаго человѣка. Эти огорченныя души поняли другъ друга, и общее горе только сильнѣй сблизило ихъ. Только въ этой взаимной дружбѣ обѣ женщины давали гораздо больше, чѣмъ сами получали. Врожденная доброта и тайная потребность нѣжности побуждала ихъ всячески баловать своего друга и развлекать его въ его одиночествѣ. Клодъ снисходительно позволялъ жалѣть себя и баловать. Онъ нисколько не удивлялся, что къ нему относятся, какъ къ балованному ребенку и обижался самымъ малѣйшимъ кажущимся препебреженіемъ по отношенію къ нему. Онъ тотчасъ же начиналъ пикироваться и ворчать, какъ только кто нибудь позволялъ себѣ противорѣчить ему и иногда на самое робкое замѣчаніе отвѣчалъ съ невѣжливою живостью. Впрочемъ, не будучи въ сущности злымъ, онъ быстро спохватывался и охотно сознавался въ своей неправотѣ. Обыкновенно, онъ первымъ начиналъ смѣяться, и тогда являлся самымъ любезнымъ изъ собесѣдниковъ.

Не прошло и получаса, какъ Клодъ Вальбрюанъ уже забылъ разочарованіе, причиненное ему отсутствіемъ двухъ пріятельницъ. Онъ наслаждался теперь влажнымъ запахомъ, какимъ обыкновенно бываетъ насыщенъ лѣсъ въ началѣ осени. Попирая опав-

шіе листья, въ которые уходила его нога и которые издавали мягкій шелестъ, Вальбрюанъ думалъ о томъ, что скоро первые морозы окончательно обнажатъ деревья и можно будетъ начать охотиться въ лѣсу. Такая перспектива радовала его сердце и на нѣкоторое время поддерживала въ немъ веселыя мысли. Но вотъ послѣдніе лучи солнца потухли и сгустились сумерки. Лѣсъ принялъ торжественный видъ и сдѣлался звученъ, какъ церковные своды. Вальбрюанъ почти не замѣтилъ наступленія сумерекъ, располагавшихъ къ угрюмымъ мыслямъ. Онъ, однако, повернулъ обратно и направился къ опушкѣ, гдѣ сквозь переплетенныя вѣтви, похожія на ясномъ фонѣ на черныя кружева, видно было, что тамъ, внѣ лѣса, еще продолжаетъ царить остатотъ дневнаго свѣта.

И дѣйствительно, солнце, скрывавшееся за лѣсистой вершиной холма, продолжало заливать горизонтъ краснымъ свѣтомъ. Отблескъ розоваго облака освѣщалъ молодыя поросли можевельника и недавно скошенные луга. Вдали виднѣлись крыши деревни съ вьющимися подъ ними столбами синеватаго дыма и шпиль колокольни, горѣвшій еще на послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца.

Но вотъ вечернее освѣщеніе это начало угасать; поднялся вечерній вѣтеръ. Подъ уже холоднымъ вѣяніемъ его затрепетали деревья опушки, листья закружились въ воздухѣ и медленно падали на землю, какъ погибшія бабочки.

Конецъ дня и конецъ времени года невольно наводятъ даже на менѣе расположенныя къ мечтательности души на грустныя мысли и меланхоличныя воспоминанія. Клодъ Вальбрюанъ невольно поддавался такому вліянію осеннихъ сумерекъ. Когда онъ проходилъ черезъ скошенныя луга, въ его душу подобно мелкому дождю проникала острая грусть. Можно было подумать, что ароматъ скошеннаго сѣна какимъ-то волшебнымъ образомъ вызываетъ воспоминанія о погибшихъ въ самомъ зародышѣ надеждахъ, такъ какъ этотъ волшебный ароматъ какъ-то сразу воскресилъ въ памяти Клода одинъ изъ самыхъ болѣзненныхъ эпизодовъ его молодости. Въ бѣловатомъ туманѣ, поднимавшемся подъ водами Оботты, онъ увидѣлъ очаровательный призракъ молодой дѣвушки—Шарлотты Герель, въ которую страстно влюбился на двадцать пятомъ году.

Въ теченіи всей зимы, въ Нанси, гдѣ стоялъ гарнизономъ его полкъ, Клодъ усиленно ухаживалъ за этой брюнеткой съ ласкающими глазами, стройной таліей и чарующей улыбкой. Будучи большой кокеткой и любя поклоненіе, дѣвушка эта разжигала страсть Вальбрюана полуобѣщаніями и искусными полупризнаніями. Затѣмъ, однажды вечеромъ, наивный влюбленный совершенно неожиданно узнаетъ, что его Шарлотта выходитъ замужъ за одного молодаго человѣка изъ очень богатой семьи, нѣкоего Женеврэ, въ котораго она уже давно была влюблена. И дѣйствительно, этотъ бракъ состоялся вскорѣ послѣ окончанія войны 1871 года. Сердечное горе обманутаго влюбленнаго усу-

гублялось еще унизительнымъ сознаніемъ, что онъ служилъ ширмами для этой кокетки. Ударъ былъ такъ грубъ и рана такъ глубока, что даже спустя двадцать пять лѣтъ, когда прежняя страсть превратилась въ холодный пепелъ, Клодъ не могъ вспомнить о своей неудачѣ безъ гнѣвной дрожи и злобы. Онъ уже много лѣтъ ничего не слыхалъ про Шарлотту. Онъ зналъ только, что ея двуличность не принесла ей счастья и что ея мужъ, господинъ Женеврэ, въ свою очередь обманывалъ ее и измѣнялъ ей.

Такія воспоминанія преслѣдовали Вальбрюана все время пока онъ шелъ лугами. Когда же онъ добрался до деревни и вышелъ на аллею „между двухъ водъ", онъ энергично встряхнулъ головой, какъ бы желая избавиться отъ этихъ непріятныхъ думъ.

— Она получила заслуженное возмездіе,—подумалъ онъ.— Все въ свое время отплачивается. И если бы я на ней женился, она можетъ быть заставила бы меня дорого заплатить за это удовольствіе... Беззастѣнчивая кокетка, она, быть можетъ, подвергла бы мою ревность слишкомъ сильному испытанію... И я, по всей вѣроятности, порвалъ бы съ ней всякія сношенія, какъ она сама порвала ихъ со своимъ Женеврэ.,. Я счастливо избѣгъ опасности--и все устроилось къ лучшему.

Когда онъ доканчивалъ это разсужденіе, онъ очутился уже передъ рѣшеткой садика въ Аббатской улицѣ. На его звонокъ выбѣжала служанка съ вѣчно удивленными глазами. Узнавъ при слабомъ вечернемъ свѣтѣ посѣтителя, она не могла сдержать насмѣшливую улыбку, благодаря которой ея ротъ расплылся до самыхъ ушей.

— О!.. Ба! Б!.. Господинъ Вальбрюанъ, — громко вскричала она.—Вы не успѣли еще дойдти и до конца аллеи „между двухъ водъ", мои барыни вернулись домой... Я тотчасъ же бросилась со всѣхъ ногъ догонять васъ... Да какъ бы не такъ!.. Вы быстро куда-то скрылись, точно ящерица...

— Все это отлично,—проговорилъ Клодъ, отстраняя служанку.—Такъ какъ твои барыни теперь дома, то дай мнѣ пройдти!.. А поболтать ты можешь потомъ!

II.

Тѣсное помѣщеніе Ліенордовъ состояло изъ одного этажа съ довольно высокими комнатами и съ чердакомъ, обращеннымъ въ мансарду. Коридоръ раздѣлялъ все помѣщеніе на двѣ части. Съ одной стороны находились кухня и столовая; съ другой—двѣ комнаты вдовы и ея дочери. Окна столовой, служившей такъ же гостинной, выходили во фруктовый садъ, который омывала Оботта. Столовая была оклеена обоями, на которыхъ были изображены охотничьи сцены. Надъ орѣховымъ буфетомъ, между головами оленей и козуль, были развѣшены ружья, пи-

столеты и шпаги. Рядомъ со старымъ золоченымъ барометромъ висѣлъ большой фотографическій портретъ покойнаго Ліенорда въ формѣ лѣсничаго. Тамъ и сямъ по стѣнамъ, въ видѣ украшенія, было развѣшено нѣсколько старыхъ гравюръ: „Избіеніе невинныхъ“, „Явленіе воскресшаго Іисуса Христа Своей Матери“, „Молитва“. Въ нишѣ тихо гудѣла изразцовая печь. При скромномъ свѣтѣ висячей лампы, вдова Ліенордъ мирно вязяла косынку, сидя на соломенномъ креслѣ и положивъ ноги на табуретъ.

Вдовѣ, маленькой и толстенькой женщинѣ, едва исполнилось пятьдесятъ шесть лѣтъ, но волоса ея были уже бѣлы, какъ снѣгъ. Эта бѣлизна волосъ еще рѣзче выдѣляла свѣжесть ея лица и блескъ голубыхъ глазъ, насмѣшливое выраженіе которыхъ смягчалось снисходительной и доброй улыбкой.

При шумѣ открываемой двери она повернула голову.

— А! Это вы дорогой Клодъ, сказала она.—Глубоко извиняюсь передъ вами... Вы, кажется, слишкомъ рано пришли къ намъ и были недовольны, не заставъ насъ дома?

Мы съ Наниной воспользовались хорошей погодой и сходили къ контролеру, чтобы заплатить ему, такъ какъ нашъ срокъ уже прошелъ. Съ тѣхъ поръ, какъ древнее Аббатство перешло въ руки правительства, нашимъ хозяиномъ сдѣлалась мѣстная власть. И, надо признаться, хозяиномъ въ высшей степени непріятнымъ!.. Контролеръ требуетъ, чтобы ему платили въ срокъ; а самъ вовсе и не думаетъ дѣлать необходимый ремонтъ своимъ жильцамъ... Вѣдь, государство должно же давать намъ крѣпкую крышу? Не правда-ли? А между тѣмъ, наша крыша похожа на дырявый дождевой зонтикъ. Когда я жаловалась на это контролеру, онъ отвѣтилъ мнѣ, что снесется по этому поводу съ правительственнымъ архитекторомъ. А пока черезъ разбитую черепицу льетъ вода и портитъ потолки... А?.. Не правда-ли, какъ это пріятно въ виду приближенія зимы!..

— Бѣдный другъ мой, сказалъ Клодъ, любезно цѣлуя руку вдовы, я глубоко жалѣю васъ!.. Колеса административнаго механизма фонкціонируютъ съ такой же быстротой, какъ и прежде... Если вы не рѣшитесь сами произвести необходимыя поправки, то вамъ придется дожидаться ихъ, по крайней мѣрѣ, до будущаго мая...

Высказавъ все это тѣмъ небрежнымъ тономъ, съ какимъ человѣкъ говоритъ о вещахъ, не касающихся его лично, Вальбрюанъ опустился въ мягкое кресло близь печки, разсѣянно открылъ мѣдную дверцу и безъ стѣсненія подкинулъ въ огонь полѣно.

— Вы озябли? заботливо спросила вдова.

— Вечера становятся свѣжими, отвѣтилъ Клодъ, а я немного запоздалъ въ лѣсу... Не знаю отчего это... Отъ сѣвернаго-ли вѣтра или отъ луговаго тумана, только я очень озябъ... даже физическое недомоганіе вліяетъ на нравственное состояніе, и я чувствую на сердцѣ какой-то туманъ...

— У васъ просто пустой желудокъ, съ живостью объя-

вилъ твердый голосъ, донесшійся изъ сосѣдней комнаты. Для проясненія вашихъ мыслей, вамъ недостаетъ обильнаго и сытнаго ужина... Но—терпѣніе!.. Вамъ недолго придется его дожидаться.

Въ то же время, на порогѣ кладовой, прилегавшей къ кухнѣ, появилась двадцати семи или двадцати восьмилѣтняя молодая женщина съ грудой бѣлья на рукахъ, которое она бросила на столъ. На гибкой и открытой шеѣ ея сидѣла тонкая голова съ черными, естественно вьющимися волосами, густые завитки которыхъ рѣзко выдѣляли бѣлизну лица и лба. Темные, ясные глаза, греческій носъ, красныя и гордыя губы и изящный подбородокъ дополняли это открытое лицо, производившее впечатлѣніе деревенской Діаны съ быстрыми и непринужденными движеніями. Накрывъ столъ скатертью и переходя отъ него къ буфету съ посудой, Нанина продолжала говорить Вальбрюану!

— Я приготовила вамъ такой ужинъ, что увѣрена, что онъ вамъ понравится... Когда вы отвѣдаете его, ваша меланхолія разсѣется, какъ волшебствомъ... Вотъ и столъ накрытъ!.. Мнѣ остается только позвонить Лелетту и приказать ей подавать...

Нѣсколько минутъ спустя, Лелетта—такъ звали служанку со вздернутымъ носомъ и ртомъ до ушей—принесла горячее блюдо рыбы, и всѣ трое сѣли за круглый столъ. Кушанье дымилось и распространяло аппетитный ароматъ. Нанина наполнила нагрѣтыя тарелки и радушно угощала Вальбрюана; вдова же Ліенордъ налила ему въ стаканъ вкуснаго вина съ холмовъ Куафи. Обѣ женщины, видимо, были рады побаловать своего гостя и разсѣять его мрачныя мысли. Клодъ снисходительно позволялъ ухаживать за собой. Сначала онъ молча ѣлъ свою порцію; затѣмъ, его лицо прояснилось, въ глазахъ засвѣтился огонекъ жадности, и онъ вскричалъ тономъ знатока:

— Поздравляю васъ, дорогая Нанина.—Это блюдо—настоящій chef-d'oeuvre, и я охотно возьму еще порцію... Моя Катеринета хвастается своимъ искусствомъ, но она никогда не подавала мнѣ ничего подобнаго... Какъ приготовляете вы этотъ соусъ, въ одно и то же время, жирный, легкій и такой ароматный?

— Это мой секретъ, и я храню его для себя... Если я сообщу свой рецептъ Катеринетѣ, и она станетъ приготовлять вамъ это блюдо по моему, вы перестанете приходить къ намъ.

— О! запротестовалъ Вальбрюанъ.—Право, вы считаете меня уже слишкомъ большимъ эгоистомъ!

— Эгоистомъ—это слишкомъ сильно сказано, возразила Нанина. Но вѣдь вы очень дорожите своимъ покоемъ... Я думаю, если бы вамъ дома готовили хорошо всѣ ваши любимыя блюда, вы рѣже бы безпокоили себя посѣщеніемъ вашихъ друзей.

— Хорошаго вы мнѣнія обо мнѣ!.. Впрочемъ, приготовленное вами блюдо сдѣлало меня снисходительнымъ, и я прощаю васъ...

Рыбу смѣнили жаренныя въ ломтяхъ шпига куропатки. Лицо гастронома окончательно просіяло.

— Откуда вы откапываете этихъ рѣдкихъ птицъ, мясо которыхъ такъ нѣжно и вкусно?

— Мы знаемъ одного честнаго браконьера, и онъ доставляетъ ихъ намъ по сходной цѣнѣ...

— Петельщикъ! насмѣшливо вскричалъ охотникъ.—Прекрасное у васъ знакомство!.. Всѣ эти дни я бродилъ по полямъ и не видѣлъ ни одной куропатки... Эти негодяи вылавливаютъ ихъ у насъ подъ носомъ!..

— Что вы хотите? не безъ лукавства замѣтила вдова. Всѣмъ надо жить.

— Не вижу въ этомъ никакой необходимости, съ яростью возразилъ Клодъ. Браконьерство преслѣдуется... Ваши друзья кончатъ тѣмъ, что окончательно опустошатъ наши лѣса... Именно объ этомъ я и думалъ, когда гулялъ сегодня въ лѣсу...

— А гдѣ вы гуляли? спросила Нанина.

— Въ Монтавуарѣ... Тамъ чудный лѣсъ... Нѣкогда онъ былъ полонъ козулями.

— Я завидую вамъ, замѣтила Нанина. Вы можете сколько угодно ходить по лѣсамъ!.. Я страшно люблю гулять въ лѣсу, но къ несчастью лишена этого удовольствія.

— Лишены?.. Почему? Монтавуаръ въ двухъ шагахъ отсюда...

— У мамы уже не тѣ ноги, что были въ молодости; я же, не смотря на то, что старая дѣва, не могу одна бродить по лѣсамъ. Здѣсь, всѣ нашли бы это неприличнымъ.

— Въ такомъ случаѣ, возьмите меня своимъ спутникомъ... Я буду счастливъ быть вашимъ проводникомъ въ лѣсахъ.

Нанина сильно покраснѣла.

— Что вы говорите!.. Все общество Сенъ-Клера подняло бы крикъ... И такъ всѣ находятъ, что у меня слишкомъ вольныя манеры. Что же это было бы, если бы меня увидѣли въ лѣсу въ обществѣ мужчины!

— Ба! беззаботно возразилъ Вальбрюанъ. Въ мои годы это совершенно безопасно... Я старый отшельникъ и не могу идти въ счетъ.

— У васъ, мой добрый Клодъ, есть манія старить себя, вмѣшалась въ разговоръ госпожа Ліенордъ. Вы не хотите признать, что сорока шестилѣтній возрастъ для мужчины есть только время полной зрѣлости... Вы—мужчина крѣпкій и полный силъ. Въ провинціи не вглядываются близко, и вы можете показаться достаточно молодымъ, чтобы дать пищу для злословія... моя дочь права.

Нанина молчала и съ нѣжною грустью смотрѣла на Клода Вальбрюана.

— Видите? со вздохомъ сказала она. Мама одного мнѣнія со мной... Дѣвушкѣ, даже когда она старая дѣва необходимо обуздывать свои фантазіи и покоряться обстоятельствамъ.

— Ну что же! необдумано замѣтилъ Клодъ.—Въ такомъ случаѣ, выходите замужъ!

На этотъ разъ, вдова бросила на Вальбрюана тоскливый взглядъ.

Нанина замѣтила это и, покачавъ головой, сказала со слегка принужденнымъ смѣхомъ:

— Во первыхъ, чтобы выйдти замужъ необходимо, чтобы было за кого выйдти, а я васъ спрашиваю, кто пожелаетъ жениться на уже зрѣлой дѣвушкѣ и притомъ безприданницѣ... А во вторыхъ, признаюсь, что я очень разборчива... Я могла бы выйдти замужъ только за человѣка, котораго люблю сама и которому нравлюсь... Впрочемъ это дѣло рѣшенное: я остаюсь старой дѣвой.

— Чортъ возьми! пробормоталъ Вальбрюанъ въ видѣ заключенія. Это пожалуй лучше всего. Бракъ всегда заключаетъ въ себѣ рискъ, а любовь—это болѣзнь отъ которой съ трудомъ излечиваются... Э! Холостая жизнь имѣетъ свои хорошія стороны...

Огонекъ, съ минуту горѣвшій въ голубыхъ глазахъ госпожи Ліенордъ, сразу угасъ, и ея губы сложились въ горькую улыбку; въ то же время, румянецъ исчезъ съ лица Нанины, и она поблѣднѣла. Но Клодъ, занятый персикомъ, который онъ тщательно чистилъ, ничего не замѣтилъ.

Между тѣмъ, Нанина при помощи Лелетты убрала со стола и все привела въ порядокъ. Она налила гостю стаканчикъ Бургонскаго, а потомъ принесла столикъ съ домино, поставила его между матерью и Вальбрюаномъ и приготовила все для игры.

Домино было любимой игрой Клода Вальбрюана, и онъ считалъ себя очень искуснымъ въ ней. Въ сущности, онъ былъ очень плохимъ игрокомъ, а когда проигрывалъ, то приходилъ въ отвратительное расположеніе духа. Поэтому, добрая госпожа Ліенордъ, зная его слабость и, боясь вспышекъ его гнѣва, всегда старалась искусно проиграть ему и при томъ такъ, чтобы онъ не замѣтилъ, что она поддается ему. Сидя за шитьемъ Нанина всегда втихомолку улыбалась, видя стараніе матери ввести своего противника въ заблужденіе и убѣдить его въ его превосходствѣ. Такъ было и на этотъ разъ. Когда въ девять съ половиной часовъ на церковной колокольнѣ прозвонили къ тушенію огней, Вальбрюанъ поставилъ послѣднюю кость и торжествующе вскричалъ: Domino!—

— Вы, дорогая моя, прибавилъ онъ, играете недурно, но въ этотъ вечеръ вы дѣлали непростительные промахи... Но вотъ прозвонилъ колоколъ, а вы знаете, что я очень рано ложусь спать. Иначе я охотно далъ бы вамъ реваншъ. Впрочемъ, я дамъ вамъ его въ слѣдующій вечеръ. Благодарю васъ за ваше гостепріимство, и позвольте пожелать вамъ спокойной ночи!

Клодъ снова поцѣловалъ концы пальцевъ вдовы, дружески пожалъ руку Нанинѣ и закурилъ сигару. Служанка съ удивленными глазами свѣтила ему до выходной двери.

Развеселенный превосходнымъ ужиномъ и побѣдой надъ своей противницей, Клодъ бодрой походкой шелъ подъ тѣнью липъ, наслаждаясь сигарой и прислушиваясь къ свѣжему рокоту Оботты. Не торопясь поднялся онъ по каменистому подъему, ведшему къ центру деревни и скоро очутился передъ калиткой своего дома. Имѣвшимся при себѣ ключемъ онъ открылъ ка-

литку и прошелъ черезъ дворъ, руководясь лучемъ свѣта, выходившемъ изъ кухни, гдѣ его служанки, Катеринета, дожидалась его, сидя за прялкой.

— Вотъ и я, сказалъ Вальбрюанъ, просовывая голову въ пріотворенную дверь. Дайте мнѣ свѣчу и помогите мнѣ снять сапоги... Я страшно хочу спать.

Служанка оставила прялку, зажгла свѣчу и стала впереди своего хозяина подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находилась спальня. Катеринетѣ было уже около пятидесяти лѣтъ. Это была еще довольно крѣпкая женщина, съ сѣдѣющей головой, покрытой черной шапочкой, съ бараньимъ лицомъ и съ добрыми, вѣчно влажными глазами. Она была некрасива, очень набожна и крайне неразвита; но эти недостатки она вполнѣ искупала своей прямотой и абсолютной преданностью. Она служила Вальбрюану около двадцати лѣтъ, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся въ Сенъ-Клеръ. Незамѣнимая по своей честности, дѣятельности и внимательному веденію хозяйства, Катеринета привязалась къ дому Вальбрюана, какъ улитка къ своей раковинѣ. Она смотрѣла на него, какъ на свой собственный, и все въ немъ держалось на ней.

Вся меблировка комнаты Клода состояла изъ желѣзной кровати, орѣховаго бюро, стола, кожаннаго кресла и четырехъ соломенныхъ стульевъ. Содержалась она въ образцовой чистотѣ, и нигдѣ не было ни пылинки. Въ качествѣ украшенія, по стѣнамъ были развѣшаны принадлежности охоты и рыбной ловли. Впрочемъ, за исключеніемъ столовой и гостиной, всѣ комнаты въ домѣ отличались полнымъ отсутствіемъ какой-бы то не было роскоши или комфорта.

Войдя въ комнату, Клодъ тотчасъ же опустился въ кресло. Катеринетта сняла съ него толстые охотничьи сапоги и подставила мягкія туфли. Затѣмъ, она вытащила изъ своего объемистаго кармана двѣ газеты и письмо. Подавая ихъ своему хозяину, она пробормотала:

— Это вечерняя почта...

Клодъ взялъ газеты; затѣмъ, осмотрѣвъ небрежно большой конвертъ, запечатанный красной печатью, онъ бросилъ его на столъ.

Катеринетта была очень любопытна. Она продолжала стоять посреди комнаты и искоса поглядывала на конвертъ.

— Га! пробормотала она.

Вы взяли газеты, а письмо не хотите распечатать, сударь?.. А, можетъ быть, это что-нибудь спѣшное!

— Милая моя, возразилъ Вальбрюанъ. Я замѣтилъ, что письма приносятъ намъ чаще безпокойство, чѣмъ радость, а такъ какъ я дорожу спокойнымъ сномъ, то принялъ за правило никогда не читать ихъ на ночь... Покойной ночи!.. Можете идти спать.

Служанка вышла. Клодъ, докуривая сигару, сталъ медленно раздѣваться. Когда онъ уже ложился въ постель, красная печать снова привлекла его вниманіе. Онъ снова взялъ письмо, взвѣ-

силъ его на рукѣ и посмотрѣлъ на адресъ и почтовый штемпель.

— Безансонъ!.. пробормоталъ онъ. Я тамъ никого не знаю... Какой діаволъ можетъ мнѣ писать изъ Безансона! Отлично! Это мы узнаемъ завтра... А на сегодня довольно!..

Клодъ закутался въ одѣяло, погасилъ свѣчу — и черезъ четверть часа уже крѣпко спалъ.

III.

Клодъ Вальбрюанъ безпробудно проспалъ до семи часовъ утра. Разбудилъ его одновременно и яркій солнечный лучъ, упавшій на его подушки и входъ Катеринеты, принесшей горячій шеколадъ.

— Чортъ возьми! — вскричалъ Клодъ. — Солнце не такъ лѣниво какъ я..., оно уже поднимается надъ лѣсомъ...

Дверь за служанкой закрылась, а въ комнатѣ распространился вкусный и ароматичный запахъ ванили.

Клодъ всталъ съ постели, потянулся и аккуратно приступилъ къ умыванью и одѣванью. Затѣмъ онъ вернулся къ своему, достаточно уже простывшему, шеколаду.

Вальбрюанъ открылъ окно, сѣлъ въ кресло у стола и медленно принялся за свой первый завтракъ, какъ вдругъ его вниманіе снова было привлечено красною печатью. Тѣмъ не менѣе, онъ не торопясь допилъ свой шеколадъ и вытеръ салфеткой губы.

— Теперь, — сказалъ онъ, — посмотримъ, что заключается въ этомъ письмѣ изъ Безансона...

Клодъ вскрылъ конвертъ. Когда онъ развертывалъ письмо, носившее бланкъ „Нуаро, нотаріусъ", къ его ногамъ упалъ конвертъ, запечатанный чернымъ сергучемъ.

Клодъ пробѣжалъ письмо нотаріуса и издалъ глухое ворчаніе.

Нотаріусъ Нуаро писалъ:

„Милостивый государь!

„Моя кліентка, Шарлотта Герель, вдова господина Женеврэ, скончалась въ Безансонѣ 25 сентября 1891 года. Въ завѣщаніи, написанномъ ею собственноручно и хранящемся въ моей конторѣ, она указываетъ на васъ, какъ на попечителя ея единственной дочери Вивіаны Женеврэ. Къ настоящему извѣщенію, прилагаю письмо. Оно адресовано вамъ и найдено въ бумагахъ покойной. Безъ сомнѣнія, въ немъ заключаются дополнительныя объясненія. Будьте любезны, познакомьтесь съ его содержаніемъ и увѣдомьте меня поскорѣй, согласны-ли вы принять на себя обязанности, которыя желаетъ возложить на васъ моя покойная кліентка."

„Имѣю честь и пр.".

Это письмо поразило и, видимо, сильно взволновало Вальбрюана. Ему тотчасъ же вспомнилось то странное совпаденіе, что вчера, въ чащѣ Монтавуара, его мысль внезапно обратилась

къ Шарлоттѣ Герель, которую какъ ему казалось, онъ уже давно забылъ. Брови его нахмурились и имъ овладѣло какое-то непріятное чувство при мысли о полученномъ имъ непріятномъ и неожиданномъ извѣстіи.

Клодъ поднялъ конвертъ съ черной печатью. Оно было адресовано ему. Внезапное волненіе овладѣло имъ, когда онъ узналъ почеркъ женщины, которую такъ горячо любилъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Нервнымъ жестомъ онъ разорвалъ конвертъ. Руки его дрожали, когда онъ вскрывалъ письмо, писанное рукой покойной.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Милостивый государь и старый другъ!"

„Я знаю, что я умру и что мои дни сочтены. Въ этотъ страшный часъ, когда я чувствую, что ухожу въ таинственный и ужасный міръ, мои послѣднія мысли, полныя горькихъ угрызеній, обращаются къ вамъ. Я была глубоко виновата передъ вами и не скрываю отъ себя, что вполнѣ заслужила ваше презрѣніе. Мое поведеніе было недостойно, но вы, можетъ быть, простите меня, когда узнаете, какъ я была наказана за свою двуличность и измѣну. Я была грѣшна кокетствомъ и гордостью. Я пренебрегла искреннею любовью, что бы сдѣлать, какъ говорятъ, „блестящую партію", и этотъ бракъ былъ для меня цѣлымъ рядомъ разочарованій и жестокихъ оскорбленій. Подъ своей обольстительной наружностью, господинъ Женеврэ тотчасъ же обнаружилъ грубаго господина, развращеннаго эгоиста съ сомнительною честностью. Безъ всякаго стыда, онъ обманывалъ меня съ презрѣнными созданіями. Я должна была юридически разойтись съ нимъ, потому что онъ могъ разстроить мое состояніе. Смерть во время унесла его, помѣшавъ ему окончательно обезчестить насъ. Отъ этого печальнаго брачнаго союза родилась дочь, моя Вивіана, которая была моимъ единственнымъ утѣшеніемъ и которой теперь пошелъ восемнадцатый годъ. Ради нея осмѣливаюсь я писать вамъ настоящее письмо. Вивіана очаровательна, и я боготворю ее. Передъ вѣчной разлукой, меня больше всего терзаетъ мысль объ этомъ ребенкѣ, совершенно незнакомомъ съ жизнью, который останется одинокимъ, безъ друзей, безъ руководителя и можетъ, какъ и я, сдѣлаться жертвой обманчивой наружности и страшно страдать за это. Въ своемъ горѣ и въ своихъ мучительныхъ терзаніяхъ я прибѣгаю къ вамъ, другъ мой. Я помню, какимъ человѣкомъ вы были двадцать лѣтъ тому назадъ: благороднымъ, великодушнымъ, добрымъ и преданнымъ. Я знаю, что такимъ же и остались. Хотя я и не имѣю правъ на любовь, которую такъ низко оскорбила и которой измѣнила, тѣмъ не менѣе я позволяю себѣ обратиться къ воспоминанію о прошломъ, въ которомъ, не смотря на все, были хорошіе часы. Тѣ далекіе годы видѣли единственныя счастливыя минуты моей юности. Невозможно, чтобы и вы сами совершенно забыли ихъ. У меня лично нѣтъ больше никого изъ родныхъ, а

семейство Женеврэ внушаетъ мнѣ только страхъ и недовѣріе. Моя бѣдная Вивіана похожа на меня, такъ что я вамъ завѣщаю часть себя самой. Вы нѣкогда любили меня; полюбите же снова меня въ ней и исполните мою просьбу. Да проснется въ глубинѣ вашей души старая дружба, какъ возродилась она во мнѣ и поддерживаетъ меня! Будьте попечителемъ и покровителемъ моей дочери до ея совершеннолѣтія. Съ матеріальной точки зрѣнія вамъ нечего бояться какихъ либо затрудненій. Состояніе моей дочери приведено въ порядокъ. Оно настолько значительно, что обезпечиваетъ ей полную независимость. Помогите Вивіанѣ благоразумно воспользоваться имъ, а позже найдите ей серьезнаго мужа, который бы любилъ ее и сдѣлалъ бы ее счастливой. Таково желаніе умирающей женщины, которая умоляетъ васъ исполнить ея просьбу и послѣдняя мысль которой будетъ о Васъ."

Шарлотта.

Какъ не былъ взволнованъ Клодъ Вальбрюанъ этимъ трогательнымъ посмертнымъ посланіемъ и этими поздними проявленіями раскаянія и нѣжности, тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ себя сбитымъ съ толку и озабоченнымъ. Холостая жизнь ожесточила его. Онъ дорожилъ своимъ покоемъ и свыкся со своей жизнью холостяка.

Прежде всего онъ возмутился.

— Чортъ возми! — проворчалъ онъ. — Это уже слишкомъ сильно!.. Эта женщина сумасшедшая!.. Ей не довольно того, что она омрачила и испортила мою молодость; она хочетъ еще смутить мой покой въ зрѣлыхъ лѣтахъ... Ей кажется, что она все исправила своими увѣреніями, что она раскаивается въ томъ злѣ, которое причинила мнѣ. Это возможно, и да смилуется надъ ней Господь! Если прежде я выказалъ себя глупымъ, какъ тыква, то теперь я уже не такъ наивенъ. Она очень самоувѣрена, воображая что сохранила надо мной свое прежнее чарующее вліяніе. Право, это слишкомъ уже дерзко!.. Очевидно, она не измѣнилась и до конца осталась все такой же легкомысленной, деспотичной ни въ чемъ не сомнѣвающейся, какой была двадцать лѣтъ тому назадъ... Ея дочь похожа на нее, пишетъ она... Ну, что же! Тѣмъ лучше!.. Подумать только, осудить мена наблюдать за кокетливой и капризной барышней, воспитанной на развлеченіяхъ, которая взбудоражитъ мою жизнь, измѣнитъ мои привычки и наполнитъ мой домъ шуршаніемъ юбокъ?.. При одной мысли объ этомъ меня бросаетъ въ дрожь... Нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ!..

Клодъ яростно сунулъ въ карманъ письма нотаріуса и Шарлотты, нахлобучилъ свою шляпу и ушелъ въ лѣсъ разсѣять свое волненіе и дурное расположеніе духа. Но свѣжій воздухъ вмѣсто того, чтобы успокоить его, только усилилъ его волненіе и сдѣлалъ его нервнымъ. Онъ упорно повторялъ:

— Я не майскій жукъ и не хочу, чтобы меня держали на привязи!..

Тѣмъ не менѣе, воспоминанія о быломъ, помимо его воли

дѣйствовали на него. Онъ видѣлъ Шарлотту Герель, въ полномъ блескѣ ея красоты, въ тѣ вечера, когда они вмѣстѣ вальсировали и когда, вся отдаваясь ему, она, съ ободряющей улыбкой, слушала слова любви, которыя онъ нашептывалъ ей. Затѣмъ, вдругъ, она представилась ему, блѣдная и неподвижная, съ закрытыми глазами, въ бѣломъ гробу. Онъ подумалъ о томъ, что она была на пять лѣтъ моложе его и все таки смерть взяла ее... И сколько другихъ спутниковъ его юности преждевременно сошло въ могилу!.. Такія меланхолическія мысли обуревали его вмѣстѣ съ запахомъ падающихъ листьевъ. Минутами, онѣ смягчали его ожесточенное сердце холостяка. Тогда, устыдясь своей нечувствительности, онъ чувствовалъ, что слабѣетъ, и, клянясь, какъ язычникъ, чтобы укрѣпиться въ своихъ намѣреніяхъ, ускорявалъ шаги подъ вліяніемъ внезапно пробудившихся колебаній. Болѣе чѣмъ когда-нибудь озабоченный, переходя отъ возмущенія къ жалости, онъ вернулся домой къ обѣду, но едва притронулся къ своимъ любимымъ кушаньямъ.

Катеринетта, увидѣвъ его нахмуренное лицо и замѣтивъ озабоченный видъ, засуетилась и пыталась ловко выспросить его.

— Вы едва притронулись къ моей уткѣ, баринъ. Не больны-ли вы?.. Или, можетъ быть, это вчерашнее письмо принесло вамъ непріятности и лишило васъ аппетита?..

Но Клодъ не былъ расположенъ вступать въ объясненія, и грубо обрѣзалъ ее.

— Ради Бога, избавьте меня отъ вашихъ глупыхъ разговоровъ,— проворчалъ онъ...—Если у меня нѣтъ аппетита, то это отъ того, что ваша утка плохо приготовлена... вотъ и все!.. Давайте же скорѣй кофэ! Мнѣ надо идти...

— Господи Іисусѣ Христѣ! Возможно-ли это?—причитала оскорбленная Катеринетта.—Я вовсе не жалѣла лимона!..

Выпивъ кипящій кофэ съ рискомъ обжечь себѣ горло, Вальбрюанъ бросилъ на столъ салфетку, нахлобучилъ на голову шляпу и, не перемѣнивъ костюма, направился къ двери.

— Простите, баринъ...—робко сказала служанка.—Ужинать вы будете дома?

— Гдѣ же вы хотите, чортъ возьми, чтобы я ужиналъ?.. Въ трактирѣ?.. Прощайте?.. Я иду въ Аббатскую...

Окончательно пораженная Катеринетта, вытаращивъ глаза, слѣдила за своимъ бариномъ. Между тѣмъ Клодъ Вальбрюанъ, большими шагами, промчался по аллеѣ „между двухъ водъ“ и позвонилъ у двери дома Ліенордовъ.

Сама вдова уѣхала въ Лангрэ за полученіемъ своего пенсіона. Дома была одна только Нанина. Сидя въ столовой у окна, она чинила салфетки. Удивленная такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, дѣвушка сильно покраснѣла, а затѣмъ обезпокоилась замѣтивъ нервное раздраженіе Вальбрюана и его хмурую фигуру.

— Боже мой!—сказала она.—Вы имѣете видъ разсерженнаго кабана... Что съ вами?

— У меня, возразилъ Клодъ, видъ человѣка, которому неожиданно свалилась на голову черепица.

— Черепица?—повторила Нанина, не слишкомъ волнуясь...— Не заболѣли-ли ваши гончія?.. Или, можетъ быть, Катеринетта взяла недѣльный отпускъ?

— Нѣтъ,—проворчалъ Вальбрюанъ.—Взволновавшее меня дѣло гораздо серьезнѣе этого.

Онъ вытащилъ изъ кармана два письма изъ Безансона, положилъ ихъ на столъ и сказалъ:

— Прочтите это!

Нанина ознакомилась съ содержаніемъ посланія нотаріуса и письма Шарлотты Герель. По мѣрѣ того, какъ она читала послѣднее, подвижное лицо ея становилось все внимательнѣй, серьезнѣй, съ оттѣнкомъ умиленія.

— Ну и что же! — сказала она взволнованнымъ голосомъ, окончивъ читать.—Это, дѣйствительно, очень серьезно. Какъ же вы думаете поступить?

— Чортъ возьми! Я очень желалъ бы отклонить это непріятное предложеніе... посягающее на мою свободу... Во всякомъ случаѣ, положеніе мое очень затруднительно... Вы—дѣвушка разсудительная, и я не прочь посовѣтоваться съ вами...

Нанина покачала головой и сказала твердымъ голосомъ, смотря прямо въ глаза своему собесѣднику:

— Господинъ Вальбрюанъ! Вы спрашиваете у меня совѣта, чтобы послѣдовать ему или, какъ большинство людей, чтобы оставить его безъ вниманія, если онъ не соглашается съ ихъ собственнымъ взглядомъ?.. Прежде всего, посовѣтовались-ли вы со своей совѣстью?

— Конечно,—мягко пробормоталъ смущенный Клодъ.

— А!.. Ну и что же она сказала вамъ?

— Она мнѣ отвѣтила, — съ раздраженіемъ вскричалъ Вальбрюанъ, — она мнѣ отвѣтила, что я слишкомъ дорого купилъ покой, которымъ наслаждаюсь въ настоящее время и что я вовсе не способенъ играть роль святаго Винцента или Бартоло .. Согласны вы со мной?

— Я?.. нисколько,—откровенно возразила Нанина.

— Какъ?—съ отчаяніемъ запротестовалъ Клодъ.—Вы хотите, чтобы я въ мои годы принялъ на себя отвѣтственность и обязался бы наблюдать и руководить въ свѣтѣ восемнадцати лѣтней дѣвушкой?

— Я поняла бы ваше колебаніе, если бы, напротивъ, вамъ было бы всего двадцать пять лѣтъ. Вотъ вы просите меня говорить откровенно, я скажу вамъ, что не допускаю со стороны человѣка зрѣлаго и разсудительнаго, человѣка, который нѣкогда питалъ глубокую привязанность къ матери... Кстати, вы, дѣйствительно сильно любили эту Шарлотту Герель?..

— Страстно, безумно... Я и по сейчасъ любилъ бы ее, если бы она сама не позаботилась разочаровать меня.

— Позвольте мнѣ усомниться въ этомъ.

— А! Скажите пожалуйста... Клянусь вамъ, я просто боготворилъ ее!

— Пусть будетъ такъ! Въ такомъ случаѣ, перенеситесь къ тому времени, когда вы боготворили ее... Если бы тогда она попросила бы у васъ аналогичной услуги, какъ поступили бы вы?

— Вашъ примѣръ вовсе не подходитъ,—возразилъ Клодъ.

— Напротивъ... предположите только, что въ то время она была бы вдовой и попросила бы васъ быть покровителемъ своей дочери; колебались ли бы вы хоть одну минуту?

— Нѣтъ, чортъ возьми! Вѣдь, я хотѣлъ жениться на Шарлоттѣ.

— И потому, что вы не женились на ней... согласно ея винѣ; потому, что вы страдали отъ этого разочарованія, вы спѣшите теперь отстраниться!.. Но вѣдь, и она страдала. Она была жестоко наказана за свою глупость; она призналась вамъ въ своемъ раскаяніи — и, вотъ, когда она, со своего смертнаго ложа проситъ у васъ послѣдней милости, вы становитесь глухи къ ея просьбѣ единственно потому, что услуга, которой отъ васъ требуютъ, должна нарушить ваши привычки!.. Признайтесь, что это не великодушно и не героично...

— Я не герой,—проборматалъ Клодъ.

— Однако, вы считаете себя добрымъ и хорошимъ человѣкомъ,—настаивала Нанина...—И такъ, по моему мнѣнію, вы хотите совершить дурной поступокъ.

— Гм!.. Какъ?.. Дурной поступокъ?

— Безъ сомнѣнія... Въ своемъ письмѣ Шарлотта Герель пишетъ вамъ, что у нея нѣтъ родныхъ, что она не довѣряетъ семейству своего покойнаго мужа и что ея дочь, оставшись сиротой, очутится среди равнодушныхъ людей, безъ друзей, которые могли бы покровительствовать ей и руководить ею?.. Вѣдь, такъ, не правда ли?

— Гмъ!.. Я думаю.

— И такъ, если вы предоставите эту восемнадцатилѣтнюю дѣвушку самой себѣ и она вступитъ на дурной путь, вы одни будете отвѣтственны за то, что можетъ случиться... Предупреждаю васъ: вы къ старости приготовите себѣ массу упрековъ.

— Чортъ возьми—вскричалъ Вальбрюанъ.

Онъ чувствовалъ себя прижатымъ къ стѣнѣ.

— Но, дорогое дитя мое, продолжалъ онъ, вы говорите все это наобумъ... Я могу оказаться очень неловкимъ попечителемъ и, можетъ быть, не сумѣю направить свою воспитанницу на настоящую дорогу... Кто можетъ поручиться, что я лучше другого исполню возлагаемую на меня обязанность?

— Я увѣрена въ этомъ... Я отлично знаю васъ: вы добросовѣстны и благородны. И съ той минуты, какъ вы примете на себя эту обязанность, вы вложите въ нее всю свою душу и доведете дѣло до конца. Осмѣльтесь только клеветать на себя и утверждать противное!

— Слѣдовательно, вы совѣтуете мнѣ отвѣтить нотаріусу, что я согласенъ принять на себя эту обязанность?

— Вы спрашивали мое мнѣніе и я откровенно высказала его вамъ... И замѣтьте,—съ легкою грустью прибавила Нанина;— моя откровенность заслуживаетъ тѣмъ большей похвалы, что мы первыя пострадаемъ отъ новаго положенія вещей... Эта воспитанница неизбѣжно поглотитъ васъ всего. Если же вы привяжетесь къ вашей воспитанницѣ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, вы окончательно забросите насъ, и наши дружескія отношенія сильно пострадаютъ.

— Полноте! — запротестовалъ сильно взволнованный Вальбрюанъ, протягивая ей руку.—Наша дружба станетъ еще прочнѣй. Напротивъ, въ случаѣ нужды, я часто буду просить васъ и вашу матушку помочь мнѣ вашей опытностью... Чортъ возьми! Я никакъ не могу представить себя въ роли воспитателя!.. Но все равно! Мое рѣшеніе принято, и я благодарю васъ, что вы такъ ясно показали мнѣ мой долгъ... Вы славная дѣвушка, и у васъ золотое сердце... Теперь, я бѣгу, чтобы сейчасъ же отвѣтить этому дьявольскому нотаріусу... Извините меня!

IV.

И ДѢЙСТВИТЕЛЬНО, Клодъ въ тотъ же день мужественно исполнилъ свое намѣреніе. Онъ написалъ Нуаро, Безансонскому нотаріусу, что принимаетъ попечительство, завѣщанное ему покойной госпожей Женеврэ.

„Сообщите мой отвѣтъ молодой дѣвушкѣ и будьте добры извѣстите меня, когда моя будущая воспитанница будетъ готова выѣхать ко мнѣ“,—писалъ Клодъ.

Окончивъ письмо, Вальбрюанъ, чтобы не передумать, самъ отнесъ его на почту. Съ покорнымъ видомъ прислушивался онъ къ шуму, съ которымъ письмо падало въ почтовый ящикъ.

Возвратясь домой, Клодъ сталъ ходить взадъ и впередъ по своему саду, обдумывая всѣ послѣдствія своего героическаго поступка. Онъ былъ очень взволнованъ и не безъ страха думалъ о перемѣнахъ, какія внесетъ все это въ его мирную жизнь. Тѣмъ не менѣе, за ужиномъ онъ ничего не сказалъ Катеринеттѣ. Въ сущности, не смотря на то, что онъ увѣрялъ, что держитъ свою прислугу въ строгомъ повиновеніи, Клодъ далеко не былъ увѣренъ, какъ приметъ она предстоящую перемѣну. Вѣрный своему обыкновенію, не портить ночь слишкомъ большими заботами, онъ отложилъ разговоръ объ этомъ до болѣе благопріятнаго времени и промолчалъ до самой ночи.

Только на слѣдующее утро, когда Катеринетта принесла въ столовую шеколадъ, Клодъ, уже одѣтый для прогулки, рѣшился, наконецъ приступить къ важному сообщенію.

— Кстати,—началъ онъ, небрежно помѣшивая ложечкой горячій шеколадъ,—я имѣю сообщить вамъ новость...

— Новость?—повторила Катеринетта, сильно заинтригованная еще со вчерашняго вечера озабоченнымъ видомъ своего хозяина.—Такъ вотъ что вчера заботило васъ... Я уже и такъ думала про себя: „Готова спорить на что угодно, что это діавольское письмо съ красной печатью надѣлало ему хлопотъ“...

— У васъ хорошій нюхъ, Катеринетта... Письмо, дѣйствительно, сильно обезпокоило меня... Оно не причинитъ намъ, надѣюсь, хлопотъ, но, конечно, внесетъ къ намъ нѣкоторую перемѣну... Скоро, моя добрая Катеринетта, нашъ домъ пополнится еще однимъ обитателемъ или, вѣрнѣй, обитательницей... Вотъ и все!

Катеринетта вытаращила глаза и сложила руки.

— Пресвятая Дѣва Марія! пробормотала она.—Ужъ не задумали-ли вы жениться, баринъ?

— Не говорите глупостей! пожимая плечами, отвѣтилъ Вальбрюанъ.—Я женюсь, я?... Да сохранитъ меня Господь отъ этого!.. Особа, которую я жду просто молодая дѣвушка, попечителемъ которой я назначенъ.

— Великій Боже!.. Молодая дѣвушка!.. А сколько ей лѣтъ, позвольте спросить?

— Восемнадцать... кажется.

— Вамъ кажется? Значитъ вы ее никогда раньше не видали?

— Никогда... Я ее совсѣмъ не знаю... Я — старый другъ ея покойной матери... Передъ смертью, она просила меня взять къ себѣ ея дочь, до ея совершеннолѣтія...

— Чужая! — пробормотала пораженная Катеринетта. — И вы сейчасъ же согласились, такъ, не подумавъ?.. Вы не боитесь взвалить себѣ на спину такую тажесть... и при томъ, такъ дорого стоющую?

— Довольно болтовни! нетерпѣливо вскричалъ Клодъ... Во первыхъ, у M-lle Женеврэ есть свое собственное состояніе, такъ что ея прибываніе здѣсь нисколько не обременитъ меня въ денежномъ отношеніи... И наконецъ, я уже далъ свое согласіе... Дѣло рѣшено безповоротно и я со дня на день жду мою воспитанницу...

— Но...

— Никакихъ „но“... Хозяинъ я здѣсь или нѣтъ?..

— Конечно, вы у себя хозяинъ въ домѣ, баринъ... однако, мнѣ кажется, что я не обижу васъ, если обращу ваше вниманіе на то, что я одна исполняю въ домѣ всѣ работы... Это уже и такъ довольно тяжело...

А спросили-ли вы себя, хватитъ ли старой Катеринетты, если еще придется прислуживать молодой дѣвушкѣ, котороя можетъ быть, окажется очень требовательной?

— Не безпокойтесь объ этомъ... Мы найдемъ здѣсь, какую-нибудь дѣвушку. Она будетъ помогать вамъ и прислуживать въ качествѣ горничной моей воспитанницѣ.

— Га! пробормотала все еще недовольная Катеринетта.—Это совсѣмъ другое дѣло... Только, если случится какая-нибудь непріятность, я умываю руки... Но позвольте сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ... Гдѣ вы думаете помѣстить вашу воспитанницу?

— Чортъ возьми! Отвѣтилъ Клодъ. — Мнѣ кажется, у насъ нѣтъ недостатка въ помѣщеніи... Въ домѣ достаточно комнатъ!

— Комнатъ—да, много, безпощадно продолжала служанка; но, баринъ, за исключеніемъ вашей, которая еще довольно хороша, остальныя же всѣ комнаты находятся въ такомъ же положеніи, въ какомъ остались послѣ смерти вашихъ бѣдныхъ родителей... Ихъ никогда не ремонтировали. Обои тамъ висятъ лохмотьями, окна не запираются, печи дымятъ... Что же касается мебели, то она уже начинаетъ разваливаться, такъ какъ была куплена еще при моей бабушкѣ!

— Ба! возразилъ Клодъ. — Все это пустяки! Мы выберемъ лучшую комнату и въ два дня сдѣлаемъ ее вполнѣ жилой... Моя воспитанница — не принцесса и конечно удовольствуется тѣмъ, что мы предложемъ ей.

— Вы такъ думаете, баринъ? Вы сказали, что эта барышня богата; кромѣ того, будучи единственной дочерью, она должна быть очень избалована. А вы воображаете, что она будетъ чувствовать себя хорошо въ вашихъ старыхъ комнатахъ, гдѣ не хватаетъ самыхъ необходимыхъ вещей?.. Ахъ! Ахъ! Ахъ!.. Какъ вы мало понимаете дѣло!

— Чортъ возьми! проворчалъ Клодъ, снова сдѣлавшійся задумчивымъ.—Вотъ такъ положеніе!—Разговоръ этотъ былъ прерванъ громкимъ звонкомъ. Катеринетта побѣжала открывать дверь и минуту спустя ввела въ столовую вдову Ліонордъ съ дочерью.

— Здравствуй, дорогой Клодъ! Съ живостью вскричала вдова, едва войдя въ комнату. Простите насъ за нашъ утренній визитъ... Мы возвращались отъ ранней обѣдни, и я не хотѣла пройдти мимо вашего дома, не поздравивъ васъ. Вчера мы весь вечеръ проговорили о васъ, такъ что у васъ должны были горѣть уши... Привявъ это попечительство, вы, мой другъ, доказали что у васъ есть сердце!

— Ахъ! Со вздохомъ произнесъ Вальбрюанъ, пожимая руки посѣтительницамъ. М-lle Нанина разсказала вамъ про эту исторію?.. Да, теперь это дѣло рѣшенное: я написалъ этому нотаріусу о своемъ согласіи... Но согласитесь, что все это тяжело и что я попалъ въ очень странную исторію... Вотъ и Катеринетта приходитъ въ ужасъ и находитъ страшныя затрудненія...

— О, баринъ! перебила его служанка... Какъ вы говорите это?.. Но посмотримъ: пусть эти дамы сами разсудятъ... Онѣ знаютъ наши комнаты во второмъ этажѣ... Спросите ихъ, годны-ли онѣ для жилья и можетъ-ли быть довольна ими городская барышня, выросшая въ богатомъ домѣ и конечно, любящая комфортъ?

— Катеринетта права, заявила Нанина.—Насколько я помню, комнаты эти страшно заброшены и очень нуждаются въ ремонтѣ. Необходимо будетъ позвать обойщиковъ.

Обойщиковъ? Запротестовалъ озадаченный Вальбрюанъ.—Но тогда весь домъ перевернется вверхъ дномъ! Вѣдь, это вызоветъ постоянную ѣзду изъ Сенъ-Клэра въ Лангръ и изъ Лангра въ Сенъ-Клэръ!.. Да и что я понимаю въ этомъ?.. Развѣ я могу знать, что понадобится этой барышнѣ?.. Что я за несчастный человѣкъ!.. Я никогда не справлюсь съ этимъ дѣломъ...

— Полно, Клодъ!.. Успокойтесь! Сказала вдова Ліенордъ, устремляя на него насмѣшливо—сочувственный взглядъ.—Разъ человѣкъ принялъ на себя извѣстную обязанность, необходимо выполнить ее, какъ слѣдуетъ... Да, наконецъ, это уже не такое трудное дѣло, и мы вамъ поможемъ въ немъ. Прежде всего, съ вашего разрѣшенія, мы осмотримъ комнаты, которыя вы предназначете для вашей воспитанницы и вмѣстѣ обсудимъ, какъ лучше приспособить ихъ для жилья молодой свѣтской дѣвушки...

Всѣ поднялись во второй этажъ и приступили къ осмотру комнатъ. Вальбрюанъ показалъ своимъ дамамъ аппартаменты, которые нѣкогда занимала его покойная мать. Помѣщеніе это состояло изъ большой комнаты въ два окна, которая сообщалась съ довольно обширной уборной. Въ отношеніи обилія воздуха и свѣта нельзя было желать ничего лушаго. Комнаты были высокія; окна были обращены на югъ и выходили въ садъ. Но почернѣвшіе и растрескавшіеся потолки, выцвѣтшіе обои и неуклюжая, изъѣденная молью мебель просто бросали въ дрожь и производили впечатлѣніе чего-то погребальнаго... Что же касается уборной, то она представляла собой четыре обнаженныя стѣны, а меблировка ея состояла изъ простого, бѣлаго деревяннаго стола.

— Бррь!.. воскликнула Нанина, когда Катеринетта открыла окна и распахнула ставни. — Сюда входишь точно въ какой-то склепъ..

— И такъ, сказалъ печально Клодъ, вы находите, что это не подходитъ?

— Вовсе нѣтъ, шутливо возразила вдова Ліонордъ. Это отличное помѣщеніе... Только надо будетъ перемѣнить обои, выкрасить панели, вынести всю эту рухлядь въ сарай, переложить каминъ, передѣлать полы обмеблировать уборную...

— Только-то! простоналъ опечаленный Вальбрюанъ, опускаясь въ кресло, которое затрещало подъ тяжестью его тѣла. — Но, вѣдь, это значитъ полный переворотъ!

— Не отчаивайтесь и, главное, не падайте заранѣе духомъ, примирительнымъ тономъ сказала Нанина. — Съ небольшимъ терпѣніемъ и доброй волей мы легко достигнемъ желаемаго. Если хотите мы завтра же вмѣстѣ поѣдемъ въ Лонгръ и переговоримъ съ добросовѣстнымъ обойщикомъ, котораго я вамъ укажу. Мы сами выберемъ матерію и мебель... Что-нибудь про-

стенькое и современное, по сходной цѣнѣ, и вы сами увидите, что у насъ все пойдетъ, какъ по маслу...

— Да будетъ такъ! вздохнулъ Вальбрюанъ, пораженный перспективой, что домъ будетъ предоставленъ рабочимъ и въ немъ цѣлыми днями будетъ раздаваться стукъ молотка.

Клоду приходилось невольно покориться обстоятельствамъ, и онъ уступилъ безъ особыхъ возраженій. На слѣдующій же день, въ обществѣ вдовы Ліенордъ и ея дочери Нанины, онъ уѣхалъ въ Лонгръ. Тамъ, онъ покорно позволилъ отвезти себя въ улицу Сенъ-Дизіенъ къ обойщику, который обѣщалъ ему все устроить въ три недѣли. Они вмѣстѣ выбрали мебель и голубой кретонъ для портьеръ. Что же касается уборной, то она должна была быть отдѣлана линолеумомъ и въ ней рѣшено было поставить ванну и столъ съ мраморной доской. Вмѣстѣ съ прекраснымъ вкусомъ Нанина соединяла рѣдкую практичность. Она приказала составить смѣту и горячо оспаривала каждый пунктъ ея, такъ что, въ концѣ концовъ, Клодъ не подвергся слишкомъ большой эксплуатаціи.

Нѣсколько дней спустя было приступлено къ работамъ. Само собой понятно, работы проходили не безъ помѣхъ и не безъ вспышекъ со стороны Вальбрюана и жалобъ Катеринетты, приходившей въ отчаяніе отъ грубости и неопрятности мастеровыхъ. Наконецъ, мало по малу все устроилось. Между тѣмъ, во время производства работъ, Клодъ получилъ извѣстіе отъ своей будущей воспитанницы. Въ очень миломъ письмѣ Вивіана Женеврэ высказывала ему, какъ она была тронута знаками нѣжной заботливости господина Вальбрюана, согласившагося позаботиться о ней до ея совершеннолѣтія. Она обѣщала ему, что употребитъ всѣ усилія, чтобы онъ не раскаялся въ своемъ добромъ дѣлѣ, разсыпалась въ выраженіяхъ своей благодарности и уваженія къ нему и просила его извѣстить ее о времени, когда ей можно будетъ пріѣхать къ нему въ Сенъ-Клэръ...

Клодъ поспѣшилъ отвѣтить ей, что въ настоящую минуту въ домѣ идетъ ремонтъ и что это одно мѣшаетъ ему пріѣхать за ней въ Безансонъ.

„Но, прибавлялъ онъ, работы по всей вѣроятности будутъ окончены черезъ двѣ недѣли. Какъ только домъ будетъ готовъ принять свою новую обитательницу, я немедленно же извѣщу васъ о своемъ выѣздѣ въ Безансонъ, если только вамъ не удастся встрѣтить случайно кого-нибудь изъ знакомыхъ, кто могъ бы проводить васъ до Лангръ. Въ такомъ случаѣ, я сталъ бы ожидать васъ въ этомъ городѣ въ назначенное вами время“...

Обойщикъ былъ аккуратенъ и окончилъ работы къ назначенному сроку. Къ третьей недѣли октября мѣсяца все было приведено въ порядокъ, и Вальбрюанъ, въ сопровожденіи Нанины, приступилъ къ осмотру комнатъ, предназначенныхъ для Вивіаны Женеврэ. Окна были раскрыты, чтобы въ комнатахъ выдохся запахъ лака, и солнечные лучи свободно проникали въ это гнѣздышко молодой дѣвушки, ярко освѣщая его гостепріимный видъ.

Для того, чтобы обѣ комнаты имѣли вполнѣ жилой и комфортабельный видъ, недоставало только нѣкоторыхъ мелочей, на которыя указала Нанина: переносной жардиньерки, хорошей рабочей лампы, экрана передъ каминомъ .и переносныхъ ширмъ для маскированія входной двери. Нанина тщательно составила списокъ всѣхъ этихъ бездѣлушекъ, и на слѣдующій день Клодъ въ послѣдній разъ поѣхалъ въ Лангръ странствовать по магазинамъ. Дѣло это оказалось гораздо сложнѣе чѣмъ онъ думалъ. Въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ рѣдко можно было сразу найдти такіе предметы, предназначенные исключительно для украшенія, такъ какъ торговцы никогда не запасаются ими заранѣе. Кромѣ того, крайне неопытный Клодъ Вальбрюанъ, предоставленный самому себѣ, очень плохо могъ объяснить, что именно ему надо, а потому его часто совершенно напрасно посылали изъ одной лавки въ другую. Почти цѣлый день провелъ онъ въ ходьбѣ по каменистымъ улицамъ, въ осматриваніи магазинныхъ выставокъ, въ присмотрѣ за упоковкой и отправкой вещей, которыя, наконецъ были найдены съ такимъ трудомъ.

Когда, разбитый и усталый, онъ направлялся обратно въ Европейскій отель, уже спускались сумерки и вечерній дилижансъ уже ушелъ. Клодъ былъ слишкомъ сильно утомленъ, чтобы идти на поиски наемнаго кабріолета. Поэтому, онъ приказалъ приготовить себѣ комнату въ отелѣ. Какъ только ужинъ кончился, Вальбрюанъ тотчасъ же ушелъ въ свой номеръ, приказавъ разбудить себя на разсвѣтѣ, чтобы имѣть возможность воспользоваться каретой, которая отправляется въ Сенъ-Клэръ, послѣ прибытія утренняго поѣзда.

Клодъ довольно быстро раздѣлся и съ удовольствіемъ вытянулъ свои усталыя ноги на довольно сносной постели. Устроившись поудобнѣй, онъ снова провѣрилъ списокъ, данный ему Наниной. Нѣтъ, онъ ничего не забылъ... Клодъ очень и очень похвалилъ себя за искусство, съ какимъ велъ свои дѣла и съ какимъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, выполнилъ такое трудное дѣло. Теперь все было готово къ пріему этой воспитанницы, свалившейся ему съ облака. Чортъ возьми! Она будетъ очень требовательна, если не останется довольной гнѣздышкомъ, которое онъ такъ старательно приготовилъ ей въ своемъ домѣ!.. Онъ все сдѣлалъ по княжески! Съ присущей ему способностью все скоро забывать, Клодъ едва вспоминалъ дѣятельную помощь, оказанную ему Наниной, и, приписывая себѣ одному всю заслугу по устройству комнатъ, втихомолку поздравлялъ себя съ удачнымъ выполненіемъ начатаго дѣла... Очень довольный собой, онъ погасилъ свѣчу, вздохнулъ съ облегченіемъ—и крѣпко заснулъ.

V.

Клоду Вальбрюану снилось, что онъ уже вернулся домой и что его домъ снова полонъ раздражающимъ стукомъ молотковъ. Болѣе настойчивый стукъ заставилъ его привскочить на кровати. На этотъ разъ, очевидно, энергично стучали въ его дверь.

— А?.. Что такое случилось?... спросилъ еще не вполнѣ проснувшійся Клодъ.

— Господинъ Вальбрюанъ, отвѣтилъ голосъ коррридорнаго. Уже шесть часовъ... Карета въ Сенъ-Клэръ отправляется черезъ полчаса.

Клодъ вспомнилъ, наконецъ, что онъ ночуетъ въ отелѣ. Проворчавъ какое-то проклятіе, онъ зажегъ свѣчу и шумно сталъ одѣваться. Когда онъ спустился внизъ выпить чашку кофэ, начало уже свѣтать. На дворѣ слышался стукъ лошадиныхъ подковъ о каменныя плиты и нетерпѣливое побрякиваніе бубенчиковъ,

— Господинъ Вальбрюанъ! Мы только васъ одного и ждемъ, крикнулъ кондукторъ Бернардъ.

Клодъ поспѣшно вскочилъ въ кузовъ древняго дилижанса. При слабомъ свѣтѣ начинающагося дня, онъ едва замѣтилъ смутно вырисовывавшуюся женскую фигуру, сильно закутанную, съ капюшономъ на головѣ, которая забилась въ противоположный уголъ кареты.

Взобравшись на козлы, Бернардъ подобралъ возжи и хлестнулъ обѣихъ лошадей кнутомъ.

Послѣдовалъ сильный толчекъ, а затѣмъ, съ дребезжаніемъ стеколъ и скрипомъ колесъ, дилижансъ направился къ городскимъ воротамъ. Вальбрюанъ забился въ уголъ, рѣшилъ вознаградить потерянное время и немного вздремнуть.

Убаюкиваемый покачиваніемъ экипажа, онъ закрылъ глаза и, раскачивая головой, сталъ мало по малу впадать въ дремоту. Проспалъ онъ около часа. Когда онъ проснулся, они уже миновали Сенъ-Жеормъ и начали спускаться къ Пьерфонтэну. Утренній сумрокъ разсѣевался; всходило солнцѣ. Вдали, на горизонтѣ, виднѣлась темная опушка лѣса, еще подернутая туманомъ; стая воронъ летала надъ обнаженною залежью. Косые солнечные лучи проникали въ пыльный кузовъ экипажа, гдѣ царила тяжелая атмосфэра, пропитанная непріятнымъ запахомъ мятой соломы. Клодъ отпустилъ стекло, чтобы освѣжить воздухъ. Порывъ вѣтра заставилъ его окончательно очнутся отъ сна. Онъ зѣвнулъ, потянулся и только тогда замѣтилъ, что онъ не одинъ въ отдѣленіи.

Изъ глубины противоположнаго угла за проснувшимся Клодомъ наблюдали два любопытныхъ, немного насмѣшливыхъ глазъ,

Удивленный Вальбрюанъ протеръ глаза, чтобы убѣдиться что онъ не жертва пріятнаго сна.

Смѣющіеся глаза принадлежали молодой особѣ, сбросившей съ себя плащъ съ капюшономъ. Особа эта оказалась очень свѣжей блондинкой въ черномъ платьѣ. Она сняла шляпу, которую повѣсила надъ своей головой, и падающій солнечный лучъ придавалъ ея золотистымъ волосамъ видъ какого-то ореола. Съ перваго же взгляда Клодъ константировалъ, что путешественница средняго роста, хорошо сложена съ нѣжными чертами лица съ тонкимъ и довольно большимъ носомъ. Повидимому, она уже давно наблюдаетъ за спящимъ пассажиромъ, такъ какъ въ глазахъ ея свѣтилось лукавство, а на губахъ играло насмѣшливое выраженіе.

Клодъ понялъ, что эту улыбку вызвалъ онъ.

— Спящій человѣкъ всегда смѣшонъ, подумалъ онъ, а я еще, къ тому же имѣю дурную привычку храпѣть...

Виноватъ, сударыня! пробормоталъ онъ, кланяясь своей дорожной спутницѣ.—Когда я влѣзъ въ этотъ ящикъ, было такъ темно, что я вообразилъ, что я здѣсь одинъ, и позволилъ себѣ немного вздремнуть.—Затѣмъ, онъ прибавилъ съ немного смущеннымъ видомъ:—Я сплю довольно шумно... Держу пари, что я храпѣлъ во снѣ?..

— Не могу вамъ сказать, съ тою же улыбкой, отвѣтила его спутница.—Я сама только что проснулась.

— Гмъ! подумалъ Вальбрюанъ.—Она хочетъ увѣрить меня, что не наблюдала за мной... Но все ровно, я ей не вѣрю. Ея глаза и губы опровергаютъ ея вѣжливое увѣреніе... Но гдѣ, чортъ возьми, видѣлъ я эти глаза и эту улыбку въ одно и то же время ласковую и насмѣшливую?...

Внезапное воспоминаніе сразу разсѣяло туманъ, еще царившій въ его умѣ. Клодъ заволновался въ своемъ углу и сталъ внимательнѣй вглядываться въ свою спутницу. Та, выпрямившись во весь свой стройный ростъ, поправляла рукой выбившіеся локоны. Тогда Вальбрюанъ обратилъ вниманіе на ея черное платье и на необыкновенную свѣжесть ея лица.

— Нѣтъ, глаза меня не обманываютъ, продолжалъ онъ разсуждать. Положительно, между этой путешественницей и... Шарлоттой Герель... существуетъ странное сходство... И затѣмъ, молодость этой дѣвушки, ея траурный костюмъ... Чортъ возьми! Вотъ было бы любопытно, если бы, самъ того не подозрѣвая, я неожиданно встрѣтился бы съ моей воспитанницей!.. Попробуемъ какъ-нибудь похитрѣй выяснить это дѣло...

Клодъ уже приготовилъ вступительный вопросъ, какъ вдругъ его спутница заговорила сама, приглаживая карманной гребенкой свои волосы.

— Да, сказала она, слегка пѣвучимъ голосомъ, серебристый тэмбръ котораго поразилъ Вальбрюана, я заснула подъ грохотъ колесъ... Впрочемъ, это самое лучшее, что можно сдѣлать, проѣзжая по такой монотонной и скучной дорогѣ, какъ эти...

— Въ первый разъ здѣсь проѣзжаете, мадемуазель... или мадамъ? спросилъ Клодъ.

— Я дѣвушка, отвѣтила молодая путешественница.

Затѣмъ, послѣ непродолжительнаго молчанія, она прибавила:

— Да, я въ первый разъ проѣзжаю по этой странѣ, и увѣряю васъ, что она вовсе мнѣ не нравится... Наши окрестности Безансона много интереснѣй и живописнѣй.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія! подумалъ сильно взволнованный Вальбрюанъ. Это—дочь Шарлотты...

Затѣмъ, онъ уже громко продолжалъ:

— Я съ вами согласенъ: наше плато Лонгръ имѣетъ очень угрюмый видъ... Но потерпите еще немного; сейчасъ пейзажъ перемѣнится. У насъ тоже есть живописные лѣсные виды, и вы скоро будете любоваться ими, если вы ѣдете до Сенъ-Клэра...

— Я ѣду именно въ Сенъ-Клэръ.

— Правда?.. Вы ѣдете навѣстить друзей или родныхъ?

— Нѣтъ, я тамъ никого не знаю... Но тамъ живетъ мой попечитель, у котораго я буду жить.

Воцарилось молчаніе, Вальбрюанъ подумалъ про себя:

— Вотъ прекрасный случай изучить характеръ моей воспитанницы, сохраняя собственное инкогнито до самого мѣста назначенія...

— Простите меня, робко спросила молодая женщина, поднимая свои чудные глаза на своего случайнаго собесѣдника.— Вы сами изъ Сенъ-Клэра?

— Я тамъ провожу большую часть года.

— Въ такомъ случаѣ, вы должны знать хоть по имени одного стараго господина по имени Вальбрюана?

— Отлично его знаю; это мой сосѣдъ, пробормоталъ Клодъ, который не могъ удержаться отъ гримасы, слыша, что его называютъ „старымъ господиномъ.—Вальбрюанъ! Ужъ не онъ ли тотъ попечитель, о которомъ вы говорили?

— Да, онъ...

Потомъ, молодая дѣвушка какъ бы поспѣшила объясниться:

— Я его никогда не видала. Но онъ старый другъ нашего семейства, и моя бѣдная мама, умирая, просила его позаботиться обо мнѣ до моего совершеннолѣтія.

— Меня удивляетъ только одно: какъ это Вальбрюанъ вмѣсто того, чтобы пріѣхать за вами, позволилъ вамъ ѣхать совершенно одной въ ваши годы, такъ какъ вы повидимому еще очень молоды?

— Мнѣ скоро исполнится восемнадцать лѣтъ.

— Развѣ вашъ попечитель не былъ предупрежденъ о вашемъ отъѣздѣ?

— Нѣтъ, не былъ... Онъ предлагалъ пріѣхать за мной въ Безансонъ; но—молодая дѣвушка разсмѣялась—перечитывая его письмо, я поняла что такое перемѣщеніе не очень то ему нравится... Я рѣшила избавить его отъ скучной поѣздки и, вос-

пользовавшись случаемъ, отправилась въ путь съ одной дамой, которая ѣхала въ Шомонъ и довезла меня до станціи Лангръ.

Вальбрюанъ закусилъ губы и задумался. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ былъ выведенъ изъ своей задумчивости новымъ вопросомъ:

— Что за человѣкъ господинъ Вальбрюанъ?

— Очень любезный человѣкъ, отвѣтилъ Клодъ, едва сдержавъ улыбку.—Онъ оригиналъ, немного дикарь, но много выигрываетъ при ближайшемъ знакомствѣ...

— Отлично!.. Я вижу его отсюда... Конечно, онъ вовсе не свѣтскій человѣкъ?

— Кажется, раньше онъ былъ вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ... Теперь же онъ страстный любитель бродить по лѣсамъ... А вы любите охоту?

— Право не знаю... Я никогда не охотилась... Тѣмъ не менѣе, я думаю, что этотъ родъ спорта мнѣ понравится.

— Что вамъ понравится? спросилъ Вальбрюанъ, непонимавшій смысла этого моднаго слова, которое молодая дѣвушка произносила на англійскій ладъ.

— Спортъ... Это англійское слово, означающее забаву, развлеченіе.

— А!.. презрительно пробормоталъ Клодъ.—Отлично! Этой забавой вы можете у насъ развлекаться сколько вамъ будетъ угодно. Сенъ-Клэръ на три лье кругомъ окруженъ лѣсами полными дичи... Постойте! Вы сейчасъ сами убѣдитесь въ этомъ, такъ какъ мы въѣзжаемъ въ лѣсъ.

Проселочная дорога, пересѣкши каменистую равнину, носящую названіе „Плато Лангъ", круто свернула по направленію къ лѣсу. Отъ самой опушки; на сколько хваталъ глазъ, виднѣлись кудрявыя вершины деревьевъ, уже освѣщенныя яркими солнечными лучами. Лѣсъ пестрѣлъ, благодаря поздней осени, желтыми и красноватыми листьями. Направо и налѣво группы буковъ раскидывали свои таинственные своды. Воздухъ сдѣлался свѣжей и былъ пропитанъ осеннимъ ароматомъ опавшихъ листьевъ.

— Ну что? Красиво, не правда ли? съ жаромъ вскричалъ Клодъ Вальбрюанъ.

Лѣсъ всегда приводилъ его въ лирическое настроеніе. Онъ указалъ рукой вдаль.

— Тамъ, въ самой глубинѣ находится Сенъ-Клэръ...

— Боже мой!—вздохнула не особенно восхищенная молодая дѣвушка. Да, вѣдь это настоящая яма, затерявшаяся въ лѣсу!

— Именно это и придаетъ особую прелесть нашему мѣстечку, возразилъ Клодъ. Тамъ люди живутъ очень спокойно, спрятанныя, какъ птицы въ гнѣздѣ зелени.

— Или, насмѣшливо перебила его спутница, какъ утки, облѣпленныя, тѣстомъ Амiена... Есть-ли, по крайней мѣрѣ, въ этомъ мѣстечкѣ какое-нибудь приличное общество?

— Конечно... у насъ есть нѣсколько семействъ, которыя,

время отъ времени, собираются съ благотворительною цѣлью или на пикники въ лѣсу. Зимой устраиваются охотничьи обѣды, составляются партіи въ мушку; иногда даже танцуютъ на свадьбахъ... только у насъ очень мало невѣстъ, а женихи крайне рѣдки.

— Понимаю. Въ этой прекрасной странѣ, дѣвушки достигаютъ зрѣлаго возраста и высыхаютъ, какъ тростникъ у болота... Нечего сказать: весело у васъ!

— Положительно, эта дѣвушка очень легкомысленна, подумалъ Клодъ. Очень—жаль! Она просто обворожительна, хотя немного и непочтительна.

— Вы ошибаетесь!—возразилъ онъ громко, немного затронутый словами молодой дѣвушки. — Въ этомъ мѣстечкѣ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, есть очень пріятные люди... Вотъ попечитель, какъ говорятъ, находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ двумя прекрасными женщинами,—госпожами Ліенордъ. Всѣ относятся къ нимъ съ большимъ почтеніемъ и очень цѣнятъ въ нихъ ихъ доброе сердце. Безъ сомнѣнія, онѣ составятъ для васъ пріятное общество.

— Да?.. А сколько лѣтъ этимъ прелестнымъ дамамъ?

— Матери уже за пятьдесятъ; что же касается ея дочери мадемуазель Нанины...

— А!—У васъ есть и мадемуазель Ліенордъ, перебила его молодая путешественница. Это должно быть одна изъ тѣхъ пожилыхъ дѣвушекъ, о которыхъ мы только что говорили и которымъ суждено остаться старыми дѣвами?

— Нанина Ліенордъ, съ живостью запротестовалъ Вальбрюанъ, вовсе не пожилая дѣвушка! Ей еще всего двадцать восемь лѣтъ, но на видъ ей нельзя ихъ дать... у нея все молодо: и умъ, и сердце и лицо!

— О! О!—насмѣшливо замѣтила молодая дѣвушка. Но въ такомъ случаѣ, эта барышня настоящее совершенство!

— Никто не совершенъ, оживленно отвѣтилъ Клодъ, котораго начали раздражать эти насмѣшки. — И это къ лучшему, такъ какъ совершенство, если бы оно существовало, было бы очень скучно!.. Но вернемся къ Нанинѣ Ліенордъ. У нея къ счастью есть недостатки, но недостатки милые, которые только рѣзче выдѣляютъ ея превосходныя качества.

— Однимъ словомъ, это настоящая жемчужина! Я буду въ восторгѣ познакомиться съ ней...

Въ восторгѣ?.. Трудно было повѣрить этому, глядя на ея тонкія, нахмуренныя брови и слыша въ ея голосѣ ѣдкую насмѣшку. Напротивъ, казалось она была разочарована, узнавъ, что она встрѣтитъ среди интимныхъ знакомыхъ своего попечителя молодую, умную и привлекательную молодую особу. Это было замѣтно по ея недовольной минѣ и омрачившемуся взгляду. Наступило натянутое молчаніе. Дѣвушка выражала свое нетерпѣніе тѣмъ, что нервно постукивала каблукомъ по полу экипажа.

— Эти лошади тащатся точно черепахи! — сквозь зубы пробормотала она. Пріѣдемъ-ли мы когда нибудь въ эту деревушку Сенъ-Клэръ.

— Мы теперь недалеко отъ него, флегматично замѣтилъ ея спутникъ.

И дѣйствительно, дилижансъ, оставивъ влѣво дорогу въ Вэвэ, сталъ подниматься по склону, господствовавшему подъ не широкой рѣкой, извивавшейся по цвѣтущему лугу. Немного дальше, съ правой и съ лѣвой стороны показались бѣлые, новенькіе домики подъ красными крышами. Лошади, чувствуя близость конюшни, прибавили шагу. Скоро, минуя первыя жилища, наши путники въѣхали въ улицу, обрамленную низенькими хижинами, и дилижансъ остановился передъ дверью кабака.

— Вотъ и Сенъ-Клэръ,—весело объявилъ Вальбрюанъ.

— Наконецъ то! — со вздохомъ сказала молодая дѣвушка, оканчивая причесываться и надѣвая свой плащъ.

Клодъ открылъ дверцу, ловко спрыгнулъ на землю и помогъ своей спутницѣ выйдти изъ экипажа.

— Благодарю васъ! — А далеко отсюда живетъ господинъ Вальбрюанъ?

— Въ нѣсколькихъ шагахъ... Если вы позволите, я покажу вамъ его домъ... Бернардъ!—крикнулъ онъ кондуктору.—Возьмите багажъ барышни и, какъ можно скорѣй, доставьте его ко мнѣ...

— Будьте покойны!—отвѣтилъ Бернордъ. — Самое большее черезъ четверть часа онъ будетъ у васъ, господинъ Вальбрюанъ!

Молодая дѣвушка была поражена и покраснѣла до самыхъ ушей.

— Господинъ Вальбрюанъ? -- повторила она.—Такъ это вы Клодъ Вальбрюанъ?

— Да, дитя мое, съ лукавой улыбкой признавался Клодъ... Вы видите, что вашъ попечитель вовсе не такъ старъ, какъ вы воображали... Простите мнѣ, что я такъ долго хранилъ инкогнито...

— Это предательство,—пробормотала сконфуженная дѣвушка. Вы должны были составить обо мнѣ самое плохое мнѣніе!

— Нисколько... Я люблю цѣльные и открытые характеры... А теперь, когда представленіе кончено—добро пожаловать, моя дорогая воспитанница, въ мой домъ!

VI.

Сударыни!—сказалъ Вальбрюанъ, входя въ столовую своихъ друзей въ Аббатской улицѣ: — Я привелъ къ вамъ свою воспитанницу, Вивіану Женеврэ... Я хотѣлъ, чтобъ ея первый визитъ былъ къ вамъ... Дорогое дитя мое, продолжалъ онъ, беря молодую дѣвушку за руку, позвольте мнѣ представить вамъ моихъ лучшихъ друзей M-me и M-elle Ліенордъ.

Это происходило на слѣдующій же день по пріѣздѣ Вивіаны. Послѣдняя, нисколько не оробѣвъ, сдѣлала изящный, модный въ то время реверансъ. Госпожа Ліенордъ отвѣтила на это сердечнымъ поцѣлуемъ, и Нанина подала руку вновь прибывшей. Клодъ былъ очень оживленъ и въ краткихъ словахъ передавалъ, какъ онъ встрѣтилъ свою воспитанницу въ дилижансѣ Бернарда.

Пока онъ разсказывалъ, Вивіана Женеврэ, сидя рядомъ съ вдовой, быстрымъ взглядомъ осматривала столовую.

Блѣдное октябрьское солнце слабо освѣщало орѣховый буфетъ, оленьи головы, охотничье оружіе и старыя гравюры въ черныхъ деревянныхъ рамахъ. Загадочная улыбка скользила на ея губахъ, когда она изъ подтишка вглядывалась въ подробности этой скромной обстановки, которая такъ гармонировала съ очень простыми костюмами хозяекъ дома.

— Послѣ такого утомительнаго путешествія, замѣтила госпожа Ліенордъ, вы должны себя чувствовать не совсѣмъ хорошо. И затѣмъ вы пріѣхали въ Сенъ-Клэръ въ самое неблагопріятное время... Но если зима у насъ и сурова, то за все вознаграждаетъ весна... Вы сами увидите это, когда наши лѣса одѣнутся въ лѣтнюю зелень... Наша сторона далеко не такъ не гостепріимна, какъ кажется въ настоящую минуту.

— Я чувствую, — вѣжливо возразила Вивіана, что я очень скоро привыкну къ своему новому мѣстопребыванію.

— Вы уже ознакомились съ домомъ вашего попечителя? Довольны вы своимъ помѣщеніемъ?—спросила Нанина.

— Я была бы крайне разборчива, если бы не была довольна!. Мой попечитель приготовилъ для меня прелестное и очень комфортабельное гнѣздышко.

— Оно вамъ нравится?—вскричалъ польщенный Клодъ.—Тѣмъ лучше! Я въ восторгѣ, что мнѣ удалось все устроить по вашему вкусу... Ахъ! Это было не такъ-то легко!.. Здѣсь не все можно достать, что хочешь, а мастеровые лѣнивы и неловки. Не разъ приходилось мнѣ ссориться съ ними и ѣздить въ Лангръ торопить поставщиковъ... Но, все то хорошо, что хорошо кончается. Но самое главное то, что мнѣ удалось устроить для васъ приличное помѣщеніе. Онъ совершенно позабылъ объ инициативѣ и дѣятельной помощи вдовы и ея дочери и искренно вообразилъ, что это онъ самъ, по собственному вдохновенію, все скомбинировалъ и выполнилъ. Нанина не могла удержаться отъ смѣха,

при видѣ такого недостатка памяти и такого наивнаго пристрастія къ себѣ.

— Мой попечитель, подтвердила съ легкой ироніей Вивіана, прекрасный организаторъ... Онъ обладаетъ даромъ угадыванія и съумѣлъ предвидѣть всѣ тѣ мелочи, о которыхъ способна подумать одна только женщина.

— О! — скромно возразилъ Клодъ, Вы преувеличиваете... Я, напротивъ, боюсь, что что-нибудь забылъ. Но теперь, когда вы здѣсь, дорогое мое дитя, скажите мнѣ, если вы замѣтили какое нибудь упущеніе... Я весь къ вашимъ услугамъ.

— Правда?.. Вы позволяете мнѣ сдѣлать одно небольшое замѣчаніе?

— Я умоляю васъ сказать откровенно, чего, по вашему мнѣнію, не достаетъ?

— Піано.

— Піано!..—чортъ возьми! Это справедливо!

Затѣмъ, онъ обратился къ Нанинѣ и вскричалъ съ упрекомъ:

— Какъ вы не напомнили мнѣ объ этомъ?

Нанина громко расхохоталась.

— Что дѣлать?—отвѣтила она. Какъ-бы ни былъ одаренъ человѣкъ организаторскими способностями, онъ никогда не можетъ всего предусмотрѣть.

— Ба!—сказала Вивіана.—Эту забывчивость очень легко исправить, и я сама сдѣлаю это какъ только мы будемъ въ Лонгрѣ... А вы сами музыкантша, мадемуазель Ліенордъ?

Увы! нѣтъ... Нѣкогда я немного играла; но съ того времени у меня было такъ много самыхъ прозаическихъ занятій, что я совершенно позабыла даже то, что знала... Это обстоятельство и было причиной того, что я позабыла напомнить объ инструментѣ господину Вальбрюану... А между тѣмъ, я очень люблю музыку и буду очень рада послушать васъ.

— Можетъ быть, вы разочаруетесь! Я играю только серьезныя вещи... Какую музыку вы любите: классическую или современную?

— Боже мой! Я слишкомъ большая невѣжда, чтобы отвѣтить вамъ на это категорически, объявила Нанина... Для меня существуютъ только два рода музыки: одна, которая чаруетъ и волнуетъ меня, и другая, которая наводитъ скуку.

На губахъ Вивіаны появилась презрительная улыбка.

— Часто свѣтскіе люди считаютъ скучной ту музыку, которую трудно понять... Многіе не посвященные предпочитаютъ романсъ симфоніи.

— Я не свѣтская и тѣмъ болѣе не „посвященная“, отвѣтила Нанина, лукаво подчеркивая послѣднее слово. Я не стою ни на чьей сторонѣ, но съ большимъ удовольствіемъ слушаю сонату Моцарта, такъ же какъ и простую деревенскую пѣсню... Развѣ роль музыки, прежде всего, не въ томъ, чтобы говорить сердцу?

— Это немного элементарная теорія.

— Говорите прямо: немного деревенская. Я угадываю, что

у васъ на языкѣ... Но что дѣлать? Я до мозга костей деревенская жительница!

Вопросы и отвѣты слѣдовали съ все болѣе и болѣе задорной живостью. Они перекрещивались, какъ рапиры, правда, вѣжливо прикрытыя предохранительными шариками, но удары которыхъ, тѣмъ не менѣе, иногда оставляли слѣды царапинъ. Уже теперь были замѣтны полное отсутствіе симпатіи и глухая зарождающая вражда между этими двумя женскими натурами, столкнувшимися въ первый разъ. Клодъ Вальбрюанъ, мирно бесѣдовавшій съ вдовой Ліенордъ и, вообще, не отличавшійся наблюдательностью, ничего не замѣчалъ. Но болѣе проницательная вдова сразу замѣтила по интонаціи Нанины, что этотъ разговоръ о музыкѣ идетъ не безъ досаднаго диссонанса и, чтобы снова возстановить согласіе, поспѣшила перемѣнить тему разговора. Она, матерински, осторожно стала разспрашивать Вивіану Женеврэ о горестномъ событіи, предшествовавшемъ ея отъѣзду въ Сенъ-Клэръ. Вдова искренно жалѣла, что ее, еще такую молодую, поразило такое страшное горе, которое можетъ излечить одно время.

— Мы всѣ, со вздохомъ сказала госпожа Ліенордъ, будемъ стараться облегчить вамъ ваше горе, и вы здѣсь найдете однихъ только друзей... Необходимо, прибавила она, обращаясь къ Клоду, подумать о развлеченіяхъ для нея...

— Я уже думалъ объ этомъ, возразилъ тотъ, и явился къ вамъ именно съ цѣлью пригласить васъ обѣихъ обѣдать завтра у меня въ обществѣ моей воспитанницы и моихъ сосѣдей: мэра и нотаріуса. Мы вмѣстѣ съѣдимъ жиго изъ козы, Ожонскую форель и пару куропатокъ, начиненныхъ бургундскими трюфелями... Надѣюсь, что Катеринетта постарается, и мы проведемъ вмѣстѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ.

Убѣдившись, что дамы приняли его приглашеніе, Клодъ простился съ ними и вмѣстѣ съ Вивіаной весело направился домой по аллеѣ, между двухъ водъ.

— Ну что? спросилъ онъ Вивіану.—Вотъ вы и познакомились съ моими друзьями! Не правда ли, онѣ отличаются необыкновенной добротой и сердечностью?

— Да, уклончиво пробормотала Вивіана, онѣ очень привѣтливыя особы.

Такая неопредѣленная оцѣнка вовсе не указывала на ту горячность, которой ожидалъ Вальбрюанъ

— Скажите откровенно, настаивалъ онъ, какъ находите вы ихъ?

— Такими, какъ вы говорили: очень граціозными... Только грація ихъ немного отсталая, онѣ и ихъ меблировка.

— Вы слишкомъ поверхностно судите о нихъ, проворчалъ разочарованный Клодъ; но вы перемѣните свое мнѣніе о нихъ, когда ближе познакомитесь съ ними. Мать—это золотое сердце.

— Дѣйствительно, она повидимому, отличная женщина.

— А Нанина?.. Вѣдь, я не преувеличивалъ, когда хвалилъ ея природный, самобытный умъ?

— О! Очень самобытный... Можно сказать... дикій.

— Дикость имѣетъ свои хорошія стороны... Прежде всего она не банальна... Нанина думаетъ не такъ, какъ всѣ и имѣетъ мужество откровенно высказывать свое мнѣніе.

— Да, да... Она—оригиналка, и любитъ выставлять это на видъ. Не смотря на всю свою настойчивость, Вальбрюанъ ничего не могъ добиться отъ своей воспитанницы, кромѣ этого довольно загадочнаго комплимента, и долженъ былъ удоволствоваться этимъ.

На слѣдующій день, какъ только стало смеркаться, обѣ Ліенордъ первыя явились къ Вальбрюану. Катеринетта торжественно ввела ихъ въ гостинную, гдѣ Клодъ и его воспитанница ожидали гостей у ярко пылавшаго камина.

— Мы пришли къ вамъ пораньше на тотъ случай, что, можетъ быть, мы можемъ быть вамъ чѣмъ-нибудь полезными. Но я вижу, что вы и безъ нашей помощи все прекрасно устроили.

Вивіана старалась, какъ можно лучше разыгрывать роль хозяйки дома.

Свѣчи въ двухъ канделябрахъ и двѣ лампы ярко освѣщали немного мрачную комнату, оклееную старинными обоями съ цвѣтными узорами. Съ креселъ временъ Людовика XVI, обитыхъ утрахтскимъ бархатомъ, были сняты чахлы, и они были уютно разставлены передъ громаднымъ каминомъ. Колеблющійся свѣтъ пылающаго въ каминѣ огня причудливо освѣщалъ фамильные портреты, развѣшенные по стѣнамъ и хрустальные подвѣски люстры, свѣшивавшейся съ потолка. Чтобы оживить видъ гостинной и скрасить ея наготу. молодая дѣвушка разставила тамъ и сямъ букеты зелени и цвѣтовъ. На мраморныхъ консоляхъ и на каминѣ стояли въ глиняныхъ вазахъ хризантемы всѣхъ оттѣнковъ, артистически обложенные мохомъ. Сама Вивіана, не смотря на свой недавній трауръ, не могла удержаться отъ искушенія и заткнула за поясъ своего чернаго платья большой букетъ осеннихъ фіалокъ.

Эти цвѣты, такъ гармонировавшіе съ чернымъ костюмомъ и бѣлокурыми вьющимися волосами молодой дѣвушки, шокировали Нанину, какъ недостатокъ такта, и усилили ея предубѣжденіе. Она нахмурила брови и отвернулась. Вивіана уловила этотъ знакъ неодобренія, но презрительно сдѣлала видъ, что не замѣтила его. Она приняла обѣихъ дамъ со сдержанной вѣжливостью и безъ малѣйшей сердечности. Поэтому, не смотря на всѣ усилія Вальбрюана оживить разговоръ, въ гостинной царила нѣкоторая холодность до прибытія двухъ другихъ приглашенныхъ: нотаріуса Палезо и Пердризэ, мэра Сенъ—Клэра.

Клодъ съ большимъ достоинствомъ приступилъ къ церемоніи представленія. Палезо, жизнерадостный и говорливый бургундецъ, оказался очень непринужденнымъ въ обращеніи и любезнымъ съ дамами. Очень оживленный и подвижной, не смотря на на-

чинающуюся толщину, съ постоянно улыбающимся ртомъ, онъ очаровывалъ собесѣдницъ своею вкрадчивою говорливостью; но подъ этой кажущейся откровенностью, онъ скрывалъ хитрый умъ, что по временамъ выдавалъ блескъ его маленькихъ, черныхъ глазъ. Мэръ Пердризэ, высокій, сухой и чисто выбритый представлялъ полную противоположность съ нотаріусомъ. Отвислыя, надутыя губы, осторожный, и, въ то же время, льстивый взглядъ и мяукающій, жалобный голосъ придавали ему видъ смиренника. Свою карьеру онъ началъ содержателемъ гостинницы подъ вывѣской „Золотая Роза“, а затѣмъ разбогатѣлъ торговлей зерномъ. Хотя началу его богатству положилъ трактиръ, но онъ не любилъ, когда ему напоминали объ этомъ. Одѣтый въ широкій рединготъ, съ чернымъ галстухомъ на шеѣ, рисуясь достоинствомъ исполненныхъ имъ муниципалитарныхъ функцій, онъ всегда старался держаться хорошаго общества и охотился только въ обществѣ мѣстной знати.

Не успѣли гости обмѣняться нѣсколькими банальными фразами, какъ Катеринетта доложила, что супъ поданъ. Вальбрюанъ предложилъ руку госпожѣ Ліенордъ, мэръ повелъ Накину, нотаріусъ съ воспитанницей заключалъ шествіе. Всѣ сѣли за столъ и приступили къ супу, который граціозно разливала Вивіана Женеврэ. Насколько молодая дѣвушка до сихъ поръ сохраняла холодную и сдержанную вѣжливость, настолько же она оживилась, очутившись между двумя мужчинами. Отъ соприкосновенія съ сосѣдями мужскаго пола ея инстинкты кокетства расцвѣли такъ же, какъ фіалки ея корсажа. Вивіана, видимо, старалась понравиться гостямъ. Ея вниманіе и ласковыя манеры развеселили даже угрюмаго Пердризэ. Хорошая кухня Катеринетты и старыя вина изъ погреба Вальбрюана, еще болѣе увеличили хорошее расположеніе духа гостей и выставили во всей силѣ чарующую грацію Вивіаны такъ что за вторымъ блюдомъ нотаріусъ, поднявъ стаканъ, предложилъ выпить за здоровье очаровательной воспитанницы господина Вальбрюана. Клодъ, гордый успѣхомъ Вивіаны, отвѣтилъ тостомъ за здоровье сына нотаріуса, который оканчивалъ въ Парижѣ курсъ юридическихъ наукъ.

— Ренэ готовитъ диссертацію, объявилъ нотаріусъ Палезо.— Послѣ защиты ея онъ вернется къ намъ. Я буду счастливъ, сударыня, представить его вамъ... Ренэ—солидный молодой человѣкъ, прекрасное ружье. Впрочемъ, вы сами увидите это, когда отправитесь съ нами въ лѣсъ. Надѣюсь, намъ удастся сдѣлать изъ васъ хорошаго охотника! Не такъ-ли, Вальбрюанъ?

— Я сама очень желаю этого, поспѣшила весело отвѣтить Вивіана. Если мой попечитель согласится дать мнѣ нѣсколько уроковъ, я пройду прекрасную школу... Оживленіе удвоилось. Разошлись довольно поздно, когда колоколъ уже прозвонилъ къ тушенію огней. Пока Вивіана при помощи Катеринетты приводила въ комнатахъ все въ порядокъ, Вальбрюанъ и нотаріусъ провожали дамъ до Аббатской улицы.

Подъ липами аллеи „между двухъ водъ“, Клодъ, ведшій подъ руку Нанину, внезапно спросилъ ее.

— Ну что?... Что вы думаете о моей воспитанницѣ?... Признайтесь, что она отлично исполняла обязанность хозяйки дома?... Она много вложила въ нихъ граціи, хорошаго настроенія и веселости!..

— Даже слишкомъ много, по моему, ввиду ея недавняго траура, коротко возразила Нанина.

— Полно, полно... Нельзя вѣчно плакать, особенно въ ея года... Вы не справедливы къ ней, и останетесь однѣ при такомъ мнѣніи... Мэръ и нотаріусъ просто очарованы ею!

— Еще бы! Она достаточно флиртовала съ господиномъ Палезо, съ бѣднымъ мэромъ и съ вами!... У этой дѣвушки кокетство въ крови. Поэтому, она очаровала васъ всѣхъ!..

VII.

НАНИНА Ліенордъ говорила правду. Вивіана Женеврэ была „горовница“. Она наслѣдовала отъ матери и, можетъ быть, отъ цѣлаго рода отдаленныхъ предковъ тотъ таинственный даръ нравиться и то искусство кокетства, которыми такъ легко покоряются мужчины, какъ молодые, такъ и старые. Вивіана отлично знала силу своей чарующей граціи и рѣшила испытать ее на обитателяхъ Сенъ-Клэра, хотя бы только для того, чтобы облегчить скуку, которую она должна испытывать въ этомъ глухомъ мѣстечкѣ. Вполнѣ естественно, что Клодъ Вальбрюанъ былъ избранъ первымъ для этого опыта. Вмѣсто шестидесятилѣтняго, ворчливаго старика, какимъ молодая дѣвушка представляла себѣ своего попечителя, Клодъ оказался сорока пятилѣтнимъ, отлично сохранившимся мужчиной. Онъ вполнѣ сохранилъ веселость, живость и силу второй молодости; даже его дикость и рѣзкость его манеръ придавали ему какую то пикантную оригинальность. Клодъ и Вивіана жили подъ одной кровлей, сходились ежедневно за обѣдомъ и ужиномъ и проводили вмѣстѣ вечера. Эти ежедневныя сношенія давали Вивіанѣ тысячи случаевъ испытать на Вальбрюанѣ силу своихъ чаръ, а Клода дѣлали еще чувствительнѣй къ женскому обольщенію.

Альфредъ Мюссэ гдѣ то замѣтилъ, что нѣтъ ничего опаснѣй, красивой сосѣдки: „Если бы даже она была некрасивой, прибавлялъ онъ, то и тогда я недовѣрчиво относился бы къ ней, такъ какъ, въ силу постоянныхъ, частыхъ сношеній, рано или поздно насталъ бы день, когда я нашелъ бы ее красивой“. Вивіана же не была некрасива, а обладала привлекательной красотой юности; Клодъ же, хотя и былъ вооруженъ своими собственными воспоминаніями противъ женскихъ обольщеній, любилъ чувствовать себя окруженнымъ предупредительнымъ вниманіемъ. На душѣ Клода лежала тяжесть того обстоятельства, что забылъ пріо-

брѣсть рояль. Поэтому, онъ счелъ своимъ долгомъ, на слѣдующей же недѣлѣ, отправиться вмѣстѣ со своей воспитанницей въ Лангрэ, чтобъ она могла выбрать инструментъ по своему вкусу. Чтобы получить прощеніе и лучше загладить свою небрежность, Клодъ воспользовался случаемъ и поднесъ Вивіанѣ изящное ружье. Онъ устроилъ въ саду тиръ и сталъ учить молодую дѣвушку обращаться съ ружьемъ. Когда она пріобрѣла достаточную опытность, онъ увелъ ее на опушку лѣса, чтобы она попробовала свое искусство на дроздахъ.

Между тѣмъ, прибыла рояль и Вивіана, въ тотъ же вечеръ, обновила его для своего попечителя. Послѣ обѣда, когда Клодъ, раскинувшись въ креслѣ у пылающаго камина, маленькими глотками пилъ коньякъ, молодая дѣвушка сѣла къ инструменту и съиграла прелюдію къ Лоэнгрину. Она ждала громкихъ похвалъ; но ей пришлось разочароваться, такъ какъ ея слишкомъ серьезная музыка только усыпила слушателя. Внезапно водворившаяся тишина разбудила Клода.

— Благодарю васъ, дорогое дитя мое! — пробормоталъ онъ, протирая глаза, вы прекрасно играете, но только такая музыка не для меня... Видите ли, я понимаю только танцы и охотничьи сигналы... Если вы хотите доставить мнѣ удовольствіе, съиграйте мнѣ хорошій, пѣвучій вальсъ въ родѣ тѣхъ, какіе игралъ нашъ полковой оркестръ въ дни моей молодости!

Вивіана была сообразительна и умна. Пожалѣвъ въ душѣ буржуазные вкусы своего попечителя, она тотчасъ же поняла, какого рода музыка должна нравиться этому „филистимлянину“. Молодая дѣвушка вспомнила любимые вальсы своей матери, относившіеся ко времени лучшихъ годовъ второй Имперіи. Сѣвъ снова къ инструменту, она съиграла на память „Потопъ“, „Розита“, „Il Bacio“...

Окончательно проснувшійся Вальбрюанъ мѣрно покачивалъ головой и отбивалъ тактъ ногой. На губахъ его играла немного меланхоличная улыбка. Казалось, онъ помолодѣлъ на двадцать лѣтъ.

— Браво!—сказалъ онъ Вивіанѣ, когда та опустилась на колѣни на коверъ передъ каминомъ и протянула къ огню свои похолодѣвшія руки, такъ какъ каминъ плохо согрѣвалъ большую комнату. — Вотъ музыка, которая очень мнѣ нравится... Я совсѣмъ помолодѣлъ, и мнѣ кажется, что я перенесся къ тому времени, когда еще вальсировалъ въ салонахъ Нанси!

Молодая дѣвушка подняла на него свои большіе глаза и обдала его ласкающимъ взглядомъ.

— Я счастлива, что мнѣ удалось доставить вамъ удовольствіе,—пробормотала она.

Клодъ молча любовался мягкими линіями ея гибкой таліи, чуднымъ контуромъ бюста и плечъ, молочно-бѣлымъ оттѣнкомъ шеи и бѣлокурыми локонами.

— Удивительно,— вздохнулъ онъ,— какъ вы бываете похожи минутами на свою мать!

— Мнѣ многіе говорили это... А вы хорошо знали мою бѣдную маму?

— Очень хорошо... до ея замужества.

— Вы, должно быть, были однимъ изъ ея лучшихъ друзей, такъ какъ она довѣрила меня вамъ?

— Она была очаровательна, и я питалъ къ ней глубокую привязанность.

— Если я такъ похожа на нее, какъ вы говорите, — продолжала Вивіана чарующимъ голосомъ, — я надѣюсь, что вы перенесете часть этой привязанности на меня, и я тоже сдѣлаюсь вашимъ маленькимъ другомъ...

Все еще стоя на колѣняхъ, молодая дѣвушка приблизилась къ Вальбрюану, такъ что почти касалась его локтемъ.

— Конечно, мое дорогое дитя, — съ волненіемъ отвѣтилъ Клодъ. — Прошу васъ, не стойте такъ на колѣняхъ!

Въ сильномъ волненіи Клодъ всталъ съ кресла. Онъ схватилъ руки своей воспитанницы и заставилъ ее встать на ноги.

— Прощайте! — прибавилъ онъ. — Теперь уже поздно... Ваша музыка заставила меня измѣнить моимъ привычкамъ... Я полагаю, что время ложиться спать... Спокойной ночи, дорогая!

— И вамъ такъ же!

Съ этими словами молодая дѣвушка кокетливо подставила свой лобъ для поцѣлуя.

Хотя Вальбрюанъ и легъ позже обыкновеннаго, онъ спалъ очень безпокойно. Во снѣ ему постоянно являлась очаровательная фигура Вивіаны Женеврэ. На слѣдующее утро, когда онъ проснулся, ему снова представились въ воображеніи ласковые глаза Вивіаны. Они свѣтили ему такъ же ярко и горячо, какъ солнечные лучи. Не смотря на дурно проведенную ночь, онъ весело всталъ съ постели и приступилъ къ своему туалету, напѣвая охотничью пѣсеньку.

Надъ лѣсомъ стоялъ туманъ, но это мало безпокоило Вальбрюана. Онъ думалъ только объ удовольствіи снова очутиться въ обществѣ Вивіаны и радовался присутствію въ его домѣ этой обольстительной дѣвушки.

Съ того вечера, какъ впервые былъ испробованъ рояль, между воспитанницей и попечителемъ установилась болѣе интимная фамильярность. Отъ соприкосновенія съ этой цвѣтущей юностью, Клодъ помолодѣлъ, и Вивіана, гордая такой перемѣной, виновницей, которою была она сама, продолжала флиртовать съ этимъ суровымъ охотникомъ, который въ ея обществѣ становился свѣтскимъ человѣкомъ. Движимая спачала исключительно демономъ кокетства, овладѣвшимъ ею, она продолжала свое дѣло отчасти отъ бездѣлья, а больше потому, что угадала любовь Нанины Ліонордъ къ Клоду Вальбрюану. Какъ истая дочь Евы, она была не прочь вытѣснить образъ Нанины изъ сердца Вальбрюана и съ этою цѣлью пускала въ ходъ всѣ обольщенія. Прежде всего, она добилась того, что ея попечитель, незамѣтно для самого себя, сталъ предпочитать вечера, проводимые имъ у до-

машняго очага, тѣмъ, которые онъ имѣлъ обыкновеніе посвящать семейству Ліенордовъ; затѣмъ, не смотря на холода, молодая дѣвушка стала мужественно сопровождать Клода въ его прогулкахъ по лѣсу, причемъ дѣлала видъ, что очень интересуется лѣсными нравами, и охотничьими разсказами своего спутника.

Въ декабрѣ, туманы смѣнилъ снѣгъ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, онъ безпрерывно падалъ и покрывалъ поля и лѣса своимъ бѣлымъ покровомъ. Морозъ скрѣпилъ толстый слой снѣга и сдѣлалъ дороги непроѣзжими. Пришлось цѣлыя недѣли сидѣть дома. Это вынужденное заточеніе, естественно, только усилило установившуюся интимность между молодой дѣвушкой и Вальбрюаномъ. Интимность эта даже становилась нѣжнѣй по мѣрѣ того, какъ зимніе дни становились хуже. Клодъ уже не находилъ больше, что время тянется слишкомъ долго и думалъ искать развлеченій внѣ дома. Только изрѣдка соглашался онъ прервать такую жизнь домосѣда нѣсколькими визитами въ Аббатскую улицу или обѣдами, на которые приглашались семейства Ліенордовъ, мэръ и нотаріусъ. Все остальное время проводилъ онъ по семейному въ своей гостинной съ Вивіаной Женеврэ, которая всячески старалась развлекать его.

Молодая дѣвушка пѣла старинные романсы, бывшіе въ модѣ во время молодости Вальбрюана. Затѣмъ они играли въ домино, и Клодъ, мѣшая кости, испытывалъ глухое наслажденіе отъ прикосновенія къ пальцамъ своей воспитанницы. Обѣдъ и ужинъ проходили очень весело. Приведенный въ хорошее настроеніе избраннымъ мэню и льстивымъ вниманіемъ своей визави, Клодъ нарочно старался возбуждать оживленіе Вивіаны, заставляя ее выпить нѣсколько глотковъ стараго бургундскаго вина. Вечеромъ, послѣ того, какъ колоколъ прозвонитъ къ тушенію огней, Вивіана граціознымъ жестомъ подставляла лобъ своему попечителю. Тотъ обнималъ гибкую талію своей воспитанницы и цѣловалъ ее почти въ глаза, причемъ въ этихъ поцѣлуяхъ было очень мало отеческаго.

Клодъ достигъ того опаснаго періода зрѣлости, когда осенніе туманы по временамъ освѣщаются обманчивымъ свѣтомъ ложной весны. Чувствуя приближеніе старости, люди испытываютъ горькое сожалѣніе объ отлетѣвшихъ чудныхъ годахъ и страстное желаніе хоть на минуту еще удержать ихъ. Они стараются сами себя обмануть обманчивыми иллюзіями. Такъ, когда въ чудные октябрьскіе дни случайно начинаетъ порхать по послѣднимъ цвѣтамъ цвѣтника поздняя бабочка, намъ кажется, что мы снова присутствуемъ при отлетѣ нашей собственной юности и стараемся схватить ея за концы крыльевъ; но мимолетное явленіе скользитъ у насъ между руками и исчезаетъ, оставивъ, увы! на нашихъ пальцахъ только немного поблекшей пыли. Вивіана будучи дѣвушкой не по лѣтамъ наблюдательной, подмѣтила у своего попечителя эти смутныя чувства сожалѣнія и желаній. Она угадывала внезапное пробужденіе сердца, которое уснуло въ одиночествѣ холостой жизни, но которое стремилось еще

усиленно биться. Молодая дѣвушка сознавала магическую силу своей красоты, и забавлялась, испытывая до какой глубины она можетъ взволновать эту, такъ долго спавшую воду. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, она достигла весьма замѣтныхъ спѣховъ. Вальбрюанъ, прежде такой эгоистичный, независимый и настойчивый въ своихъ вкусахъ, сдѣлался податливымъ и послушнымъ, какъ ивовая вѣтка. Безъ всякаго противорѣчія онъ повиновался капризной волѣ восемнадцатилѣтней феи, которая управляла имъ мановеніемъ своего волшебнаго жезла и которая, въ качествѣ феи, заставляла его исполнять обязанности, менѣе всего подходившія къ мужественнымъ привычкамъ охотника. Однажды, Нанина Ліенордъ, удивленная долгимъ отсутствіемъ Вальбрюана, желая узнать, что съ нимъ, неожиданно явилась сама къ нему. Она застала Клода стоявшимъ на колѣняхъ на подушкѣ передъ своей воспитанницей. На вытянутыхъ рукахъ онъ держалъ мотокъ шелка, который разматывала улыбающаяся Вивіана. Нанина, видавшая нѣсколько мифологическихъ картинъ, чуть не вскрикнула:

— Геркулесъ у ногъ Омеролы!.. Однако, она удовольствовалась одной улыбкой и саркастически пробормотала:

— Не безпокойтесь!.. Группа очень хороша... Такъ и хочется ее сфотографировать...

Вивіана замѣтила ироническую улыбку Нанины. Она поспѣшно схватила мотокъ шелка, бросила его вмѣстѣ съ клубкомъ въ рабочую корзинку и сухо отвѣтила:

— Вы явились слишкомъ поздно: группа измѣняетъ позу.

Вивіана сдѣлала реверансъ, повернулась на каблукахъ и съ шумомъ вышла изъ комнаты.

Когда дверь за ней захлопнулась, Вальбрюанъ поднялся, не безъ труда, на ноги и пробормоталъ:

— Она ушла... Вы смутили ее вашими насмѣшками...

— Вы думаете?.. Въ такомъ случаѣ, я жалѣю, что вошла сюда безъ доклада... Вы такъ долго не были у насъ, что я пришла справиться о вашемъ здоровьѣ и, въ то же время, пригласить васъ завтра къ намъ обѣдать... если только ваши важныя занятія не помѣшаютъ вамъ и согласится М-llе Женеврэ.

— Не будьте такъ злы, недовольнымъ тономъ отвѣтилъ Клодъ. Будьте немного милостивѣй къ этому ребенку.

— Я и такъ очень милостива... Развѣ не я посовѣтовала вамъ взять ее къ себѣ, причемъ прибавила, что мой совѣтъ тѣмъ болѣе достоинъ похвалы, что мы первыя потерпимъ отъ новаго положенія дѣла?... Мои предчувствія оправдались, такъ какъ вы стали пренебрегать нами! закончила, качая головой, Нанина.

— Что дѣлать? пробормоталъ Клодъ.—Когда я принималъ на себя обязанности попечителя, я и не подозрѣвалъ, какія перемѣны внесутъ онѣ въ мою жизнь. Но, все-таки, не надо сердиться на Вивіану, которая является совершенно невинной причиной этого.

— Оставьте меня въ покоѣ съ невинностью вашей Вивіаны!— нетерпѣливо отвѣтила Нанина. Она употребляетъ всѣ усилія

чтобы удалить васъ отъ насъ... Но я бы простила ей, что она овладѣла вами, если бы она не играла въ дурную игру, жертвой которой вы неизбѣжно будете.

— Какую игру? спросилъ краснѣя Клодъ.—Объяснитесь!

— Я понимаю, въ какую?.. Не заставляйте меня говорить больше... Можемъ мы разсчитывать завтра на васъ... и, понятно, на M-lle Женеврэ?

— Я съ удовольствіемъ принимаю ваше приглашеніе... Тѣмъ не менѣе, позвольте мнѣ посовѣтоваться съ моей воспитанницей.

— Это справедливое желаніе. Но, не сердитесь... До завтра, не правда ли?

Но на слѣдующій день, у Вивіаны была мигрень, и Вальбрюанъ отправился одинъ въ Аббатскую улицу извиниться передъ Ліенордами.

VIII.

ВОЗРАСТАВШАЯ съ каждымъ днемъ привязанность Клода къ своей воспитанницѣ, заставляла его находить необычную прелесть въ его домосѣдствѣ. Въ обществѣ Вивіаны онъ забывалъ свои вкусы къ бродяжничеству по лѣсамъ, и хитрая дѣвушка забавлялась такимъ чудеснымъ превращеніемъ, которое она приписывала исключительно своему вліянію. Благодаря этому имъ обоимъ зима не показалась слишкомъ продолжительной.

Послѣ февральскихъ вихрей и мартовскихъ ливней появились первые признаки весны. Желтые цвѣты запестрѣли на сѣрыхъ лѣстныхъ опушкахъ; въ воздухѣ раздались крики дроздовъ. Скоро, въ блѣдной апрѣльской лазури, пасхальные колокола радостно возвѣстили увеличеніе дня и прилетъ малиновокъ и соловьевъ. Они возвѣстили такъ же прибытіе въ Сенъ-Клэръ рѣдкой птицы. Молодой Ренэ Палезо, сынъ нотарірса, получившій наконецъ степень кандидата, вернулся на Святой недѣлѣ подъ отцовскую кровлю. Его прибытіе на родину, красота и успѣхи на юридическомъ факультетѣ служили неистощимой тэмой для розговоровъ мѣстныхъ обывателей. Вивіана узнала объ этомъ событіи отъ Катеринетты, и была удивлена, что Вальбрюанъ ни слова не сказалъ объ этомъ. Клодъ, нѣкогда пившій за здоровье будущаго кандидата и воспѣвавшій ему хвалебные гимны, теперь осторожно умалчивалъ о немъ и, повидимому, нисколько не торопился представить юношу своей воспитанницѣ. И дѣйствительно, Вальбрюанъ съ тѣхъ поръ какъ почувствовалъ себя помолодѣвшимъ и переродившимся отъ присутствія въ его домѣ Вивіаны, сдѣлался страшно подозрительнымъ. Онъ эгоистически наслаждался одинъ обществомъ Вивіаны Женеврэ и нисколько не заботился ввести волченка въ свою овчарню. Конечно, Клодъ не могъ не знать, что молодые люди неизбѣжно должны встрѣ-

титься; но онъ употреблялъ всевозможныя предосторожности, чтобы какъ можно дольше отсрочить эту встрѣчу. Теплое весеннее солнце, приводящее въ движеніе жизненные соки и наливающее почки, дѣйствовало такъ же и на сердце Клода. Въ немъ волновались смутныя желанія, надежды и ревнивое недовѣріе.

Въ восточныхъ провинціяхъ въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля начинается тяга бекасовъ. Эти птицы, которыхъ такъ высоко цѣнятъ охотники и гурманы, задерживаются въ концѣ зимы въ нашихъ лѣсосѣкахъ, прежде чѣмъ улетѣть въ Юрскія или Совойскія горы, гдѣ онѣ гнѣздятся все лѣто. Онѣ держатся у теплыхъ источниковъ и болотъ, откуда достаютъ своимъ длиннымъ клювомъ червячковъ. Этимъ они занимаются утромъ на разсвѣтѣ и вечеромъ съ поступленіемъ сумерекъ; днемъ же онѣ прячутся въ самой густой чащѣ. Поэтому, на бекасовъ охотятся преимущественно въ сумерки, когда они оставляютъ чащу и улетаютъ къ болоту. При полетахъ туда и обратно, бекасы пересѣкаютъ съ шумомъ лѣсныя просѣки. Эти то часы охотники и выбираютъ, какъ наиболѣе удобные для охоты.

Въ качествѣ гурмана, Клодъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этого короткаго сезона тяги, и, конечно не преминулъ посвятить этому спорту большую часть вечеровъ.

Однажды вечеромъ, Клодъ Вальбрюанъ сказалъ Вивіанѣ:

Меня извѣстили о прилетѣ бекасовъ. Если вы желаете, мы пойдемъ сегодня вечеромъ поохотиться на нихъ въ Виль-Кловинъ. Это будетъ вашимъ дебютомъ. Вы сами увидите, какъ это весело!...

Вивіана Женеврэ охотно приняла приглашеніе. Она заказала себѣ въ Лангрѣ охотничій костюмъ и съ нетерпѣніемъ ждала времени, когда его можно будетъ обновить. Послѣ полудня молодая дѣвушка дѣятельно занялась своимъ туалетомъ. Около пяти часовъ, Вальбрюанъ позвалъ свою собаку, Пандора,—и попечитель съ воспитанницей, легкимъ шагомъ, стали подниматься по каменистой дорогѣ, ведшей къ лѣсу Виль-Кловина. Утромъ шелъ дождь, и атмосфера была еще влажна. Но воздухъ былъ теплый; дрозды свистали и распустившіяся почки зеленой пылью покрывали лѣсосѣку.

Клодъ жадно вдыхалъ воздухъ, насыщенный лѣснымъ ароматомъ. Въ немъ проснулись его инстинкты охотника.

— Какая чудная погода, сказалъ онъ.—Любители бекасовъ не преминутъ воспользоваться имъ. Нотаріусъ уже ушелъ на тягу со своимъ сыномъ.

— Развѣ Ренэ Палезо въ Сенъ-Клерѣ? съ притворнымъ удивленіемъ спросила Вивіана.

Вальбрюанъ закусилъ губы.

— Да, признался онъ.—Онъ пріѣхалъ наканунѣ Пасхи.

А!... А вы мнѣ ничего не сказали объ этомъ.

— Правда?... Я должно быть забылъ... Впрочемъ, я ждалъ его визита къ намъ, но онъ еще не удостоилъ насъ имъ... Нынѣшніе

молодые люди, повидимому, пренебрегаютъ самыми простыми приличiями.

Вивiана бросила изподтишка на своего попечителя подозрительный взглядъ. Ей казалось, что въ замѣшательствѣ своего попечителя скрывается враждебное расположенiе къ встрѣчѣ съ молодымъ Палезо. Не отвѣтивъ ни слова, молодая дѣвушка ускорила шаги съ видомъ надувшагося ребенка. Клодъ смотрѣлъ какъ она шла впереди него и восхищался ея грацiозной походкой. Съ ружьемъ на плечѣ, въ шерстяной блузѣ и въ короткой сборчатой юбкѣ, въ фетровой шляпѣ съ перомъ цапли, Вивiана бодро шла по срединѣ дороги. При красноватомъ освѣщенiи спускавшихся сумерокъ, ея стройный и гибкiй силуэтъ рѣзко вырисовывался на зеленоватомъ фонѣ лѣсосѣки. Съ юношескимъ восхищенiемъ слѣдилъ за ней взглядомъ Вальбрюанъ, и его сердце наполнялось мягкой нѣжностью.

Скоро они увидѣли лѣсъ Монтшерандъ. Въ центрѣ, на зеленомъ холмѣ, среди цвѣтущихъ вишень, виднѣлась ферма Виль-Кловинъ.

Клодъ и его воспитанница спустились по каменистому скату къ самому берегу, гдѣ Оботта, покрытая цвѣтущими желтыми ирисами, огибаетъ подножiе холма и исчезаетъ въ лѣсной чащѣ. Тамъ и сямъ виднѣлись торфяные луга, лужайки, окруженныя березами и низкорослыми дубами и болота, поросшiя камышомъ. Вальбрюанъ, дойдя до одной просѣки, внимательно осмотрѣлъ землю и нашелъ на ней слѣды бѣлаго помета.

— Мы у цѣли, прошепталъ онъ...

Это чудное мѣсто для тяги... Станьте къ дереву и смотрите внимательно... дичь не замедлитъ явиться... Не шевелитесь! Я же стану метровъ на сто дальше... Я полагаю, вы не боитесь?

— Успокойтесь!... Нисколько! отвѣтила Вивiана.—Я не трусиха.

Молодая дѣвушка прислонилась къ осинѣ и молча смотрѣла, какъ Клодъ удалялся осторожными шагами по просѣкѣ и, наконецъ, исчезъ въ лѣсной чащѣ.

Оставшись одна, Вивiана стала добросовѣстно исполнять инструкцiи своего попечителя. Она внимательно прислушивалась и вглядывалась въ вершины деревьевъ. Ни малѣйшаго трепетанiя крыльевъ. Вечерняя тишина нарушалась только журчанiемъ Оботты и пѣнiемъ соловья во фруктовомъ саду фермы. Время отъ времени, вдали раздавался выстрѣлъ, и тогда соловей умолкалъ; но, затѣмъ, послѣ небольшой паузы, онъ снова принимался за свою серенаду. Въ такомъ ожиданiи прошло четверть часа, показавшiеся молодой дѣвушкѣ безконечными. Но вотъ на горизонтѣ, со стороны лѣса, показался сильный свѣтъ. Среди обрывковъ тучъ, появилась почти полная луна. Мало по малу, луна прояснилась, и ея серебрянные лучи пронизали туманъ, носившiйся надъ лѣсными ручьями.

Вивiана простояла неподвижно еще съ минуту, любуясь волшебнымъ восходомъ луны. Но явленiя природы не надолго при-

ковали къ себѣ ея вниманіе. Не видя никакой дичи, Вивіана скоро соскучилась тщетнымъ ожиданіемъ и окончательно потеряла терпѣніе. Когда въ глубинѣ просѣки, гдѣ долженъ былъ находиться Вальбрюанъ, раздались два выстрѣла, у молодой дѣвушки явилось желаніе присоединиться къ счастливому стрѣлку.

Ему везетъ больше, чѣмъ мнѣ, подумала она, и, увлекшись охотой, онъ безъ сомнѣнія позабылъ про свою воспитанницу...

Безъ малѣйшаго колебанія, Вивіана оставила мѣсто, на которое поставилъ ее Клодъ. Но, не зная топографіи лѣса Поль-Кловинъ, неспособная оріентироваться и введенная въ заблужденіе перекликавшимися вдали голосами, она забрала слишкомъ слишкомъ влѣво. Молодая дѣвушка вообразила, что Вальбрюанъ, по всей вѣроятности встрѣтился съ нотаріусомъ Палезо. Подъ вліяніемъ этого предположенія, желая въ этотъ же вечеръ завязать знакомство съ молодымъ адвокатомъ, возвращеніе котораго хотѣли отъ нея скрыть, молодая дѣвушка рѣшительно направилась по одной изъ просѣкъ. Къ концѣ концевъ, она убѣдилась, что ошиблась въ направленіи. Тогда Вивіана быстро повернула обратно, пошла по порѣчной тропинкѣ—и очутилась въ самой гущѣ лѣса. Увидя, что она заблудилась, молодая дѣвушка испугалась, остановилась и стала кричать. Но отъ страха голосъ ея до такой степени ослабѣлъ, что ее никто не могъ услышать. Одинъ крикъ филина отвѣчалъ ей изъ глубины чащи, и этотъ зловѣщій крикъ, похожій на жалобный плачъ ребенка, только удвоивалъ ея волненія.

Не смѣя шевельнуться, со сдавленнымъ сердцемъ, Вивіана уже считала себя осужденной ночевать въ лѣсу и готова была расплакаться. Вдругъ она услышала вдали трескъ ломающихся сучьевъ и шумъ твердыхъ, мѣрныхъ шаговъ. Сначало это открытіе только отчасти успокоило ее, и она со страхомъ спрашивала себя не придется-ли ей имѣть дѣло съ какимъ-нибудь опаснымъ лѣснымъ бродягой?... Однако, проходившій вдали человѣкъ вовсе не казался страшнымъ, такъ какъ въ ту же минуту онъ сталъ напѣвать веселую деревенскую пѣсеньку.

Голосъ былъ звученъ, чистъ и довольно пріятенъ. Деревенская мелодія, разносившаяся ночью по лѣсу, имѣла въ себѣ что-то ободряющее. Мало по малу, голосъ все приближался и дѣлался яснѣй.

Вивіана рѣшилась перебить пѣвца и робко крикнула.

Гопъ! отвѣтилъ незнакомецъ.

Вотъ и я!

Въ тоже время вѣтви кустовъ раздвинулись, и Вивіана, при свѣтѣ луны, увидѣла невдалекѣ отъ себя молодаго охотника, высокаго, хорошо сложеннаго, съ блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ темною вьющеюся бородой. По одному изящному виду незнакомца молодая дѣвушка догадалась, что передъ ней сынъ нотаріуса, и лицо ея прояснилось. Что же касается охотника,

то онъ былъ удивленъ, неожиданно увидѣвъ передъ собой изящную женскую фигуру, и вѣжливо поклонился Вивіанѣ.

— Это вы звали, сударыня? Спросилъ онъ.

— Да, я... Простите меня... Я заблудилась, желая присоединиться къ господину Вальбрюану, моему попечителю.

А! Вы — воспитанница господина Вальбрюана?... Въ такомъ случаѣ, позвольте и мнѣ представиться вамъ: Ренэ Палезо, сынъ друга вашего попечителя. Я весь къ вашимъ услугамъ.

Молодой человѣкъ снова вѣжливо приподнялъ свою шляпу. Вивіана замѣтила красивое лицо охотника, его высокій, умный лобъ и блестѣвшіе при лунномъ свѣтѣ глаза.

— Я счастливъ, что такъ во время встрѣтился съ вами, такъ какъ вы какъ разъ удаляетесь отъ лѣсной дороги... Впрочемъ, она отсюда всего въ пяти стахъ метрахъ, но человѣку, не привыкшему къ нашимъ лѣсамъ, не такъ-то легко найдти ее. По всей вѣроятности, вы въ первый разъ еще попали въ чащу Поль-Кловина?

— Да, съ улыбкой призналась Вивіана.—Нѣсколько минутъ тому назадъ я чувствовала себя очень нехорошо... Здѣсь такъ много топей!

— Да, тропинки здѣсь очень плохи, особенно послѣ зимы... Если вы позволите, я пойду впередъ и буду указывать вамъ дорогу.

— Буду очень вамъ благодарна, пробормотала молодая дѣвушка, пропуская его впередъ и послушно слѣдуя за нимъ.

Чтобы сократить путь, Ренэ направился по едва замѣтной тропинкѣ. Время отъ времени, онъ придерживалъ рукой гибкія вѣтви и оборачивался назадъ, чтобы дать нѣкоторыя указанія Вивіанѣ, которая вознаграждала его за это благодарными взглядами.

— И такъ, думала молодая женщина, вотъ онъ, знаменитый Ренэ Палезо, красавецъ Сенъ-Клэра!... Онъ дѣйствительно очень любезенъ, и я понимаю, отчего мой добрый попечитель ревнуетъ его.

Молодая дѣвушка не могла удержать лукавой улыбки при мысли о предупрежденіяхъ и безполезныхъ предосторожностяхъ Вальбрюана, Со своей стороны, молодой Палезо, обернувшись два, три раза, думалъ про себя:

—Эта воспитанница очень красива!.. Какъ жаль, что дорога такъ близка... Впрочемъ, можетъ быть, мнѣ удастся проводить эту красавицу до деревни...

Между тѣмъ, они дошли до оврага, гдѣ протекалъ ручей. Ренэ ловко перепрыгнулъ черезъ него, нашелъ камень и бросилъ его въ воду.

— Поставьте ногу на этотъ камень,—объяснилъ онъ,—и дайте мнѣ вашу руку.

Вивіана повиновалась и тоже перепрыгнула на другой берегъ при помощи твердой руки, пожатіе которой показалось ей очень нѣжнымъ.

— Такъ..,—продолжалъ проводникъ молодой женщины—Теперь мы сейчасъ выйдемъ на дорогу, и вамъ уже нечего будетъ больше безпокоиться.

— О!—отвѣтила Вивіана съ очаровательной улыбкой.—Теперь я нисколько не безпокоюсь.

— Но вашъ попечитель долженъ немного безпокоиться,—замѣтилъ ея спутникъ.

— Ба!—внутренно возразила молодая дѣвушка.—О немъ я мало забочусь. Онъ знаетъ лѣсъ, какъ свои пять пальцевъ и найдетъ насъ на дорогѣ...

Она взяла предложенную Ренэ руку, и они стали медленно подниматься по склону.

— Что касается меня,—любезно заявилъ сынъ нотаріуса,—то для меня время идетъ слишкомъ быстро, и я благословляю сегодняшній счастливый для меня случай... Надѣюсь я буду имѣть удовольствіе видѣться съ вами въ Сенъ-Клэрѣ... Вы знаете что мы сосѣди? Паркъ моего отца тянется вплоть до сада господина Вальбрюана и граничитъ съ орѣховой рощей надъ аллеей между двухъ водъ.

— Да?—сказала Вивіана, съ любезной улыбкой принимая это указаніе... Мнѣ очень нравится эта орѣховая роща: это одно изъ моихъ любимыхъ мѣстъ.

Выйдя на дорогу, они увидѣли, при свѣтѣ луны, черный силуетъ охотника взволнованнымъ шагомъ ходившаго взадъ и впередъ по дорогѣ.

— Кажется, это вашъ попечитель,—прошепталъ Ренэ, выпуская руку молодой дѣвушки...—Гопъ!—крикнулъ онъ по адресу блуждающей тѣни.—Это вы, господинъ Вальбрюанъ?

Но Клодъ уже узналъ свою воспитанницу и быстрыми шагами спѣшилъ къ ней.

— А! Несчастное дитя!—вскричалъ онъ полусердито. — Какъ вы напугали меня!.. Я уже думалъ, что вы погибли въ какомъ-нибудь болотѣ...

— И дѣйствительно,—весело отвѣтила Вивіана, — я уже не знала, какому святому молиться, когда счастливый случай послалъ мнѣ на встрѣчу господина Палезо, который спасъ меня.

— Да, —скромно прибавилъ Ренэ,—мадемуазель заблудилась, желая присоединиться къ вамъ, господинъ Вальбрюанъ. Я очень счастливъ, что мнѣ удалось быть ея проводникомъ...

— Отлично, отлично... благодарю васъ!—недовольнымъ тономъ перебилъ его Клодъ. — Спѣшите сами успокоить вашего отца, который раздѣляетъ мой страхъ и способенъ поднять на ноги всѣхъ обитателей Валь-Клавина. Вы найдете его на фермѣ. До свиданія мой другъ, до свиданія!..

Затѣмъ простившись такъ непріязненно съ пораженнымъ молодымъ человѣкомъ, Клодъ схватилъ свою воспитанницу за руку и насильно увлекъ ее по направленію къ Сенъ-Клэру.

———

IX.

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІИ всего пути отъ Виль-Клавина до своего дома, Вальбрюанъ хранилъ молчаніе и имѣлъ озабоченный видъ. До сихъ поръ, онъ всегда относился къ своей воспитанницѣ, какъ къ балованному ребенку и никогда не дѣлалъ ей никакого замѣчанія и не показывалъ своего неудовольствія. Къ тому же, онъ упрекалъ себя въ томъ, что былъ несправедливъ къ Ренэ Палезо и не заслуженной грубостью отплатилъ ему за оказанную услугу.

Вальбрюанъ былъ взбѣшенъ сознаніемъ своей неправоты, и ему было стыдно вступать въ объясненія съ Вивіаной. Послѣдняя же, наоборотъ, выказывала беззаботную веселость и, повидимому, не безъ лукавства забавлялась затруднительнымъ положеніемъ своего попечителя.

— Счастливо вы охотились? Видѣли дичь? — спросила молодая дѣвушка, чтобы нарушить молчаніе.

— Я убилъ двухъ бекасовъ,—отвѣтилъ Клодъ.—А вы?

— Я—ничего.

— Чортъ возьми!.. Я увѣренъ, что вы ни минуты не стояли спокойно... У женщинъ нѣтъ ни капли терпѣнія! Зачѣмъ вы оставили дерево, у котораго я васъ поставилъ?

— Ничего не было... Я соскучилась и хотѣла присоединиться къ вамъ.

— Глупо!.. Нельзя такъ наобумъ углубляться въ лѣсъ, котораго не знаешь... Развѣ вы не могли позвать меня?

— Вы приказали хранить тишину... Я не смѣла... Но дѣло не въ томъ! Важно, что вы убили двѣ птицы и что я васъ нашла благодаря Ренэ Палезо... Какъ бы то ни было прогулка была прекрасная, и я чувствую себя отлично.

Вивіана начала напѣвать арію изъ „Карменъ“, что еще удвоило глухое раздраженіе Вальбрюана.

Въ слѣдующіе два дня, не смотря на то, что погода стояла чудная и что ему очень досадно было лишать себя любимаго удовольствія, Клодъ не предлагалъ своей воспитанницѣ идти на „тягу“. Зато онъ рѣшилъ вознаградить Вивіану тѣмъ, что предложилъ ей съѣздить въ Дижонъ, котораго она не знала. На эту поѣздку они употребили три дня: субботу, воскресенье и понедѣльникъ. Когда они вернулись во вторникъ вечеромъ домой, Катеринетта вручила имъ визитную карточку Ренэ Палезо, который явился къ нимъ въ воскресенье съ визитомъ. Пока Клодъ разсматривалъ карточку сына натаріуса, Вивіана подозрительнымъ взглядомъ смотрѣла на своего попечителя, старавшагося принять разсѣянный видъ. Теперь молодая дѣвушка поняла, почему Вальбрюанъ такъ настаивалъ на поѣздкѣ въ Бургундію. Чутьемъ, присущимъ всѣмъ влюбленнымъ и ревнивымъ, хитрый попечитель угадывалъ что, безъ всякаго сомнѣнія, молодой человѣкъ воспользуется воскресеньемъ, чтобы

сдѣлать имъ визитъ. Это и было причиной почему онъ такъ поспѣшно выбралъ этотъ день для поѣздки въ Дижонъ. Взбѣшенная Вивіана смяла визитную карточку, которую подалъ ей Клодъ, и сказала жесткимъ тономъ:

— Намъ не везетъ съ господиномъ Палезо... Онъ подумаетъ, что наше путешествіе было придумано съ цѣлью избѣжать его посѣщенія и что вы злы на него.

— Золъ? — повторилъ покраснѣвшій Клодъ. — Полно! Онъ былъ бы діавольски подозрителенъ!

— Послѣ того, какъ вы такъ странно отблагодарили его въ тотъ вечеръ, когда онъ оказалъ мнѣ услугу, онъ долженъ такъ думать... Какъ тутъ не быть подозрительнымъ! На его мѣстѣ я предположила бы то же самое... Покойной ночи! Я ухожу къ себѣ.

— Какъ? — запротестовалъ пораженный Вальбрюанъ. — А ужинъ, который насъ ожидаетъ?

— Извините меня! У меня страшная мигрень, и я ничего не могу ѣсть... Я сейчасъ лягу въ постель.

На слѣдующее утро, Клодъ, справляясь о своей воспитанницѣ, узналъ отъ Зелліи, горничной Вивіаны, что у барышни страшно болитъ голова и что она не выйдетъ къ завтраку. Молодая дѣвушка просила принести ей въ ея комнату чай и тартинки.

Попечитель, которому такая продолжительная мигрень показалась подозрительной, понялъ, что Вивіана на него сердится. Этотъ капризъ, вызванный единственно тѣмъ, что не состоялся визитъ Ренэ Палезо, окончательно раздражилъ Вальбрюана. Онъ, въ свою очередь разсердился и ушелъ въ лѣсъ разгонять свое дурное расположеніе духа.

Подъ сѣнью буковъ, которымъ уже настало время распускаться и шелуха которыхъ дождемъ сыпалась на землю, въ воображеніи Клода уже не разъ возставалъ чарующій образъ его воспитанницы. Не разъ также, въ это теплое апрѣльское утро, когда весеннія птицы громко распѣвали въ лѣсу, вспоминалъ онъ прелестные, интимные вечера послѣдней зимы и льстивую нѣжность Вивіаны Женеврэ. Въ то время онъ надѣялся занять широкое мѣсто въ сердцѣ молодой дѣвушки. Теперь, послѣ того какъ онъ такъ ожидалъ прихода весны, чтобы вмѣстѣ съ ней насладиться этимъ чуднымъ временемъ, онъ сожалѣлъ о ноябрьскихъ холодахъ и январьскихъ метеляхъ. И такъ, одного появленія Ренэ Палезо было достаточно, чтобы разрушить чары? Вальбрюанъ не хотѣлъ этому вѣрить. Возможно ли, что этотъ студентъ въ нѣсколько минутъ произвелъ такой неожиданный переворотъ въ сердцѣ Вивіаны? Увы! Съ тѣхъ поръ, какъ Клодъ сталъ жить подъ одной кровлей съ этой восемнадцатилѣтней юностью, онъ совершенно позабылъ, что ему уже сорокъ шесть лѣтъ. Когда наша зрѣлость сопровождается здоздоровьемъ и силами, мы легко впадаемъ въ иллюзіи. Мы не только не чувствуемъ, что старѣемся, но испытываемъ презрительную жалость къ молодымъ людямъ, едва достигшимъ двад-

цатипятилѣтняго возраста; мы не допускаемъ, чтобы они могли имѣть претензію любить и быть любимыми.

Клодъ находилъ Ренэ очень дерзкимъ. Стараясь не смотрѣть на вещи слишкомъ серьезно, онъ тѣмъ не менѣе страшно раздражался тѣмъ, что молодой человѣкъ, какъ пчела вьется вокругъ Вивіаны.

Вернувшись домой послѣ полудня, онъ тотчасъ же освѣдомился, находится-ли молодая дѣвушка все еще въ своей комнатѣ.

— О, нѣтъ! отвѣтила съ оттѣнкомъ злобы Катеринетта.—Какъ только вы ушли, она сейчасъ же спустилась внизъ, свѣжая, какъ вишня, и веселая, какъ зябликъ... Она пошла съ книгой въ конецъ сада подъ орѣшникъ. Можетъ быть, она и теперь сидитъ тамъ...

Отвѣтъ старой служанки снова омрачилъ лицо Вальбрюана.

— Я угадалъ, подумалъ онъ. — Эта мигрень была простой хитростью, и моя причудливая воспитанница просто смѣется надо мной!

Это разсужденіе еще усилило его дурное расположеніе духа. Не отвѣтивъ ни слова, онъ повернулся на каблукахъ, вышелъ, сильно хлопнувъ дверью, и направился въ Аббатскую улицу.

Вдовы Ліенордъ не было дома, но маленькая служанка съ большимъ ртомъ собщила ему, что барышня работаетъ въ саду и будетъ очень рада видѣть его.

Клодъ, дѣйствительно нашелъ Нанину у воды. Въ старыхъ перчаткахъ, съ большими ножницами въ рукахъ, она срѣзывала цвѣтущіе стебли среди лилій, склонявшихъ надъ водой свою свѣтлую зелень и свои бѣлые или фіолетовые цвѣты. Увидѣвъ посѣтителя, Нанина вскричала:

— А! Это Вы?...—Видѣть васъ теперь—это настоящее чудо, такъ какъ вы съ каждымъ днемъ становитесь все болѣе рѣдкимъ посѣтителемъ. Посмотрите: я думала именно о васъ и трудилась для васъ. Помните вы или, можетъ быть, вы забыли, что ежегодно, весной, я имѣю обыкновеніе подносить вамъ первыя лиліи нашего сада?... И вотъ пока еще онѣ не совсѣмъ распустились, я дѣлала букетъ и предполагала послать его вамъ. Посмотрите и понюхайте! Какъ нравятся онѣ вамъ?

Съ этими словами Нанина поднесла къ его носу пучекъ лилій.

— Благодарю васъ, дорогая Нанина! со вздохомъ сказалъ тронутый Клодъ.—Какъ мило съ вашей стороны, что вы заботитесь обо мнѣ. Въ васъ заключаются цѣлыя сакровища доброты и снисходительности... Поэтому, я всегда прибѣгаю къ вамъ, когда нуждаюсь въ утѣшеніи въ моихъ горестяхъ.

Нанина подняла голову, пытливо посмотрѣла на своего собесѣдника и сказала полуучастливымъ, полунасмѣшливымъ тономъ:

— У васъ есть горести?... А я полагала, что вы плаваете въ полномъ блаженствѣ?...—Постойте! прибавила она, кладя пукъ цвѣтовъ на простую деревянную скамейку.—Садитесь сюда и

разсказывайте мнѣ ваши огорченія... Какъ здоровье Вивіаны Женеврэ?

— Отлично... по крайней мѣрѣ физически... Что не мѣшаетъ, однако, именно ей быть причиной моихъ заботъ... Не знаю, не виновато-ли здѣсь вліяніе весны, но только съ нѣкотораго времени ее характеръ какъ-то анормально измѣнился. Меня безпокоятъ рѣзкія перемѣны въ ея расположеніи духа: она становится капризна, какъ коза и придумываетъ всевозможныя хитрости, чтобы избавиться отъ меня и уклониться отъ наблюденія, которое входитъ въ мои обязанности, какъ попечителя...

— О! Вы говорите, какъ ревнивый мужъ... Что вы поссорились съ ней?

— Нѣтъ... Но она обманываетъ меня... Я считалъ ее искренней и серіозной—и вотъ теперь открываю въ ней фривольные вкусы, инстинкты скрытности и вспышки кокетства...

— Ахъ, мой бѣдный другъ!—Сколько времени понадобилось вамъ, чтобъ сдѣлать это открытіе!...—Успокойтесь! Весна здѣсь не причемъ. Вивіана всегда была большой кокеткой. Вы помните, я васъ предупреждала объ этомъ еше въ началѣ зимы... Но въ то время она окончательно околдовала васъ и вы находились подъ вліяніемъ ея чаръ.

— Я всегда нахожу ее очаровательной, съ живостью возразилъ Вальбрюанъ, и моя привязанность къ ней нисколько не измѣнилась... Именно эта-то моя привязанность къ Вивіанѣ и причиняетъ мнѣ заботы и мучитъ мою совѣсть... Я боюсь, что стою не на высотѣ своего призванія; я спрашиваю себя, такой ли я попечитель, какой нуженъ для восемнадцатилѣтней, дѣвушки и ложащая на мнѣ отвѣтственность съ каждымъ днемъ все больше давитъ меня...

Нанина съ участіемъ посмотрѣла на него и покачала головой.

— Господинъ Вальбрюанъ, скозала она, мнѣ думается, что вы преувеличиваете опасность положенія... Ваша воспитанница росла въ свѣтской средѣ и скучаетъ въ деревнѣ—вотъ и все... Кромѣ того, она переживаетъ кризисъ, который бываетъ съ дѣвушками, когда онѣ приближаются къ двадцатилѣтнему возрасту, и она переноситъ его съ тѣмъ меньшей покорностью, что, не обладаетъ ни нашими вкусами, ни нашей философіей... Видъ вашего спокойствія и ея собственнаго удовлетворенія самое лучшее—это выдать ее замужъ. Глаза Клода сразу прояснились.

— Выдать ее замужъ? вскричалъ онъ.—Чортъ возьми! Я уже думалъ объ этомъ... и кромѣ того, у насъ въ Сенъ-Клэрѣ не особенно большой выборъ. Нельзя же Вивіану бросить въ объятія перваго встрѣчнаго и, кромѣ того, не лишнее было бы узнать, согласится ли она принять мужа, котораго ей предложатъ...

— Ба! возразила Нанина, пожимая плечами.—Найдите ей молодаго, веселаго, свѣтскаго человѣка, главное богатаго—и я отвѣчаю, что она охотно приметъ его мужемъ.

Когда Нанина стала перечислять качества, которые могутъ понравится Вивіанѣ, лицо Клода снова омрачилось.

— Гмъ! проворчалъ онъ. Мать Вивіаны вышла замужъ именно при такихъ условіяхъ и была очень несчастна... Мнѣ кажется, вы ошибаетесь относительно характера и стремленій моей воспитанницы... но вашъ совѣтъ хорошъ, и я глубоко благодаренъ вамъ за него... Я подумаю и изслѣдую хорошенько почву... До свиданія, дорогая Нинина!... Мой дружескій поклонъ вашей матушкѣ.

Клодъ вышелъ изъ сада и задумчиво направился домой.

X.

Молодой, свѣтскій и, главное, богатый". Эти слова Нанины крѣпко засѣли въ мозгу Вальбрюана. Онѣ ежеминутно звучали въ его ушахъ, какъ раскатъ ироническаго смѣха. Не хотѣла-ли Нанина Ліенордъ мистифицироровать его, подозрѣвая его склонность къ Вивіанѣ Женеврэ? Или она, дѣйствительно, считаетъ Вивіану на столько пустой и сухой, что она готова всѣмъ пожертвовать ради блестящей наружности? Если послѣдняя гипотеза вѣрна, то Вальбрюанъ долженъ считать отвратительной кокеткой дѣвушку, которая способна съ такой, повидимому, искренностью разыгрывать жестокую комедію любви. Но, ослѣпленный своей страстью и своимъ тщеславіемъ, Клодъ предпочиталъ думать что Нанина сказала это подъ вліяніемъ своего несправедливаго предубѣжденія.

— Съ перваго же дня, думалъ онъ, она отнеслась въ Вивіанѣ съ недовѣріемъ. Женщины, даже самыя лучшія, ревнуютъ другъ друга, и Нанина, при всѣхъ ея прекрасныхъ качествахъ, можетъ быть, тоже причастна къ нему, исключительно женскому, недостатку. Клодъ старался обмануть себя такими остроумными разсужденіями. Тѣмъ не менѣе, его мучили сомнѣнія. Онъ страстно желалъ выйдти изъ неизвѣстности и рѣшилъ дождаться перваго удобнаго случая, чтобы позондировать сердце своей воспитанницы.

По счастливому совпаденію, вернувшись домой, онъ засталъ Вивіану въ очень хорошемъ расположеніи духа. Въ теченіе дня вѣтеръ измѣнился, и его воспитанница снова сдѣлалась очаровательной. О мигрени не было и помину. Молодая дѣвушка употребляла всѣ усилія, чтобы заставить его позабыть ея вчерашнюю выходку. Она была необыкновенно внимательна и любезна со своимъ попечителемъ. Восхищенный Клодъ рѣшилъ воспользоваться такимъ миролюбивымъ настроеніемъ дѣвушки. Вечеромъ, послѣ ужина, оно увелъ Вивіану въ гостинную, куда уже былъ поданъ кофэ. Надѣясь почерпнуть въ мокка Катеринетты краснорѣчіе и даръ убѣжденія, онъ быстро выпилъ свою чашку. За-

тѣмъ, онъ усадилъ молодую дѣвушку на диванъ, сѣлъ съ ней рядомъ и откашлялся, чтобы очистить голосъ.

— Дорогое дитя мое! сказалъ онъ, взявъ ее за руку.—Удѣлите мнѣ на минуту ваше вниманіе. Я хотѣлъ бы поговорить съ вами о серіозныхъ вещахъ...

Замѣтивъ, что брови Вивіаны слегка нахмурились, а въ углахъ губъ появилась недовольная складка, Клодъ поспѣшилъ нѣжно прибавить:

— Успокойтесь! Дѣло идетъ не о выговорѣ и не о скучномъ дѣловомъ разговорѣ... Напротивъ, вопросъ, котораго я хочу коснуться скорѣй долженъ быть отнесенъ къ категоріи пріятныхъ. Вы знаете, какъ я отнесся къ вамъ съ самаго начала нашего знакомства. Попечитель, который сначала немного пугалъ васъ—признайтесь въ этомъ—скоро уступилъ мѣсто другу. Вы уже больше не ребенокъ; вы достигли того возраста, когда законъ признаетъ совершеннолѣтіе и когда начинаетъ пробуждаться сердце. Другими словами, настала та эпоха, когда обязанности попечителя стоновятся въ высшей степени деликатными... Гмъ... и когда попечитель, превратившійся въ друга, начинаетъ чувствовать свою отвѣтственность болѣе опасной, особенно, если онъ еще не старикъ. Въ письмѣ, которымъ она ввѣряла васъ моему попеченію ваша бѣдная матушка писала: „Помогите Вивіанѣ найдти хорошаго мужа, который любилъ бы ее и сдѣлалъ счастливой...“ Мнѣ кажется, что теперь настало время заняться этимъ желаніемъ вашей матери... Дорогое мое дитя! Вы никогда не думали о замужествѣ?

Сначала, Вивіана съ удивленіемъ слушала это длинное вступленіе. Она широко раскрыла глаза, не понимая хорошенько, къ чему клонитъ Клодъ. Но когда онъ закончилъ послѣднюю фразу она опустила вѣки и покраснѣла.

— Я? вскричала она... Никогда!... Какъ вы могли подумать это?...

— Но, дорогая моя, объ этомъ слѣдуетъ подумать.

— Но я, слабо протестовала молодая дѣвушка, чувствую себя счастливой и не имѣю ни малѣйшаго желанія разстаться съ вами.

— Я полагаю, вы не имѣете намѣренія остаться старой дѣвой?

— Боже мой!... Конечно—нѣтъ, съ живостью отвѣтила Вивіана.

— Я вполнѣ одобряю васъ, возразилъ Вальбрюанъ.— Но замужество единственное средство выйдти изъ этого положенія, а потому вамъ нужно привыкнуть къ мысли объ этомъ неизбѣжномъ рѣшеніи... Къ тому же изъ этого нисколько не вытекаетъ, чтобы мы обязанны были разстаться... Хотя въ Сенъ-Клэрѣ и не много хорошихъ партій, но всетаки можетъ кто нибудь представится... Мы займемся такими поисками, а пока, давайте обсудимъ: Вы— какого рода мужа вы предпочитаете: я—какого бы мужа я вамъ пожелалъ?

— Хорошо! жеманно отвѣтила Вивіана.—Это ни къ чему не

обязываетъ, а будетъ очень забавно... Ну, начинайте... Каковъ же вашъ идеалъ?

— Въ принципѣ, продолжалъ Клодъ, очарованный тѣмъ оборотомъ какой принялъ разговоръ, я желалъ бы, сообразно съ желаніемъ вашей покойной матушки, чтобы тотъ, кто понравится вамъ, былъ бы человѣкъ серьезный, опытный въ жизни и достаточно зрѣлый, чтобы руководить вами, какъ менторъ...

— О! перебила его Вивіана, съ далеко не радостной гримасой. — Надѣюсь, онъ долженъ быть немного моложе Ментора Телемака!

— Безъ сомнѣнія, нетерпѣливо возразилъ Вальбрюанъ.—Я не совѣтую вамъ выходить замужъ за слишкомъ пожилого человѣка... Но я не довѣряю тѣмъ непостояннымъ юношамъ, безъ прочнаго положенія, всѣ достоинства которыхъ въ мишурѣ молодости... Мужъ, о которомъ я мечтаю для васъ, долженъ сохранить нѣжность ума и тѣла и обладать солидными качествами, которыя однѣ вѣрная гарантія супружескаго счастья. Онъ долженъ быть человѣкомъ свѣта, но безъ всякой суетности. Его нѣжность окружила бы васъ постоянными заботами. Онъ съумѣлъ бы создать вамъ достаточно комфортабельную и привлекательную интимную жизнь, чтобы вы не искали внѣ дома всегда опасныхъ развлеченій... Однимъ словомъ, онъ былъ бы для васъ надежнымъ покровителемъ и страстнымъ другомъ... Развѣ такой мужъ не представлялъ бы цѣнныхъ гарантій для счастья?.. Какъ вы думаете?

— Безъ сомнѣнія, холодно возразила молодая дѣвушка... тѣмъ не менѣе, позвольте мнѣ замѣтить, что ваша мотримоніальная программа страдаетъ недостаткомъ фантазіи и неожиданности.

— Да! проворчалъ смущенный Клодъ. — Ну, теперь ваша очередь, дорогая моя: набросайте мнѣ портретъ мужа, о которомъ вы мечтаете!

— Боже мой! вскричала Вивіана, дѣлаясь болѣе экспансивной.

Вы найдете меня очень химеричной, но мужъ, котораго я желала бы встрѣтить, не совсѣмъ похожъ на тотъ образецъ, который вы нарисовали мнѣ... Прежде всего я хотѣла бы найдти въ немъ больше пылкости и больше юности. Когда слишкомъ большая разница въ лѣтахъ раздѣляетъ людей, которые должны жить вмѣстѣ, неизбѣжно является различіе во вкусахъ, и взглядахъ, что слишкомъ часто влечетъ за собой разладъ.,. Это тоже, что запречь въ одинъ экипажъ двухъ лошадей различнаго роста и бѣга... Я желала бы, чтобы мой спутникъ жизни лучше подходилъ бы къ моему характеру. Во первыхъ, онъ долженъ быть красивъ... Я не понимаю, какъ можно влюбиться въ человѣка некрасиваго, неизящнаго или вульгарнаго. Я мечтаю о высокомъ, стройномъ брюнетѣ, ловкомъ во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ и соединяющимъ вмѣстѣ съ граціей силу. Онъ долженъ любить свѣтъ, не столько ради его удовольствій, сколько ради

выгодъ, которыя можетъ извлечь изъ свѣтскихъ связей и ради блестящей карьеры, которую можетъ открыть свѣтъ. Наконецъ, я хотѣла бы, чтобы онъ обладалъ состояніемъ, почти равнымъ моему, такъ какъ я боюсь бѣдности и связянныхъ съ нею лишеній.—Я кажусь вамъ тщеславной и, въ тоже время, очень прозаичной, не правда-ли? Прибавила молодая дѣвушка, замѣтивъ разочарованную и огорченную мину Вальбрюана. — Но что дѣлать? Переродить себя нельзя, и я ни на грошъ не романична?

— Во всякомъ случаѣ, вы откровенны... А это тоже своего рода заслуга, отвѣтилъ, задыхаясь Клодъ... Только вашъ идеалъ— очень рѣдкая птица, и вамъ трудно будетъ найдти ее.

Вивіана Женеврэ снова лицемѣрно опустила глаза.

— Время терпитъ, простодушно пробормотала она. — Какъ я вамъ уже говорила нѣсколько минутъ тому назадъ, я здѣсь счастлива, и меня очень огорчила бы разлука съ вами. Прошу васъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что если бы вы сами не вызвали этого вопроса, такая мысль никогда бы не пришла бы мнѣ въ голову...

Послѣ этихъ словъ въ комнатѣ воцарилась такая глубокая тишина что ясно слышались всѣ вибраціи пѣнія соловья въ саду и кристалическое журчаніе рѣки подъ липами. Вивіана встала съ дивана и, подойдя къ окну, казалось, стала прислушиваться къ звукамъ доносившимся извнѣ. Ея стройный силуэтъ тонко вырисовывался при слабомъ вечернемъ свѣтѣ, и эта таинственная полутьма дѣлала ее еще болѣе привлекательной.

— Хотите, я вамъ сыграю, что-нибудь? Спросила она, чтобы нарушить молчаніе.

— Благодарю васъ, сухо отвѣтилъ Вальбрюанъ.—Теперь моя очередь страдать мигренью, и я иду лечь въ постель...

Клодъ ушелъ въ свою комнату; но онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы думать о снѣ. Онъ даже не взглянулъ на кровать, а облокотился на подоконникъ и прижалъ руки къ пылающему лбу.

Ему казалось, что въ нѣкоторыхъ деталяхъ портрета, набросаннаго Вивіаной, онъ узналъ характерные штрихи, вполнѣ примѣнимые къ Ренэ Палезо, и имъ овладѣлъ сильный приступъ ревности.

— Конечно, сердито ворчалъ онъ, конечно, она думала объ этомъ мальчишкѣ, когда говорила объ идеальномъ мужѣ, описывая его высокимъ и стройнымъ брюнетомъ... Какъ женщины пусты, глупы и нелогичны и какъ мужчины безумны, любя такихъ низшихъ созданій!

Такимъ образомъ, Клодъ, самъ того не подозрѣвая, повторилъ въ отношеніи себя монологъ Арнольфа. Проклиная злую судьбу, приведшую въ его домъ эту капризную и опасную молодую особу, Вальбрюанъ не могъ удержаться, не воспроизвести въ своемъ воображеніи ихъ бесѣду наединѣ въ полутемной гостиной. Онъ еще чувствовалъ на своихъ ладоняхъ теплое пожатіе пальцевъ молодой дѣвушки. Клодъ вспоминалъ магнетическій

блескъ ея изумрудныхъ глазъ и интонацію ея ласкающаго голоса.

Онъ вспоминалъ всѣ тѣ чары, при помощи которыхъ эта дѣвушка, притворявшаяся такой простой и наивной до такой степени помутила его разсудокъ, что онъ забылъ уроки прошлаго и разницу въ годахъ. Какъ ловко она умѣла вводить въ заблужденіе и какъ, нѣсколькими словами, вернула она его къ ледяной дѣйствительности!.. Вызывая всѣ эти воспоминанія, онъ страшно страдалъ. Острыя иглы ревности впивались въ его тѣло, но онъ всетаки старался еще обмануть самого себя. Въ то время, какъ свѣжее журчаніе рѣки и звонкія трели соловья пѣли ему пѣсню о горькихъ разочарованіяхъ любви, Клодъ силился придумать какой-нибудь ловкій способъ снова овладѣть сердцемъ, которое ускользало отъ него, и разлучить Вивіану со своимъ соперникомъ—причиной всѣхъ его огорченій. Онъ даже подумывалъ закрыть дверь своего дома для Ренэ Палезо, хотя бы для этого ему пришлось поссориться со своимъ сосѣдомъ!..

Въ эту минуту, изъ глубины сада нотаріуса до него донеслись громкіе звуки охотничьяго рога. Почти тотчасъ же послѣ этого, Клодъ услыхалъ легкій скрипъ отодвигаемыхъ оконныхъ задвижекъ. На другомъ концѣ дома, во второмъ этажѣ, открылось окно, и Вальбрюанъ увидѣлъ, какъ въ немъ появился женскій силуэтъ въ бѣломъ ночномъ костюмѣ. Облокотившись на подоконникъ Вивіана, какъ и несчастный Вальбрюанъ, слушала звуки охотничьяго рога, журчаніе рѣки и пѣніе соловья. Но эти звуки майской ночи, по всей вѣроятности, внушали ей совсѣмъ другія мысли, такъ какъ они дѣлали ее необыкновенно жизнерадостной.

До слуха Клода донеслась арія изъ Карменъ, которую напѣвала его воспитанница—и, въ сильной досадѣ, онъ съ шумомъ захлопнулъ свое окно.

XI.

ВАЛЬБРЮАНЪ провелъ отвратительную ночь. Утромъ, смутное предчувствіе, такъ непріятно испортившее ему сонъ, приняло болѣе опредѣленную форму и перешло въ жестокое подозрѣніе: Вивіана любила Ренэ Палезо, и оба они вошли въ соглашеніе, чтобы обмануть его бдительность. Клодъ видѣлъ доказательство этому въ звукахъ охотничьяго рога въ саду нотаріуса, на которые какъ на сигналъ отвѣтила Вивіана. Этотъ трубный звукъ, раздавшійся въ тишинѣ майской ночи, произвелъ на Вальбрюана такое же болѣзненное впечатлѣніе, какъ рогъ Рюи Гомеца на душу Эрнани. Они пробудили въ сердцѣ Клода грустныя воспоминанія о давно минувшихъ дняхъ и, въ тоже время, подняли въ его душѣ новую муку ревности.

Но на этотъ разъ, умудренный опытомъ, онъ рѣшилъ, не

выдавая своихъ подозрѣній, внимательно слѣдить за поступками и жестами своей воспитанницы. Та, со своей стороны, угадывая бурное состояніе души Клода, старалась всячески успокоить его. Болѣе чѣмъ когда-нибудь, Вивіана старалась казаться въ высшей степени наивной и глубоко привязанной къ своему попечителю. Никто изъ нихъ, однако, не былъ жертвой такого обмана; но тѣмъ не менѣе, они продолжали свою тонкую игру. Вивіана удвоила свое наивное жеманство; Клодъ, становясь все болѣе и болѣе подозрительнымъ, продолжалъ, стараясь ничѣмъ не выдать себя, свое шпіонство.

Вальбрюанъ жестоко страдалъ отъ этой комедіи, которая была противна его благородному характеру. Ему было стыдно, и онъ самъ презиралъ самого себя. Между тѣмъ страсть увлекала его на такой поступокъ, и онъ продолжалъ пользоваться старыми уловками, къ которымъ во все время прибѣгали на сценѣ театральные попечители молодыхъ дѣвушекъ и ревнивцы. Между прочимъ, онъ пытался обманнымъ образомъ прочитать адресъ писемъ, отправляемыхъ Вивіаной Женеврэ. Однажды, когда подъ вліяніемъ непреодолимаго любопытства, онъ вошелъ въ комнату, гдѣ его воспитанница заканчивала письмо; послѣдняя, догадываясь о мотивахъ такого необычнаго вторженія, начала аккуратно, неторопясь запечатывать конвертъ, съ котораго Вальбрюанъ не спускалъ глазъ. Затѣмъ, сунувъ его подъ самый носъ своему попечителю, Вивіана сказала съ ангельской нѣжностью:

— Это письмо къ настройщику... Мой рояль страшно разстроился и я прошу его, какъ можно скорѣй, пріѣхать въ Сенъ-Клэръ. Вы позволите мнѣ отнести письмо на почту?

Иногда, Клодъ громко объявлялъ, что онъ уходитъ въ лѣсъ на все утро, онъ шумно выходилъ изъ дома, и самъ черезъ полчаса возвращался обратно, тайно проникалъ въ домъ... и заставалъ Вивіану за невиннымъ вышиваніемъ въ пяльцахъ. Молодая дѣвушка поднимала на него свои загадочные, изумрудные глаза, мило улыбалась и, воткнувъ иголку въ канву, наивно спрашивала:

— Вы уже вернулись?.. Я съ удовольствіемъ вижу, что по дорогѣ вы измѣнили свое намѣреніе...

— Она насмѣхается надо мной!—съ горечью думалъ смущенный Клодъ.—Она хитрѣй меня!

Однажды, не сказавъ никому ни слова, онъ ушелъ раннимъ утромъ и вернулся обратно около девяти часовъ. Катеринетта была на рынкѣ, а Зеллія была занята своимъ ежедневнымъ дѣломъ. Молчаливый домъ, казалось, спалъ подъ горячими лучами іюньскаго солнца.

Вальбрюанъ проскользнулъ въ садъ, но вмѣсто того, чтобы идти по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ, онъ пошелъ прямо по недавно скошенной лужайкѣ, тянувшейся до самой группы деревьевъ, высившихся надъ Оботой. На полдорогѣ онъ остановился и сталъ прислушиваться... Тамъ, за орѣшникомъ онъ ясно различилъ говоръ, осторожно сдерживаемыхъ голосовъ. Сильно взволнованный и крайне заинтересованный Клодъ, обошелъ нѣ-

сколько древесныхъ группъ и съ лисьими предосторожностями поднялся на холмъ, который господствовалъ надъ бесѣдкой, соприкасавшейся съ паркомъ нотаріуса. Но когда онъ занялъ наблюдательный пунктъ на этой импровизированной обсерваторіи, онъ рѣшительно ничего не услышалъ. По всей вѣроятности, шумъ его шаговъ или трескъ сломавшейся подъ его ногами вѣтки встревожилъ говорившихъ. Сквозь орѣшникъ, Клодъ разглядѣлъ одинъ только силуэтъ Вивіаны. Она сидѣла на каменной скамейкѣ и дѣлала видъ, что читаетъ книгу, которую держала къ верху ногами.

— Гмъ!—подумалъ подозрительный попечитель.—Однако мнѣ не пригрезилось?.. Сейчасъ, я, дѣйствительно, слышалъ воркованіе голосовъ!.. Безъ сомнѣнія, какой-нибудь угорь прячется подъ камнемъ... Не будемъ же шевелиться!

Клодъ стоялъ тихо и терпѣливо выжидалъ. Между тѣмъ, Вивіана бросала безпокойные взгляды на дрожащую листву, находившихся противъ нея кустовъ. Черезъ нѣсколько минутъ, вѣтки, раздвинулись, и Клодъ увидѣлъ, какъ въ зеленой рамкѣ листвы появилось блѣдное лицо, темные глаза и вьющаяся черная борода Ренэ-Палезо.

— Это была ложная тревога,—прошепталъ молодой человѣкъ.

— Возможно,—возразила Вивіана, бросая книгу и вставая со скамейки.—Но все равно! Лишняя предосторожность не мѣшаетъ... Подождите немного! я сейчасъ осмотрю кругомъ...

Молодая дѣвушка вышла изъ бесѣдки. Осмотръ мѣстности окончательно успокоилъ ее. Она вернулась назадъ съ довольнымъ видомъ и подошла къ стѣнѣ, на которую облокотился молодой Палезо.

— Никого нѣтъ,—сказала Вивіана,—и мы можемъ спокойно разговаривать... Мой мудрый попечитель, дѣйствительно, ушелъ въ лѣсъ и уходъ его не былъ западней...

— Западней?.. Онъ до такой степени слѣдитъ за вами?

Вивіана пожала плечами.

— Онъ не довѣряетъ вамъ и признайтесь, имѣетъ на это основаніе...

— Съ нашей первой встрѣчи въ его умъ закралось масса подозрѣній. Но всѣ они на половину дремали, пока ихъ не разбудили звуки вашего охотничьяго рога. Онъ хитеръ, какъ травленный волкъ и сразу понялъ, что это былъ условленный между нами сигналъ. Поэтому, теперь онъ разставляетъ намъ сѣти, чтобы узнать видимся-ли мы съ вами.

— Право, я не считалъ его способнымъ на это... И зачѣмъ этотъ добрый Вальбрюанъ хочетъ помѣшать двумъ молодымъ сердцамъ честно любить другъ друга?.. Чѣмъ это можетъ стѣснять его?

Вивіана Женеврэ покачала головой и сказала съ кокетливой улыбкой:

— По всей вѣроятности, у него есть другіе виды на меня, и онъ вовсе не такъ равнодушно относится къ этому дѣлу, какъ вы думаете.

— Другіе виды?—вскричалъ сынъ нотаріуса, разражаясь громкимъ смѣхомъ.—Ужъ не влюбленъ-ли онъ самъ въ васъ? О!.. Въ его лѣта!

— Онъ еще очень бодръ,—наивно возразила Вивіана съ лукавой улыбкой на губахъ.—Его сердце не такъ состарилось, какъ его волосы.

— Онъ ухаживаетъ за вами?—яростно спросилъ Ренэ.—Это отвратительно!

— Успокойтесь!—пробормотала молодая дѣвушка, играя глазами, а затѣмъ, стыдливо опустивъ вѣки.—Ужъ не ревнуете-ли вы то же? Фи, сударь, это нехорошо!.. Вѣдь, я дала вамъ достаточно поводовъ быть увѣреннымъ въ моей... привязанности.

— Правда, вы сказали мнѣ, что любите меня немного... Но какого труда стоило мнѣ вырвать у васъ это признаніе!

— Вы не вѣрите моему слову?..

Затѣмъ, Вивіана прибавила, бросая на молодого человѣка нѣжный взглядъ:

— Скажите, пожалуйста! Вы осмѣливаетесь сомнѣваться въ моей искренности?

— Я не сомнѣваюсь, Вивіана... Тѣмъ не менѣе, мнѣ было бы пріятно, если бы ваши слова иногда подтверждались болѣе доказательными жестами.

— Другими словами, вамъ нужны менѣе платоническія демонстраціи!.. Ну, хорошо!.. я дѣвушка добрая... Вотъ вамъ въ залогъ обѣ мои руки... Довольны вы теперь?

Вивіана очень мило подала ему свои руки. Ренэ схватилъ и благоговѣйно поцѣловалъ. Это движеніе невольно сблизило молодыхъ людей и дерзкія губы молодого человѣка прикоснулись къ глазамъ Вивіаны Женеврэ.

Съ минуту молодая дѣвушка стояла неподвижно, опьяненная этою ласкою, но затѣмъ, рѣзкимъ движеніемъ, вырвала свои руки у Ренэ Палезо.

— О!—пробормотала она, довольная и смущеная въ одно и то же время.—Это очень нехорошо съ вашей стороны!.. Я никогда ужъ больше не буду довѣрять вамъ... Вы—дерзкій, и я ненавижу васъ!..

Вивіана схватила книгу и съ притворно негодующимъ видомъ выбѣжала изъ бесѣдки.

Ренэ, съ чувственной улыбкой на губахъ, открывавшей рядъ его бѣлыхъ зубовъ, еще съ минуту простоялъ, прислонившись къ стѣнѣ. Онъ надѣялся что Вивіана вернется. Убѣдившись, наконецъ, что молодая дѣвушка, дѣйствительно, вернулась домой, молодой человѣкъ то же рѣшилъ уйдти изъ сада, и скрылся въ зелени отцовскаго сада. Раздвинутыя имъ вѣтви снова соединились съ шелковистымъ шелестомъ—и въ саду воцарилась тишина. Какъ не прислушивался Вальбрюанъ, онъ ничего не могъ уловить, кромѣ пронзительнаго и монотоннаго стрекотанья кузнечиковъ на скошенной лужайкѣ.

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, Клодъ стоялъ неподвижно

въ чащѣ кустовъ, гдѣ прятался, скованный тягостнымъ изумленіемъ. Мало по малу, онъ оправился, глубоко вздохнулъ и ушелъ, прячась за деревьями, какъ будто онъ самъ былъ влюбленнымъ застигнутымъ на мѣстѣ свиданія. Клодъ на цыпочкахъ прошелъ черезъ переднюю и, не показавшись никому, снова ушелъ въ лѣсъ.

Время шло. Жгучій, золотистый свѣтъ окутывалъ долину Оботты, гдѣ волновалась рожь, блестѣли пышные луга на обоихъ берегахъ рѣки и гдѣ въ синемъ небѣ вились ласточки. Этотъ яркій свѣтъ и этотъ жизнерадостный пейзажъ удваивали горе Клода и его муки ревности. Онъ поспѣшилъ углубиться въ лѣсную чащу. Но и тамъ лѣто царило во всей своей силѣ. Рои пчелъ мелодично жужжали вокругъ цвѣтущихъ липъ; изъ глубины лѣса доносились пѣніе иволги и воркованіе вяхирей. Передъ нимъ тянулись таинственныя просѣки, опушки которыхъ были усѣяны цвѣтами. Видъ этой сочной, пѣвучей и радостной природы составлялъ рѣзкій контрастъ съ огорченіемъ и разочарованіемъ Клода, которыя тяжелымъ камнемъ давили его. На губахъ Вальбрюана появилось саркастическое выраженіе; острое горе терзало его грудь. Тщетно употреблялъ онъ всѣ усилія заглушить рыданія, подступавшія къ его горлу, и слезы, увлажнявшія его глаза. Взбѣшенный всѣмъ этимъ Клодъ яростно обрушился на самого себя:

— Вотъ до чего ты дошелъ! Влюбленъ... въ твои лѣта, какъ этотъ шелопай Палезо... Влюбленъ, какъ школьникъ!.. Это глупо и смѣшно до слезъ... Да, ты можешь плакать... По истинѣ, есть изъ-за чего! Тебѣ уже стукнуло сорокъ шесть лѣтъ, а ты идешь по стопамъ Линдоровъ и Жоржей Дандинъ... И къ чему послужили тебѣ уроки прошлаго? Развѣ недовольно было тебѣ испортить свою молодость? И вотъ, уже въ зрѣломъ возрастѣ, ты снова попадаешься въ ту же ловушку!.. Какое чудное утѣшеніе для твоей старости быть осмѣяннымъ лукавой пансіонеркой!.. Напрасно ты приводишь смягчающія обстоятельства и напоминаешь себѣ, какъ она хороша и обольстительна: это нисколько не извиняетъ тебя въ той глупости, что ты влюбился, не смотря на свою сѣдую бороду... А хуже всего то, что ты тряпка и что ты любишь ее, не смотря на все, что узналъ!..

Клодъ метался по лѣсу, какъ преслѣдуемый собаками олень. Около полудня, онъ очутился ввиду построекъ фермы Валь-Кловинъ. Уйдя изъ дому натощакъ, Клодъ почувствовалъ сильный голодъ и, зайдя на ферму, попросилъ приготовить ему яичницу. Какъ бы не былъ влюбленъ и огорченъ человѣкъ, ему трудно устоять противъ требованія пустаго желудка. Вальбрюанъ съ лихорадочною поспѣшностью проглотилъ поданную ему яичницу и, затѣмъ, снова ушелъ въ лѣсъ.

Этотъ тощій и легкій завтракъ успокоилъ его нервы и далъ другое направленіе его мыслямъ. Хотя лѣсъ имѣлъ все такой же цвѣтущій и жизнерадостный видъ, однако, Клодъ смотрѣлъ на него теперь болѣе философически. Смотря на благоухающія

группы жимолости и на игравшихъ бабочекъ, Вальбрюанъ ясно созналъ свое безуміе. Мало по малу, онъ овладѣлъ собой, и его мысли, оставаясь такими же глубоко меланхолическими, приняли болѣе разумное направленіе.

Я наказанъ въ томъ, въ чемъ согрѣшилъ, признавался онъ самъ себѣ.—Нельзя безнаказанно нарушать законы природы. Молодые должны соединяться съ молодыми... Для этого восемнадцати-лѣтняго ребенка, мой другъ, ты „старикъ“ и не идешь въ счетъ. Черезъ четыре года тебѣ стукнетъ пятьдесятъ лѣтъ... Хорошимъ же подаркомъ былъ бы ты для молодой дѣвушки!.. Но если бы она и согласилась выйдти за тебя замужъ, сколько заботъ принесло бы тебѣ это! Съ твоимъ ревнивымъ характеромъ, ты мучился бы всю жизнь!.. Ты не настолько еще дряхлъ, чтобы помириться съ ролью Бартоло или Сголорелло...

О, нѣтъ, чортъ возьми!.. И такъ, расколи мужественно желѣзо и выжги свою руку!..

Медленными шагами, Вальбрюанъ спустился въ Сенъ-Клэръ, но вмѣсто того, чтобы идти прямо домой, свернулъ направо и позвонилъ у рѣшетки дома Палезо. Самъ Палезо еще работалъ въ своемъ кабинетѣ; крлэрки же ужь окончили занятія. Оба сосѣда заперлись въ комнатѣ, заставленной зелеными картонками, и бесѣдовали тамъ около часа.

Когда Клодъ уходилъ, провожаемый жизнерадостнымъ нотаріусомъ, онъ не былъ еще очень веселъ, но всетаки имѣлъ твердый видъ и шелъ съ апломбомъ человѣка, принявшаго энергическое рѣшеніе.

Клодъ далъ пройдти ночи между своими личными терзаніями и приведеніемъ въ исполненіе новаго рѣшенія. На слѣдующее же утро, тщательно занявшись своимъ туалетомъ и одѣвшись изысканнѣй обыкновеннаго, онъ приказалъ попросить свою воспитанницу быть настолько любезной спуститься къ нему въ библіотеку.

Немного обезпокоенная такимъ церемоннымъ приглашеніемъ, Вивіана явилась въ столовую съ искусно взбитыми бѣлокурыми волосами и въ кисейномъ пенюарѣ.

Прежде всего молодая дѣвушка бросила быстрый взглядъ на лицо своего попечителя, но на этотъ разъ оно было безстрастно, непроницаемо.

— Вы меня звали? спросила она, придавая своему голосу необыкновенно нѣжное выраженіе.

— Да, серьезно отвѣтилъ Клодъ. — Сядьте и выслушайте меня.. На прошлой неделѣ мы говорили съ вами о замужествѣ, и я надѣюсь вы не забыли этого разговора...

Что касается меня, я все время думалъ объ этомъ... Гмъ!.. Теперь, я пригласилъ васъ, чтобы объявить вамъ, что я, повидимому, нашелъ мужа, о какомъ вы мечтаете...

— А! равнодушно пробормотала молодая дѣвушка. — Кто же этотъ Фениксъ?

— Я сейчасъ назову его вамъ... Но позвольте мнѣ прежде

сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Правда-ли, что вы очень расположены къ Ренэ Палезо и что онъ, съ своей стороны, ухаживаетъ за вами?., Если это правда, то я удивляюсь, почему вы допустили, чтобъ я узналъ объ этомъ отъ другихъ...

Вивіана Женеврэ сдѣлала жестъ оскорбленной стыдливости.

— О! запротестовала она, бросая негодующій взглядъ.—Какъ могли вы повѣрить такой выдумкѣ? Какого же вы мнѣнія обо мнѣ?

Возмущенный до глубины души такимъ лицемѣріемъ, Вальбрюанъ, однако, имѣлъ силы улыбнуться и добродушно прибавилъ:

Если это выдумка, то очень жаль, такъ какъ отецъ Ренэ Палезо, съ которымъ я видѣлся вчера вечеромъ, убѣжденъ, что вы взаимно питаете склонность другъ къ другу, и формально просилъ у меня вашей руки для своего сына...

Какъ ни искусна была въ притворствѣ Вивіана, она не могла сдержать торжествующей улыбки, и ея лицо освѣтилось радостью.

— Разъ вы прижали меня къ стѣнѣ, и самъ Палезо сказалъ... заговорила она.—Ну, что же?. Да, я люблю Ренэ; и онъ меня любитъ.,. Я буду счастлива сдѣлаться его женой.

— Въ такомъ случаѣ, все идетъ, какъ нельзя лучше, сказалъ Клодъ, съ легкимъ оттѣнкомъ злобной ироніи.

Сегодня вечеромъ, оба Палезо повторятъ свое предложеніе, и, начиная съ завтрашняго дня, молодой человѣкъ можетъ открыто ухаживать за вами.

— Какъ вы добры! вскричала Вивіана.

— Молодая дѣвушка хотѣла обнять Вальбрюана, но тотъ остановилъ ее повелительнымъ жестомъ.

— Нѣтъ, не надо... Приберегите поцѣлуи для своего жениха...

Вальбрюанъ на минуту умолкъ, точно подавившись какимънибудь непріятнымъ лѣкарствомъ; затѣмъ, онъ продолжалъ:

— Разъ вы уже объяснились и обо всемъ переговорили съ молодымъ Палезо, я надѣюсь, вы не станете слишкомъ долго тянуть съ этимъ дѣломъ... Вы должны торопиться покончить съ этимъ вопросомъ; я же, съ своей стороны, желаю, чтобъ бракъ состоялся, какъ можно скорѣй. И такъ, дѣйствуйте сообразно съ этимъ... А теперь, вы можете идти къ себѣ...

XII.

Во время разговора со своей воспитанницей, Клодъ употреблялъ страшныя усилія казаться безстрастнымъ и сохранить свое хладнокровіе. Теперь, оставшись одинъ, онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и спѣшилъ облегчить свое сердце. Надѣвъ шляпу, онъ инстинктивно направился къ дому Ліенордовъ, увѣрен-

ный, что встрѣтитъ тамъ сочувствующихъ друзей. Всю дорогу онъ только и думалъ о настоятельной необходимости утѣшенія, но рѣшилъ не выдавать терзающаго его горя. Поэтому, онъ съ веселымъ видомъ вошелъ въ комнату, гдѣ мать съ дочерью занимались своимъ обычнымъ дѣломъ.

Сидя передъ окномъ съ корзиной съ бѣльемъ, госпожа Ліенордъ, съ очками на носу чинила салфетки; Нанина же, положивъ на козлы обтянутую фланелью доску, гладила воротнички и носовые платки. Въ открытыя окна виднѣлся зеленый садъ, листва котораго была еще смочена утреннимъ дождемъ.

Высокія розы свѣшивались въ окна и усыпали паркетъ красными лепестками.

— Добрый день!.. вскричалъ Клодъ.—Какъ вы поживаете?... Васъ никогда нельзя застать праздными.

Вотъ и теперь вы съ ранняго утра работаете, какъ трудолюбивыя пчелы...

Вальбрюанъ старался говорить веселымъ тономъ, но голосъ его оставался хриплымъ и какъ бы сдавленнымъ какими-то конвульсіями въ горлѣ.

Нанина взглянула своимъ проницательнымъ взглядомъ на лице посѣтителя и замѣтила на немъ слѣды сильнаго волненія—смѣсь горечи съ дѣланною веселостью. Это обстоятельство сдѣлало ее задумчивой.

— Вы сами, отвѣтила она, ранняя птичка!.. У васъ—ужъ вы простите меня—такой же безпокойный видъ, какъ у курицы, когда она готовится снести яйцо... Что новаго у васъ?

— Чортъ возьми! Вы угадали, вскричалъ Вальбрюанъ, раздосадованный тѣмъ, что его такъ скоро разгадали.—Я дѣйствительно пришелъ объявить вамъ новость...

— Дурную или хорошую? спросила вдова, подавая ему руку и указывая на кресло.

— Скорѣй хорошую, пробормоталъ Клодъ, при чемъ не могъ сдержать глубокаго вздоха... Я послѣдовалъ вашему совѣту, прибавилъ онъ, обращаясь къ Нанинѣ, и выдаю замужъ мою воспитанницу...

— А! вскричали одновременно обѣ женщины.

Вдова нервно задвигала иголкой, и Нанина слегка поблѣднѣла.

— Кто же счастливый смертный, за котораго она выходитъ замужъ? спросила Нанина, отставляя въ сторону утюгъ и пытаясь придать своему голосу шутливый тонъ.

На минуту воцарилось тягостное молчаніе. Въ комнатѣ отчетливо слышались стукъ падающихъ капель съ мокрой листвы и свистъ дрозда въ саду.

— Счастливый смертный? саркастически повторилъ Клодъ.

Затѣмъ, овладѣвъ своимъ голосомъ, онъ продолжалъ:

— Я могъ бы подвергнуть ваше терпѣніе испытанію, заставляя васъ угадывать... Но я предпочитаю сейчасъ же назвать его... Это мой юный другъ, Ренэ Палезо.

Яркій румянецъ выступилъ на щекахъ Нанины; вдова начала методичнѣй двигать своей иголкой... Даже сквозь очки можно было видѣть, какъ въ глазахъ госпожи Ліенордъ вспыхнуло выраженіе удовольствія. Если бы Вальбрюанъ былъ наблюдательнѣй и менѣе поглощенъ своими личными огорченіями, онъ могъ бы увидѣть, какъ радость сразу смѣнила тоскливое настроеніе обѣихъ его собесѣдницъ. Но онъ видѣлъ только одного себя и думалъ объ одномъ себѣ.

— Сынъ Палезо! вскричала госпожа Ліенордъ.—Э! Э! Клодъ,.. У васъ счастливая рука. Вы подцѣпили для своей воспитанницы отличнаго голубка... Ренэ—единственный сынъ, а нотаріусъ припасъ ему хорошенькое состояніе.

— Въ добрый часъ! въ свою очередь сказала Нанина, съ легкой иroніей.—Они подходящая пара!.. Деньги, лица и характеры у нихъ вполнѣ гармонируютъ другъ съ другомъ... Согласіе полнѣйшее! Поздравляю васъ, господинъ Вальбрюанъ!

— О! признался Клодъ.—Я тутъ почти не при чемъ... Голубки полюбили другъ друга и не спросили моего позволенія высказать это другъ другу...

— Какъ? съ лукавымъ выраженіемъ перебила его госпожа Ліенордъ.—Ваша воспитанница влюбилась въ этого красиваго юношу, и вы ничего не знали объ этомъ?... Скажите пожалуйста, какая притворщица! Я всегда подозрѣвала. Но она немного скрытна.

— Ваше *немного* оказывается слишкомъ много! не могла удержаться отъ замѣчанія язвительная Нанина... Итакъ, продолжала она, обращаясь къ печальному Вальбрюану, Джульета тайно любила Ромео, а вы и не подозрѣвали этого?... Право, все это произошло, какъ въ комедіяхъ.

— Что дѣлать? отвѣтилъ Клодъ, притворяясь веселымъ и беззаботнымъ.—Во всѣ времена воспитанницы обманывали своихъ попечителей... Тѣмъ не менѣе, мнѣ удалось открыть ихъ тайну. Такъ какъ тутъ дѣло шло о моей отвѣтственности, то я поспѣшилъ навѣстить нотаріуса. Мы переговорили съ нимъ, какъ хорошіе сосѣди,—и теперь дѣло устроено... Оба Палезо придутъ ко мнѣ сегодня же вечеромъ и сдѣлаютъ формальное продложеніе... Уфъ! Я очень доволенъ, что скоро избавлюсь отъ этой воспитанницы, которую я такъ неохотно принялъ къ себѣ и которая причинила мнѣ столько непріятностей!..

Когда Вальбрюанъ говорилъ это, его лицо омрачилось, а притворный смѣхъ закончился странной гримасой.

— Ваши заботы еще не кончились, мой бѣдный другъ, сказала тронутая Нанина, которую не обманула эта притворная веселость. Вамъ предстоитъ заняться приготовленіями къ свадьбѣ, а это вовсе не легкое дѣло... Мнѣ отъ всего сердца жаль васъ!

На этотъ разъ, Нанина говорила безъ всякой насмѣшки. Это видно было по той сердечности, которая звучала въ ея голосѣ.

— А когда назначена свадьба? съ любопытствомъ спросила вдова Ліенордъ.

— Какъ можно скорѣй! отвѣтилъ, прощаясь, Клодъ.—Такъ я заявилъ своей воспитанницѣ: я хочу, чтобы это дѣло велось быстро. Браки, какъ нѣкоторыя блюда, должны подаваться горячими... Я буду крайне нуждаться въ вашей помощи, мои дорогіе друзья, пока будетъ тянуться вся эта скучная исторія... Всѣ эти ослиныя мины влюбленныхъ раздражаютъ мнѣ нервы... Я совсѣмъ не способенъ на роли гувернера!

— Дорогой мой Клодъ! отвѣтила госпожа Ліенордъ, подымаясь со стула и дружески хлопнувъ Вальбрюана по плечу.— Не терзайтесь... Вы можете смѣло разсчитывать на насъ.

— Да, подтвердила Нанина, мы будемъ помогать вамъ, чѣмъ можемъ. Я полагаю, что Вивіана Женеврэ не будетъ не довольна этимъ теперь, когда она овладѣла мужемъ, о какомъ мечтала.

Вдова Ліенордъ быстро подошла къ ихъ другу дома, подняла на него свои влажные глаза и нѣжно пожала ему обѣ руки—и это горячее пожатіе немного утѣшило огорченнаго Вальбрюана.

Клодъ, сообразно высказанному имъ желанію, торопилъ насколько было возможно приготовленія къ свадьбѣ. Онъ спѣшилъ скорѣй кончить съ этимъ дѣломъ и внесъ лихорадочную дѣятельность въ исполненіе предварительныхъ формальностей, въ приведеніе въ порядокъ счетовъ для передачи ихъ въ обсужденіе брачнаго контракта. Но онъ никакъ не могъ передать своей энергіи Вивіанѣ. Послѣдняя желала имѣть рѣдкіе, изящные свадебные наряды. Она капризно измѣняла свой выборъ и портнихи просто теряли голову, исполняя инструкціи, которыя молодая дѣвушка безпрестанно измѣняла. Кромѣ того, молодой дѣвушкѣ нравилось тянуть пылкое ухаживаніе своего жениха. Страстно влюбленный Ренэ Палезо, теперь почти не выходилъ изъ дома Вальбрюана. Онъ являлся туда ежедневно, обѣдалъ и просиживалъ до поздняго времени. Это были чудные часы для обрученныхъ, но не для бѣднаго Клода, для котораго эти „ослиныя мины“ и этотъ постоянный обмѣнъ нѣжностей были истиннымъ мученіемъ. Вивіана наслаждалась маленькими глотками, точно какимъ-то дорогимъ ликеромъ, этими любовными ласками. По своему кокетству или недостатку такта и деликатности, молодая дѣвушка позволяла нетерпѣливому Ренэ вольности, крайне стѣснительныя для присутствующихъ, отъ которыхъ она одна не краснѣла. Можно было подумать, что ей доставляетъ удовольствіе мучить бѣднаго Вальбрюана. Иногда, не будучи въ силахъ вынести всего этого, Клодъ передавалъ свою роль наблюдателя дамамъ Ліенордъ, а самъ бѣжалъ въ лѣсъ успокоить свое сердце. Все это тянулось цѣлыхъ шесть ужасныхъ недѣль, въ теченіи которыхъ несчастный Вальбрюанъ, капля по каплѣ, выпивалъ это горькую чашу.

Наконецъ, въ чудный іюльскій день, колокола небольшой церкви въ Сенъ-Клэрѣ возвѣстили начало брачной церемоніи.

Наканунѣ, въ мэріи, былъ совершенъ гражданскій брачный актъ. Мэръ Пердизэ произнесъ при заключеніи договора запу-

танную рѣчь, которую заключилъ, сочно разцѣловавъ новобрачную въ обѣ щеки. Послѣ этого всѣ обѣдали у нотаріуса.

Въ десять часовъ, свадебный кортэжъ, посмотрѣть на который сбѣжалось все населеніе мѣстечка, торжественно продефилировалъ между бѣлыми колонами храма. Было рѣшено, что на бракосочетаніи будетъ присутствовать только самые близкіе люди. Вальбрюанъ, мужественно игравшій до конца свою роль отца, велъ подъ руку Вивіану, одѣтую въ атласное платье, съ фатой, прикрѣпленной къ головѣ гирляндой изъ яблоновыхъ цвѣтовъ. Красавецъ Ренэ съ тщеславной улыбкой велъ подъ руку жену нотаріуса, предоставляя толпѣ любоваться своимъ матовымъ цвѣтомъ лица, миндалевидными глазами и черной бородой ассирійскаго бога. Нанина, единственная подруга невѣсты, была одѣта въ простенькое бѣлое шелковое платье. Ее велъ какой-то товарищъ по школѣ жениха—человѣкъ совершенно незначительный. Шествіе заключалъ жизнерадостный нотаріусъ съ госпожей Ліенордъ. Вѣнчальвый обрядъ былъ совершенъ со всей помпой, какую позволяли скромныя средства деревенскаго прихода. Послѣ вѣнчанія всѣ отправились въ домъ Вальбрюана, гдѣ Катеринетта, разукрашенная цвѣтами, при содѣйствіи трехъ помощницъ, выбивалась изъ силъ, чтобы подать кушанья, достойныя такого торжества.

Такъ какъ новобрачные въ тотъ же день уѣзжали въ Швейцарію, завтракъ длился не очень долго. За дессертомъ было произнесено много тостовъ и сказано масса комплиментовъ, обильно политыхъ старымъ Бургундскимъ виномъ. Затѣмъ, Вивіана и Ренэ ушли переодѣться. Часъ спустя, наемное ландо, которое должно было отвезти ихъ въ Исъ-сюръ-Тиль, стояло у дверей дома Вальбрюана.

Новыя пожеланія счастья, новыя шумныя объятія. Новобрачная, при помощи Ренэ, сѣла въ экипажъ; мужъ занялъ мѣсто рядомъ съ ней. Раздались послѣднія пожеланія добраго пути; въ воздухѣ замелькали платки. Ландо быстро покатилось по дорогѣ въ Реси. Мало по малу, группа свадебныхъ гостей разошлась по домамъ, и Вальбрюанъ, подавленный душой и тѣломъ, медленно вернулся къ себѣ.

Войдя въ свою комнату, Клодъ яростно сбросилъ съ себя свой праздничный костюмъ, сорвалъ съ шеи бѣлый галстухъ и, въ одной рубашкѣ, со сжатыми висками и съ шумомъ въ головѣ, опустился въ кресло у открытаго окна. Ландо, увозившее Вивіану, было уже далеко, но въ ушахъ Вальбрюана еще раздавался звонъ бубенчиковъ, которыми были украшены лошади. Передъ глазами Клода еще стояла стройная фигура его воспитанницы, закутанная отъ пыли въ плащъ, съ закрытымъ газовой вуалью лицомъ, сквозь которую сверкали вѣроломные, изумрудные глаза. Онъ видѣлъ еще ее, покраснѣвшую отъ нетерпѣнія, видѣлъ какъ съ раздраженнымъ видомъ она прощалась со всѣми, стѣснявшими ее, которые столпились по обѣ стороны экипажа... Теперь, они должны были уже проѣхать первую деревню... Клодъ

представлялъ ее себѣ, прижавшеюся къ плечу торжествующаго Палезо... Съ правой и лѣвой стороны пыльной дороги мимо нихъ быстро пробѣгали опушки лѣса... Она была уже далеко, и коридоры, гдѣ еще вчера раздавался взрывъ ея смѣха, гостинная, гдѣ она столько разъ играла вальсы и романсы, чтобы очаровать своего наивнаго попечителя, садъ, гдѣ она флиртировала съ Ренэ и орѣховая роща, гдѣ она назначала ему свиданія — все сдѣлалось мрачнымъ и пустымъ.

Вальбрюанъ смутно слышалъ звонъ посуды и серебра, стукъ переставляемой мебели и ворчливый голосъ Катеринетты, бранившей своихъ помощниковъ, которые убирали столъ послѣ завтрака.

Воздухъ былъ тяжелъ; жара становилась удушливой. Солнце скрылось за густыми тучами, и садъ погрузился въ полумракъ. При своемъ подавленномъ состояніи, Клодъ желалъ, чтобы разразилась гроза и чтобы ливень залилъ дороги и омылъ всякое воспоминаніе объ этомъ торжествѣ, во время котораго онъ такъ жестоко страдалъ.

День склонялся къ вечеру. Темныя тучи заволокли горизонтъ; вдали слышались глухіе раскаты грома. Вальбрюанъ неподвижно сидѣлъ въ своемъ креслѣ, весь поглощенный своимъ горемъ.

Вдругъ въ коридорѣ послышались легкіе шаги, и кто-то робко постучался въ дверь кабинета.

— Войдите! проворчалъ Клодъ, точно въ полуснѣ.

Дверь открылась. При блѣдномъ свѣтѣ спустившихся сумерекъ, Клодъ разглядѣлъ вдову Ліенордъ и Нанину. Обѣ женщины то же переодѣлись, и были теперь въ своихъ обыкновенныхъ костюмахъ.

— Какъ? Это вы? пробормоталъ Клодъ.

— Да, это мы, мой другъ! отвѣтила вдова—мы подумали, что вамъ должно быть очень скучно въ вашемъ опустѣвшемъ домѣ...

— Надвигается гроза, сказала Нанина, а это вовсе не способствуетъ хорошему расположенію духа... Тогда мы съ мамой рѣшили, что нехорошо оставлять васъ одного въ такой мрачный вечеръ... И вотъ, мы пришли просить васъ отужинать съ нами.

Клодъ всталъ и покачалъ головой, онъ былъ очень тронутъ.

— Благодарю васъ! пробормоталъ онъ. — Какъ и всегда, вы оказываетесь прекрасными друзьями, но я не голоденъ и былъ бы для васъ отвратительнымъ собесѣдникомъ. Поэтому, я предпочитаю сидѣть въ своей комнатѣ.

— Клодъ, дорогой мой, вы поступаете глупо... Уединеніе теперь вамъ вредно, участливо возразила госпожа Ліенордъ.

Этотъ сочувствующій тонъ только усилилъ угрюмое настроеніе духа Клода Вальбрюана.

— Нѣтъ! сказалъ онъ. — Не настаивайте... Вы знаете, что я дикарь... Послѣ недавняго шума, мнѣ необходимо отдохнуть и прожить нѣсколько времени въ моей дырѣ, какъ сова!

— Это ваше послѣднее слово? спросила вдова. — Въ такомъ случаѣ, я васъ поцѣлую и пожелаю вамъ спокойной ночи.

Она взяла его за руки, и горячо, съ волненіемъ поцѣловала. Это волненіе, безъ сомнѣнія было заразительно, такъ какъ въ ту минуту когда вдова уже вышла за дверь, Нанина—быстро и не отдавая себѣ отчета, какому побужденію она повинуется—положила руки на плечи Вальбрюана и поцѣловала его въ обѣ щеки. Затѣмъ, сконфуженная, она поспѣшно присоединилась къ матери—и обѣ онѣ исчезли въ коридорѣ...

Оставшись одинъ въ полутемной комнатѣ, Клодъ почувствовалъ себя глубоко взволнованнымъ такимъ неожиданнымъ проявленіемъ нѣжности. Онъ снова задумчиво опустился въ свое кресло, но былъ уже гораздо покойнѣй. Этотъ поцѣлуй, какъ таинственный бальзамъ, благотворно подѣйствовалъ на его раны. Нервное напряженіе его упало, и глаза его увлажнились слезами.

XIII

Снова настала осень. Былъ конецъ сентября, и Клодъ Вальбрюанъ, какъ и прежде, сопровождаемый своей собакой Пондорой, бродилъ со своими думами по чащѣ Монтавуара. Лѣса уже принимали богатую осеннюю окраску. Дикія грушевыя и вишневыя деревья уже краснѣли на лѣсосѣкѣ; виднѣлись буки, отягченные орѣхами и уже принявшіе желтый и темнобурый оттѣнокъ; съ пожелтѣвшихъ деревьевъ осыпались листья. Одни только дубы сохраняли еще свою темную зелень. Вдоль залитой солнцемъ просѣки всюду въ изобиліи виднѣлись лѣсные фрукты и ягоды.

Подъ лѣсомъ пронесся еще одинъ годъ, нисколько не повредивъ его красотѣ и плодоносной силѣ.

Не такъ было съ Клодомъ Вальбрюаномъ. Разочарованія послѣдней весны оставили слѣды на его лбу, обвели глаза кругами и усѣяли его волосы и бороду серебрянными нитями. Его характеръ тоже пострадалъ отъ перенесеннаго имъ испытанія. Походка его была еще тверда и глазъ вѣренъ, но мясистыя губы его теперь улыбались только крайне рѣдко. Его чудную немного эгоистичную беззаботность смѣнило мрачное безпокойство. По правдѣ сказать, онъ уже больше не страдалъ отъ своей безумной страсти къ Вивіанѣ. Рана, зіявшая въ минуту отъѣзда молодой госпожи Палезо, затянулась. Но отъ удара, нанесеннаго ему его воспитанницей, у него осталось горькое воспоминаніе и чувство недовѣрія вообще ко всему женскому полу. Клодъ сдѣлался менѣе общителенъ. Хотя одиночество ему было очень тяжело, тѣмъ не менѣе ему были противны сношенія съ сосѣдями. Даже семейство Ліенордовъ жаловалось, что онъ крайне рѣдко бываетъ у нихъ.

Тѣмъ не менѣе, Клодъ не замкнулся въ мизантропическую злопамятность. Напротивъ, онъ очень часто, съ глубокой благо-

дарностью думалъ о Ліенордахъ. Клодъ отдавалъ полную справедливость снисходительной заботливости вдовы и нѣжно восхищался Наниной. Тѣмъ не менѣе, когда онъ бывалъ у своихъ старыхъ друзей, онъ чувствовалъ себя неловко, точно его преслѣдовали тягостныя предчувствія. Въ обращеніи съ ними, у него уже не было того прежняго экспансивнаго довѣрія, которое иногда придавало столько очарованія ихъ дружбѣ. Можно было подумать, что Клодъ постоянно боялся, что онѣ заговорятъ о Вивіанѣ или напомнятъ объ его глупомъ безуміи. Но въ этомъ онъ жестоко ошибался, такъ какъ обѣ Ліенордъ тщательно избѣгали малѣйшаго натиска на вѣроломную и обольстительную воспитанницу. Онѣ не говорили ни слова ни о возвращеніи новобрачныхъ, ни объ ихъ кратковременномъ пребываніи въ Сенъ-Клэрѣ, ни объ ихъ недавнемъ переѣздѣ на жительство въ Парижъ. Но Клодъ зналъ всѣ подробности отъ Катеринетты и страдалъ отъ самого молчанія своихъ друзей. Ихъ сдержанность онъ истолковывалъ, какъ знакъ неодобренія и молчаливаго осужденія съ ихъ стороны. Поэтому, изъ гордости или изъ ложнаго стыда, онъ укорачивалъ свои визиты по мѣрѣ того, какъ визиты эти становились рѣже. Какъ ни пріятно было ему бывать въ ихъ обществѣ, онъ постоянно жаловался на желудокъ и упорно отказывался отъ приглашеній на обѣдъ.

Лишая себя пріятнаго общества Ліенордовъ и, съ другой стороны, страшно скучая у себя дома, Клодъ долгіе часы проводилъ въ лѣсу. Только тамъ находилъ онъ убѣжище и относительный покой; только тамъ могъ онъ дать свободу своему дурному расположенію духа, своей меланхоліи и противорѣчивымъ мыслямъ, мучившимъ его. Осеннее великолѣпіе лѣса успокаивало его. Шелковистый шелестъ падающихъ листьевъ убаюкивалъ и усыплялъ его сожалѣнія. Косые лучи заходящаго солнца, заливая огнемъ кусты лѣса, снова зажигали въ его душѣ бѣглый свѣтъ надежды.

Въ этотъ сентябрьскій вечеръ, Клодъ машинально отдавался своей любви къ собиранію грибовъ. Наполнивъ ягташъ грибами, онъ ускореннымъ шагомъ вышелъ на опушку, откуда видны были Сенъ-Клэръ и заливные луга Оботты. Идя свѣже-скошенными лугами, Клодъ смотрѣлъ въ даль на освѣщенные краснымъ свѣтомъ заходящаго солнца синеватые дымки, вьющіеся надъ трубами мѣстечка. При видѣ этихъ спиралей дыма, Вальбрюанъ представлялъ себѣ пылающій огонь, въ которыхъ хозяйки готовили ужинъ своимъ мужьямъ. Онъ представлялъ себѣ семью крестьянъ, сидѣвшую вокругъ стола. Въ эту минуту, Клодъ съ досадой увидѣлъ, что онъ, самъ того не замѣчая, сократилъ путь, отдѣлявшій его отъ его дома, и что приближается минута, когда онъ будетъ одиноко сидѣть въ своей угрюмой столовой. По безсознательной ассоціаціи идей, Вальбрюанъ внезапно вспомнилъ, что въ прошломъ году, въ такое же время, выходя изъ этого лѣса Монтавуара, подобное же чувство мрачнаго одиночества направило его къ дому Ліенордовъ, гдѣ радушный пріемъ

облегчилъ его душу. Вдыхая полными легкими пріятный аромать скошеннаго сѣна, онъ, подъ вліяніемъ магическихъ воспоминаній, придя къ перекрестку на улицѣ Фермеровъ, вмѣсто того, чтобы идти прямо къ себѣ, разсѣянно спустился къ аллеѣ „между двухъ водъ“ и черезъ пять минутъ очутился въ Аббатской улицѣ...

Клодъ, какъ во снѣ, позвонилъ у двери дома Ліенордовъ. Выбѣжавшая на звонокъ служанка проводила его въ комнату, которая служила, въ одно и тоже время, и гостинною и столовою. Вдова ушла въ часовню. Въ комнатѣ, пропитанной вкуснымъ ароматомъ спѣлыхъ фруктовъ, Нанина, взобравшись на скамейку, укладывала ронеты на полки высокаго орѣховаго буфета. При шумѣ открывшейся двери, она повернула голову и узнала Клода.

Нанина приняла его съ худо скрытой радостью. Опершись рукой на карнизъ буфета, она привѣтливо сказала:

— Добрый вечеръ, господинъ Вальбрюанъ!.. Вотъ пріятный сюрпризъ...

— Простите, если я побезпокоилъ васъ, робко проборматалъ Клодъ.—Гуляя сейчасъ въ Монтавуарѣ, я случайно попалъ на грибное мѣсто... Вспомнивъ, что вы очень любите грибы, я набралъ ихъ и принесъ вамъ.

— Вы нисколько не помѣшали мнѣ: я уже кончила свое дѣло, возразила Нанина, соскакивая со скамейки.—Напротивъ, я очень рада что осталась дома, и глубоко благодарна грибамъ за то, что они снова привели васъ къ намъ... Лучше поздно, чѣмъ никогда!

Пока Клодъ выгружалъ свой яхташъ на столъ, Нанина достала изъ буфета блюдо и стала укладывать на него грибы.

— Какъ они хорошо пахнутъ! вскричала она, наклоняясь къ блюду и съ лакомымъ видомъ нюхая грибы. Стоитъ только понюхать ихъ, какъ у васъ является аппетитъ... Я сейчасъ же очищу ихъ, но только съ тѣмъ условіемъ, что вы остаетесь у насъ ужинать, и мы вмѣстѣ попробуемъ ихъ.

— Извините меня, смущенно пробормоталъ Клодъ, закидывая на спину пустой яхташъ.—Я долженъ вернуться домой, гдѣ меня ждетъ Катеринетта... Къ тому же, я очень усталъ и хочу поскорѣй снять высокіе сапоги...

Свѣжее лицо Нанины сразу омрачилось.

— Ахъ! вздрогнула она. Затѣмъ, она нервнымъ движеніемъ схватила стулъ и съ рѣшительнымъ видомъ поставила его передъ Клодомъ.

— Катеринета подождетъ! сказала она.—Садитесь, господинъ Вальбрюанъ, и отдыхайте! Вы должны объяснить мнѣ, почему ваши посѣщенія сдѣлались такъ рѣдки и почему вы, повидимому, избѣгаете насъ?

— Избѣгаю васъ? запротестовалъ Клодъ.—Что за мысль, мое дорогое дитя!

— Это не мысль только, а фактъ! порывисто отвѣтила На-

нина.—Вы только черезъ долгіе промежутки времени являетесь навѣстить насъ и, когда вы случайно заходите къ намъ, вы бываете точно на иголкахъ. Вамъ не сидится на мѣстѣ и вы торопитесь уйти отъ насъ... Все это очень странно. Но такъ какъ мы вамъ не сдѣлали ничего худого, мы имѣемъ право удивляться и спросить васъ почему?...

Нанина сѣла противъ Вальбрюана и устремила на него свой опечаленный и вопросительный взглядъ.

— Почему? повторилъ Клодъ, все болѣе и болѣе смущаясь.—Ну, хорошо! Разъ вы такъ настойчиво требуете этого, я скажу вамъ!.. Прежде, началъ объяснять онъ, видимо, подыскивая слова, я находилъ вполнѣ естественнымъ подолгу просиживать у васъ... Мнѣ это доставляло большое удовольствіе... Но извѣстныя недавнія событія заставили меня поступать обдуманнѣй... Я узналъ что въ этомъ мірѣ нужно жертвовать своими личными удовольствіями ради интересовъ своихъ друзей и что... мужчина, часто посѣщающій домъ, гдѣ есть молодая дѣвушка, не съумѣетъ выказать себя достаточно осмотрительнымъ...

— Въ томъ, что вы разсказываете мнѣ, сударь, нѣтъ ни капли здраваго смысла...

— Не заблуждайтесь! возразилъ Клодъ.—Въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ, какъ Сенъ-Клэръ, общество не очень-то снисходительно и охотно смѣется надъ своими ближними... Я кое-что знаю на этотъ счетъ... Развѣ не увѣряли эту зиму, что я влюбленъ въ свою воспитанницу?

— Гмъ! вставила Нанина.—Признайтесь, что, было не безъ этого!

— Нѣтъ, чортъ возьми! вскричалъ Вальбрюанъ, но его протестъ страдалъ отсутствіемъ твердости, и онъ сильно покраснѣлъ, высказывая его.—Наконецъ, продолжалъ онъ, людямъ нельзя запретить болтать. Достаточно того, что наши сплетницы обвинили меня въ такой глупости. Я не могу, дорогая Нанина, подвергать васъ злымъ пересудамъ дураковъ.

— Во первыхъ, вскричала Нанина, здѣсь нѣтъ ни малѣйшей аналогіи... Вивіана Женаврэ была молода, красива и очень обольстительна... Я же—старая дѣва и, къ тому же, я никогда не обладала ни кокетствомъ, ни привлекательной красотой вашей воспитанницы...

— Полно! Вы клевещете на себя, съ жаромъ объявилъ Клодъ Вальбрюанъ.—Что за дѣло до того, что вамъ двадцать семь или двадцать восемь лѣтъ; вы молоды умомъ и наружностью, вы обладаете качествами, которыя дополняютъ красоту и даже превосходятъ ее: добротой, естественностью, искренностью... Никогда вы не могли бы быть очаровательнѣй!

— Ба! Я осталась такою же, какой была до пріѣзда Вивіаны, въ то время вы бывали у насъ, не стѣсняясь такими странными угрызеніями совѣсти.

— Въ то время, со вздохомъ признался Клодъ, я не такъ хорошо зналъ васъ. Я былъ полнѣйшимъ эгоистомъ и не умѣлъ цѣнить васъ, какъ вы того заслуживаете...

— А теперь? лукаво спросила Нанина.

— Теперь, отвѣтилъ Клодъ съ меланхоличной важностью, я сдѣлался болѣе ясновидящимъ и менѣе эгоистичнымъ... Я научился лучше познавать самого себя и рѣшилъ исправить свои недостатки...

Клодъ говорилъ съ сдержаннымъ волненіемъ. Угасающій день дѣлалъ его экспансивнѣй, и онъ продолжалъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Да, у меня сложилось убѣжденіе, что если теперь я буду часто васъ видѣть, я полюблю васъ больше, чѣмъ слѣдуетъ... Я убѣжденъ, что и сейчасъ я люблю васъ слишкомъ сильно... А такъ какъ, я считаю себя недостойнымъ васъ, то не хочу снова оказаться старымъ, смѣшнымъ дуракомъ...

— Знаете, вѣдь, это настоящее объясненіе въ любви? перебила его Нанина, стараясь принять шутливый тонъ.

Она облокотилась на столъ и закрыла лицо руками, чтобы скрыть свое волненіе и внезапное смущеніе, вызвавшее на ея щекахъ яркій румянецъ. Послѣ минутнаго молчанія, она продолжала:

— И что же?.. Вы, дѣйствительно, любите меня?

— Я васъ глубоко люблю... Гораздо серьезнѣй, чѣмъ считалъ себя на это способнымъ.

— И съ какихъ поръ? спросила она, причемъ ея голубые зрачки блестѣли въ темнотѣ.—Съ какихъ поръ вы полюбили бѣдную дѣвушку, уже зрѣлыхъ лѣтъ и безъ всякаго приданнаго?

— Съ этого лѣта, смиренно признался Клодъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ съ моихъ глазъ спала повязка, и я увидѣлъ васъ такой доброй и нѣжно снисходительной ко мнѣ такому глупому... Я рѣшилъ что вы никогда не узнаете этого. Вотъ почему я избѣгалъ васъ и запирался въ своей дырѣ... Вы не знали бы этого, Нанина, если бы ваши вопросы не вырвали у меня этого неумѣстнаго признанія... Простите меня!..

Не твердый голосъ Клода, дрожа, раздовался въ тишинѣ темной комнатѣ и уснувшаго сада.

— Съ этого лѣта? повторила Нанина, которой все увеличивающаяся темнота то же придавала смѣлости.

Быстрымъ движеніемъ, она протянула черезъ столъ Клоду свои руки.

— Ну, мой другъ! сказала она—Вы опоздали. Я уже цѣлые годы люблю васъ, а вы ничего не замѣчали...

— Нанина! Какъ вы очаровательны! вскричалъ Клодъ, схватывая протянутыя ему руки и горячо цѣлуя ихъ.

Въ это время въ комнату вошла вдова Ліенордъ, и они больше ничего не сказали другъ другу... Но, въ этотъ вечеръ, Клодъ не заставлялъ просить себя остаться... И ужиналъ вмѣстѣ съ госпожей Ліенордъ и Наниной.

КОНЕЦЪ.